

П. МАНТУ

ПРОМЫШЛЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
XVIII СТОЛЕТИЯ
В АНГЛИИ

3443

СОЮЗКНИЗ 1937

П. МАНТУ
(MANTOUX)

ПРОМЫШЛЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
XVIII СТОЛЕТИЯ
В АНГЛИИ

(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

7

государственное
социально-экономическое издательство.

МОСКВА 1937

Учреждение образования
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машэрава»
НАУКОВАЯ БІБЛІОТЕКА

551007

Настоящее второе издание книги П. Манту «Промышленная революция XVIII столетия в Англии», перевод со второго французского издания 1906 г., вновь сверено с оригиналом и исправлено. В книге восстановлена выпущенная в первом издании обстоятельная библиография.

В книге Манту приводится огромный конкретный материал по экономической истории Англии XVI, XVII и XVIII вв. и дается картина промышленного переворота.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Первое русское издание книги П. Манту¹ давно уже разошлось. Книга представляет безусловный интерес для советского читателя. Изучение общественных укладов в их историческом развитии требует знания фактов. Книга Манту содержит большой фактический материал, представляя собой опыт исследования возникновения и первых шагов современной английской крупной промышленности, и в этом отношении является довольно ценным вкладом в историю возникновения промышленного капитализма.

Издательство сверило и исправило перевод книги, восстановило выпущенную в первом издании обстоятельную библиографию исследуемых вопросов и многочисленные подстрочные примечания к тексту.

Ценность работы Манту не в теоретической ее части. Хотя автор знаком с «Капиталом» Маркса и даже цитирует его в своей книге, но самого важного—методологии Маркса—он не только не усвоил, но даже не понял, в чем она заключается. Так, на стр. 289, говоря о влиянии промышленной революции на современное общество, Манту пишет, «...чтобы признать этот факт, нет необходимости принимать без оговорок гипотезу исторического материализма».

Манту как типичный буржуазный экономист не понял огромного значения исторического материализма, дающего единственно научный подход к общественным явлениям.

В другом месте, приводя цитату из «Капитала», разоблачающую позицию Эдена, требовавшего общего парламентского акта об огораживании общинных земель, о котором Маркс говорит, что «Сэр Ф. М. Eden, изображающий общинную собственность как частную собственность крупных землевладельцев, заступивших место феодалов, сам опровергает свою хитро построенную адвокатскую речь...»², Манту заявляет, что «Маркс заблуждается» и дальше Манту это свое положение аргументирует: «Во-первых, общий акт об огораживании отнюдь не имел своим назначением санкционировать раздел общинных угодий, а лишь ввести единообразие в его процедуру; во-вторых, выдача кому-либо известной суммы в возмещение за основанное на обычае пользование не подразумевает признания за ним права в собственном смысле слова»³. Соображения Манту в за-

¹ Перевод с французского, Госиздат, 1925.

² Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 622.

³ Манту, Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 134.

щиту Эдена неверны, так как, во-первых, вводя единообразие процедуры, общий парламентский акт об огораживании тем самым по существу санкционировал на будущее время раздел общинных угодий и притом огульно, а не по отношению к отдельным только случаям; во-вторых, в Англии, как в стране, где обычное право играло в те времена гораздо более значительную роль, чем право писанное, всякое «основанное на обычае пользования» было подлинным правом, и из нарушения его вытекало обязательное, а не добровольное «возмещение ущерба» (сообщаемые Манту здесь же данные об отдельных парламентских актах подтверждают, что сам парламент так именно и смотрел на дело). Как видим заблуждается Манту.

Маркс показал лживость утверждений Эдена и вскрыл классовую сущность его позиции: «Сэр Ф. Eden, человек торийского направления и к тому же «филантроп», дает нам между прочим образчик того стоического спокойствия духа, с которым экономисты рассматривают самые наглые нарушения «священного права собственности» и самые грубые насилия над личностью, раз они требуются для того, чтобы заложить основы капиталистического способа производства»¹.

Верный своему эклектическому мировоззрению, Манту рассматривает все сообщаемые им факты «с технической, экономической и социальной точек зрения» (Манту), поэтому у него нет единства исторического движения, и сообщаемые им факты остаются в значительной степени разрозненными, а выводы из этих фактов, хочет того Манту или нет, принимают здесь определенно характер апологетики капитализма. Так, у Манту нет ответа на вопрос о возникновении промышленного капитала. Не понимая сущности и смены общественных формаций, он ищет капиталистических отношений в глубокой древности. «Только по странному незнакомству с историей можно в промышленной революции отыскивать начало капитализма. Начало это отодвигается от нас все дальше в глубь времен, по мере того как мы изучаем его больше: быть может, оно так же старо, как торговля и монета или как различие между богатыми и бедными»².

Манту не отличает докапиталистических форм эксплуатации от капиталистической. В самой истории капитализма Манту не умеет проследить стадий капиталистического развития промышленности, и поэтому простая кооперация, мануфактура и фабрика не оказываются ни надлежащим образом разграниченными, ни надлежаще увязанными между собой.

Образование первых капиталов и появление капиталистов изложено им в духе буржуазной легенды, разбитой Марксом в 24 главе первого тома Капитала. «Возникновение известного явления объясняют, — пишет Маркс, — рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности. В незапамятные времена существовала, с одной стороны, кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранников и, с другой стороны, масса лентяев, оборванцев, прокучивающих все, что у них было,

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. 625.

² Манту, Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 311.

и даже больше того. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры... Такие нелепые детские побасенки все еще пережевываются снова и снова... Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития. Как известно, в действительной истории крупнейшую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие»¹. Деньги и товар, говорит Маркс, как и средства существования и средства производства сами не являются капиталом. Они становятся капиталом только при определенных исторических условиях. И дальше Маркс излагает кровавую историю первоначального накопления.

По Манту же, в появлении первых капиталистов господствует закон «жесточкого отбора, который оставляет в живых только наиболее приспособленных». Он подчеркивает изобретательность капиталиста и его умение эксплуатировать чужие изобретения. Не раскрывая особенностей эпохи первоначального накопления, хотя он приводит кровавые факты этого периода, Манту по существу не дает ответа на вопрос, откуда же взялись первые промышленные капиталисты.

Манту говорит о техническом прогрессе при капитализме и в особенности о роли в этом отдельных капиталистов — «капитанов промышленности». Рисуя капиталиста, как эксплуататора и организатора, он выпячивает в капиталисте организатора, а эксплуатация смазывается, превращаясь в нечто привходящее и необязательное. Поскольку Манту все же не может обойти молчанием классовой борьбы и страданий пролетариата, он говорит о них, как типичный мелкий буржуа, сочувствующий горькой доле трудящихся, но совершенно не ставящий вопроса о причинах этой горькой доли и о революционных средствах уничтожения ее.

Автор пересмотрел огромный конкретный материал по экономической истории Англии в XVI, XVII и особенно в XVIII столетии: официальные документы, книги и брошюры, рукописи, архивные отчеты и переписку, статистику, краеведческие описания, воспоминания современников и проч. Из этого разнообразного материала автор отобрал и привел в своей книге, систематизировав их в хронологическом и тематическом порядке, многочисленные факты, интерес которых бесспорен, и которые способны сказать читателю, вооруженному мировоззрением и методом диалектического материализма, гораздо больше того, что сказали собравшему их автору. Если бы Манту не смотрел на эти факты глазами эклектика, он увидел бы, что они сплошь и рядом не вяжутся с его освещением их, что они опровергают ряд его утверждений.

Изучение промышленной революции в Англии имеет большое значение для понимания хода капиталистического развития. Свою работу «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс начинает следующими словами: «История рабочего класса в Англии начинается

¹ Маркс, Капитал, т. I, 1936, стр. 612—613.

во второй половине XVIII столетия с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения дали, как известно, толчок промышленной революции, — революции, которая произвела полный переворот в буржуазном обществе и историческое значение которой начинает выясняться лишь в настоящее время. Англия есть классическая страна этого переворота, тем более мощного, чем бесшумнее он совершался, и поэтому Англия является также классической страной развития его главного результата — пролетариата...

Мы пока не будем здесь останавливаться на истории этой революции, на ее огромном значении для настоящего и будущего»¹.

По Марксу [Капитал, т. I, и Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII)], история возникновения и развития промышленного капитализма охватывает следующие этапы: первоначальное накопление капитала, простую капиталистическую кооперацию и мануфактуру, как две последовательных фазы развития и «формального» подчинения труда капиталу (с возникновением и развитием — особенно во второй из них — зародышей «реального» подчинения труда капиталу) и крупное машинное производство, как фазу развития «реального» подчинения труда капиталу (с одновременным сохранением «формального»).

Формальное подчинение труда капиталу осуществляется подчинением капиталисту процессов труда, когда рабочий поступает под команду, руководство и верховный контроль капиталиста, следящего, чтобы рабочий непрерывно работал и работал возможно дальше за пределы необходимого для воспроизводства зарплаты рабочего времени. По сравнению с рабовладельческой и феодальной эксплуатацией капиталистическая эксплуатация представляет «...лишь формальный метаморфоз... в одном случае прибавочный труд отнимается прямым принуждением, а в другом в качестве посредствующего звена является «добровольная» продажа рабочей силы»².

Технической основой капиталистического способа производства на стадии формального подчинения труда капиталу является наличный процесс труда, существовавший до этого подчинения его капиталу, т. е. исключительно или почти исключительно ручной труд. Однако, «то, чем отличается с самого начала процесс труда, еще только формально подчиненный капиталу, и благодаря чему он все более и более отличается, даже на базисе старого традиционного способа производства, это — масштаб, в котором он выполняется... капиталист применяет по меньшей мере столько рабочих, чтобы... он сам был освобожден от непосредственного труда и работал лишь как капиталист...»³

Даже мануфактура, второй этап развития капиталистического производства, характеризуемая в основном еще формальным подчинением труда капиталу, «как экономический кунштштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 301.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. 423.

³ Архив Маркса и Энгельса т. II (VII), стр. 95.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1936 г., стр. 299.

В дальнейшем ходе развития капиталистического способа производства на основе все возрастающего масштаба применения труда капиталом с превращением капиталистического производства в крупное машинное производство возникает и развивается *реальное подчинение труда капиталу*. Машинны, вытесняя ручной труд и—особенно—ремесленное искусство, сокращают сроки обучения рабочих, облегчают переход рабочих от одних трудовых функций к другим, устраняют препятствия к широкому внедрению в производство женского и детского труда, устраняют преграды господству капитала.

Проследив ход капиталистического развития, Маркс показывает историческую тенденцию этого развития, которая приводит к экспроприации эксплоататоров. Маркс из изучения хода капиталистического производства делает вывод о неизбежности социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Ценность работы Манту заключается в том, что, вопреки его теоретической беспомощности, собранные и приведенные им многочисленные и интересные факты служат прекрасной иллюстрацией положений Маркса и Ленина о стадиях развития капиталистического производства. Но эти факты приобретают полную ясность лишь в свете учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

ВВЕДЕНИЕ

Современная крупная промышленность родилась в Англии в последней трети XVIII в. С самого же начала подъем ее был настолько стремителен и сопровождался такими серьезными последствиями, что позднейшие исследователи могли сравнить его с революцией¹; многие политические революции имели, наверное, менее глубокий характер. В настоящее время крупная промышленность окружает нас со всех сторон; ее название не нуждается, как будто, в определении, до такой степени нам знакомы и настолько яркие образы, вызываемые им в нашем уме: эти мощные здания заводов, возвышающиеся на окраинах наших городов; эти высокие дымящиеся трубы и вырывающееся из них по ночам пламя; этот постоянный стук машин; эти улицы, кишящие озабоченными толпами рабочих. Но как быстро ни совершалась на первый взгляд промышленная революция, она была связана с отдаленными причинами. С другой стороны, она должна была повлечь за собой результаты, о которых даже теперь, когда прошло более столетия, нельзя сказать, что они представляют собою законченный цикл развития. Характерные особенности крупной индустрии проявились не сразу, и, чтобы легче открыть их присутствие в ее неясных начальных стадиях, мы начнем с описания их в том виде, в каком они представляются нашим глазам теперь.

I

Производство товаров или, пространнее выражаясь, тех необходимых для потребления предметов, которые не доставляются нам прямо природой, есть цель всякой промышленности. Следовательно, под крупной промышленностью надо разуметь, прежде всего, определенную организацию, определенный строй производства. Однако действия ее распространяются также на весь экономический строй, а следовательно и на весь социальный строй, в котором главенствуют условия роста и распределения богатств.

Крупная промышленность концентрирует и умножает средства производства с целью ускорить и увеличить продукцию. Она применяет машины, выполняющие с непогрешимой точностью и изумительной быстротой самые сложные и трудные работы. Чтобы

¹ Первым употребил это слово, по нашему мнению, Арнольд Тойнби, работа которого прерванная его преждевременной смертью, была опубликована в 1884 г. под заглавием: «Лекции по промышленной революции в Англии».

привести машины в движение, она вместо мускульной силы, с ее ограниченными и неравными ресурсами, пускает в ход неодушевленные двигательные силы: силы природы (ветер, текучую воду) или силы искусственные (пар, электричество), — те и другие, послушные воле человека, подобно всякой косной материи, регулярные, неутомимые, допускающие произвольное и безграничное увеличение. Для управления работой машин крупная промышленность собирает в большом количестве рабочих — мужчин, женщин и детей, возлагает на них специальные задачи, обращает их в колеса среди других колес. Все более усложняющееся оборудование, все более многочисленный и организованный персонал образуют крупные предприятия, настоящие промышленные государства; и как скрытая пружина этой колоссальной деятельности, как причина и цель, — позади всего этого развертывания человеческого труда и механических сил движется капитал, влекомый собственным законом, законом прибыли, который побуждает его безостановочно производить, чтобы безостановочно расти.

Характерным монументом, содержащим в своих стенах материальные элементы современного производства и выражающим в видимых глазу формах самый принцип последнего, является фабрика, — фабрика с ее обширными мастерскими, через которые проходят передаточные ремни и провода, распределители силы; с ее мощным и тонким механическим оборудованием, которое наполняет ее своим движением; с торопливым трудом ее дисциплинированного населения, как бы увлекаемого быстрым ритмом машин. Все это стремится лишь к одной цели: производить товары, производить их возможно скорее и в неограниченном количестве. Здесь — это развертывающиеся пред вашими глазами непрерывные полотнища тканей, нагромождающихся в огромные колонны цилиндрических тюков; там — это сталь, кипящая в гигантских ретортах и разбрасывающая вокруг себя ослепительные снопы искр. Безостановочное производство становится законом всех предприятий, — разве только для ограничения его состоится формальное соглашение; предоставленное всецело самому себе, оно продолжает идти до излишества, до разорительного перепроизводства, — парадоксальный результат инстинктивной тенденции капитала, который доходит на этом пути до саморазрушения.

Все эти массы произведенных товаров надо продать; продажа, реализующая прибыль, есть конечная цель всякого промышленного производства. Могучий толчок, который крупная промышленность сообщает производству, тотчас же передается обращению продукции. Масса выброшенных на рынок вещей понижает цены, а пониженные цены увеличивают спрос и умножают количество сделок. Конкуренция обостряется, и так как прогресс транспорта открывает перед ней все более обширное поприще, то вокруг ее влияния втягиваются не только отдельные личности, но и целые области и нации, более чем когда-либо увлеченные преследованием своих материальных интересов. Разражаются экономические конфликты и войны: победителем остается тот, кому удастся, вопреки усилиям соперников, расширить свое поле действия и непрерывно находить

все новые и новые рынки. Честолюбие производителей делает их отважными: самые отдаленные страны, едва исследованные континенты становятся их добычей. Весь земной шар представляет собою стныне один громадный рынок, который крупная промышленность всех стран оспаривает друг у друга, словно поле битвы.

Этому бьющему через край производству, этому товарному обращению, проникающему до последних границ обитаемой земли, соответствует особый способ распределения богатств. Если иметь в виду потребителя, то ясно, что по отношению к нему совершился большой прогресс; товары стали менее редкими и менее дорогими, многие предметы, которые некогда стоили больших денег и с трудом доставались, проникают теперь в те местности и общественные круги, где они еще недавно были совершенно неизвестны. Однако оптимизм, который это зрелище внушало ортодоксальной политической экономии, совершенно изменяется, как только мы обратим внимание на производителей. В основании всей системы крупной промышленности мы находим, наряду с энергией, доставляемой машинами, огромное скопление человеческого труда, тогда как на вершине ее возвышается громадная, все более увеличивающаяся и высоко сконцентрированная масса капиталов. Производители разделяются на два класса: один, доставляющий свой труд и ничего другого не имеющий, продает за заработную плату силу своих рук и время своей жизни; другой держит в своих руках капитал: ему принадлежат заводы, сырье, машины, и ему же достаются прибыли и барыши; во главе его стоят крупные предприниматели, «капитаны промышленности», как называл их Карлейль, организаторы, владыки и завоеватели.

Отсюда получился социальный строй, отличающий нашу современную цивилизацию и образующий нечто цельное, столь же законченное и связанное, каким мы можем представлять себе в X в. феодальный строй. Но в то время как феодализм составлял следствие военной необходимости и опасностей, которые угрожали человеческой жизни в Европе, отданной в жертву варварской анархии, современный общественный строй обусловлен совокупностью чисто экономических причин, группирующихся вокруг центрального факта крупной промышленности. Именно ей обязаны своим недавним ростом промышленные города, где теснятся близко друг к другу предприятия, одновременно солидарные и соперничающие между собою; именно в тех областях, которые она одушевляет своей могучей жизнью, обнаруживается с наибольшей напряженностью замечательный рост населения, ставший нормальным явлением у большинства промышленных наций. Манчестер, где в 1773 г. насчитывалось едва 30 тыс. душ¹, в настоящее время имеет население, превышающее 800 тыс. чел.; население Соединенного королевства, составлявшее в 1801 г. 14½ млн., равняется теперь 42 млн. Это развитие, которого не могли бы предвидеть прежние поколения, имело неисчислимы последствия; чтобы привести лишь одно из них, мы укажем на эмиграцию и прилив капиталов и труда в заокеанские страны, способствовавшие быстрому росту новых обществ, сходных с нашим, — обществ, где мы находим

¹ Census of Manchester and Salford (1793), Chetham Library, Manchester.

в еще более резко выраженной форме все особенности нашего экономического строя.

Наконец, крупная промышленность поставила на очередь социальную проблему в той форме, какую она принимает в наши дни для всех народов европейской цивилизации. Одновременный рост населения и богатства, причем, однако, рост богатства, повидимому, не идет на пользу массам в меру усилий, затрачиваемых ими на его создание; противоположность двух классов, из которых один растет численно, а другой богатеет, из которых один получает в вознаграждение за свой безостановочный труд ненадежные средства к существованию, тогда как другой наслаждается всеми благами утонченной цивилизации,—эти явления обнаруживаются одновременно и везде, и повсюду же они обуславливают одно и то же течение идей и страстей. Самое зрелище промышленной деятельности, зрелище обширного организованного сотрудничества, которым она поддерживается, и могущества капитала, объединяющего и направляющего ее коллективные силы,—оно-то и породило современный социализм. Всеобщее ожидание глубоких перемен, составляющих предмет надежды для одних и страха для других, есть поразительная черта нашей эпохи; и на эти перемены, если они действительно совершатся, можно будет смотреть как на конечный результат движения, начавшегося вместе с крупной промышленностью.

Эта совокупность явлений, важность которых в настоящее время очевидна, не может быть втиснута в рамки узкого определения, учитывающего одни только материальные условия производства, чтобы оценить его действительное значение, необходимо рассмотреть его во всем его сложном и живом единстве. Тогда он выступает перед нами как один из тех фактов огромной важности, понимание которых освещает собою целую эпоху. Крупная промышленность—в области экономических явлений, положительная наука—в области интеллектуальной, демократия—в политической области,—таковы основные силы, направляющие движение современных обществ. И с происхождением крупной промышленности дело обстоит так же, как с происхождением демократии или науки. Было бы нелепостью утверждать, что наука началась вместе с Галилеем и Декартом, или что до американской и французской революции не было демократий. Тем не менее на ученых XVII в. и революционеров XVIII в. справедливо смотрят как на истинных основателей современной науки и современной демократии. Точно так же мы в формах производства, непосредственно предшествовавших крупной промышленности, можем уже различить некоторые из ее характерных черт, но во весь рост свой она выступает перед нами лишь в эпоху великих технических изобретений—в эпоху Харгривса, Кромптона и Уатта; вместе с нею появляется та сумма следствий, которые невозможно отделить от нее и благодаря которым ее поступательное шествие является одним из основных событий истории.

II

Если мы так настаивали на понятиях почти банальных,—и мы бы сказали, недостаточно банальных,—то это было сделано с целью

устранить всякое сомнение относительно смысла, придаваемого нами термину «крупная промышленность». Предосторожность эта не излишняя, ибо в обычном словоупотреблении смысл его достаточно неясен и изменчив, и предпринятые до сих пор попытки закрепить его значение в окончательной формуле не дали удовлетворительных результатов. В зависимости от большей или меньшей обширности рынков, на которые направляются их изделия, предлагали различать между мелкой и крупной промышленностью: мелкой промышленностью называлась бы в этом случае та, которая обслуживает потребление небольшой местности или области, крупной—та, которая работает для национального или международного рынка¹. Это определение само по себе не неприемлемо; оно имеет то достоинство, что выдвигает существенную роль коммерческого элемента в экономической эволюции. Но оно уклоняется от общепринятого значения, которое при всей своей бесспорной туманности не поддается, однако, произвольному толкованию. Никому не придет, например, в голову включить в крупную промышленность производство ковров в той форме, в какой оно имеет сейчас место в Турции или Персии, а между тем, восточные ковры продаются во всем мире. Кто станет утверждать, что крупная промышленность существовала в Коринфе в ту эпоху, когда выделываемые там гончарные изделия расходились по всем странам Средиземного моря? Этого не скажут потому, что ручная работа, выполняемая в маленьких мастерских ремесленниками, индивидуальное искусство которых восполняет недостатки примитивного оборудования, является в наших глазах прямой противоположностью крупной промышленности. Таким образом, последнюю существенно характеризует не внешнее распространение ее изделий, а скорее ее внутренняя организация и техника. Как мы уже сказали выше, она представляет собою прежде всего известный строй производства.

Но здесь нас ждут новые затруднения, ибо промышленная эволюция представляет многочисленные фазисы, которые, сверх того, следуют друг за другом непрерывной чередой, так что только абстракция может отметить в ней точные границы. Смотря по тому, какой из этих фазисов будет выбран отправной точкой, появление крупной промышленности ускорится на одно или несколько столетий. Мы относим начало ее в Англии к периоду между 1760 и 1800 гг., но если верить некоторым недавно вышедшим сочинениям или, по крайней мере, их заглавиям², то крупная промышленность существовала во Франции уже столетием раньше, в царствование Людовика XIV. Имеем ли мы здесь дело с противоречием или с недоразумением? Этот вопрос нам необходимо сейчас рассмотреть.

Уже в самом начале своей книги г. Жермен Мартен предупреждает нас, что крупная промышленность, которую он изучал, не есть

¹ *A. Milhaud, De la vie industrielle en France depuis le XVII siècle, Revue de synthèse historique, III, 335.*

² *Germain Martin, La grande industrie en France sous le règne de Louis XIV (1898); A. des Cilleuls, Histoire et régime de la grande industrie aux XVII et XVIII siècles (1900).*

продукт спонтанной эволюции¹. Она представляет собою искусственное или почти искусственное создание, она была обязана своей жизнью только инициативе или покровительству французских королей. Кольбер, который может справедливо считаться ее основателем, «полагал, что крупная промышленность может существовать только благодаря вмешательству государства»². Он представлял себе ее только как придаток к тем большим королевским мастерским, которые во все эпохи и при самых различных цивилизациях работали для обслуживания монарха и по его приказу. Документы, собранные г. Жерменом Мартеном относительно мануфактур XVII в., дают картину, которая с первого взгляда достаточно напоминает картину современных фабрик. Значительные размеры предприятий, многочисленность занятых в них рабочих, их разделение на специализировавшиеся группы, строгая дисциплина, которой они подчинены³, — все эти черты мы находим также в нашей крупной промышленности. Но это бесспорное сходство кажется менее значительным, как только мы открываем его происхождение.

В фабричных описях, составленных инспекторами мануфактур, промышленные заведения были разделены на три разряда⁴. Первое место занимают государственные мануфактуры, принадлежащие королю; их капиталы идут из королевской кассы, и изделия их представляют собою чаще всего предметы роскоши, предназначенные для самого короля. Лучшим примером их может служить фабрика гобеленов, официальное название которой в момент ее создания было: *Королевская мануфактура коронной мебели* (*Manufacture royale des meubles de la couronne*). Легионы художников и ремесленников, работавших там под руководством Лебрена, а затем Миньяра, трудились только для удовольствия Людовика XIV, для украшения его дворцов и увеличения блеска его двора. Их изделия шли на украшение Версаля, Сен-Жермена и Марли: сюда направлялись ковры *de haute lice*⁵, панели, скульптуры, бронза, трофеи и удивительные чеканные серебряные изделия, отлитые как раз в самые мрачные дни этого царствования. Все имеет здесь отношение к особе короля: все от него исходит и все к нему возвращается. Такая промышленность стоит вне запросов экономической жизни: она не ждет барышей и игнорирует конкуренцию. Сравнить ее надо не с современной крупной промышленностью, а скорее с домашней промышленностью древности, с трудом рабов, которые были прикреплены к какому-нибудь дому и производили в этом самом доме предметы, необходимые для потребностей или для удовольствия их господина.

¹ «Настоящий труд имеет целью показать роль королевской власти в развитии крупной промышленности во Франции с 1660 до 1715 г. В нем изучаются предписания, касающиеся производства, надзора за мануфактурами, политики в отношении ремесл и вообще вмешательства королевской администрации в крупную промышленность» (*La grande industrie en France sous le règne de Louis XIV, préface p. 1*).

² *Ibid.*, p. 94.

³ *Ibid.*, p. 14.

⁴ *Ibid.*, p. 8.

⁵ Название дорогих и трудных для выделки ковров, которые ткются на станке с вертикально натянутой основой.—*Перев.*

Второй разряд составляют *королевские мануфактуры* (*manufactures royales*). Эти мануфактуры принадлежат частным лицам и производят для общего потребления, но самое название их в достаточной мере свидетельствует о том, что и здесь проявляется всемогущее влияние королевской власти. Одного официального покровительства здесь недостаточно: владельцы мануфактур нередко устраивают свои предприятия в указанных им местностях, по прямому приглашению короля и его министров, которые в случае надобности разыскивают их за границей¹. Им оказывается всевозможная поддержка: тут и прямые субсидии государственного казначейства, и беспроцентные ссуды, отпускаемые городами или провинциальными штатами, и освобождение от самых тяжелых налогов, от подушной подати, от соляного налога (*gabelle*), от военного постоя². Правительство заходит так далеко, что освобождает их от обязанности подчиняться столь стеснительным и тираническим промышленным регламентам, которым попрежнему подчинены мелкие фабриканты. Они поставлены как бы вне государственных законов, и мы видим, например, что такие люди, как Ван-Робэ из Аббевиля, могли свободно исповедывать протестантскую религию после отмены Нантского эдикта и в продолжение всего старого режима³.

В еще более благоприятное, быть может, положение поставлены так называемые *привилегированные мануфактуры* (*manufactures privilégiées*). Им предоставлено исключительное право производства и продажи известных изделий. Они пользуются абсолютной монополией, которую могла ограничить только подделка, а мы знаем, с какой суровостью законодательство старого режима наказывало всякого рода подделку. Получается такое впечатление, что Кольбер хотел предоставить владельцам мануфактур часть королевской прерогативы, — как если бы они, стоя во главе своих предприятий, были только уполномоченными королевской власти⁴.

Но стоит отстраниться руке, воздвигнувшей это здание и продолжающей его поддерживать, как все оно начинает шататься и грозит упасть. Эти предприятия жили только покровительством и привилегией: предоставленные самим себе, многие из них не преминули бы скоро исчезнуть. Когда при Людовике XV правительство перестало относиться к ним с прежнею заботливостью, они очутились в опасном положении. Королевские и привилегированные мануфактуры, выделявшие одно время около двух третей всего сукна, фабрикуемого во Франции, стали производить только около одной трети. Мелкая промышленность, так быстро капитулировавшая перед современной крупной промышленностью, была тогда еще очень живуча.

¹ Относительно мер, принятых Кольбером для привлечения иностранных рабочих и фабрикантов, см. цит. соч., гл. V, стр. 60 и сл. Кольбер вызывает суконщиков из Голландии (стр. 68—71), жестяников из Германии (стр. 71—75), горных инженеров из Швеции (стр. 75), стеклоделов и кружевниц из Венеции и Милана (стр. 76—79).

² *La grande industrie en France sous le règne de Louis XIV*, p. 10—11.

³ *Ibid.*, p. 67—69.

⁴ M. G. Martin приводит некоторое количество примеров, в том числе пример предприятий, имевших монополию производства тонких сукон в Лангедоке, стр. 12.

Несмотря на обременявшие ее налоги и стеснительные пути, она с успехом выдерживала грозную конкуренцию, созданную ей Кольбером. И объясняется это тем, что она опиралась на целый комплекс экономических и социальных условий, которых ничто еще не изменило. В Лангедоке, например, мы видим, что она не только существует, но процветает и расширяется, продолжая в то же время сохранять свою домашнюю и сельскую форму. «Всякое частное лицо, хоть сколько-нибудь предприимчивое, которое находит между двух гор отдаленный от всего общества уголок, где есть немного воды, использует ее, запруживает или дает бежать, смотря по тому, насколько она обильна. Он устраивает здесь естественный луг, часто имеющий менее 2 туазов¹ в ширину и $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ лье¹ в длину, и покупает затем овец, которых пасет здесь; жена и дети прядут снятую и расчесанную им шерсть; затем он ткет ее и продает свою ткань на ближайшем рынке. Его сосед, если так можно назвать человека, живущего часто на расстоянии не менее $\frac{1}{4}$ лье от него, делает то же самое, и таким образом незаметно образуется поселок, которого иной раз не объедешь и в день»².

Создание королевских мануфактур в XVII в. не должно быть смешиваемо с спонтанным ростом крупной промышленности в следующем столетии. Оно осталось фактом посредственного значения, несомненно важным для процветания Франции, каким представлял себе последнее Кольбер, но не имевшим последствий общего характера: никакой прямой родственной связи между ним и экономическим строем настоящего времени как будто не существует. Тем не менее оно может служить доказательством того, что и до эры крупной промышленности, в строгом смысле этого слова, могли при благоприятных условиях организовываться значительные промышленные предприятия с крупными капиталами и многочисленным персоналом. Примеров, подтверждающих сказанное, имеется достаточное количество в Англии и Италии, как и во Франции, как и в эпоху Ренессанса или в конце средних веков, как и в век Людовика XIV. В большинстве случаев здесь отсутствовало воздействие такого человека, как Кольбер, следовательно существование их доказывает наличие причин более глубоких.

III

Из работ г. Эшли по экономической истории Англии³ и г. Дорена по экономической истории Флоренции⁴ мы узнаем о существовании капиталистических предприятий, особенно в шерстяной промышленности, уже в начале XVI и даже в XV и XIV столетиях. Что

¹ Туаз— старая линейная мера, около 2 м; лье—около 4—4 $\frac{1}{2}$ км.—Перев.

² Из доклада гл. инспектора мануфактур в Лангедоке (Archives de l'Hérault, с. 2561), цитируемого г. Ж. Мартеном на стр. 17. Ср. приводимое ниже (ч. I, гл. I) описание долины Галифакса у de Foë.

³ Ashley, An introduction to English economic history and theory, vol. II (есть русский перевод).

⁴ Studien aus der Florentiner Wirtschaftsgeschichte: die Florentiner Wolle- und Tuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrhundert.

касается Англии, то не подлежит сомнению, что уже в царствование Генриха VII некоторые богатые суконщики играли в северных и западных графствах роль, аналогичную роли—с соблюдением, разумеется, надлежащей пропорции—наших крупных фабрикантов. Предание сохранило для нас их имена: это были Кутберт из Кендаля, Годжкинс из Галифакса, Стемп из Мамсбери, Брайан из Манчестера, Джон Винчкомб из Ньюбери¹. Вместо того чтобы быть только торговцами, покупающими сукно у ткачей для перепродажи его на рынках и ярмарках, они устроили мастерские, которыми сами же и управляли. Это были фабриканты в современном значении слова. Их богатство и могущество производили, повидимому, большое впечатление на современников, и вместе с полуполюгендарными воспоминаниями о них до нас дошла,—без сомнения, приукрашенная и слишком преувеличенная, но все же довольно ясная,—картина этого раннего прообраза промышленного капитализма.

Наибольшее количество воспоминаний легенда и история сгруппировали вокруг личности Джона Винчкомба, более известного под прозвищем Джека из Ньюбери. Более чем через 200 лет после его смерти в его родном городе рассказывали еще, как он построил на свой счет приходскую церковь, как он принимал у себя короля Генриха VIII и королеву Екатерину Арагонскую, и как во время войны с шотландцами в 1513 г. он снарядил на свой счет 100 человек, которых сам повел на поле битвы при Флоддене². Однажды,—рассказывает предание,—король встретил по дороге близ Лондона длинный ряд возов, нагруженных кусками тканей, и, узнав, что все они принадлежат Винчкомбу, воскликнул: «Да этот Джек из Ньюбери богаче меня!»

Богатством своим Винчкомб обязан был деятельности своих обширных мастерских, где многочисленный персонал чесал, пряд и ткал. Любопытное, если и не вполне достоверное, описание их имеется в маленькой книжке, рассказывающей довольно плохими стихами историю великого суконщика³: «200 ткачей, собранных в длинном и широком зале, работали у 200 станков, и им помогало столько же учеников. 100 женщин были заняты чесанием шерсти. 200 молодых девушек, «в красных этаминовых юбках, повязанные белоснежными чепцами», работали веретеном и самопрядкой. Сортировка шерсти производилась 150 детьми, «сыновьями бедных глупцов». Сотканное сукно проходило через руки 50 стригальщиков».

¹ Ньюбери—маленький городок в графстве Беркшир, в 17 милях к западу от Рединга.

² *Daniel de Foë*, *A tour through the whole island of Great Britain*, II, 59. Единственным из этих фактов, который можно было проверить является факт пожертвования на постройку приходской церкви; оно записано в подлинном завещании Джона Винчкомба, датированном 1519 г. *Ashley*, *Introduction to english economic history and theory*, trad. fr., II, 277.

³ *Thomas Deloney*, *The story of John Winchcombe, commonly called Jack of Newbury*, Londres, 1597. Эта книга многократно переиздавалась под несколькими измененными заглавиями—«*The pleasant history of John Winchcombe, in his younger years called Jack of Newbury*». Следует заметить, что она была опубликована спустя почти 80 лет после смерти ее героя.

и 80 аппретурщиков. Предприятие имело также сукновальню, занимавшую 20 мужчин, и красильню, где работало 40 человек»¹. Вероятно, что эти цифры сильно преувеличены, но не подлежит сомнению, что предприятие Джона Винчкомба, и по своему способу организации, и по своим относительным размерам, отличалось от обычных тогда форм промышленности; этим и объясняется его слава, отзвук которой, усиленный расстоянием, передало нам следующее поколение.

В первой половине XVI в. класс фабрикантов, представителем которого является Джек из Ньюбери, делает быстрые успехи. И на этот раз мы имеем дело не с искусственным движением. Тенденция шерстяной промышленности к сосредоточению в руках нескольких богатых суконщиков не поддерживалась никаким внешним влиянием. При правлении Тюдоров она не только не поощрялась, как это делала позже королевская власть во Франции, а, напротив, была встревожена этим явлением. Они усмотрели в нем угрозу для традиционной организации ремесла, в особенности же—убийственную конкуренцию для массы мелких ремесленников. Были приняты меры с целью защитить, по крайней мере, сельских ткачей²: «Ткачи этого королевства как в нынешнюю парламентскую сессию, так и в разные другие времена жаловались на разнообразные обиды, чинимые им богатыми суконщиками. Некоторые из этих последних имеют в своих домах по несколько ткацких станков, у которых они ставят поденных рабочих и лиц, не прошедших положенного срока ученичества, к ущербу множества бедных ремесленников, с детства учившихся ткацкому искусству... или же они сдают эти станки в наем по таким несообразно высоким ценам, что бедным ремесленникам нечем жить, и, тем менее, кормить своих жен и детей. Другие, давая ткачам за их работу гораздо меньшее вознаграждение, чем раньше, вынуждают их отказаться от промысла, для которого они воспитывались. Дабы устранить указанные злоупотребления и во избежание всех прискорбных последствий, которые могут произойти отсюда, если не принять во-время мер против них, парламент постановляет, что впредь ни одно лицо, занимающееся профессией суконщика и живущее вне города, местечка, посада, имеющего рынок, или поселка с городским устройством, не должно иметь в своем доме или в своем владении больше одного шерстоткацкого станка; что никто из упомянутых выше лиц не должен каким бы то ни было образом, прямо или косвенно, получать или извлекать ту или иную прибыль, выгоду или доход от сдачи в наем ткацкого станка или дома, где работает станок... под угрозой штрафа в 20 шиллингов за каждую неделю нарушения этого правила³...»

¹ *Th. Deloney, The story of John Winchcombe, p. 37.*

² Один из обычных приемов старого экономического законодательства заключался в ограничении той или иной отрасли промышленности известными местностями. См. 14—15 Henry VIII, с. 1 (запрещение жителям графства Норфольк красить, стричь и аппретировать сукно вне города Норвича); 33—34 Henry VIII, с. 10 (запрещение производить одеяла из камвольной шерсти вне города Йорка).

³ Закон 3—4 Philippe и Marie, с. 11. В то же время было запрещено: ткачам иметь сукновальню, сукновалам—иметь ткацкий станок, затем—иметь (исключая города) больше двух учеников и т. д. и т. д.

Таким образом, в Англии мы уже в эпоху Тюдоров можем наблюдать спонтанное развитие промышленного капитализма¹, достаточно сильное, чтобы уже в то время можно было опасаться поглощения или гибели мелкого производства. Следует ли отсюда, что крупная промышленность ведет свое начало, по меньшей мере, от XVI столетия? Не имеем ли мы скорее основание думать, что промышленная революция задолго предвещалась и подготавливалась длинным рядом фактов, среди которых попытки Кольбера имеют только значение эпизода?

IV

Эти факты объединяются в одну группу и характеризуются термином *мануфактура*. Мы обязаны им Карлу Марксу, который на определенных страницах своего большого догматического труда проделал работу историка.

Согласно Марксу, эволюция современного капитализма началась в эпоху Возрождения и открытия Нового Света, когда внезапное расширение торговли, увеличение количества монеты из благородных металлов и рост богатства преобразовали экономическую жизнь западноевропейских народов². Но эта эволюция делится на два периода: до середины XVIII столетия производство подчинено режиму мануфактуры, около 1760 г. начинается век крупной промышленности³. На чем основано это различие и какой смысл следует ему приписывать?

Мануфактура содержит уже в себе разобщение труда и капитала. Из цитированного выше введения к закону 1557 г. мы видели, как это разобщение совершается: рабочий, работавший сначала свободно, в собственном доме и при помощи собственных орудий производства, превращается скоро в простого съемщика, уплачивающего наемную плату за пользование орудием труда, которое ему больше не принадлежит. Затем фабрикант идет дальше: он оставляет оборудование у себя и организует мастерские, подчиненные его непосредственному надзору; рабочий доставляет ему только свой труд, за который получает заработную плату. Так происходило у Джона Винчкомба, в Нью-Бери, так оно происходило у Ван-Робэ в Аббевиле.

Принцип и *raison d'être* мануфактуры заключаются в разделении труда⁴. В маленькой мастерской ремесленника, которому помогают

¹ См. *A. Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 498.

«Уже при Тюдорах суконная промышленность была во многих отношениях капиталистической промышленностью, т. е. промышленностью, сбыт которой зависел от мировой торговли и был в руках крупных коммерсантов». *M. Laurent Dechesne, Évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre*, p. 35—37, достаточно хорошо показывает, в чем заключалась преждевременность этого движения.

² В действительности эту дату следовало бы значительно передвинуть. Согласно Дорену (цитируемое произвед., стр. 22 и сл.), капиталистический элемент появляется в флорентийской промышленности уже с конца XIII столетия.

³ *Das Kapital*, I, 335 (3e éd.).

⁴ «Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами». «Кооперация, основанная на разделении труда, создает свою классическую форму в мануфактуре.

два-три подмастерья, или в домишке сельского кустаря, окруженного женою и детьми, разделение труда еще очень примитивно. Достаточно, чтобы одновременно исполнялся минимум необходимых действий: чтобы один, например, человек приводил в движение кузнечный мех, в то время как другой орудует молотом. Сравним с этим знаменитое описание булавочной мануфактуры в XVIII в., которое дал Адам Смит: «Рабочий, не обученный этому производству (разделение труда сделало последнее особой профессией) и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем (толчок к изобретению последних, вероятно, тоже был дан этим разделением труда), едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать 1 булавку в день и, во всяком случае, не сделает 20 булавок. Но при той организации, которую имеет теперь это производство, не только оно само в целом представляет собою особую профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из которых каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки—другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции. Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих и где, следовательно, некоторые из них выполняли по две и по три различных операции. Хотя они были очень бедны и потому недостаточно снабжены необходимыми приспособлениями, они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек выработывали свыше 48 тыс. булавок в день»¹.

Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII». (*Le Capital*, I, p. 145—146.) [*К. Маркс* Капитал т. I, стр. 270. Русск. изд. 1936 г.—*Ред.*]

¹ *Adam Smith*, *Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, éd. Mac Culloch, p. 3. [См. русский перевод *Адама Смита*, *Исследование о природе и причинах богатства народов*, т. I, стр. 9—10.—*Ред.*]. Другой текст, который можно сравнить с текстом Ад. Смита и который предшествует ему на 75 лет: «Карманные часы—вещь очень сложная, и один ремесленный мастер может изготовить все их части и затем собрать их. Но предположим, что спрос на часы становится достаточно сильным, чтобы давать постоянное занятие такому же числу лиц, сколько в часах имеется частей. Каждому была бы отведена в этом случае специальная работа, притом всегда одна и та же: один делал бы только корпус, другой—колеса, третий—стрелки, четвертый—винтики; другие имели бы также специальные задачи, наконец, сборка различных частей была бы тоже единственным и постоянным занятием одного рабочего, который, естественно, был бы искуснее в этого рода работе, чем если бы ему прихо-

Разделение труда столько раз служило темой для рассуждений экономистов, что почти бесполезно прибавлять что-либо к ним. Точность и быстрота, постепенно приобретаемые специализировавшимися рабочими, и их влияние на производство были, впрочем, замечены с самого начала основателями первых мануфактур. Еще до Адама Смита и до автора цитированных «*Соображений об ост-индской торговле*» они заметили, что «вводя в работу больше порядка и правильности, достигая того, что она выполняется в меньшее количество времени и при помощи меньшего числа рабочих рук, а следовательно понижается ее цена»¹.

Как отличить мануфактуру, отвечающую столь высокой уже ступени экономической эволюции, от современной крупной промышленности? Для Маркса, как и для большинства лиц, занимавшихся этим вопросом, отличительной чертой крупной промышленности является употребление машин. После его главы «*Разделение труда и мануфактура*» Маркс озаглавливает следующую за ней главу: «*Машины и крупная промышленность*». Мы находим здесь подробные рассуждения о машинах и их экономической роли. Фабрику Маркс определяет как «мастерскую, построенную на машинном производстве»: в ней можно еще распознать разделение труда, господствовавшее в мануфактуре, но оно доведено до крайней степени автоматическими помощниками; равными по своей материальной силе огромному числу рабочих и исполняющими свою задачу с непогрешимой точностью. По Гобсону², именно машины, заменив сравнительно простое оборудование, увеличили в значительных размерах постоянный капитал предприятий. Все более увеличивая оборотный капитал вследствие огромного ускорения производства, они делали в результате управление промышленностью все более недоступным для рабочего, не располагающего капиталом, и определили современный социальный строй³. Другой автор указывает, что организация труда, аналогичная организации мануфактуры, могла бы появиться — и фактически появлялась — во всяком обществе, древнем или новом, дошедшем до известной ступени цивилизации и материального процветания⁴. Но в конце XVIII в. появляется

дилось заниматься также изготовлением всех частей. Точно так же тот, кто делал бы одни стрелки, или колеса, или винтики, или всякую другую часть часов, справился бы, конечно, со своей специальной задачей с большим совершенством и быстротой...» «*Considerations upon the East India Trade*» (1701), p. 70. Маркс называет такое разделение труда гетерогенным, в противоположность органическому, или серийному, разделению труда, примером которого является изготовление булавок у Ад. Смита. В первом случае каждый рабочий изготовляет отдельную часть предмета для последующей сборки с другими частями. Во втором случае один предмет преобразуется, проходя через ряд последовательных манипуляций.

¹ «*Considerations upon the East India Trade*», p. 69.

² J. A. Hobson, *Evolution of Modern Capitalism*, p. 40.

³ Главным материальным фактором развития капитализма является машина. Рост числа и сложности машин, применяемых в производстве, транспорте и добывающей промышленности, занимает особенно выдающееся место в повествовании об экспансии современной промышленности. (Русский перевод — Гобсон, *Развитие современного капитализма*, стр. 35, Гиз, 1926 г.)

⁴ R. W. Cooke Taylor, *Factory System and Factory Acts*, p. 29.

новый элемент—машинное производство, и его появление отмечает собою новую эпоху в экономической истории мира.

Уже самые названия свидетельствуют как будто об этом основном тождестве между крупной промышленностью и применением машин. На английском языке термин «крупная промышленность» всего лучше передается выражением *factory system* (фабричная система). Слово *factory* обозначает фабрику, завод. В середине XVIII в. оно сохраняло еще исключительный смысл родственного ему французского слова *factorerie*, т. е. фактории, заморской торговой конторы или склада¹. Когда появились первые фабрики, то сначала их обозначали не этим словом, а словом *mills*—мельницы: бросалось в глаза в них прежде всего большое водяное колесо, похожее на колесо мукомольной мельницы. Впоследствии это слово *mill*, принимая все более широкое значение, стало в конце концов почти синонимом машины². Таким образом, завод, мельница и машина слились в одно понятие. В последние годы XVIII в. оба слова *mill* и *factory* употребляются почти безразлично³. То и другое употребляется в тексте первого закона (1802), регулирующего труд учеников на фабриках⁴. Выражение *factory system* встречается уже с 1806 г. в докладе парламентской комиссии о шерстяной промышленности⁵, причем с ним не связывается как будто непременно представление о машине. Но около 1830 г., когда оно стало общеупотребительным, Уре в своей «*Philosophy of Manufactures*» дает ему следующее определение: «Фабричная система (*factory system*) означает кооперацию разных разрядов рабочих, взрослых и несовершеннолетних, занятых усердным обслуживанием совокупности производительных машин, которым центральная движущая сила сообщает равномерное движение⁶. Наконец, в 1844 г. мы имеем следующее официальное определение в законе, которое гласит так: «Фабрика (*factory*) есть помещение, в котором работают над преобразованием продуктов при помощи машин, приводимых в движение силою воды, пара или всякою другою механическою силою»⁷.

Если употребление машин есть та существенная особенность, которою фабрика отличается от мануфактуры, если именно оно характеризует новую форму производства по сравнению со всеми

¹ Таков смысл, который оно имеет еще в словаре Джонсона. Возможно, что своим нынешним значением *factory* обязано слову *manufactory*—мануфактура.

² Например, в выражениях—*paper mill*, *silk mill* и т. д.

³ В труде, например, *Aikin*, *A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, 1795, хлопкопрядильная мастерская почти всегда называется *cotton mill*. См. *Eden*, *State of the poor* (1797), II, 129—130.

⁴ 42 Geo. III, с. 73 (1802). *An act for the preservation of the health and morals of apprentices employed in cotton and other mills and in cotton and other factories.*

⁵ *Report from the select committee appointed to consider the state of the woollen manufacture in England* (1806), p. 8: «В фабричной системе (*factory system*) хозяин, владеющий нередко очень значительным капиталом, занимается работой в одном или нескольких зданиях или фабриках под своим прямым надзором или под надзором мастеров известное число рабочих, более или менее значительное, в зависимости от обширности дела».

⁶ *A. Ure*, *Philosophy of Manufactures*, p. 14.

⁷ 8 Victoria, с. 15 (1844).

предшествовавшими ей, то не следовало ли бы пользоваться лучше термином «машинное производство», чем выражением «крупная промышленность»? Он имеет преимущество краткости и выразительности и может поэтому предупредить путаницу, источник которой столь часто заключается скорее в словах, чем в самих вещах. Но возможно, что таким путем мы ввели бы в сложное и запутанное разнообразие фактов обманчивую простоту. Прежде всего появление машин не произошло сразу. Где начинается машина и где кончается инструмент? Кузницы и литейные мастерские употребляли уже, начиная с XVI в., вертикальные молоты и меха, приводимые в движение водяными колесами¹; и если просматривать томы гравюр при «Grande Encyclopédie», появившиеся в свет несколькими годами раньше основания в Англии первых бумагопрядилен, то с удивлением находишь там рисунки множества весьма остроумных и подчас довольно мощных механизмов. Нельзя с уверенностью сказать, что начало машинного производства может быть определено с большей точностью, чем первые шаги крупной промышленности. Не следует ли, к тому же, опасаться, что этот термин окажется слишком узким для всего того, что он должен выразить? Правда, в текстильной промышленности отправным пунктом наиболее решительных успехов является изобретение прядильных машин². Но в металлургической промышленности, как мы увидим, главным событием было применение каменного угля к плавке железной руды: можно ли выразить этот факт словами «машинное производство»? В других областях мануфактура переходит в ранг крупной промышленности путем почти незаметных видоизменений; так происходило, например, дело в гончарном округе во времена Джосии Веджвуда. Следовательно, пришлось бы заменить слова «машинное производство» выражением гораздо более широким, которое обозначало бы техническое усовершенствование во всех его формах. Машинное производство—один из главных элементов, быть может основной элемент современной крупной промышленности. Но если приходится выбирать между двумя терминами, то не дозволительно ли предпочесть термин наиболее общий, тот, который указывает не только источник или один из источников представляемых им явлений, но который объемлет эти явления в их совокупности и характеризует их самой связью их?

Можно с полным основанием утверждать, что между мануфактурой и крупной промышленностью нет резкой границы, и настаивать больше на общих им чертах, чем на особенностях, которыми они различаются друг от друга: «В мануфактуре, — пишет Гельд³, — рабочий

¹ См. *Ludwig Beck*, *Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung*, II, 130—142.

² См. в особенности т. IV, *Hydraulique*, а также статьи: *Draperie*, *Forges*, *Laine*, *Mines*, *Poudres*, etc.

³ *A. Held*, *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 544—545. Гельд доходит почти до полного смешивания их. После «семейной промышленности», производящей для непосредственного потребления, ремесла, являющегося достоянием свободного мелкого производителя, и «домашней промышленности», где рабочий работает у себя на дому, но на хозяина, — Гельд объединяет под названием «фабричной промышленности» все формы эксплуатации, где помещения, оборудование и управление принадлежат капиталисту (стр. 541—543).

уже потерял свою самостоятельность; здесь уже развивается внутри каждого предприятия сильное разделение труда, в результате которого рабочий теряет безвозвратно понимание техники в ее целом». Но можем ли мы сказать вместе с Гельдом, что «в конечном счете разница между мануфактурой и крупной промышленностью не имеет существенного значения»? Нигде преемство явлений не было более непрерывно, нигде смена их не совершалась путем более незаметных переходов, как в экономической области, этой сфере потребности и инстинкта: всякая классификация, всякое различие видов и эпох поневоле носит здесь более или менее искусственный характер. Нет ничего более далекого от столь ясных, столь изящных и столь произвольных категорий дедуктивной социологии. Тем не менее существуют известные группы фактов, которые легко различить, несмотря на расплывчатость их контуров, — фактов, имеющих существенное значение и, благодаря относительному месту, ими занимаемому, придающих определенную физиономию большим периодам экономической истории; для определения каждого периода достаточно распознать их господствующую, «задающую тон», — по выражению Гельда, — тенденцию. Стараясь различить и охарактеризовать эти последовательные фазисы, мы не можем, однако, забывать, что, в конце концов, они представляют собою только моменты одной и той же эволюции.

V

Над всей этой эволюцией господствуют два крупных первичных факта, тесно связанных между собой, взаимно преобразующих друг друга, бесконечно разнообразных в своих результатах и всегда тождественных по своему принципу: я разумею обмен и разделение труда. Столь же старые, как потребности и труд человека, они совершают свое общее шествие сквозь все движение цивилизаций, которое они сопровождают или вызывают. Всякое расширение или умножение числа меновых сделок, открывая новые пути для производства, вызывает более развитое и более продуктивное разделение труда, все более и более детальное распределение функций между различными производственными районами, между различными промыслами, между разными частями каждого промысла. И обратно, разделение труда, поддерживаемое техническим прогрессом, который является самой законченной его формой, предполагает существование известной кооперации между многочисленными и взаимно дополняющими друг друга специальными деятельностями, кооперации, которая стано-

Эта классификация, между прочим, достаточно дефектна: с точки зрения оборудования и производства единый термин фабричной промышленности недостаточен; с точки же зрения только отношений между капиталом и трудом «домашняя промышленность» не должна попадать в другую классификационную рубрику, как промышленность уже капиталистическая. То, что Гельд называет «домашней промышленностью», часто обозначают словами «коллективная фабрика». Вместо этого двусмысленного термина М. Г. Ренар предложил более подходящее выражение «разбросанная фабрика» (*Coup d'oeil sur l'évolution du travail dans les quatre derniers siècles, Revue politique et parlementaire, 10 déc. 1904, p. 522*).

вится все более и более обширной и к которой присоединяется, в конце концов, весь мир¹.

Эпохи, различаемые нами в экономической истории, соответствуют более или менее отчетливо выраженным ступеням этого двойного развития. С указываемой точки зрения само машинное производство, как бы важны ни были его последствия, представляет собою только явление второстепенного значения. Раньше чем стать одной из могущественных причин, какие когда-либо оказывали действие на современные общества, оно было на первых порах лишь равнодействующей и как бы выражением этих двух феноменов (т. е. расширения обмена и разделения труда), дошедших до решающего момента своей эволюции². Вот этот-то момент перелома, характеризующийся появлением машин, и определяет лучше всего промышленную революцию.

Если предшествующие замечания оставляют еще кое-что неясным, то рассеять эту неясность сумеет только внимательное изучение фактов. Бесспорно, что открыть происхождение умственных, религиозных и политических движений—задача тоже нелегкая. Но в них велика роль индивидуальной мысли и индивидуальной деятельности: события, люди, книги отмечают здесь и там известные вехи в непрерывном беге времен. Иное дело экономические движения: они более запутаны и представляют собою как бы медленный рост зародышей, рассеянных по огромной территории. Множество темных фактов, почти ничтожных в отдельности, группируются в большие, запутанные совокупности и взаимно изменяют друг друга до бесконечности. Приходится отказаться от мысли охватить все их, и когда вы выбираете для описания некоторые из них, то хорошо сознаете, что, оставляя без рассмотрения часть действительной жизни, вы отказываетесь одновременно от честолобивой и несколько тщеславной затеи—строго различать и давать исчерпывающие объяснения.

Промышленная революция представляет для исторического изыскания обширнейшее и в значительной части неисследованное поле. Мы вынуждены были поставить своей работе узкие границы, хотя подчас нам и стоило некоторого усилия не выходить из этих рамок. Границы географические: мы не выходили за пределы Великобритании. Экономическая история Шотландии была отодвинута нами при этом на второй план, если не совершенно оставлена в стороне; в самой Англии внимание наше было направлено почти исключительно на центральные и северные графства, где преимущественно разыгрывались явления, составившие предмет нашего изучения. Затем хронологические границы: Арнольд Тойнби, начавший писать историю

¹ *Held, Zwei Bücher*, p. 414. И все-таки можно было утверждать, что мануфактура никогда не была «задающей тон».

² См. *Адам Смит*, кн. I, гл. 2 «О причине, вызывающей разделение труда» и гл. 3 «Разделение труда ограничивается размерами рынка».

промышленного переворота, окончить которую ему помешала преждевременная смерть, хотел довести ее от начальной даты 1760 г. до 1820 или 1830 г.¹ По соображениям, имеющим решающее значение в наших глазах, мы предпочли не идти дальше первых годов XIX в.: в этот момент вошли уже в область практики великие технические изобретения, в том числе изобретение, доминирующее над ними—паровая машина; существуют уже, далее, многочисленные заводы, вполне сходные с нынешними, если оставить в стороне детали оборудования; начинают образовываться крупные промышленные центры, и появляется фабричный пролетариат; старая регламентация ремесла, более чем наполовину разрушенная, уступает место режиму свободной деятельности (*laissez-faire*), которому суждено, в свою очередь, пасть под давлением уже тогда начинающихся вырисовываться необходимых требований жизни: первый акт, положивший начало фабричному законодательству, был издан в 1802 г. Все основные факты, следовательно, уже даны, остается только следить дальше за их развитием. К тому же в последнюю эпоху экономические явления испытывают потрясения, чрезвычайно осложняющие их ход: период континентальной блокады и период хлебных законов заслуживают особого изучения.

Нам пришлось ограничить себя и в других отношениях. В рамках, начертанных Арнольдом Тойнби, было место и для эволюции фактов и для эволюции экономических учений; мы, напротив, оставили учения в стороне, за исключением тех случаев, когда находили их тесно переплетенными с фактами. Далее, Гельд, как и большинство писавших до сих пор по экономической истории, изучал в ней главным образом юридические установления; мы же полагали, что должны заниматься не столько законами, управляющими промышленностью, сколько самой промышленностью. Описать движение всех отраслей промышленности, хотя бы в течение очень короткого периода, было невозможно; мы выбрали из них только некоторые,—те именно, развитие которых казалось нам и наиболее важным и наиболее типичным. Шерстяная промышленность служила нам примером, когда дело шло об описании старого строя производства и тех явлений, которые имели тенденцию постепенно изменить его; хлопчатобумажная промышленность дала нам наиболее поразительную картину победного шествия машинного производства. В истории железнодорожной промышленности мы нашли объяснение громадной роли, которую играет теперь металлургия, — с ее происхождением связан факт не менее важный: вступление каменного угля в область промышленности. Развитие каменноугольных копей нераздельно связано с развитием металлургических заводов, и оба они объясняют появление паровой машины.

Даже в этих границах поле исследования, открывавшееся перед нами, было еще очень обширно; обозреть его можно было лишь весьма

¹ Чарльз Бирд (Beard), автор интересной книжечки, носящей такое же заглавие, как наша работа (*The industrial revolution, Londres, 1901, 2éd., 1902*), идет дальше Тойнби: он показывает—и с полным основанием,—как промышленная революция тянулась дальше в течение всего XIX в. и до наших дней.

бегло и не останавливаясь. Мы старались, однако, скорее дать общую его картину, нежели вновь предпринимать по тому или иному частному пункту исследование деталей, уже давно начатое в Англии. Это последнее, бесспорно, еще весьма несовершенно: мы полагаем, что возобновить его с пользой для дела можно будет только тогда, когда из него будут выведены некоторые общие понятия, необходимые для ориентирования новых изысканий. И так как промышленная революция в Англии была прологом к промышленной революции во всем мире, то эти общие понятия смогут одновременно быть полезными всем тем лицам, которые в разных странах, и в частности во Франции, возымеют честолюбивое желание принять участие в разработке истории этого великого преобразования¹.

¹ Далее следуют выражения благодарности различным учреждениям и лицам, оказавшим автору содействие при составлении его книги. Мы опускаем этот абзац.—*Перев.*

часть первая

ФАКТЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАРАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Контраст между нашими крупными промышленными городами, наполненными шумом многочисленных заводов и почернелыми от дыма, и небольшими тихими городками, где неторопливо работали ремесленники и торговцы былых времен, нигде не выступает с большею разительностью, чем в Англии. Дело в том, что их можно сравнивать здесь еще и теперь, даже не переходя той идеальной границы, которая, по меткому замечанию одного писателя, как бы разделяет Англию на пастушескую половину и половину мануфактурную¹. Недалеко от Манчестера и всего в нескольких лье от Ливерпуля лежит Честер, с его массивными городскими стенами, фундамент которых заложили еще римляне, с его неправильными живописными улицами, старыми домами с выступами, с фасадами, расчерченными балками и лавками под двухэтажными арками. Но эти города былого времени сохраняют, подобно ископаемым, только отпечаток функций, живыми органами которых они некогда были: за исключением некоторых захолустных и бедных округов или некоторых отсталых ремесел, формы и технические приемы старой промышленности исчезли. Между тем их необходимо знать, дабы иметь возможность сравнить их с условиями экономической жизни в последующий период и оценить важность перемен, которыми отмечено было к концу XVIII в. появление современной крупной промышленности.

I

Шерстяная индустрия представляет собою в Англии самый характерный и законченный тип старой промышленности. Ее распространение во всех почти провинциях, ее тесная связь с сельским хозяйством, древность и сила ее традиций придают взятым из нее примерам общее значение.

¹ *A. Chevrillon, Sidney Smith, préface.*

С незапамятных времен, задолго до того, как возникла ее промышленная деятельность, Англия, страна пастбищ, кормила стада овец и извлекала пользу из их шерсти. Шерсть эта продавалась большей частью за границу: она обменивалась на вина южной Франции, она питала станки ткачей в оживленных городах Фландрии. Уже со времени норманского завоевания фламандские ремесленники, переезжавшие пролив, научили англичан, как извлекать самим барыши из этого источника богатства. Иммиграция их поощрялась королевской властью, которая неоднократно—особенно в начале XIV в.—делает усилия основать при помощи этих иностранных инициаторов национальную английскую промышленность. И мы видим, что, начиная с царствования Эдуарда III, эта последняя не перестает развиваться и процветать: она распространяется по местечкам и деревням и становится главным источником существования всего их населения. Более того: если верно, как это утверждали в XVII в. теоретики меркантилизма, что всякая нация богата в меру количества монеты из благородных металлов, находящегося в ее обладании, и что для своего обогащения она должна вывозить товары за границу, получая за них в уплату металлические деньги,—если это положение, говорю я, верно, то шерстяная промышленность составляет достояние Англии. Исключительно английская, как по сырью, так и по его обработке, она ничего не заимствует извне: все золото и серебро, выкачиваемые ею, идут на увеличение общей казны, этого необходимого орудия национального величия.

Престиж, которым пользовалась эта промышленность почти до конца XVIII в., и своеобразная гегемония ее над всеми другими промышленными отраслями подтверждаются одним выражением, получившим право гражданства: промышленность называют обыкновенно «the staple trade, the great staple trade of the kingdom»,—выражение, с трудом поддающееся точному переводу и означающее приблизительно: «преимущественная, главная, основная промышленность королевства». В сравнении с ее интересами все другие считаются второстепенными. «Шерсть,—пишет Артур Юнг в 1767 г.,—со столь давнего времени рассматривается как священный предмет, как основа всего нашего богатства, что несколько опасно высказывать мнение, которое не клонилось бы к ее исключительной выгоде»¹. Покровительство этой промышленности, ее поддержание, обеспечение высокого качества ее изделий и высокого уровня ее прибылей было целью длинного ряда законов и предписаний. Она осаждала парламент своими жалобами, прошениями, вечными требованиями вмешательства, которые никого, впрочем, не удивляли: за нею было признано право все требовать и все получать.

Лучшим доказательством этого назойливого господства является объемистая куча писаний, относящихся к шерстяной промышленности и торговле шерстью. Как известно, английская экономическая литература XVII и XVIII вв. изобилует полемическими произведениями, писавшимися изо дня в день по злободневным вопросам: так называемыми памфлетами, трактатами и вплоть до листовок в одну

¹ A. Young, The farmer's letters to the people of England, p. 22.

страницу, в те времена, когда периодическая печать находилась еще в младенческом состоянии, это был способ, при помощи которого обращались к публике и к парламенту отдельные лица и группы лиц, желавшие осветить тот или иной факт или вызвать то или иное вмешательство в свою пользу. Нет ни одного сколько-нибудь важного вопроса, на который не было бы таким путем обращено общее внимание, который не обсуждался бы в этой форме в видах практического его решения. В этой огромной библиотеке брошюр шерстяная промышленность в праве потребовать на свою долю весьма обширную полку. В них не забыто ни одно касающееся ее обстоятельство; здесь восхваляются ее успехи, оплакивается ее упадок, здесь переkreщиваются тысячи противоположных ходатайств, в которых достоверные факты перемешаны с корыстными выдумками: обсуждается вопрос о том, надо ли дозволить или запретить вывоз шерсти, следует ли оказать поощрение развитию мануфактур в Ирландии или воспрепятствовать ему, следует ли усилить строгость старых правил о фабрикации или отменить их, нужно ли установить новые кары за деловые приемы, считающиеся вредными для этой привилегированной, священной, неприкосновенной отрасли промышленности. Что касается места, занимаемого ею в парламентских документах, бесчисленного количества петиций от хозяев, рабочих и торговцев, сохранных для потомства в протоколах палаты общин и палаты лордов,—то правильное представление о нем может дать только разборка этих внушительных коллекций. Шерстяная промышленность рано имела своих историков¹ и даже своих поэтов: воспеваемое Дайером² «Руно» не есть легендарное золотое руно аргонавтов, а руно английских баранов, из которого делают лидские сукна и экзетерские саржи. Мешок с шерстью (woolsack), поставленный перед королевским балдахинном, под раззолоченным потолком палаты лордов и служащий сидением для лорд-канцлера Англии,—этот мешок не есть только пустой символ.

В глазах англичан,—вплоть до того дня, когда новая система производства все преобразовала и вместе с вещами изменила идеи,—благоденствие страны существенно зависело от шерстяной промышленности. Гордая своими вековыми традициями, процветавшая тогда, когда морская торговля Англии еще едва существовала, эта промышленность воплощала в себе труд и приобретения долгого прошлого. Характерные черты, которые она в 1760 г. сохранила еще почти нетронутыми и которые существовали еще отчасти в 1800 г., были завещаны ей прошлым; ее эволюция совершилась, так сказать, рядом с ними и не разрушая их. Определить эти особенности и объяснить эту эволюцию—значит описать в его главных чертах старый экономический порядок.

II

Сначала рассмотрим его с внешней стороны, как это сделал бы, например, путешественник, который по дороге осведомился бы

¹ *John Smith, Chronicon rusticum-commerciale, or Memoirs of wool, woollen manufacture and trade (1747).* В этой книге перепечатано несколько редких брошюр.

² *F. Dyer, The Fleece, a poem (1757).*

о продуктах каждой области и о занятиях ее жителей. Нас поразит при этом чисто внешний факт: это многочисленность промышленных центров и их разбросанность или, лучше сказать, разлитость по всей территории. Мы тем более будем поражены этим явлением, что в наши дни, при господстве крупной промышленности, происходит явление противоположное: каждая отрасль промышленности, сильно сконцентрированная, царит в ограниченном округе, где скопляется ее производственная мощь. Хлопчатобумажное прядение и ткачество занимают теперь в Великобритании два района, тесно примыкающие к двум центрам. С одной стороны мы имеем Манчестер, окруженный поясом все более разрастающихся городов, которые исполняют одни и те же функции, имеют те же нужды и образуют в своей совокупности одну фабрику и один рынок. С другой—перед нами Глазго, пригороды которого тянутся вдоль долины реки Клайд, от Ланарка до Пэсли и Гринока. Вне этих двух районов нет ничего такого, что могло бы сравниться с ними или заслуживало бы упоминания вслед за ними.

Последуем теперь за Даниэлем де Фоэ в его «Поездке по всему острову Великобритании»¹ и объездим вместе с ним провинции Англии в тесном смысле этого слова. В деревнях графства Кент иомены (yeomen), эти земледельцы и одновременно земельные собственники ткнут тонкое сукно, известное под названием Kentish broadcloth, которое выделывается, впрочем, также, несмотря на свое название, в графстве Сэррей². В Эссексе, области в настоящее время чисто земледельческой, старое местечко Кольчестер славится своими толстыми сукнами, «из которых делают платье монахов и монахинь в иноземных странах»³; некоторые соседние с ним поселки, с тех пор превратившиеся в никому неизвестные захолустья, считаются в описываемое время весьма оживленными⁴. В графстве Сэффольк, в Седбери и Левенгэме, выделываются грубые шерстяные материи, известные под названием says и salimancoes⁵. Как только вы попадаете в Норфольк, «вы замечаете что-то хлопотливое, разлитое по всей округе»⁶. Действительно, здесь находится город Норвич, а вокруг него дюжина торговых местечек⁷ и множество сел, «столь больших и населенных, что они могут сравниться с торговыми городами других стран». Здесь употребляют сорта шерсти с длинным волокном,

¹ *Daniel de Foë, A tour through the whole island of Great Britain, 1724, 3 vol. (2e éd. en 1742, 3e en 1748).*

² *De Foë, Giving alms no charity, p. 18.* В конце XVIII в. эти иомены и их промышленность почти совершенно исчезли. См. *F. Eden, State of the poor, II, 283 (1797).*

³ *De Foë, Tour, I, 20, 43, 53; Brome, Travels over England, p. 119; A journey through England, I, 17.*

⁴ *Dunmow, Braintree, Thaxted, Coggs hall.*

⁵ *De Foë, Tour, I, 90. A. Young, A six weeks' tour through the southern counties of England and Wales, p. 55 (1768).*

⁶ *De Foë, Tour, I, 91.*

⁷ *Thetford, Diss, Harling, Bucknam, Hingham, West Dereham, Attleborough, Windham, Harleston, East Dereham, Walton, Loddon, etc. Там же, éd. de 1742. I, 52.*

которые прочесывают гребнями, вместо кард¹. В графствах Линкольн, Ноттингем, Лейстер жители занимаются производством шерстяных чулок, ручных или на станках, причем изделия эти составляют предмет довольно обширной торговли².

Мы приближаемся к области, где в наше время все более и более сосредоточивалась шерстяная промышленность. Западный округ Йоркшира, вдоль Пеннинской горной цепи, уже населен прядильщиками и ткачами, группирующимися вокруг нескольких городов: Уэкфильда, «большого, красивого и богатого города, производящего сукна, где много людей и дел»³; Галифакса, где выделяются грубые ткани, известные под названием *kersey* (каразея) и *shalloon* (шалонская саржа)⁴; Лидса, главного рынка всей области⁵; Геддерсфильда⁶ и Бадфорд, изделия которых не достигли еще тогда своей позднейшей известности⁷. Дальше к северу находятся Ричмонд и Дарлингтон, в графстве Доргем⁸; восточнее лежит старая церковная метрополия Йорк, которому неоправдавшаяся поговорка предсказывала, что он затмит когда-нибудь самый Лондон⁹. Переходя на другой горный склон, в графстве Ланкастер, откуда хлопок почти изгнал потом шерсть, мы находим в Кендале и до самых гор Вестморленда производство дрогетов и ратинов¹⁰, в Рочдэле—имитацию кольчестерских тканей¹¹. К югу, вокруг Манчестера, Олдгема и Бэри¹² пряли и ткали шерсть задолго до того, как в Англии появился хлопок.

Менее развита была промышленность в центральных графствах.

¹ Производство тканей из камвольной или гребенной шерсти (*worsted*) процветало в округе Норвича задолго до его появления в Бадфорде, который стал потом главным его центром. См. *J. James, History of Bradford*, p. 195.

² *De Foë, Tour*, II, 138 и III, 18. Город Ноттингем, тогда еще мало значительный, был уже средоточием машинного вязального производства (*framework knitting*). См. *W. Felkin, History of the machine-wrought hosiery and lace manufacture*, p. 55 и сл.

³ *De Foë, Tour*, III, 86; *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 579—580.

⁴ *De Foë, Tour*, III, 105—106.

⁵ *Ibid.*, p. 116—121.

⁶ *Ibid.*, p. 87.

⁷ *J. James, History of Bradford*, p. 278, цитирует слова Фуллера (*Worthies of England*): «Бадфордское сукно—гигант для того, кто смотрит на него, и карлик для того, кто им пользуется».

⁸ *De Foë, Tour*, III, 145 и *A. Young, A six months' tour through the North of England*, II, 247.

⁹ «Lincoln was—And London is—And York shall be—The fairest city of the three» (Линкольн был, Лондон есть, а Йорк будет самым красивым городом из всех трех). См. *W. Stukeley, Itinerarium curiosum, iter V*, p. 90 (1722) и *Brome, Travels over England* (1704), p. 148.

¹⁰ Это знаменитые *Kendal cottons*, название которых было, по аналогии, дано также материям, привозимым из Индии. Упомянутое в акте 5-го года царствования Елизаветы, гл. 4, § 32, это название сохранило свой первоначальный смысл до самого недавнего времени. См. *A complete history of the cotton trade*, p. 60; *R. Hollinsworth, Mancuniensis*, p. 64; *A. Young, North of England*, III, 134; *F. Eden, State of the poor*, II, 751; *De Foë Tour* III, 231 (éd. de 1742).

¹¹ См. *Journals of the House of Commons*, XXIX, 618. «Эта отрасль промышленности очень важна и действует на пространстве от 12 до 13 кв. миль».

¹² *De Foë, Tour*, III, 221; *Beeverel, Les délices de la Grande-Bretagne*, II, 301—302; *J. Aikin, A description of the country round Manchester*, p. 157; *E. Butterworth, History of Oldham*, p. 79, 80, 88.

Однако де Фоэ упоминает о Стаффорде, как «настоящем старинном городе, обогащаемом торговлей сукнами»¹. По направлению к Уэльсу находятся Шрюсбери², Леоминстер, Киддерминстер, Стоурбридж³ и Вустер, где «число рабочих, занятых в этой промышленности, в городе и в соседних деревнях, почти невероятно»⁴. В графстве Уорик живописный Ковентри, город трех колоколен, производит не только ленты, но и шерстяные материи⁵. В графствах Глостер и Оксфорд, между устьем Северна и верховьем Темзы, долина реки Страудватер славится своими прекрасными пунцовыми тканями, которые выделываются в Строуде и Сисестере⁶, а одеяла Уитнея вывозятся даже в Америку⁷.

Мы проезжаем в юго-западные графства, и здесь нам приходится останавливаться почти на каждом шагу. В равнине Сольсбери⁸ и вдоль Авона следуют близко друг за другом многочисленные сукнодельческие города: Мамсбери, Чиппенгэм, Калн, Трорубридж, Дивайз, Сольсбери—это страна фланелей и тонких сукон. В графстве Сомерсет—оставляя в стороне Таунтон и большой портовый город Бристоль⁹—теснятся в направлении к югу и востоку промышленные центры Гластонбери, Брютон, Шептон-Маллет и Фром, которому, по мнению многих, предстояло сделаться «одним из самых крупных и богатых городов Англии»¹⁰. Этот промышленный район тянется дальше, через Шефтсбери и Бландфорд, через все графство Дорсет¹¹, а через Андовер и Винчестер—в глубь Гемпшира¹². Наконец, в Девоншире господствует и процветает производство различных видов саржи. В Барнстепль ввозят ирландскую шерсть, необходимую для работы ткачей¹³. Производство ведется в маленьких городах, как Кредитон, Гонитон, Тивертон¹⁴, которые между 1700 и 1740 гг. славились и процветали в такой же степени, в какой они теперь мало известны и заброшены. Экзетер является рынком, куда изделия свозятся для продажи¹⁵. И де Фоэ кончает свое описание

¹ *De Foë*, Tour, II, 119.

² *Ibid.*, 114; *J. Anderson*, Chronological history and deduction of the origin of commerce, III, 457.

³ *De Foë*, Tour, III, 301.

⁴ *Ibid.*, III, 293 (éd. de 1742).

⁵ *Anderson*, цит. место. Ленточное производство—недавнего происхождения.

⁶ *De Foë*, III, 64 и *Anderson*, loc. cit.

⁷ *A. Young*, Southern counties, p. 99.

⁸ *De Foë*, Tour, II, 41, 42, III, 29 (éd. de 1742). Уилтон, возле Сольсбери, уже производил ковры.

⁹ *Ibid.*, II, 27—28.

¹⁰ *Ibid.*, II, 42. Промышленное значение этого района было обусловлено главным образом высоким качеством шерсти, доставляемой котсвольдской породой овец.

¹¹ *Ibid.*, I, 77 и II, 36.

¹² *J. Beeverel*, Délices de la Grande-Bretagne, III, 699 и *J. Anderson*, Chronological deduction of the origin of commerce, III, 456.

¹³ *De Foë*, Tour, II, 14.

¹⁴ *Ibid.*, I, 87 и II, 17. См. *L. Col. Harding*, History of Tiverton, и *Martin Dunsford*, Historical memoirs of the town of Tiverton.

¹⁵ *De Foë*, Tour, I, 83.—Сравните это описание в целом с описанием 50 лет спустя, в *Encyclopédie méthodique*, Arts et Manufactures, II, 256—257 (статья *Draperie* Ролана де ла Платьер).

Девоншира заявлением: «Это—край, не имеющий себе равного в Англии и, быть может, даже во всей Европе».

Мы видим отсюда, что шерстяная промышленность всего менее локализована; невозможно проехать сколько-нибудь значительное пространство, не встретив ее; она как бы разлита по всей поверхности Англии. Тем не менее различают три главные группы: иоркширскую, с Лидсом и Галифаксом; норфолькскую, с Норвичем; юго-западную, между Ламаншем и Бристольским каналом¹. Но каждая из них более или менее разбросана; второстепенные центры служат соединительными звеньями между одной и другой. Это не обособленные промышленные области: деятельность их расходится далеко лучами или, вернее, представляет собою только местное проявление общей деятельности, в которой принимает участие вся Англия.

Если вместо всей страны мы будем рассматривать каждый из округов, которые только что прошли перед нашими глазами, то мы и в деталях найдем ту же характерную разлитость. Возьмем Норфольк: его главный город Норвич считается в XVIII в. весьма значительным городом: со времени революции он был третьим в королевстве и соперником Бристоля. Современники описывают его нам в напыщенных выражениях, с его окружностью в 3 мили, с его шестью мостами, и удивляются тишине его улиц, в то время как из его трудолюбивых домов доносится стук работающих станков². Между тем Норвич в момент своего наибольшего процветания имел максимум 30—40 тыс. жителей³. Каким же образом верить показаниям, согласно которым норвичская промышленность занимала от 70 до 80 тыс. лиц⁴. Объясняется это тем, что она не заключена в одном Норвиче, а переливается на большое расстояние во все окружающие местности и вызывает рост того густого «скопления деревень»⁵ (a throng of villages), которое поражает путешественника. Таковую же картину мы наблюдаем на юго-западе, с той лишь разницей, что там мы тщетно стали бы искать единого центра. «Графство Девон,—пишет де Фоэ,—полно больших городов, и эти города полны жителей, которые сплошь заняты в торговле и в мануфактурах»⁶. Этот текст означает почти противоположное тому, что в нем действительно сказано. Мы очень хорошо знаем, что в Девоншире⁷ никогда не было больших городов, если не считать портового города Плимута, о котором в дан-

¹ См. *Laurent Dechesne*, *Évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre*, p. 50 и *J. A. Hobson*, *Evolution of modern capitalism*, p. 27—28.

² *De Foë*, *Tour*, I, 52—54.

³ *Anderson*, *Origin of Commerce*, III, 325, приписывает ему от 50 до 60 тыс. жителей (1761). Но эта цифра несомненно преувеличена. *F. Eden*, *State of the poor*, II, 477 говорит о 29 тыс. жителей в 1693 г., о 36 тыс. в 1752 г. и о 40 тыс. в 1796 г. До 1801 г. не было официальной переписи, а в этом году население Норвича составляло только 36 832 человека. См. *Abstract of the returns to the Population Act 41 Geo. III*, I, XXIII.

⁴ *Journals of the House of Commons*, XXV, 77.—Согласно А. Юнгу 12 тыс. веретен и 72 тыс. рабочих (1771). *The farmer's tour through the eastern counties of England*, II, 79.

⁵ *De Foë*, *Tour*, I, 93, 108.

⁶ *Ibid.*, I, 81.

⁷ Тивертон, один из самых значительных, никогда не имел более 10 тыс. жителей. См. *F. Eden*, *State of the Poor*, II, 142.

ном случае нет речи. Совершенно неизвестных названий большинства этих «больших городов» уже само по себе было бы достаточно, чтобы рассеять всякие ложные представления на этот счет¹: все это были в лучшем случае маленькие процветающие города. Часто это были только местечки или большие села, тем более многочисленные, что более крупные центры² не притягивали еще тогда к себе населения. Нередко даже менее значительные поселки образуют почти непрерывную цепь. «Расстояние, отделяющее их друг от друга,—пишет де Фоэ,—отмечено, словно вехами, большим, я сказал бы—почти бесчисленным количеством сел, деревушек и стоящих особняком жилищ, где занимаются обыкновенно прядением»³.

В Йоркшире промышленность как будто более тесно локализована, ибо почти вся она заключена в ограниченном пространстве, тянущемся от Лидса до Уэкфильда, Геддерсфильда и Галифакса. Уже в нескольких милях к северу от Лидса начинается серая степь, неплодородная, почти безлюдная. Но эта относительная концентрация не изменяет общего закона, который оправдывается лишней раз внутри этой ограниченной области. Население Вест-Райдинга было очень густым: в 1700 г. оно доходило приблизительно до 240 тыс. человек, в 1750 г.—до 360 тыс., в 1801 г.—до 582 тыс.⁴, между тем города содержали лишь весьма небольшую часть этого населения: Лидс имел в середине XVIII в. не более 15 тыс. жителей, Галифакс—6 тыс., Геддерсфильд менее 5 тыс., а Брадфорд состоял из трех улиц, окруженных лугами⁵. Сельские местности были, напротив, очень населены, только села и деревни не тянулись здесь сплошной чередой, как на юго-западе⁶. Иногда разбросанность шла еще дальше: сами деревни распадалась, так сказать, и сливались в широко раскинувшиеся поселения.

Приход Галифакса был одним из самых обширных во всей Англии: он имел в 1720 г. около 50 тыс. душ, и картина, которую он представлял, была описана в знаменитом месте книги де Фоэ: «Проехав второй холм, мы спустились опять в долину. По мере своего приближения к Галифаксу мы встречали дома на все более близком расстоянии друг от друга, а в глубине—все более значительные деревни. Более того: склоны холмов, очень крутые с каждой стороны, были

¹ Bampton, Crediton, Cullompton, Honiton, Ottery St Mary, Ashburton, etc. См. *De Foë*, *Tour*, I, 84.

² Так было еще в начале XIX в. См. свидетельские показания, собранные парламентской комиссией 1806 г.: ткачи юго-запада, спрошенные об их местожительстве, очень часто отвечали: «это большое село... очень большое село... быть может, самое большое в Англии село». Report from the select committee appointed to consider the state of the woollen manufacture in England (1806).

³ *De Foë*, II, 42—43.

⁴ Две первые цифры приблизительны, третья заимствована из переписи 1801 г. См. *J. Rickman*, *Observations on the returns to the Population Act*, 11 Geo. IV, p. 11.

⁵ *J. Aikin*, *A description of the country round Manchester*, p. 557 и 571; *J. James*, *Hist. of the worsted manufacture*, p. 316 и *Continuation to the history of Bradford*, p. 89. Теперь эти города имеют соответственно: Лидс—400 тыс. жителей, Брадфорд—220 тыс., Геддерсфильд—100 тыс., Галифакс—90 тыс. жителей.

⁶ См. *Journ. of the House of Commons*, XXVIII, 133.

сплошь усеяны домами... Местность была разделена на маленькие огороженные участки в 2—7 акров каждый, редко больше, и через каждые 3—4 таких участка виднелся дом... Проехав третий холм, мы могли убедиться, что вся местность образует как бы сплошное село, хотя поверхность была довольно гористая; вряд ли встречался хотя бы один дом, удаленный от других больше, чем на расстояние человеческого голоса. Скоро мы узнали и занятие жителей: солнце всходило, и при свете его первых лучей мы заметили почти перед каждым домом раму для растягивания тканей, а на каждой раме кусок обыкновенного сукна, каразей или саржи¹—трех предметов, выделяемых в этой местности. Игра света на этих материях, сиявших на солнце белизною, была приятнейшим зрелищем, какое только можно себе представить... Склоны холмов то поднимались, то опускались, долины открывались то справа, то слева, напоминая немного скрещение улиц близ Сент-Джайльса, называемое Семью углами: куда бы ни направлялся наш глаз, от подошвы до вершины холмов, везде картина была одна и та же: множество домов и рам, и на каждой раме кусок белой материи².

Это крайняя степень той разбросанности, которую мы констатировали повсюду, не давая еще пока ее объяснения. Она является только внешним выражением общих условий производства: чтобы понять ее, необходимо познакомиться с организацией промышленности.

III

Концентрация различных отраслей современной промышленности связана с некоторым числом объясняющих ее фактов. Сюда относится, прежде всего, разделение труда, безгранично увеличенное применением машин: разнообразие и сложность частей экономического целого требуют их тесной взаимозависимости; если бы эти части не были точно прилажены друг к другу и не находились в постоянном контакте между собою, то происходящая отсюда потеря времени и сил свела бы на-нет все выгоды от их сочетания. Затем следует все резче обозначаящаяся специализация функций: подобно людям и мастерским, сами районы специализируются, и каждый из них стремится стать исключительным средоточием одной какой-нибудь промышленности. Другой причиной, приводящей к тому же результату, является рост размеров производства: несколько мощных заводов, сгруппированных на ограниченной территории, могут удовлетворить нужды обширнейшего рынка, который расширяется еще благодаря развитию способов сообщения. Наконец, вместе с прогрессирующим накоплением капитала, поглощающего или объединяющего мелкие капиталы, возникают солидарные между собою обширные предприя-

¹ См. p. 28, note 2.

² *De Foë, Tour, III, 98—99.* Это описание относится к 1724 г., но совершенно аналогичное с ним описание мы находим в докладе парламентской комиссии 1806 г. «Большинство производителей живет в деревнях и отдельно стоящих домах, покрывающих всю территорию округа, длиной в 20—30 миль и шириною миль в 12—15... Многие из них владеют небольшими участками земли, от 3 до 12 или 15 акров». *Report from the select committee on woollen manufacture, p. 9.*

тия, которые вытесняют местное мелкое производство; последнее становится мало-помалу бесполезным, а затем и невозможным. Однако на Англию XVIII в. эти всемогущие ныне силы оказывали еще слабое влияние.

Было бы, впрочем, ошибкой полагать, что они совершенно не действовали. Как мы видели, распределение и плотность промышленного населения были в разных районах неодинаковы. Это разнообразие соответствовало различиям в организации. Путь от почти первобытной мастерской ремесленного мастера до мануфактуры, имевшей не одну черту сходства с современной фабрикой, был отмечен рядом промежуточных этапов. Давно уже начавшаяся эволюция, которая после периода почти незаметного прогресса должна была привести вскоре к решительному перелому, была как бы начертана чередованием экономических форм, развившихся одна из другой, причем наиболее старые продолжали существовать рядом с более новыми.

Именно там, где концентрация наиболее слаба, мы должны рассчитывать найти наиболее полную независимость производителей, наиболее простые приемы производства, наиболее зачаточное разделение труда. Вернемся к упомянутым раньше домикам в долине Галифакса, которые, каждый в середине своего земельного участка, внешне производят впечатление маленьких поместий. Но, вместо того чтобы рассматривать их окрестности, проникнем на этот раз в один из них, чтобы познакомиться с его обитателями и его жизнью. Несомненно, что он очень мало отвечал тем соблазнительным описаниям его, которые дали нам доверчивые поклонники прошлого¹. Это была хижина в нездоровом часто месте, с немногими и узкими окнами. Мало мебели, еще меньше украшений. Главная и часто единственная комната служила одновременно кухней и мастерской. В ней-то и стоял станок ткача, хозяина жилища.

Этот станок, который можно еще теперь видеть в наших французских деревнях, мало изменился со времен древности. Нити, образующие основу ткани, были натянуты здесь параллельно, на двойной раме, обе части которой («ремизки»), каждая со своим рядом нитей, поочередно поднимались и опускались с помощью двух педалей, и каждый раз ткач, чтобы продернуть меж двух рядов нитей основы уточную нить, передавал челнок с этой нитью из одной руки в другую. С 1733 г. остроумное приспособление² позволило пробрасывать челнок туда и обратно одной рукой, но это совершенствование распространялось довольно медленно³. Остальное оборудование было еще проще. Для кардования пользовались ручными кардами, из которых одна, неподвижная, была укреплена на деревянной

¹ См. у Carroll D. Wright, цит. Р. В. Кук-Тейлором в «The modern factory system», р. 422: «Скученная в жилище, которое поэзия именует коттеджем, а история—лачугой, семья ткача работала и жила без удобств, скудно питаясь и лишенная чистого воздуха...»

² Самолетный челнок (fly-shuttle) Джона Кэя. Об этом изобретении, имевшем капитальное значение, см. ч. II, гл. I.

³ В районе Манчестера челнок-самолет вошел во всеобщее употребление лишь с 1760 г. См. E. Butterworth, Hist. of Oldham, p. 111.

подставке¹. Для прядения употребляли обычную еще в XVI в.² самопрялку, приводимую в движение рукой или ногой, часто даже простое прясло и веретено, столь же древние, как и само прядение. Мелкий производитель мог без труда приобрести все эти недорогие инструменты. Воду, необходимую для обезжиривания шерсти и промывки сукна, он имел у самых своих дверей. Если он хотел сам красить сотканную им материю, то для этого достаточно было одного или двух чанов. Что касается операций, которые невозможно было выполнить без специальных установок, сопряженных с слишком большими затратами, то они составляли предмет отдельных предприятий: так, например, для валяния и ворсования сукна существовали водяные мельницы, куда все окрестные ткачи возили свои куски; их называли «общественными мельницами», так как всякий мог пользоваться ими за условленную плату³.

Простоте оборудования отвечала простота организации труда. Если семья ткача была достаточно велика, то она могла сама справиться со всей работой и распределяла второстепенные операции между своими членами: жена и дочери—у самопрялки, мальчики—занятые чесанием шерсти, в то время как глава семьи продергивает вперед и назад челнок,—такова классическая картина этого патриархального состояния промышленности. В действительности, однако, такие крайне простые условия встречались очень редко. Они осложнялись представлявшейся часто необходимостью искать пряжу на стороне: было высчитано, что один регулярно работающий ткацкий станок дает работу 5 или 6 прядильщикам⁴. Чтобы их найти, ткач принужден был иногда отправляться довольно далеко: он переходил из дома в дом, пока не раздавал всей своей шерсти⁵. Таким путем совершалась первая специализация. Были такие дома, где занимались только прядением. Напротив, в других было собрано по несколько ткацких станков; в этих случаях хозяин, продолжая работать руками сам, как рабочий, имел под своим началом несколько платных помощников⁶.

¹ См. *Encyclopédie méthodique, Manufactures*, I, ст. *Draperie*. Приемы были почти тождественны во Франции и в Англии.

² *Catalogue of the machinery, models, etc., in the Machinery and Inventions Division of the South Kensington Museum*, p. 89; *J. James, Hist. of the worsted manufacture*, p. 334—335.

³ В 1775 г. в приходе Галифакса было около сотни таких *public mills*. См. *Th. Baines, Yorkshire, past and present*, IV, 387. Развитие машинного производства привело сначала к увеличению числа их. *Report from the select committee on woollen manufacture*, p. 5 и 9.

⁴ *J. Bischoff, A comprehensive history of the woollen and worsted manufacture*, I, 185, выводит пропорцию в 4 прядильщицы только на 1 ткача. Указание, цитированное Тоунсендом Уорнером (*Social England*, V, 113), говорит, напротив, о пропорции в 10 прядильщиц на одного ткача. Это крайние цифры. См. *W. Radcliffe, Origin of the new system of manufacture*, p. 59—60.

⁵ *R. Guest, A compendious history of the cotton manufacture*, p. 12.

⁶ Маленький фабрикант из Гармли, возле Лидса, имеет двух рабочих, одного ученика и семью прядильщиков, «которые работают для него в своем собственном доме». У него—три станка. *Report... on woollen manufacture*, p. 5. Он покупает шерсть и краску, посылает ее на общественную мельницу, где ее очищают, расчесывают и валяют. Потом он заставляет прядь и ткать ее. Он отправляет ткань на мельницу для подстрижки ее и валянья. Наконец, он

Таким образом, ткач в деревенском домике, который служит ему, одновременно жилищем и мастерской, является хозяином производства. Он не зависит от капиталиста. Он владеет не только орудиями производства, но и сырьем. Соткав кусок, он сам отправляется продавать его на рынке ближайшего города; уже одного внешнего вида этого рынка было достаточно, чтобы показать раздробленность средств производства между множеством независимых мелких производителей. В Лидсе этот рынок, до постройки двух крытых суконных рядов¹, устраивался вдоль большой улицы Briggate. Поставленные с обеих сторон козлы образовывали как бы два больших непрерывных прилавка. «Сукноделы, — читаем мы у де Фоэ, — являются с раннего утра, принося свои изделия: *редко кто из них приносит больше одного куска зараз*». В 7 час. утра раздается удар колокола. Улица наполняется, прилавки покрываются товарами: «позади каждого куска сукна стоит ткач, явившийся продать его». Торговцы и их приказчики расхаживают между столами, выбирают и покупают, и в 8 час. утра все кончено². В Галифаксе «работающие в окрестностях сукноделы приезжают каждую субботу в город и привозят с собою сработанную материю... Торговец сукном отправляется в крытый рынок и покупает у производителей суровое сукно, которое отдает потом в крашение и аппретуру, в соответствии со своими надобностями. Так как здание рынка, при всей обширности своих размеров, не может вместить всех мастеров, являющихся по субботам в Галифакс, то весь город становится в этот день рынком суровья. Я видел их на улицах, на площадях, в тавернах, а вечером, на обратном пути в Лидс, я встретил множество сукноделов, возвращавшихся домой верхом или на маленьких тележках...»³.

Этот класс мелких промышленников составлял если не большинство, то, по крайней мере, заметную часть населения. В окрестностях Лидса их было еще в 1806 г. более 3 500 человек⁴. Все они были, приблизительно, одинакового достатка. Если кто имел 4 или 5 станков, то на него указывали уже как на исключение⁵. Разница между ними и их рабочими была лишь весьма невелика; рабочий, получавший харчи и часто помещавшийся также в доме хозяина, работавший рядом с ним, не смотрел на него, как на человека, принадлежащего к другому социальному классу. В некоторых местностях число хозяев превышало число рабочих⁶. В сущности последние составляли только своего рода резерв, из которого вербовался

заставляет высушить ее и сам продает в крытом суконном ряду в г. Лидсе. Ibid., p. 6, 7.

¹ Рынок для цветных сукон был построен в 1750 г., а для белых — в 1775 г. См. *Aikin, A description of the country round Manchester*, p. 572.

² *De Foë, Tour*, III., 116—117.

³ *Tournée faite en 1788 dans la Grande-Bretagne, par un voyageur français*, p. 198. Достаточно сравнить это описание с предшествующим описанием рынка в Лидсе, опубликованным в 1727 г., чтобы увидеть, что за 60 лет произошло очень мало изменений.

⁴ *Report... on woollen manufacture*, p. 8.

⁵ Ibid., p. 59 и 339.

⁶ В двух деревнях Uley и Owlpen было в 1806 г. 70 ткачей-мастеров и только 30 или 40 рабочих. См. *Report... on woollen manufacture*, p. 337.

класс мелких производителей. «Молодой человек с хорошим именем всегда находит кредит для покупки нужной ему шерсти и для того, чтобы устроиться в качестве мастера-ремесленника (master manufacturer)». Это сочетание слов является почти определением: под manufacturer понимают в эту эпоху не главу промышленного предприятия, а напротив—ремесленника, человека, работающего собственными руками¹. Йоркширский производитель представляет одновременно капитал и труд, соединенные и почти слившиеся.

В то же время он является—и эта последняя особенность не лишена значения—земельным собственником. Вокруг его дома простирается огороженный участок в несколько акров. «Каждому производителю нужно иметь одну или две лошади, чтобы ездить в город за сырьем и провизией, затем—чтобы отвозить шерсть к прядильщику и сотканное сукно в сукновальню; наконец, когда производство окончено,—чтобы отвезти куски на рынок для продажи. Кроме того, каждый из них имеет обыкновенно одну-две коровы, а иногда и больше, чтобы снабжать свою семью молоком. Для прокормления их и служат поля, окружающие его дом»² (де Фоэ). Свидетели, выслушанные парламентской комиссией 1806 г., высказываются почти в тех же выражениях³. Эта маленькая земельная собственность увеличивает достаток такого мастера. Заняться ее возделыванием он не может; если он попробует обратить ее в пашню, то рискует потерять на этом деле то, что заработал на продаже своего сукна⁴, но он может разводить на ней птицу, немного скота, может пасти на ней лошадь, которая служит ему для перевозки его товара или для поездок по соседним деревням в поисках прядильщиков. Не будучи земледельцем, он живет отчасти землей: это—лишнее условие, способствующее его независимости.

Описанной системе производства дали название *домашней системы*, и доклад 1806 г. дает ее определение, в котором довольно хорошо резюмируется сказанное нами выше: «В домашней системе,—читаем мы здесь,—системе, принятой в Йоркшире, промышленность находится в руках множества мастеров-ремесленников, из которых каждый владеет очень маленьким капиталом. Они покупают шерсть

¹ Ibid., p. 9, 447, etc. До 1800 г. «термин *капиталист* очень редко встречался в литературе, а термин *manufacturer*, означающий теперь предпринимателя, был тогда синонимом рабочего,—перемена значения этого слова, являющаяся любопытным и знаменательным показателем преобразования, происшедшего в условиях промышленной жизни». А. Тьюнби, *Industry and Democracy* в его «The industrial revolution in England» (1883), p. 133. См. слово *manufacturer* в словаре Джонсона.

² *De Foë*, *Tour*, III, 100.

³ Report... on woollen manufacture, p. 13. Показание Джеймса Эллиса: «Имеются такие, что владеют $\frac{1}{4}$ арпана, что как раз хватает им для расстилки их кусков сукна на просушку; другие владеют двумя-тремя акрами, дающими им возможность содержать корову или лошадку».

⁴ Ibid. — Были, впрочем, ткачи, являвшиеся одновременно мелкими фермерами. Ibid., p. 8: «Где преимущественно действует эта отрасль промышленности, в деревнях или в торговых городах?—В деревнях: многие мелкие фермеры занимаются одновременно ткачеством, заставляя работать, как я говорил, своих жен, детей, слуг и служанок с ферм.—Они посылают их, естественно, на поля во время жатвы?—Да».

у торговца; затем, при помощи жены, детей и нескольких рабочих, они в собственных своих домах красят шерсть, если это требуется, и проводят ее через различные этапы фабрикации до состояния неаппретированного сукна»¹. Это все та же средневековая промышленность, оставшаяся почти нетронутой до порога XIX в.

И она не производила впечатления промышленности, собирающейся сойти со сцены. При всей раздробленности производства между множеством мелких мастерских оно в общем итоге было весьма значительно. В 1740 г. западный округ Йоркшира, где процветала домашняя промышленность, производил около 100 тыс. кусков сукна; в 1750 г.—около 140 тыс.; в 1760 г. цифра эта из-за войны с Францией и ее торговых последствий упала до 120 тыс., но в 1770 г. поднялась опять до 178 тыс.,—прогресс, относительно медленный, если сравнить его с прогрессом последующего периода, но все же прогресс, заметный, непрерывный и отвечающий постепенному расширению рынка². Ибо было бы ошибочно думать, что эта мелкая промышленность носила чисто местный характер и не имела внешних рынков. Из крытых рынков Лидса и Галифакса, куда мастер сам приносил кусок, сотканный его собственными руками, йоркширские сукна расходились по всей Англии, их вывозили в голландские порты и в порты прибалтийских стран, а за пределы Европы они шли до приморских городов Леванта и американских колоний. Именно это расширение торговли и делало неизбежным преобразование промышленности.

IV

Как только продукция домашней промышленности начинает превосходить нужды местного потребления, ее дальнейшее существование возможно лишь под одним условием: производитель, которому не под силу сбывать самому свои товары, должен войти в сношения с торговцем, покупающим их для перепродажи либо на отечественном рынке, либо за границей. Этот коммерсант необходимый помощник, держит в своих руках всю судьбу промысла. В его лице вступает в дело новый элемент, власть которого отражается скоро и на самом производстве. Купец-суконщик—это капиталист. Часто он ограничивается ролью посредника между мелким производителем, с одной стороны, и мелким лавочником—с другой; его капитал сохраняет при этом свою чисто коммерческую функцию. Однако уже

¹ Ibid., p. 1; A. Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, p. 544, придает несколько иной смысл термину «домашняя промышленность». Он понимает под ним промышленность, управляемую капиталистом, рабочие которого работают у себя на дому. Мелкую промышленность Йоркшира Гельд называет «ремеслом», одинаково с средневековыми ремеслами. J.-A. Hobson в Evolution of modern capitalism, p. 35, придерживается более точного термина, «домашняя мануфактура».

² Bischoff, History of the woollen manufacture, II, table IV; A. Anderson, Origin of commerce, IV, 146—147; F. Eden, State of the poor, III, CCLXIII.

Точные цифры таковы:

В 1740 г.	—41 441	кусков широкого сукна	и	58 620	кусков узкого сукна
» 1750 »	—60 447	»	»	» 78 115	»
» 1760 »	—49 362	»	»	» 69 573	»
» 1770 »	—93 074	»	»	» 85 376	»

с самого начала устанавливается обычай предоставлять попечениям торговца некоторые второстепенные детали производства. Кусок сукна в том виде, в каком его сдает торговцу ткач, обыкновенно бывает неаппретированным и некрашенным; торговец должен позаботиться об его *отделке*, раньше чем сукно поступит в окончательную продажу¹. Для этого ему надо нанять рабочих, надо стать так или иначе предпринимателем-промышленником. Таков первый этап постепенного превращения торгового капитала в капитал промышленный.

В юго-западных графствах купец-суконщик, или как его иногда характерно именуют, *купец-промышленник*², выступает на сцену уже в самом начале производства. Он покупает сырую шерсть и за свой счет отдает ее в ческу, прядение, тканье, валяние и аппретуру³. Он собственник сырья, а следовательно, и изделия во всех его последовательных формах; лица же, через руки которых это изделие, преобразуясь, проходит, являются, несмотря на свою кажущуюся независимость, только рабочими, состоящими на службе у хозяина.

Тем не менее существует еще большая разница между этими рабочими и рабочими мануфактуры или фабрики. Большинство их живет в деревне и в еще большей степени, чем мелкие иоркширские производители, получает часть своих средств к существованию от земледелия. Промышленность является для них нередко лишь подспорным занятием: муж работает в поле, тогда как жена прядет шерсть, которую доставляет ей торговец, живущий в соседнем городе⁴. В 1770 г. одна деревня в окрестностях Стокспорта (в графстве Ланкастер) «была разделена между 50 и 60 фермерами, арендная плата которых не превосходила 10 шиллингов за акр земли. Из этих 50 или 60 лиц только 6 или 7 извлекали весь свой доход из продукта своих ферм, все остальные прибавляли к нему заработок от какого-нибудь промышленного труда: они пряли или ткали шерсть, хлопок или лен»⁵. Вокруг Лидса «не было ни одного фермера, который зарабатывал бы

¹ См. *F. Eden*, *State of the poor*, II, 821.

² *Merchant-manufacturer*.—Это *фабрикант* в том смысле, какой это слово очень долго сохраняло во Франции во многих отраслях промышленности, особенно в шелковой. Еще до весьма недавнего времени лионские «фабриканты» не имели собственных промышленных заведений, а ограничивались раздачей работ на дом ткачам-кустарям. Хотя постепенно этот порядок вещей и меняется, однако он и в настоящий момент далеко еще не прекратил своего существования.

³ *Report... on the state of the woollen manufacture*, p. 8. *Parliamentary Debates*, II, 668.

⁴ «Насколько я могу понять систему, господствующую на западе, мне представляется, что она не имеет ничего общего с системой, которую мы называем в Иоркшире домашней. Под домашней системой я разумею тот порядок, когда мелкие промышленники живут по деревням или в отдельно лежащих домах, где они пользуются всеми привычными удобствами и занимаются своим ремеслом при помощи собственного капитала. На западе дело обстоит совершенно иначе: положение ремесленника там такое же, как положение наших мануфактурных рабочих, с той только разницей, что он работает у себя на дому. На западе ему отдают шерсть для прядения, в Иоркшире же она составляет собственность мелкого промышленника до того момента, когда он продает ее в форме сукна». *Report... on the state of the woollen manufacture*, p. 446.

⁵ *W. Radcliffe*, *Origin of the new system of manufacture, commonly called power-loom weaving*, p. 59; *S. Bamford*, *Dialect of South Lancashire*, p. IV и V.

себе средства к существованию одним только земледелием, все работали для суконщиков города»¹.

Земледелие и промышленность были подчас так тесно связаны друг с другом, что всякое усиление деятельности в одном из них предполагало соответствующее ослабление в другом. Зимой, когда полевые работы прерывались, во всех хижинах слышалось у очага прилежное жужжание самопрялки. Напротив, во время жатвы самопрялка бездействовала, и за отсутствием пряжи переставали работать также ткацкие станки. «С незапамятных времен, — читаем мы в вводной части одного закона 1662 г., — сохранился обычай приостанавливать каждый год ткацкую работу на время жатвы из-за прядильщиков, у которых ткачи запасаются пряжей и которые в это время года заняты все полевыми работами»².

Если торговец был богат и покупал шерсть большими партиями, то, чтобы дешево обратить ее в пряжу, он бывал вынужден отсылать ее на большие расстояния, иногда до 15 или 20 лье³. У него были свои корреспонденты, бравшие на себя раздачу работы: иногда — какой-нибудь фермер, часто — местный кабатчик. Эта система имела, впрочем, свои неудобства: кабатчик обращался к своим обычным покупателям, и так как в его интересах было ненавлекать на себя их недовольства, то он не обнаруживал чрезмерной требовательности насчет качества работы, — обстоятельство, иногда вызывавшее жалобы со стороны суконщиков⁴. Как мы видели выше, уже мелкий промышленник принужден был отдавать работу на сторону; по мере того как дает себя чувствовать влияние капитала, это первое разделение труда повторяется и принимает более резко выраженный характер.

Пройдя через руки прядильщиков и прядильщиц, шерсть передается ткачу. Этот последний сохраняет еще все внешние признаки независимости. Он работает в своем собственном доме и на своем собственном станке. Он играет даже роль предпринимателя и берет на себя управление процессом производства: часто он за свой счет отдает шерсть в ческу и прядение, доставляет орудия и некоторые из второстепенных материалов производства⁵. сверх того, он не связан обслуживанием одного хозяина: нередко он имеет у себя работу, данную

¹ Report... on the state of the woollen manufacture, p. 13.⁷

² См. *J. James*, Hist. of the worsted manufacture, p. 257, 312.

³ Томас Кросли из Бадфорда отсылал пучки чесаной шерсти до самого Киркби-Лонсдейль (на севере Ланкастерского графства, приблизительно в 50 милях от Бадфорда) и до Ормскирк около Ливерпуля. Ibid., p. 254 и 325.

⁴ Ibid., p. 312 (свидетельское показание Г. Голла, президента Worsted Committee в Лидсе). Прядильщики и пряжи получали вознаграждение сдельно: известное количество выработки называлось penny; а количество, в 12 раз большее, — shilling — названия, которые в этом словоупотреблении теряли свой обычный смысл, так как существовали отличные от обычного пенни и шиллинга единицы — pennyworth (цена пенни) и shillingworth (цена шиллинга), причем shillingworth колебался между 10 и 15 пенсами.

⁵ Между прочим — крахмал для аппретуры и свечи, необходимые для ночной работы. См. *E. Butterworth*, Hist. of Oldham, p. 103; *R. Guest*, Compendious History, p. 10; Journ. of the House of Commons, LV, 493. В хлопчатобумажной промышленности описанная практика была больше в ходу, нежели в шерстяной.

4 или 5 суконщиками¹. В таких условиях он, естественно, склонен смотреть на себя не как на рабочего, а как на поставщика, договаривающегося полюбовно с богатым заказчиком.

Но он беден, и когда из полученной суммы вычитывает плату, которую сам должен отдать рабочим, то ему остается очень мало²; стоит выдаться плохому году и недостаточному урожаю, чтобы он очутился в трудном положении. Он старается признать где-нибудь, и к кому же обратиться в этом случае, как не к суконщику, который дает ему работу? Этот последний охотно согласится дать займы, но ему нужно обеспечение: этим обеспечением будет станок ткача, — станок, который стал уже орудием оплачиваемого труда, а теперь перестает быть собственностью производителя. Таким путем вслед за сырьем в руки капиталиста попадают в свою очередь орудия производства. Этот процесс завладения, медленный и незаметный, происходит с конца XVII и начала XVIII в. почти везде, где домашняя система получила первый удар; в конечном итоге, в руках суконщика оказываются и шерсть, и пряжа, и ткацкий станок, и материя, вместе с сукновальной, где происходит валяние сукна, и лавкой, где его продают. В некоторых отраслях шерстяной промышленности, где оборудование было более сложное и, следовательно, более дорогое, капиталистический захват совершился с большей быстротой и более всесторонне. Вязальщики чулок в Лондоне и Ноттингеме платили за пользование своими вязальными станками известную заработную плату, так называемую *frame rent*, и когда у них бывали какие-нибудь основания для недовольства своими хозяевами, то один из их приемов борьбы состоял в разбивании станков³. Таким образом, производитель, лишившийся мало-помалу всякого права собственности на орудия производства, имеет отныне возможность продавать только свой труд и может жить только своей заработной платой.

Его положение становится еще более шатким, если, вместо того чтобы жить в деревне, где земледелие помогает еще ему существовать, он живет в городе, где обосновался суконщик-торговец. В этом случае он оказывается в непосредственной зависимости от последнего: на него одного он будет рассчитывать отныне, чтобы получить работу, которою живет. В 1765 г. в Тивертоне умер, не оставив наследника, богатый купец-суконщик, и это обстоятельство вызвало чрезвычайную тревогу среди местных ткачей: они уже видели себя лишившимися куска хлеба. Они отправились гурьбой к городскому мэру и потребовали, чтобы тот привлек в Тивертон купца из Экзетера, предложив

¹ Report from the select committee on the petition of persons concerned in the woollen manufacture in the countries of Somerset, Wilts and Gloucester (1803). Parl. Reports, V, 243.

² Ткач получал 36 шилл. за то, чтобы соткать 12 ф. пряжи. Подготовительные операции (*сортировка, чесание и трощение*) обходились ему в 9 шилл.; прядение, считая по 9 пенс. за 1 ф., обходилось в 9 шилл. Таким образом, ему оставалось 18 шилл. за двухнедельную работу. (Эти факты относятся к хлопчатобумажной промышленности в 1750 г.) См. R. Guest, Compendious history, p. 8.

³ W. Felkin, Hist. of the machine-wrought hosiery and lace manufacture, ch. II и III; G. Howell, Conflicts of capital and labour, p. 85.—Самым важным текстом является парламентская анкета 1753 г., в т. XXVI Journals of the House of Commons.

ему место в муниципалитете¹. Эта смерть была для них тем, чем для нынешнего рабочего является внезапное закрытие завода, где он работает. Для довершения сходства нехватает лишь одной черты: рабочий работает еще пока у себя на дому, не будучи подчинен фабричной дисциплине; хозяин довольствуется принятием мер, обеспечивающих последовательный порядок и сочетание различных технических операций, не принимая еще на себя задачи управления ими. Местами, однако, уже вырисовывается черновой набросок мануфактуры. Суконщик-торговец собирает станки в своем доме, и, вместо того чтобы поставить в одной и той же мастерской 3 или 4 станка, как это делал мастер-ремесленник, он объединяет 10 или 12 штук их. Наряду с этим он продолжает раздавать работу на дом². Таким образом, путем незаметных этапов совершается переход от торговца, являющегося в здании суконного рынка для покупки материи, сотканной мелким производителем, к владельцу мануфактуры, готовящемуся стать крупным промышленником следующей эпохи.

Эта форма промышленности, занимающая промежуточное положение между домашней системой и мануфактурой, соединена, следовательно, почти всегда с работой на дому. Именно потому Гельд и обозначает ее часто названием *Hausindustrie*³. Но термин этот имеет тот недостаток, что он двусмыслен. В самом деле, разве промышленность мелкого производителя не является также домашней, и притом в гораздо более полном значении этого слова? Разве не к ней всего больше подходит это название? Настоящей характерной чертой описываемого строя является не работа на дому, а та роль, которую играет здесь капиталист, торговец, превращавшийся мало-помалу из простого покупателя в хозяина всего производства⁴.

Экономическая сила торговца-промышленника развилась особенно в юго-западных графствах. Ее средоточиями были небольшие города, вроде Фрома или Тивертон; отсюда она распространяла свое влияние на окрестные деревни и на весь край⁵. Но мы не хотим сказать этим, что юго-запад занимал в указываемом отношении совершенно особое положение: в Йоркшире, например, мы видим, что на незначительном расстоянии от Галифакского прихода, где почти пол-

¹ *M. Dunsford*, Historical memoirs of the town of Tiverton, ann. 1765.

² Вот примеры, приводимые в Report on the state of the woollen manufacture: один суконщик занимает 21 ткача, из которых 11 работают в его помещении, а 10 у себя на дому; все 21 станок принадлежат ему (стр. 175). Другой, из общего количества в 27 станков, имеет в своей мастерской только 13 (стр. 104).

³ *A. Held*, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, p. 541—543.

⁴ В качестве примера мы взяли шерстяную промышленность, но те же факты с меньшей очевидностью обнаруживаются в других отраслях промышленности. В Ноттингеме 50 торговцев чулочным товаром владели вместе в 1750 г. 1 200 вязальными станками. См. *W. Felkin*, Hist. of the machine-wrought hosiery and lace manufacture, p. 83. Те же факты мы находим в кружевной промышленности, одной из тех, в которых наиболее поздно изменилась техника производства. В 1770 г. Джемс Пильгрим из Лондона занимает 2 тыс. рабочих и работниц, большинство которых работает у себя на дому. Journ. of the House of Commons, XXXII, 127.

⁵ *De Foë*, Tour, II, 17. «Все мелкие пригороды вокруг Тивертонна населены рабочими, которые зависят в отношении средств для существования от хозяев-суконщиков Тивертонна».

ностью сохранилась независимость мелких производителей, Бадфордский округ находился, напротив, во власти суконщиков-торговцев. Этому сосуществованию двух форм производства было дано в литературе довольно правдоподобное объяснение¹. В Бадфорде ткали материи из гребенной шерсти, в Галифаксе же—из кардной. Оба производства различались между собой не только техническими деталями, но и ценами сырья и степенью профессионального искусства, требовавшегося от рабочих. Камвольная индустрия употребляет длинные сорта шерсти, высшего качества и более дорогие. Кардная промышленность употребляет короткие и завитые сорта, более дешевые, но которые труднее с выгодой использовать. Первая особенно нуждается в капиталах, вторая—в опытной и тщательной работе. Последняя может процветать в маленьких, независимых мастерских, первая уживается лучше с таким строем, в котором занимает большее место коммерческий элемент.

На востоке Англии, особенно в Норфольке, преобладало производство камвольных материй, следовательно именно там встречались наиболее благоприятные условия для образования капиталистических предприятий. Однако процесс развития их не обнаруживал там, повидимому, значительно большей стремительности или всесторонности, чем в юго-западных графствах. Мы замечаем лишь там присутствие совсем особого класса посредников: хозяев-чесальщиков (*master combers*), «богатых и способных людей», живущих в городах, особенно—в большом городе Норвиче. Самое название указывает на их главную функцию, заключающуюся в том, что они организуют чесание шерсти, операцию довольно тонкую, поручаемую искусным рабочим. Когда шерсть прочесана, роль хозяина-чесальщика еще не кончена. У него имеются агенты, «которые разъезжают по сельским местностям в тележках, крытых брезентом, раздают шерсть прядильщикам, а в следующий раз берут назад пряжу, выплачивая при этом деньги за сделанную работу»². Остальные стадии производства находятся, как и на Западе, в руках суконных торговцев, и о значении последних можно судить по занимаемому ими общественному положению. В Норвиче они образуют настоящую аристократию: они подражают во всей своей внешности джентльменам, носят шпагу. Торговые связи их простираются до Испанской Америки, Индии и Китая³. Если они и походят несколько на крупных промышленников нашего времени, то в еще большей степени они напоминают крупных суконщиков средневековья, тех купцов Ипра и Гента, которые правили своими богатыми и буйными городками, словно колоссальными торговыми домами.

Хотя их и называют промышленниками, но они, прежде всего, купцы, занятые не производством, а покупкой и продажей⁴. И сле-

¹ *Laurent Dechesne, L'Évolution économique et sociale de l'industrie de la laine, p. 69—71.*

² *Norfolk Herald, 14 février 1832.* Сведения, содержащиеся в этой статье, были собраны в самом Норвиче в 1784 г.

³ *Ibid.; T. Baines, Yorkshire, past and present, I, 677.*

⁴ Тот же тип предпринимателя-капиталиста, скорее коммерсанта, чем фабриканта, находим и в других отраслях промышленности. См. о торговцах-портных.

дует отметить, что в шерстяной промышленности, важнейшей промышленности старой Англии, существование мануфактур в тесном смысле этого слова, т. е. крупных мастерских, поставленных под действительное управление капиталистов, остается до конца XVIII в. явлением совершенно исключительным. Они не поощрялись, не вызывались к жизни королевской властью, как это было во Франции, а, напротив, с самого начала осуждались как опасное новшество¹. Если враждебное им законодательство не воспретило их совершенно, то оно, по крайней мере, замедлило их развитие, укрепляя существующие традиции и интересы. Мелкая промышленность не только продолжала существовать, но даже там, где производитель потерял свою независимость, старые формы промышленности на дому не исчезли, и вместе с почти неизменившимися техническими приемами они поддерживают иллюзию, что ничто не изменилось.

V

Этим различным состояниям промышленности, в которых видны результаты постепенного превращения, соответствовало столько же ступеней в положении промышленных классов. Всего менее отвечала бы действительности какая-нибудь однотонная картина, даже нарисованная без предвзятого намерения приукрасить ее или дать нарочито мрачное изображение.

Сравнивая положение рабочих в былые времена с их нынешним положением, часто поддавались искушению преувеличить контраст между ними. Исходя из тенденциозного намерения либо изобличить с большею силой злоупотребления и недуги настоящего времени, либо вернуть воображения и сердца к институтам прошлого, старую промышленность описывали в идиллических красках. Это был якобы «золотой век промышленности»². Ремесленник в деревне или в маленьком городе вел жизнь более простую и более здоровую, чем в наших современных больших городах. Сохранение семейного уклада жизни защищало его нравственность. Он работал у себя дома, в удобные ему часы и соразмерно своим силам. Возделывание нескольких акров земли, собственной или арендованной, занимало его свободные часы. Живя среди своих, он вел мирное существование. «Это был почтенный член общества, добрый отец, добрый муж и добрый сын»³. Трудно было бы произнести похвальное надгробное слово более растроганным и назидательным тоном.

Но если бы мы предположили даже, что это похвальное слово вполне заслужено, то оно во всяком случае было бы приложимо только к домашней промышленности в тесном смысле слова, к той промышленности, наиболее совершенный тип которой мы нашли в районе Галифакса. Действительно, иоркширский *master manufacturer*, бывший одновременно рабочим и хозяином, мелким промышленником

F.-W. Galton, *Select documents illustrating the history of Trade-Unionism*, I. *The tailoring trade*, p. 46, 54, etc.

¹ См. введение, стр. 11.

² *P. Gaskell*, *The manufacturing population of England*, p. 17 et suiv.

³ *Ibidem*.

и мелким землевладельцем, пользовался сравнительным достатком. «Нередко можно видеть, что ткач, имеющий сколько-нибудь многочисленную семью, отправляется в базарный день в Галифакс и покупает там для убоя двух-трех крупных волов, стоящих ему по 8 или 10 ф. ст. каждый»¹. Прибавьте к этому несколько голов скота, которые он пасет на своем небольшом участке земли или посылает пастись на общественном выгоне, и вот он уже обеспечен говядиной на всю зиму. А ведь это замечательный признак достатка в такое время, когда «английский ростбиф старого доброго времени» был еще для многих жителей деревни роскошным блюдом и когда несчастные шотландские крестьяне принуждены были в неурожайные годы делать кровопускание своим коровам, чтобы пить их кровь². Йоркширский ткач сам варил свое пиво³. Его одежда производилась дома, и покупка платья в городе казалась ему признаком чванства и расточительности. Следовательно, при всей своей простоте, образ жизни ткача был довольно комфортабельным, и нет ничего удивительного, что тот был весьма привязан к нему⁴. Рабочие, занятые у ткача, составляли класс, мало чем отличавшийся от его собственного класса. Часто рабочий жил в доме хозяина и на его харчах; сверх того он получал еще от 8 до 10 ф. ст. годового жалованья, как батрак на ферме⁵. Он оставался на службе у одного и того же хозяина почти бессрочно⁶, если не обзаводился сам хозяйством в какой-нибудь соседней деревне. Но такой порядок вещей был возможен лишь там, где существовало, со всеми своими характерными особенностями, мелкое домашнее производство.

Как только, однако, ясно обозначается разобщение капитала и труда, положение изменяется в ущерб производителю. Так как ныне он не более как наемный работник, то его положение зависит от высоты его заработной платы. Между тем, в экономических писаниях XVIII в. часто высказывается мысль, что рабочий всегда слишком хорошо оплачивается. «Чтобы промышленность прогрессировала, нет лучшего средства, как нужда: рабочий, который после трех дней работы видит, что его существование обеспечено на целую неделю, проведет остаток ее в бездельничании и хождении по кабакам... В промышленных округах бедный класс никогда не станет работать больше, чем это нужно для того, чтобы прокормиться и пображничать в течение недели. Мы вправе утверждать, что понижение заработной платы в шерстяной промышленности было бы благодеянием и благословением для страны и не причинило бы действительного ущерба

¹ *De Foë*, Tour, III, 108.

² В Бреконшире (Уэльсе) в 1787 г. «пишу бедных классов составляют хлеб и сыр, запиваемые молоком или водкою; немного пивка. Говядины—никогда, исключая воскресенья». *A. Young*, Annals of Agriculture, VIII, 50. Гемпширские мировые судьи в 1795 г. требуют, чтобы «подещик мог кушать мясо один раз в день или, по крайней мере, три раза в неделю». *Annals of agric.* XXV, 365. См. *F. Eden*, State of the Poor, I, 496.

³ См. петицию против пошлин на солод, *Journ. of the House of Commons*, XXXVII, 834.

⁴ Report on the state of woollen manufacture, p. 10.

⁵ См. *Howell*, Conflicts of capital and labour, p. 74.

⁶ См. Report on the woollen clothiers' petition (1803), p. 4.

бедному классу. Оно дало бы возможность поддержать нашу торговлю, поднять наши ренты и вдобавок еще улучшить нравы»¹. Так как эти добрые советы повторялись часто, то им, конечно, охотно следовали.

Прядение, выполнявшееся обыкновенно женщинами и детьми, принадлежало к наиболее плохо оплачиваемым видам труда. Согласно цифрам, собранным Артуром Юнгом между 1767 и 1770 гг., дневной заработок пряжи колебался, в зависимости от района и года, между 4 и 6 пенс., т. е. составлял приблизительно $\frac{1}{3}$ заработка поденщика². Правда, это был только подсобный источник дохода в обычном бюджете крестьянской семьи. Сверх того, в условиях труда не было ничего тяжелого. В долине Бадфорд «женщины из Аллертона, Торнтон, Уилдсена и всех окрестных деревень выбирали какое-нибудь любимое местечко и собирались там в солнечные дни, причем каждая приносила свою прялку... В Бак-Лэне, к северу от Вест-Гэта, можно было в летние послеобеденные часы видеть такие длинные ряды прялок»³. Действительно шатким положение прядильщиков и прядильщиц становится только тогда, когда они вынуждены жить исключительно одним веретеном и прялкой, когда они от земледелия отброшены к промышленности.

По мере того как совершается переход от элементарных операций производства к операциям более сложным, более тонким, требующим большей усидчивости и приобретенной ловкости, все резче обозначается специализация. Ткач, который в течение долгих часов работает согнувшись над своим станком, все больше имеет тенденцию быть только ткачом. Пока он живет в деревне, он, без сомнения, остается крестьянином и земледельцем, но земледелие отходит уже для него на второй план; оно становится в свою очередь, только подсобным занятием, доход от которого пополняет собой ежедневную заработную плату. Но если ткач живет в Норвиче или Тивертоне, то он уже не более как рабочий, существование которого обеспечивается одной промышленностью. Насколько он становится

¹ *J. Smith*, *Memoirs of wool*, II, 308; *W. Hutton*, *History of Birmingham*, p. 97; *An inquiry into the connection between the present high prices of provisions and the size of farms*, p. 93. Упомянем еще многозначительное заглавие брошюры, появившейся в 1764 г.: «Размышления о налогах, в связи с предположением о вредном влиянии их на цену труда в наших мануфактурах. Также несколько мыслей об общем поведении и склонностях населения, работающего в мануфактурах нашего королевства; показ на доводах, почерпнутых из опыта, что ничто, кроме необходимости, не побудит труд к повиновению и что никогда ни одно государство не играло, да и не могло играть значительной роли в коммерции, если в нем были дешевы предметы жизненной необходимости».

² Район Лидса—от 2 ш. 6 п. до 3 ш. в неделю (*North of England*, I, 139), Ланкастер—3 ш. 3 п. в неделю (*ibid.*, III, 134), Эссекс—от 4 до 5 п. в день (*Southern counties*, p. 65), Саффолк—6 п. в день (*ibid.*, p. 58).—*J. James*, *Hist. of the worsted manufacture*, p. 325, цитирует для камвольной промышленности цифры, очень близкие к приведенным: «Хороший прядильщик, работая с утра понедельника до вечера субботы, мог заработать 2 ш. 6 п. (6 п. в день)... Девочка 15 лет могла спрядать 9 или 10 мотков нити в день по $\frac{1}{2}$ п. моток» (от $4\frac{1}{2}$ до 5 п.).—Для сравнения с заработной платой в сельском хозяйстве—см. *A. Young*, *Southern counties*, p. 61, 62, 151, 154, 157, 171, 186, 197, 266. и *North of England*, I, 172, 312—313; III, 24—25, 277, 345. Сводная таблица, там же, IV, 293—296.

³ *J. James*, *Continuation to the history of Bradford*, p. 221.

тогда зависимым от хозяина, дающего ему работу, об этом мы уже могли составить себе суждение по изложенным раньше фактам. И чем теснее становится эта зависимость, чем больше хозяин знает, что рабочий не может обойтись без даваемой им ему работы, тем ниже падает заработная плата.

В деревнях Запада ткачи, еще привязанные к земле, довольно хорошо зарабатывали себе на жизнь. В 1757 г. глостерширский ткач мог заработать, если ему помогала при этом жена и работа была выгодная, от 13 до 18 шилл. в неделю, т. е. 2—3 шилл. в день; впрочем, это было значительно больше средней платы, приближавшейся, вероятно, к 11—12 шилл.—цифре, которую несколькими годами позже отметил Артур Юнг¹. В районе Лидса, где промышленное население было более густым, хороший рабочий зарабатывал около 10 ш. 6 п. в неделю, но частая безработица уменьшала этот заработок до средней в 8 шилл.² В Норфольке, где камвольная промышленность доставляла преобладающую роль капиталисту, заработная плата опускалась еще ниже и в самом Норвиче составляла 6 шилл., т. е. едва 1 шилл. в день³. Таким образом, по мере того как мы переходим от разбросанной промышленности, еще смешанной с земледелием, к промышленности, достигшей более высокой степени концентрации и организации, уменьшается не только независимость работника, но и его средства существования: причиной является, с одной стороны, избыток рабочих рук, с другой—то обстоятельство, что рабочему становится все труднее находить средства к существованию вне своего ремесла. Лучше вознаграждались и легче могли защищать уровень своей платы только известные категории рабочих, специальная задача которых требовала большей профессиональной ловкости, как, например, чесальщики шерсти и стригальщики сукна.

Большинство зол, на которые жалуются в наши дни рабочие крупной промышленности, было уже известно английским рабочим начала XVIII в. Пробежим бесконечный список жалоб, представленных парламенту рабочими портняжного промысла⁴. Они жалуются на недостаточность заработной платы⁵. Они жалуются на безработицу: «хозяева дают им работу только в течение половины, самое большее—двух третей года; для всякого беспристрастного человека ясно, что люди семейные не могут существовать в течение целого года с женой и детьми на столь ненадежный заработок, не превышающий в среднем 15—16 пенс. в день»⁶. Они жалуются на конку-

¹ A. Young, Southern counties, p. 270.

² Idem, North of England, I, 137—138.

³ Idem, Southern counties, p. 65; J. James, Hist. of the worsted manufacture, p. 278.

⁴ См. тексты, собранные F.-W. Galton'ом в Select documents illustrating the history of Trade-Unionism: I. The tailoring trade.

⁵ В 1720 г.—1 ш. 10 п. в день (Galton, p. 13); в 1721 г.—от 1 ш. 8 п. до 2 ш., в силу парламентского акта (7 Geo. I, st. I, c. 13); в 1751 г.—от 2 до 2½ ш. (Galton, p. XXXV); в 1763 г.—от 2 ш. 2 п. до 2 ш. 6 п. (решение триместровой сессии мировых судей Сити, подтвержденное актом 8 Geo. III, p. 17); в 1775 г.—3 ш. (Galton, p. 86).

⁶ The case of the journeymen tailors in and about the cities of London and Westminster, 1744. Согласно одному памфлету 1752 г. «портные от дня святого

ренцию ремесленных учеников, набираемых массами в деревнях: «чтобы обеспечить себе дешевые рабочие руки, портные-хозяева приглашают из деревень молодых парней, неискусных новичков, которые весьма довольны, когда могут получать хотя бы маленькую плату»¹. Они жалуются на чрезмерную продолжительность рабочего дня: «в большинстве других ремесл работают от 6 час. утра до 6 час. вечера, между тем рабочий день подмастерьев-портных на 2 часа длиннее»². Зимой они работают несколько часов при свечах: с 6 час. утра до 8 час. и позже... и с 4 час. до 8 час. вечера... От сидения в течение стольких часов подряд, согнувшись почти вдвое над столом, от столь продолжительного наклонного положения над работой при свечах истощается их энергия, изнашиваются их силы, ухудшается скоро их здоровье и слабеет зрение³. И у большинства их было столь же мало шансов выбиться вверх из своего положения, как у нынешнего рабочего.

Описываемое положение не было, впрочем, хуже, чем в предшествующем столетии, скорее оно улучшилось. Этому бесспорному прогрессу значительно способствовали исключительно цены на пищевые продукты, стоявшие низко в течение 50 лет⁴. Почти везде пшеничный хлеб вытеснил собою ржаной и ячменный, «на который стали смотреть с известным отвращением»⁵. Потребление мяса, при всей своей ограниченности, было все-таки более распространено, чем в какой бы то ни было другой европейской стране⁶. Можно было наблюдать даже, что в крестьянских домах появляется такой предмет роскоши—или, по крайней мере, считавшийся таковым,—как чай, который привозили с Дальнего Востока корабли Ост-индской компании⁷. Но относительное благосостояние, о котором, несомненно, свидетельствуют эти факты, было чрезвычайно шатко. Достаточно было нескольких неурожаев, с сопровождающим их вздорожанием жизненных припасов, чтобы это благосостояние исчезло⁸. Во многих местностях достаточно было раздела общинных угодий,

Иоанна до дня святого Михаила имеют мало работы или сидят совсем без работы,—в общем итоге они работают не более 32 недель в году». *The case of the journeymen tailors and journeymen staymakers*, p. 1.

¹ *Ibidem*, p. 2.

² До закона 1768 г. (8 Geo. III, p. 17), который уменьшил число рабочих часов до 13 (от 6 часов утра до 7 часов вечера).

³ *The case of the journeymen tailors and journeymen staymakers*, p. 2.

⁴ Согласно А. Тойнби (*Lectures on the industrial revolution*, p. 67), средняя цена пшеницы в XVII в. составляла 38 ш. 2 п. за квартал, а средняя поденная плата сельскохозяйственного рабочего—10³/₄ пенса. Между тем в течение первых шести десятилетий XVIII в. средняя поденная плата равнялась 1 шилл. при цене квартала пшеницы только в 32 шилл.

⁵ *A. Young, The farmer's letters to the people of England*, I, 207. Однако в наиболее бедных областях (например, в долинах Кумберленда) белый хлеб остается до конца XVIII в. изысканным блюдом, появляющимся на столе только в большие праздники. См. *F. Eden, State of the poor*, I, 564.

⁶ *A. Young, Travels in France*, éd. 1793, II, 313. «Всякий пользующийся достатком ткач считал для себя вопросом чести, чтобы к воскресному обеду у него подавался на стол гусь». *Norfolk Herald*, 7 févr. 1832.

⁷ Ввоз чая в Англию составлял: в 1711 г.—142 тыс. ф., в 1760 г.—2 516 тыс. ф. *Sir Geo. Nicholls, History of the English poor law*, II, 59.

⁸ Такое явление действительно имело место в 1765 и 1775 гг.

навсегда разрушившего традиционное соединение мелкой земельной собственности с мелкой промышленностью, чтобы сделать положение сельских работников невозможным и толкнуть их массами в города.

Большинство рабочих работало у себя на дому или в небольших хозяйских мастерских. Это обстоятельство подало повод к своеобразным заблуждениям. По общераспространенному и довольно естественному, хотя и ошибочному, взгляду, принято считать работу на дому менее тяжелой, более здоровой и, в особенности, более свободной, чем фабричный труд, происходящий под бдительным надзором мастера и в такт с торопливым ритмом паровой машины. А между тем именно в некоторых домашних промыслах продолжают существовать в наши дни самые безжалостные методы эксплуатации. Именно здесь доведено до совершенства искусство выжимать из человеческого существа максимальное количество труда за самую скудную зарплату. Производство дешевого готового платья в восточной части Лондона часто приводилось в качестве примера промышленности, где процветают типичнейшие образчики этого режима экономического угнетения, известного под названием *потогонной системы* (*sweating system*). Между тем это производство не сосредоточено на больших предприятиях. Оно почти совершенно не пользуется машинами: смехотворно низкая заработная плата делает машины почти бесполезными. Эти факты в настоящее время слишком общеизвестны, чтобы была надобность настаивать на них; описания ужасных трущоб, в которых живут и работают рабочие *потогонной системы*, составляют наилучшую апологию мануфактуры и завода. Как раз в домашней промышленности наиболее долго сохраняются старые злоупотребления: так, например, расплата с рабочими натурой вместо денег, запрещенная парламентским актом уже с 1701 г., продолжала, однако, в течение почти 80 лет существовать в кружевной промышленности, и понадобился новый закон, угрожающий нарушителям суровыми наказаниями, чтобы положить конец этой практике злоупотребления, лишавшего кружевниц части их заработка¹.

Современная крупная промышленность не создала целиком промышленного пролетариата, как она не создала целиком капиталистической организации производства. Она только ускорила и завершила давно уже начавшуюся эволюцию. От мелкого производителя, совмещающего в своем лице одновременно хозяина и работника, до оплачиваемого рабочего мануфактуры можно найти все промежуточные ступени между экономической независимостью и подчиненностью, между крайним дроблением капитала и предприятия

¹ Акт I Anne, с. 18. запрещает расплачиваться с поденщиками и рабочими иначе как законной монетой, под страхом штрафа, превышающего вдвое сумму причитающейся платы. Расплата товарами вместо денег (или *truck-system*) в кружевной промышленности составляет предмет закона акта 19 Geo. III, с. 49 (1779 г.). Мотивировка закона начинается следующими словами: «Принимая во внимание, что обычай выплачивать лицам, занятым в кружевном производстве, весь заработок или часть его товарами, а не деньгами, причиняет названным лицам серьезный ущерб и грозит создать неблагоприятные условия для указанного производства...» Нарушение закона должно было караться в первый раз штрафом в 10 ф. ст., а рецидив—6 месяцами тюремного заключения.

и уже развитой концентрацией их. Сверх того рядом с домашней промышленностью существовали еще пережитки более старого положения вещей, которому труднее приписать воображаемые достоинства. Когда крепостное состояние было отменено во Франции учредительным собранием, оно едва лишь успело исчезнуть в Великобритании. Рабочие шотландских угольных и соляных копей оставались до 1775 г. крепостными в самом полном значении этого слова. Прикрепленные на всю жизнь к земле угольных и соляных копей, они могли быть продаваемы вместе с ними. Они носили даже внешний знак своего рабства: воротник, на котором было вырезано имя их господина¹. Закон, положивший конец этому пережитку варварского прошлого, был проведен полностью на практике лишь в последние годы XVIII в.².

VI

Наилучшее понимание экономической эволюции, предшествовавшей наступлению эры крупной промышленности, дает история столкновений между капиталом и трудом. Эти конфликты не ждали машинного производства и фабрик, не ждали даже мануфактур, чтобы вспыхивать часто, и притом в очень резких формах. Как только средства производства перестают принадлежать производителю, как только образуется класс людей, продающих свой труд, и класс людей, покупающих его, мы тотчас же наблюдаем проявление неизбежного антагонизма. Существенный факт, на котором никогда не лишне будет настаивать, это — разобщение производителя и средств производства. Сосредоточение рабочих рук на фабрике и рост больших промышленных центров сообщили впоследствии этому факту первостепенного порядка все его социальные последствия и все его историческое значение; но самый факт предшествовал им, и первые

¹ *David Bremner*, *The industries of Scotland*, p. 5.

² Мы разумеем акт 15 Geo. III, с. 28 (1775 г.). Мотивировка его довольно любопытна: гуманные соображения занимают здесь лишь второстепенное место; повидимому, дело шло главным образом о том, чтобы обеспечить набор рабочих. «Нет такого человека, — говорится здесь, — у которого не пропала бы всякая охота изучать ремесло солеваря или углекопа, раз он знает, что всякий, кто проработает год в угольных или соляных копях, задерживается там на всю остальную свою жизнь. Отсюда происходит то, что в Шотландии нельзя найти достаточного числа людей для добывания необходимых количеств каменного угля и соли; многие из открытых недавно залежей каменного угля остаются неразработанными, а значительное число других плохо эксплуатируется; то же происходит и с соляными копиями, к великому ущербу их владельцев и общества... Уравнение в правах и освобождение шотландских углекопов и солеваров, путем постепенных мероприятий и на разумных условиях, вместе с одновременным установлением правил, которые не дали бы впредь никому власть в такое состояние закрепощенности, явилось бы средством увеличить число рабочих каменноугольной и соляной промышленности, к великой пользе общества и без всякого ущерба для нынешних собственников, и устранило бы позорное пятно, связанное с сохранением рабского строя в свободной стране». Для завершения освободительных мероприятий был предусмотрен максимальный срок в 12 лет. Таким образом крепостное право было окончательно отменено в Шотландии в 1787 г. [В «*History of Scotland*» P. H. Brown'a (1914, т. III, стр. 278), как дата окончательного упразднения крепостного права, указан даже 1799 г. — *Перев.*].

результаты его дали себя почувствовать гораздо раньше, чем он был завершен технической революцией.

Здесь перед нами встает одно возражение: не приходится ли нам, чтобы добраться до начала этих конфликтов, углубляться бесконечно далеко в прошлое? Разве история коалиций и стачек не столь же стара, как история самой промышленности? Супругам Вебб пришлось столкнуться с тем же трудным вопросом в начале своей «Истории тред-юнионизма», и решение, которое они ему дали, подтверждает предшествующие наши замечания. Для них вопрос ставился в несколько иной форме: надо было распутать истинное происхождение английского профессионального рабочего движения. По мнению Веббов, нельзя привести ни одного вполне достоверного примера какого-нибудь тред-юниона раньше XVIII в. Все факты, приводимые в доказательство противоположного тезиса, относятся либо к гильдиям или цехам, — которые в действительности были чем-то совершенно иным, чем профессиональные рабочие союзы, — либо к эфемерным коалициям, образованным в связи с каким-нибудь частным конфликтом¹. Пока разница между хозяином и рабочим, работающими бок-о-бок в маленьких мастерских, невелика, пока подмастерье сохраняет надежду стать мастером, — до тех пор пререкания или возмущения остаются единичными фактами, не имеющими большого значения. Только когда мы имеем перед собою два резко отличных друг от друга класса людей, с одной стороны — класс капиталистов, с другой — класс наемных рабочих, огромное большинство которых обречено на то, чтобы никогда не выйти из своего положения, — только тогда противоположность имеет тенденцию стать явлением постоянным и нормальным, только тогда временные коалиции превращаются в постоянные союзы и стачки следуют одна за другой, как эпизоды одной непрерывной борьбы.

Владычество купцов — владельцев мануфактур, особенно в юго-западных графствах Англии, рано вызвало сопротивление рабочих. К числу свидетельствующих об этом документов принадлежит любопытная народная песенка, сложенная, повидимому, в царствование Вильгельма Оранского. Называется она «Восторг суконщика»² и вкладывает в уста самого хозяина признание того, в чем его упрекали рабочие:

«Из всех существующих в Англии промыслов нет ни одного, который жирнее кормил бы своих людей, чем наш. Благодаря нашей торговле мы так же хорошо одеты, как рыцари, мы располагаем досугом и ведем веселую жизнь. Обирая и прижимая бедноту, мы накапливаем сокровища, наживаем крупные богатства. Вот как мы набиваем свою мошну, — не без того, чтобы на нас не сыпались за это проклятия.

¹ *Sidney и Beatrice Webb*, Hist. of Trade-Unionism, 11—20. — Теорию превращения гильдий в тред-юнионы поддерживал Л. Brentano, «On the history and development of Trade Unions» и «Die Arbeitergilden der Gegenwart», т. I, гл. I и II; см. также *G. Howell*, Conflicts of capital and labour.

² «The Clothier's Delight». Вот перевод полного заглавия: «Восторг суконщика или радость богача и горе бедняка, где описывается коварство, с которым многие суконщики понижают в Англии заработную плату своих рабочих». См. *J. Burnley*, Wool and Woolcombing, p. 160—161.

«Во всем королевстве, в деревнях, как и в городе, нашей промышленности не грозит упадок, пока чесальщик шерсти будет уметь работать своим гребнем и ткач—пускать в ход свой станок. Сукновала и пряжу, весь год сидящую за своей прялкой,—мы заставим их дорого заплатить за получаемую ими плату...

«...И прежде всего мы чесальщиков шерсти сведем с восьми groats за двадцать фунтов на полкроны¹. А если они начнут роптать и скажут, что это слишком мало, то мы поставим им на выбор—либо брать эту плату, либо остаться без всякой работы. Мы убедим их, что в коммерции полный застой. Они никогда не были так печальны, но что нам за дело до этого?...

«Мы заставим бедных ткачей дешево работать. Мы будем находить изъяны в их работе, действительные или мнимые, так чтобы еще урезывать их заработную плату. Если дела пойдут плохо, они тотчас почувствуют это, если же дела поправятся, то они никогда этого не узнают. Мы скажем им, что сукно не идет больше в заморские страны и что у нас нет никакого желания продолжать торговлю им...

«Затем наступит очередь прядильщиков. Мы заставим их спрясть три фунта шерсти вместо двух. Когда они приносят нам свою работу, они жалуются и говорят, что не могут прожить на свою плату. Но если у них не будет хватать хотя бы одной унции пряжи, мы не постесняемся сбавить им три пенса...

«Если вес хорош, и они умоляют нас заплатить им,—«у нас нет денег,—скажем мы им,—что вы хотите получить взамен?» У нас есть хлеб, солонина и хорошее масло, овсяная мука и соль, из которых можно приготовить вкусный обед. У нас есть мыло и свечи, чтобы светить вам, чтобы вы могли при свете их работать, пока у вас сохранится зрение...².

«Когда мы отправляемся на рынок, наши рабочие радуются. Но когда мы возвращаемся оттуда, мы напускаем на себя печальный вид. Мы садимся в угол, как если бы у нас болело сердце. Мы говорим им, что вынуждены считать каждый пенни. Мы ссылаемся на бедность, раньше чем действительно нуждаемся в этом оправдании, и таким образом великолепно надуваем их.

«Если они завсегда и какого-нибудь кабака, то мы стараемся столкнуться с кабатчицей: мы ведем общий счет с нею, требуем на свою долю 2 пенса с шиллинга и сумеем их получить. При помощи этих остроумных средств мы и увеличиваем свое состояние. Ибо все, что попадает в наши сети, для нас рыба...

«Вот как мы приобретаем свои деньги и земли,—благодаря беднякам, работающим день и ночь. Если бы не было их, чтобы изо всех сил трудиться, то мы могли бы, не долго говоря, повеситься. Чесальщики шерсти, ткачи, сукновалы, затем прядильщики, надрывающиеся над работой за мизерную плату,—благодаря труду их всех мы набиваем свою кошницу,—не без того, чтобы на нас не сыпались за это проклятия...»

¹ Groat—название старой английской серебряной монеты в 4 пенса. Полкроны равняется 2¹/₂ шилл., или 30 пенса.

² Намек на truck-system.

Мы сочли уместным привести большую часть этой песенки—несмотря на ее длинноты, на ее повторения, на неуклюжесть ее выражений, столь характерных, впрочем, и носящих на себе столь явную печать народности. В ней так и слышится язык людей, которые в жалких кабаках, где они собирались по окончании своего дневного труда, впервые мечтая объединиться с целью оказать сопротивление хозяйскому гнету, и эти тайные собрания были зародышем тред-юнионов¹.

Среди рабочих, которым удалось организовать раньше других, следует отметить чесальщиков шерсти. Необходимо заметить, что движения, имеющие целью систематическое сопротивление предпринимателям, начинаются обыкновенно не среди наиболее подавленных категорий рабочих, а, напротив, среди тех, которые, сохранив больше независимости, более нетерпеливо переносят принуждение и располагают также большими силами, чтобы дать ему отпор. Рабочие-чесальщики занимали в шерстяной промышленности особое положение: специальные операции их ремесла требовали известной приобретенной ловкости². Заменить их, ввиду их малочисленности³, было довольно трудно, и так как они имели обыкно-

¹ «По мнению Адама Смита, «редко бывает, чтобы ремесленники собрались даже для времяпрепровождения и развлечения и чтобы разговор их при этом не кончился каким-нибудь объединением против публики или тем или иным ухищрением с целью получения более высокой заработной платы». У нас имеется положительное доказательство того, что один из старейших тред-юнионов возник из собрания рабочих «с целью по-товарищески выпить вместе пинту портера» (to take a social pint of porter together). Еще чаще постоянная организация является результатом какой-нибудь шумной стачки. В других случаях мы видим, как рабочие объединяются для составления петиции в палату общин и время от времени собираются вновь для продолжения своей агитации за издание какого-нибудь нового постановления или за выполнение на практике существующего закона. Еще в других случаях мы наблюдаем, что рабочие известного промысла посещают определенные трактиры, куда они ходят справляться о свободных местах, и это бюро для приискания занятий (house of call) становится, таким образом, центром рабочей организации. Или же рабочие одной и той же профессии объявляют, что, «по старому обычаю, существующему в королевстве Великобритания, рабочие собираются и объединяются в общества для развития взаимной дружбы и истинно христианской любви к ближнему»; они основывают «клуб» для выдачи пособий в случае болезни и денег на погребение. Такой клуб неизменно приходит, в конце концов, к обсуждению ставок заработной платы, предлагаемых хозяевами, и мало-помалу становится тред-юнионом с функциями взаимопомощи. Наконец, если ремесло принадлежит к числу тех, рабочие которых принуждены часто перекочевывать с места на место в поисках работы, то мы присутствуем при медленной выработке системы, имеющей целью оказание пособия этим «бродягам» в каждом городе, через который они проходят; затем это широко раскинувшееся общество странствующих рабочих постепенно превращается в национальный тред-юнион». *S. et B. Webb, History of Trade-Unionism*, p. 21—23.

² Чесание шерсти делалось, естественно, ручным способом. Чесальщики «очищают шерсть, взбивают, вновь очищают, обезжиривают ее и сучат, расчесывают и хорошо обрабатывают ее, смазывают, т. е. орошают и перетирают, если не коровьим, то растительным маслом, и расчесывают ее влажной. Затем ее окрашивают, если это нужно, а если нет, то вторично перемывают, снова расчесывают и, наконец, перемывают в последний раз. Только тогда шерсть выходит из рук чесальщика». *Encyclopédie Méthodique*, ст. *Peignage*, Manufactures, II, 264; *J. James, History of the worsted manufacture*, p. 259.

³ Согласно *Bischoff, A comprehensive history of the woollen and worsted manufacture*, I, 185, на каждые 7 ткачей требовались 2 чесальщика шерсти.

вение искать работу, переходя из города в город¹, то они не зависели всецело от милости одного хозяина или небольшой группы хозяев. Этими обстоятельствами объясняется и сравнительно высокий уровень их заработной платы² и факт их ранней организации.

Уже с 1700 г. тивертонские чесальщики шерсти образовали общество взаимопомощи, имевшее в то же время черты постоянной коалиции³. Спустя немного времени, это движение, начавшееся, быть может, сразу в нескольких местах, стало более распространенным благодаря кочевым привычкам чесальщиков шерсти: вскоре эта «корпорация без хартии» (woolcombers) имела свои разветвления во всей Англии и сочла себя достаточно сильной, чтобы попытаться регламентировать свое производство. «Никто не должен был брать работу за плату ниже известной ставки; ни один мастер не должен был нанимать чесальщиков шерсти, не принадлежащих к их обществу; если он это делал, то все остальные рабочие скопом отказывались работать для него; если у него было, например, два десятка рабочих, то все двадцать уходили зараз, и часто, не довольствуясь прекращением работ, они осыпали бранью честного человека, оставшегося в мастерской, наносили ему побои и ломали его инструменты»⁴.

Некоторые из этих стачек ни в чем не уступали самым яростным конфликтам XIX в. В 1720 г. тивертонские суконщики хотели привезти из Ирландии гребенную шерсть, необходимую для выделывания разных сортов саржи: чесальщики, интересам которых угрожала от этого прямая опасность, попытались силою воспрепятствовать этому ввозу, который их разорял. Они ворвались в лавки суконщиков, забрали шерсть ирландского происхождения, часть ее сожгли, а остаток подвесили к вывескам лавок «как трофеи победы». Несколько домов подверглось нападению, причем хозяева, защищаясь, стреляли в нападавших; констеблям удалось восстановить порядок только после форменного боя⁵. Та же распря возобновилась в 1749 г. Вспыхнула продолжительная и жестокая стачка: чесальщики шерсти поклялись твердо держаться, до полной капитуляции суконщиков и ткачей, употреблявших ирландскую гребенную шерсть. Сначала они вели себя довольно спокойно, но когда стачечный фонд их иссяк, то бедственное положение толкнуло их к насилиям, к угрозам поджогами и убийством. Произошли кровавые стычки, и потребовалось вмешательство войск. Торговцы пошли тогда на некоторые уступки, предлагая ограничить ввоз, но чесаль-

По показанию *J. Haynes*, *Provision for the poor, or a view of the decayed state of the woollen manufacture*, p. 9 (1715), превращение 240 ф. шерсти в камвольную ткань (worsted) требовало работы, в течение одной недели, 250 прядильщиц, 25 ткачей и только 7 чесальщиков.

¹ См. *Journ. of the House of Commons*, XLIX, 323.

² Между 1760 и 1770 гг. заработная плата чесальщика шерсти колеблется от 10 до 12 шилл. в неделю (именно столько зарабатывают наилучше оплачиваемые из ткачей). См. *A. Young*, *North of England*, I, 139, II, 134, и *Southern counties*, p. 65.

³ *Sidney et Beatrice Webb*, *General History*, I, *Woollen Trade*.

⁴ *A short essay upon trade in general* (1741); цит. *J. James*, *Hist. of the worsted manufacture*, p. 232.

⁵ *Harding*, *History of the town of Tiverton*, I, 95. О бунтах ткачей Уилтшира в 1739 г. см. *S. Smith*, *Memoirs of wool*, II, 78—79.

щики были непреклонны и стали говорить о массовом оставлении города; многие привели свою угрозу в исполнение, к великому ущербу для местной промышленности¹.

Примеру чесальщиков шерсти не замедлили последовать ткачи, и хотя союзы их были не так хорошо вооружены для борьбы, тем не менее они оказались скоро достаточно сильными, чтобы причинить суконщикам серьезное беспокойство. Опять-таки и на этот раз мы находим старейшие следы их существования и деятельности в юго-западных графствах: в 1717 и 1718 гг. несколько петиций доносили парламенту о постоянной коалиции, образованной ткачами в графствах Девон и Сомерсет². Королевская прокламация торжественно осудила «эти нелегальные сообщества и клубы, позволившие себе, вопреки закону, употреблять общую печать и действовать как настоящие корпорации (*bodies corporate*), издавая и стараясь навязать известные правила, посредством которых они имеют претензию определять кто имеет право заниматься их ремеслом, сколько учеников и рабочих должен принимать к себе на службу каждый хозяин, а также устанавливать цены всех товаров, качество сырья и способы производства»³. Действие этой прокламации оказалось, как это следовало ожидать, абсолютно равным нулю, поэтому уже через несколько лет парламент прибегает, по требованию суконщиков, более энергично к репрессивным мерам. В 1725 г. палатами был принят закон, воспретивший ткачам всякую коалицию, «устраиваемую с целью регламентирования промышленности или с целью добиваться повышения заработной платы»; за стачки, как за преступления, грозили суровые кары, которые, в случае вторжения в частные жилища, уничтожения товаров или угроз против лиц, доходили до ссылки в каторжные колонии и до смертной казни⁴. Несмотря на страх, который должны были внушить эти кары, коалиции ткачей не распались и продолжали существовать дальше⁵. Напротив, в Йоркшире, где сохранилась еще «домашняя система», они появились только вместе с машинным производством.

В этой категории фактов, как и в тех, которые мы рассматривали раньше, шерстяная промышленность представляет только один при-

¹ *Harding*, I, 113—114. Такие же факты имели место в Норвиче в 1752 г.; чесальщики шерсти, которым угрожало понижение заработной платы, покидают город и удаляются на своего рода Авентинский холм, в Рокхес. *Gentleman's Magazine*, XXII, 476.

² *Journ. of the House of Commons*, XVIII, 715, XX, 268, 598, 602.

³ *Webb*, *Hist. of Trade-Unionism*, p. 29.

⁴ 12 Geo. I, с. 34. Мотивы закона почти дословно воспроизводят выражения королевской прокламации 1718 г. В том же 1725 г. решение trimestровой сессии мировых судей в Манчестере напомнило о существовании закона XVI в. (2 и 3 Edw. VI, с. 15), запрещающего «всем ремесленникам, рабочим и поденщикам» составлять коалиции против своих хозяев, под страхом штрафа в 10 ф. ст. или 20 дней тюремного заключения при первом нарушении, 20 ф. ст. штрафа или выставления у позорного столба при рецидиве, а в третий раз—штрафа в 40 ф. ст. или выставления у позорного столба и отсечения одного уха. См. *F. Eden*, *State of the poor*, III, CX. Аналогичные с законом 1725 г. мероприятия были предписаны законами 1756 и 1757 гг. (29 Geo. II, с. 33 и 30. Geo. II, с. 12).

⁵ См. *Laurent Dechesne*, *Évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre*, p. 153.

мер среди многих других. Мы цитировали уже жалобы рабочих-портных, сохранившиеся в большом количестве брошюр и петиций. Уже в 1720 г. эти рабочие объединяются в Лондоне «в количестве семи тысяч с лишним», чтобы добиться повышения заработной платы и уменьшения рабочего дня¹. В дело неоднократно вмешивается парламент, особенно в 1721 и 1768 гг. В первый раз принятыми мерами удалось запугать рабочих, которые, из страха перед *hard labour* (каторжными работами) или насильственной отдачей в солдаты, в течение долгого времени не отважились возобновлять свою агитацию. Затем движение возродилось, и забастовки стали учащаться. Одна из таких стачек изображается в комедии, поставленной в 1767 г. на сцене королевского театра в Haymarket. Мы видим здесь сначала, как портняжные подмастерья собираются, чтобы столковаться между собою, в трактире «Свинья в латах» или трактире «Гусь и жаркое»; в следующем акте мы присутствуем при побоище между забастовщиками и небастующими по самой середине набережной². Не менее интересна история трикотажников (*framework-knitters*). Существование цеха, получившего учредительную грамоту в 1663 г. и обвинявшего одновременно рабочих и хозяев³, бессильно было помешать проявлению с самого начала антагонизма между теми и другими. Причина этого известна нам: вязальные станки принадлежали не рабочим, а хозяевам. Одним из наиболее частых поводов для пререканий был вопрос об учениках: хозяева занимали у себя работами очень много учеников, которых набирали среди детей, призреваемых приходами, вследствие чего соответственно сокращался спрос на труд взрослых рабочих и понижалась их заработная плата. В 1710 г. лондонские чулочники после тщетных протестов против этого злоупотребления ремесленным ученичеством забастовали и, чтобы отомстить своим хозяевам, разбили первым делом станки⁴. Среди чулочников Лейстера и Ноттингема также неоднократно вспыхивали шумные стачки. Они еще не думали о том, чтобы организовать, ибо в большинстве случаев привыкли обращаться за помощью к авторитету цеха. Но так как этот авторитет все больше падал, то, подобно чесальщикам шерсти и ткачам юго-западных графств Англии, они кончили тем, что основали настоящий профессиональный союз⁵.

Факты этого рода изобилуют в период, непосредственно предшествовавший промышленной революции. С 1763 до 1773 г. ткачи шелка в восточной части Лондона вели непрекращающуюся борьбу со своими хозяевами. В 1763 г. они предложили хозяевам расценку,

¹ *Webb, Hist. of Trade-Unionism, p. 27; F.-W. Galton, The tailoring trade, introd., p. XIII и сл.*

² *The Tailors: a tragedy for warm weather, in three acts. As it is performed at the Theatre Royal in the Haymarket (Londres 1778, in-8°). Единственный экземпляр этого издания находится в Британском музее, 613 с. 8 (2). Автор пьесы неизвестен.*

³ См. у *Felkin, Hist. of the machine-wrought hosiery and lace manufacture, историю этой корпорации.*

⁴ *A. Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, p. 484—488.*

⁵ *Stocking-Makers' Association for mutual protection in the Midland Counties of England. См. Webb, Hist. of Trade-Unionism, p. 45 и L. Brentano, On the history and development of guilds and the origin of trade unions, p. 115—121.*

который те отвергли; в ответ на это две тысячи ткачей ушли из мастерских, разбив перед уходом инструменты и уничтожив материи. В Спиталфильдский квартал был введен батальон гвардии¹. Когда в 1765 г. возник вопрос о разрешении ввоза французских шелковых материй, то ткачи, несмотря на запрещение, устроили демонстративное шествие к Вестминстеру со знаменами и барабанным боем². В 1768 г. заработная плата была понижена на 4 пенса с ярда; рабочие возмутились, стали шумно дефилировать по улицам, громить дома; на помощь был вызван гарнизон Тоуэра, рабочие пустили в ход дубины и ножи, и в результате на месте столкновения оказались убитые и раненые³. В 1769 г. мятежное состояние не прекращается: подобно тлеющему огню, бунт ежеминутно разгорается вновь. В марте месяце тростильщики шелка (throwsters) устраивают «шумные собрания», в августе ткачи платков сговариваются вносить по 6 пенс. со станка, чтобы собрать стачечный фонд, и заставляют своих товарищей подписаться. В сентябре и октябре положение ухудшается: так как войска хотят силою очистить трактир, служивший сборным пунктом для ткачей, то завязывается форменное сражение, причем с той и другой стороны есть несколько убитых⁴. Именно с целью положить конец этим постоянным беспорядкам парламент издал в 1773 г. знаменитый Spitalfields Act. Закон этот установил ряд правил и расценок, поставленных под периодический контроль мировых судей; ткачи были удовлетворены им и образовали профессиональный союз только для того, чтобы обеспечить исполнение закона⁵.

Возьмем последний пример вне текстильного производства, которое доставило нам все предшествующие примеры. Горнорабочие и углекопы Ньюкестля уже с XVII в. вели борьбу против шахтовладельцев и против могущественной гильдии hoastmen, которым грамота королевы Елизаветы предоставила право монопольной торговли каменным углем⁶. В 1654 г. портовые барочники (keelmen) забастовали, чтобы добиться повышения заработной платы. В 1709 г. новый конфликт, который длился несколько месяцев и в продолжение которого движение на Тайне было совершенно остановлено⁷. Беспорядки 1740 г., носившие очень серьезный характер, имели главной своей причиной дороговизну жизненных припасов⁸ и походили на

¹ Calendar of Home Office Papers, 1760—1765, № 1029, 1051 (Mil. Entry Book, XXVII, 130, 134, 138).

² D. Macpherson, Annals of commerce, III, 415.

³ Annual Register, 1758, p. 57.

⁴ Ibidem, 1769, p. 81, 124, 136 и 138.

⁵ 13 Geo. III, с. 68. Спиталфильдский акт имел силу закона только в Лондоне, Вестминстере и графстве Миддлсекс. Он был дополнен законом 1792 г. (32 Geo. III, с. 44), который распространил его предписания на производство смешанных тканей, и законом 1801 г. (51 Geo. III, с. 7), регулировавшим труд женщин. Основание Юниона относится к 1773 г., по Веббу (Hist. of Trade-Unionism, p. 32), к 1777 г. по Самуэлю Шолл, A short historical account on the silk manufacture in England, p. 4.

⁶ Текст этого документа дан в извлечении у Бранда в Hist. of Newcastle-upon-Tyne, II, 659—660.

⁷ Brand, History of Newcastle, II, 293.

⁸ Ibidem, II, 520, и Gentleman's Magazine, ann. 1740, p. 355.

голодные бунты, вызывавшиеся неурожаем во Франции старого режима. Но в 1750, 1761 и 1765 гг. деятельность копей и порта приостанавливается на многие недели уже из-за стачек в тесном смысле этого слова¹. И в 1763 г. образуется постоянная коалиция барочников, цель которой—заставить хозяев пользоваться при погрузке угля официальными мерами, установленными парламентским актом².

Дело в том, что ньюкестльские углекопы, как и спиталфильдские ткачи шелка, как и чулочники и чесальщики шерсти, были рабочими в современном смысле этого слова уже до наступления эры машинного производства. Сырье не принадлежало им, что же касается орудий труда, то они могли располагать только самыми простыми и дешевыми из них, ибо все орудия труда, имевшие сколько-нибудь значительную ценность, находились в руках коммерсантов или предпринимателей-капиталистов. Чтобы принять свою законченную форму, антагонизм между капиталом и трудом ждал только завершения этого захвата средств производства. Все, что имело тенденцию увеличить сложность, обширность и цену оборудования, должно было необходимым образом способствовать этому результату: техническая революция представляет собою только нормальное завершение экономической эволюции.

VII

Все рассмотренные нами выше факты свидетельствуют о постепенном преобразовании старой промышленности. Нам остается посмотреть теперь, какие факты имели тенденцию помешать этому преобразованию или замедлить его. Действие это оказывали не только масса приобретенных интересов и тяжесть рутины: мы наблюдаем здесь влияние целой традиции, целого строя, установленного обычаями и освященного законом. Из всей экономической истории XVII и XVIII вв. наиболее часто изучалась и наилучше была изучена опека государственной власти над промышленностью³. И в этом нет ничего удивительного: гораздо легче изучить законодательство, тексты которого имеются у нас в руках, чем разбросанные, расплывчатые факты, следы которых с трудом могут быть найдены вновь. Быть может, именно по этой причине исследователи склонны были преувеличивать значение такого изучения. Тойнби заходит в этом направлении так далеко, что признает переход от эпохи покровительственной регламентации к эпохе свободы и конкуренции основным фактом промышленной революции⁴. По нашему мнению, это значит принимать следствие за причину, смешивать экономические явления с их юридическим аспектом. Мы увидим,

¹ Calendar of Home Office Papers, 1760—1765, № 107, 1910, 1913.

² Brand, Hist. of Newcastle, II, 309.

³ См., например, книгу Held'a: «Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands». Читая некоторые ее главы, можно подумать, что социальная история сводится к истории экономического законодательства. W. Cunningham, Growth of English industry and commerce, т. II, также отводит изучению торговой и промышленной политики довольно много места.

⁴ «Сущностью промышленной революции является замена свободной конкуренцией той регламентации, которая, начиная с средних веков, навязывалась производству». A. Toynbee, Lectures on the industrial revolution, p. 85.

напротив, как новая организация и новые приемы промышленности сами собой разбили слишком тесные рамки, в которые замыкало их законодательство другого века.

Происхождение этих законов было двойное. Одни из них восходили к средним векам: то, что во Франции именуется кольбертизмом, зародилось гораздо раньше эпохи, в которую жил Кольбер. Идея промышленной регламентации есть идея средневековая: государство или, в более ранний период, гильдии, связанные с муниципальной жизнью, считали себя как бы обладателями права контроля в общем интересе производителя и потребителя. Первому надо было гарантировать вознаграждающий его размер барышей, второму — доброкачественность товаров. Отсюда бдительный надзор над производством и продажей и мелочные предписания, все более и более усложнявшиеся, пока они не перестали совершенно соблюдаться. Идея торгового покровительства также имела свои корни в средневековье¹, но всю свою силу она приобрела только с того момента, как подъем внешней торговли пробудил в национальных группах ясное сознание своего экономического соперничества. Именно тогда городская экономия, как ее именует Карл Бюхер, уступила место экономии национальной², соединяющей в один пучок интересы каждого государства, чтобы противопоставить их интересам соседних государств, по отношению к которым не представляли себе иных возможных отношений, кроме постоянного антагонизма. В Англии это преобразование произошло в эпоху Тюдоров. Система меркантилизма, получившая свое теоретическое выражение лишь гораздо позже, в действительности ведет свое начало от этой эпохи. Так как богатство смешивалось с звонкой монетой, то вся торговая политика сводилась к двум правилам, сильно напоминающим правило старого Катона: всегда продавать и никогда не покупать; уменьшить по возможности цифру ввоза, оплата которого вызывает отлив из страны известного количества золотой и серебряной монеты, и развить, напротив, экспорт, благодаря которому иностранное золото приливает в страну. Отсюда крайний протекционизм, при помощи которого пытались не только поощрять различные отрасли отечественной промышленности, но и сохранить для них настоящую монополию внутри и вне страны.

Шерстяная промышленность, одна из старейших и в то же время самая важная отрасль английской промышленности, пользовалась покровительством и подвергалась регламентации больше всякой другой³. Многочисленные парламентские акты содержат предписания относительно «длины, ширины и веса кусков материй, способа растягивать их и красить, подготовки шерсти при помощи известных веществ, употребление которых разрешается или запрещается, от-

¹ Первоначально она проявлялась в крайней форме запретительных мероприятий. См. *Ashley*, Introduction to English economic history and theory, II, 12—15.

² *Karl Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 2-e éd. 1898.

³ Сводный очерк регламентации английской шерстяной промышленности опубликовал *F. Lohmann* (Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie von XV ten bis zum XVIII ten Jahrhundert. Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen, 1900).

делки сукна, складывания и упаковки его для продажи, употребления ворсовальных машин (*gig mills*) и т. д.»¹. Эти правила были очень сходны с регламентами, действовавшими в старой Франции. Запрещалась выработка кусков сукна, не имеющих законных размеров, и законного веса; запрещалось раскладывать их для просушки таким способом, при котором могли бы растянуться их нити; запрещалось давать им аппретуру при помощи способа, называемого сухим каландрованием; запрещалось употреблять для крашения те или иные вещества, которые, по мнению авторов этих правил, могли испортить качество ткани. Само собой понятно, что эти мероприятия, устанавливаемые в принципе с целью обеспечить превосходное качество выделки, запрещали без разбора недобросовестные приемы фальсификации и необходимые усовершенствования. Чтобы обеспечить соблюдение этой сложной системы предписаний, непрерывно возобновляемых и непрерывно нарушаемых², Англия, подобно Франции, поставила на ноги целую армию специальных чиновников, на которых возлагалась обязанность мерять, надзирать, проверять, взвешивать, считать нити; они прикладывали свою печать к каждому куску, который, сверх того, должен был иметь на себе еще фабричную марку. Над ними были поставлены мировые судьи, в компетенции которых одной из главных функций был надзор за соблюдением промышленных регламентов и наложение предписанных законом взысканий на их нарушителей.

Неудобства этой системы много раз изобличались. Фабриканты нетерпеливо переносили эту мелочную и тираническую опеку и пускали в ход всю свою изобретательность, чтобы обмануть надзор, на который они не переставая жаловались. Несмотря на угрозы закона, фальсификация появлялась вновь каждый раз, когда властям казалось, что им удалось искоренить ее. Иногда сами агенты государственной власти были ее сообщниками. Куски сукна, надлежащим образом взвешенные на рынке, становились, как бы чудом, более легкими, по мере того как испарялась вода, которою они были пропитаны; или же, когда их развертывали—от чего снисходительный контролер воздерживался,—то в них оказывался балласт из кирпичей или свинца. Таким образом, главная цель всех этих предписаний—охрана интересов потребителя—не достигалась. Но зато всякий прогресс техники становился почти невозможным. В 1765 г., накануне великих изобретений, которым предстояло совершенно преобразовать оборудование, было запрещено под страхом штрафа

¹ Ворсование является операцией, состоящей в сильной обработке только что сотканного сукна щетками для придания поверхности его своеобразной пушистости. См. петицию фабрикантов об отмене промышленных регламентов. *Journ. of the House of Commons*, LVIII, 334 (7. IV. 1803). Некоторые из законов, имевшихся в виду этой петицией, были изданы еще в XIV в. См. *Bischoff, Hist. of the woollen and worsted manufactures*, I, 173 и сл.

² 7 Anne, с. 13 (1708), 10 Anne, с. 16 (1711), 1 Geo. I, st. 2, с. 15 и с. 41 (1715), 11 Geo. I, с. 24 (1724), 7 Geo. II, с. 25 (1733), 11 Geo. II, с. 28 (1737), 14 Geo. II, с. 35 (1740), 5 Geo. III, с. 51 (1765), 6 Geo. III, с. 11 (1766), 14 Geo. III, с. 25 (1774), 17 Geo. III, с. 11 (1777). Факт частого издания этих законов, содержащих значительное число одинаковых предписаний, является наилучшим доказательством того, что они не соблюдались.

употреблять карды с металлическими зубьями вместо ворсовальных шишек, употреблявшихся еще в большинстве отраслей текстильной промышленности¹.

Но в то время как мы наблюдаем в течение XVIII в. заметный упадок этого средневекового законодательства, *система меркантилизма*, более недавнего происхождения, была еще в полной силе, когда Адам Смит нанес ей в 1776 г. первые удары. Именно этот режим чрезмерного покровительства ставил наиболее сильное препятствие всякому улучшению традиционных технических процессов в шерстяной промышленности: привилегия всегда была смертью для инициативы и прогресса. Казалось, что с шерстяной индустрией связана вся судьба Англии, она была «предметом таких же забот и ревности, как золотые яблоки Гесперид»². Внутри страны она претендовала на первенство перед всеми отраслями промышленности, которые могли бы вступить с ней в конкуренцию. У нас еще будет случай подробно рассказать об ожесточенной борьбе, которую вели фабриканты шерстяных материй не только против ввоза хлопчатобумажных изделий из Ост-Индии, но и против имитации этих тканей в Англии при помощи английских рабочих рук и с прибылью для английских капиталов; и если бы дело зависело только от них, то эта зарождающаяся отрасль крупной промышленности была бы остановлена в своем развитии и безвозвратно погибла бы. Потребителю хотели навязать настоящую монополию, распространявшуюся даже на покойников: законом, изданным в царствование Карла II, предписывалось, чтобы всякое лицо, умершее на английской территории, было похоронено в саване из шерсти³. Во внешних сношениях мы видим те же притязания, хотя поддержать их и было труднее. В странах, зависевших от Англии, устранить конкуренцию было очень легко: для этого достаточно было воспрепятствовать там производству. Характерна политика, которая была принята относительно Ирландии⁴. Около конца XVII в. успехи ирландской промышленности встревожили английских производителей: они потребовали и добились установления системы вывозных пошлин, закрывших для Ирландии колониальные и иностранные рынки. Вокруг острова была установлена настоящая блокада, действительность которой поддерживалась крейсированием маленького флота, состоявшего из двух военных кораблей и восьми вооруженных шлюпок⁵.

Но помешать шерстяной промышленности развиваться на континенте было, очевидно, невозможно. Между тем англичане брались достигнуть этого. Гордые превосходным качеством своего сырья, они убедили себя, что без него можно выделывать только грубые ткани. Следовательно, заграничная промышленность, вынужденная

¹ 5 Geo. III, с. 51.—О промышленном законодательстве, его неудобствах и нарушениях его см. Journ. of the House of Commons, XVIII, 67; XX, 377, 776; XXI, 246; XXII, 234; XXIII, 52, 75, 89, 481; XXVI, 320, 329, 385; XXX, 91, 143, 155, 158, 167, 207, 262, 529, 623, etc.

² Considerations upon the East India Trade, p. 71.

³ 18 Ch. II, с. 4.

⁴ W. Cunningham, Growth of English industry and commerce, II, 374—379.

⁵ 10—11 Will. III, с. 10 (1699). Репрессии были усилены законом 1732 г. (5 Geo. II, с. 22)

обходиться своими собственными ресурсами, осуждена-де на вечную второсортность, и, не имея возможности достать английскую шерсть, французы, голландцы, немцы должны будут волей или неволей покупать английские сукна¹. К этой иллюзии, столь приятной для национального самолюбия, присоединялись химерические страхи, словно ввоза небольшой кучи этой чудесной шерсти в соседнюю страну было бы достаточно, чтобы вызвать к жизни самую страшную для английской промышленности конкуренцию². Нетрудно видеть, что эта двойная аргументация должна была привести к полному запрещению вывоза шерсти во всякой другой форме, кроме вполне готовой ткани. С тем большим основанием было запрещено вывозить живых овец, которые могли бы акклиматизироваться за границей; дошло до того, что воспретили стричь овец на расстоянии ближе 5 миль от морского берега³!

Столь ревниво охраняемая промышленность не чувствовала никакой потребности в нововведениях. Как настоящий баловень парламента, она думала только о том, чтобы не переставая требовать новых законов в свою пользу, и поднимала крик, как только заходила речь о смягчении строгости прежних законов. Примером может служить полемика, возгоревшаяся между 1781 и 1788 гг. по поводу вывоза сырой шерсти⁴. Так как овцеводство принимало все более крупные размеры, то овцеводы, для которых английский рынок становился слишком тесным, стали требовать, чтобы им разрешили вывозить шерсть; тем временем деятельная контрабанда, невзирая на все запрещения, вывозила за границу часть их продукта. Но фабриканты шерстяных изделий дрожали перед призраком иностранной конкуренции: они хотели, чтобы воздвигнутые против нее барьеры не только не были сделаны более низкими, но были бы еще укреплены и чтобы контрабанда подавлялась строже, чем когда-либо. Обе стороны защищали свои интересы или полагали, что защищают их: но в то время как фабриканты призывали привилегию на помощь рутине, овцеводы, имея во главе своей великую школу агрономов,

¹ «Было общепринятой идеей, что одна только Англия может производить шерсть и что стоит только помешать другим странам достать ее, они будут вынуждены покупать у нас совершенно готовые ткани». Сэр Джозеф Бенкс «Инструкция адвокатам, уполномоченным бороться против билля относительно экспорта шерсти». *Annals of Agriculture*, VI, 479. Эта ошибка была давно уже разоблачена: см. *James Anderson*, *Observations on the means of promoting a spirit of national industry*, p. 264 (1777).

² *Annals of Agriculture*, VI, 484.

³ 13 Geo. III, c. 43.

⁴ См. брошюры, сохранившиеся в Британском музее, особенно в томе В. 546 и в библиотеке г. Манчестера (№ 26214 и 26216). В защиту свободного экспорта шерсти уважем: *Sir John Dalrymple*, *The question considered, whether wool should be allowed to be exported* (1781), *Josiah Tucker*, *Reflections on the present low price of coarse wools* (1782); и брошюры противоположного содержания: *N. Forster*, *An answer to Sir John Dalrymple's pamphlet, entitled: The question considered, etc.* (1782); *The contrast, or a comparison between our linen, cotton, and silk manufactures* (1783); *John Hustler*, *Observations on the Wool Bill* (1788); *Bischoff*, *Hist. of the woollen manufacture*, I, 207—216; *J. James*, *Hist. of the worsted manufacture*, 301—305. См. *Annals of agriculture* (articles d'Arthur Young), VI, 506—516; VII, 73, 94, 134—147, 164—170; VIII, 468, etc.

озабоченную тогда реформой английского земледелия, говорили языком новой политической экономии.

Наиболее выдающийся из них, Артур Юнг, писал: «именно в интересах самой промышленности необходимо положить конец чрезмерному покровительству, которого она требует». И он сравнивал ее с отраслями промышленности более недавнего происхождения, быстрые успехи которых составляли предмет всеобщего удивления и восторга. «Тщетно вы станете искать здесь (т. е. в шерстяной индустрии) ту пылкую предприимчивость, ту энергию, тот дух инициативы, которые составляют благородную черту английского промышленного гения, когда он направляет свои усилия на железо, на хлопок, стекло или фарфор. Здесь все сонно, инертно, мертво... Таковы губительные действия монополии. Хотите вы, чтобы над все увеличивающимся процветанием Манчестера нависла черная туча? Дайте ему монополию хлопчатобумажного производства. Или, быть может, глаз ваш коробит изумительное развитие Бирмингема? В таком случае монополия, подобно эпидемии, обезлюдит его улицы...»¹. Однако фабриканты одержали верх над овцеводами. Старые запрещения были возобновлены, а вывоз шерсти был признан тяжким *преступлением* (felony)². Известие о принятии этого закона вызвало в округе Лидса и Норвича живейшую радость: событие было отпраздновано фейерверками и колокольным звоном, словно победа над неприятелем³.

Между тем Юнг был прав. Средства, при помощи которых шерстяная промышленность упорно хотела сохранить свое первенствующее положение, делали ее неподвижной, по крайней мере—задерживали ее развитие. Слушая вечные жалобы, которыми фабриканты наполняли свои ходатайства перед государственной властью, можно было бы подумать, что она находится в упадке. В действительности она не переставала развиваться⁴. Но ее успехи—за исключением одного района, которому принадлежало будущее, а именно—западного округа графства Йоркшир⁵—были медленны и не имели равномерного характера; если центры производства и были многочисленны, то они часто были незначительны: многие из них, начиная с начала

¹ Annals of Agriculture, VII, 164—169.

² Закон 28 Geo. III, с. 38. Некоторые из его положений позаимствованы из закона времен Реставрации (13—14, ch. II, с. 18).

³ «В пятницу утром, при известии, что билль против экспорта шерсти принят палатой лордов, зазвонили все колокола Лидса и окружающих деревень, и перезвон их звучал с перерывами в течение всего дня; вечером горела иллюминация, и были устроены другие народные увеселения. Совершенно аналогичные проявления радости имели место в Норвиче». Letters to the Lincolnshire graziers, on the subject of the wool trade (1788), p. 1.

⁴ Это весьма справедливое заключение J. Smith, Memoirs of Wool, II, 409—411.

⁵ См. статистику производства у F. Eden, State of the poor, III, CCCLXIII; A. Anderson, Chronological history and deduction of the origin of commerce, IV, 146—149; Macpherson, Annals of Commerce, IV, 525; Bischoff, Hist. of the woollen manufacture, I, 328.—Производство Вест-Ридинга в 1740 г.: 41 тыс. кусков широкого сукна, 58 тыс.—узкого сукна; в 1750 г.: 60 тыс. и 78 тыс.; в 1760 г.: 49 тыс. и 69 тыс. (период морской войны); в 1770 г.: 93 тыс. и 85 тыс.; в 1780 г.: 94 тыс. и 87 тыс.

XVIII в., едва прозябали¹. Они прозябали, но не исчезали: они являлись в этом отношении как бы символами старой экономической организации, которая постепенно менялась вследствие медленной внутренней эволюции, но сохраняла еще свои старые формы, поддерживаемые вековой рутинной. Шерстяная промышленность была слишком консервативна, слишком отяжелела от привилегий и предрассудков, чтобы самой закончить свое собственное преобразование путем обновления своей техники. Промышленная революция должна была начаться вне ее.

VIII

Эта революция была, однако, лишь продолжением движения, постепенно изменившего старый экономический строй. Кривую этого движения мы уже указали выше. История шерстяной промышленности показывает нам ее последовательные фазисы, как бы зафиксированные в известном числе промышленных типов, связанных друг с другом почти незаметными переходами. Сначала мы видим промышленность независимых мелких производителей, особенно процветавшую в районе Галифакса; затем промышленность купцов-промышленников, имевшую в деревнях юго-запада более разбросанный характер, а вокруг большого города Норвича более сконцентрированную; наконец, промышленность мануфактур, промышленность крупных мастерских, которая сделала, впрочем, меньшие успехи, чем можно было бы ожидать, судя по ее блестящему началу в XVI в. Констатировать это разнообразие, значит восстановить экономическое движение в его сложности и непрерывности. Маркс, анализирувавший его со всею мощью своего абстрактного гения, свел его к слишком простым терминам и слишком резко обозначенным периодам. Сверх того, ни в коем случае не следует приписывать строго описательного смысла тому, что в уме Маркса имело преимущественно объяснительное значение. Так, например, мы впали бы в ошибку, если бы думали, что мануфактура² есть характерное, преобладающее явление периода, предшествовавшего периоду крупной промышленности. Если она логически и представляет собою необходимый антецедент *фабричной системы*, то исторически неверно, что она стала настолько общераспространенной, чтобы наложить свою печать на всю промышленность. Насколько ее появление в эпоху Возрождения есть явление важное и многознаменательное, настолько же роль ее в последующие века—по крайней мере, в Англии—остается второстепенной³. Можно говорить в точности о мануфактурном строе,

¹ Города, пришедшие в упадок во времена Даниэля де Фоз, Брейнтри и Боккинг (Эссекс), Нидгем, Инсвич и Лавенгем (Сэффолк), Гренбрук (Кент), etc. См. Tour, I, 32, 34, 40, 118, 192.

² О значении, которое Маркс придает этому термину, см. Введение, стр. 11 и сл.

³ Не доказано даже, что мануфактура была необходимым условием значительного разделения труда. В 1739 г. производство worsted, хотя и происходившее у мастера на дому или в небольших мастерских, охватывало около четырех десятков специальностей, из которых каждая была предметом особого ремесла. См. Observations on wool and the woollen manufacture, by a manufacturer of Northamptonshire (1739).

в целях его сравнения со строем современной крупной промышленности, но при этом надо непременно помнить, что этот строй никогда не был преобладающим, что рядом с ним существовали до конца весьма живучие еще остатки предшествующих промышленных режимов.

Непрерывность движения, о котором идет речь, обусловлена тем обстоятельством, что вплоть до рассматриваемого нами момента оно оставалось чисто экономическим, а не техническим; что оно затрагивает организацию, а не материальную сторону производства. Не изобретения, внезапно родившиеся в индивидуальных умах, а медленный прогресс коллективных соглашений, вот что определяет и видоизменяет его. Один факт в особенности заслуживает того, чтобы мы остановили на нем свое внимание. Капиталисты, в пользу которых совершается постепенная концентрация средств производства, едва заслуживают названия промышленников. Они охотно предоставляют всю заботу о фабрикации мелким производителям, мало-помалу лишавшимся своей независимости. Они не берут еще пока на себя задачи совершенствовать ее, не берутся даже управлять ею. Это купцы: промышленность для них только форма торговли. Они стремятся только к одной цели, цели всякого торгового предприятия: получить в свою пользу разницу между покупной и продажной ценой. Именно для того, чтобы увеличить эту разницу, чтобы реализовать экономию на покупной цене, они становятся сначала хозяевами сырья, затем—орудий производства, наконец—промышленных помещений. Именно в качестве купцов они приходят к тому, что завладевают всем производством.

И опять-таки именно торговля, развитие британской торговли, все более и более увлекает их на этот путь. Помимо их сознания здесь действует закон, связывающий разделение промышленного труда с обширностью торгового рынка,—закон, формулированный несколько лет спустя Адамом Смитом. Для поверхностного наблюдателя деятельность английской торговли, направленная вся вовне, грозила нанести вред внутреннему развитию Англии, трудолюбивому и терпеливому расширению ее отечественной промышленности. «Неужели,—читаем мы в одной французской книге¹, вышедшей в 1773 г.,—Англия хочет уподобиться Голландии и иметь впредь в основе своего богатства одну только торговлю, фрахтовое дело и крупное судоходство?.. Трудно думать, чтобы Англия сумела с большим успехом, чем Голландия, поддержать чахнувшие мануфактуры...» Удивительное пророчество наизнанку! Напротив, именно из торговли и из коммерческого духа должна была вскоре родиться новая промышленность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТОРГОВЫЙ ПОДЪЕМ

Успехи производства и успехи обмена так тесно связаны друг с другом, взаимодействие между ними так многосторонне, что сплошь и рядом бывает трудно восстановить действительный порядок их следования. В одних случаях мы видим, что расширение торговых

¹ La Richesse de l'Angleterre (анонимно). Вена, стр. 121.

сношений является результатом развития промышленности, заставляющего искать новых рынков для сбыта; напротив, в других промышленная предприимчивость получает первоначальный толчок от расширения торгового рынка и новых потребностей, которые оно порождает. В наши дни наиболее часто встречается первый из указанных случаев. Крупная промышленность, движимая внутренней силой, силой машинного производства, увлекает в своем движении торговлю и кредит, которые предпринимают для нее завоевание мира. Представляется, впрочем, естественным, чтобы именно с производством сообразовались другие явления экономической жизни, необходимым исходным пунктом которой оно, повидимому, является.

I

Однако не сталкиваемся ли мы здесь, напротив, с одной из самых новых и оригинальных черт современной крупной промышленности? Только благодаря ее необыкновенной способности к преобразованию, только благодаря роли, которую играет ее быстро и непрерывно совершенствующееся оборудование, она может опережать спрос, видоизменять его и подчас даже создавать его. Развитие транспортной промышленности дает производителю возможность расширять по желанию свой рынок, не встречая других границ, кроме пределов обитаемой земли.—Иначе обстояло дело со старой промышленностью. При медленности технического прогресса и трудности сообщений производство оказывалось поневоле ограниченным признанными нуждами обычного рынка. Производить для неизвестной клиентуры, отдаленных возможных потребителей, показалось бы актом безумия. Следовательно, в конечном итоге промышленность принуждена была сообразоваться с состоянием торговых сношений. С другой стороны, при отсутствии технических изобретений существовал только один способ сколько-нибудь обновлять производственные приемы и вводить некоторое разнообразие в изделия: он заключался в позаимствованиях у заграничной промышленности. И здесь опять-таки именно торговля, доставляя товары из разных краев света и устанавливая отношения между различными странами, порождает также конкуренцию и доставляет образцы, способные дать толчок промышленной инициативе.

Промышленный прогресс был в те времена почти невозможен, если ему не предшествовало какое-нибудь торговое движение. Было бы интересно изучить с этой точки зрения историю некоторых областей и некоторых городов; исследовать, например, какие отношения связывали рост текстильной промышленности во Фландрии с ростом Брюггского порта, который был крупным торговым центром с начала XIII в., или же—какими путями морская торговля Венеции и Генуи благоприятствовала основанию в северной Италии экзотических отраслей промышленности, долго служивших образцом для всей остальной Европы¹.

¹ Например, шелковой промышленности, ввезенной впоследствии из Италии во Францию и Англию.

Поставленные сейчас вопросы не относятся к разряду вопросов, которые можно трактовать мимоходом. Одно лишь мы в праве утверждать: что до эры крупной промышленности торговое могущество той или иной страны отнюдь не было пропорционально ее промышленному значению. Для доказательства этого положения был бы достаточен пример Голландии. В XVII в. Голландия была первой торговой нацией во всем мире. Но голландские корабли были нагружены не голландскими товарами: они одинаково перевозили во всех направлениях колониальные продукты обеих Индий, металлы прибалтийских стран, драгоценные ткани Востока. Голландцы были только комиссионерами, а их большие порты—складочными местами. Разумеется, среди огромного движения капиталов, людей и идей, центром которых была тогда маленькая Голландия, не могла не расти и промышленность. Соединенные провинции выделывали сукна, полотно и бархат, в них имелись хрустальные заводы и мастерские для шлифовки алмазов, не говоря уже о судостроительных верфях, устроенных поблизости от портов. Но все эти производства, хотя и процветавшие, вносили лишь небольшую долю в богатство Голландии, а самое важное из них—судостроение—играло только служебную роль при морской торговле, которой оно обязано было своим процветанием, если не самим существованием своим.

Этот пример имеет для нас прямой интерес, так как именно Голландии долго стремилась подражать Англия. В течение долгого времени ее враг, затем соперница, Англия оспаривала у Голландии торговое превосходство, составлявшее предмет удивления и зависти соседних народов, пока, в конце концов, не добила его. За целых полстолетия до того, как стать классической страной промышленности, страной копей и рудников, металлургических заводов и прядильных фабрик, Англия представляет уже собою большую торговую страну—«нацию лавочников», как гласит знаменитая характеристика. Расцвет торговли предшествовал и, быть может, обусловил в ней преобразования промышленности.

II

До конца XVII в. экономическое значение Англии оставалось второстепенным. Со времени открытия Нового Света преимущества ее географического положения чрезвычайно возросли¹, но выгоду она извлекала из них лишь довольно небольшую. Уже с давних времен она притязала на господство над морями: в трактате, озаглавленном «*Mare clausum*»² и написанном в ответ на «*Mare liberum*» Гроция, Джон Сельден доказывает при помощи множества цитат из классических авторов и стихов из библии следующие два тезиса: во-первых, что море может быть рассматриваемо как объект собственности; во-вторых, что оно по неоспоримому праву составляет собственность

¹ В сочинении *Mac Kinder*, *Britain and the British seas*, p. 1—13 очень хорошо показано, как Великобритания, расположенная у одной из окраин античного мира, очутилась благодаря открытию и заселению Америки в центре нового мира.

² *Mare clausum, seu de dominio maris, libri duo* (1635).

английского короля. Однако ни король Яков I, для которого труд этот был написан, ни Карл I, которому он был посвящен, не были в силах поддержать эти смелые притязания. Фактически море принадлежало испанцам, французам и, в особенности, голландцам, в такой же и даже большей степени, чем англичанам.

Эти преждевременные честолюбивые притязания объясняются необыкновенным приливом жизненных сил, благодаря которому в правление Елизаветы распустились пышным цветом все семена жизни, мощи и гения старой Англии. Расширение мореходства и торговли совершилось внезапно и победоносно. Английские моряки, купцы и корсары поразили мир своей отвагой. В то самое время как Дрэк со своими флибустьерами угрожал Вест-Индии, мирные мореплаватели готовили для Англии более прочные успехи. Вальтер Ралей основывал поселения в Виргинии, а Ченслер и Вилоуби, огибая Скандинавский полуостров, подъезжали к Архангельску и устанавливали сношения между Западной Европой и Москвой с Новгородом. Основывались торговые компании, которые на первых порах были только временными товариществами негоциантов, согласившихся снарядить на общий счет судно для дальнего плавания, но затем представляли собою уже большие общества, снабженные привилегиями и монополиями, закрепленными за ними королевскими грамотами, и облеченные в порядке полномочий от государства правами суверенитета. В 1554 г. основывается таким образом Московская компания (*Muscovy Company*), в 1579 г. Балтийская (*Eastland Company*), в 1581 г.—Турецкая (*Levant Company*), в 1600 г.—Ост-индская¹.

В следующем XVII в., национальная энергия направляется на другие задачи: она расходуется в великой внутренней борьбе, одновременно политической и религиозной, дважды приведшей к революции. Временами, однако, она находит еще случай проявляться вне Англии: мы наблюдаем ее у пуританских эмигрантов, колонизировавших Новую Англию, мы видим, как она возвращает себе всю свою силу и престиж в могучих руках Кромвеля. К эпохе республики относится знаменитый Навигационный акт (1651)², в котором не без основания видят начало морского величия Англии. Заставив англичан обходиться без голландских посредников в торговле с остальным миром, этот акт побудил их завести собственный торговый флот. В материалах для этого не было недостатка: за отсутствием дальнего

¹ Старейшей из них всех была компания *Merchants Adventurers*, получившая уже с 1564 г. права корпорации в силу королевской грамоты. См. *W. E. Lingelbach, Internal organisation of the Merchant Adventurers of England, Philadelphia, 1903.*

² *MDCLI*, с. 22. Этот акт, подтвержденный и дополненный в 1660 г., запрещал всякому иностранному судну ввозить в Англию другие продукты, кроме продуктов своей родины. Торговля между английскими портами и Азией, Африкой и Америкой была предоставлена исключительно кораблям, построенным в Англии, принадлежащим английским судовладельцам и имеющим английский экипаж. Не следует, впрочем, забывать, что этот навигационный акт не первый, фигурирующий в собрании статутов: аналогичные акты были приняты в 1381 г. (5 *Richard II*, с. 3); 1382 г. (6 *Richard II*, с. 8); 1390 г. (14 *Richard II*, с. 6); 1489 г. (4 *Henry VII*, с. 10); 1540 (32 *Henry VIII*, с. 14); 1552 г. (5—6 *Edward VI*, с. 18); 1558 г. (1 *Eliz.*, с. 13); 1562 г. (5 *Eliz.*, с. 5) и 1593 г. (35 *Eliz.*, с. 7).

мореходства, каботаж вдоль берегов Англии был чрезвычайно оживленным,—тем более, что сухопутная перевозка товаров была медленна, трудна и обходилась дорого. Одна торговля каменным углем между Ньюкестлем и Лондоном занимала целый флот, в котором служило несколько тысяч человек; его называли поэтому «питомником моряков»¹. Однако все свое действие Навигационный акт произвел не сразу.

Период внутренней борьбы еще не был закончен. После нескольких лет затишья борьба возобновилась при реставрации, но этих нескольких лет было достаточно, чтобы дух предприимчивости снова обнаружил свою жизненность. Мы видим, как появляются новые, утвержденные хартиями компании: королевская Африканская компания, которая вела торговлю преимущественно с побережьем Гвинеи², и компания Гудзонова залива, основанная блестящим любителем приключений принцем Рупертом³ в целях прибыльной торговли пушниной. Наконец, после последнего периода конфликтов и смут мы подходим к великой дате 1688 г., заслуженно занимающей в экономической истории не менее важное место, чем в истории политической.

1688 г. отмечает собою конец того продолжительного кризиса, в котором английский народ бился в течение 60 лет,—кризиса благодетельного, ибо развязка его дала Англии то, чем не обладала еще пока ни одна из крупных европейских наций: мы разумеем—свободное правительство. Эта дорого приобретенная свобода, укрепленная усилиями, которых она стоила, была лучшей гарантией преуспевания страны. Англичане не замедлили убедиться в этом факте, хотя и страдали еще в течение некоторого времени от трудностей, неизбежно связанных со всяким новым политическим режимом. «Наша торговля,—писал в 1708 г. Чемберлен, автор знаменитого описания Англии («*Magnae Britanniae notitia*»),—самая значительная во всем свете, и, по правде сказать, среди всех стран Великобритания является наиболее подходящею для торговли как по причине своего островного положения, так и благодаря своей свободе и превосходным качествам своей конституции»⁴.

Революция 1688 г. есть факт исключительно политического и религиозного порядка. Будучи делом крупных государственных корпораций и всей протестантской нации, в целом она не может быть приписана заинтересованному действию одного какого-нибудь

¹ «Великий рассадник моряков». См. *Ch. Povey, A discovery of indirect practices in the coal trade*, p. 43.

² Об Африканской компании см. *Cunningham, Growth of English industry and commerce*, II, 272.

³ Принц Руперт, сын пфальцского курфюрста Фридриха V, ставшего в 1619 г. королем Чехии, и Елизаветы Стюарт, сестры Карла I, провел большую часть своей жизни в Англии. Он командовал королевскими войсками во время великой гражданской войны. При реставрации он получил титулы герцога Камберлендского и генерал-адмирала. Тогда-то он и возглавил Компанию Гудзонова залива и множество других предприятий. Он занимался также техническими науками и изобретениями: ему приписывают если не изобретение, то, по крайней мере, введение в Англии черного гравирования. См. *Dictionary of National Biography*, ст. *Rupert*.

⁴ *Chamberlayne, Magnae Britanniae notitia*, I, 42.

общественного класса. Но позволительно отметить участие, принятое торговой буржуазией в решительных событиях, которые должны были иметь для нее столь выгодные последствия. Когда после бегства короля лорды хотят призвать в Лондон принца Вильгельма Оранского, то они собираются для этого в Гильдхолле, старом доме торговых гильдий. Когда Яков II, вернувшись на короткое время в свою столицу, требует у магистратов Сити, чтобы те его приняли и взяли на себя обязанность защищать его, то они отвечают отказом; напротив, через два дня они первыми являются в Сент-Джемский дворец, чтобы приветствовать там Вильгельма и выразить ему благодарность за спасение английских вольностей. В предварительном парламенте, который принц созвал, чтобы разделить с ним власть, пока не откроется конвент, который должен провозгласить его королем, он рядом со старыми членами палаты общин приглашает заседать мэра и ольдерменов лондонского Сити. Наконец, для покрытия расходов на неотложные государственные нужды, в особенности для уплаты жалованья армии, Сити ссужает государственному казначейству 200 тыс. ф. ст.¹. Это — залог союза между новой монархией и классом торговцев и финансовых дельцов. Отныне начинается великое движение, которое через 150 лет приведет к окончательному торжеству буржуазии и к переходу в ее руки правительственной власти. Плоды своего образа действий она начинает пожинать почти тотчас же. Вскоре после революции происходят два экономических события первостепенной важности: основание Английского банка (1694) и окончательное образование Ост-индской компании.

С некоторым удивлением приходится констатировать факт позднего появления кредитных учреждений в Англии. В лондонском Сити, где в настоящее время на небольшом пространстве теснятся друг возле друга самые могущественные в Европе финансовые компании и куда капиталы стекаются со всех пунктов земного шара, — в этом Сити не было до середины XVII в. ни одного банкирского дома. Только во время великой гражданской войны купцы начали отдавать свои деньги на вклад золотых дел мастерам Ломбард-стрита. Из первоначального положения простых казначеев эти последние поднялись скоро до роли банкиров, и в повседневных сделках Сити расписки их заняли место наличных денег². Как только кредитная практика вошла в нравы, общественное внимание обратилось к примерам, которые давали некоторые иностранные государства, уже давно имевшие более развитую финансовую организацию. Идеей национального банка Англия обязана Италии и Голландии.

В статье об историческом развитии предприятия³ Густав Шмоллер отметил влияние, которое государственные займы оказали на возникновение предприятий с коллективными капиталами. Поскольку

¹ *Macaulay, Hist. d'Angleterre depuis l'avènement de Jacques II (trad. Montégut), II, 593, 619, 627, 631, 639.*

² См. блестящие страницы у *Маколея, Histoire du règne de Guillaume III, trad. Pichot, III, 219.* Более обстоятельное исследование находим у *Cunningham, II, 142—164, сознающего, впрочем, что вопрос остается достаточно плохо освещенным.*

³ См. *Gustav Schmoller, Die Geschichtliche Entwicklung der Unternehmung, помещен. в «Jahrbuch für Gesetzgebung», etc. за 1893 г., p. 963.*

дело касается основания Английского банка, влияние это очевидно. Правительство Вильгельма III нуждалось в деньгах: гоошряя учреждение большого кредитного общества по образцу Банка Св. Георгия в Генуе и Амстердамского банка, оно руководилось прежде всего желанием обеспечить себе для текущего момента и на будущее время новые денежные ресурсы. Первоначально Банк представлял собою не более как группу капиталистов, обязавшихся ссудить короне сумму в 1 200 000 ф. ст. из 8% годовых, взамен чего группа должна была получить титул корпорации¹, с правом принимать вклады, учитывать торговые документы, производить, одним словом, все банковые операции. Не подлежит сомнению, что успех этого проекта, принятие его парламентом, невзирая на весьма оживленную оппозицию, был обусловлен теми непосредственными выгодами, которые он давал, т. е. деньгами, которые можно было получить отсюда для продолжения войны во Фландрии. Таким образом, создание этого крупного учреждения, на важном значении которого было бы излишне настаивать, представилось вначале как своего рода бюджетное средство². Немногие люди способны были тогда предвидеть, что предоставленные Банку права будут иметь для нации неизмеримо бо́льшую ценность, чем ссуды, на которые тот согласился. При всей значительности услуг, которые Банк оказал государственному казначейству³, они не могут идти в сравнение с услугами, которые он оказал публике своим повседневным функционированием.

Благодаря Банку Лондон получил возможность стать таким же центром сделок и предприятий, каким был Амстердам. Обращение капиталов увеличилось, высота ссудного процента быстро упала: с 7—8% годовых он в течение 20 лет опустился до 4 и ниже⁴. Спекулятивное безумие, охватившее Англию почти в то же время, что и Францию, нелепые проекты и бесчисленные мошеннические аферы, кишевшие вокруг химерической *South Sea Company* (1720), произ-

¹ На английском юридическом языке корпорация есть общество, обладающее всеми правами, присвоенными юридическому лицу, способное приобретать движимое и недвижимое имущество, заключать от своего коллективного имени торговые сделки, выступать в судах истцом и ответчиком и т. д. О происхождении Английского банка см. недавно опубликованный труд *A. Andréadès, Essai sur la fondation et l'histoire de la Banque d'Angleterre (1694—1844)*, и труд *Th. Rogers, The first nine years of the Bank of England*.

² Билль об учреждении Английского банка был подготовлен «комитетом путей и средств», другими словами—бюджетной комиссией палаты общин. Самое название билля хорошо показывает, что озабочивало его авторов: оно гласит: «закон, устанавливающий некоторые балоги на тоннаж судов, на пиво, эль и другие напитки, с целью обеспечить известные преимущества, перечисленные в настоящем законе, за теми лицами, которые добровольно ссудят сумму в 1 200 тыс. ф. ст. для продолжения войны с Францией» (5. Guill. et Marie, с. 20).

³ С 1694 до 1731 г. общий итог сумм, данных банком займы государству, составил 11 900 тыс. ф. ст. См. *G. Schmoller*, цит. соч., стр. 964.

⁴ В момент заключения Утрехтского мирного договора (1713) акции Английского банка приносили 4% и стоили от 118 до 130 ф. ст. См. *Thorold Rogers, Hist. of agriculture and prices in England, VII, 715—716*. Государство, еще в 1694 г. занимавшее деньги из 8% годовых, получило возможность выпустить 3% ренту, которая в 1732 г. подьялась даже выше *pari. Id. ibidem, p. 884*. Начавшееся около 1755 г. понижение курса ренты имело своей причиной, по всей вероятности, большую легкость иных способов помещения денег вследствие развития торговых дел.

вели только временное потрясение. Банк остался непоколебленным, и акции его, на короткое время захваченные бешеным повышательным движением, предшествовавшим катастрофе, почти тотчас вернулись к своему нормальному курсу¹: доверие, которое внушал к себе Банк, отличалось с этого времени прочностью, способной выдержать всякое испытание. Особая важность его роли увеличивалась тем обстоятельством, что кредитные учреждения долго еще оставались немногочисленными: около 1750 г. вне столицы существовала всего какая-нибудь дюжина банкирских домов². В результате взаимодействия, столь часто наблюдаемого в ходе экономической эволюции, кредит, сделавший сначала возможным развитие торговли и преобразование промышленности, получил от них потом, в свою очередь, огромный толчок, постоянно повторяющийся на наших глазах.

В самый момент основания Английского банка Ост-индская компания, которой было уже около ста лет, собиралась как будто сойти со сцены. Как раз перед этим она пережила период беспрецедентного процветания, но ее богатство, сосредоточенное в руках весьма небольшого числа пайщиков, возбуждало зависть и дразнило чужие аппетиты. Невзирая на исключительные права, предоставленные компании королевской грамотой 1600 г., непривилегированные купцы (*interlopers*) старались конкурировать с ней и перехватывать в свою пользу часть ее громадных барышей. После революции они использовали против компании политические позиции ее директора, сэра Джосии Чайльда³, искавшего раньше опоры во дворе и в ториях, и потребовали у парламента, чтобы тот положил конец монополии, которой они не прочь были завладеть сами. Завязалась ожесточенная борьба: противникам компании удалось сначала добиться от палаты общин декларации, которая отрицала за короной право предоставлять кому бы то ни было торговые привилегии и разрешала всякому английскому подданному безвозбранно вести торговлю с странами Востока, пока надлежащим образом вотированный закон не распорядится иначе⁴. Затем они образовали новую компанию, получившую официальное утверждение в 1698 г.⁵ В течение нескольких лет существовали две ост-индские компании, разделенные яростным соперничеством⁶. Наконец, в 1702 г. состоялось соглашение, привед-

¹ Средний курс акций Английского банка в течение первых четырех месяцев 1720 г. колебался вокруг 150 ф. ст. 7 мая он поднялся до 160 ф. ст., 16 мая—до 180, 20 мая—до 200, 2 июня—до 220, 3 июня—до 250, 24 июня—до 265 ф. ст. Это было самым высоким курсом этих акций в тот момент, когда акции *South Sea Company*, котировавшиеся по 130 ф. ст. в январе, поднялись до 1 тыс. ф. ст.— В июле и августе курс акций Банка спускается до 220, в сентябре—до 200 ф. ст. и, начиная с 12 октября, вновь колеблется между 140 и 150 ф. ст. *Thorold Rogers*, VII, 724—725.

² *Edm. Burke*, *Letters on the proposals for peace with the regicide Directory of France*. Lettre I, p. 59 (éd. E.-J. Payne, Oxford 1878).

³ Экономиста, автора «*New Discourse of Trade*» (1693).

⁴ *Parliamentary History*, V, 828.

⁵ 9—10 Will. III, c. 44.

⁶ Во время этой распри с обеих сторон было выпущено в свет много памфлетов. Укажем на: *Some remarks upon the present state of the India Company's affairs* (1690); *Modest and just apology for the East India Company* (1690); *G. White*, *An account of the trade to the East Indies* (1691), etc. Некоторые из этих брошюр

шее в 1708 г. к слиянию обоих предприятий¹. Именно в этом 1708 г., бывшем свидетелем распада империи Великого Могола после смерти Арунгзеба, была образована та великая Ост-индская компания, которая вместе с Клайвом, Уорреном Гастингсом и Веллеслеем завоевала Индостан и в течении полутора столетий эксплуатировала его огромную территорию и управляла ею.

Яростный характер распри, которой это слияние положило конец, в достаточной мере свидетельствует о важном значении, приобретенном ост-индской торговлей уже раньше конца XVII в. Временная конкуренция обеих соперничающих компаний еще способствовала оживлению этой торговли. Как раз в это время становится регулярной статьей ввоза чай, впервые вошедший в употребление в Англии еще в начале реставрации; вызывает фурор при дворе и в высших кругах английского общества китайский фарфор, уже давно ценимый голландцами и введенный в моду королевой Марией²; получают, наконец, распространение индийские и персидские хлопчатобумажные ткани,—одни названия которых (*calicoes*, *muslins* и др.) обличают их восточное происхождение,—притом в такой степени, что это вызывает тревогу среди производителей шерстяных материй³. Торговля с Ост-Индией распространяется на самые разнообразные продукты, принимает всевозможные формы, становится все больше одним из необходимых элементов богатства Англии.

Английский банк и Ост-индская компания—таковы два устоя английской внутренней и внешней политики, и политика эта может, наконец, направиться к цели, намечавшейся во времена Елизаветы и в эпоху Кромвеля: к завоеванию морей и морской торговли. Есть ли надобность напоминать, что именно в первые 60 лет XVIII в. Англия заложила фундамент своей колониальной империи? До 1700 г. она занимала уже в Америке территорию 13 колоний, но за пределами этого обширного пространства невозделанной земли, которое в то время ценилось меньше самого малозначительного из островов, доставлявших пряности⁴, английские владения сводились к весьма немногому: Ямайке в Антильских островах и трем или четырем факториям в Индии. Руководящее положение, которое Англия занимала во главе коалиций против Франции, позволило ей взять себе

представляют большой интерес для истории экономических учений: см., например, «Reasons against establishing an East Indies Company with a joint stock, exclusive to all others» (1691), где поддерживается тезис свободной торговли и «An essay on the East India trade» Чарльза Давенанта (1696).

¹ Лишь в следующем (1709) году Компания приняла наименование «Соединенной компании». *The Rogers*, VII, ч. 2-я (документы), стр. 803.

² «Именно королева ввела обычай или прихоть украшения домов китайским фарфором,—увлечение, принявшее с тех пор чрезвычайные размеры», *De Foe*, *Tour through the whole island of Great Britain*, I, 123.

³ Мы увидим в одной из следующих глав, что благодаря запретительным мерам, которых эти фабриканты требовали против ввоза хлопчатобумажных изделий из Индии, хлопчатобумажная промышленность обосновалась в самой Англии.

⁴ Еще в 1804 г. Дж. Чомерс (*Chalmers*) называл отвоеванные у Франции владения «заатлантической пустыней» (*Estimate of the comparative strength of great Britain*, p. 141). Это выражение следует сравнить со словами Вольтера о «нескольких арпанах снега», стойвших ему стольких упреков.

в 1713 г. Гибралтар и Минорку, остров св. Христофора, Нью-Фаундленд с его рыбными ловлями, Гудзонов залив и Акадию (Новую Шотландию), этот форпост французской Канады. Спустя 50 лет Парижский трактат, это триумфальное завершение великих морских войн, руководимых гением Питта старшего, отдал Англии всю Канаду, большинство Малых Антильских островов и Индию, единственную в своем роде добычу, которой поочередно жаждали завладеть все нации. Таким образом, война и дипломатия поддерживали естественный прогресс британской торговли и открыли для нее беспредельное поприще в будущем.

Торжество английской политики в XVIII в. было в то же время торжеством системы меркантилизма. В самом деле, разве меркантилизм не признает торговлей *par excellence* колониальную торговлю, столь благоприятствующую вывозу фабрикатов и ввозу сырья? Утрехтский и Парижский трактаты устанавливают в пользу Великобритании, помимо территориальных уступок, торговые привилегии: привилегию *asiento*, или монополию ввоза черных невольников в испанскую Америку, и привилегию пресловутого *vaisseau de permission* в Порто-Белло, который долго был неиссякаемым складочным местом английской контрабанды. Однако тот самый меркантилизм, который способствовал созданию первой колониальной империи Англии, становится впоследствии причиной ее частичного разрушения. Восстание американских колоний против метрополии бросает луч света на всю эту историю. Как известно, жалобы американцев были главным образом экономического характера: они жаловались на запрещения, направленные против их промышленности и в пользу промышленности английской¹, и на налоги, взимаемые без их согласия в пользу английской казны. Именно американская война, в гораздо большей степени, чем писания Адама Смита и его учеников, доказала негодность старой экономической политики и ускорила ее падение.

Но счастливой звезде Англии суждено было пережить эту политику; в то время как происходило такое значительное событие, как американская революция, с ее непоправимыми последствиями, гений изобретателей и удачная инициатива фабрикантов создавали в самой Англии новую Америку.

III

Согласно учению меркантилизма, главным источником богатства для всякой нации является внешняя торговля. Ради внешней торговли основываются привилегированные компании, ради нее государственные люди щедро поощряют мореходство, и завоевание при-

¹ По ходатайству лондонских шляпочников, американцам было запрещено в 1732 г. вывозить фетровые шляпы (5 Geo. II, с. 29). В 1736 г. английским и американским судовладельцам запрещают употребление парусного полотна, произведенного вне Британских островов (9 Geo. II, с. 37). Закон 1750 г. (3 Geo. II, с. 29) разрешил колониям вывозить чугун и полосовое железо (в котором нуждалась Англия), но воспретил им обрабатывать самим свой чугун и железо. См. об экономических отношениях Англии с ее колониями книгу *Поля Бушинг*, *Die Entwicklung der handelspolitischen Beziehungen zwischen England und seinen Kolonien*, p. 38—46 и 71—76.

ходит на помощь торговым делам. И официальные документы дают нам возможность из года в год и со всей желательной точностью проследить достигнутые в этом направлении успехи¹.

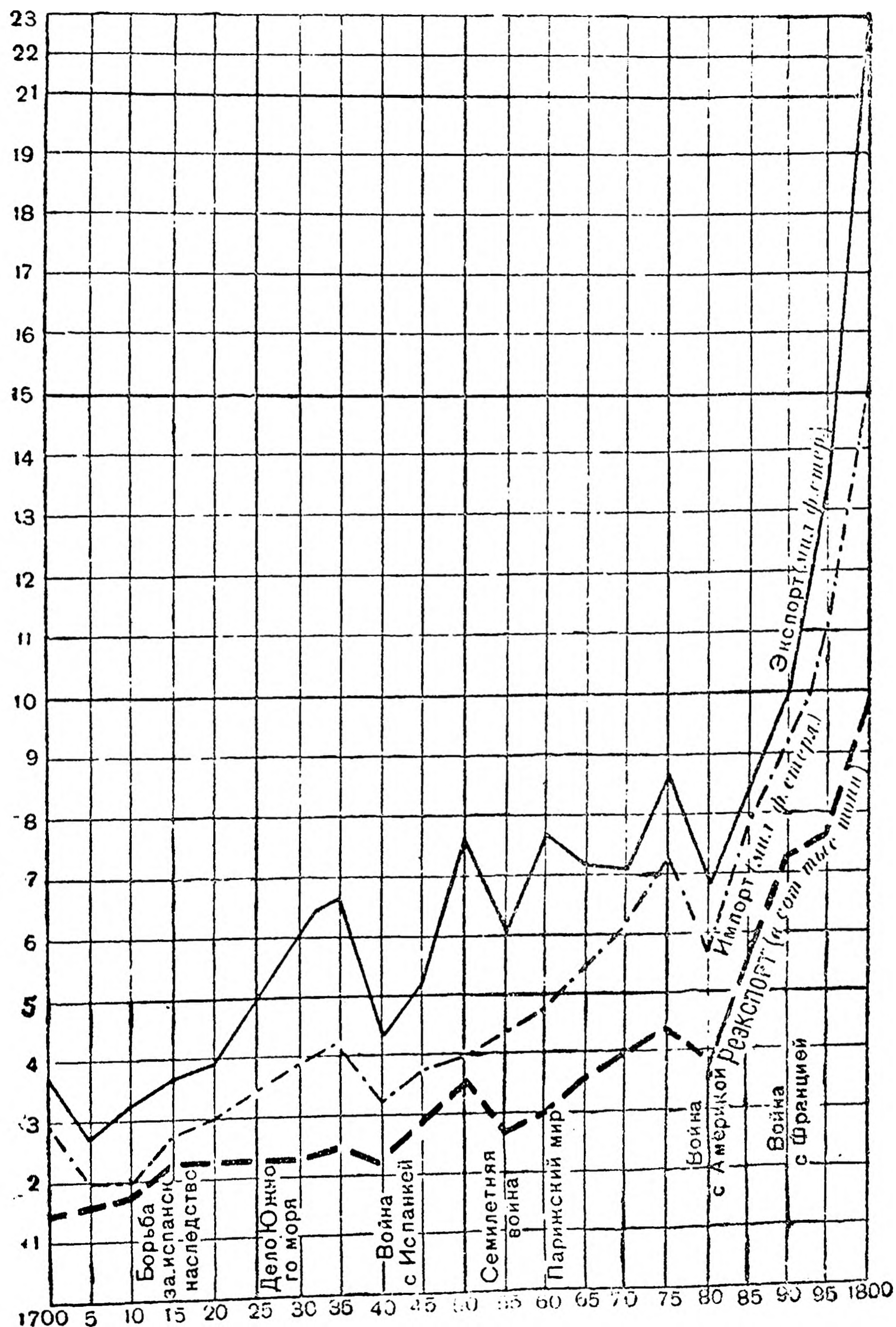
Цифры, которые мы намерены сейчас привести, покажутся незначительными в сравнении с теми цифрами, к которым нас приучила чрезвычайно интенсивная экономическая жизнь нашего времени. Тем лучше можно измерить по ним всю громадность происшедших перемен. Кроме того, народонаселение Англии—другое следствие тех же причин—было в начале XVIII в. почти в 6 раз меньше нынешнего. Рассмотрим сначала цифры, относящиеся к судоходству. Согласно записям английских таможен, тоннаж торговых судов, вышедших из английских портов в течение 1700 г., не превосходил 317 000 *т*,—цифра смехотворная, в 35 раз меньшая, чем теперешнее движение в одном Ливерпульском порту. В 1714 г., тотчас после заключения Утрехтского мира, цифра эта поднимается до 448 тыс. *т*. В следующие 15—20 лет прогресс—очень медленный: 503 тыс. *т* в 1737 г., опускающиеся в 1740 г., во время войны с Испанией, до 471 тыс. *т*. Благодаря общей передышке, последовавшей за Аахенским миром (1748), деятельность торгового флота опять усиливается, и в 1751 г. тоннаж вышедших судов составляет 661 тыс. *т*. Затем во время продолжительной войны с Францией наблюдается новая депрессия: 525 тыс. *т* в 1756 г., 574 тыс. *т* в 1760 г. Начиная с 1763 г., мы констатируем заметный подъем, продолжающийся с большой правильностью до начала войны с американскими колониями: 658 тыс. *т* в 1764 г., 746 тыс. в 1766 г., 761 тыс. в 1770 г., 864 тыс. *т* в 1774 г. Но вот в колониях разражается революция, и цифры тотчас же падают: 820 тыс. в 1777 г., 730 тыс. в 1779 г., 711 тыс. в 1781 г. Затем, по миновании кризиса, подъем настолько резок и стремителен, что дает право предполагать скрытое действие какой-то энергичной причины: 959 тыс. в 1783 г., 1 055 тыс. в 1785 г., 1 405 тыс. в 1787 г. Несмотря на некоторое замедление, замечающееся начиная с 1793 г., начала нового периода войн,—тоннаж выходящих из портов судов достигает в 1800 и 1801 гг. 1 924 тыс. и 1 958 тыс. *т*; за 20 лет цифра 1781 г. возросла почти втрое².

И не только ценность вывоза, как этого должно ожидать, но и ценность ввоза следует кривой, если не параллельной кривой тоннажа, то имеющей, по крайней мере, то же направление и тот же ход.

¹ Статистические данные таможенных книг были опубликованы Андерсоном в *Historical and chronological deduction of the origin of commerce* III, 59, 82, 103, 115, 124, 134, 142, 154, 162, 170; IV, 322, 692—694 и Чолмерсом в *Estimate of the comparative strength of Great Britain*, p. 231 и сл. См. также *Journals of the House of Commons*, LVI, 649 и 846. Цифры, приводимые этими авторами, не всегда вполне совпадают, но расхождение их никогда не достигает размеров, способных угрожать серьезными ошибками.

² Тоннаж каждого судна, в отдельности взятого, был еще весьма невелик. В 1789 г. число выходящих судов составляло 14 310 с водоизмещением в 1 443 658 *т*, в 1800 г.—18 877 с водоизмещением в 1 920 042 *т*. *Journ. of the House of Commons*, LVI, 846. Расчет нетрудно сделать: получающаяся при этом средняя едва превышает 100 *т*. А между тем в этом отношении с начала XVIII в. произошел еще существенный прогресс: согласно Энфильду (*Hist. of Liverpool*, p. 67), средняя вместимость судов, заходивших в Ливерпульский порт в 1703 г., не превосходила 38 *т*.

С 4 млн. ф. ст. ввоз поднимается к 1715 г. до 6 млн., а к 1725 г.— до 7 млн.; затем он приблизительно до 1750 г. колеблется между 7 и 8 млн., доходит до 10 млн. в 1760 г., 12—1770 и до 15 млн. в 1775 г. После довольно значительного падения в 1776—1783 гг., когда цифра ввоза опускается опять до 11 и даже 10 млн., мы наблюдаем быстрый подъем; в 1785 г.—более 16 млн., в 1790 г.—19 млн., в 1795 г.—почти 23 млн., в 1800 г.—более 30 млн. ф. ст.¹. То же мы видим и относи-

Внешняя торговля в Англии с 1700 по 1800 г.

тельно вывоза: в течение 70 или 80 лет он прогрессирует довольно медленно, но твердо и почти непрерывно: 6—7 млн. ф. ст. между 1700—1710 гг., 7½ млн. в 1715 г., 11 млн. в 1725 г., 12 млн. в 1730 г. С 1730 г. до 1770 г. колебания часты: однако вывоз ни разу не опускается ниже 11 млн., начиная с 1740 г., ни ниже 13 млн., начиная с 1757 г., а все более стремится к уровню в 15—16 млн. ф. ст. В 1771 г. ценность вывоза (17 161 тыс. ф. ст.) значительно превышает эти цифры, но затем возвращается к 11½ млн. Наконец, с 1783 г. мы опять на-

¹ 750 млн. фр. по курсу 1800 г.

блюдаем то же быстрое движение вверх, еще резче выраженное, чем в предыдущих случаях: с 15 млн. в 1784 г. вывоз поднимается до 16 млн. в 1785 г.; до 20 млн. в 1790 г.; до 27 млн. в 1795 г.; наконец, в 1800 г. до неслыханной в то время суммы в 41 877 тыс. ф. ст., или около 1 млрд. 100 млн. франков¹.

Выводы напрашиваются сами собою; если попробовать графически изобразить вышеприведенные цифры, то получающиеся кривые говорят непосредственно глазу и почти не нуждаются в комментарии. Прежде всего поражает почти вертикальный подъем кривых в последней части чертежа. Эта часть отвечает как раз эпохе, когда дают себя чувствовать первые последствия применения машин, когда произведения английской крупной промышленности начинают распространяться во всем мире. И мы действительно видим, что с наибольшей энергией поднимается вверх кривая вывоза, движение которой носило до тех пор колеблющийся и неровный характер; время, когда, вместе с увеличением богатства страны, с ростом ее потребностей и возрастающей специализацией ее производства, ввоз превышает вывоз—и притом на много,—это время пока еще не наступило². Рассмотрим теперь первую часть трех кривых, изображающую развитие торговли и судоходства с 1700 до 1775 или 1780 гг. Она имеет весьма определенный восходящий характер; ее колебания, ее последовательные падения должны быть приписаны чисто случайным причинам: в самом деле, каждое из них соответствует периоду войны, и, впрочем, после некоторого падения кривые поднимаются каждый раз выше самого высокого предшествующего уровня. Наконец, если мы будем рассматривать графическую таблицу в ее целом, то не преминем заметить ее непрерывность: движение, обозначающееся с самого начала столетия, хотя сравнительно и медленное и встречающее подчас помехи или прерывающееся, все же становится уверенным и как бы возвещает уже предстоящий вскоре головокружительный подъем.

Важность этого движения оспаривалась. По мнению Дж. А. Гобсона, экономисты XVIII в. сильно заблуждались относительно внешней торговли: на самом деле нации были, мол, тогда гораздо более изолированы друг от друга, чем теперь, и каждая из них жила почти исключительно своими собственными продуктами и изделиями. Англия потребляла в 1710 г. приблизительно на 60 млн. ф. ст. товаров, между тем ввоз продуктов в этом году составлял только пятнадцатую долю этой суммы, максимум $4\frac{1}{2}$ млн. ф. ст.³ Факт этот бесспорен, но если позволено будет заимствовать сравнение из области естественных наук, то достаточно весьма небольшого количества фермента, чтобы самым глубоким образом изменить строение огром-

¹ Эту цифру мы находим в Journ. of the House of Commons, LVI, 6'9 и 8'6.—Chalmers, Estimate, p. 231 говорит о 43 152 тыс. ф. ст. Откуда взял он эту несомненно преувеличенную цифру, неизвестно.

² В период 1890—1900 гг. вывоз из Соединенного королевства колебался между 215 824 тыс. и 291 192 тыс. ф. ст.; ввоз—между 404 688 тыс. и 523 075 тыс. ф. ст. См. Memorandum on the comparative statistics of population, industry and commerce in the United Kingdom and some leading foreign countries (Blue Book, изд. Board of Trade, 1902), p. 49, 51.

³ J. A. Hobson, The evolution of modern capitalism, p. 12—13.

ной массы материи. Действие внешней торговли на механизм производства уловить не легко, но открыть следы его не составляет все-таки невозможной задачи.

В предшествующей главе мы видели, как влияние торгового капитала преобразовало постепенно организацию старых промыслов. Так вот, среди торговцев раньше и легче других мог сыграть роль капиталиста по отношению к производителям крупный негодант, имеющий связи с заграницей и привыкший к риску отдаленных предприятий. Среди вывозимых из Англии изделий фигурировали на первом месте шерстяные материи¹, и мы знаем, каковы были главные центры вывоза: к ним принадлежали некоторые города юго-запада; принадлежал Норвич, где выделялись известные ткани, предназначенные специально для иностранных покупателей²; принадлежали в Йоркшире Бадфорд и его окрестности³. Читатель не преминет заметить, что это как раз те районы, где преобладала выделка камвольных материй и рано установилось экономическое господство суконных торговцев. Не подлежит спору, что наложить свою руку на эту отрасль промышленности помогли суконщикам-торговцам самый характер производства и высокая цена сырья. Но использовать эти благоприятные обстоятельства позволил им именно спрос на английский worsted со стороны рынков континента. Именно морская торговля обогатила их и сделала честолюбивыми, именно из портов Бристля, Ярмута и Гулля их влияние продвигалось внутрь страны, чтобы вскоре охватить всю страну. После шерстяных изделий одной из наиболее важных статей вывоза были мелкие металлические изделия, скобяной товар и безделушки Бирмингема. Мы находимся здесь в одном из пунктов, где скоро произойдут самые замечательные и самые решительные преобразования промышленной техники. Однако, по словам одного старого историка города Бирмингема, тамошние производители и в отдаленной степени не были так предприимчивы, как технически изобретательны. Изготовив при помощи самых простых орудий в своих небольших мастерских пуговицы, пряжки для башмаков, табакерки и даже фальшивые монеты, снискавшие Бирмингему его несколько сомнительную репутацию⁴, «они охотно сидели, греясь у огня своей кузницы»⁵. Но рядом с ними образовался деятельный класс торговцев. Вот эти-то торговцы, разъезжавшие по самым отдаленным областям Англии и находившиеся в сношениях с континентом и Америкой, побуждали производителей непрерывно расширять свое производство и совершен-

¹ Лишь в 1802 г. вывоз хлопчатобумажных тканей начинает превосходить вывоз шерстяных материй, как это видно из следующей таблицы (в тыс. ф. ст.):

Вывоз	1797	1798	1799	1800	1801	1802	1803
Шерстяные материи . . .	4 625	6 178	6 435	6 913	7 321	6 487	5 291
Бумажные » . . .	2 446	3 544	5 556	5 323	6 465	7 130	6 467

Parliamentary Debates, I, 1147 (Accounts).

² См. *J. James, History of the worsted manufacture*, p. 269 и 309.

³ *Ibidem*, p. 268. Экспорт камвольных тканей из Бадфорда развился между 1750 и 1760 гг.

⁴ Выражение *Birmingham*, или, вернее, *Brummagem wares* долго было синонимом товара-дешевки.

⁵ *William Hutton, History of Birmingham*, p. 98.

ствовать его приемы¹. Позже они стали сами руководить производством. Человек, быть может, больше всякого другого сделавший для промышленного величия Бирмингема, Метью Больтон из Сохо, был обязан своим успехом в такой же мере своим качествам коммерсанта, как и своему организаторскому и распорядительскому таланту. Именно как смелый и ловкий коммерсант, знающий ресурсы и потребности рынка, он отважился взять на свое попечение изобретение Уатта, чтобы сделать из него предмет практического пользования.

Внешняя торговля дает толчок развитию существующих уже отраслей промышленности; ввоз вызывает к жизни новые отрасли². Нам еще придется подробнее изучить происхождение хлопчатобумажной промышленности в Англии; мы увидим тогда, что она возникла из подражания экзотической промышленности: ее зародыш был принесен в Англию на кораблях Ост-индской компании. То же замечание относится к шелковой промышленности, заимствованной из Италии и акклиматизированной в лондонских предместьях французскими эмигрантами после отмены Нантского эдикта. Как раз в этих двух отраслях промышленности, шелковой и хлопчатобумажной, появилось сначала машинное производство и сложился новый экономический строй, вне традиций и законодательных стеснений, от которых эти отрасли промышленности освобождало их недавнее образование и иноземное происхождение.

IV

Среди фактов, наилучше показывающих, какое действие успехи английской торговли в XVIII в. оказали на развитие промышленности, нет более многозначительного факта, как рост некоторых торговых центров, в соседстве с которыми выросли крупные промышленные поселения. Наиболее замечательным примером этого явления может служить история города Ливерпуля и его порта. Можно было бы соблазниться мыслью, что Ливерпуль создан крупной промышленностью. В самом деле, разве он не расположен у порога графства Ланкастер, в нескольких лье от Манчестера, столицы хлопчатобумажного производства! Низменность, по которой текут в противоположных направлениях Уивер и Трент, связывает его с *гончарным округом* (Pottery District) и затем дальше—с «*черным краем*» (Black Country) Вольвергемптона и Бирмингема; на востоке лишь небольшое расстояние отделяет его от Лидса и Брадфорда, городов шерсти, и Шеффильда, города железа и стали. К широкой и глубокой бухте Мерсея, слишком обширной для впадающей в нее небольшой речки, сходятся со всех сторон могучие потоки промышленного

¹ *W. Hutton* употребляет образное выражение, к несчастью, почти не поддающееся переводу: *The tradesman stands at the head of the manufacturer—торговец стоит у головы производителя*, как стоят у головы лошади, ведя ее на поводу.

² См. *Von Gülich, Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutenden handelstreibenden Staate unserer Zeit*, I, 97 и сл.

богатства, которые находят здесь свой естественный рынок, свой общий выход к морю.

Все это в настоящем; прошлое было совершенно иным. До сравнительно недавнего времени Ливерпуль имел мало сношений с областью Бирмингема, тяготевшей скорее к долине Северна и к Бристолю. Со стороны Йоркшира очень серьезное препятствие составляла Пеннинская горная цепь, через которую вели лишь немногие плохие дороги. Оставался Ланкашир, но верно ли, что развитием его промышленности достаточно объясняется рост Ливерпуля с первых же шагов последнего?

До XVII в. Ланкашир был своего рода пустыней, покрытой лесами и болотами. Ливерпуль был не более как рыбацкой деревней, одиноко лежавшей у входа в огромный рейд, где в то время не было набережных и почти не было судов. Однако превосходное пристанище, которое дает бухта, уже привлекало туда торговлю. Ирландские купцы привозили туда льняную пряжу, из которой ткали затем изделия в окрестностях Манчестера¹. Таким образом, уже за несколько веков до нас мы можем различить отношения, связывающие еще теперь оба эти города; один получает сырье, а другой забирает его в целях переработки. Отметим, однако, существенную разницу: движение направлялось тогда главным образом извне во внутри страны; Манчестер, средоточие скромной промышленности местного характера, не имел изделий для экспорта, если не считать небольшого количества сукна, покупавшегося теми самыми ирландскими купцами, которые доставляли для него пряжу². В 1636 г. Ливерпуль был еще таким маленьким портом, что Страффорд, при взимании пресловутого корабельного сбора (*ship money*), сбложил его всего 15 ф. ст., тогда как Честер платил 100 ф. ст., а Бристоль—2 тыс.³.

Рост Ливерпуля начинается приблизительно в эпоху революции, в тот момент, когда возобновляется расширение морской торговли, прерванное столетием политической борьбы. В 1699 г. он становится самостоятельным приходом и строит для себя новую церковь⁴. В 1709 г. торговля его уже достаточно велика, чтобы не довольствоваться больше естественным портом, образуемым бухтой. Поэтому решают вырыть бассейн⁵, начало того великолепного ряда доков, набережные которого тянутся теперь на протяжении 10 км. Современники изумлялись этому быстрому расцвету. «Ливерпуль,—писал де Фоз,—является поистине одним из чудес Великобритании, го-

¹ «*Lugpole* иначе *Lugverpole*, мощный город, имеет только часовню: приходская церковь находится в Уольтоне, в четырех милях отсюда... Король имеет здесь замок, а граф Дерби—каменный дом. Ирландские купцы часто приезжают сюда, так как порт хорош... Ввозную пошлину в Ливерпуле платят лишь маленькую; вот почему торговцы охотно едут сюда. В Ливерпуле хороший товар и много ирландской льняной пряжи, которую приезжают покупать люди из Манчестера». *John Leland, Itinerary of Great Britain*, VII, 37.

² См. *Lewis Roberts, The treasure of traffic*, p. 32.

³ *Calendar of State Papers, Domestic Series, 1634—1635*, p. 568, 569 и 581.—25 ф. ст. в 1636 г. *Ibid.*, 1636—1637, p. 207.

⁴ *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 335; *A. Anderson, Origin of commerce*, III, 143.

⁵ 8 Anne, c. 12.

раздо более любопытным, по моему мнению, чем все природные достопримечательности дербиширского Пика¹. При первом моем посещении, около 1680 г., это был большой², красивый, хорошо построенный город, подававший надежды на дальнейшее развитие. Во время моего второго путешествия, в 1690 г., Ливерпуль был гораздо обширнее, чем в первый раз: по словам местных жителей, он менее чем за 20 лет стал вдвое больше. Во всяком случае, я могу смело утверждать, что между моей второй и третьей поездкой город вырос больше чем вдвое, и меня уверяют, что его богатство, население, торговля и здания продолжают с каждым днем расти. До каких размеров он дойдет, я не берусь сказать»³.

Суда, заходившие в Ливерпульский порт, едва имели величину наших теперешних больших рыболовных барок⁴, но число и тоннажи их безостановочно росли. В 1710 г. общая сумма тоннажа всех входящих и выходящих судов не превосходила 27 тыс. *m*, в 1730 г. она поднялась до 37 тыс., в 1750 г. до 65 тыс., в 1760 и 1770 гг. она дошла до 100 тыс. и 140 тыс. *m*. Уже в середине столетия Бристоль перестал занимать первое место после Лондонского порта, оно перешло к Ливерпулю⁵. Что касается населения Ливерпуля, то с 5 тыс. жителей в 1700 г. оно возросло до 10 тыс. в 1720 г., до 15 тыс. в 1740 г., до 26 тыс. в 1760 г.; перепись, произведенная в 1773 г., дала цифру 34 407 жителей⁶. Порт состоял уже из четырех бассейнов, имевших общую длину в 1½ мили. Артур Юнг, хотя и не так легко приходивший в изумление, как де Фоэ, отклонился от своего маршрута через сельские округа Англии с нарочитой целью посмотреть Ливерпуль, «город, занимающий слишком прославленное место в мировой торговле, чтобы позволительно было проехать так близко от него, не увидев его»⁷.

В момент поездки Юнга в Ливерпуль (1770) крупная промышленность в графстве Ланкастер еще зарождалась. Манчестер был ожи-

¹ The Peak. Этим названием обозначают гористую и покрытую лесом местность между Манчестером и Шеффилдом, образующую южную оконечность Пеннинской цепи; ее скалы и, в особенности, гроты, посещались туристами уже в начале XVIII в.

² Мы знаем уже, что де Фоэ понимал под большим городом. Согласно цифрам крещений и погребений, население Ливерпуля в 1680 г. может быть исчислено не более как в 4 тыс. жителей. См. Abstracts of the answers and returns to the Population Act, 41 Geo. III (1801), II, 149.

³ *De Foë*, A tour through the whole island of Great Britain, III, 200.

⁴ В 1709 г. вошло в порт: 374 судна с водоизмещением в 14 574 *m*; вышло 334 с водоизмещением в 12 636 *m*. Среднее водоизмещение составляло, следовательно, 38,3 *m*. *W. Enfield*, History of Liverpool, p. 67.—В 1723 г. вошло в порт: 433 судна с водоизмещением в 18 800 *m*; вышло из него—396 суден с водоизмещением в 18 393 *m*. Среднее водоизмещение было равно 6,4 *m*.

⁵ В 1766 г. в Ливерпуль вошло 803 судна и вышло из него 865 против 634 судов, вошедших в Бристоль, и 363 судов, вышедших из него. *A. Anderson*, Origin of commerce, IV, 97.

⁶ *W. Enfield*, History of Liverpool, p. 25; *J. Aikin*, A description of the country round Manchester, p. 338—3 1. Эта перепись 1773 г. была предпринята группой частных лиц под покровительством городского самоуправления. Цифры, предшествующие 1773 г., являются результатом приблизительных оценок по записям рождений и смертей. См. Abstracts of the answers and returns to the Population Act 41 Geo. III (1801), II, 1 9.

⁷ *A. Young*, North of England, III, 168.

вленным и процветающим городом, но ничто не давало еще основания предвидеть его изумительную будущность. Английские хлопчатобумажные ткани были еще пока несовершенным, грубым изделием, неспособным соперничать с тканями Индии. Таким образом, развитие Ливерпуля опережает и превосходит развитие местной промышленности. Повидимому, оно связано с прогрессом общей торговли Англии: между обоими этими явлениями наблюдается в высшей степени постоянный и замечательный параллелизм. Можно сказать, что в течение всего почти XVIII в. история Ливерпуля резюмирует историю английской торговли.

Впрочем, мы не только знаем, когда Ливерпуль стал богатым городом, но и как он стал им. Произошло это в особенности благодаря его сношениям с колониями или, как тогда выражались, с «плантациями», благодаря ввозу колониальных продуктов—сахара, кофе, хлопка, которые часто переотправлялись затем из Ливерпуля дальше—в Голландию, Гамбург, балтийские порты; наконец, и больше всего—благодаря работорговле, ставшей со времени договора *asiento* одним из прибылейших источников дохода для английских судовладельцев¹. В этот первый период своего развития Ливерпуль походит на некоторые наши французские города, подобно ему и в ту же почти эпоху разбогатевшие на «торговле с островами» (*commerce des îles*), например, на наш Нант, с его красивыми каменными домами, выходящими фасадом на набережную Луары и напоминающими еще теперь о процветании города в то время, когда он снабжал черными невольниками Антильские острова, получая от них взамен грузы сахара, пряностей и драгоценных древесных пород.

Ливерпуль перестал быть местным рынком, где соль графства Честер и каменный уголь Вигана обменивались на ирландскую шерсть, но он не стал еще колоссальным рынком для крупной текстильной и крупной металлургической промышленности. Его роль—пока еще только роль *emporium*'а—складочного места, где собираются заморские продукты. Жизнь и богатство приливают к Ливерпулю извне, из отдаленных стран, где Англия, царица морей, утверждает уже свое торговое господство.

Именно эти внешние влияния, проникая в графство Ланкастер, вызывают там к жизни новую отрасль промышленности, ту хлопчатобумажную промышленность, которая заимствует из-за границы свои образцы и свое сырье. В настоящее время кипы хлопка, громоздящиеся тысячами в амбарах Ливерпуля, вызывают в нашем уме представление о лежащем вблизи Манчестере, о его бесчисленных машинах, которые надо безостановочно питать, словно множество ненасытных ртов, о массе мануфактурных изделий, которые выходят из его фабрик, чтобы разойтись затем по всему свету. Если это непрекращающееся обращение товаров и имеет своим исходным и конечным пунктом Ливерпуль, то центром и сердцем его является промышлен-

¹ *De Foë*, *Tour*, III, 202—203; *John Campbell*, *Political survey of Great Britain*, I, 167; *W. Enfield*, *History of Liverpool*; *Erik Soedenstjerna*, *Reise durch einen Teil Englands und Schottlands*, p. 181. Переотправлявшиеся за границу товары составляли более трети всего экспорта. См. *Journ. of the House of Commons*, LVI, 846 и сл.

ный район Манчестера. Но первоначальный толчок, приведший все в движение, пришел извне: развитие Ланкашира, который среди всех графств Англии наиболее заслуживает названия колыбели крупной промышленности, имело своим первым условием развитие Ливерпуля и его торговли.

V

Внешняя торговля Англии в XVIII в. стала только более значительной; ее внутренняя торговля испытала полное преобразование. Во времена королевы Анны английские провинции были еще замкнуты в рамки очень узкой местной жизни. С экономической точки зрения они делились на известное число областных рынков, довольно обособленных друг от друга¹. За исключением Лондона, не было ни одного города, который поддерживал бы постоянные деловые отношения со всем остальным королевством; что касается сельских местностей, то торговый горизонт их редко простирался дальше соседнего города. Средства и способы для установления между различными рынками того минимума сношений, без которого невозможно обойтись, мало изменились в течение четырех-пяти столетий.

Первым из этих способов были большие периодические ярмарки, куда приезжали издалека либо для закупок, либо для продажи. Англия имела свои ярмарки, подобно тому как их имела Франция и Германия. Наиболее прославленной из них была ярмарка в Стоурбридже, которую англичане сравнивали с лейпцигской. На территории, где она происходила ежегодно от середины августа до середины сентября, возвышался целый временный город, с своей особой администрацией, полицией и судом². Здесь можно было видеть суконщиков Лидса и Норвича рядом с торговцами полотном из Нижней Шотландии, несжещников Шеффилда рядом с гвоздарями Бирмингема. Из Лондона, Бристоля и Ливерпуля сюда привозились предметы роскоши и колониальные продукты. Таким образом, ярмарка эта служила поводом для обмена продуктов, в котором принимала участие вся Англия. Значительное число других, менее известных

¹ От одного округа к другому разница в ценах была довольно чувствительной. Жаль, что *Thorold Rogers* в своей *Hist. of Agriculture and Prices in England* дает по этому вопросу лишь неполные и недостаточные сведения. Впрочем, из нее можно извлечь несколько примеров, показывающих разницу между ценами лондонского рынка и ценами некоторых местных рынков:

Пшеница (за квартер)

Дек. 1703	Кембридж	40 шилл.	Лондон	32 шилл.
Июнь 1712	»	41 ш. 4 п.	»	32 »
Март 1727	»	36 шилл.	»	24 »
Скт. 1734	Глостер	40 »	»	30 »
Июнь 1741	Кембридж	50 »	»	39 »
Дек. 1748	Глостер	36 »	»	28 »
Скт. 1753	»	46 »	»	32 »
Сент. 1760	»	37 ш. 4 п.	»	23 ш. 6 п.

Thorold Rogers, VII, 4, 12, 38, 56, 67, 80, 92, 114, 115.

² См. *De Foë*, *Tour*, I, 122—130; *Thorold Rogers*, *Six centuries of work and wages*, p. 149—152.

ярмарок имело только областное значение: на западе указывали винчестерскую ярмарку, на востоке—бостонскую, на севере—ярмарку в Беверли¹. Их упадок есть явление гораздо более недавнего времени, чем это обычно думают: некоторые из них продолжали процветать до весьма близкой к нам эпохи².

Если не считать ярмарок, то единственными рынками со сколько-нибудь значительными торговыми оборотами были специальные рынки, куда стекались изделия какой-нибудь местной промышленности. Таковы были в западном Йоркшире рынки, посещавшиеся обосновавшимися в городе торговцами сукнами и жившими по деревням мелкими производителями системы «домашней промышленности». Мы уже описали рынок в Лидсе: это был самый большой, наилучше посещавшийся рынок. Но кроме него существовали еще другие, довольно близкие друг от друга рынки в Брадфорде, Геддерсфильде, Векфильде, Галифаксе: ткач, еженедельно отправлявшийся туда, чтобы продать свой кусок материи, не имел возможности значительно удалиться от своей деревни. Характерной чертой этих местных рынков является значительное количество мелких сделок, большое число продавцов и покупателей. Им требовалось, следовательно, много места: крытые суконные рынки, возведенные или перестроенные во второй половине XVIII в.³, были бы недостаточны для этой цели, несмотря на свои обширные размеры⁴. Часть сделок совершалась поэтому на улицах, на площадях, в тавернах⁵.

Спрашивается, как доходили товары с этих периодических ярмарок или постоянных рынков до массы потребителей? Вот тут-то и сказывается вполне средневековый еще характер торговых сношений внутри Англии. Класс посредников, находящийся в прямых сношениях с производителями, является, естественно, самым важным и богатым. Это класс оптовых торговцев, которых часто называют «разъездными торговцами» (*travelling merchants*). Действительно, им приходится разъезжать самим как для того, чтобы запастись товаром, так и для того, чтобы завязать сношения с розничниками. У нас имеются описания того, какую жизнь вел полтора-два года тому назад

¹ *A. Toynbee, Lectures on the industrial revolution, p. 54—55; J. A. Hobson, The evolution of modern capitalism, p. 32.*—Полный список мелких местных ярмарок находим в *An accurate description of the present great roads of Great Britain (1756), p. XLVIII—LXIV.*

² *R. W. Cooke-Taylor, Introd. to the history of the factory system, p. 218* указывает на Гриническую ярмарку близ Лондона и доннибрукскую близ Дублина.

³ Векфильдский *Tammy Hall* был построен в 1766 г., Брадфордский *Piece Hall*—в 1773 г., Галифакский *Manufacturers, Hall*—в 1779 г. В Лидсе оба рынка *Mixed Cloth Hall* и *White Cloth Hall* были построены соответственно в 1750 и 1775 гг. См. *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 572; Th. Baines, Yorkshire, past and present, I, 678; J. James, History of Bradford, p. 280.*

⁴ В Векфильде «суконный рынок представляет собою большое трехэтажное здание квадратной формы; в середине его находится громадный двор, куда выходят все окна здания, которое снаружи совершенно не имеет окон. В этом рынке насчитывают 370 комнат; все они имеют по двери и окну во двор и на галерею, проходящую вдоль каждого этажа». *Tournée faite en 1788 dans la Grande-Bretagne, p. 198.*

⁵ См. ч. I, гл. I, стр. 38.

манчестерский купец, продававший в восточных графствах шерстяные и бумажные материи и скупавший там перья и солод. «Почти круглый год он был в пути, всегда верхом; получаемые им суммы выплачивались ему золотыми гинейями, которые он увозил с собой в привязанной к седлу сумке. Ему постоянно приходилось страдать от ненастной погоды и усталости, беспрестанно подвергаться опасностям». Самой маленькой из этих опасностей было—попасть в руки к грабителям, что довольно часто еще случалось по большим дорогам Англии и Шотландии. Заметьте, что речь идет здесь о богатом купце, «собравшем достаточно круглое состояние, чтобы ездить в коляске, в такое время, когда во всем Манчестере трудно было бы найти полдюжины экипажей»¹.

Товары, которые он ездил предлагать таким образом из города в город, оставляя на хранение в постоянных дворах часть того, что осталось непроданным, перевозились почти всегда навьюченными на лошадях или мулах. Вьючные лошади, заботливо выбиравшиеся из крепкой и смирной породы, несли каждая по два тюка или две корзины, уравновешивавшие друг друга. Они составляли настоящие караваны, тянувшиеся гуськом по узким дорогам². У лошади, шедшей впереди всего обоза, был привязан на шее колокольчик, издали предупреждавший всадников или экипажи, двигавшиеся в обратном направлении. В наши дни на каменистых тропах высоких горных долин встречаешься таким же образом с мулами, несущими на спине тюки, предназначенные для каких-нибудь заброшенных в горах деревень.

Ступенью ниже купца мы находим персонаж, в течение многих веков игравший существенно важную роль в жизни сельского населения и продолжающий играть ее во всех отдаленных или отсталых местностях. Это—коробейник, который с тюком на спине или ведя за уздцы навьюченную лошадь, посещает села и хутора. Он продает не только ножницы и очки, цветные платки и альманахи, но и материи, кожаные изделия, часы,—коротко сказать, все, чего не могут сделать местный деревенский плотник и кузнец. Он проникает повсюду: во множество местностей он один вводит в обиход извне предметы и идеи. Там, где он не встречал себе конкуренции, его нелегкий промысел был сравнительно выгоден. Но бродячий образ жизни создавал ему подозрительную репутацию: ему не чужды были некоторые черты контрабандиста и бродяги³. Против него часто раздавались жалобы,

¹ *Th. Walker, The Original*, № XI (29. VII. 1835).

² Френсис Плейс сохранил для нас рассказ об одном путешествии верхом на лошади из Глазго в Лондон в 1739 г. До Грентема путешественники «двигались по узкому шоссе, по обе стороны которого тянулись едва намеченные на рыхлой земле дороги. Время от времени они встречали караваны в 30—40 навьюченных лошадей, идущих гуськом... Звонок на шее передней лошади предупреждал путешественников, двигавшихся навстречу. Когда они сталкивались с этими длинными процессиями лошадей, нагруженных тяжелыми тюками, шоссе оказывалось недостаточно широким, и путешественники были вынуждены каждый раз, уступая место, бросаться в сторону, на рыхлую боковую дорогу, с которой потом им стоило величайших усилий вновь подняться на шоссе». *Francis Place, Additional Manuscripts*, 27 828 (British Museum), p. 10.

³ См. рассказ *S. Smiles, Lives of the engineers*, I, 307, по поводу коробейников Дербишира. «Большинство были уроженцами округа Flash, расположенного

его обвиняли в корчемном сбыте запретных товаров, в продаже низкопробных изделий, в особенности же в том, что он причиняет ущерб «лояльным коммерсантам и честным лавочникам», которые изобличали его перед парламентом и доходили до требования о полном воспрещении коробейничества¹. Предлагаемая драконовская мера не была, однако, принята: удовольствовались тем, что коробейников подчинили более бдительному надзору; еще раньше их обязали платить известный налог и выбирать патенты².

Лавки можно было найти только в городах или в больших местечках, посещаемых в базарные дни крестьянами. Помещались они внутри домов, без витрин и выставок, но неграмотным покупателям говорили о них живые вывески: торговец часто стоял на пороге своей лавки и зазывал в нее прохожих. В эти лавки приходили запасаться всякой всячиной: товары хранились здесь еще более разнообразные, чем в тюке коробейников. Отсюда ведут свое происхождение те весьма общие и неопределенные названия, которые давались лавочникам: название *grosser*, первоначально означавшее оптовика, торговца *en gros*; *mercier*, *haberdasher*, под которым разумелся торговец мануфактурным, аптекарским и скобяным товаром, как и портновским прикладом. Во многих деревнях мы видим то же самое еще и теперь, но в XVIII в. деревни не знали даже таких лавок: они должны были появиться там только после глубокого переворота в экономических условиях³.

VI

Все эти связанные друг с другом факты,—живучесть больших периодических ярмарок, роль разъездных торговцев, первобытная простота транспортных средств,—все они имеют одну общую причину: неудовлетворительность путей сообщения. В этом отношении Англия сильно запоздала по сравнению с Францией. Ее островное положение и извилистость береговой линии, изобилующей глубокими бухтами и защищенными от волн рейдами, позволили установить между провинциями морское сообщение; морем доставлялся в Лондон ньюкестльский уголь, морем посылался для откармливания в графство Норфольк шотландский скот⁴. Весьма вероятно, что удобства каботажного судоходства были одним из факторов, замедлив-

между Меккльсфильдом, Лином и Бокстоном и были достаточно малокультурны. Люди из Flash, известные грубостью своих манер, жили, по слухам, наполовину коробейничеством, наполовину разбоем».

¹ Parliamentary History, XIV, 246, XXV, 885 и сл. Journ. of the House of Commons, XL, 1090, etc.

² Закон 1397 г. обязывает «всякого разносчика (*hawker, pedlar and petty charman*) и всякого другого торговца, переходящего из города в город и из дома в дом пешком, или на лошади, или с лошадьми, и т. д.», выбирать патент (*licence*), уплачивая за него 4 ф. ст. Сверх того, он должен платить по 4 ф. ст. с лошади, осла или мула, «или всякого другого животного, которое несет на себе или тащит поклажу» (8—9 Will. III, с. 25).

³ «В моей родной деревне первая лавка, в которой продавалось все что угодно, была открыта около 60 лет назад (приблизительно в 1820 г.); и долги еще после того жители деревни прибегали к услугам коробейников». *Thorold Rogers, Six centuries of work and wages*, p. 147.

⁴ *A. Toynbee, Lectures on the industrial revolution*, p. 55.

ших устройство хорошо продуманной системы внутренних путей сообщения.

Если мы станем рассматривать дорожную карту Англии, составленную незадолго до эпохи великих изобретений¹, то увидим, что дороги перекрещиваются на ней во всех направлениях, связывая друг с другом не только большие города, но и все сколько-нибудь важные местности, и покрывая густой сетью всю страну. Из Лондона одна дорога направлялась к мысу Land's End, с многочисленными ответвлениями к побережью Ламанша. Другая дорога пересекала восточный район, разделяясь за Кольчестером и Ипсвичем на две ветки, из которых одна доходила до Норвича, а другая до Ярмута. В направлении к Йорку, Ньюкестлю и Шотландии весьма оживленная дорога шла почти по колеям старой римской дороги, связывавшей древний Лондиниум и Эборакум; город Честер (Chester-le-Street) отмечает один из пунктов, через который эта дорога проходила, и, вероятно, местонахождение римского военного лагеря². Ряд старых епископских резиденций, которые уже издали можно было узнать по их колокольням и башням,—Петерборо, Линкольн, Йорк, Доргем,—отмечали ее этапы. Дорога на северо-запад также сливалась,—по крайней мере, на одной части своего протяжения,—со старой римской дорогой, той, которую саксы называли Watling Street: она шла из Дувра в Честер, римскую Deva. Несколько больших дорог связывали Лондон с западными городами: дорога на Бристоль соединяла побережье Северного моря с побережьем Атлантического океана, дорога на Глостер открывала доступ в Уэльс. Заслуживают упоминания еще некоторые поперечные дороги: дорога, ведущая из Карлайля в Ньюкестль вдоль стены, возведенной императором Адрианом против пиктов; дороги, пересекавшие Пеннинский горный хребет, от Ланкастера, долиной Эйра, и от Манчестера, долиной Кальдера. Они скрещивались в Йорке, древней столице, откуда их общее продолжение доходило до Гулля, при устье р. Гумбер. К этим путям сообщения между западным и восточным побережьем присоединялась длинная дорога, имевшая своими начальными пунктами Плимут и Бристоль и обслуживавшая всю западную Англию³.

Эта карта способна ввести в заблуждение: мы могли бы подумать, что Англия располагала превосходной системой дорог, если бы из жалоб современников не были осведомлены относительно состояния путей сообщения. Бесспорно, в дорогах недостатка не было, но большинство их были едва годны для езды. Их не умели ни строить как следует, ни содержать в порядке; наилучшие были те, которые сохранили еще кое-какие следы римского полотна⁴. Часто они сводились

¹ См. карту, приложенную к сочинению, озаглавленному «An accurate description of the present great roads and the principal cross roads of Great Britain (1756).

² Chester, ceaster=лат. castra, лагерь; Street=дорога. См. *W. B. Paley, The Roman roads of Britain, Nineteenth Century, XLIV, 840—853. C. G. Harper, The great North road.*

³ О важности этой дороги см. *De Foë, Tour, III, 90.*

⁴ Например Watling street, сохранившая все свое значение до постройки железной дороги из Лондона в Ливерпуль.

к такому узкому шоссе, что не только два экипажа, но даже две навьюченных лошади с трудом могли на нем разминуться¹. В их мягком грунте образовывались глубокие колеи; вся дорога, в конце концов, проваливалась, образуя своего рода канаву, которую дожди, половодье и морские приливы—если море было близко—превращали в настоящую реку². Глинистая почва центральных графств (Midlands) делала из этих периодически затопляемых дорог постоянные болота, усеянные там и сям большими камнями и настолько опасные для проезда, что во многих местах путешественники предпочитали оставлять их и ехать полями³. Понятно, что передвижение по подобным дорогам было затруднительно. В одном месте экипажу требовалось 5 часов, чтобы проделать расстояние в 10 англ. миль; в другом—вода задерживала его на целый день⁴. Чтобы выбраться из скверных мест, в которые ежеминутно рисковали попасть едущие, приходилось употреблять сильные упряжки: четверки или шестерки лошадей не было слишком много, чтобы вытащить из грязи тяжело нагруженный воз или тяжелую дорожную карету. В критических случаях приходилось еще принанимать на соседней ферме несколько быков. Вследствие этого экипажи были очень медленным, очень дорогим и мало практичным средством перевозки, и нетрудно понять, что купцы предпочитали им обыкновенно вьючных лошадей, караваны которых шли по узким дорогам гуськом, переходили ручьи в брод, а при нужде прокладывали себе путь в стороне от дорог. Понятно также, почему английские провинции, при отсутствии таких искусственных рога-ток, какими разделялась старая Франция, долго оставались почти обособленными друг от друга исключительно вследствие трудности сообщений между ними.

Некоторый прогресс был, впрочем, уже осуществлен: при Карле II парламент вотировал первый turnpike act⁵. Этим названием обозначают законы, устанавливающие известные проездные сборы, доходы от которых должны идти на содержание дорог. Взимание их и выполнение дорожных работ было поставлено под контроль особых комиссий, назначаемых мировыми судьями графств⁶. Раньше по-

¹ Петиция относительно дороги от Бремкот-Олд-Хоуз до Билпер-Лейн-Энд (Ноттингемшир), Journ. of the House of Commons, XXIX, 914.

² Дорога из Лондона в Ипсвич в 1727 г. была «размыта, опасна в момент половодья и едва пригодна для езды зимою». *De Foë, Tour, II, 180.*—Дорога из Kingswear в Ledgway Cross (Девоншир) покрывалась во время больших приливов водой на четыре фута. Journ. of the House of Commons, XXX, 95.—Дорога из Гулля в Лидс «проходит плоскими и покрытыми грязью низинами, куда стекают с окрестных холмов дождевые воды, образуя широкие озера; на части дороги, благодаря отсутствию откосов, вода застаивается». Journ. of the House of Commons, XXIV, 697.

³ Дорога из Hatfield в Baldock, *De Foë, Tour, II, 185.*—Дороги вокруг Дерби, см. *J. Bromie, Travels over England, Scotland and Wales, p. 87* и *De Foë, Tour, II, 178 (éd. 1727)* и III, 66 (éd. 1742).

⁴ Journ. of the House of Commons, XXIII, 105 (дорога из Грентема в Стемфорд, в Линкольншире) и XXX, 97 (дорога из Kingswear в Ledgway Cross, см. прим.).

⁵ 15 Charles II, c. 1, 1663, дорога из Лондона в Йорк.

⁶ Это были так называемые surveyors и commissioners of turnpikes. Они выбирались из землевладельцев каждого района. Полное перечисление их прав и полномочий содержится в генеральном акте 1773 г. (13 Geo. III, c. 78). Между

чинка дорог лежала на обязанности приходов: справлялись они с этой задачей очень плохо, тем более, что были крайне несправедливо заинтересованы в этом. Большая дорога, полезная в особенности для торговли городов, расположенных у ее конечных пунктов, проходила через многочисленные сельские приходы, жители которых мало пользовались ею и потому были мало озабочены сохранением ее в надлежащем состоянии. Принцип *turnpike acts* и заключался в том, чтобы за содержание дороги в порядке заставить платить тех, кто ею пользуется¹.

Везде, где этот принцип был применен, дорожное дело испытало заметное улучшение, легкость и безопасность сообщений возросли. Но в течение долгого еще времени так называемые шлагбаумные дороги (*turnpike roads*) составляли лишь исключение. Самая старая из них восходит к 1663 г.; только в 1690 г. надумали устроить вторую такую же дорогу. Вообще же предпочитали держаться старой системы, довольствуясь умножением предписаний относительно веса экипажей, ширины дорог, числа лошадей; предпочитали сохранять изрытые дороги, чем принимать необходимые меры для их исправления². Следует заметить, что роутки (*turnpikes*), устроенные поперек новых дорог, и сборы, взимаемые при проезде, были чрезвычайно непопулярны. Пришлось установить строгие кары против «злонамеренных лиц, которые в разных частях королевства устраивают сборища днем или ночью, чтобы снести, сжечь или всяким иным способом разрушить барьеры и шлагбаумные конторы, построенные согласно предписаниям различных парламентских актов, имеющих целью содержание в порядке известных дорог...³». Бунты против *turnpikes* часто возобновлялись в течение XVIII в. Самые серьезные из них вспыхнули в северных графствах: в окрестностях Лидса дело дошло в 1753 г. до настоящего массового восстания крестьян против новых дорожных сборов; с восстанием удалось справиться, только пустив в ход огнестрельное оружие⁴.

прочим, они имели право реквизировать для дорожных работ людей, подводы и упряжной скот. Каждый землевладелец обязан был дать на 6 дней запряженную подводу и двух людей. Если он имел больше 50 ф. ст. годового дохода, то от него требовалась добавочная помощь—либо трудом, либо деньгами. При доходе, не достигающем 4 ф. ст., требовалось около 5 дней личного труда, от которых можно было, впрочем, откупиться умеренной денежной суммой. 7 Geo. II, с. 42 и 13 Geo. III, с. 78.

¹ Эта система много изучалась и вызывала восхищение во Франции. См. *Notes sur la législation anglaise des chemins, par l'auteur des Notes sur l'impôt territorial en Angleterre* (La Rochefoucauld-Liancourt), Paris, 1801.

² *Statutes at large*, 9 Anne, с. 18 (1710). Аналогичные меры были приняты позже, чтобы избежать порчи шлагбаумных дорог. См. 30 Geo. II, с. 28 (1757): «Принимая во внимание, что согласно постоянному опыту, употребление колес с широкими ободьями значительно способствует улучшению и сохранению дорог... и что пользование тяжелыми возами с узкими колесами имеет своим последствием порчу и полное разрушение дорог и т. д.», акт 14 Geo. II, с. 42 (1741) предписывает установку весов у застав: всякая подвода, весящая вместе с кладью более 6 тыс. ф., должна была платить по 20 шилл. за каждые лишние 100 ф.

³ 1 Geo. II st. 2, с. 19 (1728). Предусмотренные наказания составляли: три месяца тюрьмы при первом нарушении и 7 лет ссылки в случае рецидива. Акт 8 Geo. II, с. 20 (1735) квалифицирует разрушение барьеров как тяжкое преступление (*felony*).

⁴ *J. James, Continuation to the history of Bradford*, p. 87.

Систематическое исправление дорог на всем протяжении территории было предпринято, лишь начиная с 1745 г., после высадки претендента и его поражения при Куллодене¹. Благодаря плохому состоянию дорог, препятствовавшему концентрации королевской армии, Чарльз-Эдуард и его шотландские горцы получили возможность продвинуться до Дерби, самого сердца Англии. При таких обстоятельствах правительство и династия почувствовали себя прямо заинтересованными в создании полной сети хорошо содержимых дорог, «годных для прохода войск, лошадей и экипажей во всякое время года»². Везде были одновременно предприняты крупные дорожные работы: за периодом продолжительной запущенности наступила лихорадочная деятельность. Не прошло и двух десятилетий, как система шлагбаумных дорог была распространена на все королевство³. Перемена казалась изумительной, и англичане самодовольно восхищались ею: «Никогда во внутренних сообщениях страны не было переворота, подобного тому, какой произошел на протяжении немногих лет в Англии. Перевозка зерна, угля, всякого рода товаров требует теперь не более половины того числа лошадей, какое необходимо было раньше. Деловые поездки совершаются с более чем удвоенной скоростью. Прогресс земледелия идет в ногу с прогрессом торговли: все приходит в цветущее состояние, все наши продукты возрастают в стоимости и, так сказать, осью этого громадного движения является реформа наших дорог»⁴. С 1760 до 1774 г. парламент вотировал ни более ни менее, как 452 акта, касающихся постройки дорог и содержания их в порядке⁵.

Как раз в это время появляется первое поколение тех руководителей дорожных работ, которые сами не подозревают, что выполняют работу инженеров, и в которых воплощается практический опыт английского народа. Среди этих оригинальных фигур, отмеченных печатью самобытности, выделяется любопытная личность Джона Меткафа (Metcalf), слепца из Нерсборо⁶. Этот необыкновенный человек, родившийся в 1717 г. в маленьком городе Йоркширского графства, сумел благодаря своему уму и смелости заставить почти забыть о его слепоте: в 1745 г. он присоединился к волонтерам своего граф-

¹ Не надо, однако, преувеличивать значения этого случайного факта для процесса, который был связан со многими причинами общего характера. Это был лишь внешний повод, привлечший к вопросу о дорогах внимание государственной власти.

² Цитата из акта 24 Geo. II, с. 25, 1751 г. (об устройстве дороги из Карлейля в Ньюкестль).

³ Устройство новых дорог часто облегчалось перетасовкой земельной собственности, как раз в это время происходившей в очень многих приходах. Немало актов об огораживании (enclosure) ставят условием, чтобы из земель, подвергающихся разделу, было взято нужное количество места для проведения дороги общего пользования (см. ch. III).

⁴ *H. Homer, An inquiry into the means of preserving and improving the public high roads of the kingdom, p. 8.*

⁵ См. генеральный акт 1773 г. (13 Geo. III, с. 78) и резолюции палаты общин, *Journ. of the House of Commons, XXXIII, 949—952.*

⁶ *The life of John Metcalf, commonly called blind Jack of Knaresborough (York, 1795).* Это своего рода автобиография, продиктованная Меткафом секретарю.

ства и принял участие в шотландской кампании, в армии герцога Кумберлендского. Лошадиный барышник, затем подрядчик по транспорту, он в течение многих лет разъезжал по местностям, расположенным между Гумбером и Мерсеем. Это была одна из областей, в которых вопрос о сообщениях стоял особенно остро: дороги, проходившие по высоким болотистым ландам Пеннинской горной цепи, не удовлетворяли больше нуждам торговли между обоими его склонами, становившейся с каждым днем все более значительной. Джон Меткаф сделался дорожным строителем. Он сам производил исследования местности и с посохом слепца в руках один «вырабатывал свои проекты и сметы согласно какому-то особому своему методу, которого не умел объяснить другим лицам»¹. Чрезвычайно способный и изобретательный он придумал недорогой способ для быстрого укрепления торфяников, которые ему удавалось без труда переходить. Среди многочисленных дорог, исправленных или построенных им, мы укажем дорогу из Векфильда в Донкастер, из Векфильда в Геддерсфильд, из Геддерсфильда в Галифакс, в западной части Йоркшира; из Бэри в Блэкберн, из Аштона—under-Lyne в Стокпорт, в графстве Ланкастер; между Ланкаширом и Йоркширом—дорогу из Стокпорта в Моттрем Лангли, из Скиптона в Берли; на юге, через скалы Пика, дороги из Макклесфильда в Chapel-en-le-Frith и из Уэли в Бэкстон². Все эти работы были выполнены между 1760 и 1790 гг.: одни из них предшествовали, другие близко следовали за возникновением крупной промышленности³, которая, таким образом, должна была развиваться в области, вполне подготовленной для ее расширения и ее прогресса.

Не все провинции имели, однако, своего Меткафа. И не всегда достаточно было устроить рогатки, чтобы иметь хорошие дороги. Артур Юнг во время каждого из своих путешествий не перестает свирепо браниться по поводу плачевного состояния, в котором продолжают оставаться дороги, несмотря на рогатки и на дорожные сборы: «Что сказать вам о дорогах этого края? Они имеют дерзость величать их шлагбаумными дорогами и заставлять вас платить деньги на их содержание! От Чипстоу до дома, находящегося на полдороге между Ньюпортом и Кардиффом, вы едете все время по каменистым тропинкам, усеянным огромными, величиной с лошадь, камнями и отвратительными ямами⁴. Дорога из Уитнея в Норт-Лич, кажется мне, самая скверная из всех шлагбаумных дорог, по каким я когда-

¹ *Bew, Observations on blindness. Memoirs of the literary and philosophical Society of Manchester, I, 172—174.* «Я часто видел, как он, имея только длинный посох в руках, переходил дороги, поднимался по крутым и каменистым склонам, исследовал долины, отлично разбирая их протяжение, формы и взаимное положение... Однажды я встретил этого слепого prospector'a, когда он приступал к своему изысканию. По обыкновению он был один; поговорив с ним о том, о сем, я задал ему несколько вопросов относительно новой дороги, и было поистине поразительно, с какой точностью он описывал направление этой дороги и характер различных местностей, через которые она должна была пройти».

² *The life of John Metcalf, p. 124—141.*

³ Сам Меткаф соблазнился однажды сделаться прядильщиком, купил прялки дженни и кардную машину для хлопка. См. *The life of John Metcalf, p. 148.*

⁴ *A. Young, A six weeks' tour through the southern counties, p. 120.*

либо ездил,—настолько скверная, что это положительно срам для страны...¹ Из всех проклятых дорог, когда-либо позоривших это королевство в самые варварские времена, ни одна не сравнилась бы с дорогой из Бильриккэя в Тильбюри: на протяжении почти 12 миль она так узка, что мышь не могла бы разминуться на ней с экипажем. Я видел, как человек был вынужден проползти под своим возом, чтобы добраться до меня и помочь мне перетащить мою почтовую карету через изгородь»². В других местах он находит колеи глубиной в 4 фута, ямы, в которые рискуешь провалиться³, или же ему причиняют ужасные толчки каменные глыбы, брошенные посреди дороги «под предлогом ремонта»⁴. На дороге из Ливерпуля в Виган его возмущение становится невыразимым: «Я не знаю во всем словаре достаточно сильных выражений, которыми можно было бы описать эту адскую дорогу... Я серьезно должен предостеречь всех путешественников, которым может представиться необходимость совершить поездку по этому ужасному краю, чтобы они избегали ее, как дьявола: можно прозакладывать тысячу против одного, что они свернут себе здесь шею или сломают руки и ноги»⁵. Лишь в самом конце XVIII в., во времена Тельфорда и Мак Адама⁶, Англия получила сеть хороших дорог.

Тем не менее сообщения становились уже более легкими и регулярными. До 1750 г. дилижансные рейсы были редки и медленны. Дорога от Лондона до Оксфорда требовала двух дней, до Экзетера—от четырех до шести дней, до Йорка—целой недели⁷. Между Англией и Шотландией не было никакого регулярного сообщения. Герой одного из романов Смоллета отправляется в 1739 г. из Глазго в Лондон на вьючной лошади среди двух корзин⁸. Прибавьте сюда небезопасность дорог, разбойничество, как местное явление, у самых ворот столицы: в 1757 г. почта из Портсмута была ограблена бандой при въезде в лондонское предместье Гаммерсмит, в каких-нибудь 2 лье от Черинг-Кросса⁹. Улучшение дорожного дела, при всей его недостаточности и неполноте, дало заметные результаты. В особенности оно пошло на пользу северным областям: с 1756 г., благодаря уоррингтонской «скорой почте», отправлявшейся два раза в неделю,

¹ A. Young, A six weeks' tour through the southern counties, p. 101.

² A. Young, A six weeks' tour, etc., p. 72.

³ A. Young, A six months' tour through the North of England, IV, 433.

⁴ Ibid., I, 83.

⁵ Ibid., I, 430.

⁶ Шотландский инженер Мак-Адам является изобретателем названной по его имени системы шоссирования. См. Dictionary of national Biography, ст. Mac Adam. Относительно Тельфорда см. Smiles, Lives of the Engineers, vol. II и III. Лишь после Мак-Адама и Тельфорда образовалась настоящая школа инженеров-специалистов. До тех пор людьми, бравшими на себя составление проекта дорог и руководство работами, были простые подрядчики, занимавшиеся раньше самыми разнообразными профессиями. Дорожные комиссары представляли собой «разношерстную толпу из паров королевства, провинциальных сквайров, фермеров и лавочников». См. Edinburgh Review, XXII, 480—482.

⁷ R. Porter, Progress of the nation, p. 296—297.

⁸ T. Smollett, Roderick Random, ch. VIII.

⁹ Gentleman's Magazine, 1757, p. 383. Гаммерсмит образует ныне один из лондонских кварталов.

проезд из Лондона в Ливерпуль и Манчестер стал требовать менее 3 дней¹. Около того же времени была устроена дилижансная линия между Лондоном и Эдинбургом, через Йорк и Ньюкестль. Переезд длился еще 10—12 дней²; спустя 30 лет, когда Пальмер произвел свою реформу почтовой системы³, из Лондона в Глазго стало возможным проехать в 63 часа. Что касается перевозки товаров, то место вьючных лошадей заняли фургоны ломовых извозчиков. В коммерческих методах также произошло преобразование; на сцену появился коммивояжер, бравший с собой только образцы и принимавший заказы,—новый, удивительно современный тип, если сравнить его со старым купцом, регулярным посетителем периодических ярмарок и вожаком караванов⁴.

Главным препятствием, продолжавшим мешать обращению продуктов, была дороговизна корреспонденции и транспорта. Королевская почта, открытая уже с XVII в. для пользования частных лиц⁵, посылала по главным дорогам ежедневных курьеров. В публике долго раздавались жалобы на их медленность и недостаточные меры предосторожности против краж⁶. Когда было приступлено, наконец, к реформе почтового дела, то сочли необходимым повысить таксу: письмо из Лондона в Честер, стоившее в 1711 г. 4 пенса, стоило с 1784 г. 6 пенс., а с 1796 г.—8 пенс.⁷ Однообразная такса в 1 пенни действовала только в 10-мильном районе вокруг лондонского General Post Office (Главного почтамта). Что касается платы за перевозку клади, то она была просто чудовищна: 5 ф. ст. за тонну из Лондона в Бирмингем; 12 ф. ст.—из Лондона в Экзетер, 13 ф. ст.—из Лондона в Лидс. Для небольших расстояний перевозочная плата достигала еще более высокого уровня: от Ливерпуля до Манчестера, расстояние между которыми равно приблизительно 30 милям, перевозка 1 т клади стоила не менее 40 шилл., а от Ньюкестля—under-Lyme в Стаффордширском гончарном округе, до Бриджпорта на Северне, от

¹ *Ch. Hardwick*, The history of the borough of Preston and its environs, p. 382—384; *T. Baines* и *W. Fairbairn*, Lancashire and Cheshire, past and present, II, 105.

² *David Bremner*, The industries of Scotland, p. 108.

³ *A. Anderson*, Chronological history and deduction of the origin of commerce, доп. IV, 710 и сл.; *H. Joyce*, History of the Post Office to 1836, p. 208—280.

⁴ *J. Aikin*, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 183.

⁵ *H. Joyce*, History of the Post Office, p. 8 и сл.

⁶ *A. Anderson*, *ouvr. cité*, p. 712. «Вместо того чтобы быть самым скорым способом сообщения, почта является в этой стране почти самым медленным способом и, хотя после исправления наших дорог извозчики увеличили в связи с этим свою скорость, почта движется медленнее, чем когда-либо. В то же время она очень мало надежна, как это доказывают столь частые в наши дни кражи писем; во избежание происходящих отсюда убытков вошло в обычай разрывать пополам банкноты и ценные бумаги на предъявителя и посылать обе половины двумя разными почтами».

⁷ 9 Anne, c. 10; Journ. of the House of Commons, LVI, 69 и сл. Тариф 1711 г.: на расстоянии до 50 миль—2 пенса; от 50 до 80 миль—3 пенса; свыше 80 миль—4 пенса; из Лондона в Эдинбург—6 пенс. Тариф 1784 г.: один почтовый перегон—2 пенса; больше одного перегона и менее 50 миль—3 пенса; от 50 до 80 миль—4 пенса; от 80 до 150 миль—5 пенс.; более 150 миль—6 пенс.

50 шилл. до 3 ф. ст.¹: Этим объясняется отрезанность от внешнего мира, в которой, несмотря на существенное улучшение дорог, еще долго оставалась часть сельских местностей. В конце века многие английские деревни не знали еще картофеля, сахара и хлопка². В Шотландии можно было у самых дорог найти местности, остававшиеся недоступными для торговли и ее влияния. Проезжая в 1790 г. по дороге между Глазго и Нью-Ланарком, Роберт Оуэн вынул из кошелька полсоверена, чтобы уплатить дорожный сбор, но сторож отказался принять его: он никогда в жизни не видел золотой монеты³.

VII

Высокая стоимость сухопутной перевозки всегда способствовала развитию внутреннего судоходства. В Англии развитие это приняло тем более замечательный характер, что оно заставило себя долго ждать. Трудно найти страну, более выгодно расположенную для сооружения гармоничной и законченной системы судоходных путей. На востоке и на западе, со стороны Северного и со стороны Ирландского моря, заливы и бухты, врезающиеся далеко в сушу, как бы идут навстречу друг другу. Бристольский канал и устье Темзы, Гумбер и Мерсей, Тайн и залив Сольвей, Ферт-оф-Клайд и Ферт-оф-Форт (firth—морской рукав) соответствуют друг другу, причем расстояние между ними все более уменьшается в направлении к северу⁴. В самой массивной части острова широкие равнины делают почти незаметным переход между обоими склонами. Если реки коротки и неглубоки, то их спокойное и правильное течение и невысокие водоразделы облегчают использование их. Но та самая причина, которая замедлила в Англии устройство хороших гужевых дорог, тем более помешала созданию внутренней судоходной сети. Вследствие существования нескольких портов, одновременно морских и речных, как Лондон, Гуль, Ньюкестль, Бристоль, в особенности же вследствие незначительной удаленности внутренних городов от морского побережья⁵, в Англии пренебрегали средствами сообщения, из которых давно извлекли бы пользу в других странах. До 1759 г. Англия не имела ни одного канала, ни одного искусственного водного пути, в то время как во Франции уже 150 годами раньше был прорыт Бриарский канал и 80 годами раньше торжественно открыт Ландгедокский канал, соединяющий побережья Атлантического океана и Средиземного моря.

¹ Эти цифры относятся к периоду 1740—1760 гг. См. *Journ. of the House of Commons*, XXIV, 788, 798, 812 (петиции) и XXVI, 177—182 (анкета); *W. Aikin, A description of the country round Manchester*, p. 115; *Baines и Fairbairn, Lancashire and Cheshire*, II, 205.

² См. *R. Southey, The Doctor*, ch. IV.

³ *R. Owen, Life*, written by himself, p. 53.

⁴ От Гревсенда (Темза) до Авонмута (Северн)—215 км; от Ренкорна (Мерсей) до Гулля (Гумбер)—130 км; от Тайнмута (Тайн) до залива Сольвея—110 км; от Дембартона (Клайд) до Гренджмута (Форт)—54 км.

⁵ Город Ковентри, расположенный почти в центре Англии (в тесном смысле слова), находится приблизительно в 120 км от Бристольского канала, в 135 км от Ирландского моря, в 120 км от Северного моря и в 160 км от Ламанша.

Выгоды внутреннего судоходства, о которых наглядно свидетельствовал пример чужих стран, имели, однако, своих проповедников и в Англии. Одним из первых таких проповедников был Эндрью Яррантон¹. Попеременно офицер в армии Долгого парламента, владелец железоделательного завода, фабрикант полотна, инженер, сельский хозяин и экономист, он к необузданным прожектам авантюриста примешивал широкие взгляды гениального человека. Курьезная книга, выпущенная им в свет в 1677 г., где вперемежку собраны наблюдения, планы и мечты всей его жизни², содержит множество новых и смелых идей. Между прочим, Яррантон имел смелость думать, что его отечество может одержать верх над соперничающими с ним нациями, не воюя с ними; что хорошо использованный мир лучше, нежели война, даже победоносная; что истинную славу государства составляют труд, богатство и цивилизация его жителей. Среди средств, которые казались ему пригодными для обеспечения процветания страны,—средств подчас химерических,—развитие внутреннего судоходства занимало первое место. Он посетил Голландию и восхищался несравненной оживленностью ее рек и каналов³. Он рекомендовал, прежде всего, «сделать реки судоходными везде, где искусство инженеров может этого достигнуть». Затем он предлагал прорыть каналы, чтобы соединить между собою главные речные пути: Темзу с Северном, Северн с Трентом. Этот прожектер, подвергавшийся резким нападкам некоторых современников за сумасбродные стороны своих идей или даже только за то, что в этих идеях было несогласного с их предрассудками⁴, умел создать практическое дело. За отсутствием больших работ, полезность которых он ясно видел, но которые не имел средств выполнить, он направлял и сумел довести до благополучного окончания несколько второстепенных начинаний: углубление Стоура, между Стоупортом и Килдерминстером, углубление Авона, между Стаффордом и Тьюксбери⁵; обе эти реки соединяли металлургические округа центра

¹ См. Dictionary of National Biography, ст. Yarranton; S. Smiles, Industrial Biography, p. 60—76; L. Beck, Geschichte des Eisens, II, 1275—1277. О нескольких отдельных проектах, выдвигавшихся до Яррантона, см. Mac Culloch, Literature of political economy, p. 200—202.

² Englands improvement by sea and land, ч. 1-я, изд. в 1677 г., 2-я—в 1682 г. Полное заглавие таково: «Продвижение Англии на суше и на море, или способ победить голландцев, не воюя с ними; без денег уплатить долг, предоставить работу всему бедному населению путем выгодного использования нашей почвы, предупредить бесполезные судебные процессы и создать систему добровольной регистрации земельных владений. Указания относительно местностей, откуда можно извлечь в большом количестве необходимый лес для судоходных сооружений, и относительно выгоды, которую можно было бы получить, сделав судоходными все крупные реки Англии; правила предупреждения пожаров в Лондоне и других больших городах и средство обеспечить рабочим всех профессий дешевые хлеб и питье».

³ A. Yarranton, England's improvement by sea and land, I, 7, 181, 191.

⁴ См. памфлет, озаглавленный: A coffee-house dialogue, or a discourse between captain Y. (Yarranton) and a young barrister of the Middle Temple. Яррантон ответил на него памфлетом: The coffee-house dialogue examined and refuted. См. также A word without doors, A continuation of the coffee-house dialogue, etc. (British Museum, T. 3* 17 и сл.).

⁵ A. Yarranton, England's improvement, I, 193—194.

с устьем Северна. В то же время он писал пророческие страницы, где через каких-нибудь десять лет после того, как голландские военные корабли победоносно проникли в Темзу, предсказал морское и промышленное господство Англии¹.

Прошло еще немало времени, в продолжение которого в Англии довольствовались углублением или выпрямлением некоторых водных потоков, не помышляя о создании системы искусственных водных путей. Эти работы, сами по себе мало значительные, заслуживают упоминания ввиду тех отраслей промышленности, которые были в них заинтересованы. Эйр и Кальдер были приведены в судоходное состояние вследствие ходатайств суконщиков Лидса, Векфильда и Галифакса; работы, предпринятые, начиная с 1701 г., вдоль Трента и Дервента, способствовали промышленному развитию Дерби и Ноттингема, начатая в 1720 г. канализация Мерсея укрепила узы, связывавшие между собой оба города-близнеца—Ливерпуль и Манчестер². Но все это были еще только слабые признаки великого движения, которому предстояло скоро начаться.

Среди непосредственных причин этого движения есть одна, которую необходимо особенно подчеркнуть, так как она более всякой другой принадлежит истории крупной промышленности. Употребление каменного угля, долго ограничивавшееся потребностями домашнего хозяйства, начало все больше распространяться³. Между тем каменный уголь принадлежит к числу тех громоздких товаров, сравнительно малая стоимость которых испытывает чрезмерную надбавку, как только повышаются расходы по перевозке. Вот почему ньюкестльский уголь, добываемый у реки Тайн и перевозимый морем⁴, в течение долгого времени был единственным углем, который можно было достать на известном расстоянии от места его добычи.

¹ «Все необходимое для того, чтобы создать промышленность, силу и богатство, чтобы обеспечить существование людей, чтобы сделать народ благоденствующим и государя великим и могущественным,—все это имеется у Англии в большем количестве, чем у любых других двух королевств или государств, вместе взятых. Если бы ее сельскохозяйственные и промышленные ресурсы были используемы наилучшим образом, то Англия в весьма короткий срок стала бы славою наций. Ибо в Англии имеется тончайшая шерсть, и в большем изобилии, чем в какой-либо другой стране мира; в ней имеется наилучшее в мире олово, наилучшая кожа, наилучший свинец, притом в большем количестве, чем где бы то ни было; в ней имеется также наилучшее мясо для питания рабочих, занятых производством или обработкою названных товаров. И в Англии имеется также хлеб,—достаточно хлеба, чтобы прокормить все население. Затем Англия обладает наилучшими и безопаснейшими в мире портами». *A. Yarranton, England's improvement by sea and land (1677), I, 4.*

² 10—11 Will. III, с. 19 и 20 (*Aire, Calder и Trent*); 1 Anne, с. 20 (*Derwent*, 6 Geo. I, с. 27) (*Derwent*); 7 Geo. I, st. 1, с. 15 (*Mersey и Irwell*). Канализация реки Уивер, пересекающей солончаки графства Чeshire, относится к 1720 г., канализация реки Дон, проходящей через Шеффилд, относится к 1725 г. См. *John Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 105—111; T. Baines, History of Liverpool, p. 39—40.*

³ О применении каменного угля в промышленности до изобретения паровой машины см. ч. II, гл. III. Употребление каменного угля в металлургии началось около 1740 г., но распространенным оно стало лишь с 1760 г.

⁴ Его называли sea-coal, или «морским» углем. Название pit-coal, шахтенный уголь, осталось специально для угля, добываемого в центральных графствах и потребляемого на месте.

По мере того как каменный уголь становился предметом более оживленного спроса и более обширной торговли, вопрос о способах перевозки вставал все более настоятельно. Чем детальнее изучаешь историю внутреннего судоходства в Англии, тем больше она сливается с историей каменного угля. Углубление реки Дуглас, между 1719 и 1727 гг., совпадает с разработкой каменноугольных копей, расположенных вокруг Вигана, к северо-востоку от Ливерпуля; работы, предпринятые на р. Санкей в 1755 г., совпадают с открытием копей St-Helens¹. Прорытие Ворселевского канала, первого настоящего канала в Англии, было вызвано только этой причиной.

Инициатива в этом деле принадлежала знатному барину, герцогу Бриджватерскому. Он был владельцем богатых залежей каменного угля в Ворслее, близ Манчестера, но вследствие громадной стоимости перевозки разработка их была почти невозможна. Из Ворслея в Манчестер уголь путешествовал верхом, так что перевозка на расстоянии каких-нибудь семи английских миль обходилась в 9—10 шилл. с тонны². Герцог хотел сначала использовать маленькую речку Worsley Brook, впадающую в Ирвелл недалеко от слияния последнего с Мерсеем, но его отговорил от этого плана человек, которому предстояло обнаружить на службе у него способности великого инженера. Подобно Джону Меткафу и многим другим из великих работников промышленной революции, Джеймс Бриндли (Brindley) представляет собой замечательный пример того практического гения, который формируется не путем книжного изучения известного дела, а путем опыта и под влиянием необходимости³. Совершенно не знакомый с научным движением своего времени, почти неграмотный⁴, он добивался решения трудных задач благодаря редкой силе воображения и напряженному обдумыванию⁵. В 1759 г. он взялся прорыть Ворслеевский канал за счет герцога Бриджватерского; через два года, в 1761 г., канал был готов. Бриндли установил два начала, которым всегда оставался верен: он поставил себе правилом,

¹ См. введение и текст акта 28 Geo. II, с. 8, акт 8 Geo. III, с. 38 и петиции, вкратце изложенные в Journals of the House of Commons, XXVI, 905, 969, 977; XXVII, 53, 56, 115, 137, 144, 169, etc. (петиции владельцев рудников графства Ланкастер); XXII, 667 и 771 (петиции городских самоуправлений и известных коммерсантов г. Глазго); XXIV, 200 (петиция хозяев-железоделателей Колбрукдейля).

² Петиция герцога Бриджватерского в палату общин (25 ноября 1758 г.), Journ. of the House of Commons, XXVIII, 321—322, 335.

³ Относительно Джеймса Бриндли см. *J. Aikin*, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 139—145; *J. Phillips*, A general history of inland navigation, p. 87—100; *S. Smiles*, Lives of the engineers, I, 309—402; *J. Ward*, The borough of Stoke-upon-Trent, p. 162 и сл.

⁴ Его правописание было невероятно неправильным. Он так и не научился никогда писать слово navigation (судоходство). Типичные выдержки из его записных книжек можно найти у *S. Smiles*, Lives of the engineers, I, 320—321 и у *Townsend Warner*, Social England, V, 323.

⁵ Он редко прибегал к чертежам или планам: его память, необыкновенно надежная и точная, была для него вполне достаточна. Когда его занимала какая-нибудь трудная задача, то случалось, что он несколько дней проводил в лежащем положении, чтобы размышлять в тишине, пока ему не удавалось придумать решение в конкретной форме и до мельчайших деталей. *J. Phillips*, History of inland navigation, p. 95.

во-первых, не пользоваться руслом маленьких рек Ланкашира, слабый расход воды (дебит) которых не давал достаточных гарантий против занесения песком; во-вторых, поддерживать линию канала на неизменном уровне, дабы избежать необходимости строить шлюзы. Ворслеувский канал был совершеннейшим приложением этого метода, — метода довольно произвольного, впрочем, и спорного. Всецело искусственный и горизонтальный на всем своем протяжении, канал начинался у подземных галерей, уходящих в глубь каменноугольных залежей, и доходил до Манчестера, пересекая раньше Ирвелл по мосту-акведуку, высотой в 40 футов. Современникам казалось, что они видят восьмое чудо света¹.

Успех предприятия и, в особенности, его непосредственные результаты поразили умы. Цена угля упала в Манчестере наполовину²: это было решительным аргументом в пользу создания судоходной сети. С этих пор работы следуют друг за другом без перерыва; главным инициатором их остается попрежнему герцог Бриджватерский, не задумавшийся вложить в это дело почти все свое состояние. В первую очередь был сооружен канал от Манчестера к устью Мерсея. Река эта, углубленная ценою больших затрат, представляла лишь довольно жалкий водный путь, и тарифы Mersey Navigation Company, хотя и значительно более низкие, чем провозная плата, которую брали извозчики, ездившие между Манчестером и Ливерпулем, все же были слишком высоки; канал, оконченный в 1767 г. благодаря неутомимой деятельности Бриндли, дал возможность перевозить товары из одного города в другой за плату в 6 шилл. с тонны вместо прежних 12³. В этот момент начато было уже сооружение гораздо более значительное: мы имеем в виду канал от Трента к Мерсею, который должен был установить прямое сообщение между Ирландским и Северным морями⁴. Работы производились в течение 11 лет, с 1766 до 1777 г. Бриндли не суждено было увидеть их конца: он умер в 1772 г., надорвав свои силы сверхчеловеческим трудом⁵. Но он успел еще наметить продолжения этой магистральной линии во всех направлениях и набросать общий план, основною чертой которого был и остался канал от Трента к Мерсею, или Grand Trunk Canal, как его продолжают называть еще теперь. Одна ветвь его направлялась к Северну, связывая, таким образом, между собой порты Бристоля, Ливерпуля и Гулля; другая ветвь, через Ковентри и Оксфорд, шла к Темзе, Лондону и, следовательно, к дороге на континент. Тот же Бриндли составил проект канала от Бирмингема до Вольвер-

¹ *J. Aikin*, *ouvr. cité*, p. 113—114; *A. Young*, *A six month's tour through the North of England*, III, 196—241.

² *J. Phillips*, *Hist. of inland navigation*, p. 76.

³ *J. Aikin*, *ouvr. cité*, p. 115; *J. Phillips*, *ouvr. cité*, p. 78.

⁴ Это канал, часто обозначаемый названием Grand Trunk Canal: он имеет в длину 93 англ. мили, или 149 км.

⁵ *Wedgwood* писал в 1767 г.: «Боюсь, как бы он не взял на себя слишком много и не покинул нас раньше, чем успеет выполнить свои обширные планы. Боюсь, что Бриндли, великий, счастливый Бриндли, принесет себя в жертву общему благу. Он заработал, быть может, несколько тысяч ливров, но что он дает взамен? Свое здоровье и, я боюсь этого, свою жизнь». Письмо Бентли от 2 марта 1767 г. Mayer Collection, Ливерпульский музей.

гемптона, через металлургический район, ставший впоследствии одним из самых оживленных в мире.

Творение Бриндли непосредственно предшествует подъему крупной промышленности: работа его продолжателей сопровождает ее прогресс, являясь то его следствием, то его причиной. Карты, относящиеся к последним годам XVIII в., позволяют составить себе точное представление об обширности этих работ¹. Особенно много новых судоходных путей сооружается в центре и на севере Англии. В Ланкашире образуется настоящая сеть: Больтонский канал, канал Бэри, Кендальский канал, проходящий через Престон и Ланкастер. Между Ланкаширом и Йоркширом, через Пеннинские горы, открываются три большие артерии: одна идет от Лидса к Ливерпулю через поперечную низменность, по которой тянется с северо-запада на юго-восток верхняя долина Эйра; две другие соединяют Манчестер с Геддерсфильдом и долиной Галифакса; все три сходятся в направлении к широкому устью Гумбера. Вокруг Бирмингема разветвляется во всех направлениях сложная система каналов², примыкающая на севере к Grand Trunk³, на юге—к Северну и Темзе⁴. Великий лондонский рынок связан с промышленными городами Севера при посредстве Grand Junction Canal, а с Атлантическим океаном—при помощи канала, идущего от Темзы к Северну. На юге Уэльса судоходные каналы, имеющие исходными пунктами Сванси и Кардифф, обслуживают металлургические заводы и каменноугольные копи внутренней области и открывают доступ к горным богатствам, которые до тех пор не разрабатывались. В Шотландии канал от Форта к Клайду был начат постройкой в 1768 г.: среди инженеров, составлявших его планы, мы находим Джемса Уатта, одновременно с этим производившего свои исследования над расширением пара.

Таким образом, в течение каких-нибудь тридцати лет вся поверхность Великобритании была изрезана судоходными путями. Здесь происходило одно общее движение, которое—при соблюдении надлежащей пропорции—можно сравнить с движением, покрывшим в следующем столетии железными дорогами страны Западной Европы. Наступил даже момент, когда для каналов, как и впоследствии для железных дорог, обнаружилось своего рода перепроизводство. Около 1793 г. в Англии свирепствует настоящая *мания каналов*: со всех сторон выплывают на сцену множество проектов, к делу примазывается спекуляция, и не одно из этих наспех затеянных предприятий кончается катастрофой⁵. Но это было только одним из

¹ См. карты на заглавном листе книги Айкина (1795) и History of Birmingham de William Hutton (1795). См. также L. B. Wells, A sketch of the history of the canal and river navigations of England and Wales, Mem. and Proceedings of the Manchester Literary Society, IV серия, VIII, 187—204.

² Wyrley and Effington Canal, Stourbridge and Dudley Canal, Netherton Canal, Fazeley Canal, Birmingham and Worcester Canal. Birmingham and Wolverhampton Canal, etc. W. Hutton, Hist. of Birmingham: карта каналов области в 1791 г.

³ Каналом Стеффордшир и Ворчестершир.

⁴ Каналом Ковентри и Оксфорд и Большим соединительным каналом.

⁵ Statute Book содержит 9 актов 1792 г., относящихся к внутреннему судоходству, 25 актов 1793 г., 17 актов 1794 г., см. 32 Geo. III, с. 84 и сл.; 33 Geo. III, с. 93 и сл.; 34 Geo. III, с. 24 и сл.; с. 53, с. 77, с. 85, etc.;

последствий промышленной революции, притом одним из самых переходящих, одним из тех отраженных ударов, которые столь часты в области экономических явлений, где все есть действие и противодействие.

Важное значение такого преобразования было сразу же оценено заинтересованными лицами. По их почину оно было предпринято, на их же счет и на их риск оно было выполнено. Роль короны и парламента ограничивалась назначением анкет и выдачей разрешений. Иногда эти работы предпринимались частными лицами, индивидуально, в интересах своего торгового или промышленного дела; эти лица сами же и руководили работами. Иногда за дело берутся акционерные общества, образуемые специально для проведения и эксплуатации новых путей¹. В обоих случаях мы видим во главе движения одних и тех же людей, собирающих капиталы, группирующих вокруг себя силу общественного мнения, рискующих собой и своими деньгами. И их участие есть факт знаменательный. Прежде всего мы видим среди них представителей знати, пэров Англии, следующих примеру, поданному одним из членов их сословия. Хотя герцог Бриджватерский и встретил сначала всякого рода трудности, и хотя был момент, когда его можно было считать почти разоренным своими предприятиями, однако он скоро нашел подражателей и соперников. Изучение направления Grand Trunk² было предпринято в 1766 г. Бриндли по просьбе Лорда Ансона и маркиза Стаффорда; одно из первых собраний в пользу проекта происходило под председательством лорда Гоуэра, и на нем выступил с речью лорд Грей. В другом случае мы видим, что графы Стамфорд и де-Мойра вместе с виконтом Вентвортом поддерживают перед парламентом ходатайство о концессии³. В качестве крупных землевладельцев они были заинтересованы в создании новых перевозочных средств, которые должны были увеличить в громадных размерах доходность их рудников и копей, их каменоломен, их лесов. И они отлично понимали это. Английская аристократия сумела извлечь выгоду из экономических революций, как и из революций политических.

Еще один класс людей обнаружил в этом случае замечательную сметливость и энергию: это — нарождающийся класс вождей промышленности, первые представители той аристократии, которой предстояло вскоре вступить в соперничество со старой аристократией. Еще до машинного производства, до *фабричной системы*, и как бы в предчувствии экономических событий, которые увенчают их карьеру, они заранее готовят коммерческое оборудование крупной промышленности. Владелец керамических заводов Веджвуд и его друг и компаньон Томас Бентли с неутомимым усердием занимаются каналом от Мерсея к Тренту, который должен пройти через гончар-

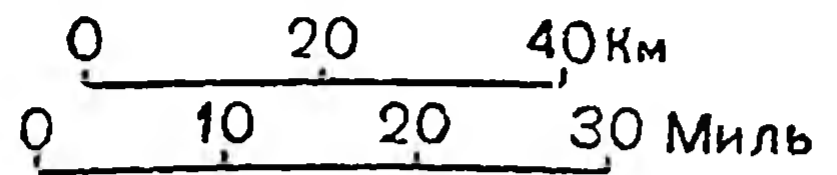
¹ Они обычно назывались «Компаниями собственников». См. *C. Wagner, Ueber die wirtschaftliche Lage der Binnenschiffahrtsunternehmungen in Grossbritannien und Irland. Archiv für Eisenbahnwesen, 1901, p. 1225 и сл.*

² *J. Aikin, A description of the country, etc., p. 117—118.*

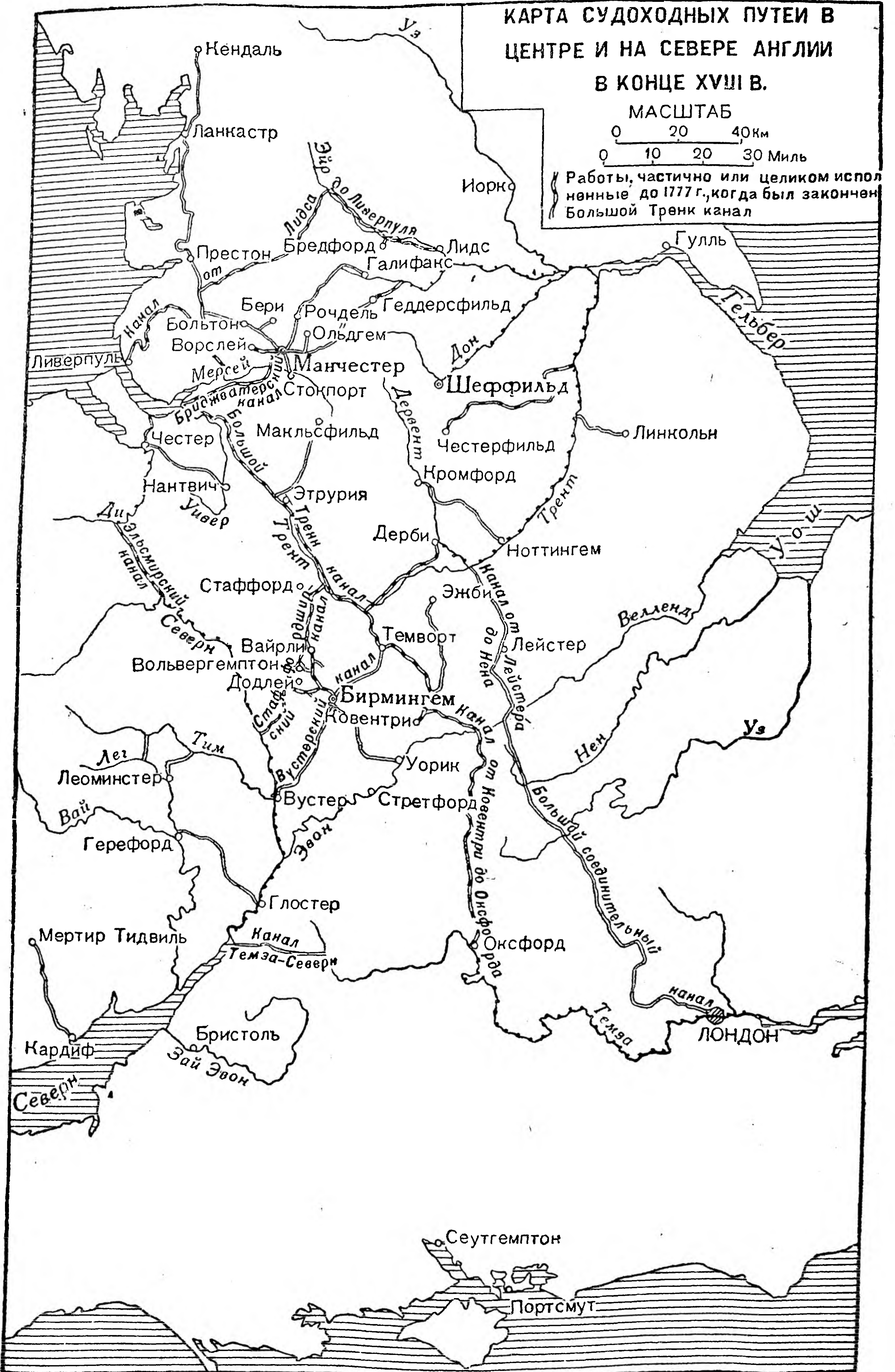
³ Речь идет о петициях в палату общин относительно разрешения вырыть канал между Марстон-Бридж и Ашби-де-ла-Зуч. *Journ. of the House of Commons, XLIX, 238.*

КАРТА СУДОХОДНЫХ ПУТЕЙ В
ЦЕНТРЕ И НА СЕВЕРЕ АНГЛИИ
В КОНЦЕ XVIII В.

МАСШТАБ

Работы, частично или целиком испол-
ненные до 1777 г., когда был закончен
Большой Трэнк канал

ный округ и даст возможность дешево подвозить туда фарфоровую глину из Корнваллиса. Веджвуд фигурирует среди первых подписчиков и принимает на себя функции казначея¹. Бентли пишет брошюру «О выгодах внутреннего судоходства, с приложением проекта канала, долженствующего установить сообщение между портами Ливерпуля и Гулля»². Приходилось не мало работать, чтобы справиться со всякого рода оппозициями, объединившимися против проекта: с противодействием извозчиков и владельцев постоянных дворов, опасавшихся, что торговля будет отвлечена от больших трактов; с противодействием некоторых землевладельцев, отказывавшихся продать свои участки, по которым должен был пройти канал; наконец, нужно было справиться с контр-проектами, требовавшими изменения направления канала в пользу того или иного округа, того или иного города³. Веджвуду пришлось вести настоящую кампанию⁴. Он сопровождал инженера Бриндли в Лондон, чтобы дать показание перед парламентской комиссией, которой поручено было произвести предварительное обследование: в то время как Бриндли объяснял свои планы, Веджвуд показывал их полезность и доказывал комиссии, что в канале этом нуждается не только керамическая промышленность Стаффордшира, но и металлургические промыслы графства Уорик, которые обречены на прозябание, пока у них не будет перевозочных средств⁵. Когда 26 июля 1766 г. работы были, наконец, начаты, то честь сделать первый удар заступом была предложена именно Веджвуду. Почти тотчас же вслед за этим он купил в местности, по которой проходил канал, участок, где должна была вырасти вскоре его большая мануфактура—«Этрурия»⁶.

Веджвуд и люди, оказавшие ему содействие,—Самюэль Гарбетт из Бирмингема и Метью Болтон, будущий компаньон Джемса Уатта,—с полной ясностью предвидели действие, которое окажет на развитие их промышленных предприятий расширение судоходных путей. Внутренние рынки, до тех пор столь ограниченные и столь раздробленные, получали, наконец, возможность беспрепятственно сообщаться между собой. И мы видим, что в конце XVIII в. по большим каналам, например по каналу от Трента к Мерсею, перевозятся самые разнообразные товары, следующие из всех областей Англии: соль—из графства Честер, хлеб—из восточных графств, керамические изделия—из Стаффордшира, каменный уголь—из Вигана и Ньюкестля, чугун—с верховьев Северна, железные и медные изделия—из Вольвергемптона и Бирмингема. Среди перевозимых товаров фигурирует в первом ряду каменный уголь: везде ветки от главных

¹ Письма Джозеф Веджвуда Бентли (2. I. 1765), Джону Веджвуду (11. III и 6. VII. 1765), письмо Чарльза Роэ В. Веджвуду (3. XII. 1765) Mayer Collection, Ливерпульский музей.

² Была издана в Ньюкестль-андер-Лайм (1765).

³ См. петиции, представленные в парламент и направленные против билля о концессии Journ. of the House of Commons, XXX, 613, 708, 713, 720, etc.

⁴ E. Meteyard, Life of Josiah Wedgwood, I, 410—430.

⁵ Journ. of the House of Commons, XXX, 520.

⁶ «Ответвление канала проходит во двор мануфактуры, и суда, нагруженные углем, подходят к порогу угольного амбара». «Путешествие по Великобритании, сделанное в 1788 г. французом, говорящим по-английски», стр. 109.

путей проникают до самого центра копей¹; таким образом, получается двойное облегчение—и для производителя, получающего возможность предпринять эксплуатацию новых залежей, и для потребителя, которого дешевизна каменного угля поощряет дать ему новые применения.

Сами внешние рынки кажутся теперь более близкими. Потoki импортируемых и экспортируемых товаров, вместо того чтобы с большим трудом просачиваться через страну, широко обращаются в ней. Отныне промышленные центры могут получить в изобилии продукты, на которые предъявляет спрос их возрастающее население. Ливерпуль при посредстве канала снабжает хлебом Манчестер, которому не грозит больше опасность страдать от недостатка продовольствия, как это было еще недавно². С другой стороны, мануфактурные изделия могут быть отправляемы отныне без дорого обходящихся посредников, из мест их производства в самые отдаленные пункты. «До середины нашего столетия, — пишет один путешественник, — в Бирмингеме не было ни одного негоцианта, который находился бы в прямых сношениях с иностранцами. Лондонские негоцианты торговали со своих складов изделиями, производимыми в Бирмингеме. Теперь русские и испанские купцы получают непосредственно из этого города все нужные им предметы. Легкий экспорт при помощи рек или судоходных каналов особенно необходим для тех отраслей промышленности, в которых приходится употреблять металлы, требующие большого количества топлива, или тяжелые громоздкие материалы. И мы видим, что Бирмингем с 1768 г. легко вывозит свои разнообразные изделия до самого моря при посредстве своих каналов»³.

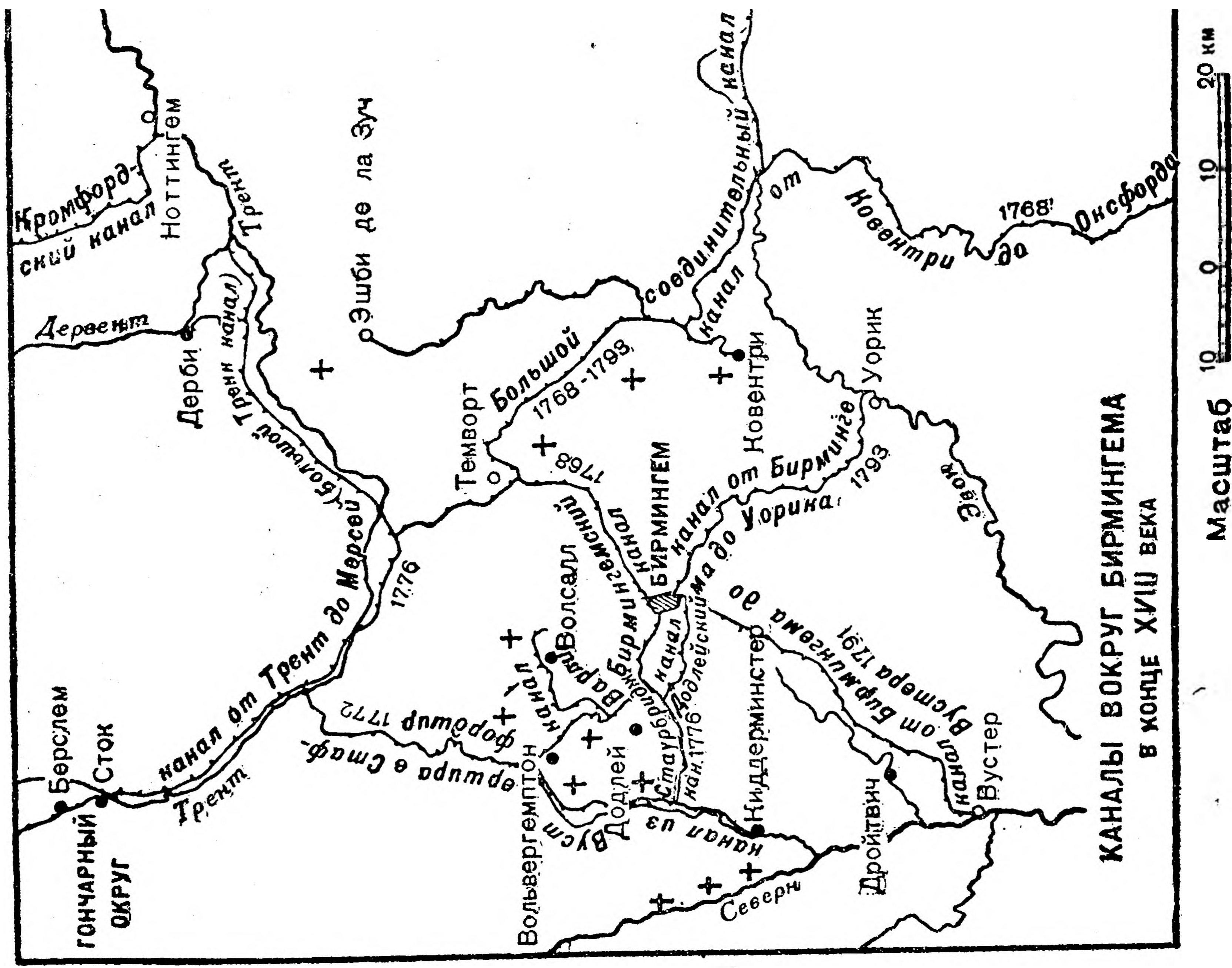
В 1776 г. Адам Смит писал: «Так как благодаря водному транспорту для всех видов труда открывается более обширный рынок, чем это мыслимо при существовании одного лишь сухопутного транспорта, то разделение труда и совершенствование всякого рода промыслов естественно вводятся впервые в приморских местностях и по берегам судоходных рек»⁴. Говоря это, Смит имел в виду скорее

¹ Большинство концессионных актов предусматривает устройство путей, обслуживающих каменноугольные копи. См., например, акт 8 Geo. III, с. 38, озаглавленный следующим образом: «Акт о создании и содержании судоходного канала от р. Северн, в месте, именуемом Hawford, до la chapelle de Claines в графстве Ворчестер, в месте, именуемом Pont de la Chapelle, вместе с ответвлениями, обслуживающими различные каменноугольные копи». Другой характерный пример см. в Journ. of the House of Commons, XLVII, 380.

² О голодных бунтах 1750—1755 гг. см. *Espinasse*, Lancashire worthies, I, 274 и *L. W. Clarke*, Hist. of Birmingham, III, 60—61. В 1766 г. толпа захватывает в Бирмингеме склады, декретирует таксу и продает хлебное зерно с аукциона. *Mac Kinder* в своем сочинении «Britain and the British seas» хорошо выяснил роль Ливерпуля, как центра продовольственного снабжения северо-запада Англии. *R. Whitworth*, автор сочинения «О выгодах внутреннего судоходства» (1766), указывал, что раз каналы будут прорыты, то «редко придется слышать о бунтах, вызываемых дороговизной хлеба: если же хлеб и другие жизненные припасы дешевы, то рабочие сумеют дешево отдавать свой труд». The advantages of internal navigation, p. 31—32.

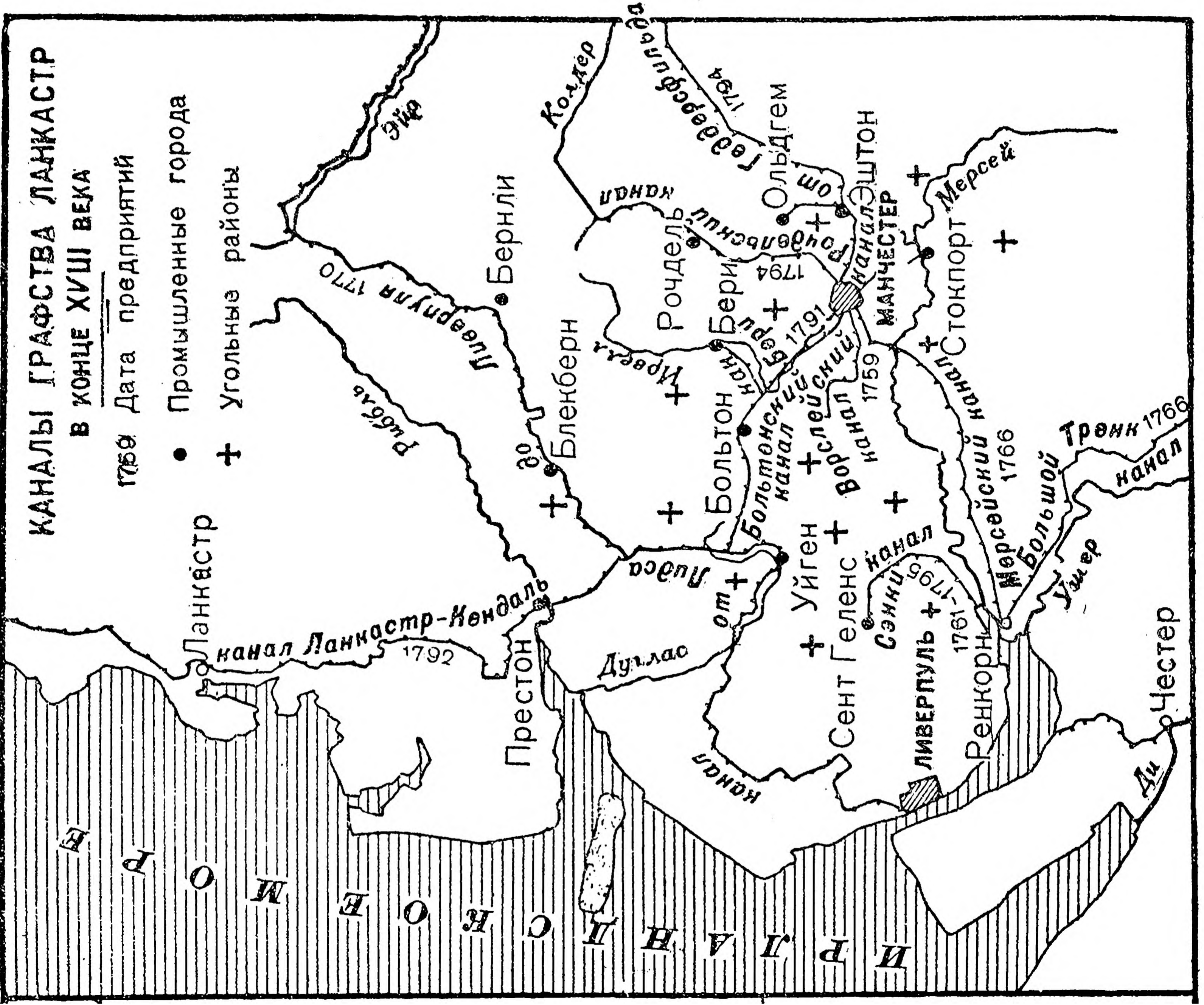
³ *G. Forster*, Voyage philosophique et pittoresque en Angleterre et en France, p. 84.

⁴ *A. Smith*, Wealth of Nations, p. 9 (éd Mac Culloch). [Русск. перев. стр. 21, изд. Соцэкгиз, 1935.—*Ред.*].

КАНАЛЫ ВОКРУГ БИРМИНГЕМА
В КОНЦЕ ХVIII ВЕКА

Масштаб 10 0 10 20 км

происхождение промышленности, чем те преобразования, которым она подверглась в его время и на его глазах. Однако он и здесь нашел бы подтверждение своего принципа: как мы увидим, наиболее решительные успехи и в технической и в экономической области будут в ближайшее время осуществлены вдоль новых судоходных путей и благодаря тому торговому движению, которое при существовании их становится возможным. В тех местах, где сеть их сгущается вокруг некоторых привилегированных центров, предназначенных для своей будущей роли своим местоположением или эксплуатируемыми уже естественными богатствами их почвы,—именно в этих местах вырастут скоро столицы современной промышленности.

В наши дни значение внутреннего судоходства в Англии свелось к весьма скромным размерам. Еще в большей мере, чем в других странах, оно испытало на себе почти убийственную конкуренцию железных дорог¹. В последние 60 лет именно эти дороги отмечают на английской земле направление главных потоков торговой жизни; разветвления, при помощи которых последняя разливается до крайних пределов страны; узловые пункты, к которым она приливает и откуда она разносится кругом. Но если мы будем сравнивать обе сети, то увидим, что более ранняя из них, находясь в зачаточном состоянии и при всей своей недостаточности в настоящее время, уже наметила главные линии другой. Часто направление железной дороги только дублировало направление канала. И если подумать о влиянии, оказываемом железными дорогами на развитие различных отраслей промышленности в наши дни, то нам станет понятной огромная роль, которую сыграли каналы после многих веков экономической раздробленности.

VIII

Мы цитировали только что Адама Смита; как известно, его теория относительно влияния судоходных путей находится в связи с другой, более общей теорией, или скорее законом, который он формулировал следующим образом: разделение труда ограничивается размерами рынка². Закон этот одинаково верен, будем ли мы рассматривать производство и обмен в самом первобытном их состоянии или же перенесемся в среду самой передовой и сложной цивилизации. У одного конца лестницы мы находим ремесленника, совмещающего в своей деревенской мастерской несколько ремесел; у другого конца—огромные, до последней степени специализированные фабрики, которые могут существовать не иначе, как доставая свое сырье из самых отдаленных стран и вывозя свои изделия во все страны света. В своем изучении следствий, вытекающих из этого принципа, Адам Смит не пошел особенно далеко: он удовольствовался рассмотрением

¹ Упадок его был, впрочем, преувеличен. О нынешнем положении внутренних водных путей в Великобритании см. ст. *C. Wagner, Ueber die wirtschaftliche Lage der Binnenschiffahrtsunternehmen in Grossbritannien und Irland* в *Archiv für. Eisenbahnwesen* за 1901 г., p. 1212—1268, 1902 г., p. 86—115.

² Третья глава первой книги «Богатства народов» озаглавлена: «That the division of labour is limited by the extent of the market».

немногих простых случаев, достаточных, впрочем, в качестве примеров для подтверждения его теории¹.

Задолго до него один неизвестный автор² формулировал в менее общих терминах и менее сжатом стиле, но с удивительной отчетливостью, тот же самый закон. «Соображения об ост-индской торговле» вышли в свет в 1701 г. Подобно большинству экономических сочинений доклассического периода, эта работа была также написана по определенному злободневному поводу. В то время возгорелась яростная полемика по вопросу о ввозе некоторых экзотических продуктов, в особенности шелковых и хлопчатобумажных тканей, выделяемых в Индии. Шерстяная промышленность, ревниво оберегавшая, как мы уже знаем, свою монополию, жаловалась на эту иностранную конкуренцию и, несмотря на привычки и вкусы публики сумела добиться запретительных мер. Автор «*Considérations*», становясь на чисто теоретическую точку зрения, взялся доказать, что ввоз изделий из Индии не только выгоден для потребителей, но и прибылен для самой национальной промышленности. Разве это не значит, — говорил он, — зря растрачивать труд, когда употребляешь его на производство вещей, которые можно достать дешевле, покупая их за границей? Сберегая труд, страна получит возможность либо создать новые отрасли промышленности, либо ввести в старых отраслях более умелое распределение функций, дополняемое, в случае необходимости, усовершенствованием оборудования.

«Сказанного не следует принимать за парадокс; торговля с Ост-Индией может иметь своим результатом производство товаров при помощи меньшего количества рабочих рук и общее понижение цен без одновременного понижения заработной платы. Ибо если товары могут быть производимы с меньшей затратой труда, то цена их будет разумеется, меньшей... Когда корабль обслуживается, например, многочисленным экипажем, то издержки очень высоки. Предположим, что уменьшается число мачт и парусов, и что на борт корабля берут только две трети экипажа, причем скорость остается почти той же, что прежде; корабль будет совершать в таком случае плавание с меньшими издержками, причем заработная плата матросов не должна из-за этого упасть. Точно так же в любой отрасли английской промышленности цены зависят от числа рабочих и продолжительности их труда: если благодаря изобретению какой-нибудь машины или вследствие более разумного и правильного распределения труда то же количество работы выполняется двумя третями прежнего числа людей или в течение двух третей прежнего количества времени, то труд будет меньшим, и цена тоже будет меньшей, даже если вознаграждение рабочих останется на прежней высоте»³.

¹ *Wealth of Nations*, кн. I, гл. II и III.

² В «*Considerations upon the East India trade*», которые не следует смешивать с «*Essay on the East India trade*» Чарльза Давенанта (1696) и которые приписывались, хотя и без вполне убедительных доказательств, сэру Додлею Нортю (см. *Halkett и Laing, Dictionary of anonymous and pseudonymous literature*, I, 491). «*Considerations*» были перепечатаны в 1856 в *Select collection of early English tracts on Commerce*, изд. Мак-Куллохом.

³ «*Considerations upon the East India trade*», p. 65—66.

Каким образом «лучшее и более правильное распределение труда» или «изобретение машин» могли явиться результатом ввоза продуктов из Индии,—это должно было представляться весьма неясным для первых читателей цитируемого сочинения, опередившего свое время. И мы действительно видим, что автор спешит развить и объяснить свою мысль: «Торговля с Ост-Индией даст, по всем вероятностям, повод ввести в наших английских отраслях промышленности больше умелости, больше порядка и точности. Она заставит в действительности исчезнуть те из этих отраслей промышленности, которые наименее полезны и наименее прибыльны. Люди, которые были заняты в них, будут искать себе других занятий, самых простых и легких, какие они только сумеют найти, или же они приспособятся к частичным и специальным работам в более сложных отраслях промышленности. Ибо наиболее простому труду всего быстрее научаются, и рабочие выполняют его с наибольшим совершенством и быстротой. Таким образом, торговля с Ост-Индией будет иметь следующий результат: различные операции, из которых состоят самые трудные работы, начнут поручать нескольким квалифицированным рабочим, вместо того чтобы ставить слишком многое в зависимость от ловкости одного рабочего. Вот что я понимаю под введением лучшего и более правильного распределения в наши английские отрасли промышленности¹.

Наконец, специализация ручных работ, доведенная до последних своих пределов, логически приводит к употреблению искусственных средств производства: «Инструменты и машины, заменяющие человеческий труд, доставляют нам средство производить при помощи меньшего числа рабочих и, следовательно, дешевле, причем заработная плата не должна стать из-за этого меньшей. Торговля с Ост-Индией доставляет нам товары, произведенные при помощи меньшего количества труда и дешевле, чем в Англии. Вероятным результатом будет изобретение инструментов или машин, позволяющих достигнуть соответственного сбережения труда... Эти изобретения, имеющие своей целью увеличить продукт, сокращая количество труда, будут следовать одно за другим под давлением необходимости и в силу соревнования: каждому придется изобретать самому или суметь усовершенствовать уже существующее изобретение, ибо если мой сосед успеваеет производить много при помощи небольшого количества труда и, следовательно, продавать дешево, то я вынужден найти средство продавать так же дешево, как он. Таким путем всякий технический прием, инструмент или машина, которые выполняют известную работу с меньшей затратой труда и меньшими издержками, чем прежде, порождают своего рода соревнование и потребность. Если нельзя употреблять этот прием или эту машину, то возникает желание найти что-нибудь аналогичное, чтобы равновесие было восстановлено и чтобы никто не мог продавать дешевле своего соседа. Следовательно, торговля с Ост-Индией, доставляя нам изделия, производимые дешевле наших, будет, весьма вероятно, иметь своим последствием то, что мы принуждены будем изобретать технические

¹ «Considerations», p. 68.

приемы и машины, которые позволяют нам производить при помощи меньшего количества труда и с меньшими издержками и таким путем понизить цены производимых изделий»¹. Таким образом, наш автор уже за три четверти века вперед предвидел наступление эры машинного производства как неизбежное следствие расширения торговли.

Подъем британской торговли уже рано имел другое, не менее важное последствие. Он ввел в общество новые элементы, вернее сказать—он изменил кое-что в социальной иерархии. Крупные коммерсанты, крупные денежные капиталисты существовали уже давно, но их богатство и социальный вес были чисто индивидуальны: они не составляли корпорации, не образовывали значительного, влиятельного класса, занимающего место тотчас за дворянской аристократией, почти наравне с джентри. Класс этот, как мы видели, появляется в 1688 г. «В Англии торговля не только не есть нечто несовместимое с положением джентльмена,—писал уже в начале XVIII в. де Фоэ,—а, напротив, она создает джентльменов. После одного или двух поколений из сыновей коммерсантов или, по крайней мере, из внуков выходят такие же хорошие парламентские деятели, государственные люди, члены Тайного совета, судьи, епископы и всякого рода знатные персоны, как и те, которые связаны рождением с самыми старыми фамилиями»². Виконт Баррингтон был сыном торговца полотном по фамилии Шют³; лорд Гренвилль, лорд Конвей и сам министр Валполь не считают ниже своего достоинства жениться на купеческих дочерях⁴. Во время своего пребывания в Англии Вольтер был поражен тем, что старая аристократия не только смешивается с торговым классом, но и принимает участие в его предприятиях. «Младший сын пэра Англии,—писал он,—не гнушается торговым делом. Милорд Тоуншенд, государственный министр, имеет брата, довольствующегося положением купца в Сити. В то время как милорд Орфорд управлял Англией, его младший брат был комиссионером в Алеппо, откуда не хотел вернуться; там же он и умер». Таким путем они не только сами наживают состояния, но и увеличивают богатство страны: «только потому, что англичане стали негоциантами, Лондон превосходит Париж и по обширности города и по числу граждан; только благодаря этой причине они могут выставить на море двести военных судов и держать на жалованье союзных королей... Все это внушает английскому купцу чувство справедливой гордости и дает ему некоторое основание сравнивать себя с римским гражданином»⁵.

И в то время как родовая аристократия старается разбогатеть с помощью торговли, в это самое время аристократия торговая мечтает о приобретении власти и влияния, которые дает владение землей в стране, сохраняющей неизгладимую печать феодального строя⁶.

¹ «Considerations», p. 67.

² *Daniel de Foë*, *The complete tradesman*, p. 74.

³ *De Foë*, *Tour*, I, 17.

⁴ *Lecky*, *Hist. of England in the XVIIIth century*, I, 193.

⁵ *Voltaire*, *Lettres philosophiques*, Lettre X, Sur le commerce. Ed. Moland, XXII, p. 110—111.

⁶ Де Фоэ, путешествуя в 1724 г. в графстве Эссекс, уже замечает это явление: «Следует отметить, что в этой области несколько значительных имений были

И возвышающиеся семьи, и семьи, желающие сохранить свое положение,—обе одинаково стремятся к одной и той же цели: приобрести или расширить земельные владения. Но для этого необходимо, чтобы часть земельной собственности перешла из одних рук в другие. И мы видим, что одновременно с экономической революцией подготавливается глубокий социальный сдвиг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Есть ли надобность напоминать читателю, что Англия—классическая страна крупного землевладения? Достаточно проехать по английской сельской местности, чтобы в этом столь часто описывавшемся пейзаже заметить некоторые характерные особенности. Вы не найдете здесь того пестрого, шахматобразного расположения наших полей, которое является наглядным признаком парцеллярной культуры. За исключением восточных графств, вы не увидите также распаханых земель; с английским *estate* (поместьем) дело обстоит так же, как с римской латифундией: на далекое расстояние кругом видна только зелень обширных пастбищ, пересекаемых живыми изгородями. Дома и фермы разбросаны на большом расстоянии друг от друга, деревни редки: бывает, что глаз ваш, охватывая большое пространство, не встречает на нем ни единой колокольни.

I

А между тем до сравнительно недавнего еще времени Англия имела многочисленный класс мелких земельных собственников. Это было то *yeomanry*, почти полное исчезновение которого стало в XIX в. обычным предметом lamentаций. Джон Стюарт Милль с уважением говорит об этих трудолюбивых и независимых крестьянах, «которых столько восхваляли как гордость Англии, пока они существовали, и о которых высказывалось столько сожалений, с тех пор как они исчезли»¹. Это была,—говорит Маколей,—«в высокой степени мужественная и прямодушная порода людей»². Описывая озерную область, Вордсворт в следующих выражениях восхваляет ее старых обитателей: «лет 60 тому назад в глубине этих долин можно было еще найти настоящую республику землевладельцев и пастухов. Землепашец пользовался своим плугом только для того, чтобы прокормить свою семью и чтобы помочь, если нужно, какому-нибудь соседу. Две или три коровы снабжали каждый дом молоком и сыром...

куплены и принадлежат в настоящее время Лондонским negociантам... Приток богатства, совершающийся сейчас в Лондонском Сити, распространяется, таким образом, по поверхности страны и водворяет там семьи и состояния, которые позже сравняются с семьями и состояниями старинного поместного дворянства (*gentry*)». *Tour*, I, 17.

¹ *J. Stuart Mill*, *Principles of political economy*, I, 300 (изд. 1848).

² *Macaulay*, *Hist. d'Angleterre depuis l'avènement de Jacques II* (trad. Montégut), I, 366.

Там не было ни знатных дворян, ни рыцарей, ни эсквайров, но среди этих скромных детей гор было не мало таких, которые знали, что земля, на которой они стоят и по которой они проводят свою борозду, уже более 500 лет принадлежит людям, носившим их фамилию и бывшим их прямыми предками»¹.

Yeoman—это, по существу, крестьянин-собственник, «свободный держатель» (фригольдер), владеющий землей, на которой он живет и которую сам обрабатывает. Над ним стоит сквайр (squire), сельский дворянин, ниже его—фермер. Сквайр, даже бедный, имеет повадки начальника: он исполняет функции мирового судьи, служит офицером в милиции, и если у него есть несколько гончих собак, то он называет их «стаей»². Фермер, даже если он богат, и хотя бы ферма переходила в его семье из поколения в поколение, не есть хозяин земли, которую занимает, и не работает для одного себя. Отличительный признак иомена—это его независимость. Ей в особенности он обязан своими солидными качествами и ролью, которую он играл в английской истории. Среди иоменов вербовалась в средние века та грозная пехота, те вооруженные мечами воины и стрелки из лука, которые решили победу при Креси, при Пуатье и Азинкуре³. Позже, когда иомены стали протестантами и пуританами, они явились самой крепкой опорой английской реформации и сражались в армиях Ферфакса и Кромвеля.

В конце XVII в. значение их, повидимому, уже несколько упало⁴. Однако после революции 1688 г. они составляли еще многочисленный класс. Согласно приблизительным статистическим данным того времени, их было не менее 160 тыс., и вместе со своими семьями они составляли около одной шестой всего народонаселения королевства⁵. Годовой доход их колебался между 40 и 300 ф. ст., для преобладающего большинства их он не превосходил 60—80 ф. ст.⁶ Суммы этой было достаточно, чтобы обеспечить почти всем им относительный достаток. Указанный доход не всегда извлекался из одного земледелия: часто иомен присоединял еще сюда какой-нибудь промышленный

¹ *Wordsworth*, A description of the scenery of the lakes in the North of England, p. 64—65 (éd. 1832).

² См. портрет сквайра в конце XVII в., блестяще нарисованный Маколеем в его *Hist. d'Angleterre*, I, 349—355.

³ «Чтобы сформировать хорошую пехоту, нужны люди, выросшие не в рабстве и нужде, а в свободном и здоровом состоянии. Следовательно, если государство настолько попадает в руки крупного и мелкого дворянства, что сельские хозяева и землепашцы превращаются в поденщиков или коттеров (т. е. в сущности в тех же нищих, только имеющих собственное жилище), то вы, может быть, будете иметь хорошую конницу, но никогда у вас не будет хорошей, стойкой пехоты... Именно это мы наблюдаем во Франции и в Италии». *F. Bacon*, *History of King Henry VII*, Works (éd. 1878), VI, 95.

⁴ См. *Lecky*, *History of England in the XVIIIth century*, I, 7.

⁵ *Gregory King*, *Natural and political observations upon the state of the nation* (1696). British Museum, Harleian MSS, № 1898, p. 14. Изд. *G. Chalmers*, *An estimate of the comparative strength of Great Britain* (1804). См. также *Ch. Davenant*, *Essay upon the probable means of making a people gainers by the balance of trade* (1697), Works, II, 184.

⁶ Report from the select committee appointed to inquire into the present state of agriculture (1833), p. 65.

труд: его жена и дети чесали или пряли шерсть¹. В этом заключалась черта сходства между ним и мелким независимым производителем, которому предстояло исчезнуть почти в то же время. Оба они были элементами одного и того же социального строя, покоящегося на сосуществовании и тесном союзе мелкого земледелия и мелкого промышленного производства.

В какую эпоху исчезло иоменри? Уже более ста лет назад о нем говорили как об угасшей расе, «почти уничтоженной с 1750 г., и самое воспоминание о которой все больше стирается»². Это было, однако, преувеличением. Чтобы иоменри перестало существовать в 1750 г., необходимо было бы, чтобы его исчезновение было весьма внезапным. В 1724 г. Даниель де Фоэ находит еще на севере графства Кент многочисленных иоменов, располагающих парламентским избирательным правом: «их называют кентскими серяками (grey-coats), так как они очень просто одеваются, но политический вес их настолько велик, что кандидат, которому они отдают свои голоса, может быть уверен в победе; вот почему местные дворяне очень стараются поддержать свой кредит в их глазах»³. Двадцать лет спустя иомены неоднократно упоминаются, и название их встречается очень часто в протоколах палаты общин, к которой они то и дело обращались с петициями⁴. Некоторые из этих петиций выдают уже, впрочем, наличность кризиса и связанного с ним недомогания. Упадок уже начался, с 1750 г. он идет ускоренным темпом. В 1773 г. Артур Юнг один из первых скорбит по этому поводу: «Я искренно сожалею, — пишет он, — о гибели этой расы людей, называемых иоменами. Надо сказать правду, что именно им нация обязана сохранением своих вольностей. Теперь их земельные участки попали в руки крупных скупщиков»⁵. Местами исключительные условия благоприятствуют им и дают им возможность просуществовать еще в течение некоторого времени: в 1788 г. долина Пикеринга, в Йоркшире, насчитывает еще триста иоменов, «живущих в небольших фермах, большинство которых перешло к ним по прямой линии от многих поко-

¹ Wordsworth, *ouvr. cité*, p. 52; *De Foë*, *Tour*, I, 37.

² A letter to Sir T.-C. Bunbury bart on the increase of the poor rates and the high prices of provisions, by a Suffolk gentleman (1795), p. 2. Автор, чтобы быть понятым своими читателями, считает своею обязанностью определить, что такое yeomanry. «Во время революции в этой стране существовал класс людей, называвшийся yeomanry; эти люди не были ни дворянами, ни поденщиками: они обрабатывали свою собственную землю, образовывавшую обычно хутора с доходом в 40—80 ф. ст.». *Ibidem*, см. *K. Marx*, *Das Kapital*, I, 747 [Русский перевод, *K. Маркс*, *Капитал*, т. I, стр. 620, 1936 г.—*Ред*].

³ *De Foë*, *Tour*, II, 38.

⁴ *Journals of the House of Commons*, XXIV, 407 и 764 (1744: иомены Кента) XXV, 68 и 77 (1745: иомены Миддльсекса и Эссекса), etc. В то время цитировали еще народную поговорку: «A Spanish don, a German count, and a French marquis, a yeoman of Kent is worth them all three»; т. е. «Испанский дон, немецкий граф и французский маркиз, — кентский иомен стоит их всех трех». См. *John Rae*, *Why have the yeomanry perished*, *Contemporary Review*, 1883, II, 557.

⁵ *A. Young*, *An inquiry into the present prices of provisions and the size of farms*, p. 126. В оригинале, повидимому, описка. Цитата принадлежит в действительности Арбютноту, ярому защитнику крупного фермерства. [Ср. русск. перев. *Маркс*, *Капитал*, т. I, стр. 620, 1936 г.—*Перев.*].

лений собственников»; но это факт, отмечаемый уже как редкость¹. В последние годы XVIII в. множество свидетельств говорит о процессе, который можно назвать агонией иоменри: на севере и юге Англии, в областях, где появляется и развивается крупная промышленность, как и в чисто земледельческих районах,—езде одновременно констатируют, что иоменри сходит на-нет, что с ним не считаются больше, что его земельная собственность поглощена соседними крупными поместьями или же приобретена наезжими из городов покупателями². Постепенно оторванное от почвы, питавшей его в течение веков, иоменри оказалось впредь во власти обстоятельств.

Эти обстоятельства были сначала благоприятны для него: высокие хлебные цены и искусственно созданное процветание английского земледелия во время великой войны против Наполеона вдохнули эфемерную жизнь в сохранившиеся еще остатки иоменри³. Кризис, последовавший за заключением мира, нанес ему последний удар. Парламентский доклад о земледелии 1833 г. составляет как бы протокол о его смерти во всех почти графствах Англии⁴. Горы Кумберленда сохранили в течение некоторого времени существование последних иоменов. «Существует часть Англии,—писал в 1846 г. Дж. Ст. Милль,—часть, к крайнему прискорбию, очень небольшая, где крестьяне-собственники еще многочисленны. Я имею в виду так называемых *statesmen* Кумберленда и Вестморленда. Правда, большинству их, если не всем, приходится платить известные, определяемые обычаями оброки, но эти твердо определенные оброки затрагивают их характер собственников не в большей степени, чем поземельный налог. Среди знатоков края существует полное согласие мнений относительно превосходных результатов этой формы собственности⁵. Мы имеем здесь перед собой не более как пережиток, с любопытством отмечаемый экономистом,—последний след удаляющегося и приходящего в забвение прошлого⁶.

¹ *W. Marshall, Rural economy of Yorkshire, I, 20.*

² *J. Holt, A general view of the agriculture in the county of Lancaster, p. 12 (1794); D. Walker, A general view of the agriculture in the county of Hertford, p. 15 (1795); J. Wedge, A general view of the agriculture in the county of Warwick, p. 21 (1794); J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 43 (1795); F. Eden, State of the poor, II, 30 (1797).*

³ Именно это могло привести к мнению некоторых авторов, что угасание иоменри началось не ранее XIX в. См. *J. Rae, Why have the yeomanry perished, Contemp. Review, 1883, II, 548—553.*

⁴ *Report from the select committee on agriculture (1833).* Вильтшир: «земле-владельцы, имеющие доход от 50 до 300 ф. ст., исчезли», р. 65.—Йоркшир: «все мелкие иомены исчезли после войны», р. 149.—Чешир: «иомены почти полностью потеряли свои земельные владения», р. 272.—Шропшир: «Мелкие фермы все проданы», р. 285.—Нортумберленд и Доргем: «многие мелкие земледельцы поступили на службу или переменили занятие», р. 327.—«В Гемпшире они задолжены, разорены, продают свои земли за бесценок», р. 466.—«В Ноттингемшире не осталось ни одного иомена», р. 586.—Исключение составляют два или три графства: Вустершир (р. 84—85), Кумберленд (р. 325), Герфордшир (р. 394).

⁵ *Stuart Mill, Principles of political economy (éd. 1848), I, 300.*

⁶ В настоящее время иоменри перестало существовать как класс. Кумберлендские *statesmen* почти полностью исчезли. Отдельных мелких земельных собственников можно, пожалуй, еще найти в некоторых южных графствах

II

Если бы исчезновение иоменри не началось раньше 1780 или 1790 г., то можно было бы с достаточным правдоподобием видеть в нем одно из следствий промышленной революции. Разве упадок домашних промыслов не отнял у сельских классов один из источников их существования? Несомненно, это одна из причин. Но это—позднейшая причина, и действие ее могло обнаружиться только тогда, когда иоменри было уже обречено на гибель. Упадок его отмечался задолго до того, как крупная промышленность и ее последствия нанесли ему последний, смертельный удар. Впрочем, иоменри не одно пало в борьбе. Судьба его была только замечательным эпизодом более обширной драмы, действующими лицами которой были все сельские классы Англии.

Если мы в собрании английских статутов будем просматривать законы, изданные в течение 120-летнего периода от смерти Вильгельма III до восшествия на престол Георга IV, то заметим один стереотипный заголовок, все чаще повторяющийся по мере того, как мы подвигаемся вперед, и в серии публичных биллей и в серии биллей частных. Заголовок этот гласит: «Закон о разверстании, наделении и огораживании открытых и общих полей, лугов, пастбищ, а также общинных земель и пустошей, расположенных в приходе...» (следует название местности)¹. Парламентские акты, которым предшествует указанная формула, считаются сотнями и тысячами². При этом число их растет в весьма заметной прогрессии: за все 12-летнее царствование королевы Анны было издано всего только 3 таких акта³, с 1714 до 1720 г. мы имеем почти по одному акту в год. Затем до середины столетия движение принимает более выраженный характер, но происходит все-таки довольно медленно: 33 акта—между 1720 и 1730 гг., 35 актов—между 1730 и 1740 гг., 38—с 1740 до 1750 г. С 1750 до 1760 г. мы находим их уже 156, с 1760 до 1770 г.—424, с 1770 до 1780 г.—642. Годы с 1780 до 1790, т. е. как раз те годы, которые были свидетелями первого подъема крупной промышленности, возвращают нас к цифре 287. Но затем, с 1790 до 1800 г., мы поднимаемся опять до 506. Период с 1800 до 1810 г. дает еще более высокий итог, значительно превосходящий все предыдущие: в течение этих десяти лет парламент вотировал не более не менее, как 906 актов, имеющих целью «разверстать, наделить и огородить».

Земли, подошедшие под действие этих законов об огораживании

(Глостере, Сомерсете, Девоне, Кенте) и на востоке, области возделывания хлебных злаков (особенно в Линкольншире). О последних иоменах Гемпшира см. *Th. Rogers, Six centuries of work and wages*, p. 55.

¹ An act for dividing, allotting and enclosing the open and common fields, meadows, pastures, and common and waste lands, in the parish of...

² Подсчет их производился несколько раз, но неполно и недостаточно тщательно. Цифры, приведенные Челмерсом в *Estimate of the comparative strength of Great Britain*, p. 146, почти все неточны. Цифры, сообщаемые Портером в «*Progress of the nation*», p. 148, точны, но начинаются лишь с 1760 г. Статистические данные, помещенные в *Appendix to the 3-d report from the select committee on agriculture*, p. 501, представляют прекрасное средство контроля.

³ Первым по времени является акт 8 Anne, с. 20 (Private Acts), опубликованный в 1709 г.

(enclosure acts), составили весьма значительную площадь. В 1800 г. она равнялась $3\frac{1}{2}$ млн. акров, или $1\frac{1}{2}$ млн. гектаров. Эти $3\frac{1}{2}$ млн. акров распределялись по всем районам Англии, независимо от густоты их населения, от значения городских поселений, от состояния местных отраслей промышленности¹. Мы имеем здесь, следовательно, дело с собирательным фактом, который может быть объясняем только общими причинами.

Прежде всего перед нами встает один предварительный вопрос: что же это за земли, разверстание и наделение которых предписывалось законом? Они не были однородны. Закон обозначал их несколькими названиями, которые легко смешать и которые все же различны: с одной стороны, мы встречаем термины *open fields* и *common fields*, которые всегда употребляются вместе и представляют собой как бы синонимы; с другой стороны, закон знает термины *common lands*, *common wastes* и *common pastures*, образующие вполне отличную группу и никогда не употребляющиеся вместо приведенных раньше, несмотря на их видимое родство с ними. Выражения эти принадлежат, впрочем, к обычной терминологии поземельного права, и нет ничего легче, как определить их точный смысл.

Автор «Опыта о способе разграничения соответственных долей земельных собственников при огораживании общих полей» дает следующее определение: «Открытые поля (*open fields*), или общие поля (*common fields*), это—пространства земли, на которых разбросаны чересполосно участки нескольких владельцев...²» Выражение *common fields* имеет то неудобство, что подает повод к смешению разных вещей: оно вызывает представление о коммунизме. Приведенное сейчас определение отчетливо устраняет это представление: оно показывает нам, что *open field* (открытое, неогороженное поле)—будем употреблять преимущественно этот менее двусмысленный термин—находится в руках нескольких владельцев, располагающих индивидуальными титулами своих прав: одни владеют землей в качестве фригольдеров (свободных держателей), т. е. на правах полной собственности, другие занимают ее в силу своего рода вечной аренды, в качестве копигольдеров (*copyholders*)³. Участки их не смешиваются в одно нераздельное целое: они только «разбросаны и перемешаны», т. е. подразделены на большое число парцелл, которые врезаются друг в друга и перепутываются между собой. Это и есть самая харак-

¹ См. в *General report on enclosures, 1808 г.*, р. 139—141, резюме проведенных и предстоящих еще огораживаний в различных графствах Англии. Среди графств, где сохранилась еще наибольшая площадь подлежащих огораживанию земель, были и чисто земледельческие области, как Кубмерленд и Нортумберленд, и области одновременно земледельческие и промышленные, как Йоркшир; среди районов, где таких земель осталось всего меньше, фигурируют и области с преобладающей культурой хлебных злаков, хмеля, плодовых деревьев, вроде графства Кент, и скотоводческие графства, как Вустершир и Бекингемшир. Единственная причина, действие которой можно почти всегда подметить, это характер почвы: наиболее медленным и наиболее неполным был ход *enclosures* в гористых и болотистых графствах.

² *H. Homer, Essay on the nature and method of ascertaining the specific shares of proprietors upon the enclosure of common fields*, р. 1 (1767).

³ Относительно *copyhold* см. *Edward Jenks, Modern land law*, р. 57 и сл.

терная черта того, что принято именовать системой открытых полей (open field system).

Возьмем кадастровый план какого-нибудь английского прихода в середине XVIII в. Один из таких планов был опубликован: это план селения (township) Хитчин, в графстве Гертфорд, к северу от Лондона¹. По внешнему виду он напоминает паутину: линии расходятся и перекрещиваются здесь в бесконечно сложных сочетаниях. Эти линии ограничивают собою приблизительно прямоугольные и почти равновеликие площади. Если отметить на карте особым знаком, например какой-нибудь краской, маленькие прямоугольники, представляющие различные части одного и того же владения, то получается причудливая, беспорядочная фигура, составленная из разбросанных клочков. Земельное владение некоего Вильяма Люкаса состояло в 1750 г. из 47 полос, распределенных по всей территории township'a. Ибо эти отдельные части не группируются хотя бы в более или менее туманно очерченное целое: напротив, получается такое впечатление, словно кто-то нарочито старался распределить их по всему рассматриваемому пространству. В действительности каждый из этих прямоугольников имел форму длинной и узкой полосы земли, отделенной от соседней полосы узенькой лентой дерна. Средние размеры ее равнялись 40 rods длины и 4—ширины, т. е. приблизительно 200 м на 20,—это как раз величина английской меры поверхностей—акра². Нередко полоса была разделена на две равные части, длиной каждая приблизительно в 20 rods; такая парцелла носила название balk, или oxgang³: направление ее длины соответствовало направлению борозд, и у каждого края оставалось место, чтобы можно было повернуть плуг⁴. Это чрезвычайное дробление оставило в некоторых местностях любопытные следы; на холмах полосы располагались всегда перпендикулярно к линии уклона, дабы избежать сползания земли после каждой вспашки; мало-помалу нивелируясь, они образовали, в конце концов, узкие террасы, расположенные ступенями по склону холмов, настоящие ступени, которые, раз образовавшись, сохранялись потом навсегда. Их можно наблюдать вдоль Chiltern Hills и Downs Сэссекса, как во многих местах на севере Франции⁵.

¹ См. *F. Seebohm*, *The English village community*. Карта на заглавном листе показывает состояние прихода в 1750 г., а карта на 6-й странице датирована 1816 г.

² 40 rods=1 furlong (quarantena); мера эта соответствует точно 201,164 м. Акр = 4 046,71 м².

³ Balk означает «гряда». Oxgang означает, в буквальном переводе, площадь, вспахиваемую быком (в один день); в разных районах под oxgang разумелись неодинаковые площади. Оба термина часто встречаются в актах об ограживании.

⁴ Это так называемый headland, головной клин.

⁵ См. *F. Seebohm*, *ouvr. cité*, p. 2—6; *Ramsay*, *The foundations of England*, I, 159—160; *Cunningham* и *Mac-Arthur*, *Outlines of English industrial history*, p. 170; *R. Prothero*, *The pioneers and progress of English farming*, p. 5; относительно парцеллярной земельной собственности во Франции при старом порядке—см. *de Foville*, *Le morcellement*, p. 139, 153 и сл. Существование полей, расположенных террасами по склонам холмов, есть, конечно, факт всеобщий; нас он интересует лишь там, где границы этих террас совпадают с границами старых парцеллярных владений.

Эта система дробления земель, сколь бы странной она ни казалась на первый взгляд, была, однако, очень распространена в Великобритании,—как, впрочем, и во всей почти Европе. Можно было сказать, что «путешественник встречал ее на всем своем пути от Андалузии до Сибири, на берегах Луары и на равнинах Московии»¹. До XVI в. она господствовала в Англии почти повсеместно, в начале XVIII в. она еще преобладала в большинстве графств; в 1794 г., несмотря на то, что система все больше идет на убыль и находится под угрозой исчезновения, мы встречаем ее в 4 500 приходах из общего числа 8 500 приходов². Ее огромное распространение сообщает тем более очевидный интерес вопросу об ее происхождении. Решение этого вопроса было предметом многих изысканий, но, повидимому, ему суждено остаться навсегда сомнительным. Это деление земли на parcels, размеры и формы которых если и не тождественны, то приближаются, по крайней мере, к известному неизменному типу; эта разбросанность владений, не оставлявшая вместе больше двух или трех акров одного держателя, — могло ли все это быть результатом чистого случая? Было высказано предположение, что система представляла собой результат первобытного распределения. В начале наделы были, мол, равные, а для того чтобы равенство было действительное, каждый получал в надел не один участок, а много различных участков, имевших разную ценность, смотря по качеству земли, ее местоположению, расположению относительно солнца, высоте³. Некоторые факты дают основание думать, что для поддержания равенства долей производились периодические переделы: для некоторых сенокосов доли определялись ежегодно жребием, для других они обменивались согласно заранее установленной очереди; иногда, хотя и очень редко, такой порядок практиковался также относительно пахотных земель⁴. Как известно, вся эта гипотеза была предметом оживленных споров не только в Англии, но и в Германии и Франции⁵. Действительно ли существовал этот уравнительный порядок? В какую эпоху? Когда он возник?

¹ General report on inclosures (Board of Agriculture, 1808), p. 25.

² В Бедфордшире 24 тыс. из 84 тыс. акров составляли еще open fields; в Беркшире пропорция была 220 тыс. на 438 тыс.; в графстве Кембридж—132 тыс. на 147 тыс. См. *Prothero*, *ouv. cité*, p. 57.

³ Эту теорию поддерживает *Ramsay*, *The foundations of England*, I, 160.

⁴ *E. Nasse*, *Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England*, p. 9 и 10.—Сибом видит здесь следы двух последовательных порядков. См. *The English village community*, p. 437—439. В XVIII в. существовали еще lot meadows и rotation meadows (жеребьевые и очередные луга).

⁵ Читатель припомнит полемику Фюстель-де-Куланжа против Маурера, Глассона и Виоллэ по поводу германской марки. См. *Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France; l'Alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne*, p. 171—198. Фюстель-де-Куланж доказывает, что сельская община не существовала в меровингскую эпоху. Что касается общинных угодий, «то они ведут свое происхождение не от коллективной якобы собственности, на которую мы нигде не встречаем никакого указания, а от пользования, которое предоставлял держателям земли тот или иной собственник» (*Ibid.*, p. 436). См. более недавние работы: *W. G. Ashley*, *The origin of property in land*, 1891; *Meitzen*, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen*, 1895; *Maitland*, *Domesday Book and beyond*, 1897; *М. Ковалевский*, *Экономический рост Европы до возникновения капитализма*, 1901 (русск. изд., 1898).

Был ли он англо-саксонского или норманского, германского или кельтического происхождения?¹ Был ли он вначале сельским институтом или племенным? Все это вопросы, остающиеся до сих пор почти неразрешимыми и большинство которых не должно даже ставиться, если вся первобытная община, как это утверждал Фюстель-де-Куланж, есть не более как роман.

Как бы то ни было, если в XVIII в. и существовали еще следы этого проблематического раздела, то они все больше стирались. За исключением упомянутых нами исключительных случаев, полосы, из которых состоял земельный надел, оставались всегда одни и те же. Они не переходили из рук в руки, разве путем сделок или в порядке наследования, как всякая другая индивидуальная собственность. Случайности продаж и правопреемств, которые то скопляли их в одних руках, то рассеивали, давным-давно положили конец всякому действительному или мнимому равенству между правомочными лицами. Рядом с *yardland*'ом², разделенным на 60 парцелл и имеющим общую площадь в 30 или 40 акров, мы встречаем другой, состоящий всего-навсего из одного *messuage* (усадебного места) в пол-акра, на котором построено жильё³. Единственное, что осталось почти нетронутым, это—система земледелия, связанная с земельным строем *open fields*; преобразование последнего должно было неизбежно повлечь за собою исчезновение первой.

III

Попробуем сравнить земледельца, жившего на старом *open field*, с английским земледельцем нашего времени. Последний, вполне хозяин внутри своей изгороди, на своих полях, составляющих сплошной участок, делает со своей землей все, что ему угодно. По своему усмотрению он вспахивает ее или оставляет под паром, засекает ее пшеницей или люцерной. Он употребляет те сельскохозяйственные орудия и приемы земледелия, которые кажутся ему наилучшими, поскольку ему позволяют это его средства. Он сам выбирает подходящий для него момент для пахоты или жатвы, не имея надобности считаться с тем, что делают его соседи. Напротив, первый так тесно связан со всеми окружающими его, что не может ничего предпринять без их помощи или согласия. Его земли так безнадежно перепутаны с участками соседей, что нужны долгая привычка и безошибочная память крестьянина, чтобы с первого же взгляда узнать,

¹ По мнению Рамсея (*The foundations of England*, I, 159), *open field*—есть институт англо-саксонского происхождения; по мнению Сибома (р. 437), он существовал еще до римской оккупации.

² *Yardland*, или *virgate* (*virgata terra*). Слова эти обозначают земельное владение разной величины, смотря по местности. Относительно смысла *virgate* в юго-восточных графствах см. *Tait, Hides and virgates at Battle Abbey, English Historical Review*, 1903, p. 705 и сл.

³ *Messuage* есть участок, расположенный в деревне и на котором построен дом. Почти все *yardlands* имели в своем составе такое усадебное место. См. пример, приводимый Сибомом в цитированном сочинении его, стр. 26; владение, находящееся в Винслоу, состоит из усадебного места, из 68 парцелл по $\frac{1}{2}$ акра, 3 парцелл по $\frac{1}{4}$ акра, плюс 1 акр и 4 полуакра пастбищ. О неравенстве владений см. там же, стр. 11.

какая полоса принадлежит одному и какая—другому. Если бы он захотел по-своему возделывать свои 50 или 60 акров, не спрашивая ничьего мнения, то как бы он взялся за это дело? Ему пришлось бы 50 или 60 раз начинать сызнова в 50 или 60 различных местах пахоту, сев и все повседневные работы. Сколько потерянного времени на один лишь обход своего владения, если оно сколько-нибудь значительно! Сверх того, положение всякого клочка земли, вклинившегося между чужими землями, дает повод для множества сервитутов, для более или менее стеснительных и обременительных обязательств: невозможно поставить изгородь, приходится прокладывать от одного конца прихода к другому множество тропинок для прохода к полям, занимая для этого часть земли, пригодной для культуры. Эта неудобная усложненность выродилась бы в полный хаос, если бы каждый имел претензию действовать совершенно независимо от других. Отсюда следующее парадоксальное следствие дробления, доведенного до крайних пределов: единственным возможным способом эксплуатации была эксплуатация сообща.

Все пахотные земли прихода составляли в отношении культуры одно имение. Они почти всегда были разделены на три поля¹, где культуры чередовались согласно очень древнему и довольно грубому севообороту. Одно поле засевалось пшеницей или ячменем, другое—овсом, горохом или бобами, третье оставалось под паром. В начале каждого земледельческого сезона земля, только что отдохнувшая в течение года, засеивалась вновь; земля, давшая только что урожай одного растения, подготавливалась для другого, отличного от него растения; земля, возделывавшаяся в течение двух лет подряд, оставалась, в свой черед, под паром. Унаваживание, пахота, сев производились сразу для всего прихода. Собственники условливались доставить, сообразно своим средствам, посевное зерно, плуги, рабочий скот². Их индивидуальные права из-за этого не забывались; парцеллы, отделенные друг от друга узкими полосками невозделанной земли, оставались совершенно отдельными. Когда наступало время жатвы, то продукт каждой из них поступал без всяких споров к ее законному собственнику. Еще раз: система открытых полей (*open field system*)—не коммунизм.

Между моментом жатвы и моментом сева, когда на поле остаются только немногие стебли или колосья, пощажённые серпом, или небольшая травка, выросшая у краёв поля, соблюдение исключительных прав каждого владельца становилось бесполезным. Вот тогда-то *open field* и принимало, больше чем когда-либо, вид коллективной собственности. Оно становилось пастбищем, куда все без различия владельцы выгоняли своих свиней, овец и гусей. Тот же порядок был принят относительно лугов, расположенных большей частью в низких местах, у воды, и не считавшихся частью *open field* в тесном

¹ Иногда на два или четыре. См. *H. Homer, Essay on the nature and method, etc.*, p. 4; *The advantages and disadvantages of inclosing waste lands and open fields* (1772), p. 13; *Prothero, ouvr. cité*, p. 5 и *Social England*, V, 103—104.—Вместо трех полей приход или *township* (село) могли иметь шесть, сгруппированных по два. Так было в Хитчине. *Seebohm, ouvr. cité*, p. 11—12.

² *Journ. of the House of Commons*, XXXVIII, 857; LI, 257.

смысле этого слова: как только с них снималось сено, они составляли одно общее пастбище для крупного скота¹. Таким образом, в течение нескольких месяцев в году—от конца июля до сретения—земли оставались нераздельными. Отсутствие постоянных оград делало неизбежной такую периодическую нераздельность. Теперь для нас становится понятной вся многозначительность термина *open fields*, «открытых полей», полей без оград, противопоставляемых автономной и огороженной собственности, подобно тому как федерация раздробленных государств противопоставляется унитарной монархии. И подобно тому как федеральная конституция закрепляет существование небольших суверенных областей, так точно *open field system* долго сохраняла мелкую собственность. Там, где эта система исчезла, замечалось, что число землевладельцев было меньшим, а владения их более значительны². Таким образом все, что способствовало ее сохранению или разрушению, затрагивало в то же время судьбу мелких собственников, тех именов, исчезновение которых как раз совпало с исчезновением старого земельного строя.

IV

В каждом приходе были земли, остававшиеся круглый год в том самом состоянии, в котором «открытое поле» находилось в течение части года, когда оно не было засеяно. Это те именно земли, которые носили название *common lands* или *waste lands*, эти два термина-синонима, довольно хорошо передаваемые французским словом *communaux* (общинные угодья). На этот раз мы имеем перед собой общую собственность, действительно существующую и постоянно коллективную, сходную со столь многочисленными некогда *communaux* в старой Франции. Если говорить правду, то земли эти потому лишь не имеют хозяина, что их считают лишенными всякой ценности. Они остаются невозделанными, как об этом свидетельствует самое слово *wastes* (пустоши). Усеянные кустарником степи, где в беспорядке росли сорные травы, вереск и дрок, болота, покрытые камышом, топкие торфяники, леса, выросшие как попало на песках или скалах,—вот из чего состояла большая часть *commons* в Англии³. Многие из этих земель, к которым долго относились с пренебрежением, были в наши дни распаханы и с успехом возделаны. Но, как известно, интенсивная культура есть факт недавнего времени, в те-

¹ *H. Homer*, *ouvr. cité*, p. 1. Это так называемые *lammas meadows*, луга 1 августа (ст. ст.). См. *Cunningham* и *Mac-Arthur*, *Outlines of English industrial history*, p. 171.

² В конце XVIII в. в графстве Гентингдон были приходы, где открытые поля исчезли, и приходы, где они продолжали еще существовать. В первых средний годовой доход фермы составлял от 50 до 150 ф. ст., в других—от 200 до 500 ф. ст. То же явление наблюдалось в графствах Нортгемптон, Оксфорд и других. См. *Marshall*, *A review of the reports of the Board of Agriculture from the Midland departments of England*, p. 334—348.

³ Иногда, впрочем, *common* заключал в себе земли, имевшие некоторую ценность: это были земли, составлявшие в некоторых деревнях так называемые *green common* (общественные выгоны). Туда посылали коров под надзором общинного пастуха, иной раз на них выкармливали на общий счет племенных быков или жеребцов. См. *Seebohm*, *ouvr. cité*, p. 12, и *Nasse*, *ouvr. cité*, p. 8.

чение же столетий люди довольствовались тем, что засевали самые плодородные земли, произведения которых обеспечивали немедленное и достаточное вознаграждение их труду.

Несмотря на незначительную ценность, которая придавалась общинной земле, и на первобытное состояние, в котором ее оставляло традиционное пренебрежение, пользование ею приносило крестьянам разнообразные выгоды. Во-первых, они имели возможность выгонять туда свой скот, особенно овец, умеющих находить себе подножный корм на неблагоприятной почве: это было объектом права пастьбы на общем выгоне (*common of pasture*) или права прохода для овец (*right of sheepwalk*). Если на общинной земле росли деревья, то крестьяне могли рубить там лес, чтобы поправить сруб своего дома или устроить ограду—это было объектом права, носившего название *common of estovers*¹. Если на общинной земле имелся пруд или по ней проходила река, то поселяне могли ловить в ней рыбу; это было объектом права рыбной ловли (*common of piscary*). В болотах, покрывавших еще значительные пространства во всех графствах Англии, они могли запасаться торфом (*common of turbarry*)².

Принадлежали ли эти права всем жителям? Можно ли было открыть в них что-либо, напоминающее о некоем первобытном равенстве? Прежде всего *common* не есть, строго говоря, бесхозная земля: в принципе она принадлежит сеньеру—владельцу поместья (*lord of the manor*), располагающему своего рода верховным правом на всю территорию прихода³. Иногда ее называют господской пустошью, *the lord's waste*. Фактически это право вотчинника не имеет в себе ничего исключительного: подобно тому как на землях, составлявших *open field*, помещик как бы уступил часть своих территориальных прав свободным держателям (фригольдерам), так точно он допускает их к пользованию угодьями, которые называются общинными. Но относительно этих общинных земель существует тот же порядок, что и относительно «открытого поля». Когда хлеб убран, не все жители могут выгонять свой скот на сжатые поля, а только те из них, которые владеют одним или несколькими участками в приходе. Произведя совместно обработку почвы, они совместно же пользуются ею как общим пастбищем: это—естественное следствие согла-

¹ От французского слова *estouvoir, estouvoir* (быть нужным, необходимым и, в качестве существительного, то, что нужно, необходимое продовольствие и т. д.). В старом французском праве это слово употреблялось в значении, близком к тому, какое оно сохранило в Англии. «Все они будут иметь свое право на лес в *Leheicourt*». *Rentes de l'Ecclese de St-Hoult* (1258), *Arch. de la Mense*. Cité par *Godefroy*, *Dict. de l'ancienne langue française*, III, 634.

² См. *Sir John Sinclair*, *Address to the members of the Board of Agriculture*, *Journals of the House of Commons*, LI, 263 и сл. Этот отчет, очень подробный и очень продуманный, дает общую картину режима и состояния общинных угодий. См. также среди изданий Сельскохозяйственного департамента (*Board of Agriculture*)—*General report on enclosures* (1808), p. 26; и *Ed. Jenks*, *Modern land law*, p. 160 и сл.

³ О том, чтобы изучить здесь, хотя бы вкратце, поместную систему и ее эволюцию, не может быть и речи. Повидимому, современная собственность образовалась почти везде путем своего рода раздробления сеньеральной собственности, причем большинство собственников были вначале держателями земли (*tenants*). См. *Fustel de Coulanges*, *l'Alleu et le domaine rural*, гл. VII до XVI.

шения обычной ассоциации, объединяющей их. Тому же режиму подчинена общинная земля (common): она является общей не для всех жителей деревни, а для всех собственников. Несмотря на внешнюю видимость, это не есть свободная земля, пользование которой не подвержено никаким ограничениям: доступ к ней дозволен лишь на основании определенных юридических титулов и в меру этих титулов.

Мы только что видели, что права отдельных лиц на общинные угодья подводятся под несколько рубрик, в зависимости от характера выгод, которые можно извлечь из них. Они делятся также на разные категории, в зависимости от их происхождения и от ограничений, которые оно налагает на них. Часто они связаны в силу обычая с владением каким бы то ни было земельным имуществом, расположенным в границах лена, прихода или township'a. Это случай наиболее часто встречающийся, и он всего лучше иллюстрирует сходство между постоянным режимом общинных угодий (common) и юридическим режимом, принятым относительно open field. Иногда права эти выговариваются прямо, в случае продажи или дарения (common appurtenant). Может случиться и так, что они отделяются от земельной собственности, дополнением которой первоначально были, и становятся личными правами, передающимися по наследству (common in gross). Наконец, они могут быть результатом соглашения между соседями, результатом общего сервитута на средние владения, границы которых не определены точно (common because of vicinage¹). Все эти различия делают пользование общинными угодьями настоящей собственностью, притом собственностью, не только не распределенной равномерно между всеми правомочными лицами, а, напротив, подтверждающей их неравенство.

В самом деле, мы редко наблюдаем, чтобы одно лицо могло посылать на общественный выгон неограниченное число голов скота. Такой привилегией пользуется чаще всего только сеньер, номинальный собственник нераздельных земель². По общему же правилу каждый собственник имеет право выпаса только для определенного количества скота³. Число это находится в зависимости от размеров его владения: чем больше парцелл он занимает в open field, тем больше волов или овец он может посылать на общественный выгон⁴. Таким образом, пользование землей, которая именуется общественной, не только не принадлежит всем, но, напротив, предоставлено каждому лишь пропорционально тому, чем он уже владеет. Это—

¹ *John Sinclair*, Address to the members of the Board of Agriculture, Journ. of the House of Commons, LI, 263.

² См. петицию лорда Тальбот, лорда Вернон, лорда Бейджгот и др. по вопросу об общинных угодьях Нидвудского леса (Стаффордшир), Journ. of the House of Commons, LVI, 414.

³ Пример: владения, имеющиеся в виду одним биллем об огораживании 1783 г., состоят из 1 538 акров и 3 goods пахотной земли и 71 акра и 2 goods пастбищ и права выпаса на общественном выгоне для 103 лошадей, 259 коров и 1 681 овцы. Journ. of the House of Commons, XXXIX, 110.

⁴ Иногда исчисление основано на размере арендной платы за ферму. В Нидвудском лесу арендная плата в 3 ф. ст. дает фермеру право выпаса одной головы скота. Journ. of the House of Commons, LVI, 414; *H. Homer*, ouvr. cité, p. 2.

дополнительное богатство, присоединяющееся к богатству. Из сказанного видно, что трудно найти порядок, более далекий от идеального равенства,—равенства, образец которого надлежит искать не в плохо изученном или плохо понятом прошлом, а в рациональном умозрении, которое в сотрудничестве с опытом подготавливает будущее.

Как ни мало уравнителен был режим общинных угодий в Англии, однако он приносил бедному населению реальные выгоды. Кроме прав, пропорциональных площади или стоимости владений, существовали иногда еще и другие права, одинаковые для всех жителей прихода. В некоторых округах всякая семья, занимающая дом, могла пасти две или три головы скота на общественном выгоне,—возможность, драгоценная для тех, все богатство которых заключается в корове, в небольшом количестве домашней птицы и свинье, которую режут при приближении зимы¹. И если это даже не было формально признанным правом, то дефект восполнялся обычаем,—обычаем, всегда более гибким и часто более гуманным, нежели закон. Искони установившаяся терпимость позволяла почти всем крестьянам Англии пользоваться общинными угодьями, часто в довольно широких размерах. Женщины шли туда собирать хворост для отопления. В некоторых местностях Йоркшира бедные ткачи растягивали на общественном лугу свои куски материи после беления или крашения². Наконец, на общинных землях строились шалаши, хижины, бедные лачуги; эти пустоши имели слишком небольшую ценность, чтобы кто-нибудь стал препятствовать нескольким беднякам устроиться и жить на них. Без всякого твердо установленного права, но в силу своего рода молчаливого разрешения, число коттеджей, выстроенных из легких материалов, собранных на самом сомпон, стало значительным: *коттеджеры* были довольно многочисленны, и то, что им позволяли брать на не принадлежащей им земле, вносило некоторое облегчение в их тяжелую и необеспеченную жизнь земледельческих рабочих³.

Целое население жило, таким образом, на границе собственности. Оно не имело законного права на пользование общинными угодьями; между тем именно для него сохранение их имело наибольшее значение. Если невозможно было тронуть систему open field, не меняя тем самым положения мелких земельных собственников, то сомпон нельзя было тронуть, не ставя под вопрос самое существование сельскохозяйственных рабочих. Теперь нам нетрудно будет понять всю важность преобразования земельных отношений, которая в течение XVIII в. перевернула вверх дном сельскую Англию.

V

Способом, при помощи которого осуществлялось это преобразование, было огораживание (enclosure). Слово это весьма вырази-

¹ См. Sir G. O. Paul, Observations on the General Enclosure Bill (1796).

² См. петицию против билля об огораживании Армли (возле Лидса), 1793. Journ. of the House of Commons, XLVIII, 651.

³ Де Фоз в 1724 г. отмечает в графстве Сэррей наличие «большого количества коттеров, извлекающих почти все средства своего существования из общинных угодий и пустошей, площадь которых значительна». Tour, I, 68.

тельно. Речь идет о превращении неогороженных земель, open field и common, в закрытые владения; речь идет о соединении разбросанных парцелл и о разделе неразделенных полей на компактные владения, совершенно независимые одни от других, обнесенные сплошными изгородями, которые являются гарантией и знаком их самостоятельности.

Ни слово, ни обозначаемая им вещь не были новы. Огораживания XVI в., о которых велись недавно споры¹, составили один из эпизодов великого экономического движения, отметившего начало современности. Огромный рост движимого богатства отразился также на состоянии земельной собственности. Многие земли перешли уже из одних рук в другие, когда подоспела реформация и сопровождавшая ее секуляризация церковных имуществ. Выгоды достались крупным землевладельцам. Войдя во вкус, благодаря своим приобретениям, они возымели желание завершить свое обогащение, поделив между собою общинные земли. Этот раздел начался по всей Англии и осуществлялся чаще всего путем насилия². С самого начала столетия раздаются со всех сторон жалобы на огораживания, на их несправедливость и причиняемые ими страдания. В особенности скорбят по поводу их обычного результата—обращения пахотных земель в пастбища. В значительном числе приходило возделывание хлебных злаков забрасывается ради скотоводства; фермы и дома сносятся или превращаются сами собою в развалины. Проповедник Латимер восклицает: «Там, где недавно еще жили многочисленные крестьяне, мы находим теперь только одного пастуха и его собаку»³. Набрасывая чудесный план своей утопии, канцлер Томас Мор имеет перед своими глазами страну грабежа и нищеты, где овцы пожирают людей⁴.

Некоторые пытались доказать, что дурные последствия описы-

¹ См. *I. S. Leadam*, *The Domesday of inclosures*, Collection de la Royal Historical Society, 2 vol. (1897) и *The inquisitions of depopulation in 1517 and the Domesday of inclosures*, par *Edwin F. Gay*, Transactions of the Roy. Histor. Soc., Nouvelle série, vol. XIV (1900).

² Карл Маркс дал сжатую историю его в первом томе своего «Капитала», в главе «Так называемое первоначальное накопление» (*Das Kapital*, 1, 742 и сл.). Более подробно вопрос изложен у *W. J. Ashley*, *Introduction to English economic history and theory*, vol. II, ch. IV.

³ *H. Latimer*, *Sermons*, p. 100—103.

⁴ «Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты—люди святые—не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают город, оставляя храмы только для свинных стойл. Таким образом, с тех пор, как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон некоторых арендаторов, лишает их, или опутанных обманом, или подавленных насилием, даже их собственного достояния, или, замучив обидами, вынуждает к продаже его». *Thomas Morus*, *Utopia*, кн. I, 1516. [Русск. перевод. *Томас Мор*, *Утопия*, изд. Academia, 1935, стр. 59—60.—*Ред.*]

ваемых огораживаний были сильно преувеличены и что в общем эти последние отнюдь не повлекли за собой исчезновения полей, засеянных хлебом. Но тезис этот спорен¹, и к тому же, если даже согласиться, что в жалобах современников заключались известные преувеличения, то остаются все-таки некоторые документы, с которыми весьма надо считаться: мы разумеем тексты законов, изданных с целью помочь злу; можем ли мы думать, что речь идет о воображаемом зле? Уже в 1489 г., в царствование Генриха VII, в одном законе отмечается факт запустения острова Уайта, «вызванный превращением пахотных земель в пастбища и скупкою ферм»; закон ограничивает поэтому размеры земельного владения на острове максимальной доходностью в 10 марок². За ним почти тотчас последовал другой, более общий закон, знаменитый *акт против разрушения деревень*³. «Король,—говорится в вводной части этого закона,—замечает, что некоторые пагубные порядки с каждым днем все более ухудшаются: домам и целым деревням позволяют разрушаться или добровольно сносятся и превращают в пастбища земли, искони бывшие пахотными. Вследствие этого размножается леность—источник и начало всех зол. Ибо в некоторых селениях, где раньше находили работу и прилично жили ею двести человек, теперь имеется занятие только для двух-трех пастухов, остальные же впадают в праздность. Земледелие, одна из главных основ государства, влачит жалкое существование, церкви разваливаются, божественная служба прерывается, покойники остаются без молитв... Защита страны против иноземных врагов подвергается опасности и парализуется». Согласно предписаниям этого закона, всякая крестьянская усадьба, к которой принадлежало 20 акров пашни, должна была содержаться в порядке и служить жилищем для крестьянской семьи. Но это предписание, как и кары, долженствовавшие обеспечить его исполнение, произвели, повидимому, незначительное действие, ибо аналогичные меры были проведены через парламент опять в 1515, 1516, 1533, 1535 и 1552 гг. То приказывалось починить брошенные коттеджи⁴, то ограничивалось число овец, которое вправе держать один собственник⁵, то прибегали к обложению всякого нового пастбища налогом, равным половине приносимого им дохода⁶. Частота этих законов и разнообразие лекарств, которыми они пытались вылечить один

¹ Его высказывал *M. Leadam*. Возражения, которые выдвигает против него *M. Gay*, кажутся достаточно убедительными. См. *Transactions of the Roy. Histor. Society*, нов. серия, XIV, 289—290.

² 4 Henry VII, с. 16.

³ An act against the pulling dawn of towns (4 Henry VII, с. 19). Слово towns обозначает здесь в действительности только сельские поселения, и перевести его словом «городов» было бы неточно.

⁴ 6 Henry VIII, с. 5 (1515). Все крестьянские дома, снесенные 5 февраля 1515 г., предписывалось выстроить вновь в течение одного года, а земли их—пустить опять в обработку. В следующем году закон этот был объявлен постоянным (7 Henry VIII, с. 17).— В 1517 г. была произведена большая анкета, документы которой образуют *Domesday of inclosures*.

⁵ 25 Henry VIII, с. 13 (1533). Дозволенный максимум составлял 2 000 овец. В вводной части этого закона указывается, что некоторые землевладельцы имели до 24 000 овец.

⁶ 27 Henry VIII, с. 22 (1535) и 5—6 Edward VI, с. 15 (1552).

и тот же недуг, является наилучшим доказательством их бессилия¹.

Движение продолжалось в течение всего XVI в. Везде раздел open fields и захват общинных земель имели своим последствием создание крупных поместий и расширение пастбищ. В царствование Елизаветы мы слышим те же жалобы, что и при Генрихе VII. «Право же,—пишет в 1580 г. Вильям Стаффорд,—эти огораживания будут нашей гибелью! Из-за них мы платим за свои фермы небывало высокую арендную плату и не находим больше земель для обработки. Все идет под пастбища, все берется для овцеводства или разведения крупного рогатого скота. На протяжении семи лет я был свидетелем того, что в районе 6 миль вокруг меня была отставлена в сторону дюжина плугов; там, где находили прежде средства к жизни 60 человек, теперь владеет всем 1 человек со своими стадами. Эти овцы составляют наше несчастье. Они вытеснили из нашей страны земледелие, еще недавно снабжавшее нас всевозможными продовольственными припасами, тогда как теперь мы видим одних только овец, овец и опять овец»². Тем временем, однако, движение стало замедляться и по причине, которую мы не в состоянии теперь с точностью определить, оно вскоре почти совершенно остановилось. В XVII в. нет больше вопроса об огораживаниях³. Именно это обстоятельство позволило open fields и commons, хотя и сильно уже затронутым, просуществовать еще в течение долгого времени в большинстве графств Англии.

VI

Почему после долгого перерыва огораживания возобновились в XVIII в.? Являются ли они причиной или следствием замечательного прогресса английской агрономии и земледелия, который произошел как раз в эту же эпоху? Во всяком случае невозможно не сопоставить между собой эти два ряда фактов, которые должны взаимно осветить друг друга.

Подобно тому как в исчезновении иоменри хотели видеть результат крупной промышленности, так естественна была попытка тем же промышленным развитием объяснить реформу земледелия. Решительный толчок сельскохозяйственному производству,—говорили сторонники этого взгляда,—был дан нуждами потребления. образо-

¹ Ф. Бэкон в своей «History of King Henry VII», Сочинения (изд. 1878 г.), VI, 94 восхваляет «достоиную удивления мудрость короля и парламента», сумевших остановить упадок земледелия. Давид Юм в своей «Истории Англии» (перев. Кампенона, III, 88) первый подверг сомнению основательность этой похвалы показав, что законодательство, которым так восхищался Бэкон, осталось почти совершенно недействительным.

² W. Stafford, Pictorial history of England, II, 900.

³ При протекторате Кромвеля появились, однако, некоторые памфлеты за и против огораживаний. Укажем некоторые из них: S. Taylor, Common good, or the improvement of common forests and chases by inclosures (1652); A. Moore, Bread for the poor and advancement of the English nation promised by enclosure of the wastes and common grounds of England (1653); J. Moore, Crying sin of England of not caring for the poor wherein inclosure being such as doth unpeople towns and uncorn fields is arraigned (1653); Ibidem, A scripture word against inclosure (1656); Псевдоним—Considerations concerning common fields and inclosures (1654); Ibidem, A vindication of the considerations, etc. (1656).

вание мануфактурных центров, рост городского населения открыли для земледельца новый рынок, на котором спрос не переставал увеличиваться. Прошли те времена, когда снятый с поля урожай не шел дальше соседней деревни или местечка. В перенаселенных городах, вокруг копей и рудников, вокруг фабрик и складочных пунктов, рабочие массы требуют у сельских округов, чтобы те их кормили. Вследствие этого фермы должны, в свою очередь, превратиться в своего рода заводы, где пищевые средства производятся в большом количестве и по усовершенствованным способам. Прогресс земледелия, или, если угодно, приспособление его к новым нуждам промышленного общества, вытекает, мол, из органической необходимости, из необходимого соотношения солидарных функций¹. На первый взгляд это объяснение кажется удовлетворительным; оно выражает общую истину, которая вряд ли может быть оспариваема, и несомненно применимо к значительному числу фактов, свидетелями которых являемся мы сами. Но отвечает ли оно действительно историческому происхождению английского сельскохозяйственного движения? На самом деле движение это, как и исчезновение иоменри, ясно обнаружилось гораздо раньше увеличения населения, вызванного крупной промышленностью. Этот рост народонаселения не был мгновенным, он не был и не мог быть явлением одновременным с первыми техническими изобретениями, или, если он происходил уже тогда, то как следствие причин, среди которых крупная промышленность не играла никакой роли. Между тем английское земледелие начало преобразовываться в первой половине XVIII в., приблизительно в эпоху первых поисков, которые лишь 30 лет спустя должны были привести к изобретению прядильных машин.

Нельзя сказать, чтобы сельскохозяйственными вопросами совершенно пренебрегали в XVII в.: доказательством противного могут служить сочинения Вестона и Гартлиба, при протекторате Кромвеля, и Дональдсона после революции 1688 г.² Но нет никаких указаний на то, что советам этих предшественников современной агрономии действительно следовали. В то время, когда де Фоэ составлял свое описание Англии, многие ее области оставались частью совершенно невозделанными. «Западная часть графства Сэррей,—пишет де Фоэ,—не только бедна, но совершенно бесплодна, предоставлена своему бесплодию, имеет ужасный вид... Большое пространство представляет собою не более как песчаную пустыню... где произрастает вереск, обычное растение неплодородных почв»³. В Иоркшире

¹ Prothero, *Pioneers and progress of English farming*, p. 65; *Ibidem*, *Social England*, V, 106—107; *W. Lecky*, *History of England in the XVIIIth century*, VI, 189—190.

² *Sir R. Weston* является автором труда «*A discourse of husbandry used in Brabant and Flanders*» (1652). Самуэль Гартлиб, друг Мильтона и человек, пользовавшийся покровительством Кромвеля, собрал много документов, относящихся к земледелию. Он написал: «*A design for plenty by a universal planting of fruit trees*» (1652) и «*The complete husbandman*» (1659). Ему часто приписывали (напрасно, по *W. Cunningham*, *Growth of English industry and commerce*, II, 568) книгу, озаглавленную *Samuel Hartlib, his legacy or an enlargement upon the Discourse on husbandry* (1651).—*Donaldson* является автором «*Husbandry anatomised*» (1697).

³ *De Foë*, *Tour*, I, 84.

путник, едва выехав из Лидса, вступает в «сплошную пустыню, в черные, мрачные, безотрадные степи, через которые путешественники находят дорогу, как лошади по следу, только благодаря столбам, поставленным местами, чтобы отметить ямы и трясины»¹. Несмотря на некоторые попытки осушения так называемых fens в графствах Кембридж, Гентингдон и Линкольн, они сливались еще в одно, огромное болото. В особенности оставался невозделанным и диким север Англии: от северной оконечности графства Дерби до северной окраины графства Нортумберленд воздушная линия в 150 миль пересекала одни лишь невозделанные земли².

Там, где земля обрабатывалась, это делалось часто самым примитивным образом. Трехполье было почти единственной общепринятой системой; из каждых трех лет поля в течение одного года оставались непроизводительными. Земледельческие орудия для пахоты сильно нуждались в усовершенствовании: в некоторых областях, как в настоящее время в Сибири, лемех плуга был деревянный и окован только металлической пластинкой. Для пахоты употребляли еще без нужды большие упряжки из 10 и даже 12 волов. Корма были недостаточные, и осенью часть скота шла на убой за невозможностью прокормить его в течение следующих месяцев³. Что касается искусства разведения скота, то оно было почти неизвестно; домашние породы, мелкие и невзрачные, едва отличались от того, чем они могли быть в природном состоянии⁴. Между земельными собственниками и фермерами, одинаково невежественными и одинаковыми поклонниками рутины, господствовало взаимное недоверие: землевладелец, опасаясь, чтобы фермер в последние годы своей аренды не истощил почвы с целью извлечь из нее несколько больший, чем обыкновенно, урожай, отказывался подписывать контракты на определенный срок и предпочитал неустойчивый порядок в любой момент отменяемой аренды (*tenure at will*). Вследствие этого всякая инициатива, всякая выдержанная и старательная работа как бы возбранялись земледельцу, ибо он подвергался опасности в любой момент быть выселенным и потерять в одну минуту труд целого года. Таким образом, последствия рутины увековечивали эту самую рутину⁵.

¹ Ibidem, III, 126.

² Prothero, *Pioneers of English farming*, p. 56.—В конце XVIII в., несмотря на осуществленный прогресс, Eden еще писал: «Страна, подобно Великобритании, обремененная на огромном протяжении пустошами и необработанными землями, напоминает тот широкий и тяжелый плащ, какие носят в Италии и в Испании: весьма малая часть ткани обслуживает того, кто драпируется в нее, а остальная не только не приносит ему никакой пользы, но и стесняет и обременяет его». *F. M. Eden, State of the poor*, I, XXI.

³ В описаниях путешествий Юнга можно найти обильные указания на то, как мало-помалу изменялись эти приемы. См. в особенности—*A six week's tour through the southern counties of England and Wales* (1768) и *A six months tour through the North of England* (1770).

⁴ Исключая конские породы, о которых всегда заботились, преимущественно по мотивам военного свойства. Разведение скаковых лошадей началось только в XVIII в.

⁵ О пагубных последствиях *tenure at will* можно судить еще теперь по примеру Ирландии, где эта форма аренды помешала развитию земледелия в такой же и даже большей степени, чем абсентеизм землевладельцев.

Для преобразования английского земледелия потребовался длинный ряд систематических усилий. Отправный пункт их отмечается появлением в 1731 г. книги Иетро Тулля¹. Автор не был чистым теоретиком: после нескольких лет (1693—1699 гг.) наблюдения и сравнения приемов, употреблявшихся во Франции, Голландии и Германии, он более 30 лет производил изыскания и опыты в своем имении Mount Prosperous в Беркшире. Один из первых он пришел к современному представлению об интенсивной культуре: он рекомендует глубокую вспашку и боронование, не прерывающийся севооборот, который позволяет земле давать, не утомляясь, последовательные, разнообразные урожаи и устраняет или уменьшает расточение, обусловливаемое системой пара. Он объясняет важность зимних кормов и пользу, которую можно извлечь из растений с питательными корнями, каковы турнепсы и свекла. Его выдающуюся оригинальность составляет то обстоятельство, что он хочет на месте неподвижной традиции поставить метод, основанный на наблюдении и рассуждении. Он представитель если и не научного духа, в строгом значении этого слова, то, по крайней мере, чего-то на него похожего: в нем представлен тот просвещенный эмпиризм, который часто приводит к открытиям.

Теории Иетро Тулля явились как раз во-время: целое поколение крупных сеньеров вскоре усвоило их и начало применять в своих поместьях. Со времени революции английская аристократия мучилась желанием разбогатеть. С ревнивым чувством наблюдала она, как поднимается вверх стоящая ниже ее финансовая и торговая буржуазия. Со странной смесью высокомерия и алчности она ненавидела «денежных людей» (moneyed men) и в то же время старалась воспользоваться их богатством, вступая в родство с ними путем браков. В эпоху, когда министр Валполь хвалился, что он организовал «торг совестьями», она усердно принимала участие в расхищении государственной казны. Она бросалась очертя голову в подозрительные предприятия, в приобретшие печальную известность мошеннические аферы, самой колоссальной из которых была афера South Sea Company, и, реализовав на них крупные барыши, выступала затем с обвинениями против них, чтобы нажить новые барыши. Но если желание сохранить какой бы то ни было ценой свое положение в обществе, где деньги все больше становились мерой престижа и могущества, — если это желание не раз толкало этих важных бар в самые непочтительные авантюры, то, с другой стороны, оно имело также своим результатом пробуждение их энергии. Вместо того чтобы искать везд новых источников дохода, некоторые из них пришли к мысли увеличить те доходы, которыми они уже располагали. Разве у них не было огромных поместий, доход с которых должен быть бы достаточным, чтобы сделать их несметно богатыми людьми? Но эти поместья дурно управлялись, плохо возделывались, погибали от небрежности и рутины. Чтобы извлечь из них возможно большую выгоду, надо было взяться за систематическое улучшение их; дело значительное, требо-

¹ *Jethro Tull, The new horse hoeing husbandry, or an essay on the principles of tillage and vegetation, London 1731.* — Пометка 1733 г., данная Prothero в *Social England*, V, 107—109, относится ко второму изданию.

вавшее много инициативы, внимания и выдержки. Лишенный блеска и на три четверти немецкий двор Ганноверской династии не привлекал к себе английской знати, как привлекал ее в предшествующем столетии двор Стюартов. К тому же там косились на некоторых представителей высшего дворянства за их торизм или же подозревали их в симпатиях к изгнанной династии. Они отправились поэтому на постоянное житье в свои поместья и сделались сельскими хозяевами.

Среди этих титулованных хозяев наиболее прославился лорд Тоуншенд. Посол в Голландии, один из лордов регентства после смерти королевы Анны, затем ирландский наместник, дважды статс-секретарь и президент Тайного совета, он в 1730 г., после знаменитой ссоры с Робертом Валполем, отказался от дальнейшей государственной деятельности и удалился в свое поместье Ренгем (Rainham), в Норфольке¹. Это было обширное, пустынное пространство, где пески чередовались с болотами и даже самая трава была тощая и редкая². Лорд Тоуншенд решил сделать его доходным, следуя для этого тем приемам, применение которых он наблюдал в Нидерландах. Он дренировал почву и улучшил некоторые части ее путем мергелевания и удобрения, затем он начал на них культуру различных растений, сменявшихся в виде правильного севооборота, не истощая никогда земли и не оставляя ее никогда пустующей. По примеру голландцев он уделял особенное внимание скотоводству, от которого благодаря близости Норвича, крупного шерстяного рынка, можно было ждать верных и немедленных барышей. Это обстоятельство в такой же и даже большей мере, чем правила Иетро Тулля, обусловило предпочтение, которое он отдавал травосеянию и зимним кормам; одновременно с улучшением английского земледелия он наметил для него путь, которому оно все больше стало следовать.

Сначала над этим пэром Англии, превратившимся в фермера, немного посмеивались: ему дали прозвище Turnip-Townshend (Тоуншенд-Реп). Однако он, не смущаясь, продолжал свое дело и в течение немногих лет превратил бедную и обиженную природой область в один из самых цветущих уголков королевства. Его пример вызвал подражание землевладельцев-соседей. За 30-летний период, с 1730 по 1760 г., ценность земель во всем графстве Норфольк возросла в 10 раз³. Ту же роль сыграли маркиз Рокингем в Вентворте, герцог Бедфордский в Воберне, лорд Эгремонт в Петворте, лорд Клэр в Эссексе и другие помещики, как лорд Каткарт и лорд Галифакс⁴, нашедшие в свою очередь многочисленных подражателей. Скоро это

¹ См. *A. Young, Annals of Agriculture, V, 120—121*. Юнг несколько раз посетил поместье Ренгем (в особенности—в 1760 и 1786 гг.) и восхищенно описал его, как образец, который должны иметь в виду английские землевладельцы и фермеры.

² «Это—провинция, о которой Карл I сказал, что ее следовало бы поделить между всеми графствами Англии для проведения больших дорог, так как в его пору она действительно представляла собою одни только заросли люцерны и необработанные пространства: обрабатывалась едва ли одна десятая часть ее». *Alexandre et François de La Rochefoucauld-Liancourt, Voyage en Suffolk et Norfolk, II, lettre du 24. IX. 1784.*

³ *Prothero, Pioneers of English farming, p. 44—47.*

⁴ См. *A. Young, North of England, I, 273—305. Ibidem, Southern counties, p. 62—63; Prothero, Pioneers of English farming, p. 79.*

занятие стало модным, и каждый дворянин хвастал, что он сам руководит улучшением своих земель. Предшествующее поколение не интересовалось ничем, кроме охоты, и единственной темой его разговоров были лошади и собаки; новое поколение говорит об удобрительных туках и дренаже, о севообороте, о клевере, люцерне и турнепсах. «Кавалера» XVII в., дравшегося в междоусобных войнах на стороне короля, сменил gentleman-farmer (дворянин-фермер).

Около 1760 г. толчок, данный несколькими крупными сеньорами, сообщился всей нации. Действие его было еще ускорено предпринятыми повсеместно общественными работами, постройкою дорог, прорытием каналов, осушением болот¹. В это-то время появляется класс крупных фермеров, для которых сельское хозяйство является способом помещения капитала и которые вносят в него тот же дух инициативы и ту же старательность, какие коммерсант вносит в управление своими делами. Кок из Гокгема (Holkham) обосновался в 1776 г. в имении, доходность которого равнялась приблизительно 2 тыс. ф. ст., в момент его смерти эта доходность составляла 20 тыс. ф. ст.² Он один из первых стал употреблять усовершенствованные пахотные орудия. Он придерживался системы долгосрочных аренд, которые одни поощряют уверенного в завтрашнем дне земледельца к обдуманым и выдержанным усилиям. Он смотрел на себя, как на воспитателя, и собирал вокруг себя фермеров своего района, чтобы привлечь их на сторону новых методов. Его современник Беквелл был прообразом новейших крупных скотоводов³. Он задался целью систематически улучшить породы домашнего скота и добился этого путем искусственных скрещиваний, путем того искусственного отбора, внимательное наблюдение которого должно было открыть Дарвину некоторые из самых общих биологических законов. В 1710 г. средний вес быков, продаваемых на Смитфильдском рынке в Лондоне, составлял 370 ф., средний вес телят—50 ф., овец—38 ф. В 1795 г. эти цифры, благодаря Беквеллу и его соперникам, поднялись соответственно до 800, 150 и 80 ф.⁴ Некоторые знаменитые породы скота, как Дишли или доргемская порода, ведут свое начало от этой эпохи, и их сложение показывает лучше всяких документов, какую цель ставили себе скотоводы XVIII в.: тонкие кости, короткие ноги, маленькая голова, едва развитые рога свидетельствуют о заботливом устранении ими всего, что не способствует огромному количе-

¹ Громадные работы с этой целью были произведены в fens графств Кембридж, Бедфорд, Гентингдон и Линкольн. См. Statutes at large, 30 Geo. II, с. 32, 33, 35; 31 Geo. II, с. 18, 19; 32 Geo. II, с. 13, 32; 2 Geo. III, с. 32; 7 Geo. III, с. 53; 13 Geo. III, с. 45, 46, 49, 60; 14 Geo. III, с. 23; 15 Geo. III, с. 12, 65, 66; 17 Geo. III, с. 65; 19 Geo. III, с. 24, 33, 34, etc.

² E. Rigby, Holkham, its agriculture, p. 21—24. Сыновья де ля Рошфуко Лианкур посетили имение в 1784 г. и описали его в своем Voyage en Suffolk, II, lettre du 24. IX. 1784.

³ Léonce de Lavergne, l'Economie rurale en Angleterre, p. 27—29, вкратце восстанавливает историю скотоводческой фермы Dishley Grange. См. Arthur Young, On the husbandry of the three celebrated farmers, Bakewell, Arbuthnot and Ducket (1811).

⁴ F.-M. Eden, State of the poor, I, §34.

ству и высшему качеству мяса. Они поняли, что близок день, «когда мясо вола будут ценить больше, нежели его рабочую силу, и баранину—больше чем овечью шерсть».

В момент появления крупной промышленности фундамент современного земледелия был уже прочно заложен. Оставалось только преодолеть последнее сопротивление рутины, и эту работу выполнили такие люди, как Артур Юнг, которого мы видим разъезжающим с 1767 г. по всей Англии, отмечая изо дня в день, миля за милей, состояние культур, предпринятые улучшения, успехи или неудачи новаторов, положение собственников, арендаторов, рабочих. Когда Юнг предпринял в 1789 г. свое знаменитое путешествие по Франции, то это было сделано только с целью закончить, путем ряда сравнений между Англией и континентом, исследование, которым он занимался уже более 20 лет. Ревностный пропагандист, он оставил, кроме своих дорожных заметок, множество писаний¹: с 1784 г. он редактировал *Annals of Agriculture*, в которых, говорят, не считал ниже своего достоинства сотрудничать король Георг III. Вместе с сэром Джоном Синклером, имя которого заслуживает быть поставленным рядом с его именем, он основал в 1793 г. крупное учреждение, задачей которого было способствовать сельскохозяйственному прогрессу и организовать его: мы разумеем Board of Agriculture, усердным секретарем которого Юнг состоял в течение 30 лет, собирая отовсюду информации и идеи, направляя педантичную инспекцию всех графств королевства². Хотя он постоянно жаловался на медленный

¹ Вот—сводный список их, не содержащий многочисленных статей, появившихся в *Annals of Agriculture* в период времени от 1784 до 1809 г.: *Sylvae, or occasional tracts on husbandry and rural economics* (1767), *The farmer's letters to the people of England* (1767), *A six weeks' tour through the southern counties of England* (1768), *Letters concerning the state of the French nation* (1769), *Essay on the management of hogs* (1769), *The expediency of a free exportation of corn at this time* (1769), *A six months' tour through the North of England*, 4 vol. (1770), *The farmer's guide in hiring and stocking farms* (1770), *Rural Economy* (1770), *The farmer's tour through the East of England*, 4 vol. (1771), *The farmer's calendar* (1771), *Proposals to the legislature for numbering the people* (1771), *Political essays concerning the present state of the British Empire* (1772), *Observations on the present state on the waste lands of Great Britain* (1773), *Political Arithmetic* (I vol. 1774, 2 vol. 1779), *A tour in Ireland, with general observations on the present state of that kingdom*, 2 vol. (1780), *The question of wool truly stated* (1788), *Travels in France, Italy and Spain during the years 1787, 1788 and 1789*, 2 vol. (1790—1791), *Example of France a warning to Britain* (1793), *General view of the agriculture in the county of Suffolk* (1794), *id. in the county of Lincoln* (1799), *Hertfordshire* (1804), *Norfolk*, 2 vol. (1804), *Essex*, 2 vol. (1807), *Oxfordshire* (1809), *The constitution safe without reform* (1795), *An idea of the present state of France* (1795), *National danger and the means of safety* (1797), *An inquiry into the state of the public mind amongst the lower classes* (1798), *The question of scarcity plainly stated* (1800), *Inquiry into the propriety of applying waste lands to the better maintenance and support of the poor* (1801), *Essay on manures* (1804), *On the advantages which have resulted from the establishment of the Board of Agriculture* (1809), *On the husbandry of the three celebrated farmers, Bakewell, Arbuthnot and Duckett* (1811), *Inquiry into the progressive value of money* (1812), *Inquiry into the rise of prices in Europe* (1815).

² Начиная с 1794 г. Board of Agriculture издавал ряд отчетов о состоянии земледелия в различных провинциях. Отчеты эти, которых имеется около сотни, известны под общим заглавием: *Agricultural Surveys*. Среди других изданий

ход самых неотложных улучшений, однако он имел возможность измерить весь уже пройденный путь: движение, руководству которым он отдавал свои силы, не было движением только начинающимся, нерешительным, с неопределенным будущим, а было уже движением могучим, которому предстояло скоро стать непреодолимым. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечесть некоторые из страниц, где Юнг описывает состояние французской деревни накануне революции; оно кажется ему страшно запущенным и жалким, а между тем таково было состояние его собственной страны 50 годами раньше¹.

Артур Юнг и его сотрудники были свидетелями роста крупной промышленности; они понимали, что он находится в связи с тем развитием сельского хозяйства, над которым они неутомимо работали. Они неоднократно наблюдали взаимодействие этих двух великих одновременных фактов². Но при всей своей склонности видеть в сельскохозяйственной реформе дело самых последних лет, — несколько забывая подчас о работах своих предшественников³, — они не сделали бы такой ошибки, чтобы изобразить эту реформу как следствие промышленного движения. Только под конец своей жизни им пришлось быть свидетелями того, как, словно из-под земли, начали вырастать те закоптелые от дыма и многолюдные города, расцвет которых должен был разорить английское сельское хозяйство еще быстрее, чем он его раньше обогатил. Даже прогресс скотоводства, который, очевидно, поощрялся спросом фабричных центров на его продукты, объясняется вначале совершенно иными причинами. Главная задержка, которую он долго встречал, заключалась в трудности прокормить скот зимой, и теперь она исчезла. Затем охрана стад и уход за ними требовали меньшего количества рабочих рук, чем большинство культур. Этого было достаточно, чтобы соблазнить многих фермеров, несмотря даже на то, что в те времена говядина продавалась еще дешево⁴, и потребление ее оставалось сравнительно слабым. К тому же разве Англия не была с незапамятных времен страной пастбищ? Она только стала вновь и более деятельно эксплуатировать один из самых старых источников своего богатства.

Board of Agriculture отметим замечательный General report on enclosures (1808), составленный под редакцией сэра Джона Синклера.

¹ Со своей стороны, во Франции все те, кто в конце старого режима стремились произвести реформу в отечественном земледелии, смотрели на Англию, как на образец: туда посылали молодых людей для изучения агрономии.

² В своих путешествиях Артур Юнг никогда не забывает осведомиться о мастерских и фабриках, отмечает размеры заработной платы и сравнивает ее с платой земледельческих рабочих, старается узнать, увеличивается ли промышленное население в сравнении с сельскохозяйственным или уменьшается и т. д.

³ В 1770 г. Юнг писал: «за последние 6 лет было сделано больше опытов и открытий и приложено к усовершенствованию земледелия больше здравого смысла, нежели за предшествовавшие 100 лет». Rural Economy, p. 315.

⁴ См. Thorold Rogers, History of agriculture and prices in England, VI, 284—306 (эти таблицы, содержащие статистические документы большой ценности, максимально, к несчастью, неудобны для пользования). См. также указания, собранные Артуром Юнгом в его North of England, III, 12, 170, 293—313; East of England, IV, 311—326. В 1770 г. цена говядины колебалась, смотря по местности, между 2 1/2 и 3 1/2 пенсами за фунт.

Применение новых методов встречало одно препятствие: существование open fields. Большинство этих «неогороженных полей» очень плохо возделывалось: пахотные земли, несмотря на периодическое оставление под паром, были истощены однообразным чередованием одних и тех же растений; пастбища, как бы предоставленные самим себе, зарастали вереском и диким терновником. Да и могло ли быть иначе? Каждый земледелец был связан общей рутинной. Севооборот, принятый всем приходом, годился только для известных почв, а другие страдали от него¹. Стада питались сорными травами, и так как здоровый и больной скот пасся без разбора вместе, то создавалась благоприятная почва для эпизоотий². Что касается мелиораций, то всякий, кто попытался бы произвести таковую, был бы разорен. Он не мог дренировать своих полей без согласия и содействия своих многочисленных соседей. Каждая парцелла, ограниченная твердыми пределами, была слишком узка, чтобы ее можно было бороновать в обоих направлениях, как это рекомендовал Иетро Тулль. Чтобы выбрать время для сева по своему желанию, следовало бы начать с упразднения обычая, превращавшего «открытое поле»³ в пастбище на несколько месяцев в году. О том, чтобы предпринять какие-нибудь необычные культуры,—например, посеять клевер там, где раньше сеяли рожь или ячмень,—и думать нельзя было. Прибавьте сюда чрезвычайную запутанность всей системы, споры и вечные тяжбы, бывшие неизбежным ее последствием. Старый фермер, для которого земледелие было только традиционным занятием, полученным по наследству и с грехом пополам кормившим его,—этот фермер мог еще мириться с описанными порядками. Но для нового фермера, который смотрел на земледелие только как на предприятие и точно вычислял его издержки и прибыли, эта вынужденная расточительность, с одной стороны, и фактическая невозможность сделать что-нибудь для повышения доходности, с другой, были просто невыносимы. «Открытое поле» должно поэтому исчезнуть, и вот почему

¹ «Какая система является более варварской, чем система, вынуждающая всех фермеров прихода, занимающих владения, может быть, с совершенно различной почвой, применять один и тот же севооборот?» General report on enclosures, p. 219.

² Н. Homer, An essay on the nature and method of ascertaining the specific shares of proprietors, etc., p. 7.

³ «Как мог бы фермер при всем труде и старании, на какие он способен, осуществить малейшую мелиорацию, пока существует «открытое поле»? Его труд никогда не окупится: его расходы, благодаря разбросанности его земель, будут всегда выше того, что могла бы принести ему его мелиорация, если бы у него нашлись когда-нибудь время и вкус предпринять ее. Он вынужден подчиняться дорогостоящей практике пахоты, даже если земля такова, что ее можно превратить в хорошие пастбища с большим доходом и с вдесятеро меньшими издержками». Board of Agriculture, A view of the state of the agriculture in the county of Rutland, p. 31—32. См. Gentleman's Magazine, 1752 г., p. 454; John Sinclair, An address to the members of the Board of Agriculture, p. 22; Journals of the House of Commons, XXV, 511, XXVII, 70, XXXVII, 71, XXXIX, 904, etc.; J. Tuckett, A history of the past and present state of the labouring population, II, 395.

процесс огораживаний, начавшийся в XVI в., возобновляется в XVIII, чтобы на этот раз уже больше не останавливаться¹.

Между огораживаниями XVI в. и огораживаниями XVIII в. есть одно существенное различие. Первые никогда не пользовались санкцией закона: они были только актами индивидуального захвата², с которыми английское законодательство, — правда, безуспешно, — боролось в течение 150 лет. Напротив, вторые совершались согласно точной процедуре, основанной, по крайней мере в принципе, на согласии заинтересованных лиц. Если все земельные собственники прихода были согласны между собою насчет необходимости произвести огораживание, то им достаточно было собраться и подписать полюбовный акт (*deed of mutual agreement*), который, по регистрации в Канцлерском суде, получал исполнительную силу без всяких дальнейших формальностей³. Если соглашение не было единодушным, то требовалось вмешательство государственной власти. Все без исключения акты об огораживании, внесенные в *Statute Book* (собрание узаконений), соответствуют тем случаям, когда единодушные правомочных лиц не было достигнуто. Но законодательный аппарат не приходил в действие по собственной инициативе. И вот тут-то мы увидим сейчас, по чьим ходатайствам и в чьих интересах происходили огораживания.

Крупные землевладельцы первыми предприняли систематическую эксплуатацию своих поместий согласно правилам новой агрономии. И именно они наиболее нетерпеливо переносят сервитуты «открытого поля». От них же исходит почти всегда инициатива подачи петиции в парламент, с просьбой принять акт об огораживании⁴. Обыкновенно они начинают с того, что устраивают между собою совещание и выбирают атторнея (адвоката), которому поручают руководить юридической стороной операции. Затем они созывают на общее собрание всех земельных собственников. В этом собрании решает дело не большинство: голоса считаются здесь пропорционально

¹ Раздел общинных угодий проповедывался по тем же соображениям. В одной анонимной брошюре, появившейся в 1744 г. под заглавием: *A method humbly proposed to the consid ration of the honourable the members of both Houses of Parliament, by an English woollen manufacturer*, мы читаем: «В некоторых частях королевства имеются еще большие необработанные пространства, которые превратились бы в хорошие пахотные земли и хорошие пастбища, если бы их разделили и огородили». Раздел и продажа общинных угодий должны были, по словам автора брошюры, принести по крайней мере 7 млн. ф. ст. Для поощрения покупателей он предлагал присваивать приобретателям нескольких участков титулы джентри (эсквайра — при покупке двух участков, рыцаря — при покупке четырех и баронета — при покупке восьми участков).

² Карл Маркс награждает их энергичнейшими эпитетами, характеризуя их как акты грабежа, организованного воровства: «В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа...» (*Das Kapital*, 3-е изд., I, 749). См. русский перевод (*К. Маркс, Капитал*, т. I, 1936, стр. 622). W. J. Ashley показывает в своей книге «*Introduction to English economic history and theory*», II, 50, что выселение фермеров, сидевших на своей земле только в силу обычая, могло совершаться без прямого нарушения какого-нибудь признанного права.

³ *H. Homer*, *An essay on the nature, an method of ascertaining the specific shares of proprietors*, p. 42.

⁴ *A. Young*, *North of England*, I, 222.

площади, которую владеет каждый из участников собрания. Для приемлемости петиции число подписавшихся имеет мало значения, но они должны представлять $\frac{4}{5}$ всех подлежащих огораживанию земель¹. Владеющие последней пятой частью довольно многочисленны, подчас—наиболее многочисленны². Можно привести примеры петиций, подписанных двумя или тремя именами, даже одним. Правда, это имена важные, внушительные, сопровождающиеся титулами, которые рекомендуют их особому вниманию парламента³. Если нельзя обойтись без согласия нескольких мелких землевладельцев, то его просят у них в такой форме, что они не могут отказать. С предложением о подписи петиции являются к ним местные важные персоны: владелец поместья (*lord of the manor*), приходский священник, джентльмены, живущие на своих землях⁴, и делается это предложение, несомненно, скорее тоном приказа, чем просьбы. Если они упираются, им грозят, и они дают свою подпись,—иногда с тем, чтобы взять ее потом назад⁵. К этим средствам приходится, впрочем, редко прибегать. Крестьянин не смеет даже выказать свое недовольство, он пуще всего боится «вступить в столкновение с теми, кто стоит выше его»⁶.

Раз петиция подписана, она подается в парламент. Здесь начинается ряд дорогостоящих формальностей: расходы по ним покрывают богатые собственники⁷. Парламент всецело на стороне этих

¹ *H. Homer*, *ouvr. cité*, p. 43.

² В 1801 г. в Квентоне (гр. Бекингем) было 34 земельных собственника: 8 требуют огораживания, 22 отвергают его, 4 остаются нейтральными. Восемь первых платят все вместе 203 ф. ст. 5 ш. 11 $\frac{3}{4}$ п. поземельного налога, 22 отвергающих предложение об огораживании платят 39 ф. 12 ш. 6 $\frac{1}{4}$ п.; иначе говоря, для первой группы получается средняя в 25 ф. 8 ш. 3 п. на человека, для второй— 4 ф. 16 ш. *Journ. of the House of Commons*, LVI, 544. См. *Ibid.*, XXIII, 559.

³ Петиция графов Дерби и Эйлесфорд об огораживании Меридена (Барвикшир), *Journ. of the House of Commons*, XXXIX, 904. Петиция герцога Мальборо об огораживании Весткота (Бекингемшир), *Ibid.*, XXX, 56.

⁴ Подпись владельца поместья требовалась обязательно. См. *H. Homer*, *ouvr. cité*, p. 43. Вот очень характерное начало одного протокола о представлении палате общин одной из таких петиций: «Петиция Вилльяма Сэттона и Эдмунда Бантинга, дворян, лордов сеньерии Фейсби в Клевленде, в графстве Йорк; Вилльяма Дивон, церковника, викария приходской церкви указанной местности и сэра Вилльяма Фулис—баронета; Эдварда Вильсона, Франсуа Тофема и Мэттью Дюана, эсквайров, Джона Ричатсона и Давида Бартона, дворян Маргарет Аллили и Мери Аллили, вдов,—фригольдеров, каждый из них, и земельных собственников в указанной сеньерии... и т. д.». *Journ. of the House of Commons*, XXV, 511.

⁵ В петиции от нескольких земледельцев в Winfrith Newburgh (гр. Дорсет) мы читаем: «Некоторые из петиционеров были вынуждены, под влиянием угроз, подписать петицию об огораживании, но, обдумав затем этот предмет и принимая во внимание разорение, угрожающее им от огораживания, они просят разрешения взять назад свое видимое согласие с названной петицией». *Journ. of the House of Commons*, XXXI, 539.

⁶ *St. Addington*, *An inquiry into the reasons for and against enclosing the open fields*, p. 24—25.

⁷ См. Отчет о необработанных землях (1800) в *Journ. of the House of Commons*, LV, 392. Парламентские пошлины (*parliamentary fees*), требовавшиеся для вотивирования акта об огораживании, поднимались в среднем до 85 ф. ст. 10 ш. Сюда надо прибавить гонорары стряпчим и адвокатам, затем расходы посылке свидетелей в парламентскую комиссию, которой поручено обследование и т. д.

последних. Разве он не состоит из их уполномоченных, из их друзей, даже их родственников? Главы старых аристократических фамилий, заседающие в палате лордов, как и провинциальные дворяне, наполняющие палату общин, являются представителями крупной земельной собственности. Часто билль изготавливается немедленно, без предварительного расследования¹. Если же палата предписывает произвести расследование, то оно почти всегда приводит к заключениям, совпадающим с желаниями петиционеров. Контрпетиции имеют успех лишь в одном случае: когда они также исходят от лиц, принадлежащих к собственническому и правящему классу. Возражения владельца поместья, не желающего поступиться ни одним из своих прежних прав, возражения приходского священника, который требует компенсации за свою церковную десятину, имеют шансы на благоприятный прием². Если одно лицо владеет пятой частью площади, которую предполагается огородить, то его противодействия достаточно, чтобы остановить всю процедуру³. Таким образом, то, что сделано крупными земельными собственниками, только крупные же земельные собственники могут расстроить.

Но вот акт об огораживании принят парламентом. Хотя текст его бывает обыкновенно очень длинный и изобилует сложными статьями, однако он устанавливает только общие условия операции: урегулировать ее детали можно только на месте, в присутствии заинтересованных лиц. Остается еще выполнить большую, и притом весьма щекотливую, работу: надо отправиться на место, чтобы констатировать состояние всех владений, измерить все парцеллы, из которых они состоят, оценить их доходность и определить относительную ценность прав, которые каждый имеет на общинные угодья, затем—взять всю территорию прихода (и «открытое поле» и общинные угодья) и выкроить из нее части, равноценные раздробленным владениям, которые они должны заменить; распределить, если нужно, денежные компенсации; предписать устройство оград, которые будут отделять впредь владения друг от друга и наблюдать за выполнением этого дела; руководить осуществлением работ общественно-полезного характера, предусматриваемых актом, как дополнение к огораживанию: работ дорожных, осушительных, оросительных⁴. В общем надо произвести на протяжении прихода настоящую революцию, взять, так сказать, в свои руки землю, чтобы совершенно заново распределить ее между собственниками, не нанося в то же время ущерба преж-

Согласно Lecky (History of the XVIIIth century, VI, 199). общий итог расходов по проведению частного билля об огораживании колебался между 180 и 300 ф. ст.

¹ См. Journ. of the House of Commons, XXV, 285, 494, XXX, 56, etc.

² Петиция герцога Дорсетского и мэра городка Stratford-sur-Avon против огораживания Shottery (графство Варвик), Journ. of the House of Commons, XXXII, 304. Билль об огораживании аннулируется. Примеры поправок к биллю как внимание к ходатайству викария—Ibid., XXV, 236, и XLIII, 317. Иногда, напротив, землевладельцы жалуются на то, что викарию присуждена слишком большая компенсация—Ibid., XLVIII, 217 (петиция W. Willder против огораживания прихода Peopleton в Ворчестершире).

³ A. Young, North of England I, 225.

⁴ H. Homer, An essay on the nature and method, etc., p. 44 и сл.—Sir John Sinclair, General report on the present state of waste lands (1800). Journ. of the House of Commons, LV, 384.

ним правам каждого из них. Чтобы вполне справедливо произвести этот раздел, чтобы избежать ошибок и произвола, сколько требуется тщательности и заботы о мелочах, сколько точности в оценках, и в то же время—какое требуется нелицеприятие, какое полное бескорыстие!

Эти функции, столь важные и столь трудные, вверялись особым комиссарам, в числе трех, пяти или семи¹, которые во всем, что касалось огораживания, пользовались неограниченными полномочиями. «Им принадлежит,—говорит Юнг,—своего рода деспотическая власть. Они являются как бы абсолютным монархом, в руки которого передаются все земли прихода, для того чтобы он их перетасовал и перераспределил по своему усмотрению²». Решения их долго признавались безапелляционными. Чрезвычайно важно поэтому знать, кто были эти комиссары, откуда они являлись, кто их назначал? В принципе они получили свои полномочия от парламента: имена их фигурировали в акте об огораживании; такова, по крайней мере, была практика, начиная с 1775 г.³ Но так как дело шло о местных вопросах, которыми парламент мало интересовался и в которых он ничего не понимал, то комиссары фактически намечались лицами, подписавшими петицию. Другими словами, выбор их, как и все, что ему непосредственно предшествовало, зависел всецело от крупных собственников. Здесь еще раз появляются те же самые лица: «Ленд-лорд, приходский священник и немногие из главных общинников монополизируют и распределяют назначения⁴. Они выбирают вполне преданных им людей, если не предпочитают заседать сами⁵. Всомогущество комиссаров—это их собственное всомогущество. Надо ли удивляться, что они пользовались им в своих интересах?

Злоупотребление было настолько очевидно, что против него энергично выступили даже самые решительные сторонники огораживаний, которых отнюдь нельзя было заподозрить во враждебном отношении к крупной земельной собственности. Артур Юнг требовал в 1770 г., чтобы комиссары выбирались собранием всех землевладельцев и были ответственны перед судами⁶. Протест его остался, однако, бесплодным: лишь в 1801 г., когда был обнародован общий закон, долженствовавший окончательно закрепить положения, общие всем актам об огораживаниях⁷,—лишь тогда были приняты меры для предупреждения наиболее вопиющих несправедливостей. Решено было запретить отправление функций комиссара «владельцу поместья, его управляющим, арендаторам и агентам, состоящим у него на службе или оставившим эту службу в течение последних трех лет, а равно и всякому лицу, собственнику или не-собственнику, имеющему

¹ *H. Homer*, ouvr. cité, p. 60. Board of Agriculture, General report on enclosures (1808), p. 72.

² *A. Young*, North of England, I, 226.

³ См. Journ. of the House of Commons, XXXV, 443.

⁴ *J. Billingsley*, A general view of the agriculture in the county of Somerset, p. 42.

⁵ Report respecting the persons to be appointed commissioners in bills of enclosure, p. 4 (1801).

⁶ *A. Young*, North of England, I, 232.

⁷ 41 Geo. III, c. 109.

какие-либо права на земли, которые подлежат огораживанию»¹. Отныне комиссары обязаны были принимать все возражения и заносить их в свои протоколы. Наконец, всякое лицо, считавшее свои интересы неправильно задетыми, получило право принести апелляцию на решение комиссаров в съезды мировых судей (так называемые четвертные сессии)². Эти запоздалые предписания позволяют догадываться о том, сколько актов ограбления было безнаказанно совершено в течение столетия.

VIII

Мелкий земледелец, для которого его поле—не капитал, а только средство прокормиться, присутствует, как бессильный зритель, при всей этой перетасовке, где поставлены на карту сохранение его собственности и самые условия его существования. Он не в силах воспрепятствовать комиссарам отдать лучшие земли тем, которые богаче его. Он вынужден принять участок, который ему отводят, хотя бы не считал его равноценным тому, чем владел раньше. Он теряет свои права пользования общинными угодьями, которые отныне будут поделены; правда, ему отводят часть этой общей земли, но отводят пропорционально числу голов скота, которые он посылал пастись на «пустошь сеньера». Следовательно, и в этом случае кто больше имел, тот больше и получает. Вступив во владение своим новым участком, иомен должен окружить его изгородью, на что ему требуется потратить и труд и деньги. Затем ему приходится заплатить свою долю в общих расходах по огораживанию,—расходах, часто весьма значительных³. Из всех переделок он не может не выйти обедневшим, если не обремененным долгами⁴.

Что касается коттера, поденщика, который только благодаря чужому снисхождению⁵ жил на общинной земле, собирал здесь жворост и, быть может, выкармливал дойную корову, то у него

¹ Report respecting the persons to be appointed commissioners, p. 4.

² *Sir John Sinclair*, Report on the state of waste lands, Journ. of the House of Commons, LV, 382; Report from the Committee appointed to amend the standing orders... respecting the bills of enclosure (1801), Journ. of the House of Commons, LVI, 663.

³ Цифра в 2 тыс. ф. ст. считалась средней. См. General report on enclosures, p. 331—334.

⁴ *St. Addington*, An inquiry into the reasons for and against enclosing the open fields, p. 35.

⁵ Маркс заблуждается, когда пишет: «Сэр Ф. М. Eden, изображающий общинную собственность как частную собственность крупных землевладельцев, вступивших место феодалов, сам опровергает свою хитро построенную адвокатскую речь, требуя «общего парламентского акта об огораживании общинных земель», признавая, следовательно, что для их превращения в частную собственность необходим парламентский coup d'état, и, с другой стороны, настаивая на законодательном «возмещении убытков» для экспроприированных бедных» (*Das Kapital*, I, 79). [См. русский перевод, *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1936, стр. 622.—*Ред.*]. Во-первых, общий акт об огораживании отнюдь не имел своим назначением санкционировать раздел общинных угодий, а лишь ввести единообразие в его процедуру; во-вторых, выдача кому-либо известной суммы в возмещение за основанное на обычае пользование не подразумевает признания за ним права в собственном смысле слова.

сразу отнимали все, чем он, по его мнению, владел. Он не имел даже права жаловаться, ибо, в конце концов, общинные угодья были чужой собственностью. «Утверждать, что бедных обкрадывают,— кричал в один голос имущий класс,— значит выставить ложный аргумент, ибо они не имеют законного титула на пользование общинными угодьями»¹. Бесспорно, это так, но все же они пользовались до тех пор фактическим положением вещей, освященным долгим обычаем. Некоторые утверждали, что выгоды этого положения сводились к весьма немногому и что потеря их не могла чувствительно уменьшить благосостояние коттеров². Однако сам закон признавал, повидимому, серьезность нанесенного им ущерба: один акт 1757 г. предписывал комиссарам по огораживанию внести известные суммы возмещения органам призрения бедных, «дабы притти на помощь нуждающимся в тех приходах, где находились общинные пустоши, леса и пастбища, подлежащие ныне огораживанию»³. Здесь признавался факт, что раздел общинных угодий создавал нуждающихся. Иногда шли еще дальше. Для пользования наиболее бедных жителей прихода, для безземельных коттеров, оставляли участок нераздельной земли⁴ или же, наоборот, им раздавали небольшие парцеллы, чтобы они могли пасти на них свой жалкий скот⁵. Компенсации эти давались редко⁶ и к тому же были призрачны: раздаваемые таким образом клочки были настолько малы, настолько недостаточны, что крестьяне старались при первом подходящем случае сбыть их за небольшие деньги. И случай этот обыкновенно не заставлял себя долго ждать.

Ибо с окончанием огораживания, с выделением участков и возведением изгородей вокруг каждого владения не все еще кончено. Крупные собственники не извлекли еще из операции всех выгод, на которые они рассчитывают. После упрочения своих владений они стараются округлить их, и когда захватывать больше нечего, они прибегают к покупке. Одни хотят увеличить площадь своих возделан-

¹ *Matthew Boulton*, Письмо лорду Гоксбери, от 17 апреля 1790 г., цитированное *S. Smiles*, *The lives of Boulton and Watt*, p. 168. См. *H. Homer*, *ouv. cité*, p. 23.

² «Выгоды, извлекаемые бедными коттеджерами из общинных угодий, больше кажущиеся, чем реальные. Вместо того, чтобы посвятить себя правильному труду, который дал бы им возможность купить себе топливо, они проводят время в собирании немногих сухих сучьев... (Одна или две худые свиньи и несколько бродячих гусей... покупаются слишком дорогой ценой времени и забот, которых они стоят, и добавочного корма, который приходится еще покупать для них). *F. M. Eden*, *State of the poor*, I, XIX.

³ 31 Geo. II, с. 41.

⁴ См. акт об огораживании прихода *Walton-upon-Thames* и сеньерии *Walton Leigh* (гр. Сэррей), 40 Geo. III, *Local and personal public Acts*, с. 86. Всякое лицо, занимающее коттедж, наемная плата которого не превышает 5 ф. ст. в год, будет пользоваться резервированными землями, с правом выпаса, рубки леса и т. д. Земли эти должны были иметь общую площадь в 260 акров.

⁵ Закон 1801 г. (41 Geo. III, с. 109) предусматривает (ст. 13) образование такого рода мелких участков (*allotments*).

⁶ «Редко получают они какую-нибудь компенсацию. Собственник, признающий только свой интерес, не упускает случая отметить, что они не имеют никакого права на выгоды, которыми раньше пользовались, и что пользование ими разрешалось им лишь из милости». *H. Homer*, *ouv. cité*, p. 23.

ных полей или своих пастбищ, другие мечтают о расширении своих парков и мест для охоты¹; некоторые «покупают хижины, окружающие их замки, единственно для того, чтобы снести их, так как они не любят соседства бедных людей»². Затем, рядом с лицами, уже владеющими крупной земельной собственностью, есть и такие, которым хотелось бы стать крупными землевладельцами: купцы, финансовые дельцы, а позже и промышленники. Момент благоприятен. Перетасовка земельных владений внесла колебания в ряды класса, отличавшегося наиболее прочной и верной привязанностью к земле. Иомен, честный, трудолюбивый, но поклонник рутины, мало предусмотрительный, с ограниченным кругозором, сбит с толку происходящими вокруг него переменами и видит, как над ним нависла грозная опасность от конкуренции сельскохозяйственных предприятий, ведущихся согласно новым методам. И потому ли, что он падает духом, или же потому, что он предпочитает искать счастья в другом месте, во всяком случае он поддается искушению и продает свою землю³.

Почти везде огораживание «открытых полей» и раздел общинных угодий имели своим последствием продажу многих земельных владений. Огораживания и «скупка ферм» представляют собою два факта, которые современники считают неразлучными, обрушиваются ли они на них с нападками, или выступают, напротив, в их защиту. Одно не подлежит сомнению: что во второй половине XVIII в. число ферм сильно убавилось. Мы видим примеры, что какая-нибудь деревня графства Дорсет, где в 1780 г. насчитывалось еще десятка три ферм, оказывается через 15 лет вся в руках двух собственников, или что в каком-нибудь приходе Герфордшира три землевладельца сосредоточили в своих руках 24 фермы, площадью от 50 до 150 акров каждая⁴. Один апологет огораживаний, мало склонный преувеличивать их дурные результаты, исчисляет количество мелких ферм, поглощенных крупными в промежуток времени между 1740 и 1788 гг. в 4—5 ферм в среднем на приход, — другими словами — в 40—50 тыс. на все королевство⁵. Вот самый существенный факт, несомненно гораздо более важный, чем раздел общинных угодий, хотя он гораздо меньше волновал общественное мнение того времени. Процесс этот совершается путем множества частных сделок без шума: ни парламенту, ни местным властям нет надобности в него вмешиваться,

¹ Граф Дорчестер, скупив весь приход Abbey Milton (Дорсетшир), сносит деревню и выкапывает на ее месте прудок для рыбы. *F. M. Eden, State of the poor*, II, 18.

² *F. A. Wendeborn, A view of England towards the close of the XVIIIth century*, II, 287.

³ «Управитель поместья не преминет тщательно осведомляться о намерении мелких землевладельцев (фригольдеров) продать свои земли. Он должен будет стараться приобрести их на возможно более подходящих условиях, для удобства и выгоды своего хозяина». *E. Laurence, The duty of a steward to his lord*, p. 36 (17-7).

⁴ Деревня Дарвестон; *F. M. Eden, State of the poor*, II, 148; *Th. Wright, A short address on the monopoly of small farms*, p. 3—5.

⁵ *J. Howlett, The insufficiency of the causes to which the increase of the poor and of the poor rates have been commonly ascribed*, p. 42.

он проходит, так сказать, незаметно. Но в действительности он составляет конечную цель, к которой направлены усилия крупных земельных собственников; со всем своим юридическим аппаратом огораживания являются в сущности только средством заставить земледельцев продать свои земли или средством повысить доходность поместий, увеличенных недавними приобретениями. Исчезновение от 40 до 50 тыс. ферм в 50-летний срок,—эта, повидимому непреувеличенная, цифра показывает, какой серьезной перестройке подверглась земельная собственность в течение этого полувека.

Правда, исчезновение фермы не соответствует непременно исчезновению земельного владения: оно может быть результатом простой перемены в способе эксплуатации. Но эта перемена сама по себе означает революцию: по мере сокращения площади мелкого земледелия мы присутствуем, как и в XVI в., при расширении пастбищ¹.

Англия долго считалась страной, богатой хлебом: она не только производила его в количестве, достаточном для потребления собственного населения, но и вывозила его за границу, особенно в Португалию². Около 1765 г. этот экспорт слабеет: с 220 тыс. кварталов³ в год он падает до нескольких тысяч. Напротив, ввоз быстро растет и достигает годовой средней в 360 тыс. кварталов. Разница сама по себе незначительная, но, тем не менее, она отмечает собой эпоху в экономической жизни Англии. Английская почва не может больше прокормить занимающее ее население, и оно вынуждено часть своих необходимейших продовольственных средств доставать за границей⁴. И если сношения Англии с чужими странами прерываются, то ей грозит голод: это можно было наблюдать во время великой континен-

¹ В. Кеннингэм (*Growth of English industry and commerce*, II, 2-е изд., стр. 384 и 486) оспаривает этот факт и напоминает, что последние годы XVIII в. и начало XIX, до самого конца континентальной войны, были периодом процветания для производителей хлеба. Но в том-то и дело, что это процветание явилось результатом случайных причин (войны, миланского декрета Наполеона I и т. д.), действовавших в направлении, обратном экономической эволюции.

² См. *De Foë*, *Tour*, III, 77.

³ Квартер—мера веса, равная 254 кг. См. *Board of Agriculture, General Report on enclosures* (1808), p. 107 и 355.

⁴ Мы должны констатировать, что эта перемена не была следствием искусственных или случайных причин. 1) Английская таможенная политика испытала в 1773 г. изменения, которые не могли не отразиться на хлебных ценах. В самом деле, до этого года закон, бывший в силе с 1689 г. (*I Guill. et Marie*, st. I, c. 12), поощрял хлебный вывоз посредством системы премий, начинавшей функционировать, как только цена квартера пшеницы на лондонском рынке опускалась ниже 48 шилл. В 1773 г. система эта была оставлена и, напротив, стали поощрять ввоз: с этой целью взимание ввозной пошлины должно было приостанавливаться впредь, как только цена квартера пшеницы превысит 48 шилл. (*Journal of the House of Commons*, XXXIV, 30). Надо иметь, однако, в виду, что уменьшение хлебного вывоза началось еще до того, как эта мера была принята; самое решение отменить ввозную пошлину было принято потому, что Англия страдала в этот момент от неурожая. (См. *J. Arbuthnot, An inquiry into the connection between the present price of provisions and the size of farms*, 1773.) 2) Эта нужда была фактом, быть может, чисто случайным. Совершенно верно, что между 1765 и 1775 гг. цена пшеницы, колебавшаяся с 1700 г. между 30 и 40 шилл. (оставляя в стороне некоторые исключительные годы, как 1709, 1710 и 1757), поднялась до 60 и 65 шилл. (См. таблицы *Audit Book* Этонского колледжа, опубликованные Туком в *Hist. of Prices*, II, 387—389; *F.-M. Eden, State of the poor*, III,

тальной войны, когда цена пшеницы за менее чем 10-летний промежуток времени поднялась с 47 до 128 шилл.¹.

Как объяснить себе то явление, что Англия испытывает недостаток в хлебе как раз в тот момент, когда ее земледелие ставится в образец всей Европе, когда распашка нови, земельная меллиорация и применение новых приемов удваивают во всех графствах ценность земельных владений? Объясняется оно тем, что хлебопашество находится в пренебрежении, если не совсем брошено. С 1760 до 1800 г. площадь хлебных посевов не только не расширяется одновременно с ростом населения, а еще сокращается на несколько тысяч акров². Напротив, пастбища расширяются, захватывая все пространство, выгаданное на пустовавших раньше общинных землях. «Выгода от огораживания, — пишет Адам Смит, — гораздо значительнее для пастбища, чем для пашни. Оно сберегает труд по присмотру за скотом, который к тому же пасется лучше, когда его не тревожит ни пастух ни его собака»³. Скотоводческая ферма требует меньших расходов на рабочие руки, нежели земледельческая, а дохода приносит больше⁴. Графство Лейстер, славившееся некогда своими обильными урожаями, в конце XVIII в. почти все покрыто пастбищами и искусственными лугами; больше половины графства Дерби, три четверти графства Честер, три четверти графства Ланкастер находятся под травами⁵. То же явление наблюдается во всей стране. Стада начинают опять вытеснять людей, и со всех сторон поднимаются те же жалобы, которыми Англия оглашалась в XVI в.

LXXV—LXXVIII; *Rickman*, Abstract of the answers and returns to the Population Act 11 Geo. IV, I, LII.)

Указанное повышение цен, которое современники объясняли самым различным образом, было, повидимому, просто результатом ряда неурожаяев, ибо оно наблюдалось одновременно во всей Европе и ослабевало после каждого более урожайного года, например, после лета 1775 г. Следовательно, в конечном итоге, ключ к решению проблемы дает как будто метеорология. 3) Плохие урожаи были бы достаточны для объяснения временного кризиса, приостановка взимания ввозной пошлины может объяснить прилив иностранных хлебов. Но если бы нормальное производство хлебов в Англии не сократилось, то высокий уровень цен не удержался бы, и раз они бы опустились ниже 8 шилл., то ввоз был бы остановлен действием предусмотренных в этом случае пошлин. Между тем с 1775 до 1795 г., т. е. до огромного повышения цен в конце столетия, средняя цена, согласно счетам Итонской школы, составляла около 45 шилл. Это сравнительно высокая средняя объясняется, очевидно, несоответствием предложения и спроса, расхождением между размерами роста народонаселения и увеличения производства хлебов, — расхождением, пока еще не особенно резко выраженным, но уже заметным.

¹ 1792—47 ш. 1 ¹ / ₄ п.	1796—80 ш. 3 п.	1800—127 ш. —
1793—49 » 6 ³ / ₄ »	1797—62 » —	1801—128 » 6 п.
1794—54 » —	1798—54 » —	(<i>Tooke</i> , History of prices, II, 389).
1795—81 » 6 »	1799—75 » 8 п.	

² Board of Agriculture, General report on enclosures, p. 229—231 и 232—252. Сравнивая цифры, устанавливаем уменьшение на 6 тыс. акров, — итог, скорее преуменьшенный, чем преувеличенный.

³ *A. Smith*, Wealth of nations, p. 69 (éd. Mac. Culloch).

⁴ *A. Young*, The farmer's letters, p. 95.

⁵ *J. Aikin*, A description of the country round Manchester, p. 18, 44, 69—70; *F. M. Eden*, State of the poor, II, 531; *W. Pilkington*, A view of the present state of Derbyshire, I, 301.

Акты об огораживании встретили мало действительного противодействия: причина нам уже известна. Те, кто имел всего больше оснований жаловаться, едва осмеливались поднять свой голос. Если же они отваживались заявить претензии, апеллировать к справедливости парламента, то их шаг не мог иметь иных последствий, кроме бесплодных расходов, уплаты канцелярских пошлин, расходов на экспертизу, гонораров стряпчим и адвокатам. Часто они ограничивались отказом дать свою подпись под петицией, составленной крупными землевладельцами, их соседями, но и тут они спешили заявить, что не делают оппозиции¹, — комическая и в то же время грустная черта, в которой мы узнаем вечный трепет и согнутую спину мужика, привыкшего получать удары даже в свободной Англии. Формальные протесты были, следовательно, довольно редки. Некоторые такие протесты, однако, дошли до нас: одни из них нападают на самый принцип огораживания, «крайне убыточного для петиционеров и клонящегося к разорению очень многих из их числа, в особенности самых бедных»², другие жалуются на способ его практического проведения, «пристрастие и несправедливость которого наносят вред нижеподписавшимся в частности и всему обществу вообще»³. Начиная с 1760 г., эти протесты учащаются и становятся более энергичными. Временами сдержанный гнев поселян прорывается наружу в виде внезапных актов насилия. В некоторых приходах объявление о предстоящем огораживании вызывает бунты. Нет возможности вывесить на дверях церквей предписанные законом объявления «вследствие многократного противодействия шумных толп, которые силой препятствуют наклею объявлений». Судебный пристав, которому поручено это дело, наталкивается на угрожающие сборища, вооруженные палками и вилами; в одной сэффолькской деревне у него три воскресенья подряд вырывают из рук объявления, бросают его в канаву, швыряют в него камнями⁴.

Это сопротивление, обычная робость которого нарушается инцидентами, подобными вышеописанным, могла, конечно, иметь своей причиной просто инстинктивную боязнь перемен. Но вот перед нами целая литература, старающаяся обосновать его разумными доводами и фактами⁵. Она показывает, что огораживания имеют своим резуль-

¹ Факты этого рода очень часты. См., например, Journ. of the House of Commons, XXX, 607, 608, 613, etc.

² Journ. of the House of Commons, XXVIII, 1031; XXIX, 563 и 612; XXXI, 539.

³ Journ. of the House of Commons, XXXIII, 459.

⁴ Journ. of the House of Commons, LVI, 333, LVIII, 387.—Объявления, извещающие заинтересованных лиц о том, что билль об огораживании скоро пройдет через парламент, должны были вывешиваться несколькими неделями раньше (см. Ibid., XXXV, 443).

⁵ Библиотека Британского музея содержит очень богатую коллекцию памфлетов об огораживании; особенно много появилось их в период с 1780 до 1790 г. Вот заглавия нескольких из наиболее интересных: An inquiry into the advantages and disadvantages resulting from the bills of enclosure (1780); Observations on a pamphlet entitled: «An inquiry into the advantages etc.» (1781); A political inquiry into the consequences of enclosing waste lands (1785); Cursory remarks upon enclosures, showing the pernicious and destructive consequences of enclosing common fields (1786). British Museum, T. 1945—1950.

татом скупку земель богатыми людьми, она приписывает им все бедствия того времени: дороговизну необходимейших жизненных припасов, деморализацию низших классов и усиление нищеты. «Нередко можно наблюдать, что четыре или пять богатых скотоводов захватывают целый приход, недавно еще разделенный между тридцатью или сорока фермерами и таким же количеством мелких арендаторов или мелких собственников; все эти лица оказываются сразу выброшенными из своего гнезда, а вместе с ними выбрасывается и ряд других семейств, занятие и заработок которых зависели почти исключительно от них: кузнецы, плотники, тележники и другие ремесленники, не считая уже поденщиков и батраков»¹. Но мало того, что мелкий собственник перестает владеть землей и опускается до положения коттера, если он не эмигрирует; мало того, что коттер сгоняется вон с общинной земли: крупные хозяйства требуют сравнительно мало рабочих рук, и земледельческие рабочие остаются без занятий². Деревни пустеют. «Фермерские усадьбы сносятся или же им предоставляют самим развалиться, на их месте остается только гумно. Деревни теряют своих обитателей»³. Отзвук этих жалоб и упреков мы находим в поэме Гольдсмита: «Опустевшая деревня» (1769).

Sweet smiling village, loveliest of the lawn,
 Thy sports are fled, and all thy charms withdrawn:
 Amidst thy bowers the tyrant's hand is seen,
 And desolation saddens all thy green:
 One only master grasps the whole domain...—
 And, trembling, shrinking from the spoiler's hand,
 Far, far away thy children leave the land...—
 Where, then, ah! where shall poverty reside,
 To 'scape the pressure of contiguous pride?
 If to some common's fenceless limits strayed,
 He drives his flock to pick the scanty blade,
 Those fenceless fields the sons of wealth divide
 And even the bare-worn common is denied...—
 Ye friends to truth, ye statesmen who survey
 The rich man's joys increase, the poor's decay—
 'Tis yours to judge, how wide the limits stand
 Between a splendid and a happy land... —
 Ill fares the land, to hastening ills a prey,
 Where wealth accumulates, and men decay:
 Princes and lords may flourish, or may fade—
 A breath can make them, as a breath has made;

¹ *Stephen Addington, An inquiry into the reasons for and against inclosing the open fields, p. 38.*

² К тому же результату приводило усовершенствование способов земледельческой обработки. «Сорок лет тому назад плуг тащили четыре лошади, и управляли им двое взрослых мужчин или, по меньшей мере, один взрослый мужчина и один мальчик. В настоящее время во всем графстве один плуг занимает только одного взрослого мужчину и пару лошадей, без погонщика, и, насколько я могу судить, этот человек и две лошади выполняют столько же работы, сколько прежде выполняли два человека и четыре лошади». *G. Buchan Herburn, A general view of the agriculture in East Lothian (1794), p. 114.*

³ *An inquiry into the causes of the present high price of provisions (1767), p. 114. См. David Davies, The case of the labourers in husbandry (1795), p. 35—36; Gentleman's Magazine, LXXI, 809.*

But a bold peasantry, their country's pride,
When once destroyed, can never be supplied¹.

Огороживания имеют и своих апологетов, которые настаивают на их бесспорных выгодах и селятся доказать, что большинство приписываемых им зловредных действий существует только в воображении. Наиболее убежденными их защитниками являются агрономы, для которых распределение земельной собственности имеет гораздо меньшее значение, чем ее производительность. В их глазах один аргумент первенствует над всеми прочими: крупные хозяйства наиболее благоприятствуют успехам теоретического и практического земледелия. Артур Юнг сравнивает крупные фермы с крупными мастерскими и, процитировав из Адама Смита знаменитое место о производстве булавок, он прибавляет: «Земледелие не допускает такого строгого разделения труда, так как невозможно, чтобы один человек всю свою жизнь только сеял, другой—пахал, третий—делал изгороди, четвертый—мотыжил и т. д. Но чем больше мы приближаемся к такому положению вещей, тем лучше. Между тем разделение труда может иметь место только в крупной ферме: в мелкой один и тот же человек одновременно и пастух, и присматривает за волами, и пахарь, и сеятель. В течение дня он десять раз меняет род своего труда и предмет своего внимания и потому не приобретает специальной способности ни к одной отдельной работе»². Земли именов плохо обрабатываются, это—«приют рутины и убожества»³. Крупный

¹ «Милая, приветливая деревня, восхитительнейшая во всей долине, сокрылись твои игры, ушло все твое очарование; на твои рощи налегла рука тирана, и запустение придает печальный вид твоей зелени: один господин захватил все поместье... И, дрожа, отступая перед рукою хищника, твои дети покидают родной край и уходят далеко, далеко... Но где же, где жить бедняку, чтобы укрыться от гнета надменного соседа? Если он погонит свое стадо на общинные земли, чтобы дать ему пощипать немного травы, то богачи делят между собою эти неогороженные поля и отнимают у бедняка даже скудный выгон... Вам, друзьям истины, вам, государственным людям, наблюдающим, как радости богача растут, а у бедняка их становится все меньше, вам следовало бы подумать о том, какая пропасть отделяет блестящую по внешности страну от страны счастливой... Горе стране, быстро идет она навстречу гибели там, где богатства накапливаются, а люди приходят в упадок: князья и лорды могут расцвести или увядать, одно дуновение может возродить их, как одно дуновение их создало, но отважное крестьянство, гордость страны, раз уничтоженное, не может больше возродиться» (*Oliver Goldsmith, The deserted village (1770)*, стихи 35, 64, 265—82, 303—303). Трудно поверить, что эти стихи не были навеяны зрелищем огороживаний; между тем кое-кто утверждал это. «Опустевшие деревни, писал в 1800 г. *F. Morton Eden*, встречаются ныне лишь в поэтических вымыслах». An estimate of the number of inhabitants of Great Britain and Ireland, p. 49. «Люди слышали, как сам Гольдсмит сознавался, что его опустевшая деревня—только поэтический вымысел» (*Gentleman's Magazine LXX, 1175*). Возможно, что Гольдсмит не хотел описать частный случай той или иной действительной деревни, но употребленные им выражения слишком точны и слишком хорошо согласуются с фактами, известными нам из других источников, чтобы можно было видеть в «Опустевшей деревне» продукт чистого воображения. И для нас она—по крайней мере документ, устанавливающий определенное мнение, если не документ, устанавливающий факты.

² *Arthur Young, On the size of farms. Geographical Essays, IV, 564—565; См. The farmer's letters, p. 56.*

³ *A. Young, On the size of farms, p. 560.*

землевладелец обладает большей интеллигентностью, большей инициативой, главное же—располагает средствами, чтобы делать опыты, пробовать более или менее дорогостоящие улучшения. Везде, где имели место огораживания и где устроились крупные сельскохозяйственные предприятия, земельная рента выросла¹—решающий аргумент в глазах этих агрономов, которые одновременно являются также экономистами и дешево ценят людей, лишь бы восторжествовали их методы и расчеты, к вящей славе и вящей прибыли капитала².

Они не могут отрицать того, что упрочение ферм почти всегда влечет за собою исчезновение мелкой собственности, но они оспаривают, что она имеет своим последствием усиление нужды поденщиков. Их взгляды относительно раздела общинных земель нам уже известны: восставать против него можно, по их словам, только «из дурно понятого чувства гуманности»³. Что касается уменьшения спроса на рабочие руки и обезлюдения сельских округов, то нелепо, мол, верить этому. Как может укладываться в уме мысль, что оставлять невозделанной одну часть земли и возможно хуже обрабатывать остальную—есть способ занимать и кормить максимальное количество рабочих? «На мой скромный взгляд,—пишет Дж. Хоулетт,—это чудовищный парадокс. По соседству со мной имеется прекрасная пустошь, занимающая около тысячи акров. В своем теперешнем невозделанном состоянии она не прокармливает и одной бедной семьи, и никто не извлекает из нее ни малейшей выгоды, если не считать нескольких окрестных фермеров, которые время от времени посылают туда пастись несколько голов скота. Между тем, будь эта земля поделена и обработана как следует, из нее можно было бы выкроить шесть или восемь хороших ферм, из которых каждая приносила бы от 70 до 100 ф. ст. дохода в год. Эти фермы—оставляя в стороне самих фермеров и их семьи—занимали бы, наверно, 30 человек поденщиков, которые вместе со своими женами и детьми и различными рабочими или торговцами, необходимыми для удовлетворения их

¹ *G. Hutsall*, A general view of the agriculture in the county of Pembroke, p. 21; *A. Young*, Southern counties, p. 22: «В окрестностях Bishop's Burton находится одно из наиболее необычных «открытых полей», какие я только встречал; при прежнем его состоянии акр его сдавался за 18 и 20 шилл., теперь же, когда прошел в парламенте акт об огораживании его, земельная рента поднялась на нем, говорят, почти до 30 шилл. за акр». (См. *North of England*, I, 147).—Следует различать повышение ренты в результате огораживаний от повышения ее, во время войны против Французской революции, в результате голодных цен на сельскохозяйственные продукты. (См. *Porter*, Progress of the Nation, p. 154).

² «На мой взгляд, население—вещь второстепенная. Надо возделывать землю так, чтобы она давала возможно больший продукт, не беспокоясь о населении. Ни в коем случае фермер не должен быть как бы прикованным к устарелым сельскохозяйственным методам, что бы ни случилось с населением. Население, которое, вместо того чтобы увеличивать богатство страны, является для нее бременем, есть население вредное». *A. Young*, Political Arithmetic, I, 122.

³ 1st report from the select committee... appointed to take into consideration the means of promoting the cultivation and improvement of the waste lands (1795), p. 47.

нужд, в несколько лет довели бы население минимум до 200 человек»¹. Чтобы придать этим оптимистическим вычислениям возможно большую видимую ценность, их подкрепляли тщательно подобранными цифрами, которые должны были свидетельствовать, что действие скупки земель компенсируется и даже с избытком компенсируется распашкой общинных угодий². Доходили до утверждения, что крупноземледельческий строй обеспечивает сельским классам наибольший спрос на рабочие руки и наилучшую оплату труда³. Сверх того представители враждебного огораживанию мнения делали одну ошибку, которая давала выгодный аргумент в руки их противникам. Они полагали, что население всей страны идет на убыль и изображали этот тревожный факт как последствие огораживаний. Партии агрономов нетрудно было доказать, что это мнимое обезлюдение Англии есть чистейшая фантазия, и затем каждый раз, когда они констатировали, напротив, рост народонаселения в той или иной провинции, они не упускали случая приписать его счастливым изменениям, происшедшим в строе земельной собственности⁴. Еще легче они тор-

¹ *J. Howlett*, An examination of D-r Price's essay on the population of England and Wales (1781), p. 29, 30.

² См. *A. Young*, North of England, IV, 2'9—254. В анонимном памфлете «The advantages and disadvantages of enclosing the waste lands» (1772), p. 42, мы находим следующую таблицу:

	Раньше		Потом	
	Плата рабочим	Семейств	Плата рабочим	Семейств
а) Огораживание открытого поля, плодородная почва . .	400 ф. ст.	20	400 ф. ст.	5
б) Огораживание открытого поля, посредственная почва .	400 »	20	325 »	16 1/4
в) Огораживание общинных угодий, плодородная почва .	10 »	1/2	100 »	5
г) Огораживание общинных угодий посредственная почва .	10 »	1/2	325 »	16 1/4

Допустим достоверность этих цифр, хотя ни об одном из этих огораживаний автор не дает указаний места и времени, которые позволили бы какую-нибудь проверку. В общем итоге они показывают небольшое увеличение земледельческого населения (42 1/2 семьи вместо 41) и всей суммы выданной заработной платы (850 ф. ст. вместо 820). Но это увеличение обусловлено исключительно огораживаниями общинных угодий; напротив, огораживания «открытого поля» вызвали заметное уменьшение населения и суммы выдаваемой заработной платы (21 1/4 семьи вместо 40 семейств и 425 ф. ст. вместо 800 ф. ст.). Остается определить, какова была вообще пропорция обоих видов огораживания. Отметим классовое различие между семьями, исчезающими с «открытого поля», и семьями, устраивающимися на прежней общинной земле: в первой группе, несомненно, находились собственники или копигольдеры (наследственные арендаторы), тогда как вторая состоит исключительно из поденщиков.

³ *A. Young*, The farmer's letters, p. 66—72; *J. Howlett*, An examination of D-r Price's essay, p. 20; *Sir John Sinclair*, Address to the members of the Board of Agriculture в Journ. of the House of Commons, LI, :58.

⁴ См. *W. Wales*, An inquiry into the present state of population in England, p. 38—41.

жествовали победу, когда в качестве учеников Адама Смита становились на экономическую точку зрения: разве система, приводящая к производству максимального количества товаров с наименьшими издержками, не есть наилучшая возможная система для всего общества в целом? «Если отрицать это, то турки правы, когда они отказываются ввести у себя книгопечатание из страха разорить переписчиков, а вся цивилизованная Европа пребывает в заблуждении»¹. Не станут ли требовать, чтобы земледельцы отказались от плуга и начали перекапывать землю заступом, под тем предлогом, что этот способ даст занятие большему числу людей?

Тем не менее у них прорываются иногда очень ценные признания. Несмотря на свой оптимизм, они свидетельствуют сами о несправедливостях, которые совершались на их глазах по отношению к маленьким людям и беднякам. «Я глубоко сожалею,—говорит один комиссар по огораживанию,—о зле, которое я помог причинить своей деятельностью 2 тысячам бедняков, считая по 20 семей в деревне. Очень многие из них, которым обычай разрешал посылать свою скотину на общественный выгон, не могут доказать своего права, а так как многие из них—можно сказать, почти все, имеющие немного земли,—владеют всего каким-нибудь акром, и этого недостаточно, чтобы прокормить корову, то и корова и земля продаются обыкновенно богатым фермерам»². После беспристрастной анкеты об огораживании Board of Agriculture признает в своем докладе, что «в большинстве случаев у бедных отняли то немногое, чем они владели». В некоторых деревнях они лишились даже возможности получать молоко для своих детей. Собранные по этому предмету показания надрывают душу своим однообразием³. Когда графа Лейстера поздравляли с окончанием постройки Хогкемского замка, то он ответил с грустью, в которой сквозило угрызение совести: «печальная вещь—быть одному в местности, где живешь; я гляжу кругом себя и не вижу другого дома, кроме своего. Я злой великан из сказки и съел своих соседей»⁴.

¹ *F. M. Eden, State of the poor, I, XIV.*

² *Annals of Agriculture, XXXVI, 516.*

³ Board of Agriculture, General report on enclosures (1808), p. 18.—Бедфордшир, деревня Татви: «По моим сведениям, бедные крестьяне до огораживания без всякого труда получали молоко для своих детей. После него они получают молоко только с большим трудом. Число коров упало со 110 до 40».—Беркшир, деревня Леткомб: «Бедняки, видимо, много страдали. Они не в состоянии более кормить корову, как это делали прежде, и падают бременем на приход».—Бекингемшир, деревня Веддесдон: «Значительно выросла нищета; пахари просят помощи у прихода за отсутствием работы. Вся страна превращена теперь в пастбища».—Чешир, деревня Гренедж: «Нет больше места для коров и овец бедняков».—Глочестершир, деревня Тоденгем: «Растет только число нуждающихся. Здания восьми ферм полны ими».—Гертфордшир, деревня Нортон: «Коттеры потеряли свой скот без всякого вознаграждения».—Линкольншир, деревня Донингтон: «Погибло 140 коров коттеров в результате огораживания».—Норфольк, деревня Ладгем: «Бедняки должны были продать свой скот».—Нортгемптон, деревня Пессенгем: «Коттеры сильно страдают из-за потери своих коров и свиней».—Стаффордшир, деревня Ашфорд: «Много нищеты».—Йоркшир, деревня Аккворт: «Земля прихода принадлежала сотне собственников. Почти все они после огораживания упали бременем на приход». *Ibid.*, p. 150 и сл.

⁴ *K. Marx, Das Kapital, I, 716.*

Значит ли это, что соседи исчезли, что они были истреблены, как побежденный народ после завоевания варварами? Разумеется, нет; но словно вырванная из почвы, которая ее кормила, лишенная отныне привязанностей и домашнего очага, часть деревенского населения становится неоседлой, подвижной: с одной стороны, мелкие землевладельцы и мелкие фермеры, с другой—коттеры и поденщики готовы бросить деревню, если они могут в другом месте найти для себя лучшие условия жизни или даже просто кое-как прожить.

IX

Рассмотрим каждый из этих двух классов людей в отдельности. Первый есть именно то крестьянство (иоменри), исчезновение которого мы начинаем теперь понимать. В системе, построенной теоретиками нового земледелия и осуществленной на практике огораживаниями, для него нет места: «какую пользу могло бы принести в современном государстве существование провинции, где вся земля обрабатывалась бы, по примеру древнего Рима, крестьянами-собственниками?... К чему бы это служило, если не для одного разведения людей,—т. е. дела, которое само по себе взятое совершенно бесполезно?»¹ В обширных поместьях, методически эксплуатируемых их богатыми владельцами, появляется уже новый тип крупного фермера, который относится к фермеру былого времени, как владелец мануфактуры к ремесленнику. Уплачиваемая им арендная плата значительна, и так же значительны барыши, которые он кладет себе в карман. Соответственно с этим он ведет образ жизни, который живущему на своей земле *сквайру* еще недавно казался бы не по средствам². Он любит хорошо покушать, а когда принимает своих друзей, то угощает их французскими или португальскими винами. Его дочь учится играть на клавикордах и одевается, «как герцогиня»³. С работающим у него поденщиком он не имеет больше ничего общего, и на иомена, которого он сменил, он совсем не похож. Во многих случаях он сам вышел из иоменов, но на одного мелкого землевладельца, успевшего по крайней мере разбогатеть в качестве фермера, если ему и пришлось поступиться отчасти своей независимостью,—на одного такого землевладельца сколько есть таких, которые доведены до необходимости либо наняться в простые работники, либо покинуть свою деревню.

С еще большей настойчивостью необходимость сняться с места встает перед поденщиками, не находящими работы. В некоторых

¹ A. Young, Political Arithmetic, I, 47.

² «Отец сквайра Чэрингтона садился у верхнего конца дубового стола вместе со своими поденщиками, говорил за них молитву, разрезывал мясо и пудинг. Возможно, что он наливал себе стакан крепкого пива, тогда как им пива не давали, но к этому и сводилась почти вся разница между их и его трапезой». W. Cobbett, Rural rides, p. 213.

³ «Их удовольствия дороги и элегантны: нередко можно видеть, как один из этих новых фермеров расходует от 10 до 12 ф. ст. на один прием гостей, а к тонким блюдам им нужны самые лучшие и самые дорогие вина. Что касается одежды, то нет никого среди знающих дочь одного из этих богатых фермеров, кто мог бы отличить ее по туалету от герцогской дочери». Cursory remarks on inclosures, p. 21 (1786). См. Gentleman's Magazine, LXXI, 588.

местностях они в поисках занятия пускаются в обход по всей округе, справляясь о работе на каждой ферме¹. Это—начало переселения: неподвижный доселе класс людей, веками привязанный к земле, становится неоседлым и готов переехать куда угодно, лишь бы найти занятие и заработок. Именно этим явлением,—говорят сторонники крупного хозяйства,—и объясняется кажущееся обезлюдение деревни, которое иные пытаются использовать как аргумент против огораживаний. «Эти люди не потеряны, но, подобно самой земле, получают лучшее назначение... Из того обстоятельства, что в деревнях не видно больше такого множества людей, попусту теряющих свое время и труд, было бы абсолютно неправильно умозаключить, что королевство пустеет. Если в деревне народу меньше, то его больше в городах»². Уже до 1760 г. констатируется «постоянное переселение из сельских приходов в торговые города, а из них в столицу: в конце концов, множество людей, родившихся в деревне, переезжает навсегда в большие и малые города, особенно в те города, которые являются центрами важных отраслей промышленности³. Действительно, для этих тысяч тружеников, потерявших все или часть своих обычных источников пропитания, промышленность остается единственным возможным исходом. Работу, в которой им отказывают поля, они идут искать в мастерских.

Трудно следить за перемещениями этого населения, ищущего работы. Документы редки и ненадежны. Но каждый раз, когда вы открываете его следы, они оказываются на путях в промышленные города: «Сорок лет тому назад,—пишет один автор в 1794 г.,—юг и восток графства Уорик состояли почти целиком из неогороженных полей, ныне разделенных и огороженных... Везде, где было проведено огораживание, образовались гораздо более обширные, чем некогда, фермы; пахотные земли, превращенные в пастбища, требуют гораздо меньшего числа рабочих рук. Вследствие этого крепкое деревенское иоменри увидело себя вынужденным уйти искать работы в Бирмин-

¹ «Повидимому, здесь (в Винслоу, графство Бекингем) большой недостаток работы. Большинство поденщиков, как говорят здесь, «на обходе», т. е. они ходят в поисках работы из дома в дом. Зимой таких совершающих обход имеется до 40 человек». *F. M. Eden, State of the poor*, II, 29—30. Этот факт—недавнего происхождения: «Старик-крестьянин сказал мне, что до огораживания за аренду акра земли не брали по 10 шилл. и что в дни его молодости в приходе не знали таких слов, как «человек на обходе». *Ibidem*.

² An inquiry into the connection between the present high price of provisions and the size of farms, p. 124 и 136. См. *Howlett, Examination of D-r Price's essay*, p. 32.

³ *J. Massie, A plan for the establishment of charity houses*, p. 99 (1758). *St. Addington*, установив, что во многих местностях свирепствует нищета, добавляет, что иногда удается избежать ее, «когда бедняки находят по соседству возможную помощь в наличии какой-либо процветающей отрасли промышленности». An inquiry into the reasons for and against inclosing the open fields, p. 38. «Если земля попадает в руки небольшого числа крупных собственников, мелкие фермеры превратятся в людей, вынужденных зарабатывать на жизнь работой по найму на других... Работы будет выполняться, быть может, больше прежнего, так как будет больше принуждения. Города и мануфактуры будут расти, так как поиски работы нагонят в них больше людей». *R. Price, On reversionary payments*, II, 149.

гем, в Ковентри...»¹. Петиция, подписанная жителями одного сельского прихода в графстве Нортгемптон, изображает нам крестьян, «толкаемых во множестве нуждой и отсутствием работы в фабричные города, где, вследствие характера их новых занятий у станка или у кузнечного горна, будет разрушена скоро их физическая крепость и крепость их потомства»².

Таким образом, в конечном результате огораживаний и скупки земель крупными собственниками промышленность получает в свое распоряжение значительное количество безработных сил. Именно прилив этих живых сил и делает возможным развитие крупной промышленности. Эта последняя является как бы новой страной внутри самой страны, своего рода Америкой, куда толпами устремляются эмигранты,—с той лишь разницей, что этой Америки не открывают, а она создается, образуется в то самое время, как ее заселяют. Каждый эмигрант высаживается здесь со всем добром, какое ему удалось собрать в момент отъезда: те из именов, которые наименее пострадали от огораживаний и которым удалось выручить порядочную сумму от продажи своих земель, привозят с собой небольшой капитал. Расставшись—несколько против собственного желания—со своей вековой рутинной, они попытают теперь счастья в этой новой стране, они кинутся в предприятия, которые со всех сторон зовут их приложить свои силы. Из них-то и будут вербоваться первые фабриканты, инициаторы и вожди промышленного движения, и они возьмут реванш над обезземелившими их крупными землевладельцами, образовав против них соперничающий класс³. Но таких удачников немного, большинство же именов и мелких фермеров, «доведенное до положения наемников», разделит участь других крестьян, которых нужда гонит вон из деревни. У этих последних ничего нет, они не могут принести промышленности ничего, кроме силы своих рук. Из них будет образована рабочая толпа, безымянный люд фабрик, армия промышленной революции.

Наконец, преобразования земельного строя Англии оказали на промышленное движение еще другое, более непосредственное действие. Мы видели, что характерной чертой мелкой промышленности была ее разбросанность, ее рассеянность по деревням. Эта разбро-

¹ *John Wedge, A general view of the agriculture in the county of Warwick, p. 21.*

² *Journ. of the House of Commons, LII, 661 (1797).*—«Когда произошло огораживание?—Девять лет назад.—Не улучшилось ли за это время положение жителей Гармли?—Насколько я знаю, нет. То, что я знаю, это—то, что многие из тех, кто раньше работал в собственных домах, были вынуждены уйти на фабрику». *Report from the select committee appointed to consider the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 22.*

³ См. ч. 3-я, гл. II.—Особенно ясно обнаруживается это явление в тех областях, где подъем крупной промышленности произошел с наибольшей быстротой, например, в окрестностях Манчестера: «иоменри, еще недавно составлявшие многочисленный и почтенный класс, сильно поределли в последнее время: многие иомены перешли в промышленность». *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 23.* Такое же свидетельство мы находим относительно соседней части Чешира (*Ibidem, p. 48*). Относительно Вест-Райдинга, района шерстяной промышленности, см. *J. James, Hist. of Bradford, p. 376.*

санность была неразрывно связана с домашней системой производства, сочетавшей работу на дому с мелким земледелием. Мы видели, что ткачи пополняют свой промышленный заработок продуктом клочка земли, а семьи земледельцев используют свои вечера на прядение шерсти за счет торговцев. Удар, нанесенный крестьянской собственности, порывает эту вековую связь между земледельческим трудом и трудом промышленным. Лишенный своей земли и своих прав пользования общинными угодьями, сельский работник не может работать дальше у себя дома: он вынужден теперь отказаться от той кажущейся независимости, которую еще сохранял до сих пор; приходится принять заработную плату, которая предлагается ему в мастерской хозяина. Так совершается концентрация рабочих рук еще раньше даже, чем конкуренция машин окончательно убила домашнюю промышленность.

Из всего сказанного явствует, что процесс огораживаний и появление крупной промышленности тесно связаны между собой. Так как их взаимоотношение не может быть сведено к простой зависимости причины и следствия, то с первого взгляда могло бы явиться искушение рассматривать их как два факта совершенно разного происхождения, которые затем, в процессе соответствующего своего развития, стали смешиваться между собою и взаимно изменять друг друга. Возьмем, например, исчезновение иоменри: собственно говоря, оно не было следствием промышленной революции, хотя эта революция ускорила и завершила его. Точно так же разве мы не вправе сказать, что перемещение сельского населения скорее способствовало промышленному движению, нежели создало его? Если бы мы гипотетически устранили одно из этих явлений, то разве другое не продолжало бы существовать, хотя и в ином виде? В стране, где масса земледельцев осталась бы привязанной к земле, подъем крупной промышленности происходил бы, несомненно, менее стремительно, но, тем не менее, он имел бы место: доказательством может служить пример Франции. В общем итоге можно ли утверждать, что между обоими рассматриваемыми рядами фактов существует только обмен как бы случайных влияний и что объясняющими их принципами являются усовершенствование сельскохозяйственных приемов, с одной стороны, и промышленной техники, с другой, причем эти принципы совершенно отделены друг от друга, и каждое в себе самом заключает свое объяснение (*raison d'être*)?

Но дело в том, что, как бы независимы друг от друга ни казались эти усовершенствования, они составляют часть общего прогресса, выходящего за их границы. Своими результатами они взаимно восполняются. Образование крупных промышленных центров невозможно, если сельскохозяйственное производство не организовано таким образом, чтобы удовлетворять продовольственные нужды их рабочего населения, а сельскохозяйственное производство не может развиваться, если оно не находит в промышленных центрах рынков, обладающих достаточной потребительной силой. Это один из доводов, который сторонники огораживаний часто выставляют в пользу защищаемого ими тезиса: «Так как продукт более значителен, — говорят они, — то избыток его пойдет на фабрики, и эти последние, настоящее

золотое дно нашей страны, соответственно вырастут»¹. Оба эти движения, солидарные по своим последствиям, солидарны также и в особенности по своим причинам. Действительно, фактором, преобразившим английскую деревню, вызвавшим огораживания, раздел общинных угодий и скупку ферм, был коммерческий дух в применении к земледелию, желание землевладельцев трактовать свою землю как капитал, из которого стараются путем методической эксплоатации извлечь возможно более высокий доход. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, развернулась инициатива капиталиста, одновременно эгоистическая и плодотворная², — инициатива, которая одновременно разбивает и вредные рутинные приемы и институты обычного права, защищающие индивида. Чего ищет коммерсант? Увеличения своих барышей и уменьшения своих издержек. Огораживания уменьшали количество потребных рабочих рук и увеличивали производство. Не без основания действие их сравнивали с действием применения машин³: их глубоко скрытые корни были одни и те же.

¹ An inquiry into the connection between the present high price of provisions and the size of farms, p. 129.

² См., например, в общем отчете Board of Agriculture (1808), дифирамб в честь собственника, освобожденного огораживанием: «его таланты, его энергия, его капитал отныне свободны, он может употребить их наилучшим для своих интересов образом» и т. д. General Report, p. 220.

³ F. M. Eden, State of the poor, I, XIV.

часть вторая

**ВЕЛИКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ
И КРУПНЫЕ
ПРЕДПРИЯТИЯ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИН В ТЕКСТИЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Если применение машин и недостаточно для определения или объяснения промышленной революции, то все же оно составляет главный ее феномен, вокруг которого группируются все остальные и который, в конечном результате, подчинил себе их все и предписал им свой закон. Но раньше надо условиться о значении слов: если под машиною понимать всякое искусственное средство сокращения или облегчения человеческого труда, то было бы трудно, чтобы не сказать—невозможно, указать начальную дату для тех фактов, к изучению которых мы приступаем.

I

Человек с незапамятных времен умел делать себе орудия труда: это одна из самых древних и, быть может, самых существенных особенностей человека. Но провести границу между орудием труда и машиной—дело довольно трудное. Бесспорно, прялка или молот не могут быть названы машинами, а станок Жакарда есть нечто большее, чем орудие труда. Но между этими двумя крайними примерами есть место для сомнительных случаев. Куда отнесем мы насос или самопрялку? Быть может, машину можно узнать по тому признаку, что она не только помогает человеческому труду, но и делает его излишним и заменяет его? Тогда достаточно заметить, что самое простое орудие труда дает возможность сберечь значительную сумму ручного труда: человек, вооруженный заступом, выполняет работу 20 людей, в распоряжении которых были бы только их ногти, чтобы рыть землю. И, обратно, самая усовершенствованная автоматическая машина не устраняет абсолютно человеческого труда: она нуждается в рабочем для управления ею.

Здесь намечается, однако, одно различие. Рабочий, управляющий этой машиной, имеет своей задачей пускать ее в ход, останавливать

ее, подавать ей материал, следить за ее функционированием, но он вмешивается в отведенную машине операцию только для того, чтобы замедлить или ускорить последнюю, самое большее—чтобы обеспечить правильное ее выполнение, без толчков. От его внимательности или небрежности зависит скорее количество выработки, нежели ее качество. Работу выполняет не он, он присутствует только для того, чтобы регулировать ее. Напротив, орудие труда инертно в руках того, кто работает им. Мускульная сила ручного работника, его врожденная или приобретенная ловкость, его сметливость определяют производство в его мельчайших деталях. Быть может, эту разницу выразят, сказав, что отличительный признак машины составляет ее движущая сила? Но если бы она приводилась в движение руками, при помощи рукоятки, то разве она перестала бы из-за этого быть машиной?

В этом случае произошло бы лишь то, что сам человек был бы сведен к роли механической силы. Машина, которая занимала бы еще его руки, делала бы бесполезными его пальцы. И в этом заключается основное свойство машины: вместо того чтобы быть инструментом в руке рабочего, сама машина представляет собой искусственные пальцы руки. От орудия труда она отличается не столько автоматической силой, приводящей ее в движение, сколько движениями, к которым она способна,—движениями, вложенными в ее механизм искусством инженера и заменяющими приемы, навыки, ловкость руки. Самопрялка—не вполне машина, так как, даже пользуясь ею, прядильщица вытягивает нить пальцами. Напротив, насос есть машина, ибо, для того чтобы заставить его действовать, достаточно сообщить его поршню движение взад и вперед, источником которого может быть и неодушевленная сила. Таким образом, машине можно было бы дать следующее определение: это механизм, который под давлением простой движущей силы выполняет сложные движения какой-нибудь технической операции, производившейся раньше одним человеком или несколькими людьми.

Этим определением устраняется уже большое число неправильных примеров, при помощи которых делаются попытки возводить употребление машин до самой отдаленной древности. Надо признать, однако, что появление их относится к эпохе, значительно предшествующей современности: у древних были не только очень сложные и мощные военные машины, но и машины промышленные, например, водяная мельница. Факт недавнего происхождения составляют не машины, а машинное производство. Это может применяться либо к одной какой-нибудь отрасли промышленности, либо к совокупности таких отраслей. Раньше чем стать всеобщим фактом, машинное производство было фактом частным или местным. Даже в наше время, когда оно развилось до колоссальных размеров, мы встречаем еще многочисленные исключения из него. Для машинного производства в одной или нескольких отраслях промышленности недостаточно, чтобы машина помогала производству: надо, чтобы она стала его существенным фактором, чтобы она имела определяющее влияние на количество, качество и себестоимость изделий. Железоделательная промышленность уже с XVI в. употребляла машины: вертикаль-

ные молоты, которые сначала приводились в движение при помощи рычагов, а затем—водяных колес¹; гидравлические меха или меха, приводившиеся в движение мулами или конной силой². Несколько позже появляются станки для обточки металлов, автоматические прокатные станки, ножницы для резки железа³. Но пока, за недостатком горючего, чугун мог быть получаем лишь в небольших количествах, пока для получения полосового железа приходилось долго обрабатывать его молотом,—до тех пор машины имели в действительности только второстепенное влияние на развитие промышленности. Впрочем, в машинном производстве существуют известные градации. Так, типографское дело, по самому своему определению, представляет механизированную промышленность, притом с первых же шагов своих. Тем не менее оно стало таковой в гораздо большей степени, с тех пор как ротационные машины, приводимые в движение паром или электричеством, заменили старый ручной печатный станок; оно станет ею еще больше, когда наборная машина повсюду заменит наборщика, по крайней мере в физической части его задачи.

Если оставить в стороне типографское дело, представляющее, впрочем, гораздо больше интереса для истории умственного прогресса, нежели для истории экономической эволюции, то первый пример машинного производства, понимаемого в самом полном значении этого слова, представляют отрасли текстильной промышленности. Быстрое преобразование хлопчатобумажной промышленности благодаря ряду технических изобретений сделало из нее первую по времени современную крупную промышленность, классический тип ее. Не без основания Шульце-Геверниц опубликовал свою монографию о хлопчатобумажной промышленности просто под общим заглавием: «Der Grossbetrieb» (1892). Но как бы стремительна ни была эволюция, фазисы которой мы собираемся сейчас восстановить, она не произошла без подготовки. Под самыми внезапными, на первый взгляд, переменами скрывается непрерывность явлений. Как и всем великим фактам, машинному производству предшествовали, о нем задолго возвещали вперед факты-предтечи⁴:

Одним из самых интересных фактов этого рода, хотя результаты его остались ограниченными, было изобретение в 1598 г. станка для вязания чулок (stocking-frame) Вильямом Ли, воспитанником Кембриджского университета⁵. Чулочновязальный станок есть, несо-

¹ См. изумительные гравюры на дереве в *De Re Metallica de Georgius Agricola* (Bâle, 1546). Несколько из них воспроизведены у Людвиг Бекк в его «*Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung*», II, 147, 149, 479, 482, 483, 531, etc., с аналогичными рисунками, извлеченными из *Piro-technia Vannuccio Biringuccio* (Venise, 1558).

² См. *Beck, ouvr. cité*, II, 130—142.

³ См. гравюры в *Encyclopédie*, t. IV, статья *Forges ou Art du fer*.

⁴ Мы привели выше пример металлургической промышленности и указали причины, по которым он должен быть поставлен особо: мы вернемся еще к этому вопросу в гл. III второй части. (Железо и каменный уголь).

⁵ Относительно дальнейшего см. *W. Felkin, History of the machine-wrought hosiery and lace manufacture*, p. 23—41, и статью *Lee (William)* в *Dictionary of National Biography*.

мненно, машина ¹, притом одна из тех, которые, выполняя существенную, основную операцию известной промышленности, не могут быть введены в нее, не вызывая в ней настоящего переворота. Удивительно ли после этого, что Ли испытал ту же горькую участь, какая должна была постигнуть после него столько других изобретателей? На его машину смотрели как на пагубное новшество, грозившее отнять у значительного числа рабочих, вместе с их привычным занятием, их средства к существованию,—упрек, постоянно повторяемый и задерживающий во многих случаях даже в наши дни прогресс промышленной техники, который оно уже бессильно остановить. Вынужденный покинуть Англию, Ли нашел приют во Франции благодаря покровительству просвещенного правительства Генриха IV: он устроил свою мастерскую в Руане с 9 или 10 рабочими. Но после смерти короля изобретатель, непопулярный в Нормандии, как и в Англии, и подозрительный, сверх того, в глазах населения в своем двойном качестве иностранца и протестанта, принужден был вторично бросить свое дело и отправился в Париж, где вел жалкое существование и умер в неизвестности. Его подмастерья вернулись тогда в Англию и поселились в той же местности, где были сделаны первые опыты с новым изобретением, в окрестностях Ноттингема. Именно там машинному вязанию и предстояло привиться, наконец, после описанного периода злключения.

В следующем столетии оно почти совершенно вытеснило здесь ручное вязание. Это было уже применение машины с большинством его последствий. Правда, оно не привело к соединению многих рабочих в обширных мастерских: вязальный станок, подобно ткацкому, употреблялся на дому. Но это было слишком дорогое орудие труда, чтобы рабочий мог приобрести его. Отсюда получился тот всеобщий порядок, главные особенности которого мы уже имели случай указать²: рабочий брал свой станок в аренду и принужден был вычитывать из своего заработка арендную плату за него—*frame rent*; капиталист, одновременно хозяин сырья и орудий производства, был всемогущ и сурово давал чувствовать свою силу. Иногда хозяева набирали рабочих, не имея работы для них, единственно с целью разместить несколько незанятых станков и получать за них *frame rent* ³.

¹ «Это,—читаем мы в *Encyclopédie méthodique* (*Manufactures*, I, 220),—машина из полированного железа, очень остроумная, конструкцию которой невозможно хорошо описать из-за множества и разнообразия ее составных частей, и которую очень трудно понять, даже имея ее перед глазами». Впрочем, гравюры в энциклопедии Дидро и д'Аламбера (t. II, статья *Métier à faire des bas*) дают довольно отчетливое представление об этой машине.

² См. ч. 1-я, гл. I, стр. 28 и 40. См. *Journ. of the House of Commons*, XXXVI, 635, 7 8. и введение к акту 28 Geo. III, с. 55: «Принимая во внимание, что станки для вязания чулок и других трикотажных изделий являются очень дорогими машинами и обычно принадлежат промышленнику или торговцу вязальными изделиями, который отдает их за арендную плату в аренду своим рабочим...».

³ См. *Journ. of the House of Commons*, XXXVI, 742 и XXXVII, 370. Это злоупотребление было предметом частых жалоб до недавнего времени: «Трикотажники уверяют, что когда они платили за свои станки арендную плату, у хозяев было искушение растягивать работу на гораздо более продолжительный период времени, нежели это было необходимо: они делили ее на очень маленькие части, дабы возможно дольше получать арендную плату за станки. Макклес-

Эта отрасль промышленности представляла любопытную смесь старых и новых черт, из которых одни были заимствованы у традиционных промыслов, а другие были уже предвестниками предстоявших вскоре преобразований. Существовала корпорация вязальщиков чулок, организованная по образцу средневековых цехов: в нее входили одинаково хозяева и рабочие, принадлежность к ней была обязательна, и число членов было ограничено; мастера, подмастерья и ученики были подчинены сложной системе обычаев и правил¹. Но правила эти, скопированные с промышленного законодательства XVI в., обращались в мертвую букву, как только они сталкивались с интересами хозяина, собственника орудий производства и раздатчика работ. Предписания, имевшие целью ограничение числа учеников, постоянно нарушались: хозяин хотел иметь в своем распоряжении возможно больше недорогих рабочих рук. Именно в этой отрасли промышленности мы встречаем первые примеры коллективных договоров об ученичестве, заключаемых между фабрикантами и приходами; для приходов это был удобный случай отделаться от своих призреваемых детей, а для фабрикантов—способ получить даровой труд и снизить заработную плату взрослых рабочих². Таким путем утверждалось, несмотря на пережитки традиционных форм, зарождающееся влияние машинного производства, которое ручную ловкость заменяет механическими приемами и немногочисленных ремесленников—множеством рабочих.

Другой пример местного развития машинного производства, с ограниченными последствиями, дает нам шелковая промышленность. Собственно говоря, настоящего ее происхождения надо искать не в Англии; шелковая промышленность никогда не могла здесь привиться в совершенстве, и преобразовавшее ее изобретение было изобретением итальянским.

В последние годы XVII в. производство шелковых тканей стало быстро развиваться в Англии. В предместьях Лондона незадолго перед этим поселилась колония искусных работников, изгнанных из Франции отменой Нантского эдикта, и слава спиталфильдских шелковых материй начала все больше распространяться. Между тем английским фабрикантам приходилось бороться с серьезными трудностями. Вынужденные покупать шелк-сырец (грёж) за границей, так как климат Англии делает невозможными культуру тутового дерева и разведение шелковичных червей, они были бы заинтересованы производить сами *органсин*, шелковую пряжу, получаемую путем соединения и скручивания тонких коконных нитей. Контрабанда выбрасывала на английский рынок органсин по дешевым ценам—настолько дешевым, что все задавали себе вопрос, каким

фильдские шелкоткачи также жалуются, что их постоянно держат в состоянии полубезработности, так как хозяева находят для себя выгодным, чтобы работа выполнялась на возможно большем количестве отдельных станков, причем каждый станок приносит им полную арендную плату, по столько-то в неделю». S. et B. Webb, *Industrial Democracy*, I, 317.

¹ См. по этому вопросу довольно полное исследование Гельда «Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands», p. 184 и сл.

² Там же, Устав Company of Framework Knitters, пересмотренный в 1744 г., воспроизведен в *Journals of the House of Commons*, XXVI, 779—794.

образом он мог быть произведен¹. Шли слухи, что в Италии существуют машины для кручения шелка, но никто этих машин не видел и не знал, как они устроены. Около 1702 г. некий Кротчет из Дерби ухитрился без всяких данных построить сам такую машину², но потерпел неудачу, и итальянский органсин продолжал ввозиться контрабандным путем.

Такие машины действительно существовали. Когда они были изобретены—неизвестно. Бесспорно одно: что описание их имеется в одном сочинении по механике, напечатанном в Падуе в 1621 г³. Но сочинение это, если даже допустить, что оно было когда-нибудь известно в Англии, к описываемому времени было, по всей вероятности, совершенно забыто. Что касается самих машин, то надо полагать, что их ревниво оберегали от чужого любопытства, судя по той таинственности, которою вообще окружались в те времена даже самые незначительные способы фабрикации. Ехать в Италию, чтобы похитить там драгоценный секрет, было предприятием трудным и даже опасным, и если история такой экспедиции была потом разукрашена некоторыми романическими подробностями, то в этом нет ничего удивительного.

Путешествие было совершено Джоном Ломбом в 1716 г⁴. Он отправился в Ливорно, и ему удалось не только увидеть машины, но и пробраться в здание, где они находились. При содействии одного итальянского священника он имел возможность тайком снять с них чертежи и послать их в Англию спрятанными в кусках шелка. Выполнив свою опасную миссию, он сел обратно на корабль; говорят, что он чуть не был разоблачен, и в погоню за ним был послан бриг. Но ему удалось ускользнуть. Вернувшись на родину, он умер там через несколько лет еще совсем молодым; шел слух, что итальянцы из мести отравили его.

Тотчас по возвращении, в 1717 г., он принялся за установку близ Дерби машин, построенных по чертежам, которые он привез из Италии⁵. Необходимый капитал доставил его брат Томас Ломб, выхлопотавший себе в 1718 г. привилегию на 14 лет⁶. Вскоре на одном островке, среди реки Дервент, возвышалась настоящая фабрика, первая в Англии.

¹ См. *Cooke-Taylor*, Introduction to the history of the factory system, p. 358.

² *A. Barlow*, Hist. of weaving, p. 30.

³ *Vittorio Zonca*, Nuovo Teatro di Macchine ed Edifici, p. 68—75, с рисунками.

⁴ Традиционный рассказ приведен у *W. Hutton*, Hist. of Derby, p. 161 и сл.—Он был подвергнут критике, особенно М. G. Townsend Warner'ом (*Social England*, V, 111—112). Это путешествие было, по его мнению, бесполезно, так как имелось уже описание машины, данное Зонса.—Но было бы действительно необычным, если бы Джон Ломб или какой-либо другой современный ему английский коммерсант прочел бы *Nuovo teatro di Macchine*.—В 1692 г.,—прибавляет М. Warner,—поднимался вопрос о введении в Англии «мельниц для производства органсина» (см. *Calendar of Home Office Papers 1683—1693*, p. 293). Но доказывает ли это, что их чертеж и их действие были с того времени известны?

⁵ С помощью одного итальянца по имени Сораколе. См. *de Foë*, Tour, III, 38 (изд. 1717 г.) и III, 68 (изд. 1742 г.).

⁶ Chronological index of patents and inventions, № 477. О патентном законодательстве в XVIII в. см. *Windham Hulme*, On the history of patent law in the XVIIIth centuries, *Law Quarterly Review*, 1902, p. 280 и сл.

Здание поражало своими размерами: имея в длину 500 фут., в высоту—от 5 до 6 этажей и 460 окон, оно производило впечатление огромной казармы. Еще более возрастало изумление посетителя, когда он входил в него: машины, очень большие, имели цилиндрическую форму и вращались на вертикальных осях; несколько рядов катушек, помещенных на окружности, получали нити и посредством быстрого вращательного движения сообщали им желаемую крутку. Наверху органсин автоматически наматывался на мотовила—совершенно готовый, чтобы быть разделенным на мотки для продажи. Множество частей, из которых состояли эти машины и которые приводились все в движение одним водяным колесом, точность и быстрота их действия, тонкость выполняемой ими работы—все это способно было очень живо поразить глаз людей, никогда не видевших ничего подобного. Главная задача рабочих заключалась в связывании оборвавшихся нитей. Каждый из них следил одновременно за 60 нитями¹. Мы имеем уже перед собой современную фабрику, с ее автоматическим оборудованием, ее постоянным и неограниченным производством, с узко специализированными функциями ее рабочего персонала.

Развитие машинного производства сопровождается развитием промышленного капитализма. Факты, отмеченные нами в чулочновязальном производстве, повторяются здесь в более подчеркнутом, более многозначительном виде. Явление концентрации становится более отчетливым, так как существование фабрики придает ему конкретную и очевидную форму. Фабрика Томаса Ломба занимала 300 рабочих. Предприятия, для которых она послужила образцом, были часто столь же и даже более значительны по своим размерам. Некоторые хозяева, заслушанные парламентской комиссией, производившей в 1765 г. обследование шелковой промышленности, занимали от 400 до 800 рабочих: некий Джон Шеррард заявил, что занимает одновременно до 1 500 рабочих². Несомненно, что часть их работала у себя на дому, но органсин, по крайней мере, производился машинным способом, в обширных мастерских. Натаниель Патерсон, из Лондона, владел 12 машинами для сучения органсина, соединенными в одном здании³. Тип крупного промышленника, отличный от круп-

¹ «Здесь имеется одна необыкновенная достопримечательность, единственная в своем роде в Англии: я имею в виду мельницу на Дервенте, приводящую в движение три большие итальянские машины для производства органсина. Благодаря этому изобретению один рабочий делает столько работы, сколько прежде 50, притом гораздо лучше и аккуратнее. Машина эта состоит из 5 586 колес и 97 746 частей, которые выделывают 73 726 ярдов шелковой нити при каждом повороте колеса, что происходит три раза в минуту, следовательно—318 514 960 ярдов в 24 часа. Все части приводятся в движение единственным колесом, причем, однако, каждая из них может быть остановлена отдельно». *De Foë, Tour, III, 67* (изд. 1742 г.). Текст, часто цитируемый Андерсоном в *Chronological history and deduction of the origin of commerce, III, 91*, является лишь копией приведенного здесь. См. также *A. Young, North of England, I, 2 5* и *W. Hut- ton, Hist. of Derby, p. 163*.—Эти машины известны нам по гравюрам Зонса (цит. соч.) и Энциклопедии (дополн., т. XI, статья *Soieries*, гравюры 8—20). Введенные во Франции почти в то же самое время, как в Англии, они долгое время назывались там «пьемонтскими мельницами».

² *Journ. of the House of Commons, XXX, 209—220.*

³ *Ibidem, 212—213.*

ного коммерсанта, с которым он был наполовину смешан до тех пор, выделяется теперь и выступает в полном свете. За 15 лет Томас Ломб наживает состояние в 120 тыс. ф. ст.¹; он занимает последовательно должности ольдермена и шерифа, король жалует его в рыцари, и когда, по настоянию других фабрикантов, парламент отказывает ему в 1732 г. в возобновлении его привилегии, то в возмещение причиняемого ему ущерба и в виде награды ему выдается сумма в 14 тыс. ф. ст.². Он не только богатый и сильный человек: на него смотрят, как на общественного благодетеля, и государство признает себя в долгу перед ним.

Казалось бы поэтому, что путешествие Джона Ломба отмечает собой истинное начало фабричной системы в Англии. Каким же образом случилось, что это столь важное событие было оставлено как бы в тени, а хлопчатобумажная промышленность некоторым образом узурпировала почетное место, принадлежавшее по праву шелковой промышленности? Не результат ли это национального самолюбия, которое хотело бы приписать современной крупной промышленности чисто британское происхождение? Мы не должны забывать, что под словами «современная крупная промышленность» надо разуместь целый экономический и социальный строй, понимаемый не как совокупность абстрактных условий, а как живая реальность. Мы исследуем здесь не ее абсолютное происхождение, а историческое начало. Когда дело идет об определении и классификации явлений с экономической или философской точки зрения, то должно ограничиваться рассмотрением их отличительных особенностей. Другое дело—историческая точка зрения: здесь приходится принимать в расчет их объем, так сказать, и массу, их подлинное действие на окружающие явления—принимать в расчет все, что определяет конкретное происхождение фактов, отличное от логического выведения принципов и следствий.

Шелковая промышленность, даже после введения машин и возникновения крупных предприятий, всегда была в Англии только второстепенной отраслью производства. Правда, образовалось несколько центров ее: в Лондоне, в Дерби, в Стокпорте, близ Манчестера³, в Макклесфильде, где фабрикация органсина занимала в 1761 г. около 2½ тыс. рабочих⁴. Но ни в одном из этих центров не создалось промышленное движение, которое можно было бы сравнить с движением, вызванным в графствах Ланкастер и Дерби изобретением бумагопрядильных машин. Этому помешал ряд препятствий: крайне высокая цена шелка-сырца, особенно с тех пор как сардинский король запретил его вывоз; обескураживающая конкуренция французской и итальянской промышленности, превосходство которых обуславливалось отчасти естественными преимуществами. Отсюда частые кризисы, которые тщетно пытались предотвратить мерами

¹ Gentleman's Magazine, 1739, p. 4.

² 5 Geo. II, c. 8. Journ. of the House of Commons, XXI, 782—795.

³ В 1770 г. в Стокпорте имелось четыре фабрики и одна тысяча рабочих. Journ. of the House of Commons, XXXIV, 240.

⁴ Journ. of the House of Commons, XXV, 215 и сл. Ленточная промышленность в Ковентри имеет свою особую историю.

таможенного покровительства¹; отсюда жалобы хозяев и возмущения рабочих²; отсюда, наконец, настоящая остановка роста, от которой эта отрасль промышленности никогда больше не могла оправиться и которая образует контраст с развитием смежных отраслей промышленности.

Эта остановка роста чувствовалась также в области техники. Введение машины для производства органсина не послужило отправным пунктом ни для одного нового изобретения. Во всем, что касается тканья и отделки материй, остались старые технические приемы, а вместе с ними и строй мелкого производства. Спиталфильдские ткачи шелка, коалиции, стачки и бунты которых читатель припомнит, работали у себя на дому; хозяева их были скорее торговцами и предпринимателями, нежели промышленниками, и причины антагонизма между ними были те самые, медленное и непрерывное действие которых преобразовало постепенно старые отрасли промышленности. Джон и Томас Ломб, с их фабрикой на берегу Дервента, были скорее предтечами, чем инициаторами: промышленная революция возвестила о себе, но еще не началась.

II

Противоположность этому неполному или, по крайней мере, вялому движению, не имевшему продолжения, составляет безостановочный прогресс хлопчатобумажной промышленности. От нее исходил решительный толчок, который в немногие годы сообщился всей текстильной промышленности в целом. Развитие это тем более замечательно, что его начало относится к более недавнему времени.

Слово *cotton* (хлопок) пользуется правом гражданства в английском языке уже в течение нескольких столетий, но до XVII в. значение его было иное, нежели то, которое мы придаем ему теперь: оно означало исключительно некоторые грубые шерстяные ткани, выделявшиеся в северной части Англии³. Слово это долго сохраняло свой первоначальный смысл и, быть может, еще сохраняет его в некоторых округах Кумберленда и Вестморленда⁴. Следует отметить, что Манчестер был одной из местностей, наиболее славившихся производством таких *cottons*⁵. Но между отраслью промышлен-

¹ См. 3 Geo. III, с. 21, 5 Geo. III, с. 48. Эти мероприятия лишь наполовину удовлетворили фабрикантов, которые неоднократно требовали полного воспрещения иностранных тканей, и суровых кар за контрабандный ввоз их. Journ. of the House of Commons, XXX, 87, 93, 725.

² См. ч. 1-я, гл. I, стр. 40.

³ Один акт 1552 г. (5—6 Edw. VI, с. 6) упоминает о «*cottons, rugges and friezes*» (разные шерстяные ткани), производимых в графстве Ланкастер. Акт 5 Eliz., с. 4 (1563) упоминает среди ткачей шерсти «тех, кто в графствах Кемберленд, Вестморленд, Ланкастер и в Уэльсе ткнут *cottons*». См. 33 Henry VIII, с. 15; 8 Eliz., с. 12, etc.

⁴ См. A complete history of the cotton trade (1823), p. 40; A. Ure, The cotton manufacture of Great Britain (1836), I, 21.

⁵ «В эту эпоху (XVI в.) город славился некоторыми шерстяными тканями, бывшими в большом спросе, которые там производились и обычно назывались Манчестерскими *cottons*». R. Hollinsworth, Mancuniensis, p. 64.

ности, упоминаемой в «*Britanniae descriptio*» Кемдена (1586)¹ и той индустрией, которая в наши дни составила богатство Манчестера, нет ничего общего, кроме названия.

Бумажные ткани, выделяемые на Востоке и особенно в Индии, проникли с незапамятных времен в страны, лежащие у Средиземного моря, где уже рано стали делаться попытки имитировать их. В северных странах это подражание началось позднее. Только в XIV в. появляется во Фландрии сырой хлопок, привезенный из Леванта венецианскими купцами. Антверпен был городом, где сначала сосредоточились бумагопрядение и бумаготкачество—маловажная отрасль промышленности, которая не в состоянии была соперничать с шерстяной, столь процветавшей тогда во всем Фламандском крае. После осады и взятия Антверпена Александром Фарнезе в 1585 г. некоторое число тамошних рабочих эмигрировало в Англию. Таково, по Шульце-Гевеверницю, происхождение английской хлопчатобумажной промышленности².

Первый текст, упоминающий в недвусмысленных выражениях об этой отрасли промышленности, относится к 1641 г.³ Он содержится в небольшом памфлете, озаглавленном: «Сокровище торговли, или рассуждение о внешней торговле», Льюиса Роберта, купца и капитана в лондонском Сити⁴. Автор говорит о жителях Манчестера и их торговых сношениях с Ирландией: «их деятельность не ограничивается этим, ибо они покупают в Лондоне сырой хлопок, привозимый из Кипра или Смирны, и обрабатывают его в своих домах; они выделяют из него плис, бумазею, кумач и тому подобные материи, которые посылают затем для продажи в Лондон. Нередко эти ткани отправляются в некоторые чужие страны, которые могли бы достать сырье сами, и притом дешевле»⁵. На этот раз дело идет не о шерстяных материях, и ясно, что Манчестер уже с этого времени обладает своей знаменитой специальностью.

В продолжение этого периода, который можно было бы назвать первоначальным периодом хлопчатобумажной промышленности в Англии, качество производства было посредственным, а количество его незначительным. Почти все бумажные ткани, продававшиеся в Лондоне и в главных городах, шли более или менее непосредственно из Индии. Существует очень тесная, хотя и довольно трудно поддающаяся определению, связь между этим стародавним ввозом, с одной стороны, и зарождавшимся отечественным производством—с другой. Как мы видели, развитие колониальной торговли, в особенности торговли с Ост-Индией, было одной из главных черт великого экономического движения, обозначившегося к концу XVII в. В пер-

¹ *William Camden, Britanniae descriptio* (1586), p. 429, говоря о достопримечательностях Манчестера того времени, подчеркивает славу *Manchester cottons*.

² *Schulze-Gävernitz, La grande industrie* (франц. перев.), p. 27.

³ После выхода в свет книги Манту были разысканы и более ранние документы, свидетельствующие о том, что производство различных хлопчатобумажных тканей существовало в Англии уже в первые два десятилетия XVII в. См. *G. W. Daniels, The early English cotton industry* (1920), p. 8, etc.—Перев.

⁴ *The treasure of traffic, or a discourse on foreign trade, by Lewis Roberts* (Londres, 1641).

⁵ *Lewis Roberts, The treasure of traffic*, p.32.

вом ряду изделий, производших впечатление на английскую публику и ставших предметом все более оживленного спроса с ее стороны, фигурировали хлопчатобумажные ткани, с нарисованными или напечатанными на них цветами. В дело вмешалась мода, и скоро эти материи стали производить фурор. «Лица знатного происхождения, — писал де Фоэ в 1708 г., — напяливали на себя индийские ковровые материи, которые еще совсем недавно их горничные нашли бы для себя слишком вульгарными; ситцы получили повышение в чине: с паркета они поднялись на спину, из оберточного холста они стали юбками, и сама королева¹ любила в это время показываться одетою по-китайски и японски, я хочу сказать — в китайские шелковые материи и коленкоры. Мало того: наши дома, наш кабинет, наши спальни были наводнены ими: занавески, подушки, стулья, самые постели — все это было сплошь один коленкор и ситец»².

В то же время со всех сторон поднялся хор упреков и жалоб. Что станет с национальной промышленностью, с привилегированной шерстяной промышленностью, если и дальше будут терпеть эту иностранную конкуренцию? Мы уже знаем, что шерстяная промышленность не привыкла терпеливо переносить какую бы то ни было конкуренцию. Парламент поспешил дать ей удовлетворение: в 1700 г. был издан закон, безусловно запретивший ввоз набивных тканей из Индии, Персии и Китая; всякий товар, ввезенный в нарушение закона и задержанный, подлежал конфискации, продаже с аукциона и обратному вывозу³.

Надо полагать, что эта энергичная мера не произвела ожидаемого действия, ибо жалобы вскоре возобновились⁴. Около 1719 г. они стали более настойчивыми, и парламент был снова засыпан петициями⁵. Был опубликован ряд памфлетов, где производители шерстяных материй в резких выражениях восставали против моды на набивные бумажные ткани⁶. И они не ограничивались словами. В нескольких местах произошли беспорядки: ткачи, доведенные до отчаяния продолжительной безработицей, нападали на улицах на лиц, одетых в хлопчатобумажные материи, разрывали или сжигали их одежду; были даже случаи, когда целые дома были взяты приступом и под-

¹ Королева Мария, жена Вильгельма Оранского.

² *De Foë, Weekly Review*, январь 1708 г.

³ 11—12 Will. III, с. 10. Кипы товаров, предназначенные для обратного экспорта, могли быть временно выгружаемы в английских портах, но при условии подачи о них таможенной декларации и помещения их на складе.

⁴ Одна брошюра 1703 г. оплакивает «современную моду на набивные и в ручных рисунках коленкоры, выписываемые из Индии». *J. Haynes, A view of the present state of the clothing trade in England*, p.19.

⁵ Любопытно, что одна из этих петиций выступает против всех других: она заступает за бумажные ткани в интересах самой же суконной промышленности, доказывая, что если цена английских шерстяных изделий понизится, то вывоз их должен будет возрасти. *Journ. of the House of Commons*, XIX, 254.

⁶ *The just complaints of the poor weaver truly represented (1719); A brief state of the question between printed and painted callicoes, and the woollen and silk manufactures (1719); The weaver's true case (1720); The further case of the woollen and silk manufactures (1720).* — И противоположного содержания: *Asgill, Brief answer to a brief state of the question, etc, (1719); The weaver's pretences examined (1719).*

верглись разграблению¹. Это возбуждение прекратилось лишь после проведения нового запретительного закона (7 Geo. I, с. 7), более определенного и радикального, чем предшествующий. «Принимая во внимание,—говорится в его вводной части,—что употребление коленкоров в рисунках и узорах для одежды или мебелировки наносит ущерб национальному производству шерстяных и шелковых тканей и имеет тенденцию увеличивать нужду, и что если не принять действительных мер для его прекращения, то последствием его может оказаться полная гибель названных отраслей промышленности и разорение тысяч подданных его величества, которые кормятся ими»,—запрещается всякому живущему в Англии лицу продавать или покупать эти ткани, носить их или хранить их у себя, под угрозой штрафа в 5 ф. ст. для частных лиц и 20 ф. ст. для торговцев.

Эти факты не могли не оказать влияния на развитие хлопчатобумажной промышленности в Англии. Уже в то время когда ввоз тканей из Индии не был подвержен никакому ограничению, спрос, созданный их ввозом, открывал шансы успеха и обогащения тому, кто сумел бы имитировать их². После запрещения 1700 г. эти шансы значительно возросли: публика, лишенная любимого изделия или, по крайней мере, вынужденная доставать его контрабандным путем, оказала благосклонный прием неискусным на первых порах имитациям английских ткачей.

Графство Ланкастер, где эта отрасль промышленности успела уже пустить ростки, представляло благоприятную почву для ее развития. Благодаря близости Ливерпуля сырье прибывало туда с возможно минимальными транспортными расходами. В то время как в предшествующем столетии хлопок привозился из Смирны в Лондон и уже оттуда шел в Манчестер,—Ливерпуль получал его непосредственно из Ост-Индии и Вест-Индии. Ибо Восток потерял свою монополию культуры хлопка: она процветала теперь на Антильских островах, в Бразилии³, и тогда как Индия или Китай вывозили только свой избыток, почти весь американский сбор хлопка шел в европейские порты; отсюда двойной поток ввоза, сходящийся в Ливерпуле. Но одного этого было бы недостаточно. В самом деле, бумагопрядение требует особых климатических условий: довольно значительной влажности воздуха, малой амплитуды колебаний температуры. Эти условия осуществлены в Ланкашире. Средняя температура лета составляет в Больтоне +16° Ц, зимы +4°. Среднее состоя-

¹ См. *The weaver's true case*, p. 40; *The weaver's pretences examined*, p. 16.

² В 1691 г. некий Джон Баркстед взял патент «на производство коленкоров, муслинов и тому подобных тканей, употребляя для этого хлопок, производимый плантациями его величества в Вест-Индии». См. *Chronological index of patents*, № 276.

³ Североамериканские колонии взялись за эту культуру лишь позже: только в 1764 г. несколько кип хлопка из Виргинии или Каролины были впервые выгружены на набережные Ливерпуля. Таможня задержала их как иностранный товар, ввезенный в нарушение навигационного акта, ибо никто не хотел верить, что они действительно привезены из английских колоний. *Encyclopaedia Britannica*, статья *Cotton*, VI, 486. См. *Considérations sur les manufactures de mousseline et de callico dans la Grande-Bretagne*. *Arch. des Affaires Étrangères, Angleterre, Mémoires et Documents*, LXXIV, fol. 182.

ние влаги равно 0,82; влажность наиболее сырого месяца равна 0,93, а самого сухого—0,78¹. Возвышенности, поднимающиеся на востоке и севере от Манчестера, по направлению к Рочделю и Аштону, задерживают идущие с моря облака; довольно крутые склоны их получают большую часть дождей, составляющих для всего графства годовую среднюю приблизительно в 1 м. Замечено, что фабрики имеют тенденцию все более и более группироваться в этом поясе с очень обильными осадками, где благодаря особой влажности атмосферы удается придать бумажной пряже исключительную тонину².

Одного недоставало ланкаширским прядильщикам и пряжам: ловких пальцев и необычайной искусности индийских рабочих. Пряжа, которую они получали при помощи орудий, вряд ли, правда, более совершенных, чем употребляемые в Индии³, была либо слишком груба, либо слишком слаба. Поэтому вошло в обыкновение выделывать смешанные ткани из льна и хлопка: льняная пряжа, более крепкая, шла на основу, а бумажная—на уток⁴. Таковы были материи, положившие первоначальное основание репутации Манчестера. Набиваемые от руки, при помощи гравированных набивных форм, они могли если не соперничать с индийскими ситцами, то, по крайней мере, с грехом пополам заменять их и удовлетворять спросу публики, встречавшему помеху вследствие запретительных мероприятий.

Но именно этого боялись производители шерстяных тканей. Их кампания 1715—1720 гг. была направлена по видимости против чужеземной промышленности и велась во имя английской промышленности по преимуществу. В действительности, однако, дело шло об устранении конкуренции, тем более стеснительной, что она обосновалась в самой Англии. Корпоративный эгоизм остался, быть может, ныне таким же свирепым, каким был прежде, но он стал менее наивным. В наши дни не стали бы писать строк, подобных следующим: «Как видно, наша страна не должна никогда испытывать недостатка во врагах, задавших целью во что бы то ни стало разорить ее; мы видим это из того, что не успели запретить индийских коленкоров и всех набивных тканей иноземного происхождения, как извращенные дети Великобритании... принялись за обход запретительного закона, обучая рабочих подражанию индусской ловкости»⁵. Таким образом, желание ввести в Англию новую отрасль промышленности объявлялось преступлением! Когда в публике высказывалась жалость к тысячам людей, которым предстояло лишиться из-за этого работы и хлеба, то некоторые свободные от предрассудков лица не могли удержаться от указания, что многие зато найдут

¹ *Sir Benjamin Dobson*, Humidity in cotton spinning, p. 17—22. Гравюры (p. 44, 45, 59, 67, 73) показывают, что сцепляемость и правильность хлопчатобумажной нити разнятся в зависимости от влажности атмосферы.

² *Schulze-Gavernitz*, La grande industrie, p. 58 и 108.

³ Некоторые усовершенствования были заимствованы у шерстяной промышленности, например, употребление самопрялки и металлических кард.

⁴ См. введение к акту 9 Geo. II, с. 4.

⁵ *The just complaints of the poor weaver truly represented*, p. 14.

занятия во вновь открывающихся мастерских¹. На это им возражали, что число рабочих, занимаемых в хлопчатобумажной промышленности, невелико². Но раз эта отрасль промышленности была так незначительна, то как поверить, что она могла делать убийственную конкуренцию старой, могущественной шерстяной промышленности?

Таким образом, были пущены в ход все средства, чтобы задушить хлопчатобумажную промышленность при самом ее рождении. Однако она не погибла. Запрещено было только употребление разрисованных или набивных коленкоров. Выделка тканей не прерывалась; что же касается набивки их, то существуют все основания думать, что к ней скоро стали относиться терпимо³: закон редко одолевает моду. Уже в 1736 г. производители добились от парламента издания закона, который формально изъял из запрещения 1720 г. смешанные ткани из льна и хлопка, как «отрасль старого бумазейного производства»⁴. Запрещение было сохранено по отношению к тканям из одного хлопка, разрисованным или набивным; оно было отменено только в 1774 г. по требованию Ричарда Аркрайта⁵.

Эта история первых шагов хлопчатобумажной промышленности интересна во многих отношениях. Она дает нам весьма отчетливый пример влияния торгового развития на развитие промышленности. Новая отрасль промышленности—дочь ост-индской торговли. Зарождение ее было обусловлено ввозом иноземного товара; точно так же ввоз экзотического сырого материала определил отчасти место и условия, в которых она обосновалась. Не менее интересна роль, которую сыграла в этом случае старая текстильная промышленность. Своим слепым духом монополии она сама вызвала конкуренцию, которую потом пыталась раздавить; успех английских бумажных тканей, явившихся суррогатом индийских, ведет свое начало от запрещения 1700 г. Наконец, перед нами ясно выступает с тех пор контраст между обеими соперничающими отраслями промышленности, и он помогает нам понять быструю эволюцию одной и более трудное и более позднее преобразование другой. Новая, лишенная традиций отрасль промышленности имела на своей стороне, за недостатком привилегий, все преимущества свободы. Она не была связана рутинной традицией, не была стеснена мелочной регламентацией, которая препятствовала бы техническому прогрессу или задерживала его. Она явилась словно опытным полем, открытым для изобретений, для всякого рода инициативы. Именно на этой вполне подготовленной для него почве предстояло осуществиться вскоре первым шагам машинного производства.

¹ *Asgill*, Brief answer to a brief state of the question between printed calicoes and the woollen and silk manufactures; The weaver's pretences examined; Reasons humbly offered to the House of Commons by the callico-printers.

² *The just complaints of the poor weaver*, p. 25.

³ См. введение к акту 9 Geo. II, с. 4: «Принимая во внимание, что в течение нескольких лет в этом королевстве ткались из льняных и хлопчатобумажных нитей большие количества тканей в ручных рисунках и набивных...»

⁴ 9 Geo. II, с. 4.

⁵ 14 Geo. III, с. 73.

Хлопчатобумажная промышленность, как со стороны организации труда, так и со стороны оборудования, была вначале точка в точку похожа на шерстяную промышленность. Она носила характер домашней и сельской промышленности. Ланкаширский ткач работал в деревне, в своем коттедже, окруженном небольшим участком земли¹; женщины и дети чесали хлопок и пряли². Нигде тесное сочетание земледелия с промышленностью не было так необходимо: влажный и туманный климат, степная и болотистая местность вынуждали крестьянина искать других заработков, кроме земледельческого труда.

Вместе с характерными чертами домашней системы мы и здесь находим следы самопроизвольной эволюции, которая мало-помалу внесла сюда элемент капитализма. Около 1740 или 1750 г. в графстве Ланкастер появляется класс предпринимателей, вполне сходный с так называемыми купцами, промышленниками юго-запада. Их называли *fustian-masters* (хозяева-бумазейщики). Они покупали сырье, льняную пряжу и хлопок и раздавали его ткачам; эти последние брали на себя выполнение подготовительных операций, чесание, приготовление ровницы и прядение, играя, таким образом, роль помощников-предпринимателей и одновременно рабочих. Часто мы находим ниже их еще одну категорию посредников: прядильщиков, которые получают плату от ткачей и, в свою очередь, платят от себя сами чесальщикам и тем, кто приготавливает ровницу³. Сотканный кусок материи сдавался хозяину-бумазейщику, который перепродавал его торговцам в собственном значении этого слова⁴. Как мы видим, разделение труда уже подвинулось здесь довольно далеко. И в то время как работа по прядению раздавалась еще по деревням, ткачество обнаруживало уже тенденцию к сосредоточению в нескольких пунктах, среди которых главным был Манчестер.

В таком виде эта отрасль промышленности сделала довольно заметные успехи—если не в такой степени, чтобы оправдать зависть и тревогу, жертвою которых она чуть не сделалась в 1720 г., то, по крайней мере, настолько, чтобы оправдывать благоприятное мнение об ее жизнеспособности и будущности⁵. Но пока ее техника не была изменена, она все-таки оставалась второстепенной отраслью промышленности и даже менее чем второстепенной. В 1750 г. ценность выве-

¹ *E. Butterworth*, *Hist. of Oldham*, p. 105—107.

² «В Меллоре в 1770 г. имелось от 50 до 60 фермеров. Все они, за исключением, может быть, шести или семи, пряли или ткали хлопок, лен или шерсть. Коттеры были одновременно земледельцами и ткачами: летом они оставляли свои станки и нанимались жать». *W. Radcliffe*, *Origin of the new system of manufacture, commonly called power-loom weaving*, p. 59—60.—«Фермы обрабатывались в особенности в целях производства молока, масла и сыра... По окончании работы на ферме, занимались чесанием, растягиванием и прядением шерсти и хлопка». *S. Bamford*, *Dialect of South Lancashire*, p. 4.

³ *R. Guest*, *Compendious history of the cotton manufacture*, p. 10; *E. Butterworth*, *Hist. of Oldham*, p. 103.—*Butterworth*, кажется, заимствовал из книги *Guest*'а часть приводимых им фактов.

⁴ Как и в шерстяной промышленности, крашение и отделка лежали на торговце. *R. Guest*, *ouvr. cité*, p. 11.

⁵ См. *The late improvements in trade, navigation and manufactures considered* (1739) у *J. Smith*, *Memoirs of Wool*, II, 89.

зенных из Англии хлопчатобумажных тканей составляла едва 46 тыс. ф. ст.¹ В 1760 г. в Манчестере было устроено, по случаю коронации Георга III, большое шествие цехов «в соответственных костюмах и с присвоенными им значками». Среди участников этой церемонии фигурировали портные, сапожники, шапочники, ткачи шелка и шерсти, чесальщики шерсти, красильщики, столяры. О рабочих, прявших или ткавших хлопок, нет речи; они были, несомненно, слишком малочисленны, чтобы составить отдельную группу². Однако ряд изобретений, которым предстояло вскоре преобразовать хлопчатобумажную промышленность, а за нею и все другие отрасли текстильной промышленности, уже начался.

Одно общераспространенное заблуждение, против которого мы должны теперь же предостеречь читателя, заключается во мнении, что технические изобретения всегда и везде были результатом практического применения научных открытий. Мы нисколько не думаем оспаривать решительное влияние, оказываемое на технический прогресс естественными науками. Но если внимательно всмотреться в этот прогресс, то он разлагается на два вполне отличных друг от друга момента. Наука появляется на сцену только во второй из этих моментов. Первый состоит весь из эмпиризма и искания ощупью; экономическая необходимость и самопроизвольные усилия, вызываемые ею, достаточны для его объяснения. Всякий технический вопрос есть прежде всего вопрос практический и возникает сначала именно как таковой. Раньше чем встать как проблема перед людьми, обладающими теоретическими познаниями, он встает перед профессионалами как трудность, которую требуется преодолеть, или как материальная выгода, которой надо добиться. Мы наблюдаем здесь как бы инстинктивное движение, которое не только предшествует сознательному, но и является его необходимой предпосылкой. «Общезвестен факт,—говорил в 1785 г. адвокат Адэр, защищавший интересы Ричарда Аркрайта,—что самые полезные изобретения во всех ремеслах и мануфактурах были сделаны не кабинетными умозрительными философами, а смышленными ремесленниками во время хода привычных технических приемов,—людьми, знакомыми практически с тем, что составляло предмет их изысканий»³. Идея, внезапно рождающаяся в уме гениального человека и применение которой производит столь же внезапно экономическую революцию,—такова романтическая, так сказать, теория изобретений⁴. Действительность не показывает нам нигде таких примеров творчества «из ничего»—настоящих чудес, которых ничем нельзя было бы объяснить, если не считать объяснением таинственную силу индивидуального вдохновения. История изобретений представляет собой не только историю изобретателей, но и историю коллективного опыта, разрешаю-

¹ См. статистические данные, извлеченные из таможенных записей, у *E. Baines*, *Hist. of the cotton manufacture*, p. 215.

² *The new Manchester Guide* (1804), p. 43.

³ *R. Arkwright versus Peter Nightingale*, p. 1—2.

⁴ Дж. А. Гобсон употребляет выражение «героическая теория» («*Evolution of modern capitalism*», p. 57). См. *L. Brentano, Über die Ursachen der heutigen sozialen Not.*, p. 30.

щего постепенно проблемы, которые ставятся коллективными нуждами.

Среди изобретений, преобразовавших текстильную промышленность, первым по времени, составившим как бы исходный пункт всех остальных, было простое усовершенствование старого ткацкого станка: мы имеем в виду челнок-самолет (fly-shuttle), изобретенный Джоном Кэем (Kay) в 1733 г. Кэй родился в 1704 г. близ Бэри, в графстве Ланкастер, и работал сначала у одного суконщика в Кольчестере. Затем у нас есть сведения, что около 1730 г. он занимался производством берд (гребней) для ткацких станков¹. Таким образом, он наполовину ткач, наполовину механик: он сам пользовался орудиями, которые старался потом усовершенствовать. В этом самом 1730 г. он сделал свое первое изобретение: новый способ «чесать и готовить ровницу из могоэра (козьей шерсти) и гребенной шерсти»². Ему приписывают также введение стальных берд вместо деревянных или роговых, которыми были снабжены старые станки³.

Изобретение самолетного челнока было вызвано одной практической трудностью, которую постоянно испытывали ткачи. Получить куски известной ширины невозможно было иначе, как занимая для этого двух или более рабочих, ибо один рабочий, передавая челнок из одной руки в другую, принужден был, конечно, соразмерять ширину ткани с длиной своих рук. Кэй придумал способ пробрасывать челнок от одной стороны станка к другой: для этого он снабдил его роликами и поместил на гладкой доске (склизе), расположенной таким образом, чтобы не мешать поочередному опусканию и подыманию нитей основы. Чтобы сообщить челноку движение взад и вперед, он поместил справа и слева две деревянные ракетки, подвешенные на горизонтальных прутьях; обе ракетки были соединены двумя шнурами с одной и той же рукояткой, так, чтобы можно было одной рукой пробрасывать челнок в обоих направлениях. Система функционировала следующим образом: ткач, дергая шнур, приводил поочередно в движение ракетки; челнок, получив от них резкий удар, летел вдоль склиза, а пружина у конца каждого прута останавливала и приводила сделавшую свое дело ракетку в первоначальное положение⁴.

Самолетный челнок не только давал возможность ткать более

¹ *Bennett Woodcroft*, Brief biographies of inventors, p. 2.

² *Abridgments of specifications relating to weaving*, I, 3 (патент № 515).

³ *R. W. Cooke-Taylor*, *Introd. to the history of the factory-system*, p. 405.

⁴ См. «спецификацию» (описание), приложенную к патенту и помеченную 26 мая 1733 г. «Челнок, изобретенный недавно для лучшего и более аккуратного тканья широкого сукна, саржи, парусного полотна и вообще широких материй... Он гораздо легче употреблявшегося до сих пор челнока и снабжен четырьмя роликами; он проходил через нити основы вдоль доски длиной около 9 футов, помещенной внизу и прикрепленной к раме станка (т. е. к нижнему брусу баттана, удлиненному в обе стороны и снабженному по концам коробками для помещения челнока). Челнок приводится в движение при помощи двух деревянных ракеток, подвешенных к раме... и шнура, который ткач держит в руке. Последний, сидя посередине, пробрасывает челнок с одной стороны на другую с необычайной легкостью и быстротой путем легкого дергания шнура». *Abridgments of specifications relating to weaving*, I, № 542 (см. гравюры Энциклопедии, т. III дополнения, статью *Draperie*).

широкую ткань, но позволял также ткать гораздо быстрее прежнего. Джон Кэй не избежал вечного упрека, который делается изобретателям: кольчестерские ткачи обвиняли его в том, что он хочет лишить их хлеба. В 1738 г. он отправился искать счастья в Лидс, но там он натолкнулся на не менее жестокую враждебность промышленников, которые весьма не прочь были пользоваться его челноком, но отказывались платить ему за это. Пошли бесконечные тяжбы; для ведения их промышленники устроили союз, Shuttle Club; Кэй разорился на судебные издержки¹. Из Лидса он вернулся около 1745 г. в свой родной город Бэри. Но ненависть врагов продолжала преследовать его и здесь: в 1753 г. вспыхнул настоящий бунт, толпа ворвалась в его дом и разгромила его. Несчастный изобретатель бежал сначала в Манчестер, откуда выбрался, говорят, спрятанным в мешке с шерстью²; затем он сел на корабль и уехал во Францию. Несмотря на противодействие, которое долго встречало употребление самолетного челнока, последний все-таки получил скоро всеобщее распространение, и уже к 1760 г. влияние его давало себя чувствовать во всех отраслях текстильной промышленности³.

Последствия этого изобретения были неисчислимы. Различные операции одной и той же промышленности образуют как бы совокупность солидарных движений, подчиненных одному и тому же ритму, и когда какое-нибудь техническое усовершенствование вносит изменение хотя бы в одну из этих операций, то оно нарушает общий ритм. Во всей системе происходит как бы нарушение равновесия, и пока расстроившаяся соразмерность движений не восстановлена, вся система остается неустойчивой, подверженной колебаниям, которые только мало-помалу становятся правильными и дают начало новому ритму производства⁴. Двумя главными операциями текстильной промышленности являются прядение и ткачество; при нормальном ходе вещей они должны идти в ногу друг с другом: количество пряжи, произведенной в данный промежуток времени, должно соответствовать количеству материи, которое можно соткать в то же время. Ткацкие станки не должны прекращать своей работы из-за недостатка пряжи, и, наоборот, прядильни не должны подвергаться опасности простоя из-за того, что они раньше работали слишком быстро.

В старой текстильной промышленности это равновесие трудно было поддерживать: известно, что один станок давал работу пяти или шести самопрядкам⁵. В результате получалась при нормальных

¹ *A. Barlow*, Principles and history of weaving, p. 96; *B. Woodcroft*, Brief biographies of inventors, p. 3; Cotton-spinning machines and their inventors, Quarterly Review, CVII, 49.

² *B. Woodcroft*, ouvr. cité, p. 4—5; A complete history of the cotton trade, p. 302.

³ В 1767 г. в Лондоне произошел жестокий конфликт между *raggow-weavers* (ткачами узких материй) и *engine-weavers* (машинными ткачами) (см. Annual Register, 1767, p. 152). Однако в некоторых районах самолетный челнок вошел в употребление лишь гораздо позже: в графствах Вилтс и Сомерсет он появился не ранее XIX в. См. Journ. of the House of Commons, LVIII, 885.

⁴ Этот процесс был очень хорошо описан и разобран Дж. А. Гобсоном в Evolution of modern capitalism, p. 59.

⁵ См. 1-я ч., гл. I, стр. 31.

условиях, несмотря на ввоз, почти постоянная нехватка пряжи¹. Когда самолетный челнок значительно ускорил труд ткача, эта нехватка стала еще более чувствительной. Пряжа не только поднялась в цене, но часто невозможно было достать требуемое количество ее в ограниченный срок. Отсюда опоздания в сдаче кусков, к великому ущербу производителей. Ткачи, которые должны были платить от себя прядильщикам или пряхам, с большим трудом могли выработать себе на жизнь. Такое положение вещей не могло долго длиться. Абсолютно необходимо было, чтобы равновесие было восстановлено: надо было найти способ производить пряжу с такой же быстротой, с какой происходило ткачество. По мере того как эта необходимость давала себя настоятельнее чувствовать, искания в этом направлении велись с большой энергией, пока практическое решение не было, наконец, найдено.

IV

Хлопчатобумажная промышленность была как бы предназначена служить полем для опытов. Поскольку дело касается механического прядения, она представляла для изобретателей особенно благоприятные условия, ибо хлопок, будучи материалом более цепким и менее эластичным, чем шерсть, легче поддается кручению и вытягиванию в непрерывную нить.

Вопрос о происхождении прядильной машины до сих пор еще остается несколько темным. В изобретении участвовало два человека — Джон Уайатт — (Wyatt) и Льюис Пауль: точно определить их относительные роли — задача довольно щекотливая². Льюис Пауль фигурирует на первом плане: именно он берет в 1738 г. патент на изобретение, где имя Уайатта не упоминается³, и современники именно его считали, повидимому, изобретателем⁴. Существует, однако, возможность полагать, что один сделал гораздо меньше, а другой — гораздо больше, чем можно было бы думать, исходя из одних видимых фактов.

Джон Уайатт родился в 1700 г. в деревне в окрестностях Личфильда. Первоначально он занимался плотничьим ремеслом⁵, но он родился изобретателем, с тем специфическим темпераментом, проявление которого напоминает проявление инстинкта. Он изобретал в течение всей своей жизни, и разнообразие его последовательно сменявшихся проектов поражает не меньше, чем их многочисленность:

¹ Особенно летом, когда все сельское население было занято полевыми работами. См. свидетельское показание Генри Голла, президента Worsted Committee, цитированное Джемсом в *History of the worsted manufacture*, p. 312.

² Ч. Уайатт («On the origin of spinning cotton by machinery», *Repertory of arts, manufactures, and agriculture*, II série, vol. XXXII, 1818) приписывает честь изобретения своему отцу. Напротив, Роб. Коль («Some account of Lewis Paul» — приложение к составленной Френчем биографии Кромптона) утверждает, что настоящим изобретателем был Льюис Пауль. По мнению Baines'a (*Hist. of the cotton manufacture*, p. 119 и сл.), машина была изобретена Уайаттом и усовершенствована Льюисом Паулем.

³ *Abridgments of specifications relating to weaving*, I, № 562.

⁴ Письмо д-ра Джемса библиотекарю Варрену от 17 июля 1740 г.: «Вчера мы ходили смотреть машину мистера Пауля». *R. Cole, Some account of Lewis Paul*, p. 256.

⁵ *John Wyatt, master carpenter and inventor*, p. 1—4.

гарпуны, выбрасываемые ружьем, усовершенствованные весы, машины для ремонта и выравнивания дорог, такими проектами наполнены его бумаги, хранящиеся в Бирмингемской библиотеке¹. Первым его изобретением была, повидимому, машина для обточки и сверления металлов; она была куплена одним бирмингемским оружейником, по имени Ричард Гили². Этот Гили делал плохие дела и, не будучи очевидно, в состоянии выполнить свои обещания, решил уступить свои права третьему лицу. Новым приобретателем был Льюис Пауль, который вступил, таким образом, в сношения с Уайаттом: заключенный между ними договор об эксплуатации изобретения, брошенного оружейником Гили, помечен 19 сентября 1732 г.³.

Льюис Пауль, сын французского эмигранта, пользовавшийся покровительством графа Шефтсбери, был интеллигентным, энергичным человеком, с манерами и подчас претензиями джентльмена. Он считал в числе своих родственников богатых или знаменитых людей, например, Кэва, издателя «Gentleman's Magazine», и Самюэля Джонсона, автора известного словаря⁴. Уайатт надеялся, без сомнения, извлечь отсюда пользу; быть может, Пауль уверил его, что у него есть деньги⁵. Так или иначе, но они вступили в кампанию, которая стала вскоре более тесной и продолжалась более десяти лет.

В момент встречи с Льюисом Паулем у Джона Уайатта, по словам его сына Чарльза Уайатта, уже зародилась мысль о прядильной машине. В следующем 1733 г. он осуществил ее. «Около 1730 г., — пишет Чарльз Уайатт в цитированной выше книге, — у нашего отца, жившего тогда в деревне близ Личфильда, явилась первая идея этого изобретения, и он занялся осуществлением ее. И вот в 1733 г., в небольшом здании близ Sutton Coldfield, была выпрядена на модели приблизительно в 2 фута первая хлопчатобумажная нить без помощи человеческих пальцев⁶, причем сам изобретатель, выражаясь его собственными словами, стоял рядом в ожидании, волнуемый одновременно чувством радости и тревоги»⁷. Некоторые указания, содержащиеся в бумагах Джона Уайатта, достаточно согласуются с этим рассказом. Мы имеем в виду письма, где он намекает на новое изобретение, от которого ждет больших результатов. «Мне кажется, —

¹ Wyatt MSS, I, 1, 8, 21, и II, 16, 25, 30, 32.

² Wyatt MSS, I, 4.

³ «Пункты намеченного соглашения выведены, сформулированы и полностью согласованы 19 сентября шестого года царствования нашего Суверена Господина Георга Второго, божьей милостью и т. д., и 1732 г. от р. х. между Льюисом Паулем, дворянином из прихода Сент-Эндрью, в Голборне, в графстве Миддлсекс, с одной стороны, и Джоном Уайаттом из прихода Вифорд и графства Стаффорд, плотником». Пауль обещает Уайатту 500 ф. ст., подлежащих уплате из дохода от изобретения. Wyatt MSS, I, 2.

⁴ См. письма, опубликованные в Birmingham Weekly Post, n^{os} des 22, 29 août et 29 décembre 1891.

⁵ Уайатт не всегда вполне верил ему. См. его письма к брату от 25 сентября и 28 октября 1733 г. Wyatt MSS, I, 8 и 10.

⁶ Было ли это действительно впервые? Каталог патентов упоминает о двух аналогичных изобретениях: одно относится к 1678 г. и принадлежит Ричарду Диргему и Ричарду Гейнсу (№ 202), а другое — к 1723 г. и принадлежит Томасу Туэйтсу и Френсису Клифтоу (№ 459). Во всяком случае эти изобретения ничего после себя не оставили.

⁷ *Cf.* Wyatt, *ouvr. cité*, p. 80.

пишет он своему брату, — что я нашел довольно важную игрушку (gimcrack)». И он сообщает о своем намерении переселиться в Бирмингем¹. Затем мы находим два довольно загадочных документа, помеченных 12 и 14 августа 1733 г.: они содержат условия, на которых Льюис Пауль становится единственным собственником «известной машины для известного употребления»². Это намеренно темное обозначение и значительность суммы, обещанной Уайатту в обмен за его права на таинственную машину³, дают основание думать, что дело идет здесь об очень ценном секрете. Изобретение не было еще, впрочем, закончено и не могло дать немедленных барышей.

Прошло несколько лет, прежде чем оно могло получить практическое применение. Переписка обоих компаньонов выдает их разочарование. Взаимные упреки чуть не привели в 1736 г. к разрыву. Уайатт жаловался на нужду, в которую повергли его обещания Льюиса Пауля: «Я несчастнее, — писал он, — бедняка, просящего милостыню... Я задаю себе вопрос, не представляет ли моя опрометчивая легковёрность преступление более непростительное, чем все те, в которых вы меня обвиняете». Льюис Пауль напоминает ему, что он всецело в его руках: «Я знаю ваш большой секрет и могу делать с вами все, что захочу»⁴. К тому же у Пауля не было денег; лишь с большим трудом он мог притти в 1737 г. на помощь Уайатту, дошедшему до крайней нужды. Повидимому, он отчаивался в успехе затеянного предприятия: «Мне кажется, — пишет он Уайатту, — вы продолжаете еще отдаваться пустым мечтам о том, что было для нас прямой дорогой к разорению... С вашей стороны было чудовищной неосторожностью рискнуть всем ради затеи, от которой при разумном отношении к делу можно было ждать лишь небольших результатов или даже полного отсутствия таковых»⁵.

К следующему году машина получила, очевидно, усовершенствования, в которых она еще нуждалась, и наши компаньоны воспрянули духом. Патент был зарегистрирован 24 июня 1738 г.

Этот патент представляет собой важный документ для истории промышленной техники; текст его сравнительно ясен и дает о машине Уайатта, первоначальные модели которой исчезли, довольно отчетливое представление: «Машина эта устроена для прядения шерсти или хлопка..., которые до помещения в нее должны быть подготовлены сначала следующим образом: содержимое каждой карды, после того как оно навито само на себя, соединяется концами (с содержимым других кард) так, чтобы вся масса образовала своего рода бечевку или толстую нить... Один конец этой бечевки помещается между двумя

¹ Wyatt MSS, I, 9. Это письмо не имеет даты, но очевидно предшествует другим письмам 1733 г., где это же слово (gimcrack) повторяется уже как привычное. Позже оно превращается в своего рода условный шифр: 25 gimcrack или—25. Ibidem, I, 13.

² Wyatt MSS, I, 1 и 5.

³ Он должен был получить 2 500 ф. ст.; если бы он умер в течение ближайших четырех лет, то его наследники должны были получить 450 ф. ст., а вдова—ежемесячную пенсию в 10 ф. ст. Ibidem.

⁴ Wyatt MSS, I, 23—28 (Письмо Пауля Уайатту, без даты, р. 24; письмо Уайатта Паулю от 21 апреля и 21 сентября 1736 г., р. 25 и сл.).

⁵ Wyatt MSS, II, 69, 71—75 и I, 35—37.

валиками или цилиндрами¹, которые вследствие своего вращательного движения и пропорционально скорости этого движения увлекают подвергаемый прядению хлопок или шерсть. В то время как этот хлопок или шерсть равномерно проходят между обоими цилиндрами, последовательный ряд других цилиндров, вращающихся со все большей скоростью, вытягивает их в нить какой угодно тонины»². Таково существенное расположение частей машины, которое мы встретим опять в так называемой машине Аркрайта. Если мы без труда можем понять, каким образом нить, проходя между валиками, вращающимися со все большей скоростью, вытягивается и становится все тоньше по мере своего движения вперед, то не так легко понять, каким путем она приобретает так называемый *twist*, т. е. степень скручивания, которая сообщает ей надлежащую крепость. Текст патента в этом пункте довольно темен: несомненно, что здесь скрывалась слабая сторона изобретения³.

Образовавшаяся нить наматывалась затем на веретена, вращение которых сообразовалось с вращением самых скорых цилиндров. Эти веретена могли служить, в случае надобности, и для другой цели. «Иногда употребляется только первая пара валиков, и тогда катушки или веретена, на которые наматывается нить, располагаются таким образом, чтобы тянуть к себе нить быстрее, чем она подается им валиками, а именно—пропорционально степени тонины, которую хотят получить». В этом случае валики служат только для удержания нити, а вытягивание и кручение ее производятся веретенами, вращающимися вокруг своей оси. Принцип здесь почти тот же, что в дженни Харгривса. Таким образом, оба великих изобретения, которым предстояло 30 лет спустя окончательно разрешить проблему механического прядения, ведут свое начало от машины Уайатта.

Какова должна быть двигательная сила? Этим вопросом изобретатель, повидимому, не был сначала озабочен. Но он допускал, как нечто очевидное, что сила эта в состоянии будет приводить в движение несколько прядильных машин зараз. Размышляя об этом предмете, он представлял себе нечто вроде мельницы, где колеса-двигатели приводятся в действие лошадьми, водой или ветром⁴. Только позже ему пришла в голову мысль, что его изобретение могло бы быть приурочено к нуждам мелкого производства: «В тех районах, где не будет подходящих условий для употребления этих больших машин, можно будет делать небольшие, легко перевозимые машины, достаточные для снабжения пряжей одного или двух ткачей с их семьями»⁵. Именно так была применена позже дженни Харгривса, тогда как машина Аркрайта дала начало крупным прядильням.

¹ Поверхность одного из этих цилиндров была гладкая, другая же, напротив, представляла «шероховатости или борозды, или же она была покрыта кожей, сукном, волосом или металлическими остриями». Wyatt MSS, I, 45—48. Это было сделано для того, чтобы они лучше прилегали одна к другой.

² Abridgments of specifications relating to weaving, I, № 562.

³ См. по этому вопросу замечания A. Ure, The cotton manufacture of Great Britain, I, 209.

⁴ Wyatt MSS, I, 34.

⁵ Ibidem.

Уайатт предвидел фабричную систему и принимал во внимание ее вероятные последствия. По его расчету, машины должны были сократить на одну треть число необходимых рабочих рук. Каков будет результат такого сокращения? Во-первых, очевидный выигрыш для фабриканта. Но не явится ли этот выигрыш ущербом для рабочих и для всего общества? Уайатт не думал этого: «реализуемая фабрикантом добавочная прибыль поощрит его к новым предприятиям и позволит ему развить свою промышленность соответственно экономии, которую сделают возможной его машины. Расширение его дел побудит его, без сомнения, дать занятие некоторым из рабочих, которых он рассчитал. Затем понадобится более многочисленный персонал во всех других отраслях текстильной промышленности, а именно—понадобятся ткачи, стригали, шерстомои, чесальщики шерсти и т. д... Имея больше работы, чем прежде, последние сумеют больше зарабатывать»¹. Вся нация будет в выигрыше от этого. «Всякое усовершенствование этого рода, будучи введено в одной какой-нибудь отрасли промышленности, представляет несомненный выигрыш для страны, в особенности когда дело идет о стране, торгово-промышленная деятельность которой развивается с такой быстротой, как у нас... Точно так же человек, работающий быстрее своих соседей, должен непременно зарабатывать больше, или, если он находит технический прием, благодаря которому один из его членов семьи зарабатывает столько, сколько они прежде зарабатывали все вместе взятые, то все, что остальная семья может приобрести другими способами, составляет, очевидно, новый барыш»².

Во всяком случае этому изобретению, долженствовавшему обогатить Англию, не удалось обогатить своих первых авторов. Повидимому, оно до 1740 г. не получило практического применения. Тем временем Льюис Пауль был посажен в тюрьму за долги, а модель машины описана вместе с прочей его движимостью³. Наконец, в Бирмингеме была устроена маленькая прядильня, несомненно, при помощи капитала, ссуженного друзьями Пауля; управляли ею сами изобретатели. Она имела одну машину, приводимую в движение двумя ослами и обслуживаемую десятью работницами⁴. В литературе было высказано сомнение, чтобы эта машина могла правильно работать и производить пряжу хорошего качества; этим и объясняется будто бы неудача предприятия⁵. Такого заключения как будто нельзя вывести из свидетельств современников. «Вчера,—писал д-р Джемс библиотекарю Уоррену,—мы пошли посмотреть машину м-ра Пауля, которая вполне удовлетворила нас... Я убежден, что если

¹ Wyatt MSS, I, 33.

² Ibidem, I, 32.

³ Письмо Льюиса Пауля от 6 января 1739 г. Письмо Уайатта от 17 апреля, Wyatt MSS, I, 50—57. Именно в это время Льюис Пауль просил у герцога Бедфордского разрешения произвести испытание своей машины в лондонском госпитале для подкидышей.

⁴ *Ch. Wyatt, ouvr. cité*, p. 81; *Local Notes and Queries* (Библи. Бирмингема) 1889—1893, № 2811, 2815, 2832.

⁵ *A. Ure, Cotton manufacture*, I, 217.

бы Пауль располагал для начала 10 000 ф. ст., то он в 20 лет мог бы нажать больше денег, чем стоит все лондонское Сити»¹.

Этих 10 тыс. ф. ст. Пауль и Уайатт всю свою жизнь не имели. Вот почему их предприятие, несмотря на свои скромные размеры, не в силах было удержаться. В 1742 г. они обанкротились²; изобретение было продано Эдварду Кэву, издателю «Gentleman's Magazine». Этот последний попробовал поставить дело на широкую ногу. Он устроил в Нортгемптоне мастерскую, где были поставлены 5 машин по 50 веретен в каждой. Подобно фабрикам для производства органсина в Дерби, эти машины пускались в ход гидравлическим двигателем, приводимым в действие водою р. Нен. Прочесывание производилось при помощи цилиндрических кард, изобретенных Льюисом Паулем³. Персонал состоял из 50 работников и работниц; половина была занята прочесыванием хлопка, а остальные наблюдали за машинами и связывали оборвавшиеся нити⁴. Недостаток испытывался на этот раз не в капитале, а в элементе, столь же необходимом для успеха промышленного предприятия: в хорошей администрации, как коммерческой, так и технической. По расчетам Уайатта, предприятие должно было бы приносить более 1 300 ф. ст. прибыли в год, между тем, вследствие неопытности и халатности лиц, управлявших им, оно с трудом прозябало⁵ и, оставаясь мало кому известным, прекратило свое существование в 1764 г.⁶; оборудование его было куплено впоследствии Ричардом Аркрайтом. Однако, несмотря на шаткое существование нортгемптонской фабрики и на то, что она вызвала мало шума в деловом мире, ее приходится считать первой бумагопрядильней в Англии, родоначальницей всех фабрик, бесчисленные трубы которых высятся теперь вокруг Манчестера, Глазго, Руана, Лоуэлла и Хемница.

В поэме Дайера, посвященной описанию и прославлению шерстяной промышленности, имеется любопытное место, очевидно, относящееся к применению изобретения Уайатта. Автор посещает суконную мануфактуру в долине р. Кальдер, и здесь ему показывают «недавно изобретенную круговую машину, которая вытягивает и прядет шерсть без скучной работы рук, ставших ненужными. Невидимое колесо под полом, расположенное гармонично относительно колес механизма, сообщает необходимое движение. Внимательный рабочий следит за машиной; прочесанная шерсть, — объясняет он нам, — осторожно захватывается этими движущимися цилиндрами, которые легко, без усилия вращаясь, подводят ее вот туда, к этому ряду вертикальных веретен, а эти последние путем быстрого вращения дают однородную непрерывную нить бесконечной длины»⁷. Действительно ли доказывает, однако, приведенный текст, что машина Уайатта применялась в шерстяной промышленности ранее 1760 г.? В этом позволи-

¹ R. Cole, Some account of Lewis Paul, в качестве приложения к French, Life of Crompton, p. 256.

² Wyatt MSS, I, 65; II, 82.

³ Патент № 636.

⁴ Wyatt MSS, I, 76 и сл.

⁵ Remarks on M. Cave's works at Northampton (1743), Wyatt MSS, I, 82.

⁶ Ch. Wyatt, On the origin of spinning cotton by machinery, p. 81.

⁷ Dyer, The Fleece, кн. III, стр. 291—302.

тельно сомневаться. Дайер хотел, вероятно, просто описать образцовую мануфактуру, куда и перенес путем законного вымысла ту машину, которую мог видеть в действии в нортгемптонской фабрике,—единственной, существование которой составляет бесспорный факт¹.

Как бы то ни было, изобретение не получило распространения, и попытки, которые были сделаны в целях его эксплуатации, остались мало замеченными. Ткачи продолжали жаловаться на недостаток пряжи и ее чрезмерно высокую цену. В 1761 г. Общество поощрения ремесл и мануфактур, основанное лишь немногими годами раньше, опубликовало заметку следующего содержания: «Общество осведомлено, что когда прядильщики заняты в поле жатвенными работами, то производители шерстяных, льняных и бумажных тканей испытывают величайшие затруднения в приискании достаточного числа рабочих, чтобы иметь возможность продолжать раздачу работ ткачам; за отсутствием необходимой быстроты в этой части производства сдача заказов, сделанных торговцами, часто запаздывает, к великому ущербу торговца, производителя и нации вообще». Общество полагало, что нужно поощрить всякое изыскание, способное помочь этой беде, и назначило две премии для тех, кто сумеет не построить прядильную машину,—такая мысль не приходила даже в голову членам Общества,—а просто усовершенствовать самопрялку².

Таким образом, проблема продолжала оставаться неразрешенной, и решения ее ожидали и требовали со все возрастающим нетерпением. Если бы Уайатт и Пауль имели перед собою 20 годами раньше такой настоятельный спрос, то их труды были бы, несомненно, вознаграждены лучшими результатами. Но они явились слишком рано. Для изобретения плохо, если оно слишком опережает момент достижения наибольшей интенсивности той потребностью, которую оно должно удовлетворить.

V

Этот решительный момент, наконец, наступил. Следует отметить, что оба великих изобретения, успех которых произвел революцию в текстильной промышленности, появились почти одновременно: так называемая *spinning-jenny* Харгривса и *water-frame* Аркрайта³ отделены друг от друга только одним или двумя годами. Изобретение *water-frame* относится, повидимому, к 1767 г., а изобретение *jenny*—к 1765 г.; в употребление та и другая машина вошли

¹ См. примечание к стиху 292: «Циркулярная машина. Это—очень любопытная машина, изобретенная мистером Паулем. В своем теперешнем виде она предназначена для прядения хлопка, но ее можно употребить и для прядения самой тонкой шерсти». Таким образом, применение ее для прядения шерсти является, по признанию автора, простой возможностью.

² *Transactions of the Society for the encouragement of Arts and Manufactures*, I, 314—315. Действительно, было сделано несколько попыток в этом направлении. Некий Гаррисон сконструировал в 1764 г. самопрялку, «с помощью которой ребенок мог прясть вдвое скорее взрослого, пользующегося самопрялкой обычного образца». *A. Warden, The linen trade*, p. 371.

³ Аркрайт не был ее действительным изобретателем. См. гл. II, стр. 186—189.

в 1768 г., а патенты, образующие, так сказать, их официальные метрические свидетельства, выданы соответственно в 1769 и 1770 гг. Они являются двойным результатом одного и того же ряда экономических причин.

Но если происхождение обоих изобретений тождественно, то действие их было, напротив, довольно неодинаково. Исторически одновременные, они логически представляют, однако, две последовательные ступени промышленной эволюции. Изобретение Харгривса отличается большой простотой, оно вносит менее глубокие изменения в организацию труда. Оно отмечает собою переходную стадию между ручным трудом и машинным производством, между домашней системой, или системой мелкой мануфактуры, и фабричной системой.

О личности и жизни Джеймса Харгривса мы знаем мало. Между 1740 и 1760 гг. он жил в окрестностях Блэкберна, в Ланкашире, где совмещал ремесло ткача с ремеслом плотника¹. Заниматься машинами ему приходилось, без сомнения, как плотнику. В эту эпоху, когда инженеров по профессии не было, роль их, с грехом пополам, выполняли столяры, слесари, часовщики, достаточно привычные к работе по дереву и металлу, к установке колесных механизмов и сборанию их частей. Среди этих импровизированных инженеров надо отвести особое место строителям мельниц (*millwrights*), помощь которых бывала часто необходима при постройке первых фабрик². *Millwright* умел обращаться с орудиями труда токаря, плотника, кузнеца. Он знал обыкновенно арифметику и был немного знаком с механикой. Он умел сделать чертеж, вычислить скорость или силу колеса. К нему прибегали во всех затруднительных случаях—требовалось ли починить насос, расположить в надлежащем порядке систему блоков или провести воду. Он пользовался репутацией мастера на все руки, и когда затевалось какое-нибудь новое предприятие, то без его помощи совершенно не могли обойтись.

У Харгривса был сосед, производитель набивных материй, родоначальник крупной промышленной семьи Пилей. У него Харгривс работал в 1762 г. над постройкой кардной машины, по образцу, несомненно, машины Льюиса Пауля³. Это было началом его карьеры механика и изобретателя. Все более заметно выступавшее несоответствие между производительностью прядения и ткачества вызывало в промышленности настоящее недомогание. Ткачи часто сидели без

¹ A complete history of the cotton trade, p. 77.

² «Они занимают среднее положение между плотником и кузнецом: их работа—в общем грубая работа, но требует большой сметливости. Чтобы быть способным понять и исполнить ее, нужно обладать склонностью к механике и достаточным знанием арифметики: в конструкции и в действии мельниц имеется много разнообразного, поскольку одни из них приводятся в движение лошадьми, другие—силой ветра, третьи—водой, причем она то падает на колесо сверху, то приводит его в движение, проходя под ним. А почему бы нам не увидеть позже пожарные мельницы, как мы уже имеем пожарные насосы?» *W. Fairbairn, Mills and Millwork, I, V—VI. См. Webb MSS, Engineering Trades, I.*

³ A complete history of the cotton trade, p. 79. Машина Пауля, очень простая, состояла из вогнутого желоба, снабженного металлическими зубьями, и цилиндрических кард, приводимых в движение рукояткой.

работы; торговцы задавали себе вопрос, как им суметь удовлетворить постоянно возрастающий спрос. В такой местности, как Ланкашир, которая жила текстильной промышленностью, это был вопрос, постоянно обсуждаемый, о котором все говорили, который каждый старался разрешить¹. То, что Харгривс нашел, многие другие искали одновременно с ним². Устройство и функционирование его машины, в первоначальной ее форме, было очень просто. Она состояла из неподвижной прямоугольной рамы на четырех ножках. У одного из ее концов помещался ряд вертикальных веретен; поперек ее два деревянных бруска, прилегающих один к другому, образуя зажим, и помещенных на своего рода каретке, скользили, по желанию, вперед и назад. Хлопок, предварительно прочесанный и обращенный в ровницу, проходил между обоими брусками и наворачивался затем на веретена. Одной рукой прядильщик сообщал каретке движение вперед и назад, а другой вертел рукоятку, движение которой передавалось веретенам; таким образом нить одновременно вытягивалась и скручивалась³.

Таков принцип дженни, идея которой пришла, говорят, Харгривсу в голову, когда он увидел, как опрокинувшаяся на бок прялка продолжала несколько секунд вертеться, между тем как зажатая между двумя пальцами нить прядлась как бы сама собой. Перед прялкой, от которой она явно ведет свое начало⁴, дженни имела то крупное преимущество, что позволяла одному рабочему делать несколько нитей зараз. Первые модели, построенные Харгривсом, имели только по 8 веретен, но это число могло быть увеличено, не встречая другого ограничения, кроме величины применяемой двигательной силы. Еще при жизни самого Харгривса стали строить дженни на 80 веретен и более.

Понял ли Харгривс с самого начала всю важность своего изобретения? Во всяком случае, прошло несколько лет, раньше чем он огласил его. На первых порах он ограничился тем, что сам испытал его в своем собственном доме; лишь в 1767 г. он сделал несколько машин для продажи. Он тотчас же увидел себя предметом той непопулярности, от которой не ускользали изобретатели. Рабочие Блакберна ворвались в его дом и разбили его машины⁵. Он переехал в Ноттингем; там, как и в Ланкашире, текстильная промышленность переживала кризис, вызванный недостаточностью старых приемов пряде-

¹ См. характерный разговор часовщика Кэй с Рич. Аркрайтом в Баррингтонском кабаке. *The trial of a cause instituted by R. P. Arden esq., His Majesty's attorney-general, by writ of scire facias, to repeal a patent granted on the 16 dec. 1775 to Mr. Rich. Arkwright*, p. 63.

² Именно поэтому могли обвинять Харгривса в том, что он не является первым или единственным автором своего изобретения. См. *R. Guest, The British cotton manufacture*, p. 176—180.

³ *Abridgments of specifications relating to spinning*, p. 19 (№ 962); *Transactions of the Society for the encouragement of Arts and Manufactures*, II, 32—35; *J. James, History of the worsted manufacture*, p. 345—346; *R. Guest, Compendious history of the cotton manufacture*, p. 13—14; *E. Baines, Hist. of the cotton manufacture*, p. 158.

⁴ «Дженни—только самопрялка с несколькими веретенами». *A. Ure, The cotton manufacture of Great Britain*, I, 203.

⁵ *Abram, Hist. of Blackburn*, p. 205—206.

ния¹. Тогда он взял патент² и начал систематически эксплуатировать свое изобретение. Он продал большое количество дженни и нажил бы состояние, если бы ему не приходилось бороться, подобно Джону Кэю, с недобросовестностью производителей. Он хотел начать процесс против тех, кто отказывался платить ему: затронутый интерес был уже так велик, что он отказался взять 3 тыс. ф. ст., которые были предложены ему в виде компромисса³. К несчастью для него, было установлено, что модель дженни находилась уже в продаже раньше, чем она была запатентована, и права его были объявлены утратившими силу. Таким образом, он, подобно своим предшественникам, имел серьезные неприятности, но неверно, что он умер в нищете, как пытался уверить Аркрайт, с целью заинтересовать в своей судьбе общественное мнение и парламент⁴. Мы знаем, напротив, что Харгривс, который был беден в 1768 г., оставил в 1778 г. своим наследникам более 7 тыс. ф. ст.⁵,—сумму незначительную, впрочем, если сравнить ее с огромным увеличением богатства страны благодаря изобретению дженни. Спустя десять лет после смерти Харгривса высчитывали, что в Англии имеется не менее 20 тыс. этих машин; самые небольшие из них выполняли работу 6 или 8 рабочих⁶. В графстве Ланкастер употребление их распространилось с поразительной быстротой: в течение нескольких лет они повсюду заменили самопрялку⁷. Шерстяная промышленность, которая в этой части Англии никогда особенно не процветала, была тотчас же почти брошена: «хлопок, хлопок и опять хлопок; это был теперь единственный товар—товар, дававший занятие всем... Старые самопрялки были брошены как хлам; для прядения пользовались отныне только машинами дженни»⁸.

Дженни была несложной машиной, и постройка ее стоила недорого. Она занимала мало места и не требовала устройства специальных мастерских. Она функционировала без помощи всякой искусственной двигательной силы. Употребление ее вносило довольно мало расстройств в привычки рабочих и не изменяло—по крайней мере, внешне—организации труда. Это и было, несомненно, одной из причин ее быстрого успеха. Не только не разрушая домашней промышленности, она сначала как будто даже укрепляла ее: ее можно было видеть в маленьких мастерских мастеров-ремесленников, на фермах, где заработок от самопрялки из поколения в поколение дополнял собой заработок от плуга. Но огромное увеличение производства и роль оборудования; которая уже стала перевешивать роль ручного

¹ *J. Felkin*, History of the hosiery and lace manufacture, p. 81—97.

² № 962 (1770).

³ *A. Ure*, The cotton manufacture, I, 198.

⁴ The case of Richard Arkwright, The trial of a cause, etc., p. 98.

⁵ *Abram*, Hist. of Blackburn, p. 209.

⁶ An important crisis in the callico and muslin manufacture of Great Britain, p. 2 (1788).

⁷ *J. Kennedy*, A brief memoir of Samuel Crompton, Memoirs of the literary and philosophical society of Manchester, série II, V, 330; *R. Guest*, The British cotton manufacture, p. 147.

⁸ *W. Radcliffe*, Origin of the new system of manufacture, p. 61 (village de Mellor).

труда, возвещали о грядущем пришествии крупной промышленности. И в то время, как дженни Харгривса заменяли в хижинах бабушкины самопрядки, в Ноттингеме, Кромфорде, Дерби, Белпере, Чорли, Манчестере вырастали уже прядильные фабрики Ричарда Аркрайта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЯДИЛЬНИ

Имя Аркрайта принадлежит к числу имен, сияющих ярким блеском в том полумраке, которым окружены до сих пор события и люди экономической истории. Традиция видит в нем тип промышленника, разбогатевшего благодаря собственному труду и собственным изобретениям, истинного основателя современной крупной промышленности¹. Политическая экономия сделала его к 1830 г. своим героем². Даже литература не отнеслась к нему с пренебрежением: Карлейль с удовольствием набрасывает энергичный портрет «этого ланкаширского крестьянина с заурядной и почти грубой физиономией, с толстыми щеками, круглым брюшком и видом человека, туго соображающего после плотного обеда... О читатель! Какой удивительный феномен представляет в истории этот толстощекий и толстобрюхий цирюльник, полный терпения и изобретательности! Революция пылала во Франции; императорам и королям трудно было бы оказать ей сопротивление, не будь английского сукна и хлопка. И именно этот человек подарил своей стране эту новую силу, хлопчатобумажную промышленность»³. А между тем Карлейль рассматривает в цитируемом месте еще только ближайшие следствия промышленных преобразований, вызванных, по его мнению, гением Аркрайта. Надо обратиться к другой его книге⁴, чтобы найти там захватывающее описание нового мира, явившегося результатом промышленной революции, — этого современного мира, который он с чувством горечи сопоставлял с идеализированным образом прошлого. Наша задача заключается в точном определении роли, которую играл Аркрайт: сведя эту личность к ее настоящим размерам, мы в то же время помжем решению более общей проблемы. Чтобы судить о роли, которую следует приписывать индивидуальной деятельности в генезисе социальных явлений, надо освободить ее прежде всего от окружающих ее легенд, почти всегда имеющих тенденцию преувеличивать ее действительное значение.

I

Ричард Аркрайт родился в Престоне 23 декабря 1732 г. Он был младшим членом многочисленной и бедной семьи⁵. Отданный в юные

¹ См., например, его историю в *A complete history of the cotton trade*, p. 92.

² См. *A. Ure, Philosophy of manufactures*, p. 15 и сл.

³ *R. Carlyle, Chartism*, ch. VIII (New Eras). *Miscellaneous Essays*, éd. Chapman and Hall, p. 166.

⁴ *Past and present*.

⁵ *R. Guest, Compendious history of the cotton manufacture*, p. 21; *Whittle*,

годы в ученичество к цирюльнику-парикмахеру, он едва имел время научиться читать и писать: еще в 50 лет мы видим его берущим уроки грамматики и правописания. Около 1750 г. он поселился в Больтоне, в нескольких лье от своего родного городка: он долго занимался там своей парикмахерской профессией, сначала в подвальном помещении, а затем в очень скромной лавочке. Женат он был дважды: первая его жена—деталь, представляющая известный интерес,—была родом из деревни Leigh, между Уоррингтоном и Больтоном¹. Вторая принесла ему в приданое небольшие деньги, благодаря чему он получил возможность бросить в 1761 г. свою парикмахерскую, чтобы заняться более прибыльным делом—торговлей волосами. Он ездил по ярмаркам, посещал фермы и скупал у деревенских девушек их кссы; подкрасив их краской собственного изобретения, он перепродавал их затем парикмахерам, которые в этот век париков предъявляли большой спрос на его товар².

Эти первые шаги Аркрайта имеют не один только анекдотический интерес: они дают нам полезные указания относительно его характера, а следовательно, и роли, которую он сыграл. Отметим прежде всего, что ничто не давало пока основания предвидеть его карьеру изобретателя. Он не обладал никаким техническим опытом: он не был ткачом, подобно Джону Кэю и Харгревсу, или плотником и механиком, подобно Уайатту. Все, что он знает о текстильной промышленности, о ее нуждах и переживаемом ею кризисе,—все это он мог узнать только из разговоров в его парикмахерской и во время своих разъездов по деревням Ланкашира. Зато он обнаруживает уже теперь качества, объясняющие его позднейший успех: желание подняться вверх по социальной лестнице, рассудительность, изобретательность насчет средств к достижению успеха, наконец—умение заключать выгодные сделки, изворотливую дипломатию коробейника или барышника.

Происхождение его главного изобретения окружено странным мраком. Не потому, чтобы трудно было понять, каким образом ему пришло в голову заняться проблемой механического прядения: всем было хорошо известно, что тут можно заработать большие деньги. Но несмотря на то, что ему неоднократно было предъявлено требование доказать свои права изобретателя, он всегда отделывался только туманными и сбивчивыми объяснениями—по вполне основательным причинам³. Трудно разобраться в нелепых и противоречивых рассказах, которые были пущены в ход при жизни самого Аркрайта его почитателями, и ни одного из которых он не счел нужным опровергнуть. По одним рассказам, принцип прядильной машины был внушен ему видом волочильного станка с вальцами, утончающего и вытяги-

Hist. of Preston, II, 213; *Hardwick*, Hist. of the borough of Preston, p. 361 и сл.; *E. Baines*, Hist. of the cotton manufacture, p. 52.

¹ *R. Guest*, The British cotton manufacture, p. 14.

² *Idem*, Compendious history, p. 21.

³ См. историю процесса, окончившегося аннулированием его патента, p. 185 и сл. В прениях было установлено, что его главное изобретение было позаимствовано, чтобы не сказать хуже, у некоего Томаса Гайс (*Highs*) из деревни Leigh в Ланкашире.

вающего полосу раскаленного докрасна железа¹. По другим—он изучал в Дерби функционирование машин для производства органсины²; он слышал будто бы в своей парикмахерской, как один матрос описывал машину, употребляемую китайцами³; он узнал-де драгоценный секрет от мебельщика, по имени Броун, который неизвестно как нашел его и по не менее таинственным причинам не сумел его использовать⁴. Другая, столь же неправдоподобная версия изображает нам Аркрайта охваченным около 1768 г. внезапной и неожиданной страстью к механике: на свое изобретение он был наведен якобы изысканиями относительно вечного движения (*perpetuum mobile*)⁵.

Насколько история изобретения темна, настолько ясна, напротив, и легко может быть прослежена история предприятий Аркрайта. Машина была построена в 1768 г., в комнате, прилегающей к народной школе в Престоне⁶. Арксайт взял себе в помощь некоего Кэя, часовщика из Уоррингтона, однофамильца известного уже нам изобретателя самолетного челнока; этим сотрудничеством объясняется, как мы видим дальше, очень многое. Есть основание думать, что ему только с трудом удалось достать необходимые денежные средства: сначала он обратился к производителю научных инструментов, который не принял его всерьез⁷, затем—к одному из своих приятелей, трактирщику Джону Смолли⁸. В следующем году он взял патент на свое изобретение, имевший по закону силу в течение 14 лет⁹.

У нас имеется не только текст этого патента, но и первоначальная модель самой машины, сохраняющаяся в Кенсингтонском музее¹⁰. Она сделана вся из дерева и имеет в вышину около 80 см. Насколько мы можем судить теперь, она очень сходна с машиной, изобретенной в 1733 г. Джоном Уайаттом и усовершенствованной Льюисом Паулем.

¹ *Beauties of England and Wales*, III, 518 (сведения, сообщенные сыном Jedediah Strutt, одного из компаньонов Аркрайта).

Едва ли есть надобность отмечать, что нельзя провести никакого серьезного сравнения между двумя операциями, из которых одна заключается в удлинении путем сжатия компактной массы металла, а другая—в соединении в одну нить волокон хлопка или волосков шерсти.

² *Gentleman's Magazine*, LXII, 863. Аналогия и на этот раз очень поверхностна: органсинирование (трощение) имеет целью только сделать более крепкой уже готовую нить; роль прядильщика играет здесь шелковичный червь.

³ *Wool encouraged without exportation, or practical observations on wool and the woollen manufacture* (1791), p. 50.

⁴ *Mechanics' Magazine*, VIII, 199.

⁵ *R. Guest, Compendious history*, p. 21; *A. Ure, The cotton manufacture of Great Britain*, p. 224; история эта воспроизведена возможно со слов R. Guest'a, в статье «Cotton spinning machines and their invent rs, *Quarterly Review*», CVII, 59.

⁶ *The case of Rich. Arkwright, в The trial of a cause, etc.*, p. 98. Дата не была оспорена, и Арксайт, в интересах которого было бы передвинуть ее на один-два года, никогда не сделал этого.

⁷ *E. Baines, Hist. of the cotton manufacture*, p. 155.

⁸ Продавец ликеров и живописец (по росписи строений) (см. *Guest, Compendious history*, p. 22; *Whittle, History of Preston*, II, 216).

⁹ № 931 (3 июля 1769 г.).

¹⁰ *Victoria and Albert Museum, Machinery and Inventions Division (Southern Galleries)*, № 1252 (354). Примечание в *Catalogue of the machinery, models, etc., in the Machinery and Inventions Division of the South Kensington Museum*, II, 104.

Одно колесо приводит в движение четыре пары валиков, из которых каждая вращается с большей скоростью, нежели предшествующая ей. Верхний цилиндр каждой пары покрыт кожей, нижний цилиндр — рифленый, причем желобки идут в продольном направлении. Пройдя между цилиндрами, прогрессивное ускорение которых имеет своим следствием все большее вытягивание нити, последняя скручивается и навивается на вертикальные веретена. В общем итоге эта машина отличается от машины Уайатта только деталями конструкции, и не эти легкие отличия могут объяснить нам блестящий успех Аркрайта на том пути, где потерпели печальную неудачу люди, превосходившие его изобретательскими дарованиями. Объясняется этот успех скорее талантом дельца, доказательства которого он скоро дал.

Прежде всего требовалось найти капиталы: Смолли не был достаточно богат для этого, а между тем Аркрайт мечтал уже о крупных предприятиях. Вот почему он решил, по примеру Харгривса, злключения которого были ему известны, переселиться в Ноттингем¹. Как мы уже знаем, этот город был центром машинного производства чулок, — производства, в которое благодаря механическому оборудованию проник капиталистический элемент. Аркрайту удалось заинтересовать в своих планах гг. Райт, владельцев одного из тех провинциальных банкирских домов, которые тогда еще были немногочисленны и имели тем большее значение для обслуживаемых ими районов. Барыши, несомненно, заставили себя ждать; или по крайней мере, успех был не таков, как давали возможность надеяться блестящие обещания изобретателя, ибо по прошествии одного года гг. Райты выступили из дела². Аркрайт сумел, однако, ловко вывернуться из трудного положения: в 1771 г. он заключил товарищеский договор с двумя богатыми чулочниками, Нидом из Ноттингема и Стреттом из Дерби³. Нид и Стретт принадлежали к классу торговцев-промышленников. Они раздавали много работ на дом и в то же время имели свои мастерские, где чулки вязались на станках. Таким образом, фабричная система привилась если не к самой мануфактуре, то к производственному строю, близко подходившему к ней.

II

Первое промышленное заведение, основанное Аркрайтом в Ноттингеме, не было значительно больше того, которое 30 годами раньше устроили в Бирмингеме Уайатт и Пауль. Оно содержало лишь несколько машин, приводимых в движение конной силой⁴. Именно в 1771 г. — в год своего вступления в компанию с Нидом и Стреттом — Аркрайт перенес свое предприятие в Кромфорд, близ Дерби.

Кромфорд расположен на берегу Дервента, в том месте, где река эта, заключенная в тесное ущелье и не ушедшая еще далеко от

¹ The case of Richard Arkwright, в The trial of a cause, etc., p. 98.

² F. Espinasse, Lancashire Worthies, I, 388; Tuckett, Hist. of the past and present state of the labouring population, I, 212.

³ Относительно Jedediah Strutt см. Felkin, Hist. of the hosiery and lace manufacture, p. 89—97.

⁴ Espinasse, Lancashire worthies, I, 390.

живописных высот, в которых она берет свое начало, многоводна и имеет быстрое течение; теплые воды Матлока, вливающиеся в нее несколько выше по течению, не дают ей замерзнуть зимой. Таким образом, место было благоприятно для постройки там мельницы, mill—название, которое англичане продолжали давать фабрикам. еще долго после того, как паровая машина заменила почти везде водяной двигатель. Фабрика братьев Ломб, находившаяся в нескольких милях отсюда, послужила образцом для постройки и распланировки мастерских¹. В продолжение немногих лет кромфордская прядильня разрослась: в 1779 г. в ней было уже несколько тысяч веретен и работало 300 человек².

Успех предприятия обеспечил не только быстроту производства, но и качество изделий. Новая машина—или water-frame³. («водяной станок»), как ее называли, в отличие от дженни, приводимой в движение рукой,—выделывала гораздо более крепкую и более выносливую бумажную нить, чем та, которую умели приготовить самые искусные прядильщики, работающие при помощи самопрялки. Благодаря этому явилась возможность ткать вместо смешанных материй из льна и хлопка (где основа была льняная) материи чисто бумажные, ни в чем не уступавшие индийским. Вначале кромфордская фабрика была только филиалом предприятий Нида и Стретта: выделываемая ею пряжа шла исключительно на производство чулок. Но в 1773 г. Аркрайт и его компаньоны поставили в Дерби ткацкие мастерские, где впервые стали выделывать миткали из чистого хлопка⁴.

Здесь возникло одно затруднение. Мелкие производители, смотревшие весьма недружелюбными глазами на эту грозную конкуренцию, нашли, как им казалось, верное средство положить ей предел. Дело в том, что закон 1736 г., разрешив выделку смешанных тканей, оставил в силе запретительные меры, направленные против набивных бумажных материй: он не предусмотрел случая, что аналогичная отрасль промышленности возникает в самой Англии. Закон этот можно было пустить в ход против Аркрайта и его компаньонов, и если бы их изделия, обложенные уже довольно высоким акцизом⁵, были превращены в модные тогда ситцы, то им грозила конфискация в качестве запретных товаров.

Аркрайт обратился за защитой своей отрасли промышленности к парламенту. Следовало ли применять к товарам, фабрикуемым в Англии английскими же рабочими, мероприятия, принципиальным назначением которых было воспрепятствовать ввозу иностранных товаров? Если новая промышленность будет надлежащим образом разрешена и обложена умеренными налогами, то она не преминет стать источником богатства для всей страны: «она быстро разовьется,

¹ R. Guest, Compendious history, p. 26.

² R. March, A treatise on silk, wool, worsted and cotton (1779). Foxwell Library; E. Butterworth, Hist. of Oldham, p. 118.

³ Модель «водяного станка» на 8 веретен выставлена в Victoria and Albert Museum, Machinery and Inventions Division, № 1253 (355) Catalogue, II, 105.

⁴ The case of Richard Arkwright в The trial of a cause, etc., p. 99; A second letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist, p. 9; A complete history of the cotton trade, p. 101.

⁵ 6 пенсов с ярда. См. Journ. of the House of Commons, XXXIV, 496—497.

она даст занятие тысячам бедняков и увеличит государственные доходы... Сверх того названные ткани, сделанные целиком из хлопка, значительно выше по своему качеству, чем фабрикуемые теперь ткани с льняной основой: они лучше выносят отбелку и печатание и лучше также и в носке»¹. Аркрайт просил поэтому, «чтобы всем дозволено было продавать и покупать указанные материи и делать из них какое угодно употребление: для платья, оклейки комнат, обивки мебели и т. д.». Он просил также, чтобы акциз, взимаемый на внутреннем рынке, не превышал 3 пенсов с ярда. После краткого обследования² парламент удовлетворил эти вполне справедливые просьбы³. Начиная с этого момента, хлопчатобумажная промышленность и вместе с нею применение машин могли беспрепятственно развиваться.

В следующем году (1775) Аркрайт взял свой второй патент⁴, очень длинный и довольно темный текст которого должен был послужить потом источником бесконечных споров. Он относится к нескольким независимым друг от друга изобретениям, представлявшим весьма неодинаковую ценность, причем некоторые из них были внесены в патент, как это было отмечено впоследствии, словно с нарочитой целью смутить и сбить с толку слишком любопытного читателя⁵. Самыми важными являются кардная машина, подвижной гребень (crank and comb), ровничная машина (roving-frame) и питающий прибор (feeder). Кардная машина состоит из трех цилиндров неодинаковых диаметром, усеянных загнутыми металлическими иглами: первый, иглы которого наклонены в направлении движения, увлекает волокна хлопка; второй, вращающийся в том же направлении, но с гораздо большей скоростью, прочесывает их при соприкосновении с третьим, иглы и движение которого направлены в противоположную сторону⁶. Подвижной гребень представляет дополнение к кардной машине: назначение его состоит в снятии прочесанного хлопка («ватки»), так, чтобы тот свивался непрерывной лентой. Как указывает самое название, это своего рода гребень на коленчатом соединении, который через правильные промежутки времени станвится против игл третьего цилиндра и таким образом снимает хлопок, не разрывая его⁷. Ровничная машина имеет своим назначением превращение прочесанной хлопчатобумажной ленты в цилиндрическую ровницу, слегка закрученную и готовую для обращения в пряжу. Устройством своим она напоминает прядильную машину, но отличается большей простотой, и ускорение каждой пары цилиндров в сравнении с предшествующей гораздо менее значительно; вместо

¹ Journ. of the House of Commons, XXXIV, 497 (1774).

² Ibidem, 709.

³ 14 Geo. III, с. 72. Текст закона воспроизводит почти буквально петицию Аркрайта за исключением части, касающейся вывозных премий, о которых просил Аркрайт, но в которых ему было отказано.

⁴ № 1111 (16 декабря 1775). См. Abridgments of specifications relating to spinning, p. 19. Судебный приказ 1785 г. содержит воспроизведенный в извлечениях патент. См. The trial of a cause, etc. p. 4—10.

⁵ Таково, например, изобретение, возглавляющее спецификацию «Описание молотка для трепанья конопля».

⁶ Victoria and Albert Museum, Machinery and Inventions Division, № 1244 (357), Catalogue, II, 98.

⁷ Ibidem.

того чтобы наматываться на веретена, хлопок складывается в конический таз, который, вращаясь вокруг своей оси, сообщает ему требуемую крутку¹. Наконец, питающий прибор представляет собою просто непрерывно движущуюся ленту, которая подводит к кардной машине необработанный хлопок, по мере того как он доставляется ей наклонным рукавом. Если мы вошли в эти подробности, с риском навлечь на себя упрек в некомпетентности, то сделали это только потому, что хотели показать, какое значение получило уже применение машин в хлопчатобумажной промышленности: из предшествующего изложения видно, что уже в 1775 г. механическое оборудование образует сложную систему, способную выполнять все последовательные операции этой отрасли промышленности, за исключением, однако, последней и самой трудной—ткавья.

Аркрайт предусмотрительно поместил в *спецификации* (описании), приложенной к его новому патенту, несколько статей, относящихся к действительным или мнимым усовершенствованиям прядильной машины: он надеялся продлить таким образом на несколько лет силу своего первого патента, срок которого истекал в 1783 г. Уверенный теперь в будущем, он смело шел вперед и увеличивал число своих предприятий. В 1776 г. он поставил третью прядильню в Белпере, между Кромфордом и Дерби². В этот момент различные фабрики его были собраны на небольшом пространстве вдоль Дервента и Трента, все—за пределами графства Ланкастер. Между тем английская хлопчатобумажная промышленность развилась на первых порах именно в Ланкашире, и здесь рост ее все еще находил наиболее благоприятные для себя условия: Аркрайт, который несколькими годами раньше вышел оттуда бедным и неизвестным человеком, вернулся туда обратно богатым и прославленным. Он основал в Ланкашире несколько фабрик: одна из них, в Биркакре, близ Чорли³, считалась самой крупной фабрикой, какая только была построена тогда в Англии⁴; во время происходивших в 1779 г. бунтов против машин, к которым мы еще вернемся ниже, она была разгромлена и сожжена, причем убытки были исчислены в 4 400 ф. ст.⁵ Другая прядильня, основанная в Манчестере в 1780 г., была такая же, если не более крупная: одни здания, рассчитанные на 600 человек рабочих, обошлись более чем в 4 тыс. ф. ст.⁶ Компания, в которую Аркрайт вошел с чулочными фабрикантами Нидом и Стреттом, не могла доставить ему капиталов, требовавшихся для создания всех этих новых фабрик: он умел, однако, находить, по мере представляющейся надобности, других компаньонов, права ко-

¹ Victoria and Albert Museum, Machinery and Inventions Division, № 1251 (353), Catalogue II, 103 (усовершенствованная модель, датированная 1780 г.).

² *F. Espinasse*, Lancashire worthies, I, 421; *A. Ure*, The cotton manufacture, I, 257; Милфордская прядильня, принадлежавшая Стретту, была построена приблизительно в это самое время.

³ Между Престоном и Вичаном.

⁴ Она могла вместить 500 рабочих. *E. Butterworth*, History of Oldham, p. 118.

⁵ См. Manchester Mercury от 12 и 16 октября 1779 г. и петицию Аркрайта в палату общин, Journ. of the House of Commons, XXXVII, 926.

⁶ *F. Espinasse*, Lancashire worthies, I, 421.

торых ловко ограничил. Он один был вездесущ, принимал участие во всех предприятиях и фактически управлял ими всеми ¹.

В силу своих двух патентов—1769 и 1775 гг.—он имел исключительное право собственности на ватерную машину (water-frame) и на дополнительные к ней изобретения: вместе с тем ему предоставлялось разрешать другим лицам пользование ими за полюбовно условленную плату ². Таким путем между 1775 и 1780 гг. образовалось известное число предприятий, являвшихся в некотором роде данниками аркрайтовских. Назовем, для примера, фабрики в Алтгеме, Бертоне и Бэри, принадлежавшие двум Робертам Пилям, деду и отцу известного премьера ³. Другие прядильщики, побуждаемые столько же завистью, сколько желанием нажиться, прибегли к подделкам: они ухитрились построить машины, отличавшиеся некоторыми деталями от машин Аркрайта ⁴. В 1781 г. последний решился предъявить к девяти из них иск о контрафакции ⁵. В свою защиту те указали на подозрительную неясность патента: как можно распознать,—говорили они,—что принадлежит изобретателю, когда тот сам не хотел или не умел этого определить? Аркрайт проиграл процесс, и действие его патента было фактически приостановлено, несмотря на то, что законный срок патента еще не истек.

Аркрайт не признал себя, однако, побежденным и обратился 6 февраля 1782 г. к парламенту с петицией, в которой просил не только о подтверждении своих прав, но и о продлении их ⁶. В то же время он опубликовал записку ⁷, в которой доказывал важное значение своих изобретений, говорил о жертвах, которых они от него требовали, осуждал мошеннические приемы своих конкурентов и восхвалял собственные заслуги. Он признавал, что спецификация патента 1775 г. не отличается полной ясностью, но если он редактировал ее таким образом, то это, мол, сделано только из патриотической щепетильности, а именно — с целью не дать иностранцам обратить в свою пользу неиссякаемый источник богатства. Человек, который предпочел лучше навлечь на себя несправедливые подозрения, нежели подвергнуть опасности благосостояние своей страны,—не-

¹ *E. Butterworth*, *ouv. cité*, p. 118, упоминает о фирме «Аркрайт, Симпсон и Уиттенбери» в Манчестере. В Шотландии Аркрайт был одно время компаньоном Давида Дейль, тестя Суэна. *R. Dale Owen*, *Threading my way*, p. 7. Его компания с Нидом и Стреттом продержалась только до 1781 г. (см. *Felkin*, *Hist. of the hosiery and lace manufacture*, p. 97).

² *The trial of a cause, etc.*, p. 99.

³ *Sir Lawrence Peel*, *A sketch of the life and character of Sir Robert Peel*, p. 20; *Wheeler*, *Manchester*, p. 519—520.

⁴ *The trial of a cause*, p. 101.

⁵ Было девять отдельных вызовов в суд, но состоялся один только процесс Аркрайта против Мордаунта (см. *Baines*, *Hist. of the palatine county of Lancaster*, II, 447).

⁶ *Journ. of the House of Commons*, XXXVIII, 687.

⁷ Эта записка была, вероятно, редактирована одним из его адвокатов. Она помещена в извлечении в *The trial of a cause, etc.*, p. 97 и сл. (Дело г. Ричард Аркрайта и К^о относительно изобретения Аркрайтом бумагопрядильной машины, устанавливающее его мотивы для ходатайства перед парламентом о законе в защиту его права на это изобретение или о другом вознаграждении, какое законодательная власть сочтет нужным.)

ужели он не заслуживает того, чтобы его поддержали против недругов? Однако парламент не внял этим доводам.

Тогда Аркрайт прибег к суду: он возбудил новый процесс против одного из своих конкурентов, Петра Найтингэйля. Дело разбиралось в феврале 1785 г. в Суде общих тяжб (Court of Common Pleas). Прения вертелись исключительно вокруг вопроса о неясности спецификации, приложенной ко второму патенту. Аркрайт снова повторил свои патриотические уверения, говорил о французах, — дело происходило тотчас после американской войны, — которые были бы, мол, счастливы забрать в свои руки промышленность, остававшуюся до тех пор исключительно английской. Несколько важных свидетелей дали показания в его пользу; между прочим, изобретатель паровой машины Джеймс Уатт заявил, что, прочитав спорный текст, он считает его достаточно ясным и берется, если нужно, построить без всякого иного указания различные машины, перечисляемые в патенте ¹. На этот раз Аркрайт выиграл процесс. Суд подтвердил действительность его прав и присудил ему шиллинг судебных издержек, которых он требовал.

Это решение задевало слишком много приобретенных интересов ², чтобы остаться неоспоренным. Между прядильщиками Ланкашира и Дербишира ³ составила коалиция с целью довести до конца дело, которое они сначала выиграли, а затем проиграли. Противоречие между решениями 1781 и 1785 гг. было очевидно: они добились передачи дела на рассмотрение суда Королевской скамьи (King's Bench) при помощи судебного приказа *scire facias*. Здесь они напали уже не на одну редакцию патента: они брались доказать, что за его умышленной или неумышленной неясностью скрывался обман.

III

Инцидентом, вокруг которого вертелся весь процесс и который определил исход его, было появление в качестве свидетеля, Томаса Хайса (Higs) ⁴. Этот свидетель показал под присягой, что уже в 1767 г. он построил в своей родной деревне Лэй прядильную машину, тождественную с той машиной, изобретателем которой объявил себя Аркрайт. Для сборки отдельных частей ее он пользовался помощью одного часовщика, который был не кто иной, как Джон Кэй из Уоррингтона, работавший год спустя у Аркрайта ⁵. Это показание было подтверждено показанием самого Кэя: он рассказал

¹ Rich. Arkwright versus Peter Nightingale (Court of Commons Pleas, 17. II. 1785), p. 3*—7*. См. также свидетельские показания Вилькинсона, p. 2*—3*, Джона Стеда, p. 9*, Эрасмуса Дарвина, p. 15*, Т. Вуда, p. 19*.

² E. Vaines, Hist. of the cotton manufacture, p. 184. Фабрики, основанные конкурентами Аркрайта, представляли уже в то время капитал в 300 тыс. ф. ст.

³ Список их можно найти у Wheeler, Manchester, p. 522. В нем фигурирует имя Роберта Пиля, как и имя Петера Дринкуотера, одного из первых прядильщиков, применивших у себя паровую машину.

⁴ В судебном отчете The trial of a cause, etc., p. 57 и сл., имя его пишется Hayes, но R. Guest («The British cotton manufacture», p. 18) пишет его Higs согласно записи в приходских списках деревни Лэй.

⁵ The trial of a cause, etc., p. 57—58.

как он познакомился в 1768 г. с Аркрайтом, который был тогда парикмахером и торговал волосом. Аркрайт пришел к нему на дом, заказал ему какую-то небольшую работу, а затем увел с собой в кабачок. Разговор зашел о вопросе, занимавшем тогда всю округу, а именно— о механическом прядении: «О,—сказал он мне,—из этого никогда ничего не выйдет; несколько джентльменов уже разорились или почти разорились на этом деле». Я ответил ему: «А я думаю, что сумел бы извлечь кое-что отсюда». В указанный день дело этим ограничилось. На другой день, рано утром, Аркрайт явился к Кэю опять и спросил его, не сумеет ли он изготовить ему модель машины: «я пошел и купил некоторые материалы, построил небольшую деревянную модель, и он увез ее с собой в Манчестер»¹.

Читатель припомнит, что Аркрайт женился на уроженке Лэя: он был знаком с Хайсом уже несколько лет², слышал, без сомнения, разговоры об его изобретении и не совсем случайно, конечно, отправился в Уоррингтон разыскивать Джона Кэя. Именно вскоре после этой встречи он вдруг и без подготовки объявил себя изобретателем. Сверх того, его отношения к Кэю носили впоследствии довольно странный характер. Сначала он взял его к себе на службу. Затем они вдруг поссорились: Аркрайт обвинил Кэя в краже и злоупотреблении доверием, и Кэй бежал³. Это обстоятельство могло бы возбудить некоторое подозрение против показаний Кэя, и адвокат Аркрайта, Адэр, не преминул использовать его: «можно ли колебаться в выборе,—сказал он,—между словом видного и уважаемого человека и словом рабочего, прогнанного за непорядочные поступки и ищущего поэтому случая отомстить своему бывшему хозяину?»⁴ Надо заметить, однако, что обвинение против Кэя оставалось всегда очень туманным: его никогда не преследовали в судебном порядке и не беспокоили. Его бегство объясняется в достаточной степени теми угрозами, основательными или неосновательными, которые были обращены к нему, «ибо для бедного человека нет положения более жалкого и опасного, как оказаться обладателем тайны, раскрытия которой боится могущественный и богатый человек»⁵.

Однако, если Хайс действительно сделал изобретение, приписываемое Аркрайту, то почему он ждал целых 20 лет, раньше чем заявить о своих правах? Факт все-таки странный, но мы будем меньше удивлены им, узнав жизнь и характер этого лица. Он принадлежал к той породе прирожденных изобретателей, тип которых нам хорошо знаком. Это был человек простой и неотесанный, работавший по инстинкту, терявшийся, как только он выходил из своей мастерской, и очень мало смысливший в делах. Он несколько раз пытался поставить на свой счет прядильню, но каждый раз терпел неудачу из-за

¹ Ibidem, p. 62—63.

² Ibidem, p. 59.

³ Ibidem, p. 65—66.

⁴ Ibidem, p. 109.

⁵ Речь Бэркрофта, представителя короны на процессе, *The trial of a cause, etc.*, p. 166—167. R. Guest высказывает в известной степени правдоподобную догадку, что Кэй обнаружил требовательность, что он хотел, быть может, стать компаньоном Аркрайта. *The British cotton manufacture*, p. 43.

недостатка капиталов и практического смысла¹. В особенности ему нехватало того, что составляло силу такого человека, как Аркрайт: энергичной воли составить себе состояние. Он удовольствовался тем, что из положения рабочего бердовщика² поднялся до положения инженера, состоящего на службе у крупных промышленников. Он неоднократно давал доказательства своего изобретательского таланта: в 1772 г. он выставил в здании манчестерской биржи модель двойной дженни о 56 веретенах, за которую ему была присуждена премия в 200 гиней³. Согласно некоторым показаниям, собранным после смерти Хайса его биографом и апологетом Ричардом Гестом, он был изобретателем не только ватерной машины, но и дженни, раньше Харгривса: название этой машины, остающееся до сих пор без удовлетворительного объяснения, было будто бы просто именем одной из его дочерей⁴.

Но если бы этот факт и был установлен, то из него нисколько не следовало бы, что на Харгривса надо смотреть как на плагиатора: он мог найти вновь то, что другой изобрел до него и без его ведома. Другое дело Аркрайт: его подозрительные связи с Кэем в достаточной мере объясняют, как он мог присвоить себе чужое изобретение. К тому же он старался, повидимому, заранее предупредить подозрения: когда он брал свой первый патент, то ложно приписал себе звание часовщика, долженствовавшее скрыть его неопытность в механике⁵. Еще более убедительным документом является рассказ о свидании, которое он имел в 1772 г. с Томасом Хайсом в Манчестере. Рассказ этот принадлежит самому Хайсу: «Мы принялись болтать. Я сказал ему, что он присвоил себе мое изобретение, с моделью которого был знаком Джон Кэй... что жена Кэя рассказала мне, как произошло дело; ни м-р Аркрайт, ни они не могли отрицать факта... Он ничего не ответил. Когда я вновь напомнил ему, что без меня ему никогда не пришла бы в голову мысль о цилиндрах его машины, то он безмолвно сделал жест рукой, вот так... Когда я вновь напомнил ему, что изобретение сделано мною, то он сказал только: «Допустим, что это так. Но когда человек делает изобретение или затевает

¹ R. Guest, *ouvr. cité*, p. 203—205.

² Он делал берда для ткацких станков.

³ R. Guest, *ouvr. cité*, p. 203.

⁴ *Ibidem*, p. 176—180. (Показания Т. Лэтера и Т. Вилькинсона перед клерком прихода Лэй 29 августа 1823 г. и 1 ноября 1827 г.). Стнестись к показаниям этих двух свидетелей с безусловным доверием мешает то обстоятельство, что в момент, когда происходили описываемые факты, одному из них было 12 лет, а другому 14 лет. A. Held, *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 591, считает возможным сделать тот вывод, что дженни была изобретена Хайсом и усовершенствована Харгривсом.

⁵ «Ричард Аркрайт из Ноттингема в графстве Ноттингем, часовщик» см. *Calendar of Home Office Papers, 1766—1769*, p. 425). Ure, расточавший по адресу Аркрайта самые преувеличенные похвалы, пытается оправдать его: «Счевидно, — говорит он, — что это обстоятельство (т. е. отношения к часовщику Кэю) направило его внимание на часовое дело, и, довольно естественно, считая себя как бы автором нескольких усовершенствований в практике этого ремесла, он позволил себе назваться в своем патенте 1769 г. часовщиком: самомнение вполне извинительное...» A. Ure, *The cotton manufacture of Great Britain*, I, 224. Наивное объяснение!

предприятие, а затем перестает им заниматься, то это все равно, как если бы он отказался от него, и тогда другое лицо вправе по прошествии известного числа недель или месяцев взяться за него и выхлопотать на него патент на свое имя»¹. Слова эти сильно смахивают на признание. Как понять после этого молчание Аркрайта в судебном заседании, ввиду столь точных обвинений? Он заявил через своего адвоката, что Хайс и Кэй свидетельствуют ложно, но никакого удовлетворительного объяснения насчет происхождения своего изобретения он не представил.

Таким образом, за отсутствием доказательства противного², можно считать установленным, что главное изобретение Аркрайта, которому он был обязан большей частью своего состояния и своей славы, не было оригинальным. Но, быть может, таковыми являются, по крайней мере, дополнительные изобретения, перечисленные в патенте 1775 г.? Отнюдь нет, если верить многочисленным свидетелям, вызванным против него в процессе 1785 г. Питающий аппарат был изобретен в 1772 г. квакером Джоном Лисом (Lees) из Манчестера³, подвижной гребень—Харгривсом⁴; кардная машина была почти тождественна с машиной Даниила Борна (Bourne), патентованной в 1748 г.⁵ Что касается ровничной машины, то ее цилиндры были заимствованы у машины Хайса, а ее конический таз, вращающийся вокруг вертикальной оси, применялся уже с 1759 г. Бенджамином Бутлером⁶. Теперь мы можем понять, почему спецификация 1775 г. была составлена в таких туманных выражениях, что только гений такого человека, как Уатт, мог угадать их смысл: Аркрайт постарался скрыть здесь кое-как свои кражи. Но судебные прения, происходившие в июне 1785 г., сделали их явными для всех. После искусной речи Адэра в защиту Аркрайта и речи Беркрофта от лица короны присяжные заседатели без всяких колебаний осудили Аркрайта, объявили его патент лишенным силы и признали иск его конкурентов правильным⁷.

Всякого другого человека, кроме Ричарда Аркрайта, этот процесс и его исход уничтожили бы. Но Аркрайта такими пустяками нельзя было испугать. Хотя и лишившись своего патента, он оставался, однако, самым богатым человеком среди английских прядильщиков: его фабрики были самыми многочисленными, самыми крупными и наилучше организованными. Он продолжал развивать свои пред-

¹ The trial of a cause, etc., p. 59.

² Единственный сколько-нибудь важный факт, приводимый в пользу Аркрайта, заключается в следующем: сам Хайс признал на процессе (Trial, p. 58), что окончательное расположение цилиндрам, из которых одни рифленые, а другие покрыты кожей он дал только в 1769 г., т. е. через год после постройки модели Аркрайта. Но в этом расположении не было ничего нового: Джон Уайатт употребил его уже в 1738 г. (см. Wyatt MSS, I, 45).

³ Показания Lees, Th. Hale и H. Marsland. Trial, p. 38—40.

⁴ Показания Elizabeth et George Hargreaves, Trial, p. 41—45. Показание Whittaker, p. 45—48, оспариваемое автором статьи Hargreaves в Dictionary of National Biography, XXIV, 381.

⁵ Патент № 628 (20 января 1748 г.).

⁶ B. Woodcroft, Brief biographies of inventors, p. 11.

⁷ Trial, p. 107—187.

приятя. В 1784 г. он основал вместе с Давидом Дэлем¹ ньюланаркские прядильни, получавшие свою двигательную силу от водопадов р. Клайд. Он основал еще несколько других фабрик, в Вирксворте и Бэквелле, близ Крэмфорда, не пренебрегая из-за этого старыми, в которых расширил здания и обновил оборудование: в Ноттингеме, где началась его промышленная карьера, он впервые стал пользоваться паровой машиной. Даже в почестях ему не отказывали: в 1786 г. покушение Маргариты Никольсон дало ему случай поднести королю, во главе депутации именитых граждан, поздравительный адрес, после чего он был пожалован в рыцари. В следующем году «сэр» Ричард Аркрайт был призван выполнять почетные функции шерифа в графстве Дерби². Он умер в 1792 г., оставив капитал в $1\frac{1}{2}$ млн. ф. ст. или в $12\frac{1}{2}$ млн. французских ливров того времени. Одна только бэквелльская фабрика приносила его наследникам 20 тыс. ф. ст. дохода в год³. Для эпохи, еще мало привыкшей к крупным промышленникам-миллионерам, это были суммы весьма значительные. Это состояние, приобретенное в течение немногих лет, этот небывалый успех человека, начавшего с пустыми руками,— вот что служило оправданием Аркрайту в глазах его современников⁴.

Это определяет также его истинную роль для нас и отмечает надлежащее его место в экономической истории. Аркрайт—не изобретатель: в лучшем случае он только привел в порядок, комбинировал, использовал чужие изобретения, которыми без малейшего зазрения совести завладел. Похвалы, расточавшиеся его памяти неосторожными почитателями, кажутся теперь почти неуместными: было очевидно преувеличением сравнивать его то с Ньютоном, то с Наполеоном, как это делал, например, д-р Юр в своей «*Philosophy of Manufactures*», 16 стр. и 252, и никак нельзя считать удачной ссылкой на пример Аркрайта в доказательство того, что капиталистическая сила зиждется всецело на личных заслугах и трудолюбивой честности. Но Аркрайт имеет на своей стороне то обстоятельство, что он преуспел. Все эти изобретения, автором которых он не был, он первый сумел выгодно использовать; он первый сгруппировал их в систему. Чтобы достать капиталы, необходимые для основания его промышленных предприятий, чтобы составить и ликвидировать товарищества, которые он сделал одно за другим орудиями своего обогащения⁵,—для всего этого нужен был замечательный талант дельца,

¹ *Rob. Dale Owen*, *Threading my way*, p. 7, 13; *D. Bremner*, *The industries of Scotland*, p. 280. Давид Дэль, тесть Роберта Суэна, известен в особенности как филантроп (см. ч. 2-я, гл. IV).

² *R. Guest*, *Compendious history*, p. 28.

³ *Gentleman's Magazine*, LXII, 771 (август 1792); *F. Espinasse*, *Lancashire worthies*, I, 463 и 664.

⁴ См. показание сэра Роберта Пиль перед Комиссией по обследованию (1816). «Человек, более чем кто-либо сделавший честь стране,—Сэр Ричард Аркрайт...» *Report of the minutes of evidence taken before the select committee on the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom* (1816), p. 134. Пиль был одним из противников Аркрайта в 1785 г.

⁵ «Аркрайту удивительнейшим образом всегда удавалось найти новых компаньонов, хотя бы предшествовавшие соглашения его и расторгались, как не

своеобразная смесь ловкости, упорства и смелости. Чтобы поставить большие фабрики, чтобы нанять их персонал, обучить его новой задаче, установить в мастерских строгую дисциплину,—для всего этого Аркрайт должен был развить незаурядную деятельность и энергию. Именно он действительно создал современную фабрику после незаконченных или неудачных попыток братьев Ломб, Уайатта и Льюиса Пауля. В его лице воплотился новый тип крупного промышленника, отличный от инженера и коммерсанта, у которых он заимствует их главные черты, но лишь для того, чтобы присоединить к ним свои собственные оригинальные особенности—учредителя предприятий, организатора производства, водителя людей. Он представляет в своем лице целый социальный класс и экономический строй.

Имя его останется неотделимым от истории первых шагов крупной промышленности. Все фабрики графств Ланкастер и Дерби, основанные в конце XVIII и начале XIX в., были построены по образцу его фабрик: «Глаза наши всегда были устремлены на него» говорил сэр Роберт Пиль¹. Он знал это и как бы старался подавать пример рвения в труде и безграничного честолюбия. Он неутомимо работал, проводил в труде часть ночей; вынужденный переезжать постоянно с места на место, чтобы лично наблюдать за своими многочисленными фабриками, он работал в дороге, в своей почтовой карете, запряженной четверкой лошадей и всегда быстро мчавшейся². Его планы на будущее были грандиозны: «Если я достаточно долго проживу,—сказал он раз,—то буду достаточно богат, чтобы заплатить весь национальный долг»³.

IV

Со времени Аркрайта машинное производство перестает быть фактом, относящимся исключительно к истории техники; оно становится экономическим фактом в самом широком смысле этого слова. Однако даже в хлопчатобумажной промышленности оно далеко еще не достигло своего полного развития. Характерную черту описываемого нами периода составляет очень широкое применение дженни⁴, не внесшей глубоких изменений ни в организацию труда, ни в жизнь рабочего населения. С другой стороны, ткацкий станок не испытал со времени изобретения челнока-самолета никаких усовершенствований. Таким образом, ткач стал, в свою очередь, отставать в производстве от прядильщика. Двумя изобретениями, завершив-

давшие ожидаемых результатов; каждый раз он выходил из неприятности более богатым, подобно тому как Антей, падая, восстанавливал свои силы от соприкосновения с своей матерью-землей». *R. Guest, Compendious history*, p. 20.

¹ Report of the minutes of evidence... on the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom, p. 134.

² *F. Espinasse, Lancashire worthies*, I, 467.

³ *Ibidem*.

⁴ «Пряжа для основы (warp) изготовлялась в прядильнях, где применялась ватерная машина, тогда как уточная пряжа (weft) производилась семьями ткачей при помощи дженни». *R. Guest, Compendious history of the cotton manufacture*, p. 17.

шими преобразование текстильной промышленности, являются изобретения Самюэля Кромптона и Эдмунда Картрайта.

Мюль, или *mule-jenny*¹, Кромптона представляет собою, как это видно уже из названия, смешанную машину, возникшую из сочетания двух принципов—принципа дженни и принципа ватерной машины. У одного из них она заимствует вытяжные валики, между которыми образуется нить, у другого—подвижную каретку, скользящую взад и вперед. На этой каретке помещаются веретена, совершающие, таким образом, двоякого рода движение: то они удаляются и вытягивают при этом нить вторично, после того как она прошла между валиками, то они приближаются, быстро вращаясь вокруг своей оси, так что нить одновременно скручивается и навивается. Пряжа, производившаяся ватерной машиной, была прочна, но грубовата; пряжа, производившаяся на дженни, была тонка, зато слишком слаба и легко рвалась. Мюль давал возможность получать нить, одновременно крепкую и чрезвычайной тонины². Изобретение это было во многих отношениях окончательным: несмотря на видоизменения, которые были внесены в него соответствующими потребностями различных отраслей текстильной промышленности и успехами механики, мы и теперь еще открываем его основные черты под тонкими и сложными механизмами, под тысячью остроумных деталей новейших машин.

Изобретатель мюля, Самюэль Кромптон, происходил из семьи мелких землевладельцев в Ланкашире. Недалеко от Больтона еще теперь показывают старый дом, который он получил в наследство и где он работал с 1774 до 1779 г. над постройкой своей машины³. Построенный из дерева и глины с соломой, он имеет еще довольно хороший вид со своими перекрещивающимися балками и выступающими балконами и напоминает о счастливых днях исчезнувшего класса⁴. В то время, когда жил Кромптон, заканчивался процесс отделения крестьянства (иоменри) от земли. Отец Кромптона был еще земледельцем и в то же время прядильщиком и ткачом; сам он уже никогда не занимался земледельческими работами. Имел ли он перед глазами модель *water-frame*, или же он самостоятельно сделал вновь то же изобретение, как Хайс после Уайатта? ⁵ Во всяком случае он

¹ Очень распространенное во Франции начертание *mull-jenny* является варваризмом и бессмыслицей.

² В 1792 г. Джон Поллард из Манчестера сумел, пользуясь мюлем, превратить фунт сырого хлопка в 278 мотков пряжи, имевших общую длину приблизительно в 212 тыс. ярдов. *Edinburgh Review*, XLVI, 18.

³ «Его отец обрабатывал ферму с малоплодородной почвой и по тогдашнему обычаю, употреблял часть своего рабочего времени на то, чтобы ткать, расчесывать и прясть». *W. Kennedy*, *Brief memoir of Samuel Crompton*, *Mem. of the literary and philosophical Society of Manchester*, série. II, vol. V, p. 319.

⁴ *G. French*, *Life and times of Samuel Crompton*, p. 27, 43, 48, 51; *B. Woodcroft*, *Brief biographies of inventors*, p. 13. Дом Кромптона, известный под именем «холл в лесу», можно еще и ныне видеть приблизительно в 3 км от Больтона.

⁵ Этой гипотезе, выставленной В. Кеннеди (*Brief memoir of S. Crompton*, цит. сборник, p. 325—326), противоречат выражения петиции от 5 марта 1812 г. (*Journ. of the House of Commons*, LXVII, 175). Кромптон, очевидно, был знаком с ватерной машиной, так как заявляет здесь, что изобрел мюль с целью устранить неудовлетворительные стороны этой машины, «совершенно негодной для производства уточной пряжи».

лично знал Аркрайта, которого видел парикмахером в Больтоне¹. Что касается дженни, то он часто пользовался ею и именно для ее усовершенствования начал, еще совсем молодым человеком, свои исследования².

Он не рассчитывал наперед барышей, которые сумеет извлечь из своего изобретения; как это делал Аркрайт. В течение некоторого времени он довольствовался тем, что употреблял свою машину сам, в маленькой мастерской, где играл одновременно роль инженера, рабочего и хозяина. Но необыкновенная тонина производимой им пряжи привлекла внимание соседних фабрикантов. Вскоре он стал предметом любопытства, к которому примешивалась значительная доля зависти и жадности: под его окнами ставились лестницы, в стене проделывались дыры³. Он понял, что не сможет долго оставаться исключительным обладателем своего секрета, а между тем он не имел патента и не располагал средствами для его исходатайствования. «Я увидел себя вынужденным либо отдать свою машину в общее пользование, либо сломать ее. Сохранить ее для себя одного я больше не мог, а сломать ее мне было бы слишком больно. В течение 4¹/₂ лет я тратил все свое время, все силы своего ума, все средства, которые мог добыть своим трудом, исключительно на одну цель—производить хорошую пряжу для ткачей. Разрушить эту машину я не был в силах...»⁴. Он предпочел предоставить ее всем. Производители обещали ему вознаградить его путем добровольной подписки. Действительно, подписка была открыта: в итоге она дала всего-навсего 67 ф. ст. 6 ш. 6 п., меньше 1 700 франков⁵. Вдобавок среди подписавшихся нашлись и такие, которые после предоставления им модели в общее пользование не считали себя обязанными сдержать свое слово.

После такого опыта с благородством и добросовестностью современников становятся понятными упадок духа и мизантропия Кромптона. Спустя несколько лет он изобрел машину для кардования, но как только она была готова, он разбил ее, восклицая: «Этой машины, по крайней мере, они не получат!»⁶. Он видел себя осужденным на прозябание. Ему удалось поставить небольшую прядильню, сначала в Ольдгеме, близ Больтона, затем, начиная с 1791 г., в самом Больтоне, но фабриканты, опасавшиеся его конкуренции, сманили его лучших рабочих⁷. Один из фабрикантов, Роберт Пиль, явился однажды к Кромптону с предложением взять его в компаньоны; Кромптон отверг предложение⁸. Новая подписка, открытая в его пользу

¹ *French*, Life and times of Samuel Crompton, p. 46.

² Он родился в 1753 г., следовательно в 1779 г., т. е. в год изобретения, ему было 26 лет.

³ *B. Woodcroft*, Brief biographies of inventors, p. 15; *French*, Life and times of Samuel Crompton, p. 77.

⁴ Письмо Кромптона, цит. *E. Baines*, Hist. of palatine county and duchy of Lancaster, II, 453.

⁵ Эта цифра приведена у *French*, p. 85 и повторяется в *Dictionary of National Biography*, XIII, 149. *Woodcroft*, ouv. cité, p. 15 и *Kennedy*, ouv. cité, p. 320, приводит соответствующие цифры: 106 ф. ст. и 50 ф. ст.

⁶ *French*, ouv. cité, p. 106.

⁷ *B. Woodcroft*, ouv. cité, p. 16.

⁸ Cotton spinning machines and their inventors, *Quarterly Review*, CVII, p. 70—71.

в 1802 г., дала около 500 ф. ст.¹ Наконец, в 1812 г. друзьям удалось убедить его, чтобы он обратился к парламенту с ходатайством о вознаграждении, которое неоднократно давалось людям, имевшим гораздо меньшие заслуги. Парламент принял ходатайство, в судьбе которого заинтересовали принца-регента: вознаграждение, ассигнованное Кромптону, составило 5 тыс. ф. ст.² Он истратил большую часть его на уплату своих долгов и умер в бедности.

Кромптон был человеком интеллигентным, культурным, стоявшим, несомненно, значительно выше большинства людей, использовавших его изобретение. Сам он, однако, не сумел извлечь из него выгоды. Независимость его характера и скромность, доходившая до робости, не были качествами, которые могли бы доставить ему успех. Контраст между его жизнью и жизнью Аркрайта ясно показывает нам, как велико расстояние, отделяющее оригинальное искание и открытие от ловкого использования их. В Южно-кенсингтонском музее можно видеть висящие рядом портреты этих двух людей. Аркрайт, со своим пухлым вульгарным лицом, большими тусклыми глазами, кроткая вялость которых не вяжется с энергичным изгибом бровей, с незаметной улыбкой чувственных и хитрых губ, представляет человека-практика, умевшего без излишних угрызений совести стать господином реальных вещей. У Кромптона, с его тонким профилем исхудавшего лица, его благородным лбом под отброшенными назад темными волосами, с его суровыми линиями рта, большими горящими печальными глазами—черты Бонапарта в юности и выражение методистского проповедника. Они представляют собою изобретение и промышленность, гений, творящий революции, и силу, завладевающую результатами этих революций.

Подобно дженни мюль был сначала небольшой деревянной машиной, устроенной так, чтобы ею могли пользоваться в коттеджах. Около 1783 г. начали строить мюли больших размеров, с металлическими колесами и валиками³. В 1790 г. один шотландский промышленник, Вильям Келли, построил автоматические мюли, приводившиеся в движение водяным колесом, как машина Аркрайта, и имевшие каждый до 300 и 400 веретен⁴. Начиная с этого момента, мюль становится прядильной машиной *par excellence*: он заменяет в производственном обиходе дженни Харгривса. В 1812 г. Кромптон, прежде чем подать в парламент свою петицию, захотел проверить сам успех своего изобретения и важность созданных им интересов: он посетил главные центры текстильной промышленности и имел возможность констатировать, что мюль-машина употреблялась в нескольких стах фабриках, с общим числом от 4 до 5 млн. веретен⁵. Столь популярная 20 годами раньше, дженни играла теперь в общей сумме производства лишь второстепенную роль. Вместе с нею в

¹ *Kennedy*, art. cité, p. 321.

² Петиция была подана 5 марта. *Journ. of the House of Commons*, LXVII, 175. Вознаграждение было присуждено 25 июня. *Ibidem*, p. 476.

³ *Kennedy*, art. cité, p. 329—330.

⁴ *Ibidem*, p. 337 и сл.; *Ed. Baines*, *Hist. of the cotton manufacture*, p. 203, упоминает, в качестве одного из авторов этого усовершенствования, Вильяма Стретта, сына *Jedediah Strutt*.

⁵ *Kennedy*, *ibidem*, p. 322; *B. Woodcroft*, *Brief biographies of inventors*, p. 19.

бумагопрядильном производстве, ставшем самой цветущей промышленной отраслью в Англии, исчезали последние остатки домашней системы.

Изобретение Кромптона закончило преобразование не одного только прядения: отраженное действие его испытало на себе и ткачество. Ватерная машина сделала возможным выделывание в Англии миткалей, ввозившихся раньше из Индии. Благодаря необычайной тонине пряжи, производимой мюлем, была превзойдена сказочная искусность индусских рабочих и стало возможным выделывать кисеи несравненной легкости¹. Создается, таким образом, новая отрасль промышленности, центрами которой являются Болтон в Ланкашире, Глазго и Пэйсли в Шотландии². Уже в 1783 г. она в одном Глазго занимает тысячу станков³. В 1785 г. производство муслинов в Великобритании исчислялось почти в 50 тыс. кусков⁴. По замечанию одного современного экономиста, «эта отрасль промышленности чрезвычайно выгодна для нации, так как сущность ее составляет одна обработка... Стоимость сырья, входящего в изделие, увеличивается в процессе производства от одной и до 5 тыс. процентов»⁵.

V

Между тем нарушение равновесия, уже давшее раз толчок техническому прогрессу, повторилось опять. В то время как для прядения пользовались уже весьма усовершенствованными машинами, ткать продолжали ручным способом. Около 1760 г. ткачи с трудом находили пряжу в достаточном количестве для постоянной работы их станков. 30 годами позже мы наблюдаем обратное явление: ткачи не успевают больше справляться с работой, и заработная плата их быстро растет. Те из них, которые выделывают узорные муслины в Болтоне, получают в 1792 г. до 3 и 3½ шилл. с ярда; ткачи бумажного бархата зарабатывают 35 шилл. в неделю⁶. И они начинают важничать: их можно видеть гуляющими по улицам с тросточкой в руке и 5-фунтовым банковым билетом, демонстративно заткнутым

¹ Кромптон в своей петиции 1812 г. не преминул выдвинуть это преимущество в результате применения мюля (см. Journ. of the House of Commons, LXVII, 175).

² Macpherson, Annals of Commerce, IV, 80; A complete history of the cotton trade, p. 102; J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 166; R. Guest, Compendious history, p. 31. На одной из первых муслиновых фабрик, на фабрике Джемса Монтейта в Глазго (около 1780 г.) вначале употребляли пряжу, привозимую из Индии (см. Encyclopaedia Britannica, статья—Cotton, t. VI, p. 501, IXe éd.).

³ Среди фабрикантов муслина в Глазго известное число были негоциантами и судовладельцами, обратившимися к промышленности во время войны в Америке (см. La Rochefoucauld-Liancourt, Voyage aux montagnes, vol. II, письмо от 8 мая 1786 г.).

⁴ Anderson, Chronological history and deduction of the origin of commerce (дополнение), IV, 655.

⁵ An important crisis in the callico and muslin manufacture of Great Britain, p. 9.

⁶ Fifth report from the select committee on artizans and machinery, p. 392 (1824); Minutes of the evidence taken before the select committee appointed to report upon the condition of the hand-loom weavers, p. 389 (1835).

за бант шляпы. Они одеваются как буржуа и не позволяют рабочим других промыслов входить в залы таверн, где они собираются¹. Правда, благоденствие это длилось недолго; общий кризис английской промышленности в 1793 г. явился сигналом к понижению заработной платы². Но это изменило только форму проблемы. Действительно, несоответствие между производством пряжи и производством тканей становилось настолько значительным, что прядильщики увидели себя вынужденными прибегнуть к вывозу пряжи за границу³. Этот экспорт возбудил тревогу среди многих лиц, опасавшихся, как бы в соседних странах, особенно во Франции, не возникли ткацкие фабрики, питаемые английской пряжей. Против вывоза пряжи была поведена весьма оживленная кампания; поднимался даже вопрос, не следует ли воспретить его по тем же основаниям, по которым был воспрещен экспорт шерсти⁴.

Как и во время периода, предшествовавшего изобретению прядильных машин, в текстильной промышленности господствовало настоящее недомогание. Оно становилось все более серьезным вместе с ростом несоответствия, которое было его причиной. Около 1800 г. оно достигло своего пароксизма. А между тем в этот момент лекарство уже несколько лет как было найдено, но оно не успело еще произвести своего действия. Последнее стало заметным только тогда, когда необходимость прибегнуть к лекарству дошла до своего крайнего предела. Мы видим здесь пример того, как поочередное действие экономической потребности и технического изобретения сообщает промышленности ряд колебаний, каждое из которых составляет прогресс.

Проблема механического ткачества искушала уже не одного изобретателя. Ее трудность казалась довольно большой, но отнюдь не непреодолимой: движение обеих рам, на которые натянута основа материи, и движение челнока, скользящего между ними для обра-

¹ Place MSS (British Museum, Add. MSS, 27828), p. 199.

² Плата за ткань муслинов в Больтоне (с ярда):

1792 г.	3 шилл.	1797 г.	1 шилл. 6 п.
1793 »	2 »	1798 »	1 » 3 »
1794 »	1 » 9 п.	1799 »	1 » 2 »

Понижение это было вызвано больше всего быстрым увеличением числа ткачей в годы, когда заработная плата была высока. Fifth report from the select committee on artizans and machinery, p. 392.

³ «Хлопчатобумажные ткани были в таком спросе, что вся продукция прядилен расходилась бы, если бы можно было найти достаточно ткачей для превращения ее в ткани, но так как это было невозможно, фабрики решили сбывать за границу излишек своей продукции». Report on D-r Cartwright's petition (1808), p. 7. Этот экспорт дал возможность понизить внутри страны заработную плату ткачей, хотя спрос на рабочие руки был все еще велик. «Около 1800 г., — вишет один прядильщик, — вокруг Манчестера не было ни одной деревни на расстоянии 30 миль кругом, куда кто-нибудь из нас не посылал бы пряжи, которая возвращалась к нему обратно в форме тканей. Мы набирали ткачей сукна и полотна, бросавших свои специальности по мере того, как разрасталась хлопчатобумажная промышленность; мы обращались решительно ко всем лицам, которых можно было уговорить, чтобы они стали у станка». W. Radcliffe, Origin of the new system of manufacture, p. 11.

⁴ W. Radcliffe, ouv. cité, p. 78—84, 163—172, etc. Радклифф был одним из тех, кто возглавил это движение в Ланкашире.

зования утка, отличаются сравнительной простотой. Уже с XVII в.¹ в Англии и в Германии употребляли механический станок для производства лент: рукоятка заставляла челнок двигаться взад и вперед, а система грузов служила для натягивания и плотного прибивания нитей одна к другой². Но работа этой машины отличалась медленностью и сложностью; даже не будь мер, принятых против ее употребления в разных странах по просьбе ткачей³, голландский станок, как ее называли в Англии, был бы недостаточен для того, чтобы произвести революцию в текстильной промышленности. То же замечание приложимо к станку, построенному в 1678 г. французом де Женнь (de Gennevilliers), где два горизонтальных стержня, подобно рукам, передают друг другу челнок с одного конца станка на другой⁴. Что касается станка Вокансона, модель которого хранится в Conservatoire des Arts et Métiers, то он интересен главным образом постольку⁵, поскольку он послужил, спустя полвека после своего изобретения, исходным пунктом для изысканий Жакара.

Ни одно из этих изобретений не получило значительного практического применения. Если во Франции или Англии даже существовали какие-нибудь мастерские для машинного ткачества, то они почти тотчас исчезли и следы их трудно теперь найти⁶. Во всяком случае вероятно, что изобретатель механического ткацкого станка Эдмунд Картрайт не знал об их существовании. Младший сын одного джентльмена из графства Ноттингем, предназначавшийся с юных лет к духовному званию, он блестяще окончил курс в Оксфордском университете и в 1764 г. был принят в число fellows колледжа Магдалины⁷. В течение долгого времени он занимался только литературой и писал даже стихи в жанре Александра Попа,—недурные вещи, несмотря на холод, которым веет от их изящной формы⁸. Покинув Оксфорд, чтобы занять место сельского священника⁹, он, как человек интел-

¹ Это изобретение приписывалось некоему Антону Мюллеру, жившему в Данциге в конце XVI в. (см. *Beckmann, Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*, II, 527).

² См. описание лентоткацкого станка в *Encyclopédie Méthodique, Manufactures*, II, CCII и сл., и у *A. Barlow. History and principles of weaving*, p. 217—227 (с рисунками).

³ В Германии происходили настоящие бунты против этой машины (см. *K. Marx, Das Kapital*, I, 438) (см. *Капитал*, русск. пер., стр. 351).

⁴ См. *Journal des Savants*, 1678, № XXVII; *Philosophical Transactions of the Royal Society*, XII, 1001 и сл., и *Abridgments of specifications relating to weaving*, введение, p. XXXV.

⁵ О нем даже не упоминается в статье *Soie de l'Encyclopédie Méthodique*.

⁶ *R. Guest, Compendious history*, p. 44, упоминает о фабрике, основанной Гарсайдом в Манчестере в 1765 г. Это предприятие не могло, однако, удержаться, так как экономия, достигавшаяся благодаря машинам, несомненно сложным и неудовлетворительно работавшим, была недостаточна (см. *J. James, Hist. of the worsted manufacture*, p. 351).

⁷ *Memoir of D-r Cartwright*, p. 7—12. Семья Картрайтов жила в Ноттингемшире в течение 300 лет. Из трех братьев Эдмунда Картрайта двое служили с отличием в армии, а третий был членом парламента и прославился своими передовыми взглядами. Е. Halévy видит в нем основоположника английского радикализма (*La formation du radicalisme philosophique*, I, 223—224).

⁸ *Constantia* (1768), *Almine and Elvira* (1775), *The Prince of Peace, with other poems* (1779), *Sonnets to eminent men* (1783).

⁹ Сначала в Брамптоне (Дербишир), затем в Годби-Марвуд (Лейстершир).

лигентный и деятельный, постарался заинтересоваться жизнью деревенского населения, среди которого ему приходилось отныне жить: он принялся изучать медицину и агрономию, обучая при этом своих прихожан новым способам лечения лихорадки и новым приемам земледелия¹. Вот каким образом проявился сначала дух предприимчивости, которому предстояло сделать этого гуманиста, затерянного в деревенском доме священника, изобретателем и промышленником.

На хлопчатобумажную промышленность и угрожавший ей кризис направил внимание Картрайта случайный разговор, происходивший летом 1784 г. во время его пребывания на водах в Метлоке. «Я находился там,—рассказывает он сам,—в обществе нескольких господ из Манчестера. Разговор зашел об Аркрайте и его машинах для прядения. Один из присутствующих заметил, что с истечением срока аркрайтовского патента будет основано столько фабрик и начнут производить столько бумажной пряжи, что нельзя будет найти достаточного числа рабочих рук для обращения ее в ткани. На это я ответил, что Аркрайт должен раскинуть умом и изобрести ткацкую машину. Завязался спор, и все эти манчестерские господа единодушно объявили, что такая машина—вещь практически невозможная»². Картрайт утверждал противное и взялся доказать правильность своего мнения.

Первые его опыты были аляповаты: он ничего не смыслил в механике и ни разу в жизни не видел ткача за работой. Тем не менее при помощи столяра и кузнеца ему удалось соорудить станок, работавший с грехом пополам. «Основа была натянута вертикально, бердо падало с силой по меньшей мере в 50 ф., а пружины, перебрасывавшие друг к другу челнок, были достаточно сильны, чтобы пустить конгревову ракету. Коротко говоря, нужны были два сильных человека, чтобы заставить эту машину работать очень тихим ходом...»³. Таково было изобретение, на которое Картрайт взял патент в 1785 г. Он тотчас заметил все то, чего нехватало еще его машине, чтобы ею можно было пользоваться на практике. Путем последовательных улучшений он сделал из нее легко управляемую машину, которая автоматически останавливалась каждый раз, когда обрывалась какая-нибудь нить, и которую можно было с небольшими видоизменениями употреблять для тканья всевозможных материй⁵. Оставалось только ввести ее в промышленность, которая, казалось, ждала и требовала ее; Картрайт ни минуты не сомневался в немедленном успехе.

Но тут-то и начались его злоключения. Деньги у него были⁶:

¹ Memoir of D-r Cartwright, p. 18; *J. Burnley, Wool and woolcombing*, p. 110; *B. Woodcroft, Brief biographies of inventors*, p. 21.

² Encyclopaedia Britannica, 1-re éd., статья Cotton (воспроизведена в 9-м изд., VI, 500) (см. *W. Radcliffe, Origin of power-loom weaving*, p. 52).

³ Encyclopaedia Britannica, loc. cit.; Memoir of D-r Cartwright, p. 63—64.

⁴ Abridgments of specifications relating to weaving, № 1470 (4 апреля 1785).

⁵ Патенты: № 1565 (30 октября 1786), № 1616 (1 августа 1787), № 1676 (12 ноября 1788).

⁶ «Очень большое состояние». Петиция Эдмунда Картрайта, клерка, имеющего ученую степень теологической науки, 24 февраля 1809 г. *Journ. of the House of Commons*, LXIV, 97.

он хотел эксплуатировать сам свое изобретение и устроил небольшую фабрику в Донкастере, в графстве Йорк (1787). Фабрика имела 20 ткацких станков, из коих 8—для производства миткалей, 10—для муслинов, 1—для клетчатых материй, один—для грубого холста¹. Двигательная сила доставлялась сначала, как и в первых прядильнях, рабочим скотом, но уже в 1789 г. Картрайт выписал из Бирмингема паровую машину. К несчастью, хорошо оборудованное предприятие плохо управлялось: деловых талантов Картрайт не обнаружил ни тогда, ни в течение последующей своей жизни. Мы видим здесь повторение плачевной истории всех изобретателей. В 1791 г. ему казалось, что он нашел путь к богатству: он вошел в соглашение с манчестерскими прядильщиками, братьями Гримшоу, об устройстве большой фабрики, которая должна была иметь не менее 400 станков, приводимых в действие силой пара. Специально для этой цели были построены обширные здания². Но едва были установлены первые машины, как против них с яростной враждебностью выступили ткачи. Владельцы фабрики получили угрожающие письма³, а спустя месяц фабрика уже горела. Картрайт потерял не только барыши от договора, заключенного с братьями Гримшоу: он больше не мог найти человека, который отважился бы повторить опыт⁴.

В промежуток между 1792 и 1800 гг. автоматически работающий ткацкий станок одновременно и нужен и непопулярен: желанный для одних, отвергаемый другими, ставший менее настоятельно необходимым вследствие падения заработной платы, он не пробивает себе дороги ко всеобщему употреблению. Картрайт, совершенно разоренный, вынужденный передать свои патенты в руки администраторов (*trustees*), метался между суровыми кредиторами и неделикатными должниками⁵. Он затеял ряд процессов против тех, которые пытались лишить его прибыли от его второго изобретения, машины для чесания шерсти. Окончательный успех подготовлялся, однако, силою обстоятельств. Движение в этом направлении ясно обозначилось в Шотландии: в 1793 г. Джеймс Льюис Робертсон поставил в Глазго два механических ткацких станка, приводимых в действие колесом, которое вертела ньюфаундлендская собака⁶; в 1794 г. в Дембартоне открылась мастерская с 40 станками; в 1801 г. Джон Монтейт, возобновив попытку бр. Гримшоу, поставил в одной фабрике 200 станков, приводимых в движение силою пара⁷. Кампания

¹ Memoir of D-r Cartwright, p. 77; *J. Burnley, Wool and woolcombing*, p. 112.

² Эти здания были известны под именем Knott Mills (см. *Barlow, Hist. of weaving*, p. 40 и 236; *Wheeler, Manchester*, p. 167).

³ Вот текст одного из писем, помеченного маем 1792 г.: «М. г., мы клятвенно обязались друг перед другом разрушить вашу фабрику, хотя бы это стоило нам жизни, и снять ваши головы за то зло, которое вы причиняете нашему ремеслу. Если вы будете вести свое дело дальше, то вам известно теперь, что вас ожидает». Report on D-r Cartwright's petition (1808), p. 4.

⁴ См. петицию 24 февраля 1809 г., *Journ. of the House of Commons*, LXIV, 97.

⁵ Обследование в связи с петицией 18 марта 1801 г., *Journ. of the House of Commons*, LVI, p. 271—272 (показание Джона Картрайта).

⁶ Следует равным образом упомянуть попытки Роберта Миллера и Эндрю Кинлоха (1793). *Webb MSS, Textiles*, V, 1.

⁷ *R. Guest, Compendious history*, p. 46; *E. Baines, Hist. of the cotton manufacture in Great Britain*, p. 231.

против экспорта бумажной пряжи ускорила затем этот запоздавший прогресс. В 1803 г. Хоррокс, из Стокпорта, построил механические ткацкие станки из железа, модель которых была тотчас же принята в нескольких городах Ланкашира ¹. Для Картрайта было «приятным сюрпризом» оказаться, таким образом, свидетелем возрождения своего изобретения, если не окончательного торжества его. Когда в 1809 г., тремя годами раньше Кромптона, он обратился в парламент с ходатайством о вознаграждении, то он имел возможность сослаться, в подтверждение своей просьбы, на тот факт, что его машины «получили уже достаточно широкое применение в графстве Ланкастер, чтобы на них можно было смотреть как на предмет высокой государственной полезности» ².

Чтобы составить себе, однако, суждение о последствиях этого изобретения в их полном объеме, пришлось бы значительно перейти границы, поставленные настоящей работой: надо было бы проследить историю механического ткачества до 1839 г.—момента, когда появился знаменитый официальный доклад о положении ручных ткачей³. Этот доклад и приложенные к нему протоколы рисуют одновременно и успехи машинного производства в этой отрасли текстильной промышленности, и причины, замедлившие их. Ужасающее бедственное положение ткачей, продолжавших еще в 1839 г. пользоваться старым ручным станком, все более ухудшалось по мере того, как росла сокрушающая конкуренция машины. Но чем больше оно ухудшалось, тем больше задерживалось всеобщее введение нового оборудования: заработная плата упала так низко, что становилось более выгодным пользоваться трудом людей, чем машинами. В некоторых отраслях производства, подвергшихся лишь неполному преобразованию, мы можем и в наше время наблюдать иногда повторение тех же явлений; этим объясняется живучесть примитивнейшей техники в маленьких домашних мастерских, где свирепствует так называемая потогонная система (*sweating-system*). Но препятствие, которое машинное производство создает таким образом для собственного прогресса, всегда было и всегда может быть только временным.

В начале XIX в. развитие механического ткачества еще едва только начиналось: на несколько миллионов веретен, насчитываемых уже в прядильнях, во всей Англии имелось еще только несколько сот автоматических станков ⁴. Но этого было достаточно, чтобы судить о результатах: два паровых станка под присмотром 15-летнего подростка ткали $3\frac{1}{2}$ куска материи в течение того времени, в какое

¹ *Hardwick*, History of the borough of Preston, p. 375. Относительно усовершенствований, введенных Петером Марслендом и Миллером из Глазго, см. *Wheeler*, Manchester, p. 107, и *Cotton-spinning machines and their inventors*, Quarterly Review, CVII, 78.

² Journ. of the House of Commons, LXIV, 97. Петиция была передана 7 июня на рассмотрение комиссии субсидий (*ibidem*, p. 391), которая 8 июня постановила выдать Картрайту 1 тыс. ф. ст. (*ibidem*, p. 393).

³ Minutes and reports from H. M's. commissioners and assistant-commissioners on the condition of the hand-loom weavers (1839—1841).

⁴ *R. W. Cooke-Taylor*, The modern factory system, p. 94, дает следующие цифры: в 1813 г.—1 тыс. механических станков, в 1820 г.—14 тыс., в 1829 г.—60 тыс., в 1833 г.—более 100 тыс.

искусный рабочий, пользующийся самолетным челноком, ткал на ручном станке только один кусок¹. Если текстильная промышленность и не достигла еще того состояния устойчивого равновесия, к которому она стремилась в течение более чем 60 лет, то она располагала теперь его необходимыми предпосылками. Мы видели, как оборудование прядилен сложилось мало-помалу в сложный организм, но до изобретения Картрайта оно оставалось как бы незавершенным. Отныне оборудование текстильной промышленности имеет все существенное: господство машинного производства составляет в этой специальной отрасли производства свершившийся факт.

Машинное производство захватывает и преобразует не одни только основные операции промышленности, но и ее детали и специальности. Печатание тканей производилось до тех пор при помощи выпукло-вырезанных набивных форм, которые накладывались рукой столько раз, сколько это было нужно, на всю поверхность холста или миткаля². Этот способ был очень медленным и дорогим: самые грубые набивные ткани, на которых выделялись режущими глаз красками очень незатейливые мотивы, — какая-нибудь геометрическая фигура, листок или узор, — продавались около 1780 г. по 3 и 3½ шилл. за ярд³. Но в 1783 г. шотландец Томас Белль заменил формы, тщательно накладываемые рукой, медными цилиндрами; одна машина, снабженная цилиндрами, выполняла работу ста рабочих⁴. В графстве Ланкастер основались большие ситценабивные фабрики. Одновременно с этим беление и крашение тканей извлекли пользу из успехов химии: работы Бертоллэ об обесцвечивающих свойствах хлора относятся к 1785 г.⁵ Джемс Уатт почти тотчас же узнал о них и познакомил с ними своих соотечественников в Англии⁶, где они несколько лет спустя были применены к промышленности Теннантом из Глазго⁷. В немногие годы способ этот получил всеобщее применение: вокруг населенных ткачами деревень не видно стало кусков материи, выстилаемых бывало в течение целых месяцев на лугах

¹ См. *R. Guest, Compendious history*, p. 47—48.

² Для набивки одного куска холста длиной в 28 ярдов приходилось до 450 раз накладывать форму длиной в 10 дюймов и шириной в 5. *Townsend Warner в Social England*, V, 471—472.

³ См. *The callico-printer's assistant* (1790).

⁴ Белль имел предшественников уже в 1764 г. или в 1765 г. См. *Gentleman's Magazine*, XXV, 439 (1765). Введение его машины в Ланкашире относится к 1785 г.; *Wheeler, Manchester*, p. 169.

⁵ *Description du blanchiment des toiles par l'acide muriatique oxygéné, Annales de Chimie*, II, 151, VI, 204 и сл. *Action de l'acide muriatique oxygéné sur les matières colorantes*, тот же сборник, VI, 210.

⁶ Относительно отношений Джемса Уатта с французскими и английскими химиками, Бертоллэ, Блэкк, Пристли, etc., см. *S. Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 141—142. В том же 1786 г. Литературно-философское общество в Манчестере публикует записку Th. Henry о «Теории крашения» (*Memoirs of the literary and philosophical Society of Manchester*, III, 343 и сл.). Рукописи Сохо содержат письмо Уатта Бертоллэ от 25 февраля 1787 г., начало которого, написанное по-французски, гласит: «М. г.! нагромождение дел, неизбежное следствие нашего длительного отсутствия из дому, помешало мне до настоящего времени отдалиться вашему делу отбеливания тканей, но я не забыл ни этого важного дела, ни тем более наших обещаний по возможности помочь вам». *Soho MSS.*

⁷ *E. Baines, History of the cotton manufacture*, p. 249.

и отсвечивавших издали на солнце, словно лужи воды. Около того же времени Тэйлор из Манчестера вновь нашел секрет турецкой красной краски и стал выделывать пунцовые «адрианопольские» ткани, приобретшие скоро такую же популярность, как индийские ситцы¹; Джон Вильсон из Энсворта создал бумажные бархаты². Если бы мы захотели полностью перечислить все эти второстепенные усовершенствования, то никогда не кончили бы.

Все они отнюдь не завершают начавшейся эволюции, а способствуют, напротив, ее продолжению. Действительно, каждое новое изобретение теснее скрепляет взаимную связь различных технических операций, и по мере того как солидарность их становится более тесной, прогресс каждой из них отражается непосредственнее и глубже на всех остальных. Таким путем вызывается и ускоряется их общее движение, — заразительное, безостановочное, характеризующее крупную промышленность лучше всякого статического свойства.

VI

Как быстро ни совершалось развитие хлопчатобумажной промышленности, однако, в нем следует различать несколько периодов. Первый — это период, последовавший за изобретением Харгривса. Между 1775 и 1785 гг. некоторые округа были охвачены настоящей производственной горячкой: дженни устанавливались тысячами в коттеджах, число ткачей и ткацких станков возрастало в огромных размерах и все-таки не могло удовлетворить существующего спроса. «Так как старые помещения стали слишком тесны, то пришлось починить амбары, даже брошенные риги, навесы и всякого рода наружные пристройки; в старых глухих стенах пробивались окна, везде устраивались мастерские. Когда не осталось больше места, то кругом выросли новые дома, населенные ткачами»³. Фабрики пока еще немногочисленны, капиталистическая концентрация не приняла еще пока формы, которая сделает ее скоро видимой для всех. На первый взгляд мы имеем как будто перед собою золотой век домашней системы производства.

Второй период ведет свое начало от памятного судебного процесса, кончившегося аннулированием аркрайтовского патента⁴. С этого момента фабричная система становится в текстильной промышленности все более распространенной. Пользование усовершенствованным оборудованием, занимавшим много места и дорогостоящим, было несовместимо с мелким домашним производством. Соединение ручных рабочих в мануфактуре, при своих очевидных выгодах с точки зрения организации и надзора, никогда не диктовалось все-таки как

¹ Заметка о Чарльзе Тейлоре в бумагах коллекции Оуэна, LXXX, 74. Центральная свободная библиотека Манчестера.

² A complete history of the cotton trade, p. 71—73.

³ W. Radcliffe, Origin of the new system of manufacture, commonly called power-loom weaving, p. 65.

⁴ О впечатлении, произведенном в Ланкашире решением суда, см. Manchester Mercury от 28 июня 1785 г.: «Итак, страна освобождена от монополии прядения и ее губительных последствий» и т. д.

безусловная необходимость. Фактически мануфактурный строй, если понимать под ним способ производства, господствующий в данную эпоху, никогда не существовал в Англии. Напротив, фабричная система составляет необходимое следствие применения машин. Оборудование, состоящее из тесно связанных между собою частей, с центральной двигательной силой, может быть установлено только в одном общем помещении, где работа его направляется дисциплинированным персоналом. Это помещение есть фабрика—другого определения у нее нет¹.

По сравнению с нынешними первые прядильни показались бы очень маленькими. Однако каждая из них имела уже довольно многочисленный персонал, от 150 до 600 рабочих². Их кирпичные здания, вышиной в четыре или пять этажей, в продолжение полувека с лишним мало менялись, оставляя в стороне размеры³. Характерной чертой описываемого периода является употребление воды в качестве двигательной силы. Машина Аркрайта водяная и называется поэтому *water-frame*. Мы описали выше типичное расположение кромфордской прядильни: оно отвечало основным условиям, которых должен был искать всякий промышленник. Отсюда проистекало довольно важное следствие: невозможно было основать фабрику в другом месте, кроме как у реки, достаточно сильной и быстрой, чтобы приводить в движение машины. Вот почему прядильщики основывали на первых порах свои предприятия не в равнинных городах, а по соседству с холмами, в тесных долинах, где при помощи запруд легко создать искусственное падение воды. Начало современной крупной промышленности надо искать в небольших поселках, в стороне от тех крупных центров, где собирается в наши дни масса рабочего населения. Они лежат разбросанные у подступов Пеннинской цепи, вдоль трех ее склонов, которые на западе обращены к Манчестеру и Ирландскому морю, на юге—к долине Трента, на востоке—к равнине Йоркшира и к Северному морю.

Эта разбросанность, однако, весьма относительна. В отличие от старой шерстяной промышленности хлопчатобумажная промышленность имеет тенденцию утвердиться почти исключительно в двух-трех округах: в южной части графства Ланкастер, на севере графства Дерби, затем в Шотландии—в долине р. Клайд, между Ланарком и Пэйсли. Первый из названных округов был наиболее важным: в 1788 г. он насчитывал уже более 40 прядилен⁴. Объясняется это тем, что там имелась в изобилии двигательная сила. Скат от высоких холмов, поднимающихся на юго-востоке, к низким и болотистым равнинам, тянувшимся до самого моря, довольно крутой. Реки Ланкашира искони приводили в движение многочисленные мельницы:

¹ См. *An important crisis in the callico and muslin manufacture of Great Britain*, p. 4. Согласно этой брошюре,—несколько подозрительной, как все вообще экономические памфлеты XVIII в.,—в Великобритании было в 1788 г. 143 прядильни с автоматическим оборудованием, 550 мюлей по 90 веретен и 20 070 дженни, имевших каждая от 8 до 80 веретен.

² В 1780 г. в Манчестере была открыта прядильня, занимавшая 600 рабочих. См. *E. Butterworth, History of Oldham*, p. 118.

³ *W. Fairbairn, Mills and millwork*, II, 113.

⁴ *An important crisis in the callico and muslin manufacture*, p. 4.

вдоль Мерсея, на протяжении каких-нибудь трех английских миль вниз по течению от Манчестера, насчитывали в начале XVIII в. около 60 мельниц ¹. Если географическое положение этой области, ее климат и развитие Ливерпульского порта благоприятствовали в ней зарождению и успехам хлопчатобумажной промышленности, то наличием водных потоков, способных давать двигательную силу, объясняется основание первых фабрик вокруг Блэкберна, Бэри, Больтона, Ольдгема, Манчестера ². То же самое можно сказать о районах Дерби и Глазго. Следует заметить, что это необходимое условие было осуществлено также во многих других округах, и мы видим, что между 1785 и 1800 гг. фабрики основываются в значительном числе графств. Но эти попытки, вызванные успехами северных фабрикантов и их быстрым обогащением, остались одиночными ³. Они не только не имеют своим последствием настоящего рассеяния хлопчатобумажной промышленности, а, напротив, рельефно подчеркивают ясно обозначившуюся уже локализацию ее, которой предстояло принять впоследствии еще более резко выраженный характер.

Географическая концентрация представляет только одну из внешних особенностей нового промышленного строя. Внутри промышленности происходит более глубокая концентрация: концентрация предприятий, связанных между собой общей потребностью в добывании сырья и в рынках для сбыта; концентрация капиталов, роль которых становится все более важной,—по мере того как совершенствуется и пополняется оборудование. Каждая фабрика представляла капитал в несколько тысяч ф. ст., и нередко одно лицо имело несколько таких фабрик. Мы знаем, например, что Аркрайт управлял восемью или десятью фабриками сразу ⁴. Второй Пиль занимал в своих прядильных, красильных и набивных фабриках почти все население Бэри;

¹ См. *Stukeley, Itinerarium curiosum*, p. 58.

² Прядильни имелись в Бэри с 1774 г., в Чарли—с 1776 г., в Престоне—с 1777 г., в Ольдгеме—с 1778 г. (см. *Ed. Butterworth, History of Oldham*, p. 117—118. *Idem., History of Ashton-under-Lyne*, p. 142—143)

³ Автор «*An important crisis*» дает следующую таблицу (1788):

<i>Англия</i>		<i>Шотландия</i>	
Ланкашир	41 прядильня	Ренфрю	4 прядильни
Дербишир	17 »	Ланарк	4 »
Йоркшир	11 »	Пертшир	3 »
Чешир	8 »	Мидлоциан	2 »
Стеффордшир	7 »	Эйршир	1 »
Вестморленд	5 »	Галловэй	1 »
Флинтшир	3 »	Аннендель	1 »
Беркшир	2 »	Бют	1 »
Серрэй	1 »	Абердиншир	1 »
Гертфордшир	1 »	Файф	1 »
Лейстершир	1 »	К группе Ланкастерских прядилен можно отнести прядильни графств Честер, Флинт и Вестморленд, а к группе прядилен в Дерби—прядильни Стеффордшира.	
Ворстершир	1 »		
Пемброк	1 »		
Глостершир	1 »		
Кемберленд	1 »		

An important crisis in the callico and muslin manufacture, p. 5.

⁴ Фабрики в Ноттингеме, Кромфорде, Белпере, Беквелле, Вирксворте, Дерби, Чорли, Манчестере и Ланарке.

ткачество занимало коттеров во всех окрестных деревнях¹. Сверх того у него были еще другие промышленные предприятия в более чем 12 различных местностях². Персонал, работавший под его началом, доходил в 1802 г. до 15 тыс. человек, и он уплачивал казне 40 тыс. ф. ст. акциза³. В Стокпорте один крупный фабрикант кисеи, Самюэль Олдноу, зарабатывал, по слухам, в конце столетия по 17 тыс. ф. ст. в год⁴. С 1792 до 1797 г. Горроксы устроили три фабрики в одном только городе Престоне⁵.

Крупные капиталы, необходимые для функционирования таких предприятий, не всегда принадлежали одному лицу. Товарищества между капиталистами стали поэтому частым явлением, особенно вначале, до образования больших промышленных состояний. Читатель припомнит многочисленные товарищеские договоры, которые Аркрайт сумел так ловко использовать для осуществления своих последовательных проектов. Пиль также имел несколько компаньонов⁶, и его фирма обозначалась обыкновенно как «компания, управляемая м-ром Пилем»⁷. Необходимо отметить, что слово «компания» не имеет здесь того значения, которое мы часто придаем ему, т. е. значения акционерного общества. Этот способ организации не был еще тогда применен и казался подходящим лишь для некоторых крупных предприятий в банковом и страховом деле или по постройке общественных сооружений⁸. Адам Смит высказался по этому предмету в очень решительных выражениях⁹. Однако уже в 1779 г. поднимался

¹ «Этот дом включает одни мастерские, где только расчесывают, растягивают и прядут хлопок, и другие, где его моют с помощью водяных колес, вращающихся с большой быстротой. Отбелка происходит еще в других местах. Коротко говоря, значительность этого предприятия такова, что оно постоянно дает работу почти всему населению Бэри и окрестностей без различия возраста и пола, и, хотя население здесь многочисленно, оно никогда не испытывало недостатка в работе, даже в наихудшие времена». *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 268; *Wheeler, Manchester*, p. 521; *Espinasse, Lancashire worthies*, I, 90—103.

² В Больтоне, Уоррингтоне, Манчестере, Блекберне, Берли, Уолтоне, Стокпорте, Чарчбанке, Рамсботтеме (в Ланкашире), в Бредфорде, в Йоркшире, в Темворте и Личфильде, в Стеффордшире и т. д.

³ *W. Cooke-Taylor, Life and times of Sir Robert Peel*, I, 16.

⁴ Относительно Самюэля Олдноу см. *Rob. Owen, Life, written by himself*, p. 40; *W. Kennedy, Brief memoir of Samuel Crompton; Memoirs and proceedings of the literary and philosophical Society of Manchester*, série II, V, 339.

⁵ *Hardwick, Hist. of the borough of Preston*, p. 366.

⁶ См. *Wheeler, Manchester*, p. 529.

⁷ *J. Aikin, loc. cit.*

⁸ См. *G. Schmoller, Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1893)*.

⁹ «Акционерные компании могут вести успешно, повидимому, без исключительных привилегий, только те предприятия, в которых все операции могут быть сведены к так называемой рутине или к такому единообразию методов, какое допускает немного или совсем не допускает изменений. К предприятиям такого рода относятся: во-первых, банки, во-вторых, предприятия по страхованию от огня, от морского риска и каперства во время войны, в-третьих, сооружение и содержание судоходных каналов и, в-четвертых, подобные им предприятия, снабжающие водою большие города». *Adam Smith, Wealth of nations*, livre V, ch. I, p. 340 (*Смит, О богатстве народов, русск. пер., т. II, стр. 284, Соцэкгиз, 1935 г.*). Относительно неуспеха нескольких промышленных компаний, основанных в XVIII в., см. *Cunningham, Growth of English industry and commerce*, II, 519.

вопрос об основании общества для фабрикации холстов и ситцев¹, но проект этот не имел практических последствий. Он был осуществлен, как и в других отраслях промышленности, только в очень недавнюю эпоху. Капитализм на начальных своих стадиях не отступал от своего ясно выраженного индивидуалистического характера: хозяин, являющийся одновременно собственником и директором промышленного предприятия, соединяет еще в своем лице компетенцию и прерогативы, которые в акционерных обществах будут разделены между акционерами, с одной стороны, и администраторами—с другой.

Таким образом, при посредстве машинного производства и обусловленной им концентрации средств производства заканчивается поглощение торговым капиталом промышленности: вместо купца-промышленника появляется на сцене просто промышленник. Между двумя крайними этапами этой быстрой эволюции мы находим, впрочем, целый ряд промежуточных: то *fustian-master* (мастер-бумазейник) довольствуется соединением в одной и той же мастерской некоторого числа машин, приводимых в движение рукою,—это так называемая *spinning-room*, представляющая скорее мануфактуру, нежели фабрику²; то собственность на сырье и собственность на оборудование находятся в разных руках: основываются небольшие прядильни, работающие сдельно; торговцы отдают сюда хлопок-сырец, который возвращается им в форме пряжи³. Таким образом, оба последовательных строя производства существуют рядом, причем фабрика ограничивается выполнением операций, раньше поручавшихся рабочим на дому. Пока ручное ткачество существовало рядом с механическим прядением, часть промышленности поневоле оставалась подчиненной условиям, которые вначале диктовались всей промышленностью; тем не менее большие ткацкие мастерские, часто составлявшие собственность прядильщиков, делали уже во многих местах конкуренцию промышленности коттеджей⁴. Наконец, не следует забывать, что мюль, пришедший на смену дженни и, подобно ей, приспособленный к условиям работы на дому, распространяется с 1780 г. в деревне; благодаря ему существование в ней мелкого производства было продлено еще на некоторое время. В хлопчатобумажных тканях описываемой эпохи основа выпрядена чаще всего при помощи *water-frame* и на фабрике, уток же—при помощи мюля и в коттедже⁵.

¹ Петиция в палату общин, *Journ. of the House of Commons*, XXXVII, 108. Следует отметить также план, излагаемый в одной брошюре 1798 г. под заглавием «*The outlines of a plan for establishing a united company of British manufacturers*»,—план, впрочем, весьма честолюбивый, если не фантастический. Автор проектирует большую федерацию всех отраслей промышленности, организованную в форме акционерного общества и в виде фаланстера, где рабочим отводят квартиры и платят за их труд продовольственными богами и паями акционерного капитала, где имеется *ученое бюро* для направления производства и т. д.

² См. *Ed. Butterworth*, *History of Ashton-under-Lyne*, p. 82. Этот тип эксплуатации встречается до 1785 г. очень часто.

³ *Schulze-Gävernitz*, *La grande industrie*, p. 58, сравнивает эту систему с системой, долго преобладавшей и еще поныне существующей в Верхней Саксонии.

⁴ Подобно мастерской, организованной Нидом и Стреттом в Дерби в 1773 г. См. выше стр. 182.

⁵ *J. Kennedy*, *Rise and progress of the cotton trade*, *Memoirs of the literary and philosophical society of Manchester*, sér. II, vol. III, p. 126.

Таким образом, перекрещивались тесно смешанные друг с другом черты старой и новой промышленности.

Вот в этот-то решительный период и складывается в своих главных чертах фабричная система. Следующий период, период пара, нашел ее уже готовой и изменил ее менее глубоко, быть может, чем многие склонны были бы думать. В наше время,—когда стали вновь возвращаться к долго заброшенной эксплуатации естественных сил и когда на берегах проточных вод, в уединенных долинах, вновь возвышаются заводы,—столь резкие недавно различия внешнего вида начинают смягчаться и позволяют лучше разглядеть тождество принципа. Между прядильней и домашней мастерской в том виде, в каком они существовали бок о бок около 1780 или 1800 гг., расстояние более велико, чем между тогдашней и нынешней фабрикой.

VII

Современники не могли понять всей важности этого преобразования, социальные последствия которого оставались еще пока глубоко скрытыми от них. Всего больше поражали их непосредственные материальные результаты, безграничное увеличение производства, возникновение крупных предприятий—все это небывалое развитие, которое они сравнивали с застоем, наблюдавшимся в традиционных отраслях промышленности¹. В 1795 г. Джон Эйкин открывает свое «Описание манчестерского района» следующими словами: «Выбранный нами центр, это—центр хлопчатобумажной промышленности, изумительный рост которой, несомненно, не имеет равного себе в летописях какой бы то ни было торговой нации»². Другой автор сравнивает этот внезапный прогресс с взрывом скрытой силы³. Некоторые отказывались видеть в этом явлении что-либо, кроме экстраординарной случайности, быть может, чреватой бедствиями: Англия не производит, мол, сама хлопка, следовательно, она вынуждена покупать, а, согласно теории торгового баланса, всякий ввоз, не уравновешиваемый вывозом на равную или бóльшую сумму, представляет убыток для страны. По этой причине казалось невозможным, чтобы хлопчатобумажная промышленность могла стать одним из постоянных факторов национального богатства⁴.

Но для суждения о силе этого промышленного подъема нам не приходится довольствоваться только этими оценками и рассужде-

¹ «Вся нация наблюдает эти факты с восхищенным удивлением» *Thoughts on the use of machines in the cotton manufacture* (1780), p. 12.

² *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 2.

³ «Хлопчатобумажная промышленность получила, по общему признанию, значительное развитие. Но ее значение так велико и такова же ее польза, которую нация призвана получить от этой поразительной комбинации человеческого труда с остроумнейшими машинами, что произведенное впечатление остается по необходимости недостаточно соответствующим действительности. Прогресс этой отрасли промышленности совершился с беспримерной скоростью: словно неожиданно произошел взрыв...» *An important crisis in the callico and muslin manufactures* (1788), p. 1.

⁴ «Cotton can be no staple». О смысле этого выражения см. стр. 24. *The contrast, or a comparison between our woollen, silk and cotton manufactures* (1782).

ниями, носящими несколько произвольный характер. Если у нас и нет статистики производства, то мы благодаря ведомостям английских таможен знаем ежегодное потребление сырья. В 1701 г. вес хлопка-сырца, ввезенного в Великобританию, не превосходил 1 млн. фунт.; даже 50 лет спустя он составлял едва 3 млн. В 1771 г. он доходит до 4 760 тыс. фунт., в 1781 г.—до 5 300 тыс. В течение последующих шести лет прогресса растет с быстротой, оправдывающей изумление современников: в 1784 г. цифра 1781 г. удвоилась (11 482 тыс. фунт.), в 1789 г.—ушестерилась (32 576 тыс. фунт.). За этим стремительным движением следует временная остановка, но уже с 1798 г. оно полностью возобновляется: ввоз хлопка поднимается с 32 млн. фунт. до 43 млн. в 1799 г., до 56 млн. в 1800 г. и затем в 1802 г. до 60 500 тыс. фунт., цифры, превосходящей более чем в 30 раз размеры ввоза одним столетием раньше, когда конкуренция, которую миткали и ситцы делали шерстяным материям, изобличалась как национальная опасность¹. Вывоз фабричных изделий описывает параллельную кривую: в 1780 г. он был еще незначителен, и общая стоимость его не достигала даже 360 тыс. ф. ст. Но в 1785 г. она превосходит уже 1 млн. ф. ст., в 1792 г.—2 млн., в 1800 г.—5½ млн., в 1802 г.—7 800 тыс. ф. ст.²; это почти одна пятая того, что Великобритания вывозит теперь³ как в форме пряжи, так и в форме тканей. За этот промежуток времени население Великобритании утроилось, для британской торговли открылись новые рынки по всему земному шару, бесчисленные усовершенствования преобразовали и продолжают ежедневно преобразовывать технику, а между тем относительный прогресс хлопчатобумажной промышленности за целое столетие как будто меньше успехов, которые она сделала в период своего первого подъема.

Рассмотрим поближе кривую, изображающую этот прогресс. Ее восходящее направление отнюдь не равномерно. С 1780 до 1800 г. она представляет несколько понижений через довольно правильные промежутки; понижения отвечают промышленным кризисам, из которых два по меньшей мере были серьезны. В 1788—1789 гг. большинство недавно основанных фабрик принуждено было расчитать часть своего персонала; некоторое число их даже совсем закрылось. В деревнях Ланкашира и Чешира, где дженни стала главным источником существования местного населения, нужда была велика⁴.

¹ См. Journ. of the House of Commons, LVIII, 889, 892, 894; Mac Culloch, Dictionary of Commerce, статья Cotton; Ed. Baines, Hist. of the cotton manufacture, p. 215—16.

² Ed. Baines, ouvr. cité., p. 3'9—350.

³ Вывоз в 1902 г.: пряжи—на 5 719 тыс. ф. ст., тканей—на 36 852 тыс., всего 42 571 тыс. ф. ст. Memoranda statistical tables and charts prepared in the Board of Trade with reference to various matters bearing on British and foreign trade and industrial conditions (1903), p. 39. (За 1913 г., т. е. последний довоенный год, ценность вывоза хлопчатобумажных тканей и пряжи составила 125 601 тыс. ф. ст.)—Перев.

⁴ «Ужаснейшая нужда свирепствует среди прядильщиков хлопка в большинстве населенных центров Ланкашира и Чешира, где пользуются дженни». An important crisis in the callico and muslin manufactures, p. 23. В течение послед-

В 1793 г. положение было, быть может, еще более серьезным: дюжина фабрикантов-прядильщиков объявила себя несостоятельными¹, и ввоз сырья упал сразу с 35 млн. фунтов до 19 млн. Правда, за каждым из этих кризисов следовало новое оживление. «Я был свидетелем более чем одной катастрофы в хлопчатобумажной промышленности, — рассказывал впоследствии один фабрикант. — В 1788 г. мне казалось, что она не оправится больше. В 1793 г. она получила новый удар; в 1799 г. она испытала еще более жестокое потрясение. Точно так же в 1803 и 1810 гг. Но после каждого такого краха подъем был изумителен»².

Замечательная периодичность этих кризисов, мощь движения, предшествующего и следующего за каждым из них, подсказывают нам тотчас же легкое объяснение их. Не имеем ли мы здесь дело с первыми кризисами перепроизводства, обусловленными применением машин, и не наблюдаем ли мы при самом его зарождении одно из характернейших явлений современной крупной промышленности? Мы знаем уже, что производство пряжи значительно превышало потребности ткачества. Благодаря этому обстоятельству падение цен, явившееся результатом новых приемов производства, пошло еще более усиленным темпом. Бумажная пряжа № 100, стоившая еще в 1786 г. 38 шилл., стоила уже в 1788 г. только 35 шилл., в 1793 г. — 15, в 1800 г. — 9 ш. 5 п., а в 1804 г. — 7 ш. 10 п.³ Это понижение цен имело своим несомненным следствием увеличение потребления в Англии и на континенте, но предложение росло еще быстрее спроса. Машинное производство делало все большие завоевания, повсюду основывались новые предприятия. По мере того как цены понижались, прядильщики видели себя вынужденными для поддержания своих прибылей на прежней высоте производить в более крупном масштабе, вследствие чего рынок все более переполнялся товаром. При таких условиях неизбежно было, что от времени до времени разражалась катастрофа. И когда гибель некоторого числа предприятий, когда вынужденное замедление машин и бездеятельность рабочих приводили производство обратно к его нормальной высоте, начинался новый период процветания, за которым через несколько лет следовала новая катастрофа вследствие повторения тех же причин и тех же следствий.

Таково было бы ходячее объяснение этих последовательно сменявшихся кризисов, если бы мы позволили себе поспешные обобщения. Отсюда только один шаг до поисков закона их периодической повторяемости. Однако мы обнаружили бы чрезвычайное невнимание к глубокой сложности фактов, если бы захотели свести их, даже в том зачаточном периоде, когда они впервые появляются перед нами,

них двенадцать месяцев петиционеры должны были рассчитать большую часть мужчин, женщин и детей, которым они давали работу, продукция их фабрик уменьшилась наполовину, некоторые из них были совершенно заброшены в силу плохого положения дел». Journ. of the House of Commons, XLIV, 544—545. См. *Patrick Colquhoun*, A representation of the facts relative to the rise and progress of the cotton manufacture in Great Britain (1789), p. 3 и сл.

¹ *Wheeler*, Manchester, p. 244.

² *A. Ure*, Philosophy of manufactures, p. 441.

³ *E. Baines*, Hist. of the cotton manufacture, p. 357.

к столь простой схеме,—схеме, столь легко выражающейся в абстрактных терминах политической экономии. Если внимательнее изучить историю каждого из этих кризисов, легко заметить, что перепроизводство не всегда является достаточным объяснением их. Только кризис 1788 г. допускает такое объяснение: он близко следовал за необычайным расширением промышленности после истечения срока привилегии Аркрайта, этим моментом лихорадочной деятельности и безмерных спекуляций, когда повсюду основывались сотни предприятий, крупных и мелких, и когда самому маленькому фабриканту казалось, что перед ним открыт путь к богатству. Жалобы английских прядильщиков на ввоз бумажных изделий из Индии достаточно ясно указывают нам, от какого зла они страдали¹: английский рынок становился слишком узким, «потребление,—несколько наивно говорили они,—недостаточно»². Другими словами: производство было чрезмерным, существовало перепроизводство. Совершенно иным было положение в 1793 г. Во-первых, кризис не ограничился тогда одной хлопчатобумажной промышленностью и даже не всей совокупностью тех отраслей промышленности, производственный строй которых испытал недавно преобразование: это был общий кризис в делах. Число банкротств в Соединенном Королевстве, годовая средняя которых в период с 1780 до 1792 г. не превышала 530, поднимается в 1793 г. до 1300 с лишним³. Не может быть и речи о том, чтобы приписывать этот всеобщий крах столь ограниченному еще действию применения машин и крупного производства. Действительно он начинается финансовым кризисом,—обстоятельство, объясняющее его обширные размеры. В феврале 1793 г. приостановило платежи несколько крупных банков; отсюда потрясение, вследствие которого в течение нескольких недель рухнула целая сотня провинциальных банков⁴. Разразилась всеобщая паника, сопровождавшаяся полным прекращением кредита: деньги спрятались в глубине сундуков, «каждый смотрел на своего соседа с опаской, если не с прямым недоверием»⁵. Сделки свелись к абсолютно необходимому минимуму. Товары оставались в магазинах не потому, чтобы они были слишком обильны для обычного потребления, а потому, что никто не хотел больше покупать. И примененное лекарство также было финансового свойства. Посоветовавшись с главными лондонскими банкирами, Питт решил выпустить свидетельства казначейства на сумму до

¹ An important crisis in the callico and muslin manufacture, p. 12—13. Неизданная записка, сохранившаяся в ведомстве иностранных дел под заголовком «*Considérations sur les manufactures de mousseline de callico dans la Grande-Bretagne*» сообщает об этих жалобах и допускает справедливость их. Впрочем, автор находится, видимо, под влиянием только что цитированной нами брошюры *Mémoires et Documents, Angleterre, LXXIV, fol. 182—192.*

² *Patrick Colquhoun, A representation of facts relating to the rise and progress of the cotton manufacture in Great Britain, p. 4.*

³ *G. Chalmers, Estimate of the comparative strength of Great Britain, p. 291.* См. *Francis, Hist. of the Bank of England, p. 213—215* и *Macpherson, Annals of commerce, III, 261* и сл. Из этой цифры банкротств (1300) крахи прядильщиков составляют лишь незначительную долю (всего 13, согласно *Wheeler, Manchester, p. 224*).

⁴ *Macpherson, Annals of Commerce, III, 266.*

⁵ *Chalmers, loc. cit.*

5 млн. ф. ст.¹ Эта мера, введшая в обращение необесцененные бумаги, содействовала возрождению доверия и восстановлению кредита. Начиная с этого момента, дела вернулись мало-помалу к своему нормальному течению.

А какова была причина самого этого финансового кризиса? Не была ли ею война с Францией, вспыхнувшая в начале февраля? Война несомненно ухудшила недуг, но не создала его, ибо первые симптомы его замечали уже в предшествующем году². Самым тревожным из них было падение ценности бумаг, выпущенных в чрезмерном количестве провинциальными банками. Почему эти учреждения, столь немногочисленные 40 годами раньше, размножились свыше действительных потребностей публики? Причину этого следует искать в том большом экономическом движении, в котором принимала участие вся Англия и в которое были одинаково вовлечены не одна только промышленность, но и земледелие, равно как внутренняя и внешняя торговля. Рядом с открытием новых фабрик происходило преобразование хозяйства в поместьях, проводились новые пути сообщения с одного конца территории до другого. Припомним «горячку каналов», начавшую свирепствовать с 1792 г., припомним это множество проектов, эти наспех учреждавшиеся предприятия, которым спекуляция сообщала искусственную, эфемерную жизнь. В конечном итоге кризис 1793 г. выступает перед нами как равнодействующая целой совокупности связанных друг с другом фактов: всеобщность его действий достаточно объясняется всеобщим характером его причин. Выражаясь языком современного финансового мира, мы имеем перед собой *крах*, следующий за «бумом», резкий упадок в делах вследствие чрезмерного расширения их. Явление перепроизводства представляет только одну из форм этого расширения, подобно тому как применение машин представляет только один из факторов промышленной революции. История хлопчатобумажной промышленности должна быть вновь поставлена в рамки более общего процесса, часть которого она составляет; ее фазисы интересуют нас постольку, поскольку они возвещают или сопровождают фазисы прогресса, превосходящего их по обширности охватываемой области. Но они недостаточны для того, чтобы представлять этот прогресс в его целом, и в то же время к ним примешивается, как и ко всем частным фактам, множество случайных обстоятельств, которые следовало бы устранить, чтобы выделить закон этого прогресса в целом.

VIII

В самом деле, если закон этот не выступает перед нами с полной отчетливостью, то происходит это потому, что его искажают и усложняют слишком много привходящих элементов. Мы разумеем под ними

¹ См. Report from the select committee on the state of commercial credit, Parliamentary history, XXX, 740—766. Journ. of the House of Commons, XLVIII, 702—707.

² W. Edenson, в своем «Address to the spinners and manufacturers of cotton wool upon the present situation of the market» (1792), жалуется на состояние рынка, на колебания цен, вызванные, по его мнению, спекуляцией.

не только такие случайные события, как хорошие или плохие урожаи, как мир 1783 г. или война 1793 г., но и ту совокупность планомерных мероприятий, регламентов, тарифов, запрещений, которые сжимали в своих тисках экономическую жизнь всей нации еще больше, чем в наши дни. Что бы там ни говорили, но хлопчатобумажная промышленность сама тоже не избежала ни официального покровительства, ни официального стеснения: она до известной степени извлекла пользу из первого и вынуждена была временами бороться со вторым. С тех пор как восторжествовало учение о «laissez faire», вошло в моду повторять, что эта отрасль промышленности, ставшая в течение немногих лет самой цветущей в Англии, обязана всем свободе¹. Принять такое утверждение можно лишь с некоторыми оговорками. Прежде всего, надо остерегаться смешения вопроса о таможенных тарифах, внушенных меркантилистическими идеями, с вопросом о различных формах регламентации, в основе которых лежали средневековые воззрения.

Трудно придумать более неточное утверждение, чем то, что английская хлопчатобумажная промышленность выросла, мол, без покровительства, выросла, невзирая на иностранную конкуренцию. Дело в том, что запрещения, жертвой которых она чуть не сделалась сама, продолжали существовать к ее выгоде. Ввоз набивных бумажных тканей, какого бы происхождения они ни были, оставался запрещенным². Более полное покровительство трудно себе представить; оно обеспечивало производителям настоящую монополию на отечественном рынке. Запрещение не распространялось на пряжу и на ткани без рисунков: Ост-индская компания продолжала поэтому ввозить некоторые иностранные изделия, например, кисею из Дакки, славившуюся своей тониной. Но английские фабриканты не замедлили выступить с протестами против такого терпимого отношения: они хотели покровительства. Они потребовали несколько раз подряд, чтобы на все ткани иностранного происхождения была установлена ввозная пошлина, и, в конце концов, добились своего³. И не только внутренний рынок был сохранен за ними, но были приняты также меры, чтобы помочь им завоевать внешние рынки: для них была установлена экспортная премия за каждый вывезенный из страны кусок миткаля или кисеи⁴, — поощрение, которое найдут, быть может, излишним, если принять в соображение, что Англия имела, с точки зрения техники, преимущество в 25—30 лет перед континентальными нациями.

¹ См. *Ed. Baines*, *Hist. of the cotton manufacture*, p. 321 и сл.; *Schulze-Gävernitz*, *La grande industrie*, p. 40; *Leone Levi*, *Hist. of British commerce*, p. 24.

² «При нынешнем состоянии законодательства никакая хлопчатобумажная набивная ткань, если она не произведена в Великобритании, не может употребляться никем на всем протяжении королевства. Закон твердо воспрещает это. Следовательно, хлопчатобумажная промышленность пользуется на всем острове абсолютной монополией». *Parliamentary History*, XVII, 1155.

³ Подробности относительно последовательно применявшихся тарифов даны у *Baines*, *Hist. of the cotton manufacture*, p. 322—331.

⁴ 24 Geo. III, с. 40 и 23 Geo. III, с. 21. Премия эта колебалась между ½ пенса и 1½ пенса с ярда, смотря по качеству ткани. См. *Journ. of the House of Commons*, XXXVIII, 465 и XXXIX, 294, 387.

Превосходство английских изделий было настолько велико, что соседние страны не были бы в силах оградить себя от вторжения их иначе, как посредством строго запретительной таможенной политики. На самом деле они никогда такой политике не следовали. До того времени, как великие революционные войны и войны империи внесли глубокое расстройство в экономическую жизнь Европы и всего мира, общественное мнение склонялось если не к свободе торговли в том смысле, как ее понимали в следующем столетии люди вроде Кобдена и Брайта, то по крайней мере—к торговым трактатам, к международным соглашениям, основанным на взаимных уступках. Наиболее интересным примером их является англо-французский договор 1786 г., одним из последствий которого было открытие французского рынка для изделий Манчестера и Пэйсли. Правда, что в обмен на это фабрикуемые во Франции бумажные ткани были впервые допущены к ввозу в Англию¹. Но этот режим взаимности неизбежно должен был принести бóльшие выгоды той из обеих стран, которая благодаря достигнутому ею техническому прогрессу могла производить наибольшее количество товаров и по наиболее низким ценам.

Вот, скажут, действие свободной конкуренции! Однако английские фабриканты не научились еще заменять старую протекционистскую традицию этим новым догматом. Свобода торговли, даже выгодная, была попрежнему подозрительной в их глазах. Об этом умонастроении свидетельствует кампания, которая велась против вывоза пряжи. Некоторые прядильщики, как Вильям Радклифф, отказывались продавать товар иностранным покупателям². На нескольких митингах, происходивших в Манчестере в 1800 и 1801 гг., они страстно нападали на «эту пагубную практику, угрожающую разорением английской хлопчатобумажной промышленности». Перед министерством торговли (Board of Trade) были предприняты шаги с целью добиться от него запретительных или, по крайней мере, строго ограничительных мер³. Потребовалось энергичное противодействие нескольких влиятельных промышленников, среди которых находился сэр Роберт Пиль, чтобы не допустить удовлетворения этих домогательств⁴. Вывоз пряжи остался поэтому дозволенным, но были приняты или сохранены другие покровительственные меры. Так, существовал с давнего времени закон против набора английских

¹ См. *De Clercq*, Recueil des traités de la France, I, 146—165. Ст. VI трактата, § 7 гласит: «Всякого рода хлопчатобумажные ткани, выделяемые в государствах обоих монархов в Европе, так же как шерстяные изделия, вязаные и тканые, в том числе и чулочные (по-английски именуемые hosiery), будут с той и другой стороны платить ввозную пошлину в 12%». Английский текст в *Parliamentary History*, XXVI, 233—254. Парламентские прения по вопросу о ратификации трактата см. *ibid.*, p. 381—514 (палата общин) и 534—596 (палата лордов).

² *W. Radcliffe*, Origin of the new system of manufacture, p. 10—11.

³ По этому вопросу было опубликовано большое число брошюр. См. особенно *A letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist* (Manchester 1800); *A second letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist, by Mercator*; *Observations founded upon facts on the propriety or impropriety of exporting cotton twist, for the purpose of being manufactured into cloth by foreigners* (Londres 1803); *A view of the cotton manufactories in France* (Manchester 1803).

⁴ *W. Radcliffe*, *ouvr. cité*, p. 163.

рабочих в отъезд за границу ¹; предписания его были специально возобновлены по отношению к хлопчатобумажной промышленности и стали затем применяться с величайшей строгостью ². Как видит читатель, мы очень далеки от свободы торговли в том смысле, как ее определяют ортодоксальные экономисты, далеки от полной подвижности товаров и рабочих рук, которые сами собой переносятся во все пункты, куда их призывают максимум заработной платы и максимум прибыли. Если история хлопчатобумажной промышленности и может доставить аргументы в пользу учения о «laissez faire», то во всяком случае не в этот первоначальный ее период, когда мы присутствуем при запутанной борьбе между противоречивыми тенденциями. Но противоречивость их свидетельствует о наличности новых, пока еще смутно ощущаемых потребностей, которые должны были тем скорее добиться признания, чем меньше они сталкивались с установившимися привычками.

В действительности у английского правительства не было вполне определенной политики по отношению к этой зарождающейся отрасли крупной промышленности. На первых порах оно видело в ней только новый источник богатства, с которого государство может взять налог. В 1784 г. Питт, изыскивая средства для бездефицитного сведения бюджета, решил повысить акциз на хлопчатобумажные ткани. Он видел перед собою цветущую промышленность, которая занимала уже более 80 тыс. рабочих и в которой наживались состояния; она могла, по его мнению, выдержать дополнительный налог ³. Налог этот был вотирован парламентом ⁴. Но тотчас же после его принятия можно было судить, насколько обширны и могущественны интересы, выросшие вместе с этой отраслью промышленности. Поднялся хор жалоб: ланкаширские фабриканты миткалей и плисов, фабриканты кисеи в Глазго и Пэйсли, ткачи-рабочие, ситцепечатники, красильщики—все они обратились с петициями к парламенту ⁵. В Манчестере

¹ 5 Geo. I, с. 27. Вер овщик наказывался в первый раз 3-месячным тюремным заключением и 100 ф. ст. штрафа, при рецидиве—12 месяцами тюрьмы и штрафом по усмотрению суда. Рабочий, поселившийся за границей, получал от посольства повестку и должен был в 6-месячный срок вернуться на родину, в противном случае он терял права английского подданного, а принадлежащее ему в Англии имущество подвергалось конфискации.

² 22 Geo. III, с. 60 (1782). Наказания были повышены до 500 ф. ст. штрафа и 1 года тюрьмы при первом нарушении, а при рецидиве—до 1 000 ф. ст. и 5 лет. Вывоз инструментов или машин карался штрафом в 500 ф. ст. По вопросу об осуждении немцев в 1785 и 1786 гг. см. *Wheeler, Manchester*, p. 171.

³ Речь 20 апреля 1785 г. *Parliamentary history*, XXV, 481.—См. отчет Committee of ways and means в 1784 г., *Journ. of the House of Commons*, XL, 410.

⁴ 24 Geo. III, с. 40. За каждый кусок миткаля, кисеи и т. д. должен был уплачиваться в момент отбеливания, крашения или набивки налог в 1 пенни с ярда, если стоимость его была ниже 2 шилл. за ярд, и в 2 пенса, если стоимость была выше 2 шилл. Этот налог был дополнительным к установленному раньше налогу в 3 пенса.

⁵ «Если теперешние законы останутся в силе, их результатом будет частичное разрушение нашей промышленности... Трудности и риск, сопутствующие созданию новой отрасли промышленности, и тяжкие усилия, необходимые для доведения ее до совершенства, делают очевидной вопиющую несправедливость такой политики, которая парализует прогресс нарождающихся отраслей промышленности». *Journ. of the House of Commons*, XL, 484 и 748. См. также стр. 749, 760, 768, 780, 835.

образовался комитет с целью добиться отмены новых налогов¹. Он организовал агитацию в заинтересованных районах и послал делегатов для отстаивания своего дела перед правительством и оппозицией. В палате общин произошли дебаты: Фокс и Шеридан произнесли речи в пользу фабрикантов. Питт после некоторого притворного сопротивления согласился удовлетворить обращенное к нему требование². Возвращение делегатов в Манчестер было настоящим триумфом; навстречу им вышел кортеж из двух тысяч лиц, в котором участвовали все цехи хлопчатобумажной промышленности, несшие знамена с соответствующими случаю надписями: «Да процветает всегда торговля! Свобода восстановлена! Да здравствует свободная от пут промышленность!»³.

Но шла ли, в самом деле, речь о свободе? Чтобы протестовать против обложения слишком тяжелым налогом, промышленникам не было надобности ссылаться на какой-либо иной принцип, кроме интереса, так как он понимался во все времена и при всех режимах⁴. Единственным обстоятельством, которое могло создать иллюзию относительно значения описанного события, было вмешательство партии вигов. Партия эта впервые выступает здесь как защитница или, вернее сказать, союзница крупной промышленности. Но союз этот, которому предстояло лечь впоследствии таким внушительным грузом на политических весах, не был еще пока окончательным. Торийское правительство имело многочисленных сторонников среди фабрикантов севера: сэр Роберт Пиль был, например, одним из поклонников Вильяма Питта и его личным другом.

Существует, однако, одна область, где история крупной промышленности с самого начала сливается с историей экономической свободы: это область производства. Правила, касавшиеся фабрикации, уставы гильдий и даже государственные законы, вроде акта 1563 г. о ремесленном ученичестве⁵, оставались всегда специальными мероприятиями: предписания их распространялись только на один или несколько прямо обозначенных промыслов. Всякая новая промышленность уже в силу того факта, что она новая, не подлежала их действию, и если только она не становилась в свою очередь предметом специальной регламентации, то могла развиваться вполне

¹ См. A report of the receipts and disbursements of the committee of the fustian trade, Manchester, 1786.

² Parliamentary History, XV, 478—491.

³ Owen MSS, LXXX, 7; Wheeler, Manchester, p. 170.

⁴ Следует, впрочем, отметить одну брошюру 1785 г., Manufactures improper subjects of taxation, где защита хлопчатобумажной промышленности приобретает видимость общей теории.

⁵ 5 Eliz., c. 4. Статья XXV упоминает земледельцев; статья XXVII—торговцев прикладом, суконщиков, ювелиров, вышивальщиков, производителей мелких металлических вещей; статья XXIX—кузнецов, тележников, производителей плугов, строителей мельниц, плотников, каменщиков, штукатуров, пильщиков бревен на доски, обжигальщиков извести, производителей и кладчиков кирпича, ломщиков шифера, кровельщиков черепицей, черепичников, ткачей холста, токарей, бочаров, мельников, гончаров, ткачей, «ткущих исключительно грубое домашнее сукно и никаких других тканей», валяльщиков, винокуров, угольщиков, кровельщиков соломой. Мы сохраняем здесь порядок—или беспорядок—текста.

свободно. Именно так происходило дело с хлопчатобумажной промышленностью. Рассматриваемая первоначально как чужеземная отрасль промышленности, она лишь с большим трудом, как мы видели, пустила корни в Англии. К тому времени, когда она была признана и официально дозволена, старое промышленное законодательство было уже если не окончательно дискредитировано, то, по крайней мере, очень ослаблено. В шерстяной промышленности оно с большим трудом держалось против незаконных обходов: тщетно увеличивали кары, тщетно организовывали среди производителей систему взаимного соглашения¹. Как ни стягивались петли этой сети, неуловимый потоп продолжал проникать через них со всех сторон. Адам Смит, который по другим вопросам так далеко опередил современное ему общественное мнение, был в данном случае только выразителем самопроизвольно совершавшегося движения². Поддерживать старые предписания было трудно, вводить новые становилось прямо невозможным. Таким образом, хлопчатобумажная промышленность оказалась с самого своего рождения свободной от тяжелой опеки, тяготевшей над ее старшими сестрами. Никаких правил относительно длины, ширины и добротности материй,—правил, предписывающих или запрещающих тот или иной метод производства; никакого иного контроля, кроме контроля индивидуального интереса и конкуренции! Отсюда быстрота, с которой имело возможность распространиться пользование машинами, отсюда смелость предприятий и разнообразие изделий. Тот же простор во всем, что касается рабочих рук: цех с его вековыми традициями, ученичество с его стеснительными правилами—все это совершенно не существовало для хлопчатобумажной промышленности. Мы увидим дальше, какие облегчения получились от этого для образования кадров фабричных рабочих и какие возникли отсюда злоупотребления³.

Эта внутренняя свобода—единственная, без которой не может обойтись крупная промышленность. Раз она лишена ее, она перестает двигаться, а между тем движение является ее существенным законом: с одной стороны, движение преобразования, непреодолимым фактором которого является технический прогресс, с другой—

¹ Закон 17 Geo. III, с. 11 (1777) ввел общие собрания производителей, которые должны были сами назначать комитеты надзора, функционировавшие под контролем мировых судей. Этот институт, введенный первоначально в графствах Ланкастер, Йорк и Честер, был распространен в 1784 г. на графство Сэффольк (24 Geo. III, с. 3), в 1785 г. на графства Хентингтон, Бедфорд, Нортгемптон, Лейстер, Рутленд, Линкольн (25 Geo. III, с. 40), в 1790 г. на графство Норфольк (30 Geo. III, с. 56).

² Он не был единственным его выразителем. См. *James Anderson, Observations on the means of promoting a spirit of national industry* (1777), p. 428. «Если уже для людей среднего сословия трудно приобрести точное знание механических искусств, во всех их подробностях, то для министров и высоких сановников еще труднее, конечно, овладеть в совершенстве всеми этими деталями. И когда они принимают на себя своего рода диктаторскую власть, чтобы издавать правила, с которыми должна сообразоваться индивидуальная практика, то они выходят из своей сферы и вторгаются в область, где ни в коем случае не могут быть достаточно компетентными, чтобы уверенно действовать надлежащим образом; отсюда вред, очень часто причиняемый ими тем самым отраслям промышленности, которые они желают поощрять».

³ См. ч. 3-я, гл. IV.

движение расширения, выражающееся увеличением производства и расширением рынков. Хотя и будучи связаны между собой, указанное преобразование и расширение представляют два отличных друг от друга явления и хотя они могут становиться поочередно причиной и следствием, однако, второе логически вытекает из первого. Точно так же экономическая свобода принимает две различные формы: свободы производства и свободы обмена. Без свободы производства крупная промышленность невозможна, и те оправдываемые обстоятельствами ограничения, предметом которых она является, никогда не возбуждали все-таки сомнения насчет ее основной необходимости. Свобода обмена развилась позже и более неуверенно: если это и есть одна из характерных черт нового мира, рожденного промышленной революцией, то во всяком случае она не принадлежит к числу тех, которые обозначились с самого начала.

IX

Из хлопчатобумажной промышленности машинное производство должно было скоро распространиться на все отрасли текстильной промышленности. Мы ограничимся здесь указанием главных фазисов этого преобразования в одной из них, важнейшей и самой старой, наиболее туго поддававшейся переменам. Медленная эволюция, незаметно создавшая в шерстяной промышленности капиталистическую организацию, получила внезапный толчок, против которого оказалось бессильным все сопротивление интереса и рутины.

Одной из причин, наиболее замедливших прогресс в этой отрасли промышленности, была ее разбросанность. Прежде чем дойти до маленьких деревенских мастерских, самое незначительное техническое усовершенствование должно было годами странствовать из города в город и из деревни в деревню. Самолетный челнок, изобретенный в 1733 г., появился в сельских округах Вилтшира и Сомерсетшира лишь семьдесят лет спустя¹. История шерстяной промышленности до конца XVIII в. носит по существу областной и местный характер. Сама промышленная революция принимает здесь форму местного события, совершившегося почти всецело в одном округе и к его исключительной выгоде. Этот округ остался по сию пору главным центром шерстяной промышленности в Англии: это округ, где на небольшом пространстве собраны города Лидс, Брадфорд, Геддерсфильд и Галифакс, слава которых давно затмила былую славу городов востока и юго-запада: Норвича и Кольчестера, Фрома и Тивертон.

Как объяснить упадок этих последних и расцвет первых? Были предложены два разных и противоположных объяснения. По мнению Лоран-Дешеня, шерстяная промышленность перекочевала в Йоркшир потому, что заработная плата была там ниже, чем в южных граф-

¹ Report from the committee to whom the petition of several persons concerned in the woollen trade of Somerset, Wilts and Gloucester, was referred (1803), Journ. of the House of Commons, LVIII, 884—885.—*Th. Joyce*, ткач в Фрешфорде (Сомерсет) заявляет: «что он не пользуется пружинным челноком, но что уже приблизительно два года, как этот челнок был привезен в эту местность человеком, работавшим на севере Англии».—В Страуде челнок-самолет появился в 1795 г. к великому смятению ткачей.—Webb MSS, Textiles, V, 1.

ствах¹. Напротив, д-р Кеннингэм полагает, что именно рост заработной платы в Йоркшире побудил промышленников прибегнуть к пользованию машинами, тогда как на юге относительная дешевизна рабочих рук делала их более равнодушными к техническому прогрессу². Но это противоречие лишь кажущееся: в действительности речь идет о двух разных и последовательных фактах. Промышленники, привлеченные сначала в Йоркшир выгодными условиями, которые они там нашли, увидели, что заработная плата их рабочих поднимается по мере того, как растет благосостояние их промышленности, по мере того также, как дает себя чувствовать притягательная сила хлопчатобумажной промышленности, утвердившейся в соседних графствах Дерби и Ланкастер³. Тогда они попытались поднять уровень своих прибылей, позаимствовав у промышленности-соперницы оборудование, которому та обязана была своим беспримерным развитием.

Расцвет Вест-Райдинга надо приписать в особенности его географическому положению, его соприкосновению с новыми центрами промышленной жизни. Затем, когда это процветание было достигнуто, явились еще другие преимущества, которые должны были укрепить его на будущее время. Реки Йоркшира в своем верхнем течении почти так же многоводны и богаты двигательной силой, как реки другого склона: их прозрачные воды, служившие с незапамятных времен для валяния и отделки сукна, привели в действие колеса первых прядилен. Позже, когда место гидравлического двигателя заняла паровая машина, Йоркшир нашел новые ресурсы в своих мощных залежах каменного угля, выходящих местами почти на поверхность земли. Таким образом, каждый из фазисов промышленного прогресса приносил этой счастливо наделенной области новые элементы процветания; он делал, напротив, все более неизбежным упадок других областей, менее обильно снабженных водными потоками и абсолютно лишенных каменного угля. Они могли еще сопротивляться, пока длился первый период машинного производства, — период машин, приводимых в действие водой; появление силы пара окончательно разорило их. Около 1785 г. промышленность Норвича находилась еще в цветущем состоянии: блестящее возобновление дел после серьезного кризиса, вызванного американской войной, казалось, сулило ему будущность, достойную его прошлого⁴. Однако

¹ *Laurent-Dechesne*, L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre, p. 108—111. Цифры, которые он приводит, таковы: заработная плата ткача в 1771 г.: в Норвиче 7 шилл., в Лидсе—6 ш. 3 п.; в 1790 г.: в Норвиче—11 шилл., в Бадфорд—10 шилл. Эти цифры значительно выше цифр, приводимых Артуром Юнгом в *Southern counties*, p. 65 и *North of England*, I, 137.

² *W. Cunningham*, *Growth of English industry and commerce*, II, 452 (2-е изд.; в третьем издании этого места нет).

³ В Галифаксе прядильщицы, которым в 1770 г. платили по 5 или 6 пенс. в день, получали в 1791 г. от 1 ш. 3 п. до 1 ш. 4 п. *Ibidem* (3 éd.), II, 657.

⁴ «В течение двух столетий фабрика постоянно росла, но никогда не знала такого оживления, как сейчас... «salamandes» вывозятся в Германию, Польшу и Испанию, «camelots»—во Фландрию, Испанию, на острова и в Южную Америку». А. и F. *La Rochefoucauld-Liancourt*, *Voyage en Suffolk et Norfolk*, II, письмо от 24 сентября 1784 г. Не следует безоглядно доверяться восхищенному

уже несколькими годами позже Эден отметил симптомы упадка, жалобы промышленников, скудную плату рабочих¹. В настоящее время эта промышленность исчезла. Норвич, славившийся некогда своими прекрасными камвольными материями, не имеет больше ни прядилен, ни ткацких фабрик; их место заняли фабрики пищевых продуктов, тогда как производство камвольных тканей перекочевало на север, в Брадфорд, население которого в одно столетие выросло с 13 000 до 200 000 жителей.

Самая простая из прядильных машин, дженни, была применена в Йоркшире довольно скоро после ее изобретения, около 1773 г.² Но пользование ею не получило, повидимому, большого распространения до 1785 г., т. е. до того момента, когда в хлопчатобумажной промышленности она начала уже уступать место мюлю и ватерной машине³. Как и в Ланкашире и по тем же причинам, она была в течение некоторого времени непопулярна: в 1780 г., через несколько месяцев после того как в Чорли сгорела фабрика Аркрайта, вспыхнули бунты против машин в Лидсе⁴. Но серьезным и длительным это враждебное отношение было только среди рабочих, опасавшихся понижения заработной платы. Напротив, для столь многочисленных в Вест-Райдинге мастеров-ремесленников дженни была желанным новшеством: она давала им возможность значительно расширить производство своих мастерских, не меняя их традиционной организации. Не только не подвергала их предприятия опасности капиталистического вторжения, она, казалось, давала им новое оружие для защиты своей независимости. Отсюда ее успех в этом крае мелкой по преимуществу промышленности. В юго-западных графствах «купцы-промышленники», мало знакомые с происходящим в технике движением, не так быстро сообразили, какой интерес они имеют в преобразовании своего оборудования и как дорого им обойдется слишком большое опоздание в этом деле. Они считали свои барыши обеспеченными, покуда рабочие выполняют положенный урок за условленную плату, и предоставляли этим последним самим позаботиться о выборе своих орудий и приемов фабрикации, сообразно своим склонностям или привычкам. Почин, сделанный некоторыми отдельными лицами в Тивертоне, Шептон-Маллете и Лейстере⁵, встретил, впрочем, со стороны рабочих противодействие, которого следовало ожидать. Лишь начиная с 1790 г., ввиду угрожающей конкуренции северных городов, жители графств Девон, Вильтс, Сомерсет и Глостер⁶ решились употреблять дженни. Но

описанию юных путешественников. По *J. James, Hist. of the worsted manufacture*, p. 270, упадок Норвича начался около 1760 г.

¹ *Eden, State of the poor*, II, 477.

² Report from the committee on the state of the woollen manufacture (1806), p. 113.

³ *Ibidem*, p. 73.

⁴ *Ibidem*, p. 81.

⁵ *Harding, Hist. of Tiverton*, I, 198; The humble petition of the poor spinners in the town and county of Leicester (1787); Webb MSS, Textiles, V, 1.

⁶ Между 1790 и 1794 гг.—в Фроме, Шептоне и Таунтоне. До 1791 г. в Барнстепле, *Annals of Agriculture*, XV, 491 и *G. Billingsley, A general view of the agriculture in the county of Somerset*, p. 90, 167.

было слишком поздно. В Йоркшире уже появлялись шерстопрядильни, снабженные автоматическим оборудованием, которые должны были скоро делать безнадежной позицию ручного работника, привязанного к устарелым приемам промышленности на дому.

Первым из крупных прядильщиков Йоркшира был Бенджамин Готт из Лидса¹. Карьера его началась почти в тот момент, когда кончалась карьера Аркрайта. Она была менее трудной: ему не было даже надобности выдавать себя за изобретателя. Роль его была просто ролью умного капиталиста, просвещенного примером смежной отрасли промышленности. Его предприятие, повидимому, очень быстро приняло значительные размеры: благодаря крупным капиталам, которыми располагал Готт, он имел возможность поставить две большие фабрики в предместьях Лидса, производить там всякого рода опыты, слишком трудные или дорогие для мелких фабрикантов, испытывать новейшие способы химического крашения. Успех был скорый и решительный: чтобы удовлетворить спросу, возраставшему еще быстрее производства, Готт принужден был скоро прибегнуть, подобно ланкаширским фабрикантам, к ночным работам; часто случалось, что машины, среди которых было несколько приводимых в движение паром, работали безостановочно в течение четырех дней подряд². Прошло немного лет, и у Готта оказались многочисленные соперники среди лиц, основавших в первые годы XIX в. наиболее деятельные и процветающие фабричные предприятия. Заслуживают упоминания Фишер из Хольбека, Брук из Педсея и Вильям Херст из Лидса, который хвалился, что он первый применил мюль к прядению шерсти³.

Большинство этих промышленников были суконщики, торговцы, ставшие фабрикантами. Догадаться об этом можно было бы уже по одному местонахождению их фабрик. Лидс, вокруг которого последние группировались, никогда не считался до тех пор большим промышленным центром, а скорее центром коммерческим, рынком, куда ткачи окрестных деревень приезжали для продажи своего сукна. Отныне они будут являться сюда как рабочие, работающие в мастерской хозяина. Тогда как в юго-западных графствах захваты торгового капитала, подрывавшие независимость производителя, совершались медленно и шаг за шагом, они в Йоркшире обнаружили сразу и в форме, не допускавшей сомнений насчет их смысла. Мелкие производители тотчас же разглядели опасность: петиция, с которой они уже в 1794 г. обратились к палате общин, указывает ее с замечательной прозорливостью. Отметив выгоды домашней системы производства в том виде, в каком она сохранилась до указанной даты в Вест-Райдинге они прибавляли:

¹ *J. Bischoff*, A comprehensive history of the woollen and worsted manufacture, I, 315.

² Report on the woollen manufacture (1806), p. 43, 72, 76, 118, 445; Abridgments of specifications relating to the steam-engine, I, 106.

³ Ibidem, p. 45, 71; *W. Hirst*, Hist. of the woollen trade during the last sixty years, p. 39. Около этого же времени была основана большая фабрика полотен Маршалля, занимавшая в 1806 г. около 1 100 рабочих. Относительно введения машин в производство полотна см. *A. Warden*, The linen trade, p. 690—693.

«Этот порядок, так долго господствовавший в Йоркшире, со столь благими результатами для самой промышленности, для всех живущих ею и для публики вообще, находится теперь в опасности вследствие введения деловых приемов, распространенных в других частях королевства, где часто и жестоко ощущались неудобства и вред, проистекающие от них. Приемы эти имеют тенденцию создать монополию в пользу немногих крупных капиталистов; в Йоркшире они применяются лицами, принадлежащими к классу торговцев-суконщиков, которые становятся фабрикантами сукна. Некоторые из этих торговцев, особенно в Лидсе и Галифаксе, взялись с недавнего времени за фабричное дело; несколько других обнаруживают склонность последовать их примеру и поставить большие шерстопрядильные и шерстоткацкие фабрики. Устройство таких фабрик должно, по убеждению петиционеров, неизбежно иметь самые губительные последствия для них—людей, которые благодаря своему неутомимому труду и труду своих жен и детей и живя с ними вместе под одной крышей умели до сих пор при помощи ничтожно малого капитала прожить прилично и прокормить свои семьи, не обращаясь ни к кому за помощью... Этот достаток и независимое положение они рискуют теперь потерять: если новая система возьмет верх, они принуждены будут расстаться со своими семьями и пойти в кабалу, чтобы зарабатывать на хлеб себе и своим близким»¹.

Они не думали ограничиваться одними бесплодными жалобами и требовали от парламента, чтобы тот защитил их против конкуренции крупных предприятий: привыкши к покровительству закона, которое всегда щедро оказывалось их промышленности, они находили такое ходатайство вполне естественным. И они действительно добились внесения билля, запрещающего торговцам-суконщикам открытие мастерских². Но билль этот представлял собою анахронизм: законодательство, к которому он примыкал, устарело и в недалеком будущем должно было потерять ту небольшую действительную силу, какая еще оставалась у него. Билль был отвергнут, как отвергнуты были меры, долженствовавшие укрепить старые правила об ученичестве, или меры, которых рабочие требовали против машин вообще,—как отвергалось все то, что направлено было к возрождению почти оставленной политики³. Однако мелкие производители Йоркшира не сложили оружия: один из них, Роберт Куксон, требовал, напри-

¹ Journ. of the House of Commons, XLIX, 275—276.

² Ibidem. 432. Его должны были дополнить местные регламенты, издаваемые суконными рынками каждого города. Эйкин упоминает об этой попытке и прибавляет: «Ясно, что торговцы, берущие на самих себя все операции промышленности, начиная с момента, когда шерсть прибывает к ним в сыром виде, и до того момента, когда сукно готово для продажи,—что такие торговцы имеют заметное преимущество над теми, которые дают товару пройти через ряд рук, удерживающих у себя часть прибыли. Это обстоятельство понимают некоторые из этих торговцев, живущих в Лидсе и в соседних местностях... Многие мелкие мастера, из числа тех, которые выделывают в неделю не более одного куска материи, находят для себя более выгодным работать на фабрике, где их искусность надлежащим образом вознаграждается». *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 565.

³ См. часть 3-я, гл. IV.

мер, в 1804 г. издания закона, аналогичного закону 1557 г. и ограничивающего число станков, которое вправе иметь один хозяин¹. Лишь после многократных неудач они отказались от мысли добиться вмешательства государственной власти в пользу домашней системы производства и против крупной промышленности.

Впрочем, опасность, которую они предвидели, как будто не была непосредственной. Парламентская комиссия, которой поручено было в 1806 г. общее обследование состояния шерстяной промышленности, имела возможность констатировать, что число производителей не уменьшилось: 1 800 имели еще свои собственные места в одном из двух суконных рынков Лидса². И, несмотря на конкуренцию фабрик, наибольшая часть производства была еще в их руках: из всего количества кусков материй, сотканных в 1803 г. в Вест-Райдинге, только одна шестнадцатая шла из больших фабрик, управляемых капиталистами, все же остальное, около 430 000 кусков, вышло из мастерских, где работали мастера-ремесленники³. Пропорция многознаменательна, ибо она является хорошим показателем сопротивления, которое эта старая промышленность оказывала преобразованию, совершившемуся с такой легкостью и полнотой в хлопчатобумажной промышленности. Эти тысячи независимых мелких предприятий были чрезвычайно живучи и лишь крайне медленно давали себя поглотить или устранить: значительное число их существовало еще в середине XIX в.⁴ Но они удерживались, лишь приспособляясь, по мере возможности, к новым условиям производства. Прежде чем разрушить их, машинное производство мало-помалу внедрилось в них. Около 1800 г. производители Йоркшира почти все пользовались для пряжения дженни или мюлем, а для ткачества—самолетным челноком. Кардование производилось также машинным способом, но в специальных мастерских, куда мастер-ремесленник за неимением необходимого для этой операции оборудования посылал свою сырую шерсть,—так точно, как он спокон-веку посылал свое сукно в сукновальни⁵. Таким образом, устанавливалось слияние или, вернее сказать, временный компромисс между ручным трудом и машинным производством, между мелкой и крупной промышленностью.

¹ Journ. of the House of Commons, LIX, 226.

² Report from the committee on the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 8. Но многие из них с трудом снискивали себе пропитание и все больше запутывались в долгах. Ibidem, p. 75.

³ Report on the state of the woollen manufacture (1806), p. 11; J. Bischoff, Hist. of the woollen manufacture, II, tab. IV.

⁴ В 1851 г. суконный рынок Геддерсфильда посещали еще 287 мелких производителей. Laurent Deschesne, Évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre, p. 65 и 71.

⁵ Report on the state of the woollen manufacture (1806), p. 446. «За последние десять или двенадцать лет, думаю я, число этих мелких фабрик, которые я назову домашними фабриками или фабриками мастеров-ремесленников, более чем утроилось в районе, который я лучше всего знаю, более чем учетверилось, быть может; я разумею фабрики, обычными клиентами которых являются мастера-ремесленники... Всякий раз, когда я выхожу в поля, я нахожу там новую мельницу или маленькую паровую машину, расположенную в месте, где имеется немного воды; у малейшего ручья они устанавливают колесо, приводящее в движение две или три машины или паровую машину до 30 лошадиных сил,—главным образом для первого прочесывания и кардования шерсти».

В производстве камвольных изделий капиталистическая организация не ждала введения машин. Но промышленникам приходилось считаться с чесальщиками шерсти, квалифицированными рабочими, которым их техническое искусство и крепкая сплоченность позволяли выказывать требовательность; в случаях переездов, или безработицы эти рабочие пользовались поддержкой своих клубов, имевших разветвления во всей Англии¹. Довольно частые забастовки шерсточесальщиков бывали нередко победоносными, так как обойтись без этих специалистов было трудно, если не невозможно, и они умели дать это почувствовать своим хозяевам. Одной угрозы прекратить работы было достаточно в известные моменты, чтобы вырвать у хозяев уступки, которых они никогда не сделали бы по доброй воле; таким путем чесальщики достигли того, что получали более высокую плату, чем все другие рабочие шерстяной промышленности,—плату, доходившую до 28 шилл. в неделю². Все это изменилось с изобретением машины для чесания шерсти.

Изобретение это было делом Картрайта³. Будучи на пять лет моложе изобретения автоматического ткацкого станка, оно отвечало столь же настоятельным нуждам или интересам, однако, подобно ему, оно не было тотчас же использовано. Применение его стало всеобщим только гораздо позже, между 1825 и 1840 гг.⁴ Но одного его появления было достаточно, чтобы положить конец требованиям рабочих-чесальщиков. Какой страх оно внушало им, это можно было тотчас заметить по отчаянным усилиям, которые были ими сделаны, чтобы добиться его запрещения⁵. Отныне у промышленников было надежное оружие против них: они полагали, несомненно, что достаточно иметь его про запас, и отступали перед издержками, которые повлекла бы за собою установка дорогого оборудования, приводимого в действие гидравлическими или паровыми машинами. Между тем Картрайт убедительнейшим образом показал его выгоды: «Три машины, обслуживаемые десятью детьми и одним мастером, прочешут за 12 час. кипу шерсти в 240 фунтов. Так как для машинного чесания нет надобности ни в масле, ни в огне, то получающаяся отсюда экономия, хотя бы на одном только топливе, будет достаточно в общем, чтобы оплатить труд мастера и десяти детей. Таким образом, сберегаемая фабрикантом сумма будет равна тому, во что ему обходится теперь вся операция чесания, выполненная по старому и неудовлетворительному ручному способу»⁶.

Первым предприятием, в котором получила применение шерсточесальная машина, была фабрика самого изобретателя в Донкастере,

¹ См. петицию Вильяма Топлис в палату общин (1794), *Journ. of the House of Commons*, XLIX, 395.

² *Ibidem*.

³ См. *Memoir of Edmund Cartwright*, p. 99 и сл.; *J. Bischoff*, *Hist. of the woollen manufacture*, I, 316 и сл.; *J. James*, *Hist. of the worsted manufacture*, p. 555—556 и *J. Burnley*, *Wool and woolcombing*, p. 114 и сл.

⁴ См. *Cunningham*, *Growth of English industry and commerce*, II, 761.

⁵ См. ч. 3-я, гл. III. Рабочие послали в парламент более сорока петиций; хозяева ответили контрпетициями, составленными нарочито для этой цели образованным комитетом (*Worsted Committee*).

⁶ *J. Burnley*, *Wool and woolcombing*, p. 114—115.

недалеко от Шеффилда. Там она получила также свое прозвище «Большой Бен» — от имени одного популярного боксера, движения которого она напоминала своим толчкообразным ходом взад и вперед¹. Но она была еще несовершенна, так как не прочесывала одинаково хорошо шерсти разного происхождения и качества. Разочарованием тех, которые воспользовались ею до ее переделки и улучшения, достаточно объясняется, быть может, запоздание ее окончательного успеха². Тем не менее мы в начале XIX в. встречаем ее уже на довольно большом числе фабрик, особенно вокруг Нэттингема и Бадфорд³, ибо, подобно предшествующим, это преобразование должно было пойти на пользу больше всего городам центра и севера Англии. Бадфорд был всего только небольшим сонным городом, где на улицах росла травка⁴, когда Гарнетт ввел там в 1794 г. мюль, а Рамсботам — машину для гребенного чесания⁵. Десять лет спустя он имел уже несколько крупных фабрик⁶ и начал грозную конкуренцию с старой промышленностью Норвича.

С этих пор превосходство промышленных центров севера было уже настолько прочно установлено, что их ставили в пример прочей Англии: «За двадцать лет, в течение которых манчестерские прядильщики пользуются ватерными машинами, деятельность этого города и персонал его мастерских возросли настолько, что там вряд ли найдешь хотя бы одного безработного. Введя у себя то же оборудование, иоркширские прядильщики успевают не только обрабатывать всю свою местную шерсть, но посылают еще за нею на запад и вырывают ее, так сказать, из рук наших торговцев шерстью и наших суконщиков. Отсюда можно, не колеблясь, заключить, что введение этих машин и пользование ими в графствах запада и во всех вообще графствах королевства было бы благодеянием для бедного класса, я сказал бы даже — для всего общества»⁷. То, чем Йоркшир являлся по отношению к отсталым кругам Девоншира или Норфолька, Ланкашир был относительно Йоркшира. Хлопчатобумажная промышленность продолжала указывать путь всем отраслям текстильной промышленности: «По моему скромному мнению, — писал в 1804 г. один представитель класса крупных промышленников, соперников или преемников Аркрайта, — для шерстяной промышленности нет ничего лучшего, как следовать самым точным образом по стопам хлопчатобумажной промышленности, ибо край, производящий наилучший товар по наиболее дешевой цене, всегда будет иметь преиму-

¹ *Memoir of Edmund Cartwright*, p. 106. Это прозвище попало в первый куплет песни, сочиненной одним рабочим в день освящения машины и воспроизведенной у Burnley в цит. соч., p. 126.

² *Ibidem*, p. 127.

³ *Report of the woolcombers' petitions (1794)*, p. 5 и сл. и *Journ. of the House of Commons*, LVI, 272.

⁴ *J. James*, *Continuation to the history of Bradford*, p. 91.

⁵ *Ibidem*, p. 222. Гарнетт был родоначальником одной из больших промышленных династий этого района. Его же, *History of the worsted manufacture*, p. 328—329.

⁶ *Ibidem*, p. 366 и *History of Bradford*, p. 283.

⁷ *Wool encouraged without exportation (1791)*, p. 69—70.

щество. Только при помощи усовершенствований можно удержать за собою первое место или завоевать его¹.

Но для этого надо было прежде всего изменить дух, владевший еще этой вековой промышленностью, надо было разрушить традицию чрезмерного покровительства, обрекавшего ее на рутину, отменить устарелые правила, регламентировавшие ее работу: правила об ученичестве, мешавшие свободному набору персонала, правила о фабрикации, затруднявшие обновление оборудования и технических приемов, освященных обычаем. «Было бы отрадно,—писал анонимный автор памфлета «Observations on the cotton weavers' Act»,—увидеть в начале XIX в., что старые предрассудки откладываются в сторону и Комиссии палаты общин дается поручение вычеркнуть из Книги статутах все законы, относящиеся к этой промышленности... Избавленная от столь долго сковывающих ее пут она могла бы вести впредь свои операции с тою же свободой, с какой ведет их другая отрасль промышленности, достигшая по меньшей мере равного значения, несмотря на то, что название ее почти не упоминается в протоколах обеих палат». Этому пожеланию предстояло скоро осуществиться, устраняя, таким образом, последнее препятствие, замедлявшее еще поступательное шествие промышленной революции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖЕЛЕЗО И КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Та самая страна и та самая эпоха, которые были свидетелями необычайного роста хлопчатобумажной промышленности, появления машинного производства и организации фабричной системы, были также свидетелями параллельной эволюции в железоделательной промышленности. Этот параллелизм представляет собой факт весьма замечательный, ибо дело идет о двух отраслях промышленности совершенно разного типа, материалы и элементарные приемы которых не имеют между собой ничего общего, и технический прогресс в этих отраслях должен был, следовательно, происходить совершенно разными путями. Увлечь их в поток одного общего движения могли только причины весьма общего характера. Сверх того между преобразованиями текстильной промышленности и промышленности металлургической существует еще иная связь, кроме одновременности, в которой можно было бы пытаться видеть простое совпадение: они взаимно дополняют друг друга, как части одного целого. Первые шаги машинного производства принадлежат истории текстильной промышленности, но его окончательная победа и всеобщий его прогресс были возможны только благодаря развитию металлургии.

Действительно, в современной крупной промышленности металлургия занимает особое место: она стоит, так сказать, в ее центре, ибо именно она доставляет ей ее оборудование. Все отрасли прикладной механики имеют в ней помощника, без которого невозможно

¹ Observations on the cotton weavers' Act (1804), p. 20.

обойтись. Вот почему всякое усовершенствование металлургии отражается на всей совокупности промышленного производства. А под металлургией следует понимать, прежде всего, металлургию железа. Ее исконное преобладающее значение возрастало по мере того, как умножались практически применения чугуна, железа и стали. Она придает ныне нашей современной цивилизации, сформировавшейся под воздействием промышленной революции, некоторые из самых поразительных ее внешних особенностей. Она возводит остовы колоссальнейших сооружений, она перебрасывает мосты через самые широкие реки и пускает по морям корабли, населенные, как города; она доводит до последних окраин континентов сеть железных дорог. Ее история представляет собой не только историю одной отрасли промышленности: это, в известном смысле, история всей крупной промышленности в целом.

I

В тот момент когда в железоделательной промышленности начался ряд решительных преобразований, Англия, бывшая театром их, не была еще тем, чем она стала позже и чем она долго оставалась, т. е. страной металлургической по преимуществу. В этом отношении она не могла выдержать сравнения со Швецией или Германией. Богатство английской почвы железом точно игнорировалось: многие месторождения его оставались неразработанными. Англия не только не была в состоянии экспортировать большими количествами чугун и полосовое железо, как она это делает в наши дни, но принуждена была еще ввозить их к себе, особенно из стран, прилегающих к Балтийскому морю, и в меньших размерах — из Испании и американских колоний¹.

Железоделательная промышленность делится, естественно, на две главные отрасли: первая обнимает добывание и обработку руды, вторая — обработку металла во всех ее формах. Первая, наиболее важная, так как без нее приходится доставать из-за границы полуобработанное сырье, в начале XVIII в. настолько захирела, что на возможность ее возрождения перестали надеяться. Около 1720 г. во всей Англии было каких-нибудь 60 доменных печей, производивших ежегодно 17 тыс. *m* чугуна². И эта жалкая продукция, далеко не

¹ *Scrivenor*, Hist. of the iron trade, p. 325—327; с 1710 до 1720 г. ввоз необработанного железа колеблется между 15 тыс. и 22 тыс. *m*, вывоз едва превышает 4 тыс. *m*. Ввоз растет безостановочно до 1765 г. (57 тыс. *m*), затем он остается почти на одном и том же уровне; около трех четвертей его составляло шведское железо, обладавшее высшими качествами. См. *A. Anderson*, Chronological and historical deduction of the origin of commerce, III, 217. Английская тонна (1 016 048 кг) почти равна метрической.

² *D. Mushet*, Papers on iron and steel, p. 43. Около 18 тыс. *m* в 1737 г., согласно парламентскому обследованию (см. Journ. of the House of Commons, XXIII, 109 и сл.). Было бы желательно иметь возможность сравнить эти цифры с цифрами предшествующих периодов, но дело в том, что относительно XVII в. у нас имеются только фантастические исчисления, кроме исчислений Стюртеванта (*Treatise of Metallica*, p. 3—4, 1612) и Дод Додлея (*Metallum Martis*, предисл., с. VIII и сл., 1665). Нынешнее производство составляет около 9 млн. *m* (8 700 тыс. *m* в 1902 г.), см. Memoranda statistical tables and charts prepared in the Board of Trade with reference to various matters bearing on British and foreign trade and industrial conditions, 1903, p. 440.

достигающая продукции одной современной домны¹, была еще вдобавок чрезвычайно раздроблена. Мы наблюдаем здесь опять ту характерную разбросанность, которую отметили выше в старой текстильной промышленности. Главные металлургические заводы были распределены между 18 или 20 различными графствами². В некоторых из них, например, в графствах Йорк, Уорик, Гламорган, находятся теперь первостепенные металлургические центры. В других та незначительная промышленная жизнь, какая еще сохранялась в них в описываемое нами время, давно угасла.

Между этими последними надо упомянуть прежде всего гр. Сэссекс. Покрытое некогда лесами, которые доставляли его заводам необходимый горючий материал, оно пережило в XVI и XVII вв. эпоху замечательного расцвета: «Сэссекс,—писал Кемден,—изобилует рудой; для обработки этой руды были повсеместно построены в крае доменные печи, где ежегодно потребляется огромное количество дров. Сплошь и рядом несколько ручьев соединяли в один, и большие лесные площади превращали в пруды, чтобы искусственно образовать водопады для приведения в действие мельниц; эти мельницы приводят в движение молоты дляковки железа, которые день и ночь наполняют своим стуком всю окрестность³. Некоторые знатные семьи, как Говарды, Невилли, Перси, Ашбернгеймы, владели металлургическими заводами в Сэссексе; другие разбогатели на них и добились аристократических титулов при помощи этой же промышленности, как, например, семья Фуллеров, которая в своем дворянском гербе поместила клещи, а девизом своим избрала: *Carbone et forcipibus* (Углем и клещами)⁴.

В начале XVIII в. упадок этой промышленности был уже заметен. В 1724 г. де Фосэ восхищается еще «многочисленными и прекрасными заводами», расположенными в восточной части графства, в лесистой местности *Weald*'а⁵. Здесь продолжали еще делать котлы, каменные плиты, а также предметы артиллерийского снаряжения⁶. Но, с другой стороны, мы знаем, что число доменных печей упало в это время

¹ В 1900 г. Соединенные штаты произвели 13 789 тыс. *m* чугуна, имея 223 доменных печи, что составляет в среднем 62 тыс. *m* на одну домну. *Rapport de la Commission Mosely, trad. Alfassa, p. 452.*

² Вот список этих графств с разбивкой на районы: 1) В юго-восточных графствах—15 доменных печей (Кент—4, Сэссекс—10, Гемпшир—1); 2) в *Dean Forest* и его окрестностях—11 (Глостер—6, Хирфорд—3, Монмаут—2); 3) в Южном Уэльсе—5 (Брекон—2, Гламорган—2, Кермартен—1); 4) в центральных графствах—12 (Шропшир—6, Ворчестер—2, Варвик—2, Стафффорд—2); 5) в Шеффилдском районе—11 (Йорк—6, Дерби—4, Ноттингем—1); 6) в северо-западных графствах—5 (Честер—3, Денби—2). *D. Mushet, Papers on iron and steel, p. 43 и сл.* К этому списку следовало бы прибавить Кемберленд с 1 или 2 домнами. См. *Swedenborg, Regnum subterraneum, sive de ferro, III, 160.*

³ *W. Camden, Britanniae Descriptio, II, 105 (изд. 1607 г.).*

⁴ *S. Smiles, Industrial Biography, p. 35—37.* Один кузнец, Леонард Гейль, родившийся в 1620 г., мог сделать своего сына владельцем замка и членом парламента. Интересные сведения о старой железоделательной промышленности в Сэссексе можно найти в книге *M. A. Lower, Contributions to literature, historical, antiquarian and metrical, p. 132 и сл.*

⁵ См. карту Сэссекса, составленную *R. Budgen (Actual survey of the county of Sussex, 1724)*, где обозначено местонахождение главных заводов.

⁶ *De Foë, Tour, I, 106.*

в Сэссексе до десяти, из которых каждая производила в среднем 140 *t* чугуна в год¹. Чтобы отлить решетку (весом около 200 *t*), окружающую лондонский собор св. Петра, потребовалась работа двух заводов, едва справившихся с ней². Все они один за другим прекратили свое существование, и в настоящее время об этой исчезнувшей промышленности напоминают только некоторые названия местностей, как Forge Wood или Furnace Wood, между деревнями Гаукхерст и Лемберхерст.

Другой металлургический район, одно время совершенно заброшенный, несколько ожил в наши дни: мы разумеем Дин-Форест, между верхним течением реки Вай (Wye) и устьем Северна. Он содержал довольно обильные месторождения железной руды, известные уже римлянам, которые разрабатывали их³; залежи эти не истощены еще и ныне. Если верить Эндрью Яррантону, то Дин-Форест кормил еще при реставрации многочисленное население рудокопов и кузнецов⁴. Не является ли, однако, это свидетельство лишь отзвуком былой славы? Во всяком случае между 1720 и 1730 гг. этот округ, как и Сэссекс, имел уже только какой-нибудь десяток доменных печей, которые часто вместо прямой обработки руды утилизировали шлаки римских кузниц⁵. Мы тщетно стали бы искать какого-нибудь более значительного центра в остальной Англии. В районе, где процветала мелкая металлообрабатывающая промышленность, вокруг Бирмингема и Шеффилда, группировались немногие домны, производство которых было, к тому же, слишком незначительно, чтобы снабжать сырьем все мастерские. Во всех прочих местах, в Южном Уэльсе и в средней долине Северна, в графствах Честер и Кумберленд, мы видим только разбросанные предприятия, которые вели непрочное существование и с большим трудом удовлетворяли местный спрос.

От основной промышленности перейдем к отраслям второстепенного порядка. Они гораздо больше процветали и в то же время носили в гораздо большей степени местный характер. Два города, названия которых мы упомянули выше, — Бирмингем и Шеффилд — были обязаны им своей многовековой славой. Шеффилд уже в средние века имел свою знаменитую специальность: в часто цитировавшемся месте из «Кентерберийских сказок»⁶ Чосер упоминает о шеффилдских ножах. Весь окрестный округ, известный под названием Галламшир, принимал участие в этом производстве: здесь в изобилии имелся точильный камень, а небольшие и быстрые горные потоки, берущие начало в высоких скалах Пика, служили одновременно

¹ *W. Fairbairn*, Iron, its history, properties, and processes of manufacture, p. 283.

² *M. Lower*, *ouvr. cité*, p. 132 и 136.

³ Они были расположены вблизи Бата (Aquaе Sulis), где императором Адрианом была устроена *fabrica*, т. е. оружейная мастерская для нужд британских легионов. См. *Scrivenor*, *Hist. of the iron trade*, p. 29.

⁴ *Andrew Yarranton*, *England's improvement on sea and land*, 1 partie, p. 57.

⁵ *H. G. Nicholls*, *Iron making in the olden times*, p. 48—54.

⁶ «Он носил в своем кошельке крохотный кинжал. — Никто не рискнул бы тронуть его даже пальцем. — В кармане брюк у него был шеффилдский нож. — У него круглое лицо, а нос его был вздернут». *Chaucer*, *The Canterbury Tales* (The reeve's tale, см. 13 и сл.). *Complete Works of Geoffrey Chaucer*, изд. Skeat, IV, 114.

для закалки клинков и для верчения точил¹. Близость моря и гульбского порта, обращенного к Балтике, позволяла ножевщикам доставать без особенно больших расходов шведское железо, которое наиболее легко обращалось в сталь при помощи обычных тогда приемов. Галламшир выделывал не только ножи и ножницы, но и топоры, молотки, напильники, всякого рода инструменты. Бирмингем также обрабатывал сталь: в XVII в. он имел оружейные фабрики, поставившие армиям Кромвеля тысячи пик и шпаг². Но истинной специальностью Бирмингема было производство разнообразнейших мелких металлических изделий, из которых одни принадлежали к постоянным предметам обихода, а другие менялись в зависимости от капризов моды: начиная от гвоздей и замочного товара и кончая металлическими пуговицами, пряжками для башмаков³ и множеством разных игрушек (*Birmingham toys*), пользовавшихся популярностью в Англии, а затем и во всей Европе. Жители этого города слыли за людей не менее трудолюбивых, чем искусных: стук молотков,—передавали о нем,—раздается здесь уже с трех часов утра⁴. Подобно Шеффильду, Бирмингем был главным городом довольно отчетливо ограниченной промышленной области. В направлении, по которому тянется теперь так называемый Черный край (*Black Country*), обезображенный шахтами и доменными печами, теснились уже мастерские вокруг нескольких таких поселков, как Додлей, Венсберн, Вольвергемптон⁵,—деревень, ставших городами.

Каково бы ни было относительное значение этих двух привилегированных центров, оно, в конце концов, было не намного больше, чем значение, которое имели в шерстяной промышленности города вроде Норвича или округ вроде Вест-Райдинга. Кроме них были и другие центры, которые можно разделить на два разряда. Одни являлись средоточием специальных промыслов, работавших на обширный рынок, в эту категорию входят выделка булавок в Бристоле и Глостере, выделка ножей «шеффильдского образца»⁶ в Ньюкестле. Напротив, другие обслуживали общие нужды ограниченных рынков: в них с грехом пополам выделывали все, что невыгодно было

¹ *De Foë*, *Tour*, III, 81 указывает на это использование гидравлической силы, как на явление относительно недавнее.

² *S. Timmins*, *The resources products and industrial history of Birmingham and the Midland hardware district*, p. 210; *S. Gardiner*, *Hist. of the great civil war*, I, 107.

³ В Бирмингеме делали также фальшивую монету. См. процесс фальшивомонетчиков в *Birmingham Gazette*, 15 ноября и 16 декабря 1742.—Отрасли промышленности Бирмингема в начале и в конце XVIII в. перечислены у *L.-W. Clarke*, *Hist. of Birmingham*, III, 30 и 160.

⁴ «Я был восхищен этим городом, а еще больше его жителями. Я еще не встречал такого сорта людей. Я жил среди мечтателей и увидел, наконец, людей живых. Даже их шаг при переходе улиц свидетельствовал об их активности. Каждое утро в 3 часа меня приветствовал со всех сторон стук молотков». *W. Hut- ton*, *Hist. of Birmingham*, p. 90—91.

⁵ Вокруг Вольвергемптона уже группировались почти все отрасли бирмингемской промышленности. См. *Journ. of the House of Commons*, XXIII, 15 и XLVI, 202.

⁶ *De Foë*, *Tour*, III, 194. В течение столетия там были основаны крупные металлургические предприятия. См. *Arthur Young*, *North of England*, III, 10—15.

привозить издалека в те времена, когда перевозка тяжелого товара была трудна и обходилась дорого. Так как их малоизвестность находилась в прямом отношении к их многочисленности и разбросанности, то почти невозможно иметь о них точные сведения. Но мы составили бы себе крайне неточное представление о состоянии железодобывательной промышленности в первой половине XVIII в., если бы упустили из виду существенную роль, которую играли тогда во множестве местечек и деревень медник и кузнец. В Шотландии в их руках находилась еще почти вся металлургия¹.

В действительности географическое сосредоточение промышленности и ее подразделение на специальности различались в зависимости от района и от характера технических операций. То же замечание приложимо к ее внутренней организации, разнородному результату самых разнообразных экономических условий. Эксплоатация копей и рудников, при всем ее несовершенстве, требовала сравнительно больших капиталов. Поэтому уже рано начали основываться горные компании², сходные по своему устройству и привилегиям с торговыми компаниями. Эти коллективные предприятия, управляемые так называемыми *governors* или *captains* и раздававшие ежегодно своим участникам дивиденды, были довольно многочисленны, но далеко не равны по своему значению. Некоторые из них, как *The Company of Mine Adventurers of England* и *The Royal Mines Company*, имели интересы в разных частях Англии и стремились к крупным делам, с довольно посредственным, впрочем, успехом³. Другие—например, существовавшие в Корнваллисе—были маленькими товариществами, которые располагали скромными средствами и в большинстве случаев не в состоянии были эксплуатировать одновременно больше одной или двух шахт⁴. Как видит читатель, система эта далеко не достигла своего полного развития,—тем более, что она не распространялась на всю добывающую промышленность. В общем она действовала в медных рудниках, которые часто бывали очень глубоки и поэтому требовали дорогих работ по устройству и поддержанию их в порядке⁵. Напротив, каменноугольные копи почти всегда эксплуатировались отдельными лицами. Иногда их эксплуатировали сами собственники, из которых многие принадлежали—и принадлежат еще теперь—к высшей земельной аристократии; типичным примером таких шахтовладельцев

¹ *W. Ivison Mac Adam, Notes on the ancient iron industry of Scotland, p. 89.* В 1760 г. производство чугуна в Шотландии исчислялось в 1 500 т. *D. Bremner, The industries of Scotland, p. 32—33.*

² Первая была основана в 1561 г. в Нортумберленде. *W. Cunningham, Growth of English industry and commerce, II, 59.*

³ Первая из названных компаний в начале XVIII в. запуталась в долгах и обанкротилась бы, если бы не была реорганизована и не получила новых привилегий в силу парламентского акта (9 Anne, с. 24).

⁴ Относительно маленьких товариществ «предпринимателей» в Корнваллисе—см. *S. Smiles, The lives of Boulton and Watt, p. 230 и 349—350.*

⁵ Один из этих рудников, находившийся в *Ecton Hill* (гр. Стаффордшир) описан в *Annual Register* за 1769 г. Самая низкая галерея его проходила на глубине около 400 ярдов ниже вершины холма; спускались в нее по очень плохим лестницам. Это был медный рудник, в железных же рудниках глубина шахт часто не превышала 15 или 18 ярдов. См. *Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 81.*

может служить герцог Бриджватерский, который прорыл Ворсле-евский канал специально для перевозки угля из своих копей в Ман-честер. Более часто они сдавались в аренду предпринимателям за плату (royalty), пропорциональную количеству добытого угля¹. В Йоркшире лица, именуемые banksmen, действовали то в качестве управляющих или надсмотрщиков, состоящих на службе у собственника, то в качестве арендаторов, которые вели эксплуатацию по своему усмотрению². Таков же был, повидимому, порядок и в желез-ных рудниках, судьба которых была, впрочем, так тесно связана с судьбою железоделательных и литейных заводов, что невозможно изучать одни отдельно от других.

Рудник и доменная печь составляли почти всегда одно предприя-тие. Руда плавилась на месте, и добыча ее была ограничена спросом железоделательных заводов, находившихся в непосредственном сосед-стве с месторождением. Владелец заводов был одновременно, если можно так выразиться, и хозяином рудника, и обратно—собствен-ник железного рудника мог эксплуатировать его, только сделавшись хозяином железоделательного завода. Этим обстоятельством объяс-няется промышленная роль аристократических семей на юге Англии: это было для них способом извлечения дохода из своих земельных владений. Лорд Ашборнгам владеет еще теперь замком недалеко от того места, где его предки выделывали двести или триста лет тому назад пушки для королевской армии³. Предприятие, охватывавшее одновременно рудник, одну или две доменные печи и часто еще железо-делательный завод в тесном смысле слова, по необходимости имело капиталистический характер. И этот характер подчеркивался еще природой оборудования: место горнов, подвергаемых действию ветра и устраиваемых для этого при скрещении долин или на вершине холмов, заняли, начиная с XV в., доменные печи с их мощными воз-духодувками, приводимыми в действие водяными колесами⁴. Цяти-рованная выше книга Кемдена сообщает нам, что в конце XVI в. на заводах Сэссекса употребляли гидравлические молоты⁵. Мы упо-

¹ Когда дело шло о заповедном имении, то для действительности аренды требовалось утверждение парламента. Пример: An act for confirming a lease of mines between Charles, duke of Queensberry and Dover, and Patrick Crawford, and for enabling the said duke and his heirs of entail to grant leases in terms of the said contract (7 Geo. III, c. 44, частные акты).

² См. *G. Lister*, Coal mining in Halifax, Old Yorkshire 2-e sér., p. 274 и сл. Материалы для этой любопытной монографии были извлечены из семейных архивов.

³ Замок Ashburnham Place расположен в восточной части графства Сэс-секс, приблизительно в 10 милях от Гастингса. Сравните известные крупные семьи центра вроде семьи Додлей. Дод Додлей в двадцатилетнем возрасте был уполномочен своим отцом—графом Додлей—руководить металлургическим пред-приятием, расположенным в Пеннет-Чейс, в Ворстершире. *Dud Dudley, Metal- lum Martis*, p. 5.

⁴ *Ludwig Beck*, Geschichte des Eisens, II, 186. Относительно методов метал-лургической промышленности до XVI в.—см. *Th. Lapsley*, An account roll of a fifteenth century iron-master, English Historical Review, XIV, 509—529 (1899). В XVIII в. употребляли деревянные воздуходувки, состоящие из двух входящих одна в другую частей. См. *Beckmann*, Beiträge zur Geschichte der Erfindungen (Leipzig, 1782), I, 319—330.

⁵ Они имели большей частью форму обыкновенных молотков и двигались вокруг горизонтальных осей, описывая круговую дугу. Однако уже тогда строи-

минали уже выше о машинах для прокатки и резки железа—оборудовании, которое является предвестником крупной промышленности. Не следует, однако, забывать, что все это с трудом прозябало, что произошла настоящая остановка в развитии и что доменная печь давала в среднем от 5 до 6 *m* чугуна в неделю. Несмотря на внешнюю видимость, эти капиталистические предприятия оставались мелкими предприятиями.

Совершенно иную картину представляли металлообрабатывающие отрасли промышленности. Здесь не было недостатка в жизни и деятельности, и разделение труда далеко продвинулось в них. Надо знать, однако, что должно понимать здесь под термином «разделение труда»: он употребляется в неодинаковых, если не прямо противоположных, значениях. Иногда он означает распределение отдельных задач в видах производства одного цельного предмета, в другой раз под ним разумеют только образование специальностей, каждая из которых может быть рассматриваема как нечто самодовлеющее. В первом случае разделение труда имеет тенденцию к экономической концентрации, к единству, во втором—к экономическому дроблению. Первоначально преобладало дробление. Столь разнообразные изделия мелкого металлического и ножевого производства Англии выходили из множества небольших, специализировавшихся на том или ином изделии, мастерских. Маленький капитал или даже отсутствие его, очень простое оборудование и тем более необходимая вследствие этого ремесленная искусность рабочего—таковы были нормальные условия производства. В Шеффилде оплачиваемые рабочие вряд ли были многочисленнее хозяев: последние работали своими руками, в своих собственных домах, окруженные своими детьми и своими учениками¹. Это та же домашняя система производства, которая существовала недалеко отсюда у ткачей в долине Галифакса, быть может, лишь с более архаическими чертами, так как она сочеталась с очень узким цеховым режимом. Галламширский цех ножевщиков, устав которого был утвержден в 1624 г. парламентским актом², был обязательной ассоциацией производителей, организованной по типу средневековых местных гильдий. Никто не мог обосноваться в округе, если не был допущен в число его членов. Каждая мастерская получала от цеха фабричную марку. Воспрещалось набирать других рабочих, кроме местных, проделавших в округе семилетний ученический стаж; воспрещалось продавать невделанные в рукоятку сталь-

лись молоты, падающие вертикально. См. *L. Beck, Geschichte des Eisens*, II, 479, 482—483, 531 (с рисунками).

¹ *J. Hunter, Hallamshire, the history and topography of the parish of Sheffield*, p. 149: «Дома ножевщиков были почти все небольшими жилищами с мастерской и горном сзади, во дворе. Чтобы пройти в дверь, спускались на одну ступеньку. Листки бумаги, на которых время от времени появлявшийся торговец записывал свои заказы, были доступны комментариям прохожих. Очень немногие производители решались покидать город в поисках клиентуры».

² 21 James, I, с. 31. Цех официально назывался: «святым товариществом и компанией продавцов и производителей ножей в Галламширском поместье, в графстве Йорк». Он состоял только из ножевщиков в точном смысле этого слова (см. петицию слесарей и производителей пил против билля, подчинившего их юрисдикции цеха, *Journ. of the House of Commons*, XLV, 274).

ные клинки лицу, не живущему в округе, ссужать ему точило или какое бы то ни было орудие труда. Эти правила, вместе со многими другими, касавшимися преимущественно техники ремесла и качества изделий, оставались в силе вплоть до конца XVIII в.¹ Цех ножевщиков Галламшира представляет одну из немногих профессиональных корпораций, наиболее долго сохранивших свой действительный авторитет². Он был обязан этим существованию мелкой промышленности, сохранению которой он, в свою очередь, несомненно способствовал, сделав ее неподвижной в тех традиционных рамках, в которых она развивалась.

Переход от сампроизвольного разделения труда между самостоятельными мастерскими к организованному разделению труда в мануфактуре совершился постепенно. Как и в текстильной промышленности, факторами этого преобразования были торговля и торговый капитал. Кунец, наведывающийся в определенные сроки к мелким производителям, был в Шеффилде таким же необходимым персонажем, как в Бирмингеме³. Производство сообразовалось с его заказами⁴: все происходило так, как если бы мастер-ремесленник был только состоящим у него на службе надсмотрщиком мастерской. Иногда эта зависимость заходила еще дальше: торговец давал сырье, и тогда производитель, по внешности все еще самостоятельный, был в действительности не более и не менее как сделанным рабочим, сохраняющим еще собственность на свои орудия труда⁵. Лишь немногие, более богатые или более предприимчивые производители могли благодаря улучшению транспортных средств войти в прямые сношения с Лондоном и даже с континентальными рынками⁶. По мере того как они становились торговцами, им приходилось для удовлетворения спроса своих покупателей соединять обособленные некогда специальности. Джозеф Ганкок владел в 1765 г. в Шеффилде шестью мастерскими, где были представлены главные отрасли промышленности города, в том числе недавно возникшее производство изделий из накладного серебра⁷. Еще один шаг в направлении к капиталистической концентрации, и мы подходим к строю мануфактуры. Мэтью Болтон, задолго до своего вступления в компанию с Джеймсом Уаттом, управлял большим предприятием, которое походило уже, — оставая в стороне оборудование, — на современный завод. Здесь работали по железу, меди, серебру, черепаховой чешуе; из различных его мастерских выходили самые разнообразные изделия: бронзовые

¹ См. Journ. of the House of Commons, XLIV, 223 и XLVI, 12.

² Относительно потери авторитета большинством из них см. *Cunningham, Growth of English industry and commerce*, II, 322.

³ *J. Hunter, ouvr. cité*, p. 168.

⁴ Производители постоянно боялись производить в слишком большом количестве и не осмеливались «отправлять свои товары, с большими издержками и трудом, на незнакомые рынки». *J. Aikin, A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 547.

⁵ Во многих мастерских шеффилдские рабочие продолжали до наших дней владеть своими орудиями труда и уплачивать своего рода арендную плату за пользование станками и двигательной силой.

⁶ *Aikin, ouvr. cité*, p. 548.

⁷ *Hunter, ouvr. cité*, p. 156, 169.

украшения, металлические пуговицы, табакерки, часовые цепочки¹. Перед нами вся промышленность Бирмингема в миниатюре, в одном предприятии и в руках одного человека².

Соединение специальностей в группы представляет только один из результатов движения в сторону концентрации, обнаружившегося одновременно во всех отраслях промышленности. Другим, быть может, более важным и во всяком случае более глубоким результатом является то, что в каждой специальности технический процесс начинает подразделяться на все большее число детальных операций, поручаемых такому же числу рабочих или целых категорий рабочих. Эта классическая форма разделения труда нигде не проявилась так рано и столь отчетливо, как в металлообрабатывающих промыслах; именно у одного из них Адам Смит позаимствовал знаменитый пример, фигурирующий на первой странице «Опыта о природе и причинах богатства народов».

Но эта эволюция в направлении к мануфактуре определилась ясно (свидетельством служит большинство приведенных выше фактов) только к середине XVIII в. Раньше характерной чертой железоделательной промышленности была, напротив, ее неподвижность; пока выработка была незначительна и имела тенденцию скорее падать, чем возрастать, до тех пор на преобразование ее строя было мало шансов. Английская металлургия прозябала; если некоторые из металлообрабатывающих промыслов и сохраняли относительную жизнеспособность, то происходило это благодаря ввозу железа из Швеции или России. Не будучи в состоянии добывать в достаточном количестве необходимое ей железо у себя дома, Англия пришла к мысли, что может получать его по крайней мере из своих колониальных владений, сохраняя за собою по отношению к ним монополию обработанных изделий. Поощрять в колониях производство чугуна или полосового железа, запрещать им, напротив, всякую конкуренцию с промыслами Шеффилда и Бирмингема—такова была политика, принятая, начиная с 1696 г., правительством метрополии. Она была применена последовательно к Ирландии³ и к американским колониям⁴. Но рудные богатства Ирландии были скоро истощены,

¹ Относительно Matthew Boulton—см. гл. IV, стр. 333 и сл.

² Такого же рода предприятием, и не менее крупным, было предприятие Джона Тейлора, замечательного человека, которого W. Hutton, историк города Бирмингема, в порыве восхищения называет «Шекспиром или Ньютоном своего времени». Главная заслуга этого Шекспира или Ньютона заключалась в том, что он выделял превосходные пряжки для башмаков и лакированные табакерки. Он оставил после себя состояние в 200 тыс. ф. ст. См. *Will. Hutton, Hist. of Birmingham*, p. 103 и *Local Notes and Queries* Центральной свободной библиотеки Бирмингема, 1885—1888, № 1906.

³ Ввозная пошлина на полосовое железо ирландского происхождения была отменена двумя законами 1696 и 1697 гг. (7—8 Will. III, с. 10 и 8—9 Will. III, с. 20). Относительно развития железоделательной промышленности в Ирландии в конце XVIII в.—см. *William Petty, Political anatomy of Ireland* (1691). Сэр Вильям Петти владел металлургическими заводами в графстве Керри.

⁴ См. *Paul Busching, Die Entwicklung der handelspolitischen Beziehungen zwischen England und seinen Kolonien bis zum Jahre 1860*, p. 34—37. Закон 1750 г. (23 Geo. II, с. 29) разрешил беспошлинный ввоз американского железа в Лондонский порт; в 1757 г. (30 Geo. II, с. 16) это разрешение было распространено на все английские порты. В то же время колонистам запрещалось обраба-

а американцы, как известно, не обнаружили особой готовности подчиниться режиму, который им хотели навязать. Оставалось только одно действительное средство излечить вялость английской металлургии: обновление ее техники.

II

Каким образом мог существовать недостаток железа в стране, изобилующей месторождениями его? Почему жизнь уходила из недавно еще процветавших металлургических районов? Факт этот объясняется весьма простой причиной: недостатком горючего материала.

Этим горючим материалом, единственным, который умели тогда употреблять для обработки руды, был древесный уголь. Отсюда расположение доменных печей среди лесистых местностей южной Англии, отсюда также полная заброшенность некоторых месторождений железной руды, слишком удаленных от лесов. Чтобы поддерживать огонь железодельного завода, требовалось большое количество дров; вокруг каждого металлургического завода совершались настоящие жертвоприношения деревьев. Развитие железодельной промышленности имело своим неизбежным как будто следствием беспощадную эксплуатацию лесов и, в конце концов, полное истребление их. Такова была, по крайней мере, причина, которой приписывали их постепенное исчезновение, хотя на самом деле оно было вызвано больше всего распашкой лесных пространств и расширением пастбищ. И обстоятельство это давно уже стало предметом общественной тревоги: опасались недостатка в строевом лесе для постройки судов¹. В целях охраны лесов были изданы в царствование Елизаветы несколько законов: они ограничили число металлургических заводов в некоторых графствах и запретили устройство таковых в районе 22 миль вокруг Лондона². Но законы эти сталкивались с потребностью, которую они не в силах были уничтожить, и, с другой стороны, ничего не делали для устранения некоторых реальных и действующих причин обезлесения. Истребление лесов продолжалось как ни в чем не бывало: «Кто видел в былое время леса Сэссекса, Сэррея и Кента, этот большой питомник дубов и буков³, тот найдет в них за менее чем 30-летний промежуток необычайную перемену; еще

тывать железо или превращать его в сталь; всякая мастерская, открытая в нарушение этого закона, всякая машина дляковки или волочения металла были объявлены общественно вредными (*common nuisance*) и подлежали сломке в 30-дневный срок.

¹ Мы находим эту заботу и у Дод Додлея: «Если леса будут и впредь уменьшаться и, в конце концов, исчезнут, то для нас потеряно будет то, что составляет самую главную силу Англии: ее суда, ее матросы, ее торговля, ее рыболовство, военный флот ее величества, наше наступательное и оборонительное оружие. Именно это и побудило предшественников ее величества, до и после 1588 г., ... издать законы об охране лесов подвергающихся столь великой опасности из-за железодельных и литейных заводов». *Metallum Martis* (1665), p. 2.

² 1 Eliz., c. 15 (1558), 23 Eliz., c. 5 (1581), 27 Eliz., c. 19 (1585), 28 Eliz., c. 3 (1583). Закон 1581 г. обязал часть заводчиков Сэссекса перенести свои заводы в другое место; некоторые из них отправились в Уэльс. См. *S. Smiles, Industrial Biography*, p. 41—42.

³ От этих лесов получили свое название *Weald*.

несколько таких бедственных лет, как предшествующие, и очень немногие из этих прекрасных деревьев уцелеют»¹. С лесов юга, которые пострадали первыми, бедствие распространилось на запад и центр: «Опустошения, причиняемые железоделательными заводами в лесах графств Уорик, Стаффорд, Герфорд, Вустер, Монмут и Салоп (Шропшир), превосходят всякое воображение»². Те же жалобы мы слышали около 1720—1730 гг. по поводу Ирландии: «Каких-нибудь шестьдесят лет тому назад (т. е. при реставрации Стюартов) она имела большой запас дубов, нежели мы имеем теперь, но железоделательные заводы, устроенные там с тех пор, разрешили за короткое время леса до такой степени, что ирландцам нехватает деревьев для получения дубовой коры, необходимой их кожевенным заводам; они вынуждены теперь привозить кору из Англии и лес из Норвегии, а свои кожи вывозить в сыром, невыделанном виде»³...

Дело дошло почти до того, что люди задавали себе вопрос, следует ли причислять залежи железа к богатствам Англии: «Я уверен,—писал Эндрью Яррантон (1677),—что навлеку на себя ожесточенные нападки. Ибо, по мнению некоторых (среди них даже много таких, которые считают себя людьми, преисполненными мудрости), было бы лучше, если бы в Англии совсем не было металлургических заводов и чтобы в ней не производили железа, так как именно заводы пожирают все наши деревья»⁴. Он энергично восставал против этого взгляда и всячески старался показать, что железоделательную промышленность нельзя делать ответственной за обращение лесов в возделанные поля и пастбища⁵. Но вызывалось ли обезлесение этой промышленностью или нет, все равно оно имело для нее самые прискорбные последствия. Вместе с лесами исчезали также доменные печи. Редкость горючего материала повышала себестоимость металла, и всякая покровительственная мера против иностранной конкуренции по необходимости оставалась бессильной, так как отече-

¹ См. *John Norden*, *The surveyor's dialogue*, p. 9 (1607).

² Этот текст приводится Скривенором без указания источника в его *Hist. of the iron trade*, p. 69 (относится к периоду времени между 1720 и 1730 гг., как показывают эти упоминаемые им цифры ввоза).

³ *Scrivenor*, *Hist. of the iron trade*. Несколько иное мнение было высказано в 1749 г. шеффильдскими кожевниками, подавшими петицию против билля, благоприятствующего ввозу американского железа. «Если билль пройдет, то английскому железу придется конкурировать с более дешевым продуктом. Вследствие этого многие доменные печи и железоделательные заводы будут заброшены, леса, снабжающие их горючим материалом, перестанут рубить, и кожевники не будут знать, где им достать дубовую кору, нужную для их работы». *Journ. of the House of Commons*, XXV, 1019. Аналогичные петиции были поданы кожевниками Глостера и Саутуорка, *Ibidem*, p. 1048 и 1051.

⁴ *Andrew Yarranton*, *England's improvement on sea and land*, I, 56.

⁵ *Ibidem*, II, 163—164. Тот же вопрос ставился во Франции до гораздо более недавнего времени. См. *Bonnard*, *Mémoire sur les procédés employés en Angleterre pour le traitement du fer par le moyen de la houille*, *Journal des Mines*, XVII, 245 (an XIII). «Многочисленные заводы, разбросанные по всем углам Франции и едва справляющиеся с удовлетворением разнообразных потребностей в железе нашего сельского хозяйства, наших фабрик и наших арсеналов, поглощают ежегодно такое количество древесного угля, которое, будучи подсчитано, кажется поистине ужасающим, и, к несчастью, не вызывает сомнений, что в нескольких частях империи это потребление древесного угля слишком не соответствует нынешнему состоянию большинства наших гибнущих лесов».

ственное производство было намного ниже потребления. Английская металлургия должна была решить этот трудный вопрос или погибнуть.

Решение как бы напрашивалось само собой: разве для замены древесного угля не имелся каменный уголь? Действительно, каменный уголь был известен и употреблялся в Англии уже в течение многих веков. Согласно тексту одной грамоты, относящейся к 852 г. и цитируемой в *Anglo-Saxon Chronicle*, некто Вульфред обязывался доставлять монахам аббатства Медхемстед, в числе прочих годовых оброков, «60 возов дров, 12—каменного угля (*graefa*) и 6—торфа»¹. Употребление каменного угля было очень распространено в Англии в продолжение всего средневековья². Его привозили из каменно-угольных бассейнов, расположенных у морского побережья или недалеко от него; отсюда несколько странное название «морской уголь» (*sea coal*), часто встречающееся в текстах до XVIII в.³ Уголь, употреблявшийся в Лондоне, шел главным образом из Ньюкестля; это был предмет очень важной торговли, благодаря которой названный город стал большим портом и одним из главных центров вербовки матросов для королевского флота. Торговля каменным углем велась также с чужими странами и давала такие барыши, что ее сравнивали в этом отношении с колониальными предприятиями: нортумберлендские копи⁴ были уже «Черной Индией»⁵.

Значение Ньюкестля и его торговли трудно было бы объяснить, если бы каменный уголь служил только для отопления домов и для других домашних нужд. Действительно, его употребляли также во многих отраслях промышленности. Одна петиция 1738 г., требовавшая от парламента, чтобы тот принял меры против чрезмерно высоких цен на уголь, подписана «стекольщиками, пивоварами, винокурами, рафинерами, мыловарами, кузнецами, красильщиками, кирпичниками, обжигальщиками извести, литейщиками, набойщиками ситца»⁶.

¹ *Anglo-Saxon Chronicle*, ann. DCCCLII. Слово *graefa*, *graefan* происходит от германского корня *grab* (немецкое *grab*, современное английское *grave*). См. *Bosworth, Dictionary of the Anglo-Saxon language*, слово *Graefa*.

² Много жаловались на его запах и дым. Эдуард I хотел запретить употребление его в Лондоне. См. *Cunningham, Growth of English industry and commerce*, I, 173. Относительно употребления его в Льежском епископстве в XII и XIII вв. см. *L. Beck, Geschichte des Eisens*, II, 101.

³ Например, в хорошо известном месте из «Веселых Виндзорских кумушек» в 4-й сцене 1-го акта: «Идем, мы выпьем скоро, с наступлением ночи... право, при позднем огоньке морского угля...».

⁴ Копи Уэльса также начали рано разрабатываться. Де Фоз упоминает о городе Сванси, посылавшем большие количества угля в Сомерсет, Девон, Корнваллис и Ирландию. *Tour*, III, 82.

⁵ Согласно *Brand, Hist. of Newcastle*, II, 273, в 1705 г. эта торговля занимала 1 277 судов всяких размеров. «Каменноугольные копи должны быть рассматриваемы, как одна из причин, наиболее способствовавших расширению судоходства и флота в Англии. Одна эта отрасль торговли занимает более 1 500 судов, вмещающих от 100 до 200 *m*; на нее смотрят, как на школу матросов английского флота. Вот почему этим копиям дали название Черной Индии». *La Richesse de l'Angleterre* (1773), p. 56. Додлей уже писал: «Территории Великобритании являются нашей северной Индией, богатой копиями и металлами». *Metallum Martis*, p. V.

⁶ *Journ. of the House of Commons*, XXIII, 263. В некоторых из этих отраслей промышленности каменный уголь стал употребляться, повидимому, только с конца XVI или начала XVII в. «В кирпичном производстве, в пивоварнях,

Читатель не преминет заметить, что в этом списке фигурируют кузнецы и литейщики. Не служит ли это доказательством того, что металлургия уже тогда пользовалась обычно каменным углем? Без сомнения, она употребляла его, но только для некоторых своих операций. Дляковки или обработки металлов каменный уголь имел почти те же качества, что и древесный уголь, но дело обстояло иначе, когда требовалось плавить руды, в особенности железную руду. Последняя, под влиянием серных соединений, содержащихся в большем или меньшем количестве каменным углем и выделяющихся при горении его, меняет свои свойства и дает нечистое, ломкое железо, которое невозможно обрабатывать молотом. Как устранить это неудобство, никто не знал. Таким образом, промышленность, которой каменный уголь должен был оказать наибольшие услуги, как раз не могла им воспользоваться. Заводы продолжали жечь древесный уголь, становившийся все более редким и все более дорогим, между тем как рядом с ними огромные запасы ископаемого угля оставались неиспользованными.

Как добиться того, чтобы при употреблении каменного угля получить металл хорошего качества? Такова была задача, над решением которой упорно билось несколько поколений исследователей. История этих попыток весьма интересна, хотя точно оценить результаты каждой из них представляется делом достаточно нелегким. В 1612 г. некий Симон Стюртевант, по происхождению немец, выхлопотал себе исключительную привилегию на обработку железной руды огнем каменного угля¹. Он оставил любопытную книгу, трактующую в несколько схоластической форме, но с остроумными, нередко, замечаниями об изобретениях вообще и об его собственном изобретении, в частности². Всякий новый технический прием, говорит он, дол-

в красильнях, при плавке меди лишь несколько лет назад единственными употреблявшимися видами топлива были дрова и древесный уголь, но теперь их заменяют ископаемым углем, дающим столь же хорошие результаты». *S. Sturtevant, A treatise of metallica*, предисл., стр. 8. Кузнецы употребляли каменный уголь уже раньше: «Когда-то кузнецы ковали железо на огне древесного угля (и в некоторых местностях, где древесный уголь дешев, они продолжают еще пользоваться им), но уже в течение многих лет вместо него употребляли и употребляют сейчас раздробленный на мелкие куски каменный уголь». *Ibidem*. См. отрывок, где Agricola перечисляет, в 1546 г., применения каменного угля: «*De natura fossilium*», кн. IV, стр. 237 (изд. 1546 г.).

¹ *L. Beck's Geschichte des Eisens*, II, 1249, приводит аналогичные привилегии, полученные в 1589 г. Томасом Проктором и Вильямом Петерсоном, а в 1607 г. Робертом Чантреллем. Неизвестно только, употребляли ли они каменный уголь и торф для выплавки железа или только дляковки его. Текст патента Стюртеванта воспроизведен в сжатом виде в *Treatise of Metallica*, p. 5 и сл.

² Он различал в том, что называл «*heurétique*» (от греческого *Εὑρίδω*) две части,—научную часть и часть механическую: «Научной является та, что предписывает общие правила для всех свободных искусств, имеющих конечной целью науку, независимо от всякого видимого результата и от всякого материального объекта... Механическая часть предписывает общие правила для всех несвободных искусств, направляемых на видимый результат и материальный объект. Изобретение последнего сорта называется механическим изобретением». *Treatise of Metallica*, p. 50—51. Изобретения, по Стюртеванту, делятся на смешанные и чистые, т. е. на составляющие новое применение уже известного принципа (например, встриная мельница, изобретенная после водяной) и на изобретения, основанные, напротив, на новом принципе (например, книгопечатание). *Ibidem*, p. 56.

жен удовлетворять трем минимальным условиям, по сравнению с тем приемом, который он заменяет: он должен обеспечивать продукцию, по меньшей мере равного количества, качества и цены¹. Его действительную полезность можно считать доказанной и успех его вероятным лишь в том случае, если этот минимум превзойден, т. е. если продукция оказывается более обильна, более совершенна или более дешева. Если верить Стюртеванту, то сделанное им изобретение соединяло в себе два из этих преимуществ. Прежде всего, оно давало возможность осуществить значительную экономию в производстве: доменная печь расходовала на древесный уголь 500 ф. ст. в год, употребление же каменного угля должно было сократить этот расход до одной десятой доли этой суммы²; отныне, следовательно, ничто не могло препятствовать быстрому и безграничному развитию отраслей металлургической промышленности. В то же время сохранялись бы леса—соображение, не только не второстепенное, но производившее, быть может, наибольшее впечатление на современников³.

Таким образом, Стюртевант понял и весьма ясно указал огромную выгоду, которая должна была получиться для железоделательной промышленности от употребления ископаемого угля. Но пошел ли он дальше? Был ли он действительно изобретателем или только проектером? Мы довольно хорошо осведомлены о том, что он думал, но довольно плохо о том, что он сделал. Он, несомненно, отказался от мысли пользоваться каменным углем в сыром виде, ибо говорит о подготовительной работе, «имеющей целью извлечь из него все то, что могло бы испортить или изменить металл»⁴. Быть может, ему удалось получить кокс? Но вероятно, что он не сумел извлечь пользу из этого первого изобретения, ибо не прошло и года, как он был объявлен лишенным своей привилегии, как бросивший сам свое предприятие⁵. Права его были переданы одному протеже принца Уэльского⁶, Джону Ровензону, который, в свою очередь, наобещал золотые горы, но сдержать эти обещания сумел не лучше своего предшественника.

Эта двойная неудача была дурным предзнаменованием. Но трудности, о которых она свидетельствовала, не остановили изысканий, вызванных настоятельной практической потребностью. Наиболее приблизился, повидимому, к окончательному решению Дод Додлей, незаурядная личность, дарования которого единодушно признаются технологами⁷. Он сам рассказал нам историю своей жизни⁸. Побоч-

¹ Ibidem, p. 82. «Equi-sufficiency, equi-excellency, equi-cheapness».

² Ibidem, p. 2.

³ Стюртевант несколько раз возвращается к этому с значительной настойчивостью. Ibidem, p. 2, 8, 105.

⁴ Ibidem, p. 106. См. *Percy, Iron and steel*, p. 882.

⁵ *John Roventon, A treatise of metallica, but not that which was published by Mr. Simon Sturtevant upon his patent*, p. A.—*L. Beck, Geschichte des Eisens*, II, S. 1253—1254, высказывается против Стюртеванта и третирует его как хвастуна и мошенника.

⁶ Henry Stuart, старший сын Якова I, умерший в 1613 г.

⁷ См. *D. Mushet, Papers on iron and steel*, p. 43 и 401; *Percy, Iron and steel*, p. 884—885.

⁸ В сочинении, озаглавленном: *Metallum Martis, or iron made with pit-coal, sea-coal. etc., and with the same fuel to melt and fine imperfect metals, and refine perfect metals* (1665).

ный сын графа Эдварда Додлея, он тотчас же по окончании Оксфордского университета был поставлен во главе металлургических заводов, которыми отец его владел в Пенснетском лесу в Вустершире. Там именно он предпринял в 1619 г. свои первые опыты: «Дрова и древесный уголь становились редкими, а между тем в непосредственной близости от доменной печи находили в большом количестве каменный уголь. Это обстоятельство побудило меня видоизменить устройство горна, чтобы попробовать положить туда каменный уголь... Успех, достигнутый мною при первом же опыте, поощрил меня... После второго опыта я убедился, что металл, получаемый по моему новому способу, был хорошего качества. Количество оставляло кое-чего желать, так как не превосходило 3 т в неделю, но я не сомневался, что мне удастся усовершенствовать свое изобретение...»¹. Он представил королю Якову I образцы, которые были признаны «хорошим полосовым железом», и так как привилегия Стюртеванта и Ровензона потеряла силу, то он имел возможность тотчас же взять патент на имя своего отца, лорда Додлея².

Мы не будем прослеживать здесь подробно всех превратностей его бурной жизни. Ему пришлось испытать все обычные неудачи изобретателей. Доменные печи, построенные им близ Стоурбриджа, в районе Бирмингема, были снесены наводнением³. Устроившись затем в Седжлее, в графстве Стаффорд, он возбудил против себя зависть других заводчиков, которые натравили на него своих рабочих; завод его подвергся нападению и был разгромлен⁴. Среди всех этих невзгод он пользовался, однако, благоволением короля Карла I, который согласился даже возобновить в 1638 г. его привилегию⁵. Но почти тотчас же вспыхнула гражданская война. Додлей, пылкий роялист, бросил свои заводы, чтобы поступить в кавалерию принца Руперта. Он отличился в ней своей храбростью и дослужился до чина полковника. Когда война кончилась поражением и казнью короля, то Додлей увидел себя разоренным, одиноким и под подозрением⁶. О том, чтобы защищать свою привилегию, Додлей и помышлять не мог: он согласился даже помочь, — не выдавая им, однако, своего секрета, — некоторым из тех, которые пытались при помощи методов, более или менее сходных с его способом, получить те же результаты. К числу их принадлежал, прежде всего, некий капитан Бэк (Buck), который в компании с Эдвардом Дэгнеем, «изобретательным стеклоделом», устроил завод в Дин-Фэресте; способ их состоял в изолиро-

¹ Metallum Martis, p. 6.

² Этот патент был возобновлен в 1621 г. на 14-летний срок. См. Abridgments of specifications relating to the manufacture of iron and steel, p. 1 (патент № 18).

³ Metallum Martis, p. 13. «В изменной части города Стоурбриджа люди едва спасли свою жизнь, укрывшись в последнем этаже своих домов».

⁴ Ibidem, p. 16.

⁵ «Мой возлюбленный господин, наш святой мученик Карл I—да будет навеки благословенна его память—вселил в меня мужество, даровав мне в четырнадцатом году своего царствования патент, подтверждавший мое исключительное право на плавку железа и изготовление и рафинировку всех металлов с помощью каменного угля и торфа». Metallum Martis, p. VII и 17—18.

⁶ Metallum Martis, p. 17—20. Его заводы были разрушены, третий уже раз, республиканской армией.

вании руды от каменного угля путем помещения ее в горнах огнеупорной глины. Но горны треснули, и опыты, которыми заинтересовался Кромвель, были прерваны¹. Столь же безуспешна была аналогичная попытка, сделанная в 1656 г. Коплеем в окрестностях Бристоля. Додлей устроил для него большого размера меха, «которые один человек мог, не уставая, приводить в движение в продолжение одного или двух часов»². Вопрос стоял на том же месте, когда реставрация вернула Додлею надежду вступить опять во владение своими правами и иметь возможность взяться вновь за свое предприятие.

Ходатайства его были приняты довольно холодно. Тогда он написал и посвятил «почтенному Большому совету его величества» свою книгу, озаглавленную *Metallum Martis*, которая представляет одновременно автобиографию и защиту его изобретения. Автор напоминает здесь о тревоге, давно уже возбуждаемой истреблением лесов, и о законах, тщетно издававшихся с целью остановить это истребление. Предполагаемое им средство не только не повредит развитию металлургии, но, напротив, должно способствовать ему. Он настаивал на многочисленности и богатстве каменноугольных залежей, расположенных часто в непосредственном соседстве с железными рудниками. В качестве примера он приводил край, где сам жил и работал в молодости: вокруг замка Додлей он нашел уголь и руду, напластованные друг на друге, причем рудные жилы выходили почти на поверхность земли, а глубина угольных пластов не достигала и десяти ярдов. И это в области, где металлургические заводы не работали за отсутствием дров³. Поощрение и помощь, которых он требует после стольких жертв, принесенных им, должны принести публике еще больше пользы, чем ему самому: «Поверь мне, читатель, не частный или политический интерес руководит мною, а одно лишь пламенное желание быть полезным *patriae, parentibus et amicis*⁴, как оно подобает честному человеку». Было нечто благородное и трогательное в этом призыве, столь заслуживавшем того, чтобы быть выслушанным, если бы в данном случае соображались только с практическим интересом. Сверх того, испытанная преданность Додлея делу монархии, казалось, должна была снискать ему милость Карла II. Но реставрациям свойственна неблагодарность по отношению к некоторым из своих старых сторонников. К числу последних принадлежал и Додлей. Его выпроводили, и, удрученный этим последним разочарованием, он отказался навсегда от дальнейшей разработки своего изобре-

¹ *Metallum Martis*, p. 21—25. Патент капитана Бэка носит дату 1 марта 1651 г. Ряд предшествующих патентов, из которых часть была выдана в нарушение первой привилегии Додлея, свидетельствует о непрекращавшихся попытках в том же направлении. См. *Abridgments of specifications relating to the manufacture of iron and steel*, p. 2—3.—Однородные попытки имели место почти в то же время во Франции. См. *Parallèle des bois et forests avec les terres à brusler, verbal de l'invention du vray charbon de terre par toute la France* (anonyme, Paris 1671) и *Ch. Lamberville, Oeconomie ou mesnage des terres inutiles propres à brusler et faire charbons de forge* (Paris 1631).

² *Metallum Martis*, p. 26.

³ *Ibidem*, p. I, XV, 2, 9 и 38—39.

⁴ Отечеству, родным и друзьям (*Metallum Martis*, I—II).

тения. Он умер забытый всеми в 1684 г., а вместе с ним сошел в могилу и его секрет.

Хотя в литературе успешность его изысканий оспаривалась¹, однако, можно как будто считать установленным, что он действительно добился выделки чугуна и ковкого железа удовлетворительного качества². Большого количества металла он никогда в один прием не производил: его доменная печь в Askew-Bridge давала около 1635 г. приблизительно 7 т чугуна в неделю. Но себестоимость была зато очень низка: всего 4 ф. ст. тонна, тогда как обычная величина ее составляла 6 или 7 ф. ст.³. Этого одного было достаточно, чтобы вызвать настоящую революцию в металлургической промышленности. Относительно технических приемов, употреблявшихся Додлеем, мы принуждены ограничиться догадками. Весьма вероятно, что, подобно Стюртеванту, он пользовался не сырым углем, а прокаленным, т. е. коксом⁴. Мы знаем, что он ввел некоторые видоизменения в устройство горнов и мехов; быть может, он построил и отражательные печи. Таким образом, его изобретение было довольно сложным; эта сложность отвечала многообразным условиям трудной проблемы. Пункты, на которые направлялись его изыскания, были как раз теми пунктами, которые при новом рассмотрении должны были дать окончательное решение.

После Додлея возобновилась серия безуспешных попыток. Один немец, по фамилии Блауенштейн (по-английски Блюстон) соорудил в 1677 г. близ Венсбери доменную печь, «столь остроумно построенную, что многие предсказывали ему успех»⁵. Это была, собственно говоря, отражательная печь, где пламя, изгибаясь, лизало руду, помещенную совершенно вне очага. Однако насыщенное серными парами пламя портило чугун почти столько же, как непосредственное прикосновение горящего каменного угля⁶. Блауенштейн употреблял каменный уголь, не подвергая его предварительно никакой подготовке. Между тем употребление кокса все более распространялось; в некоторых отраслях промышленности оно стало чем-то совершенно обычным. В особенности отдавали ему предпочтение перед

¹ См. *Cunningham*, *Growth of English industry and commerce*, II, 523.

² Это—мнение Давида Мюшет, *Papers on iron and steel*, p. 43. См. *Percy*, *Iron and steel*, p. 885; *S. Smiles*, *Industrial biography*, p. 59; *L. Beck*, *Geschichte des Eisens*, II, 965.

³ *Metallum Martis*, p. 14 и 15. Он продавал чугун по цене до 12 ф. ст. за тонну.

⁴ Относительно истории кокса см. *Beck*, *ouvr. cité*, II, 1269 и сл.

⁵ *R. Plot*, *Natural history of Staffordshire* (1686), p. 128. Патент, предоставленный Блауенштейну, помечен 25 окт. 1677 г. (№ 198). См. *Abridgments of specifications relating to iron and steel*, p. 3.

⁶ *R. Plot*, *loc. cit.* *J. Becher*, *Närrische Weisheit und weise Narrheit*, p. 34,—уверяет, что Блауенштейн справился с этим затруднением: «Я видел недавно доказательство этого у принца Руперта,—инструмент, сделанный из металла, выплавленного по этому методу, и представляющий все особенности ковкого железа». Но 1) показание Плота позже показания Бехера (1686 и 1683 гг.), и в этом промежутке можно было проверить действительную ценность изобретения; 2) Плот, живший в Англии и писавший историю графства, в котором происходили опыты, должен был собрать более прямые и более полные сведения о них; 3) Бехер, соотечественник Блауенштейна (он не забывает отметить, что тот является немцем), вызывает подозрение в пристрастном к нему отношении.

древесным углем пивовары¹. При помощи кокса производились между 1726 и 1734 гг. злополучные опыты Вильяма Вуда. Этот Вуд был знаменитым в свое время человеком: именно против него Свифт написал со столь же неподражаемой, сколько несправедливой горячностью свои «Письма суконщика». Чеканка билонной монеты для Ирландии, навлекшая на Вуда страстные нападки грозного памфлетиста, была только одним из его многочисленных предприятий. Кроме собственных металлургических заводов и мастерских мелких металлических изделий, он взял еще в аренду эксплуатацию рудников на всем протяжении королевских владений². Привыкши к грандиозным проектам, он мечтал путем обновления техники железоделательной промышленности создать гигантскую монополию в свою пользу.

В 1726 г. он устроился в Уйатгевене, в графстве Кумберленд, и попытался производить чугуны, смешивая размельченную в порошок руду и кокс в отражательной печи³. Результаты были не особенно удовлетворительны, если верить компетентному в этом деле судье — Сведенборгу, который, раньше чем основать новую религию, был ассессором горной коллегии и писал о химии металлов⁴. Тем не менее Вуд уверял, что может или будет скоро в состоянии производить превосходное ковкое железо в неограниченном количестве. Он толковал о займе в 1 млн. ф. ст. и установке сотни доменных печей⁵. В 1728 г. он заключил договор, по которому обязался поставить Королевской горной компании 30 тыс. т полосового железа по цене от 11 до 12 ф. ст. за тонну⁶. Он не взял бы на себя, конечно, таких обязательств, если бы не считал себя совсем близким к цели. Однако он напрасно учел таким образом будущее. Когда в 1729 г. им было возбуждено ходатайство о грамоте на монополию, которая, быть может, дала бы ему возможность выпутаться из трудного положения путем выкупа существующих доменных печей, то от него потребовали, чтобы он немедленно представил доказательства своего изобретения. Насмешки и брань посыпались на него градом. Его обвиняли в мошенничестве; утверждали, что железо, которое он показывал экспертам, было выплавлено на древесном угле, а то, которое он получил при помощи своего чудесного способа, было не более как черным чугуном, грубым и ломким; испытывавшие его кузнецы заявляли все в один

¹ «У пивоваров есть способ прокалывать каменный уголь совершенно так, как обугливают дерево... Приготовленный таким образом уголь называют коксом (соак): он дает почти столько же тепла, как древесный уголь, и может заменять его почти во всех случаях, кроме того, однако, случая, когда требуется выплавливать и фришевать железо». *R. Plot, Natural history of Staffordshire* (1686).

² *The present state of Mr. Wood's mine partnership* (1720); *A. Anderson, Historical and chronological deduction of the origin of commerce*, III, 124.

³ Патент от 18 сентября 1728 г. (№ 502). См. *Abridgments of specifications relating to iron and steel*, p. 5—6.

⁴ «Tentamen novum Angliae venam ferri fundendi in caminis reverberii per carbonem lapideum sive fossilem». *Regnum subterraneum: de Ferro. Oeuvres*, III, 160—162.

⁵ *To all lovers of art and ingenuity*, p. 2; *A letter from a merchant at Whitehaven to his friend in London*, p. 3.

⁶ *A letter from a merchant*, p. 2. Цена железа из Бильбао на лондонском рынке доходила до 15½ шилл. за центнер, цена шведского железа — до 16½ шилл. *Thorold Rogers, Hist. of agriculture and prices in England*, VII, 387.

голос, что не стали бы употреблять его, если бы даже им дали его даром. В публику были пущены подложные проспекты, где, на основании этих хороших результатов, ее приглашали подписываться на сказочно большие суммы: «в уплату будут приниматься даже ирландские пенсы м-ра Вуда»¹. Испытание перед свидетелями, которому принужден был покориться Вуд, довершило его фиаско². Это не помешало некоему Вильяму Фаллоуфильду шумно возвестить в том же 1731 г. об аналогичном изобретении³, будто бы сделанном им,— настолько велико было общее желание найти решение проблемы, от которого зависело самое существование английской металлургии.

Одна семья или, лучше сказать, династия железозаводчиков, Дерби (Derby) из Кольбрукделя, нашла, наконец, то, что раньше угадал, повидимому, один лишь Додлей. Изобретение приписывалось обыкновенно деду, первому Аврааму Дерби, умершему в 1717 г.⁴ Это был квакер, сын фермера, занимавшийся сначала ремеслом строителя мельниц, а затем производством чугунной посуды. Во время путешествия, совершенного им в 1704 г., он наблюдал приемы голландских литейщиков; он первый в Англии стал употреблять формы из влажного песка вместо старых глиняных форм, которые от жара деформировались и разбивались⁵. В 1709 г. он обосновался в Кольбрукделе, недалеко от Вольвергемптона на границе того района средней Англии, который является по преимуществу страной металлургических изобретений, подобно тому, как Ланкашир есть страна изобретений текстильных. Долина Кольдбрука, небольшого левого притока реки Северн, была старинным центром металлургических заводов, почти брошенным, несмотря на то, что окрестности были еще очень богаты лесом; поблизости имелись значительные залежи каменного угля. Понял ли Дерби сразу все выгоды этого положения? Не подлежит сомнению, что он попытался использовать его. В его Memorandum Book имеется страница, помеченная 1713 г., свидетельствующая о том, что он пробовал употреблять для поддержания огня в своей доменной печи смесь из кокса, торфа и угольной пыли⁶. Но ничто не доказывает, что он довел опыты до конца: если бы он добился успеха, то нельзя было бы объяснить себе продолжительные и трудные изыскания его сына.

Второй Авраам Дерби, который в момент смерти своего отца был еще совсем молод, стал управлять заводом в Кольбрукделе лишь с 1730 г. За двадцать лет округ обезлесился, и надвигалась опасность остаться скоро без топлива. Дерби принялся за дело с энергией,

¹ A letter from a merchant in Whitehaven to an iron master in the South of England; An account of Mr. Wood's iron made with pulverized ore and pit coal; Beware of bubbles. Все эти брошюры объединены в Британском музее под № 816 m. 13.

² Gentleman's Magazine, 1731, p. 187 и 219.

³ Mr. William Fallowfield's proposal for making iron with peat, at ten pounds a tun, in pursuance of a patent granted to him by his late Majesty (1731).

⁴ H. Scrivenor, Hist. of the iron trade, p. 56; L. Beck, Geschichte des Eisens, III, 160—161.

⁵ S. Smiles, Industrial Biography, p. 81.

⁶ Этот текст оспаривается Смайльсом; *ouv. cité*, p. 83—84 и Л. Бекком; *ouv. cité*, p. 161.

превосходившей, однако, его компетентность. Сначала он возымел было мысль смешивать каменный уголь с древесным, но должен был отказаться от этого. Тогда он вернулся к работам, начатым его отцом: он занялся усовершенствованием приемов приготовления кокса, увеличением силы воздуходувок; чтобы помешать порче металла во время процесса плавки, он придумал подмешивать к руде негашеную известь и другие химические реагенты¹. Наконец, в 1735 г. он достиг столь долго преследуемой цели: «Он оставался сам возле доменной печи в продолжение шести дней и шести ночей, почти без сна, принимая пищу тут же рядом с колошником. Вечером шестого дня, после более чем одного разочарования, опыт удался, и выпуск металла произошел как нельзя лучше. Тогда Дерби уснул тут же у порога топливника так крепко, что рабочие не могли его добудиться и отнесли его домой, за четверть мили от завода»².

История этого важного изобретения представляет более чем одну черту сходства с историей текстильных изобретений. В обоих случаях преобразование техники стало необходимым вследствие экономического кризиса. И кризис этот был вызван нарушением равновесия между различными отраслями промышленности. Сравнительно бойкая деятельность мелких мастерских Шеффилда и Бирмингема, нуждавшихся в сырье; остановка роста или, вернее сказать, упадок горной и металлургической промышленности, которая не в состоянии была поставлять им больше этого сырья, — таковы были причины движения, решающий этап которого составляет изобретение Авраама Дерби. Что касается его последствий, то их можно было уже предугадать, по крайней мере, поскольку речь идет об Англии. «Природа дала нам сокровища железа и каменного угля. Ископаемый уголь столь же обилен и так же дешев близ наших железоделательных заводов, как древесный уголь в Швеции и России»³. Неразрывный отныне союз между каменным углем и железом открывал для английской металлургии блестящую будущность.

III

После изобретения прядильной дженни ручные ткацкие станки не могли больше справиться с работой. Точно так же, когда благо-

¹ *Percy*, Iron and steel, p. 888.

² *Ibidem*. Первое публичное упоминание об этом изобретении было сделано в 1747 г. в Королевском обществе (сообщение проф. Мазона из Кембриджского университета): «Несколько раз пытались употребить каменный уголь для плавки железной руды, и я не верю, чтобы когда-либо добились при этом успеха... Следует сделать исключение для Мистера Форд из Кольбрукделя в Шропшире: из местной железной руды и местного каменного угля он производит по желанию ломкий чугун и чугун ковкий. Пушки, изготовленные с помощью этого метода, оказались из такого ковкого металла, что его можно сверлить и обрабатывать на токарном станке, как ковкое железо». *Philosophical transactions of the Royal Society*, XLIV, 305. Форд был зятем и компаньоном Авраама Дерби. Согласно Мак Куллоху (*Literature of political economy*, p. 238), новый способ стал действительно известным и общеупотребительным только около 1780 г. Жалобы на недостаток горючего продолжали раздаваться еще долго после того, как изобретение сделало их беспочвенными. См. *The State of the trade and manufactory of iron in Great Britain considered* (1750).

³ *Postlethwayte*, Considerations on the making of bar iron with pit or peat-coal fire (1747), p. 5.

даря употреблению каменного угля стало возможным производить чугун в большом количестве, возникла новая задача: как превратить этот чугун в ковкое железо? Способ очистки в кричных горнах позволял оперировать только над небольшими количествами¹. Сверх того, — и в этом заключалась главная трудность, — он требовал исключительного употребления древесного угля. Таким образом, в то время как производство чугуна быстро возрастало, производство полосового железа было ограничено. В результате получалось своего рода хроническое переполнение промышленности, которое должно было озабочивать металлургических заводчиков². Для устранения его представлялся только один путь: завершить дело, начатое Авраамом Дерби, и добиться того, чтобы каменный уголь употреблялся для передела чугуна в железо, подобно тому, как его употребляли для обработки руды.

Период поисков был сравнительно короток. В 1762 г. Джон Робек, основатель карронских железоделательных заводов, получил обнадеживающие результаты. Это был толковый, образованный человек, изучавший одновременно химию и медицину в Эдинбурге и Лейдене³. Насколько мы можем судить, его изобретение было довольно близко к пудлингованию в том виде, как оно практикуется теперь⁴. Чего ему нехватало для полного успеха, — этого мы не знаем. Надо полагать, что получаемый металл не был достаточно чист и не мог бы выдержать опасной конкуренции русского и шведского железа. Аналогичный способ был найден в 1766 г. двумя кольбрукдельскими рабочими, Томасом и Джорджем Кранедж. При содействии своего хозяина Ричарда Рейнольдса, зятя второго Дерби, они построили отражательную печь, сходную с печью, которую столетием раньше поставил недалеко отсюда Блауенштейн⁵. Их опыты, как и опыты Робека, дали полу-успех. Понимали ли они вполне характер операции, которую надлежало выполнить? Вряд ли, ибо присутствие углерода в чугуне и обезуглероживание, путем которого из чугуна

¹ Очистка в кричных горнах практиковалась прямо на рудах, богатых железом; она происходила в результате плавки в тигле, помещенном в уровень с землей, под воздействием воздухоудвки. См. *L. Beck, Geschichte des Eisens*, III, 113—131, и *Ledebur, Manuel de la métallurgie du fer* (фр. пер.), II, 335 и сл.

² Некоторые искали решения вопроса за границей, особенно в Швеции. См. относительно путешествия Самюэля Гарбетта из Бирмингема в 1763 г. документы, цитированные в *Calendar of Home Office Papers, 1760—1765*, № 1359.

³ Относительно Робека см. прекрасную заметку в *Dictionary of National Biography*, XLIX, 93—95, и *Jardine, Account of John Roebuck, Transactions of the Royal Society of Edinburgh*, IV, 65 и сл.

⁴ Патент от 25 октября 1762 г. (№ 780): «Чугун в болванках плавится в горне, разогреваемом небольшим количеством каменного угля, под воздействием струи воздуха, и металл подвергается такой обработке, пока не будет доведен до своего натурального состояния. Тогда он извлекается из огня, размельчается и затем подвергается действию передельного огня, поддерживаемого каменным углем, пока не образуется крица, которую и бьют молотом так, чтобы превратить ее в железный брус». *Abridgments of specifications relating to the manufactures of iron and steel*, p. 9.

⁵ Патент от 17 июня 1766 г. (№ 851). Отражательные печи были многочисленны в Швеции, где их употребляли в особенности для накаливания докрасна полосового железа, перед тем как проковывать его во второй или третий раз. См. бумаги *Josiah Wedgwood* в Британском музее, *Additional MSS*, 28311, p. 9.

выделяется чистое железо, суть понятия высоко современные, а в каком состоянии находилась химия до Пристлея и Лавуазье, это нам достаточно известно.

Еще раз практика, под давлением экономической необходимости, опередила теорию. Одним из стимулов для изысканий, предпринятых в нескольких местах сразу¹, была высокая цена ввозимого из России и Швеции полосового железа², без которого нельзя было, однако, обойтись, пока английское производство оставалось недостаточным. Пудлингование было изобретено с интервалом в два месяца в южном Уэльсе и в Фонтлее, близ Портсмута. Оба изобретателя не знали друг друга, и судьбы их тоже были совершенно различны: Петр Оньонс³ (Onions), заводский мастер в Мертир-Тидвиле, остался неизвестным; Генри Корт⁴, поставщик адмиралтейства, находившийся в сношениях с высокопоставленными лицами, имел возможность тотчас же распространить сведения о своем способе и предпринять коммерческую эксплуатацию его. Если заслуга изобретения не принадлежит ему одному, то во всяком случае он играл главную роль в преобразовании промышленности, которое было следствием изобретения.

Здесь уместно будет дать краткое описание процесса пудлингования⁵. Чугун, содержащий в себе нечистые примеси, разбивается сначала на куски и прогревается на коксовом огне, вследствие чего он теряет часть своего углерода. Затем его помещают в пламенную или отражательную печь вместе со шлаками, богатыми окислами железа; как только чугун начинает плавиться, содержимый еще им углерод вступает в соединение с кислородом; чтобы содействовать этому соединению, жидкую металлическую ванну крепко перемешивают при помощи крюка или кочерги. Скоро происходит своего рода кипение, с характерным синим пламенем, вследствие сгорания окиси углерода. Раскаленную добела массу продолжают вымешивать, увеличивая или уменьшая временами интенсивность огня; мало-помалу чистый металл собирается в губчатую *крицу*. Эту крицу вытаскивают, кладут под молот, который выжимает из нее шлаки, и, наконец, прокатывают в вальцах. Употребление прокатных вальцов было наиболее оригинальной, быть может, особенностью изобретения Корта: оно чрезвычайно сокращало трудную операцию обработки

¹ Назовем для памяти изыскания Джона Кокшетт (1771), см. *Abridgments of specifications relating to the manufactures of iron and steel*, p. 13.

² С 1770 г. произошло сильное повышение цен (см. Townsend Warner в *Social England*, V, 465). Последние достоверные цифры, собранные Т. Роджерсом, относятся к 1763 г. Стокгольм—от 17 до 22 ф. ст. и Готебург—17 ф. ст. за тонну (*Hist. of agriculture and prices*, VII, 389. По данным Скрайвнора, тонна орегрундского железа стоила в 1791 г. 24 ф. ст. (*Hist. of the iron trade*, p. 93).

³ Патент от 7 мая 1783 г. (№ 1398), *Abridgments* p. 19.

⁴ Патент от 13 февраля 1784 г. (№ 1420), *Abridgments*, p. 21.

⁵ Элементы этого описания мы заимствуем у Боннара, *Mémoire sur les moyens employés en Angleterre pour le traitement du fer par le moyen de la houille*, *Journ. des Mines*, XVII, 270 и сл. (г. XIII). Мы оставили, конечно, совершенно в стороне новейшие усовершенствования, упомянутые в таких трудах, как *Manuel Ледсбюра*.

молотом и позволяло производить быстро и в больших количествах¹. Таков чисто эмпирический по происхождению способ, по которому были изготовлены с 1784 г. сотни миллионов тонн железа; открытия XIX в., давшие его научное объяснение, в общем итоге мало изменили его².

Практический успех был немедленный. Первые же образцы пудлингового железа, представленные на испытание экспертам флота, были признаны «равными или более высокими по качеству, чем лучшее железо Орегрунда»³. Джемс Уатт, принявший Корта в Сохо в 1782 г.⁴, тотчас увидел важнейшее значение изобретения и написал по этому поводу своему земляку, химику Джозефу Блеку из Глазго⁵. Владельцы крупных железоделательных заводов, устроенных с некоторого времени в средней Англии и Уэльсе, отнеслись к изобретению сначала с недоверием. «Корт встречает недостойное к себе отношение со стороны делового мира,—писал Уатт,—все они—ослы и невежды». Но вскоре они сами явились к изобретателю с предложением вступить с ними в переговоры насчет эксплуатации его привилегии. Результаты превзошли все их ожидания: в Сайфарте, на заводе Ричарда Кроушея, производство полосового железа поднялось с десяти тонн в неделю до двухсот тонн⁶. Выговоренная Кортом плата за право пользования его изобретением составляла 10 шилл. с тонны⁷; если бы договоры, заключенные между 1786 и 1789 гг., были честно выполнены, то сумма, причитавшаяся изобретателю за время законного действия его привилегии, составила бы 250 тыс. ф. ст.⁸.

Но в тот самый момент, когда перед Кортом раскрывалась блестящая будущность, ожидающая его предприятие, на него внезапно обрушилась беда. Для расширения своих металлургических заводов в Фонтлее, он занял деньги у одного чиновника адмиралтейства,

¹ Письмо Raby de Llanelly Coningsby Cort от 20 июня 1812 г.: «Идея производить полосовое железо большими количествами, пропуская его после пудлингования между желобчатыми вальцами, вместо того чтобы обрабатывать его молотом, была совершенно новой и оригинальной». *Th. Webster, Memoir of Henry Cort, Mechanics' Magazine*, нов. сер. II, 53. Петиция сыновей Корта в палату общин в 1812 г., *Journ. of the House of Commons*, LXVII, 77.

² Усовершенствование, последовавшее почти немедленно, состояло в том, что на дно пудлинговых печей стали помещать подвижные железные прокладки, позволяющие в любой момент извлекать металл из печей. Патент Роберта Гарднера, № 1642.

³ Испытания были произведены в Портсмуте, Плимуте, Вульвиче и Ширнессе. См. *Th. Webster, ouvr. cité*, p. 85.

⁴ Письмо Уатта Больтону от 14 декабря 1782 г.: «Нас посетил сегодня некий мистер Корт из Госпорта: у него там железоделательные заводы, и он, как говорит, открыл большой секрет в производстве железа, благодаря которому он может доставлять двойное количество его за прежнее время и за прежнюю цену. Он говорит, что ему нужна машина, но не мог объяснить мне, какая именно; он просит, чтобы один из нас двоих посетил его, и, кажется, писал вам по этому поводу. У него вид честного, бесхитростного человека». *Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 327.

⁵ Письмо от 6 июня 1784 г., цитируемое Вебстером, p. 52.

⁶ *Th. Webster, ouvr. cité*, p. 118.

⁷ Следовательно, от 2½ до 3% с фабричной цены, составлявшей около 18 ф. ст. за тонну *D. Mushet, Papers on iron and steel*, p. 39.

⁸ *Th. Webster, ouvr. cité*, p. 385.

Адама Желлико, казначея военного флота¹, сын которого был его компаньоном с 1775 г. В августе 1789 г. этот Желлико скоропостижно скончался, распространился слух, что он лишил себя жизни из страха судебного преследования, так как он растратил часть доверенных ему казенных сумм. Казна наложила руку на наследство умершего, в том числе на долговые обязательства третьих лиц по отношению к нему; все имущество Корта попало в эту массу. Даже его патент был конфискован или продан, и железозаводчики, его должники, воспользовались этим обстоятельством, чтобы не заплатить ему срочных взносов за право пользования его изобретением². Это означало конец его промышленной карьеры; совершенно разоренный, он получил, благодаря протекции Питта, скромную пенсию, которою жил до 1800 г.³ Но судьба его изобретения не была связана с его личной судьбой. Напротив, сделавшись предметом общего пользования, оно приобрело тем большие шансы быстрого распространения, подобно изобретению ватерной машины, после судебного решения, аннулирувавшего патент Аркрайта. Пудлингование стало скоро обычным способом производства полосового железа во всей Великобритании⁴. Отныне это производство могло идти нога в ногу с производством чугуна; оба они, воздействуя друг на друга, вступили на путь того гигантского прогресса, конец которого не достигнут еще и теперь, по прошествии столетия с лишним⁵.

Громадная промышленная роль стали началась лишь гораздо позже, всего каких-нибудь 50 лет тому назад. Тем не менее рядом с изобретениями, историю которых мы только что вкратце проследили, необходимо отметить изобретение литой стали, принадлежащее Бенджамину Гентсману (Huntsman). Уже в 1722 г. Реомюру удалось получить сталь, смешивая в тигле ковкое железо с чугуном; но его опыты не имели практических последствий⁶. Гентсман был часовщиком в Донкастере, в графстве Линкольншир, и занимался также немного механикой и хирургией. Пораженный, говорят, трудностями, которые ему приходилось испытывать при доставании чистой стали для выделываемых им часовых пружин⁷, он стал искать

¹ Deputy-paymaster of seamen's wages. См. об этом деле *Th. Webster*, p. 386 и сл. и *F. Espinasse*, *Lancashire worthies*, II, 234—236.

² Среди других—Crawshaw из Cyfartha, сэкономившие на этом 10 тыс. ф. ст. *Percy*, *Iron and steel*, p. 639.

³ В 1811 г. подписка в пользу вдовы его дала 871 ф. ст. 10 шилл.

⁴ Вес пудлингового железа, выделанного на заводах Англии и Шотландии в 1812 г., составил 250 тыс. т. См. петицию сыновей Корта, *Journ. of the House of Commons*, LXVII, 77.

⁵ Сэр Джон Далримпл писал в 1784 г.: «Благодаря этим изобретениям... Великобритания занимает в отношении железодельной промышленности первое место в мире, и они доставляют ей это положение навсегда, по крайней мере до тех пор, пока англичане сохраняют свою свободу и свой дух предприимчивости. Ибо Великобритания—единственная из известных стран, где залежи каменного угля, железной руды и известняка (которые являются главными элементами или сырыми материалами, употребляемыми для производства железа) часто встречаются рядом и поблизости от моря». *Address and proposals of Sir John Dalrymple barton the subject of the coal, tar, and iron branches of trade*, p. 8.

⁶ См. его *Traité sur l'art de convertir le fer en acier et d'adoucir le fer fondu*, Paris, 1722.

⁷ Предание, воспроизведенное S. Smiles в его *Industrial biography*, p. 103.

способов помочь делу. Вероятно изыскания его были уже начаты, когда он покинул в 1740 г. Донкастер, чтобы поселиться близ Шеффилда. Опыты были трудны и продолжительны и привели к желанной цели лишь около 1750 г.¹ Чтобы получить однородный, свободный от изъянов металл, Гентсман плавил его при очень высокой температуре, в герметически закрытых тиглях из огнеупорной глины, вместе с небольшими количествами древесного угля и толченого стекла, в качестве реактивов². Этот способ употребляется еще теперь на многих металлургических заводах, где продолжают выделывать так называемую тигельную сталь.

Гентсман намеревался продавать свою сталь шеффилдским промышленникам. Но эти последние, люди рутины и недоверчивые, отказались покупать ее. Лучший прием он нашел во Франции, но там цех ножевщиков Галламшира, опасаясь заграничной конкуренции, отправился *in corpore* к сэру Джорджу Сэвилю, одному из представителей графства в палате общин, и стал просить его, чтобы он ходатайствовал перед правительством о запрещении вывоза литой стали³. Если бы им удалось достигнуть своей цели, они убили бы злополучное изобретение, которое сначала чуть не нарушило их привычек, а теперь угрожало их интересам. Но сэр Джордж Сэвиль отказал в своем заступничестве; в то же время некоторые бирмингемские промышленники, узнав о работах Гентсмана, пригласили его поселиться близ них⁴; это было бы серьезнейшим ударом благосостоянию Шеффилда. Ножевщики поняли это, наконец, и, скрепя сердце, покорились тому, что должно было принести богатство им и их городу. Их враждебное отношение сменилось теперь корыстным любопытством; Гентсман, не имевший патента на свое изобретение, вынужден был принять тщательные меры предосторожности против шпионства: он работал ночью и держал у себя только рабочих, пользовавшихся его полным доверием. Долго сохранить свой секрет ему не удалось⁵, но превосходного качества его фабриката никто не достиг; марка его получила вскоре известность и стала предметом усиленного спроса во всей Европе. Его предприятие в Аттерклиффе⁶, повидимому, не бывшее особенно значительным, было первым, которому можно дать современное название сталелитейного завода. Дела его пошли хорошо около 1770 г., в тот самый момент, как в тридцати или сорока милях от него начали основываться первые прядильные фабрики⁷.

¹ *B. Huntsman*, *Historique de l'invention de l'acier fondu en 1750*, p. 5—10.

² *Ibidem*. См. *L. Beck*, *Geschichte des Eisens*, III, 272; *F. Le Play*, *Annales des Mines*, IV série, III, 636.

³ *S. Smiles*, *Industrial Biography*, p. 108.

⁴ *B. Huntsman*, *Historique de l'invention de l'acier fondu*, p. 12.

⁵ Один железозаводчик, Самюэль Уокер, ухитрился проникнуть в его мастерскую, переодетый нищим. Шведский путешественник Пролинг перепутал всю эту историю: он приписывает изобретение рабочему кузнецу Вальтеру (*Walter* вместо *Walker*), у которого будто бы позаимствовал его Гентсман. См. *Beck*, *Geschichte des Eisens*, III, 278.

⁶ Теперь предместье Шеффилда.

⁷ Гентсман умер в 1776 г. Он был квакером, как и Дерби: ради пуританской простоты он отказался даже от участия в *Royal Society*. Часто отмечали активность и дух предприимчивости диссидентов.

Параллель между этими двумя отраслями крупной промышленности, развитие которых было почти одновременным, опять как бы напрашивается сама собой. История техники показывает нам скорее их различия, нежели их сходные стороны. Преобразование текстильной промышленности было результатом механических изобретений, преобразование металлургии произошло благодаря изобретениям химическим. Там мы видим машины, функционирование которых заменяет ручной труд; здесь—способы, увеличивающие количество выработки или улучшающие ее качество, без заметного уменьшения роли живого человеческого труда. Оба ряда фактов настолько несхожи в известных отношениях, что действительно затрудняешься проводить между ними параллель: как сравнить изобретение Авраама Дерби с изобретениями Уайатта или Харгривса. А между тем последствия их если не тождественны, то по крайней мере весьма сравнимы между собой. Промышленная революция не поддается резюмированию в одной простой формуле: этому абсолютно противится разнообразие обнимаемых ею фактов, станем ли мы на техническую точку зрения или точку зрения экономическую. Для объяснения ее происхождения недостаточно даже машинного производства, как бы велико ни было иной раз искушение свести к нему всю современную крупную промышленность. Как найти такое определение машинного производства, в которое можно было бы уложить существеннейший факт применения каменного угля к металлургии железа?

Впоследствии машинное производство захватило всю металлургическую промышленность, как и все другие отрасли промышленности, быть может, в большей даже степени, чем какую бы то ни было другую промышленную отрасль. Но в наиболее решительном ее преобразовании машины сыграли лишь второстепенную роль. К тому же употребление их не имело здесь того же характера новизны, как в других областях. Сложившееся уже оборудование скорее приспособилось к новым условиям производства, нежели определило их. Необходимо привести здесь некоторые из этих усовершенствований, явившихся дополнением к более важным изобретениям. Прежде всего были сделаны попытки увеличить силу воздуходувных приборов; это необходимо было, чтобы иметь возможность строить доменные печи больших размеров и использовать все выгодные стороны применения каменного угля. Впервые цилиндрическими мехами стали пользоваться в 1761 г. на Карронском заводе; они состояли из четырех насосов длиной каждый в 21 фут и диаметром в $4\frac{1}{2}$ фута; поршни их приводились в движение поочередно водяным колесом. Устроены они были Смитом, одним из первых профессиональных инженеров, отдавших свои познания на службу промышленности¹. Благодаря

¹ См. *Jardine*, Account of John Roebuck, Transactions of the Royal Society of Edinburgh, IV, 73. Относительно Смита—см. *S. Smiles*, Lives of the engineers, II, 61.

Faujas de St Fond так описывает действие карронских воздуходувок: «Четыре доменных печи в 45 футов высотой днем и ночью поглощают там огромные массы угля и руды; судите после этого о количестве воздуха, необходимом для оживления этих огненных пучин, извергающих каждые шесть часов потоки жидкого железа! Поэтому работа каждой доменной печи поддерживается че-

энергичному и непрерывному дутью, которое они поддерживали, доменная печь, производившая раньше 10 или 12 т чугуна в неделю, могла производить отныне более 40 т¹. Мы упомянули уже выше о прокатных вальцах, которые Корт употребил для обработки железа после пудлингования² и которые заменили собою отчасти гидравлические молоты. Почти в то же время (1782 г.) Уатт устроил для железоделательных заводов Джона Вилькинсона паровой молот; он весил 120 фунтов и делал 150 ударов в минуту³. К давно употреблявшимся машинам для вытягивания в проволоку, разрезывания и придания известной формы металлу, прибавились теперь новые: сверлильные машины для высверливания канала орудий⁴, токарные станки для обточки металлов, главным усовершенствованием которых явился в 1797 г. передвижной суппорт Генри Маудслея⁵. В этом перечне не должны быть опущены также машины более сложные и специальные, вроде машины дляковки гвоздей и машины для нарезывания винтов⁶.

Эти изобретения имели своим результатом не только ускорение работы и достижение экономии в рабочих руках: прежде всего они обеспечивали ту полную точность исполнения, ту абсолютную правильность форм, без которых раньше можно было обходиться, но которые теперь становились необходимыми. Эти машины послужили для производства других машин. Развивая свое собственное оборудование, металлургия способствовала усовершенствованию оборудования всех других отраслей промышленности. Но этот гигантский прогресс, имевший неисчислимы последствия, был возможен только благодаря некоторым изобретениям, предшествовавшим машинному производству и имевшим другой характер: мы разумеем употребление каменного угля в доменных печах, пудлингование и изобретенный Гентсманом способ изготовления стали. Именно они открыли для всего мира эру крупного металлургического производства.

тырмя воздушными насосами крупнейшего калибра; воздух, сжатый в железных цилиндрах, направляется через одну общую трубу на пламя с таким острым свистом и таким жестоким сотрясением, что человек, заранее не предупрежденный, с трудом поборо бы чувство страха. Эти машины для производства ветра, эти своеобразные гигантские меха приводятся в движение действием воды. Такая масса воздуха неизбежно необходима, чтобы поддерживать в состоянии белого каления сорокапятифутовую колонну каменного угля и руды; и эта струя воздуха так быстра и действенна, что вздымает более чем десятифутовые столбы живого, яркого пламени над доменными печами». *Faujus de St Fond, Voyage en Angleterre, en Écosse et dans les îles Hébrides, I, 213.*

¹ *Scrivenor, Hist. of the iron trade, p. 85.*

² Он получил на них патент в 1783 г. (№ 1398), см. *Abridgments, etc., p. 19.*

³ Письма Уатта Больтону от 3 мая, 26 и 28 ноября 1782 г., *Soho MSS.* По словам Thurston'a (*The growth of the steam-engine, p. 111*), Уатт предложил Вилькинсону построить для него вертикальный молот уже в 1777 г.

⁴ Прежде пушки отливались полными, и только запал просверливался с помощью особого коловорота или бурава, приводимого в движение дрелем.

⁵ Относительно Генри Маудслея—см. *S. Smiles, Industrial Biography, p. 198—235.*

⁶ Машины для выделки гвоздей были изобретены Томасом Клиффордом в 1790 г. и С. Генпи в 1796 г. См. *L. Beck, Geschichte des Eisens, III, 447—448.* Первая машина для изготовления винтов была устроена Маудслеем. См. *Smiles, ouv. cité, p. 226.*

IV

Крупное производство, крупные предприятия—эти два термина звучат почти как синонимы. Причиной, помешавшей металлургическим заводчикам в XVI и XVII вв. расширить свою гегемонию над железоделательной промышленностью, были узкие границы, которые ставились производству недостатком горючего материала. Несколько доменных печей, соединенных в одно предприятие, могли быть снабжаемы топливом только при условии правильного лесосеченого хозяйства на обширных лесных пространствах. С исчезновением этого препятствия ничто не мешало больше основанию крупных металлургических заводов; напротив, все как будто способствовало этому. Производить в большом масштабе становилось не только возможным, но и необходимым, и те, которые первыми пошли по этому пути, приобрели сразу такое превосходство над конкурентами, что капиталы их очень быстро выросли.

Первым примером сказанного является семья Дерби. В 1750 г. кольбрукдельские заводы были еще единственными заводами, где пользование каменным углем стало обычным¹. Размеры их были уже настолько значительны, что речка, на берегу которой их построили, оказалась теперь недостаточной для приведения в действие их воздуходувок; пришлось создать при помощи воздушного насоса искусственное падение воды, которым вращалось колесо-двигатель, имевшее 24 фута в диаметре². В соседних местностях были построены одна за другой новые доменные печи³. Хорстгэевская домна производила уже в 1754 г. от 20 до 22 т чугуна в неделю⁴. Ричард Рейнольдс, взявший на себя в 1763 г. управление делами фирмы, был крупным промышленником в полном смысле этого слова. Он имел склады в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле, в Трюро (гр. Корнваллис)⁵. В 1784 г. он владел вокруг Кольбрукделя восемью доменными печами и девятью железоделательными заводами. Чтобы перевозить тяжелые вагоны, нагруженные каменным углем и рудой, с одного конца этого большого владения на другой, он отлил и уложил чугунные рельсы общим протяжением в двадцать миль⁶. Производство всего предприя-

¹ Автор появившейся в 1750 г. брошюры под заглавием: «The state of the trade and manufactory of iron in Great Britain considered» жалуется на недостаток и дороговизну дров и ни слова не говорит об употреблении каменного угля.

² L. Beck, *Geschichte des Eisens*, III, 363.

³ A. Horsehay, Ketley, Madeley Wood, Dunnington Wood.

⁴ J. Phillips, *General history of inland navigation*, p. 126—127.

⁵ В Truro он продавал главным образом ньюкоменовские насосы для откачки воды в шахтах. См. S. Smiles, *Industrial Biography*, p. 86.

⁶ Ibidem, p. 93. Раньше вместо чугунных рельс употреблялись деревянные, особенно на подъездных путях к ньюкестльским копиям; см. Arthur Young, *North of England*, III, 9: «Дороги, по которым движутся вагонетки от шахт до пристани, являются замечательными сооружениями, так как их пришлось провести через все неровности почвы на протяжении девяти или десяти миль. Движение колес направляется прикрепленными к земле деревянными рельсами, по которым катятся вагонетки; таким образом, одна лошадь может без усилий тащить 50—60 буассо угля». В парламентских документах, относящихся к прорытию каналов, часто упоминается о рельсовых путях, сооружаемых одновременно с проведением судоходных путей и предназначенных служить соединительными ветками. См. *Journ. of the House of Commons*, XXXIV, 604 (соединительная ветка

тия, которое в момент смерти первого Авраама Дерби, немногим превышало 500 или 600 *m* в год, составляло в конце столетия 13 или 14 тыс. *m*¹,—почти три четверти всего производства Англии в тот период, когда каменный уголь еще не заменил древесного угля.

Богатство семьи Дерби было делом трех поколений. Его история в продолжение 80 лет резюмирует историю английской металлургии. Более легкими оказались первые шаги для тех, которые явились позже и потому извлекли пользу из уже приобретенных результатов. Джон Вилькинсон является типом этих людей второго периода,—людей, которые не столько были изобретателями, сколько внимательно относились к изобретениям, умели быстро понять их практическую ценность и реализовать ее в свою пользу. Вот этот Вилькинсон поставил в 1754 г. в Брадлее, недалеко от Вольвергемптона, первую коксовую домну, построенную по образцу печей в Кольбрукделе²; он же купил в 1775 г. первую паровую машину, вышедшую из мастерских Больтона и Уатта³. В 1761 г. он имел только маленькое предприятие в Берсгеме, к юго-востоку от Честера, полученное им в наследство от своего отца Исаака Вилькинсона. Брадлеевские заводы, где он сделал свои первые шаги в качестве мастера, стали его собственностью в 1772 г.; он расширил их, прибавил к ним кирпичный завод и для обслуживания их прорыл ветку к Бирмингемскому каналу⁴. В Брозлее, на реке Северн, где он был соседом Рейнольдса и где им были построены одна за другой пять или шесть доменных печей⁵, ему доставляли каменный уголь копи, составлявшие его собственность и эксплуатируемые им самим. Он был негласным компаньоном литейных заводов в южном Уэльсе и акционером оловянных рудников в Корнваллисе. В Лондоне у него был большой склад с пятью или шестью пристанями на берегу Темзы⁶. Все это вместе составляло настоящее королевство, промышленное государство, которым Вилькинсон энергично и властно правил⁷. Это государство, более значительное и богатое, чем многие итальянские и немецкие княжества, пользовалось кредитом, которому те могли бы позавидовать, и подобно им чеканило свою монету: медные и серебряные жетоны, с изображением Джона Вилькинсона, обращались с 1787 до 1808 г. в нескольких графствах центра и запада. Великий заводчик

между копиями Миддлтона и Эйром), XL, 240 (между Билстоном и Бирмингемом), LVII, 182 (между копиями в Dean-of-Forest и Северном).

¹ Эта цифра является результатом сравнения между «таблицей доменных печей, жгущих кокс, в мае 1790 г.», данной Скривенором в его *Hist. of the iron trade*, p. 359, и статистикой производства железа в 1796 г. *Ibidem*, p. 95—96.

² *A. N. Palmer, John Wilkinson and the old Bersham ironworks*, p. 8.

³ См. гл. IV (Паровая машина). Он сам взял патенты на фабрикацию свинцовых труб (1790, № 1735), на прокатную машину и паровой токарный станок (1792, № 1857), на некоторые усовершенствования в способах выплавки металлов из руд (1794, № 1993).

⁴ *Palmer, ouvr. cité*, p. 16.

⁵ См. *Scrivenor, Hist. of the iron trade*, p. 359.

⁶ *Palmer, ouvr. cité*, p. 18.

⁷ Его властный характер был причиной его неладов с братом Вильямом, который покинул его в 1795 г., чтобы обосноваться в Нанте. *Soho MSS* дают некоторые сведения об этом разрыве между двумя братьями (переписка Уатта и Дж. Вилькинсона в ноябре 1795 г.).

представлен здесь в профиль: несколько грубоватое буржуазное лицо, которое напоминало бы вульгарность Аркрайта, если бы не надменные брови и презрительный рот. Кругом простая надпись: Wilkinson—ironmaster (Вилькинсон—железозаводчик)¹.

Новые металлургические центры возникали везде, где были соединены все три необходимых для этого условия: наличие железа, наличие каменного угля и соседство водных потоков, способных доставлять двигательную силу. Во всех этих отношениях южный Уэльс был привилегированной областью. Но его естественные богатства долго оставались почти неизвестными, а доступ к нему был труден. В 1755 г. некий Антони Бекон получил от лорда Тальбота концессию на все копи и рудники, расположенные на пространстве 40 кв. миль вокруг Мертир-Тидвиля, за ежегодную арендную плату в 200 ф. ст.² Этот Бекон разбогател во время американской войны за независимость благодаря артиллерийским заказам британского правительства. Когда он в 1782 г. оставил дела, у него уже было четыре больших завода, дела которых находились в блестящем состоянии: в Доулэ, в Сайфарте, в Плимуте и Пен-и-Дарране. Из них два наиболее значительных перешли в руки Самюэля Гомфрея и Ричарда Кроушей. Названные лица первые стали практиковать пудлингование железа; они богатели, в то время как Корт разорялся. Кроушей, основатель настоящей династии железозаводчиков³, пользовался такой же известностью, какой пользуется иной крупный промышленник в наше время. Когда он ездил из Лондона в Сайфарт в своем экипаже, запряженном четверкою лошадей, то все население сбегалось посмотреть на человека, которого называли «железным королем», the iron king⁴.

Другим районом, металлургическая деятельность которого начинается в эту эпоху, являются шотландские Lowlands, с их богатою минералами почвою и трудолюбивым смышленным населением. Из шотландских крупных заводов первыми и наиболее знаменитыми были карронские заводы, основанные в 1760 г. Джоном Робекком⁵. Место для них было выбрано очень удачное, на границе центральной

¹ См. фотографические снимки этих жетонов у Пальмера, *Wilkinson and the old Bersham ironworks*, p. 24 и сл. Разные образцы были выпущены в 1787, 1788, 1790, 1791, 1792 и 1793 гг. Жетон 1787 г. имеет на обороте изображение рабочего, кладущего железо под гидравлический молот; жетон 1788 г.—изображение корабля; жетон 1790 г.—изображение женщины, опирающейся на зубчатое колесо и держащей в руке бурав; жетон 1791 г.—изображение сидящего нагого человека поднятым над наковальной молотом; жетон 1792 г.—изображение арфы и надпись «Северный Уэльс»; жетон 1793 г.—изображение женщины с весами в руках и надпись *Mea pecunia* (Мои деньги).—Вилькинсон выпускал также билеты в одну гинею. Напомним, что в эту самую эпоху во Франции также существовали кредитные монеты (*monnaies de confiance*), выпускаемые коммерсантами или промышленниками (среди других монета братьев Моннерон, чеканенная в Англии с помощью Мэттью Больтона).

² *H. Scrivenor, Hist. of the iron trade*, p. 122.

³ Заводы Сайфарета последовательно принадлежали Ричарду Кроушей, его сыну Вильяму, внуку Вильяму и правнуку Роберту Томпсону Кроушей. Последний умер в 1879 г., оставив предприятие в наследство своему сыну.

⁴ *S. Smiles, Industrial Biography*, p. 132.

⁵ Немногие старые домны, построенные между 1730 и 1760 гг. употребляли древесный уголь. См. *W. Ivison Mac Adam, Notes on the ancient iron industry of Scotland*, p. 89.

равнины и предгорий шотландских Хайлендс, в непосредственной близости от широкого устья р. Форт¹. Каменный уголь имелся в изобилии на месте, и стоимость его сводилась только к издержкам по его добыванию. Когда Робек поселился здесь, он не был уже новичком по части изобретений и предприятий. В Бирмингеме, где он занимался сначала врачебной деятельностью, он вступил в 1747 г. в компанию с Самюэлем Гарбеттом, чтобы заняться вместе с ним промышленной химией. В 1749 г. он устроил в Престонпансе, близ Эдинбурга, завод для производства серной кислоты². Он хотел сделать из Каррона образцовое предприятие и для достижения этой цели заручился содействием самых выдающихся сотрудников. Сначала он принял к себе на службу инженера Смитона, который построил для него цилиндрические меха. Затем он привлек Джемса Уатта, тогда еще никому неизвестного; он дал ему средства, чтобы довести до конца свои исследования и взять свой первый патент³. Ошибка его заключалась в том, что он хотел делать слишком много опытов сразу; эксплуатация каменноугольных копей и солеварен, расположенных на землях герцога Гамильтона и взятых им в аренду, оказалась разорительным делом. Он ухлопал на них значительные суммы и, в конце концов, в 1773 г. обанкротился⁴. Но карронское предприятие, проданное компании английских и шотландских капиталистов (The Carron Company) не переставало процветать⁵. Паи, на которые подписались вначале негласные компаньоны Робека, ограничивались общей суммой в 12 тыс. ф. ст.; сумма эта возросла скоро до 130 тыс. ф. ст., а затем до 150 тыс. ф. ст.⁶ Название Каррона обошло всю Европу благодаря его знаменитым пушкам—*каронадам*⁷.

В Йоркшире, вокруг Шеффилда, и в Нортумберленде, вокруг Ньюкестля, также вырастали крупные заводы. В нашем распоряжении имеются заметки Самюэля Уокера, из Ротергема, где он записал главные события своей промышленной карьеры⁸. В 1741 г. он поставил «в старой гвоздарне» маленькую кузницу, где весь рабочий персонал составляли он сам и его брат. Они нашли компаньонов,

¹ Двигательную силу доставлял им небольшой левый приток Форты (Каррон Уотер). *D. Bremner, The industries of Scotland*, p. 42.

² Здесь впервые стали употреблять свинцовые камеры, в которых сгущается сернистый газ. См. *Jardine, Account of John Robuck*, в *Transactions of the Royal Society of Edinburgh*, IV, 69. Цена серной кислоты понизилась на $\frac{3}{4}$.

³ См. гл. IV, с. 273—276.

⁴ *Jardine, ouvr. cité*, p. 75; *S. Smiles, Boulton and Watt*, p. 150—153.

⁵ В 1788 г. его производство составило 4 тыс. т, в 1796 г.—5 620. См. *Scrive-nor, Hist. of the iron trade*, p. 87 и 96.

⁶ *L. Beck, Geschichte des Eisens*, III, 365.

⁷ «Это самый большой в Европе железолитейный завод». *Faujas de St. Fond, Voyage en Angleterre, en Écosse et aux îles Hébrides*, I, 209. Фужа-де-Сент-Фонд описывает каронады, как «огромные короткие пушки с утолщенной казенной частью». *Ibidem*, p. 210. Среди других металлургических предприятий, основанных в Шотландии между 1770 и 1800 гг., следует указать: Devon Ironworks, Clyde Ironworks, и завод Джона Вильсона в Вильсонтауне. См. *Day, The iron and steel industries of Scotland*, p. 34, и *E. Svedenstjerna, Reise durch einen Theil Englands und Schottlands in den Jahren 1802 und 1803*, p. 157.

⁸ *Résumé des opérations de la fonderie installée dans une vieille clouterie de Grennoside, vers le mois de novembre 1741, par Samuel et Aaron Walker*. Изд. *J. Hunter, Hallamshire*, p. 211—212.

внесших немного денег, и в 1746 г. получили возможность устроить свою первую доменную печь. Выведав хитростью секрет Гентсмана, Самюэль Уокер начал выделывать в 1748 г. литую сталь. Это было началом его богатства: стоимость его годового производства, которую он определял в 1747 г. в 900 ф. ст., поднялась в 1750 г. до 2 400, в 1755 г.—до 6 200, в 1760 г.—до 11 тыс. ф. ст. Он имел мастерские не только в Ротергеме, но и во всех соседних местечках; в Хольмсе, в Конисборо, в Масборо, где выстроил для себя княжеский дворец. В 1782 г. он умер, и предприятия перешли к его сыновьям; ротергемские заводы представляли в 1796 г. капитал более чем в 200 тыс. ф. ст.¹

По поводу организации этих крупных предприятий и прав собственности на них возникает вопрос, в какой степени они были единоличными и в какой коллективными? Компания, купившая карронский завод после разорения Робек, не была единственным примером. Товарищества, вроде тех, которые издавна составлялись для эксплуатации копей, создали в различных частях страны металлургические предприятия или же управляли ими. Рассмотрим, однако, состав одного из них. Low Moor Company, купившая в 1788 г. рудники Лоу Мур, недалеко от Лидса, и основавшая в следующем году заводы в Боулинге, состояла вначале из трех компаньонов². Позже число их дошло до шести, но оставалось таким лишь в течение короткого времени. Около 1800 г. риск и выгоды предприятия делили между собой опять всего три человека: ливерпульский негодант Джон Лофтгоуз, брадфордский стряпчий Джон Гарди и протестантский пастор Джозеф Даусон³. Таким образом, при ближайшем рассмотрении, эта «компания» сводится к обычным размерам простого коммерческого товарищества самого старого и заурядного типа. Единственная черта, сближающая ее с нынешними крупными промышленными обществами, это—анонимность ее фирмы. Если бы она называлась, как могла бы, по имени своих компаньонов, то не остановила бы на себе даже внимания. С другой стороны, фирмы, которые были известны под именем их основателя или лица, фактически ими управлявшего, не всегда принадлежали им одним. Для первоначального устройства или перестройки металлургических мастерских требовались значительные капиталы. Чтобы найти их, заводчики обращались за ссудами к денежным людям, причем хороший или плохой оборот в делах этих последних мог оказать непреодолимое отраженное действие на судьбу финансируемых ими предприятий. Читатель припомнит историю Генри Корта, который оказался вовлеченным в злостное банкротство своего кредитора Джеллико. Чаще всего эти финансирующие предприятие лица, будучи сами промышленниками, становились компаньонами в тесном смысле этого слова и принимали деятельное участие в ведении его дел. Робек, Уокер имели нескольких

¹ Ibidem, p. 213.

² *Richard Hird, John Preston et John Garratt, Fortunes made in business*, p. 91—92.

³ Последний—довольно любопытная фигура. Он интересовался прогрессом физических наук и был связан с Пристлеем. Занятый делами больше, чем религией, он выплачивал своим рабочим их заработок в воскресенье утром. Ibidem, p. 94.

компаньонов, Вилькинсон работал долго со своим братом Вильямом, Ричард Рейнольдс—со своим шурином, третьим Авраамом Дерби. Но при всем том мы не выходим здесь из режима индивидуального предпринимательства. Основателями крупных предприятий в металлургической промышленности, как и в промышленности текстильной, были индивидуальные лица, которые вели дело либо в одиночку, либо объединенные в очень маленькие группы.

V

Невысокое положение Англии, поскольку речь идет о производстве железа, превратилось в течение немногих лет в признаваемое всей Европой превосходство. Среди иностранцев, приезжавших в конце XVIII или начале XIX в. в Великобританию с целью изучить здесь приемы новой металлургии, некоторые оставили путевые записки. С восхищением, оправдываемым новизной зрелища, они описывали деятельность посещенных ими центров, их общий вид, как и детали их технической организации. И нарисованная ими картина не отличается существенно,—разумеется, не забывая различия в масштабе,—от картины, которую дал бы нам какой-нибудь путешественник, объезжающий в наши дни большой металлургический округ.

Швед Эрик Сведеншерна посетил в 1802—1803 гг. металлургические заводы Уэльса центральных графств и низменной части Шотландии. Человек сведущий, интеллигентный, умевший наблюдать и расспрашивать, он многое видел, еще больше узнал и вернулся восхищенный. «Вокруг Сванси теснится такое множество медноплавильных заводов, каменноугольных копей, резервуаров, каналов, акредуков и рельсовых путей, что путешественник, по прибытии туда, не знает, в какую сторону ему направить раньше свое внимание»¹. Он едет в Мертир-Тидвиль: «Каких-нибудь двадцать лет тому назад это был незначительный поселок, но находящиеся в нем заводы сделали из него за последнее время одно из интереснейших мест во всей Англии». На протяжении одной шведской полумили он насчитывает выстроившимися в ряд, в узкой долине реки Тафф, 13 доменных печей, из которых каждая производит в среднем 40 т чугуна в неделю². В одном только предприятии Пен-и-Даррана ему показывают рядом три доменных печи, три кричных горна и 25 пудлинговых печей. Механическое оборудование громадно по размерам: в Сайфарте водяное колесо, приводящее в действие меха, имеет 52 фута в диаметре. Везде—паровые машины, среди которых имеются машины в 70 и 80 л. с.³. Каждый завод кажется городом, где толпится занятое делом население; один из них, вместе с относящимися к нему копиями, занимает 900 рабочих. Владельцем его состоит Самюэль Гомфрей, в различных предприятиях которого занято, говорят, около четырех тысяч рабочих⁴.

¹ *Erik, Svedenstjerna, Reise durch einen Theil Englands und Schottlands*, p. 40.

² *Ibidem*, p. 50.

³ *Ibidem*, p. 57.

⁴ *Ibidem*, p. 56. Относительно группы Северна (Кольбрукдель и т. д.) см. p. 68—80. Относительно Ньюкестля—p. 115—117.

С описаниями Сведеншерны, отличающимися всей точностью техника, небезынтересно сравнить менее отчетливые, быть может, но очень живые и подчас живописные картины, которые передают нам менее сведущие зрители. Французский минералог Фожа де Сен-Фон получил в 1796 г. разрешение осмотреть карронские заводы. Он видел мастерские, где изготовлялись знаменитые каронады: «Среди этих военных машин, этих страшных орудий смерти, расположены в подходящих для них местах гигантские подъемные краны, всякого рода вóроты, рычаги, системы блоков, служащие для передвижения множества тяжелых грузов. Их движения, резкий скрип блоков, стук молотов, деятельность рук, сообщающих толчок такому множеству машин,—все это представляет зрелище столь же новое, сколько интересное...¹ Этих следующих одна за другой мастерских так много, что воздух нагрет от них на далеком пространстве, и ночью все блестит огнем и светом, так что, когда замечаешь на некотором расстоянии такие массы пылающего угля с одной стороны, а с другой—снопы огненных языков, вырывающиеся из доменных печей, когда слышишь стук тяжелых молотов, ударяющих по звенящим наковальням, смешанный с резким свистом воздушных насосов, то не знаешь, находишься ли ты у подножья вулкана во время извержения, или же ты каким-нибудь волшебством перенесен ко входу в пещеру, где Вулкан со своими циклопами кует молнию»².

Зрелище этих больших заводов показывало наиболее конкретным и захватывающим образом, какая революция произошла в английской металлургии. Предвидеть ее последствия уже тогда давали возможность новые и разнообразные применения железа. С устранением границ, поставленных их производству³, железо и сталь, при своих исключительных свойствах сцепления и сопротивления, своей способности принимать всевозможные формы и неопределенно долго сохранять их, становились несравненным сырьем для множества отраслей промышленности.

Выше мы видели, что Ричард Рейнольдс уже в 1767 г. заменил чугунными рельсами деревянные рельсы, соединявшие доменные печи и угольные копи Кольбрукделя. Но настоящим предтечей, человеком, который первым предугадал всю будущность, предстоявшую металлургической промышленности, и возвестил о ней своим современникам с своего рода энтузиазмом,—этим человеком был Джон Вилькинсон, «отец железодельной промышленности». Уже до него Исаак Вилькинсон употреблял в Берсгеме меха, подвижные стенки которых были сделаны из железа⁴. Вдохновляясь примером отца, Джон Вилькинсон стал фабриковать сначала железные стулья, затем чаны для пивоваренных и винокуренных заводов, потом—

¹ *Faujas de St Fond, Voyage en Angleterre, en Écosse et aux îles Hébrides*, I, 210—211.

² *Ibidem*, p. 216—217.

³ В 1788 г. производство чугуна в Великобритании составляло 68 тыс. *m*, в 1796 г.—128 тыс. *m*, в 1804 г.—250 тыс. *m*. *Parliamentary Debates*, VII, 81 и 88.

⁴ «Я устал от своих кожаных мехов и решил сделать железные. Все насмеялись надо мной, но я сдержал слово...» *S. Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 212.

чугунные трубы всяких размеров. В 1776 г. был поднят вопрос о постройке моста через Северн, между Брозлеем и Медлеем. Вилькинсон был в этом прямо заинтересован как один из главных шефов промышленности района. Вместе с Дерби из Кольбрукделя, он принадлежал к числу лиц, взявших в свои руки выполнение проекта¹. Вместо того чтобы строить каменный или кирпичный мост, он предложил употребить, по крайней мере для части сооружения², железо—преимущественный продукт района, обогативший его и тем самым сделавший необходимым устройство в нем новых путей сообщения. Идея не была абсолютно новой: она неоднократно высказывалась учеными и инженерами в разных странах³. Но до этого она ни разу не была осуществлена. Вилькинсон и Дерби смело объявили ее практически ценной и решили немедленно испытать ее на деле. Проекты были составлены при содействии архитектора Притчарда из Шрюсбери⁴. Отдельные части остова были отлиты под наблюдением Дерби, завод которого находился в непосредственной близости. Торжественное открытие происходило в 1779 г. Мост, сделанный весь из железа или, вернее, из чугуна, имел только одну арку пролетом в 100 футов и 45 футов вышины до полотна⁵. Это был предмет всеобщего любопытства⁶. Вторым металлический мост был построен в 1796 г. в Сендерленде, над рекою Уир; гораздо более длинный, чем кольбрукдельский, он был достаточно высок, чтобы пропускать морские суда со всеми их мачтами⁷. Третий мост, переброшенный через р. Северн, немного выше Брозлея, ведет свое начало от 1797 г.⁸.

¹ Их имена фигурируют в списке «попечителей» в парламентском акте, разрешавшем постройку моста (16 Geo. III, с. 17). Они вновь оказываются в этом списке, по его изменению в 1777 г. (17 Geo III, с. 12), вместе с именем Френсиса Гомфрей, брата Гомфрей из Пен-и-Дарран.

² На этот счет имелись колебания. Акт 1776 г. говорит, что мост можно построить по усмотрению ответственного за предприятие синдиката «из железного литья, кирпичей, камня или дерева».

³ В начале XVII в. венецианский инженер Фауст Веранцо составил проект висячего моста на металлических цепях и проект бронзового моста. См. *L. Beck, Geschichte des Eisens*, III, 758—759. Некий Калипп представил в 1779 г. консулату г. Лиона проект металлического моста, над которым он, по его словам, работал с 1755 г. в сотрудничестве с лионским ботаником Гуаффоном. Текст проекта, озаглавленный «Одноарочный мост, металлическое сооружение, благородное и простое, новой конструкции, предназначенное для переброски через большую реку без каких-либо опасностей для судоходства», и переписка между лионским консулатом и изобретателем сохранены в муниципальном архиве Лиона (серия Д). Модель моста, который хотел соорудить Калипп, была выставлена в 1779 г. в Академии наук.

⁴ *S. Smiles, Lives of the engineers*, II, 256.

⁵ «Реку переходят по железному мосту в одну арку пролетом в 100 футов и высотой в 45 футов над уровнем воды. Ширина его—8 ярдов, длина—100 ярдов. На этот мост пошло 50 т железа, и весь он составлен из отлитых частей». *Tournée faite en 1788 dans la Grande-Bretagne par un Français parlant la langue anglaise*, p. 100.

⁶ *Rozier, Observations sur la physique, l'histoire naturelle et les arts*, XXXV, 16—19 (1789). (Рассказ М. Прево-Дасье из Женевы.)

⁷ 236 футов в пролете, 108 футов высоты над уровнем воды. См. *Annales des Arts et Manufactures*, II, 166—173.

⁸ См. *S. Smiles, Lives of the engineers*, II, 360. Сведеншерна упоминает об одном железном мосте, построенном в 1796 г. в Лаазане, в Силезии. *Ouvr. cité*, p. 73.

Выгоды этого способа постройки были настолько очевидны, что на применении его основывались уже самые смелые проекты. Когда в 1801 г. возник план построить в Лондоне еще один мост через Темзу, так как старый лондонский мост давно уже стал недостаточным для нужд столицы, то парламентская комиссия, которой поручено было изучить вопрос, выслушала мнения главных металлургов того времени. Они предложили не только построить железный мост, но и сделать его в одну арку пролетом приблизительно в 700 футов¹.

Постройка железного моста не заключала в себе, в конце концов, ничего такого, что переворачивало бы вверх дном общепринятые идеи. Но заставить плавать железные корабли—это казалось вызовом здравому смыслу. Когда вскоре после открытия Брозлеевского моста Вилькинсон впервые заговорил об этом, то все пожимали плечами; его объявили больным новой формой помешательства—манией железа. Твердо веруя в принцип Архимеда, он игнорировал эти разговоры и в июле 1787 г. пустил по Северну судно, построенное из скрепленных болтами листов железа. «Оно отвечает всем моим ожиданиям,—писал он одному приятелю,—и убедило маловерных, которых было 999 из тысячи. В течение одной недели ему будут дивиться, а затем повторится история с колумбовым яйцом»². Первыми судами, построенными по этой модели, были небольшие шаланды грузоподъемностью в 20 т, предназначенные для речного плавания³. Менее удивительной новинкой, заслуживающей, однако, упоминания, было употребление чугуна для производства водопроводных труб. В 1788 г. Вилькинсон выполнил заказ, крупные размеры которого сделали бы его невероятным в глазах предшествующего поколения, а именно—он отлил 16 лье чугунных труб для водоснабжения города Парижа⁴. Неудивительно, если такие результаты все более внушали ему страсть к своей отрасли промышленности и безграничную веру в ее будущее. К концу своей жизни он любил повторять, что железо призвано заменить большинство употреблявшихся тогда материалов, что наступит время, когда везде видны будут железные дома, железные дороги, железные корабли. Когда в 1805 г. он умер, то согласно его последней воле его похоронили в железном гробу⁵.

Одновременно с наступлением царства железа началось царство машин. Могло ли быть возможно одно без другого? Уатт не мог бы построить паровую машину, заказанную ему в 1775 г. Вилькинсоном для Брозлеевских заводов, если бы Вилькинсон не доставил ему сна-

¹ См. Report on the improvements of the port of London (1801). Этот отчет содержит показания Ренни, Уатта, Рейнольдса, Вилькинсона и др.

² Письмо Стокделю от 14 июля 1787 г. у Смайльса в Lives of Boulton and Watt, p. 212—213. Дата «1790 г.», сообщаемая Тоунсендом Варнером (Social England, V, 314), ошибочна.

³ Сведеншерн видел их плавающими по каналам вокруг Бирмингема в 1802 г. Reise durch einen Theil Englands, etc., p. 87

⁴ Macpherson, Annals of Commerce, IV, 176. Эта поставка упоминается в «Examen et débat des comptes tant de l'ancienne que de la nouvelle administration des eaux de Paris à partir de l'origine de cette entreprise jusqu'au 10 Août 1793 (vieux style), par le citoyen G. D. David, liquidateur, ci-devant homme de loi», p. 27 и 92. Archives Nationales, 0¹ 1596.

⁵ Dict. of National Biography, LXI, 273.

чала металлических цилиндров безукоризненной формы, которые тщетно пытались бы изготовить при помощи старых методов,—это многозначительное обстоятельство, в котором ясно проявляется необходимая взаимозависимость этих двух современных друг другу фактов: развития железоделательной промышленности и развития машинного производства. Из всех новых применений железа это последнее является наиболее важным. В старых машинах,—например, в большинстве тех, которые можно видеть на прекрасных гравюрах трактата «De Re Metallica» (1556) Агриколы,—все части, за исключением некоторых пружин, были деревянные¹. Вследствие этого неизбежно получалась известная неровность движений и быстрое изнашивание. Как и следует ожидать, металлическое оборудование начали употреблять раньше всего на железоделательных и чугунолитейных заводах: такие машины, как прокатные вальцы, токарные станки для металлов, гидравлические молоты, могли быть сделаны только из железа и притом из очень твердого железа². Позже появились чугунные колеса, *маховики*, которым их значительный вес и строго геометрическая форма обеспечивали двойное преимущество—большой подгоняющей силы и равномерного, правильного хода. Паровые мельницы, известные под названием Albion Mills и построенные между 1785 и 1788 гг. инженером Джоном Ренни, по планам Уатта, были, говорят, первым крупным предприятием, где все части оборудования—оси, колеса, шестерни, валы—были сделаны из металла³. Но свидетельство французских путешественников, как раз в это время посетивших Англию, позволяет установить, что это не был единичный факт: везде железные машины занимали место деревянных. В прядильнях этот прогресс был осуществлен почти полностью⁴. Таким образом, мы видим, что все сложные явления, совокупности которых предстоит вскоре образовать современную крупную промышленность, как бы сами собою движутся вперед в одном общем направлении. Это движение будет затем объединено и еще более ускорено одной всемогущей силой—силою пара.

¹ Прядильная машина Аркрайта, модель которой можно видеть в Южно-кенсингтонском музее, была также сделана вся из дерева.

² См. патент J. Raïne (№ 505): «Раскаленные докрасна в сводчатом очаге рудной печи, железные полосы проходят меж двух больших металлических валов, поверхность которых умышленно снабжена зазубринами и желобками» (1728).

³ Заметка Джемса Уатта у Робинсона, *Steam and steam-engine*, p. 137.

⁴ «Я восхищался здесь (в хлопкопрядильне в Пейсли), как во всех крупных мануфактурах, которые имел случай видеть в Англии, их искусству обработки железа и чрезвычайной пользе, которая получается от этого для движения, прочности и точности машин. Все зубчатые колеса и вообще все делается из чугуна, но из чугуна чистого и твердого, полирующегося при трении подобно стали и никогда не могущего задержать общее движение. Искусство обработки железа, несомненно, первое из искусств, и нам существенно недостает его. Это—единственное средство умножить наши мануфактуры в большом масштабе и уравнивать нас с англичанами в конкуренции, так как невозможно претендовать на такую конкуренцию, если мы будем продолжать бороться с помощью наших прядилен против этих машин, например, и с помощью деревянных машин против машин из железа». *F. et A. La Rochefoucauld-Liancourt, Voyage aux montagnes*, письмо от 9 мая 1786 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАРОВАЯ МАШИНА

В металлургической промышленности, как и в текстильной, большинство изобретений, результатом которых явилась современная техника, было делом не отвлеченного умозрения, а практической необходимости и неуверенных исканий профессионального опыта. Вместе с паровой машиной на сцену выступает уже наука: за эмпирическим периодом промышленной революции следует ее научный период. В этом обстоятельстве заключается одна из причин исключительного интереса, связанного с изобретением паровой машины: оно входит одинаково и в историю науки и в историю технологии. Но рассмотреть его с этой двойкой точки зрения мы не считаем себя вправе: для такой работы требовалась бы компетентность физика и инженера. Нам приходится ограничиться заимствованием из авторитетных источников тех кратких сведений, какие необходимы для понимания фактов, составляющих прямой предмет нашего исследования. Для нас изобретение паровой машины составляет явление экономического порядка. Какой потребности отвечало оно? Как оно осуществилось практически? Когда оно было введено в различных отраслях промышленности, породив само новую отрасль промышленности? Таковы вопросы, на которые мы можем и должны ответить. Мы располагаем, впрочем, для выполнения этой задачи первоклассными документами: бумаги завода Больтона и Уатта в Сохо, сохраненные в значительной своей части благодаря просвещенным заботам одного крупного английского промышленника, позволяют нам воссоздать промышленную и коммерческую историю паровой машины во время решающего периода ее первых шагов.

I

Применение других движущих сил, кроме мускульной силы человека или животных, составляет одну из существенных особенностей современной крупной промышленности. Без них могли бы существовать машины, но не было бы машинного производства. Производство могло бы развиваться только в сравнительно узких рамках; коротко сказать, расстояние, отделяющее строй мануфактуры от строя фабрики, не было бы пройдено. В самом деле, существование крупных предприятий, первые шаги которых мы проследили выше, находилось в зависимости от пользования одной двигательной силой—силой воды, читатель припомнит характерное название *water-frame*, которое дано было прядильной машине Аркрайта. Древнее водяное колесо, употреблявшееся в течение столетий для размалывания зерна, затем, к концу средних веков—для приведения в действие сукновальных пестов, мехов и кузнечных молотов, питательных или откачивающих насосов,—это колесо приобретает в XVIII в. универсальное значение¹; мы находим его везде, где основывается или преобра-

¹ Следует отметить также некоторые попытки утилизировать силу ветра в подражание голландцам. В 1766 г. в Лаймгоузе, к востоку от Лондона, была

зуется какая-нибудь промышленность. Оно достаточно уже, чтобы приводить в движение мощные или многочисленные машины в одном и том же здании; оно позволяет организовать труд в больших мастерских, где рабочие подчинены той строгой дисциплине, которая составляет необходимое и прямое следствие машинного производства.

Этот период промышленной истории, который можно было бы назвать, в противоположность периоду паровой машины, периодом гидравлического двигателя, был довольно продолжителен. Если ему наступает конец в Англии раньше начала XIX в., то это происходит вследствие нескольких причин, совокупным действием которых объясняется быстрый успех изобретения Уатта. Пользование гидравлическим двигателем принуждало соответственные отрасли промышленности к очень строгой локализации: фабрики могли устраиваться только на берегу обильных и быстрых водных потоков. Это условие имелось налицо у подножья Пеннинской горной цепи, где были возведены первые прядильни, затем—в Уэльсе и в Шотландии, где, как нам уже известно, извлекла отсюда выгоду металлургия¹. Но остальная Великобритания состоит из слегка холмистых равнин, через которые медленно вьются ленивые речки. К этому первому неудобству присоединялось еще другое: даже там, где двигательная сила имела, она часто бывала недостаточной. Системы колес, которые должны были собирать ее и передавать дальше, обуславливали утерю известной ее части, а между тем тогда не имели в своем распоряжении нынешнего ресурса—возможности пополнить недостающую энергию из более или менее отдаленного источника при посредстве электричества. Единственное практическое средство, каким располагали в то время для увеличения количества свободной двигательной силы в данном месте, заключалось в создании искусственного падения воды. Но для этого нужно было поднять раньше воду в резервуар при помощи насоса. Вот тут-то и начинается роль паровой машины.

В самом деле, паровая или «огневая» машина (*fire-engine*), как ее долго называли, первоначально представляла собою не что иное, как насос. Мы только для памяти назовем здесь первые исследования расширения пара: изыскания Соломона де Ко, маркиза Ворчестера и Дениса Папина². Практические применения—я разумею также при-

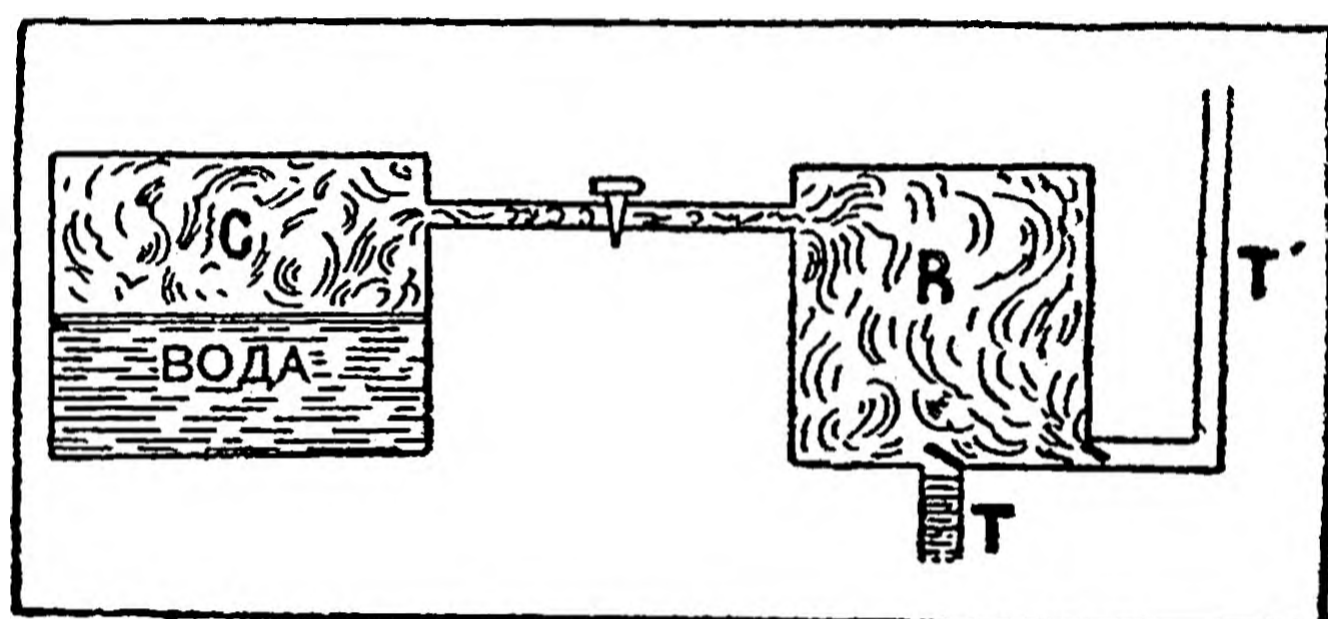
построена механическая лесопильня, приводимая в действие ветряной мельницей. Но она была разрушена в 1768 г. взбунтовавшейся толпой. См: *Journ. of the House of Commons*, XXXII, 160 и 194.

¹ Металлургическую группу Северна можно относить к уэльскому району, с которым геологически связана возвышенность Рекин, к северу от Кольбрук-деля.

² Соломон де Ко первый указал в «*Raisons des forces mouvantes*» Francfort (1615), р. 4, на возможные практические приложения свойств водяного пара и построил машину, напоминавшую эолипил Герона Александрийского. Около 1660 г. маркиз Ворчестер воспользовался давлением пара для поднятия воды в резервуары и устройства водяных фонтанов. Паровой фонтан его изобретения был сооружен в Воксхолле и был удостоен в 1669 г. посещением великого герцога Тосканского, см. *Henry Dircks, The life, times and scientific labours of the second marquis of Worcester*, р. 264 и сл.). Указания, которые дает по этому предмету сам маркиз в своем знаменитом «*Century of inventions*», № 68 и 100, крайне туманны. Папинов котел ведет свое начало от 1682 г.; первые печатные труды

менения, которые не были опытами без продолжения,—начались в действительности только с изобретением Севери. Томас Севери (Savery), офицер английской армии, был родом из Корнваллиса¹. Он мог наблюдать в этом крае, с какими возрастающими трудностями сталкивалась разработка медных рудников: дальше известной глубины становилось почти невозможным откачивать воду, заливавшую галереи; система поставленных друг над другом насосов, к которой приходилось прибегать, обходилась очень дорого и давала незначительные результаты². Именно для замены их Севери изобрел свою машину, модель которой была представлена летом 1698 г. королю Вильгельму III в его замке в Hampton Court³.

Машина эта, хотя и очень простой конструкции, утилизировала две силы сразу: атмосферное давление—для всасывания воды, давление пара—для выталкивания ее. Она состоит в существенных чертах из котла (С) и резервуара (R), которые сообщаются между собой; резервуар снабжен в своей нижней части двумя трубами, одной (Т), направленной вниз, в пространство, откуда вода выкачивается, и другой (Т'), восходящей, которые обе снабжены клапанами: Т—всасывающим, Т'—нагнетательным.

Машина Севери (схематический набросок)

Пар, притекающий из котла, наполняет резервуар; тогда закрывают соединительный кран, а кожух (рубашку) резервуара обливают холодной водой. Вследствие охлаждения пар сгущается, в резервуаре образуется частичная пустота и атмосферное давление заставляет воду подниматься по всасывающей трубе Т. Это—первая часть операции. Вторая заключается в том, чтобы, когда резервуар почти

Папина о паре, как движущей силе, опубликованы в 1690 г. (*Nova methodus ad vires motrices validissimas levi prelio comparandas*, опубликовано в *Acta Eruditorum* в июне 1690 г.).

¹ Thurston *Growth of the steam-engine*, p. 31 и сл.

² В силу элементарного принципа физики, открытого Торричелли в 1640 г., высота водяного столба, поднимаемого всасывающим насосом, ограничивается величиной атмосферного давления: она не может превзойти 10,33 м при давлении в 760 мм ртутного барометра. Чтобы достигнуть глубины в 60 м, приходилось поэтому употреблять шесть насосов, поставленных один над другим; каждый из них выливал свою воду в резервуар, откуда ее выкачивал следующий, верхний, насос. Эта система откачивания была эмпирически известна и применялась в шахтах задолго до открытия Торричелли. См. рисунки в *De Re Metallica* Агриколы.

³ Сообщение в Королевском обществе (14. VI. 1699); см. *Transactions of the Royal Society*, XXI, 228 (с рисунками). Патент от 23 июля 1698 г. (№ 356): «Новое изобретение для подъема воды и приведения в движение всяческих машин движущей силой огня; пользование им будет очень выгодно для осушения шахт, снабжения городов водою и вращения мельниц в местностях, не имеющих текучих вод или правильных ветров». Севери оставил небольшое сочинение под заголовком «*The miner's friend, or an engine to raise water by fire described, and the manner of fixing it in the mines, with an account of the several uses it is applicable unto, and an answer to the objections against it*» (1707). Следует, наконец, отметить современные описания Гарриса, *Lexicon technicum*, слово *Engine*; *Desaguliers*, *Experimental philosophy*, II, 465, и *Leupold*, *Theatrum machinarum hydraulicarum*, III, 302—304.

наполнится водой, вновь пустить в него пар. Последний оказывает, в свою очередь, давление на жидкую массу и гонит ее по нагнетательной трубе (Т'), направленной снизу вверх. Приведенное описание, разумеется, — чисто схематическое, как и сопровождающий его рисунок; в нем умышленно опущены детали. Надо отметить, однако, расположение частей, придававшее машине Севери ее характерную форму: вместо одного резервуара она имела их два равной вместимости, которые наполнялись и опоражнивались поочередно.

По мысли изобретателя, машина эта должна была применяться для множества целей: для осушения болот, для откачивания воды из рудников, для снабжения городов и домов водой, для тушения пожаров, для приведения в действие мельничных колес¹. Она действительно применялась в рудниках: сначала в Корнваллисе, в медных рудниках Хюль Фора, затем в 1706 г. — в Стаффордшире, в каменноугольных копях Бродватера, близ Венсбери². Первым предпринимателям, которые стали пользоваться ею, она доставила, впрочем, неприятности: она гнала воду вверх максимум на 100 футов, а если пробовали усилить давление, то вызывали этим взрыв котла. Бóльшую удачу Севери имел с менее сильными машинами, поставленными в частных домах или садах. Несколько машин его было поставлено около 1712 г. в Лондоне и его окрестностях; среди них надо упомянуть машину в Sion House, купленную лордом Чендос, и машину в Camden House, поднимавшую 52 галлона в минуту на высоту 58 футов³. Другая машина употреблялась компанией, снабжавшей часть города Лондона водой из Темзы, но, повидимому, она не оказала услуг, которых от нее ожидали⁴. Водоподъемная машина Севери была далека от совершенства: функционировала она медленно, а мощность ее была ограничена, она была опасна, далее, своими взрывами котлов, которых не умели предупреждать, так как не располагали ни манометром для измерения давления, ни регулятором, чтобы умерить его. Она была заброшена, как только познакомились с машиной Ньюкомена.

Основная разница между этими двумя изобретениями — разница, с теоретической точки зрения, всецело в пользу Севери —

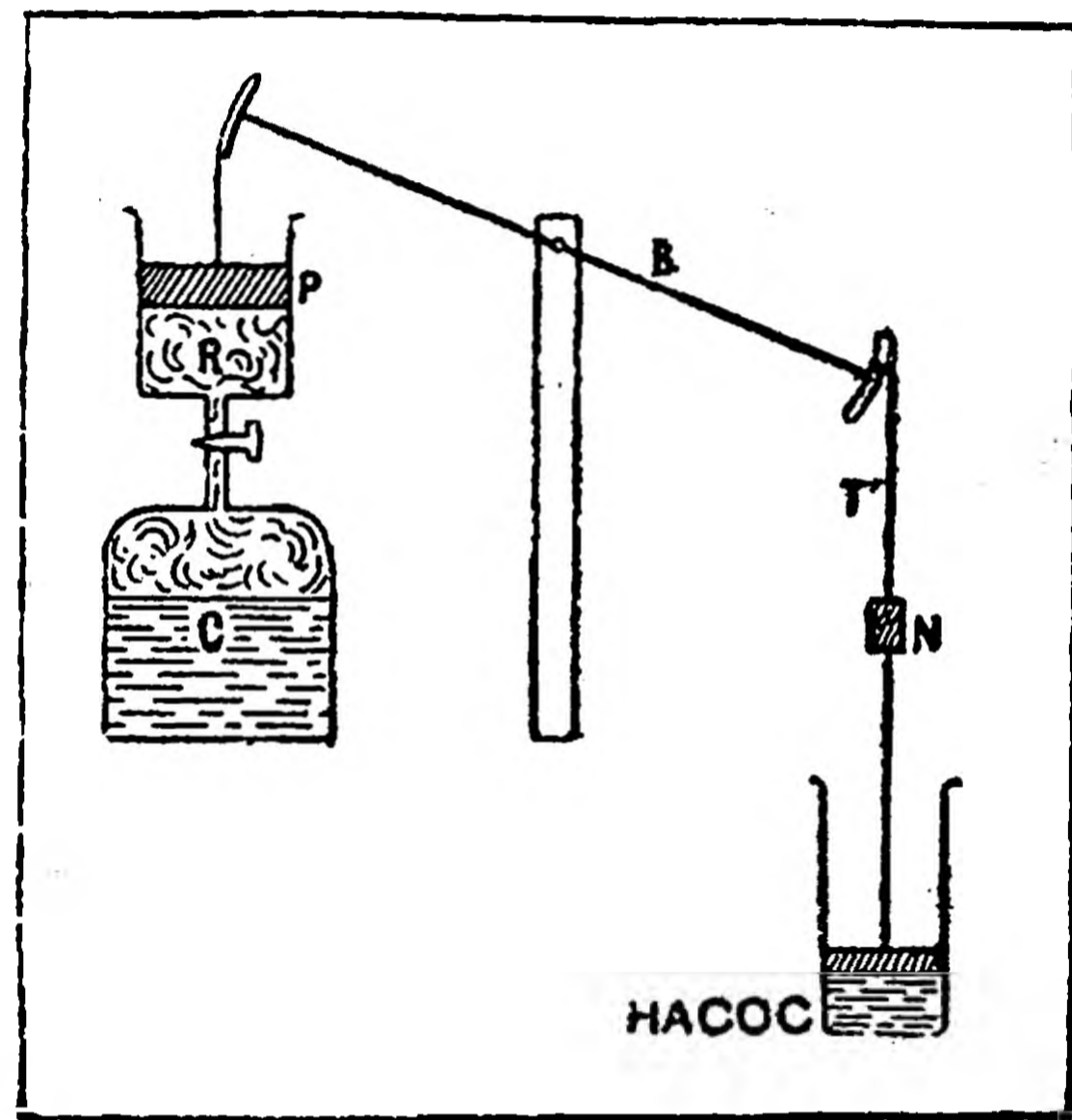
¹ См. патент и *The miner's friend*, p. 22 и сл.

² *S. Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 55—56.

³ *Abridgments of specifications relating to the steam-engine*, I, 32—33.

⁴ Она заменила водяное колесо, помещавшееся под лондонским мостом. См. *Journ. of the House of Commons*, XXIX, 883 и *Abridgments*, I, p. 34. Обслуживание Лондона водою было с XVII в. в руках привилегированных компаний. Впрочем, они много сделали, чтобы оправдать свою монополию. Де Фоё в 1724 г. восхваляет «большое удобство иметь на улицах воду, распределяемую с помощью деревянных труб. Имеются две большие машины для поднятия воды из Темзы: одна — у моста, другая — возле Брокенской набережной. Они поднимают такое количество воды, что могли бы, говорят, снабжать ею весь город до его окраин и все дома до последнего этажа... Впрочем, Новая река, проведенная от реки Уэйр с помощью акведука, продолжает снабжать водою бóльшую часть города. Следует добавить, что компанию обязали вырыть новый бассейн, или резервуар в Ислингтоне на уровне, более высоком, чем природное русло реки. Чтобы поднять воду в этот высоко расположенный бассейн, употребляют большую машину, приводившуюся раньше в движение мельницей с шестью крыльями, а теперь — большим числом непрерывно работающих лошадей». *De Foë, Tour*, II, 150.

заключается в том, что Ньюкомен не применяет давления пара: он пользуется в действительности паром только для того, чтобы путем сгущения его образовать пустоту в корпусе насоса. Наиболее подходящим для его машины названием можно считать название атмосферической машины. Принцип ее следующий. Паровой котел (С) сообщается с цилиндром (R), в котором движется поршень (P). Шток этого поршня соединен с одним из концов балансира (B), качающегося подобно коромыслу весов на цапфе в вертикальной плоскости. С другим концом балансира соединена штанга (Г'), заставляющая работать всасывающий и нагнетательный насосы. В состоянии покоя вес длинной насосной штанги и добавочный груз (N) удерживают балансир в наклонном положении. Чтобы привести машину в движение, охлаждают наполненный паром цилиндр (R) при помощи холодной воды: пар тотчас же сгущается, атмосферное давление заставляет поршень (P) опускаться вниз и через посредство балансира поднимает насосную штангу (Г'). Обратное действие происходит, как только в цилиндр (R) опять впускают пар; так как атмосферное давление перестает действовать, то поршень (P) поднимается, увлекаемый весом насосной штанги и грузом (N). Таким образом достигается правильное движение вверх и вниз, заставляющее работать насос¹.

Машина Ньюкомена (схематический набросок)

Изобретение Ньюкомена было сделано несколькими годами позже изобретения Севери². Ньюкомен был кузнецом и слесарем в Дартмуте (в Девоншире). Он слышал, без сомнения, разговоры о Севери, первые опыты которого происходили недалеко отсюда³. Предание утверждает, что он был знаком с работами Папина и переписывался по этому предмету с одним из знаменитейших ученых своей страны и своего времени, Робертом Гуком, бессменным секретарем Лондонского королевского общества⁴. Вероятно, однако, что изобретение имело более скромное происхождение: человек, с которым Ньюкомен вступил в компанию, чтобы довести его до успешного конца, был, подобно ему самому, ремесленником или мелким производителем,

¹ См. Abridgments of specifications relating to the steam-engine, I, 35. Модель машины Ньюкомена, построенная в 1740 г. физиком Desaguliers, сохраняется в музее King's College, в Лондоне. Другая находится в Victoria and Albert Museum, Machinery and Inventions Division (южная галерея) № 11 (2421) (см. Catalogue of the machinery, models, etc., I, 11).

² В 1705 или 1706 г. См. S. Smiles, Lives of Boulton and Watt, p.63; L. Beck, Geschichte des Eisens, III, 91.

³ В Модбери, близ Плимута.

⁴ Робисон в статье Steam-engine в Encyclopaedia Britannica (4 изд. 1810) поддерживает своим авторитетом это предание, не подтверждаемое никакими документами. Во всяком случае Ньюкомен совсем не был ученым. Вот что говорит о нем и его компаньоне Коллее Desaguliers: «Не будучи ни достаточно философами, чтобы понимать доводы и причины, ни достаточно математиками, чтобы высчитывать пропорции частей машины, они были достаточно счастливыми, чтобы случайно найти то, чего искали». Experimental philosophy, II, 532.

стеклоделом, по имени Джон Коллей (Calley)¹. В том виде, в каком машина вышла из его рук, она была еще очень неуклюжа. В цилиндре, куда поступал пар, поршень не прилегал плотно к стенкам; сгущение пара, получавшееся путем обливания цилиндра холодной водой снаружи, происходило очень неполно; кран для впуска пара приходилось открывать и закрывать рукой семь или восемь раз в минуту. Ряд последовательных усовершенствований устранил отчасти эти дефекты. Сгущение пара было ускорено и сделано более полным путем прямого впрыскивания воды внутрь цилиндра с паром вместо поверхностного его охлаждения. Действие машины было ускорено системой проволок и штанг, соединивших краны для впуска пара и впрыскивания воды с балансиром, благодаря чему попеременное открывание и закрывание их стало производиться вполне автоматически. Впоследствии рассказывали, что это усовершенствование было сделано благодаря лености одного рабочего-подростка, Гемфри Лоттера, на обязанности которого лежало смотреть за машиной Ньюкомена и который придумал этот способ упростить и сократить свою работу². Наконец, опасность взрыва была устранена предохранительным клапаном, который был прибавлен к машине в 1717 г. Генри Бейтоном из Ньюкестля. Около 1720 г. машина была доведена до той практической формы, которую она, за исключением немногих деталей, сохранила затем в течение более чем полувека³.

Уже в 1711 г. образовалась компания для эксплуатации изобретения Ньюкомена⁴. Машины эти получили очень быстрое распространение не только в Англии, но и на континенте⁵. Одна из них, поставленная в Гриффе близ Ковентри, производила столько же работы, сколько 50 лошадей, при издержках в 6 раз меньших⁶. Машина в York Buildings, купленная в 1720 г. компанией по снабжению Лондона водою из Темзы (для замещения машины Севери, которая была признана недостаточной), была уже почтенных размеров: объем котла составлял 450 куб. футов, цилиндр имел 2¹/₂ фута в поперечнике и 9 футов высоты; она потребляла ежегодно на 1 тыс. ф. ст. угля⁷. Изумление современников вряд ли, однако, длилось долго, так как «огневые машины» скоро имелись везде,—не только в коях и руд-

¹ Или Коулей (Cawley). См. *Abridgments*, loc. cit. Согласно *Dict. of National Biography*, это был землевладелец, скотовод (grazier, а не glazier, стекольщик). Статья *Newcomen*, XL, 326.

² См. *Desaguliers*, *ouvr. cité*, II, 481, 533. История с мальчиком Поттером подозрительна; быть может, она была порождена просто игрой слов: buoy (поплавок), boy (мальчик). См. *Dictionary of National Biography*, статья *Newcomen*, XL, 328.

³ См. гравюры в Энциклопедии, т. IV, статья «Hydraulique».

⁴ Она называлась «Компанией собственников изобретения для подъема воды с помощью огня». См. *Abridgments*, I, 36.

⁵ Одна машина Ньюкомена была поставлена в 1722 г. в Касселе в Гессе, другая—в Кенигсберге в Венгрии. *L. Beck, Geschichte des Eisens*, III, 166.

⁶ *Des gulliers*, *ouvr. cité*, II, 470 и сл. (подробное описание с гравюрами). Гравюра 1712 г., изображающая паровую машину, поставленную в окрестностях Додлея; составляет часть личной коллекции Мистера Самюэля Тимминса в Бирмингеме.

⁷ См. описание (с рисунками), данное Иоганном Вейдлером в его *Tractatus de machinis hydraulicis toto terrarum orbe maximis Maryliensi et Londiniensi*, Wittemberg, 1728.

никах, где они за короткое время стали необходимыми¹,—но и на берегу каналов, резервуары и шлюзы которых они питали², равно как в городах, которым они доставляли питьевую воду. В 1767 г. их насчитывали около 70 в одном Ньюкестле и его предместьях³.

Машина Ньюкомена могла бы без коренного изменения стать машиной-двигателем; для этого было бы достаточно соединить ее балансир с передаточным механизмом. В 1758 г. некий Фицджеральд сделал по этому предмету сообщение Королевскому обществу, но идея, хотя и легко осуществимая, не привилась на практике⁴. Находили более простым поднимать воду в резервуар, чтобы затем употреблять ее для вращения колеса. Около середины XVIII в. это сочетание огневого насоса с гидравлической машиной было в употреблении везде. Потеря силы, вызываемая этой смешанной системой, присоединялась к потере тепла вследствие последовательных охлаждений цилиндра-конденсатора. В результате получался расход топлива, не отвечавший достигаемому полезному действию. Неоднократно делались попытки помочь делу, и самые искусные инженеры того времени, Бриндли, Смитон, занимались этой проблемой⁵. Но решение ее было найдено только благодаря знаниям и гению Уатта.

II

Слава, которой окружено имя Джемса Уатта, место, которое Англия и весь цивилизованный мир отвели ему среди своих великих людей, в особенности же долговечность, развитие и результаты его творения,—все это заранее говорит нам, что он принадлежал к другому сорту людей, чем рядовые изобретатели, и преследовал иные цели. Научная любознательность рано проснулась в нем. В доме, где он родился⁶, он мог видеть на стенах портреты Исаака Ньютона и изобретателя логарифмов Непера. Эти портреты принадлежали раньше его деду Томасу Уатту, преподавателю математики⁷. Отец его, архитектор и судостроитель, был умный и образованный человек и занимал в Гриноке должности городского казначея и судьи⁸. Несмотря на свое слабое здоровье, на постоянные и невыносимые головные боли, которыми он страдал всю свою жизнь, Джемс Уатт обнаружил с детства не только заметную склонность, но и настоящую страсть к учению. Его способности к механике проявились уже тогда: имея всего лишь 13 лет от роду, он строил в мастерской своего

¹ См. *A treatise upon coal mines* (1769), p. 100 и сл.

² Иногда один и тот же насос служил и для откачивания воды из рудника и для наполнения канала. См. *Journ. of the House of Commons*, XXXV, 210. В актах, утверждавших концессию на каналы, иногда находим оговорку, обязывающую владельцев рудников, расположенных по линии канала, направлять в канал воду, выкачиваемую из их шахт (см. акт 16 Geo. III, с. 28).

³ *Thurston Hist. of the growth of the steam-engine*, p. 71.

⁴ *Philosophical transactions of the Royal Society*, L, 370 (1758).

⁵ *S. Smiles, Lives of the engineers*, I, 330—333 и II, 73.

⁶ Уатт родился в Гриноке (Шотландии) 19 января 1736 г.

⁷ *S. Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 81.

⁸ *Williamson, Memorials of Watt*, I, 91. Он был также фабрикантом мореходных инструментов: телескопов, компасов, секстантов и т. д. *S. Timmins, James Watt*, p. 4.

отца модели машин¹. Когда ему пришлось выбрать себе профессию, он остановил свой выбор на производстве лабораторных инструментов и отправился в Глазго, чтобы основаться там. Местные власти придирались к нему, так как он не был коренным жителем и не имел прав гражданина, но университет, нуждавшийся в его услугах, взял его под свое покровительство и отвел ему в своем собственном здании мастерскую, где он мог работать беспрепятственно². Здесь он познакомился с некоторыми видными учеными, в особенности с химиком Блэком, лекции которого он слушал как раз тогда, когда тот излагал свою теорию скрытой теплоты³. Робисон, впервые видевший Уатта в 1758 г., когда тому было 22 года, был поражен его познаниями и быстрым соображением: «Я ожидал найти рабочего и встретил философа»⁴. Чтобы иметь возможность читать научные сочинения, выходящие за границей, Уатт основательно изучил три языка—французский, итальянский и немецкий⁵. С тех пор и в течение всей своей жизни он старался быть в курсе всего научного движения и сам участвовал в нескольких важных открытиях: вместе с Блэком, а затем с Робекком он производил изыскания о составе поваренной соли, о плавиковой кислоте, об усовершенствованиях в устройстве барометра и гигрометра; позже он работал, одновременно с Кавендишем и Пристлеем, над анализом воды⁶. При этом его образование, как и его ум, не было образованием узкого специалиста: в своем зрелом возрасте он поражал людей, имевших с ним дело, своими познаниями в области древностей, законодательства, изящных искусств; он читал немецких метафизиков, интересовался поэзией и страстно любил музыку⁷. Его умственный гений питался всем знанием и всей мыслью своего века.

Происхождение его изобретения известно нам из того рассказа, который он сам дал нам о нем⁸. Здесь совершенно нет речи о тех внезапных и скороспелых вдохновениях, которые публика любит приписывать великим людям. Уатт не открыл сразу силы пара, наблюдая, как вода кипит в чайнике. Беседы со своим другом Робисоном привлекли его внимание к давно поставленной проблеме. В 1761 или 1762 г. он начал ряд систематических опытов над давлением пара, пользуясь папиновым котлом. Зимой 1763/64 г. ему пришлось

¹ *Williamson*, *ouvr. cité*, I, 162.

² *S. Timmins*, *ouvr. cité*, p. 5.

³ *A. Ure*, *The cotton manufacture of Great-Britain*, I, 175. Юпу сообщил об этом сам Уатт.

⁴ *Robison*, *Steam and steam-engine*, p. 108.

⁵ *S. Smiles*, *ouvr. cité*, p. 145—146.

⁶ Споры, имевшие место по этому вопросу, хорошо резюмированы в статье «Watt» в *Dictionary of National Biography*, LX, 60. Письма, устанавливающие авторские права Уатта, были опубликованы J. Muirhead'ом (*Correspondence of the late James Watt on the discovery of the composition of water*).

⁷ Заметки об Уатте у *Timmins MSS* (*Free Reference Library* в Бирмингеме. *Soho MSS* содержат много писем Уатта на французском языке. Сведеншерна, посетивший Уатта в 1802 г., видел у него очень хорошую коллекцию минералов, собранных им и расклассифицированных «без претензии на звание минералога». *Svedenstyerna*, *Reise*, p. 89.

⁸ Заметка Уатта, напечатанная у Робисона в его «*Steam and steam-engine*», p. 118—120.

чинить маленькую модель машины Ньюкомена, принадлежавшую Глазговскому университету и служившую для демонстраций на лекциях по физике. Это дало ему повод наблюдать ее функционирование и подвергнуть ее методической критике. Потеря энергии, которая была ее очевидным недостатком, казалась ему зависящей от двух главных причин. С одной стороны, расходовалось много тепла— для восстановления высокой температуры внутри цилиндра после каждого хода поршня, с другой—сгущение пара происходило очень неполно вследствие недостаточного охлаждения. Как устранить это двойное неудобство? Изобретение Уатта есть не что иное, как ответ на этот вопрос, полученный лабораторным путем согласно научному методу.

Предоставим слово самому изобретателю: «Во избежание всякого бесполезного сгущения пара, надо было устроить так, чтобы цилиндр, где пар только что привел в движение поршень, оставался всегда таким же горячим, как самый пар... Для получения желаемой пустоты нужно было, чтобы сгущение происходило в отдельном сосуде, где температура могла бы быть понижаема настолько, насколько это необходимо, без одновременного изменения температуры цилиндра»¹. В этих немногих словах содержится весь принцип *конденсатора*, отдельного отныне от цилиндра, с которым он составлял одно целое в машине Ньюкомена. Это первое усовершенствование повлекло за собой другое, более важное: «Если не хотели быть вынужденными наливать и впредь воду под поршнем, чтобы достигнуть герметического прилегания его к стенкам цилиндра, и если хотели воспрепятствовать охлаждению цилиндра воздухом при опускании поршня, то абсолютно необходимо было употреблять в качестве движущей силы не атмосферное давление, а давление пара»². Таким образом, получается существенное преобразование машины, подобно тому как заключение напрашивается само собой в результате правильно проведенного рассуждения: атмосферическая машина становится паровой машиной.

Следовательно, творение в своих основных чертах ясно намечено. И какими Уатт наметил их около 1764 г., такими же мы находим их в тексте описания, приложенного к его первому патенту от 1769 г.³

¹ *Watt, Ibidem*, предисл., р. IX.

² *Ibidem*.

³ № 913. Патент помечен 5 января, описание—29 апреля. Текст его полностью воспроизведен в акте 1775 г. (15 Geo. III, с. 61), продлившем срок его действия. Вот начало описания: «Мой способ уменьшить в огневых насосах потребление пара, а следовательно, и топлива, основан на следующих принципах: во-первых, сосуд, в котором сила пара должна употребляться для приведения в действие машины и который называется в обыкновенных огневых насосах цилиндром, а у меня носит название парового сосуда (*steam vessel*), должен во все время, пока машина работает, поддерживаться столь же горячим, как и входящий в него пар, что может быть достигнуто: 1) покрывая его деревянной или иной оболочкой из материалов, дурно проводящих теплоту; 2) окружая его паром или другими нагретыми телами; 3) не допуская ни воду, ни какое-либо другое вещество, более холодное, нежели пар, проникать в него или соприкасаться с его стенкой в течение этого времени. Во-вторых, в тех машинах, которые должны быть приводимы в движение при помощи сгущения пара, пар должен быть сгущаем в закрытых сосудах (*vessels*), отдельных от паровых сосудов или цилиндров,

Скромное название, которое он давал своему изобретению, весьма точно указывало его происхождение. В принципе дело шло только об «уменьшении расхода пара и топлива в огневых машинах». Уатт, весьма склонный относиться с недоверием к самому себе, упомянул только мимоходом и как добавочную гипотезу то, что составляет действительно оригинальный и плодотворный результат его изысканий: употребление пара не в качестве вспомогательной силы, не как средства для образования пустоты в корпусе насоса, а как активной силы, рождающей движение¹. Лишь 13 лет спустя, после длинного ряда практических опытов, расширение пара выдвигается на первый план, и принцип атмосферической машины оставляется окончательно.

В нашу задачу не входит излагать здесь все второстепенные изобретения, которыми Уатт дополнил свое главное творение. Одни, как центробежный регулятор или движущийся золотник машины двойного действия, имеют своей целью достигнуть максимума энергии и регулировать расход ее². Другие имеют целью использование этой энергии, приспособление ее к разнообразным практическим работам. На этих последних мы должны остановить свое внимание, так как именно от них зависела в известный момент ее истории промышленная будущность паровой машины. Если бы она осталась только тем, чем она первоначально была, и чем были машины, от которых она ведет свое происхождение, т. е. автоматическим насосом, то она сыграла бы в промышленности лишь ограниченную роль; в лучшем случае она была бы вспомогательной частью при гидравлической машине, имеющей своим назначением подавать воду для вращения колес этой последней. Чтобы она могла прямо приводить в действие всякого рода механизмы, выполняющие разнообразнейшие технические операции, нужно было решить ряд проблем, первая из которых заключалась в следующем: как преобразовать качательное движение коромысла в непрерывное вращательное движение? Возобновив исследования Фицджеральда, Уатт нашел скоро не одно только, а несколько решений (пять перечислены в патенте от 25 октября 1781 г. за № 1306). Лучшее из них было заимствовано от одной из самых старых и самых простых машин: от колеса с педалью, употребляемого точильщиком³. Другое, более сложное, но к которому Уатт

хотя и сообщающихся по временам с ними. Такие сосуды, которые я называю конденсаторами, должны во время работы машины постоянно поддерживаться, по меньшей мере, столь же холодными, как окружающий воздух, посредством воды или других холодных тел...»

¹ «... В 4-х. для производства давления на поршень я намерен пользоваться в некоторых случаях расширением пара, подобно тому как в обыкновенных огневых машинах пользуются теперь для этого давлением атмосферы. В тех случаях, когда нельзя было бы иметь в достаточном количестве холодную воду, машины могли бы приводиться в движение одной только силою пара...»

² Патент от 12 марта 1782 г., № 1321.

³ Тот же механизм применялся в колесе с педалью, называвшемся «саксонским колесом». Применить его к паровой машине значило, говоря словами Уатта в привычном ему простом стиле, — «резать сыр ножом, предназначенным для резки хлеба». *S. Smiles, Boulton and Watt, p. 287.* В данном случае это означало прямую передачу помощью шатуна и кривошипа от свободного конца балансира к валу.

вынужден был преимущественно прибегнуть по соображениям коммерческого характера, довольно хорошо определяется выразительным названием—«планетное движение», *sun and planet motion*¹. Следует упомянуть еще об одном изобретении, которым Уатт особенно гордился: о так называемом «параллелограмме Уатта», исходном пункте множества остроумных усовершенствований. В лице Уатта мы имеем перед собою один из тех редких умов, которые умеют овладеть одинаково деталями, как и предметом в целом, которые не довольствуются установлением принципов, а прослеживают до конца их приложения, для которых наука представляет, одним словом, одновременно и цель и средство.

III

Одно дело—изобрести что-нибудь и другое дело—суметь использовать изобретение; в справедливости этого положения нам уже не раз приходилось убеждаться. Что касается паровой машины, то здесь представлялись особые трудности. Ибо, выражаясь кратко, здесь требовалось создать отрасль промышленности с ее персоналом и оборудованием. Чтобы заменить случайных механиков, которыми довольствовались до тех пор, всяких часовщиков, жестяников, строителей мельниц, надо было сформировать кадры рабочих-специалистов, подготовленных к трудной работе, требующей одновременно мускульной силы, смекалки и большой твердости руки. Вместо часто неправильных и плохо прилаженных частей, из которых были сделаны первые машины и которыми объясняется отчасти плохое функционирование их, надо было дать цилиндры правильной геометрической формы; поршни, плотно прилегающие к стенкам, но без чрезмерного трения; зубчатые колеса, такие же правильные, как колеса карманных часов. Успехи металлургии сделали это необходимое преобразование возможным. Но чтобы осуществить его на деле, нужны были еще капиталы, нужна была смелая решимость рискнуть ими в предприятии совершенно новом и с неопределенной будущностью, требовался, наконец, коммерческий талант, от которого зависит практический успех. Такое драгоценное изобретение, как паровая машина, должно было иметь успех; нельзя себе представить, чтобы оно осталось неизвестным или чтобы его игнорировали. Но как мы это видим относительно многих других изобретений, успех легко мог притти уже после смерти изобретателя. Уатту

¹ Так как уже годом раньше (в 1780 г.) некто Пикард взял патент на применение кривошипной передачи к огневой машине, то до истечения срока этого патента Уатт пользовался в своих машинах передачей при помощи «солнечного и планетного колеса» (*Sun and planet wheel*). Идея этого механизма принадлежала Вильяму Мердоку, мастеру на заводе в Сохо. Документы и чертежи, относящиеся к этому изобретению, находятся в *Soho MSS* (коммерческая переписка 1780—1782 гг.). Уатт отказался от использования простого эксцентрика, так как один из конкурентов, Мэттью Уошборо, получил на него патент за свой счет в 1779 г. Относительно обвинения Уаттом Уошборо в плагиате см. *J. Muirhead, Mechanical inventions of James Watt, II, 128*. Несколько машин Уатта, построенных в Сохо между 1782 и 1800 гг. и снабженных «солнечно-планетным колесом», выставлены в Южно-кенсингтонском музее [№ 31 (1620 A), 30 (318)]. Функционирование одной небольшой модели демонстрируется публике [№ 29 (1175)].

посчастливилось найти на своем пути двух замечательных людей, способных понять его и помочь ему,—людей, заслуживающих разделить с ним если не славу открытия, то, по крайней мере, честь перенесения его из области теории в область практики. Этими двумя людьми были Джон Робек из Каррона и Мэтью Болтон из Сохо.

Робеку Уатт был представлен в 1765 или 1766 г. их общим другом, профессором Глазговского университета Блэком¹. Как раз в это время Уатт почти совершенно забросил свои изыскания, так как они были сопряжены с непосильными для него расходами; не имея никакого состояния и обремененный вдобавок долгами; он принужден был сделаться землемером и инженером, чтобы зарабатывать средства к жизни для себя и своей семьи: незадолго перед этим ему поручили изготовить проект Каледонского канала². Именно в качестве инженера он имел дело с Робеком: последний нуждался в насосах для каменноугольных копей, на которые он только что получил концессию в Борроустоуннесе, на правом берегу р. Форт³. Его интеллигентность и предприимчивость нам уже известны: узнав о работах Уатта, он тотчас сообразил весь их интерес и предложил Уатту помочь ему в доведении их до конца. Уатт принял предложение; оба подписали договор, по которому Робек обязался, во-первых, заплатить долги своего нового компаньона до суммы в 1 тыс. ф. ст., а, во-вторых, дать необходимые денежные средства, чтобы довести до конца начатые изыскания и организовать промышленную эксплуатацию их результатов; взамен этого он выговорил себе две трети будущих барышей⁴.

Этот договор отмечает собой важную дату в истории паровой машины. Начиная с указанного момента, она оставляет стены лаборатории, чтобы вступить в мир промышленности, который ей предстоит скоро преобразовать, и именно—благодаря смелой инициативе Робека. Нерешительному по натуре, беспокойному и недовольному собою Уатту нужно было иметь рядом с собою человека, который подбадривал бы его и толкал вперед. Эту роль Робек выполнял с неутомимым рвением. К концу своей жизни Уатт с удовольствием признавал все, чем он был обязан Робеку: «Его дружеским поощрениям, его интересу к научным открытиям и быстроте, с которой он придумывал их приложения, его глубокому знанию дел и промышленности, широким взглядам, пылкому, великодушному и деятельному темпераменту—всему этому надо приписать в значительной степени успех, которого могли достичь мои усилия»⁵.

Первая паровая машина была поставлена в Kinneil House⁶, недалеко от Эдинбурга, в 1769 г. Постройка ее стоила больших тру-

¹ *S. Smiles*, Boulton and Watt, p. 139.

² Резюме его отчета имеется в Journ. of the House of Commons, LVIII, 1007. Ему было также поручено исследовать русло р. Клайд, и он работал по улучшению порта в Глазго. *Williamson*, Memorials of James Watt, I, 172, 176, 177.

³ *S. Jardine*, Account of John Roebuck, Transactions of the Royal Society of Edinburgh, IV, 75 (1787).

⁴ Abridgments of specifications relating to the steam-engine, I, 56.

⁵ Заметка Уатта у Робисона в его «Steam and steam-engine», p. 144.

⁶ Этот дом, принадлежавший Робеку, был позже жилищем философа Дугальда Стюарта. *S. Smiles*, Industrial Biography, p. 134.

дов: несмотря на высокие качества своего оборудования, карронские заводы не сумели точно выполнить задания, которые поставил им Уатт. Машина эта—несовершенное воплощение идеи, которая еще сама не приобрела полного своего развития, была окрещена, согласно сохранившемуся в Англии обычаю, именем «Вельзевул». Со своим единственным цилиндром и качающимся в вертикальной плоскости балансиром она сильно походила на машину Ньюкомена; впрочем, и назначение ее было то же самое¹. Вследствие весьма неудовлетворительного функционирования ее пришлось вскоре отставить в сторону. В то же время начались деловые затруднения Робека. Копи, эксплуатацию которых он опрометчиво предпринял, затоплялись водой, несмотря на старые и новые насосы; они поглотили уже много денег у него и у его друзей. Все дела, которые он стремился вести одновременно, испытали на себе отраженное действие этого несчастья. В течение некоторого времени он боролся с надвигающимся разорением. Уатт взялся опять за свои землемерные работы. Его незаконченное изобретение, недостатки которого показал опыт, было временно отложено. Банкротство Робека в 1773 г. положило конец этому неприятному положению и явилось поводом для вступления Уатта в компанию с Больтоном.

Больтон уже несколько лет как был знаком с Уаттом. Осведомленный об его изысканиях своим другом Робек, он тем более заинтересовался ими, что надеялся найти в них ответ на один сильно озабочивающий его вопрос; дело в том, что его заводу в Сохо не хватало двигательной силы, и он подумывал об искусственном создании ее либо при помощи машины Ньюкомена, либо другим каким-нибудь способом. В 1766 г. он посоветовался по этому поводу с двумя людьми, пользовавшимися авторитетом в научных вопросах: с Веньямином Франклином и доктором Эразмом Дарвином². В 1767 г. Уатт, проездом через Бирмингем, посетил мастерские Сохо и восхищался там совершенством металлургической работы, которое так нужно было ему самому³. В следующем году Больтон пригласил его к себе, долго беседовал с ним и предложил ему свое содействие. Робек, к которому Уатт обратился за советом, был того мнения, что предложение следует принять, но ограничив точно сферу его действия: Больтон должен был стать концессионером патента только для графств Уорик, Стаффорд и Дерби. Это значило не понять широких планов заводчика из Сохо и тех надежд, которые он возлагал на новое изобретение: «Предлагаемый мне план,—ответил он,—настолько отличен от задуманного мною, что я не могу считать удобным заниматься им больше... Моя мысль была—рядом с моим заводом на берегу нашего канала устроить завод, который был бы снабжен всем необходимым оборудованием для постройки машин и который снабжал бы мир машинами всевозможных размеров... Фабриковать только

¹ Подробности относительно этой машины, погибшей во время пожара в 1777 г., можно найти в *Catalogue of machinery* Музея Виктории и Альберта, I, 15.

² Относительно этой переписки см. *S. Smiles, Boulton and Watt*, p. 182—183. Эразм Дарвин, врач, натуралист и поэт, был дедом Чарльза Дарвина.

³ *S. Timmins, James Watt*, p. 9. *S. Smiles, ouvr. cité*, p. 187.

для трех графств, это—игра, не стоящая свеч; действительно стоило бы труда только одно—фабриковать для всего мира»¹.

Несостоятельность Рэбека дала Болтону случай вернуться к этому проекту. Рэбек был ему должен 1 200 ф. ст.; он предложил отказаться от своей долговой претензии, если тот уступит ему свои права по товарищескому договору с Уаттом. Многие скажут, что это значило купить задешево права неисчислимой ценности. Но дело в том, что ценность эта была еще пока сомнительна: результаты предприятия, какое бы доверие к ним ни питали, казались еще отдаленными: «все это—пока только тень, чистая идея, чтобы осуществить ее, потребуются много времени и денег»²,—писал Болтон Уатту 29 марта 1773 г. Соглашение было без труда достигнуто, машина в Kinneil House была разобрана и отослана в Сохо. Сам Уатт переехал туда, как только закончил составление планов для Каледонского канала, в мае 1774 г.³

IV

Мануфактура в Сохо, расположенная к северу от Бирмингема, на возвышенности, теперь сплошь покрытой заводами и черной от угля и дыма, была основана в 1759 г.⁴ Мэтью Болтон был уже в то время видным и богатым человеком. Отец его, производитель галантерей в Бирмингеме⁵, рано привлек его к делам, но предварительно дал ему довольно хорошее образование, которое тот сумел потом пополнить сам. Мастерские фирмы «Болтон и сын» выделывали металлические пуговицы, цепочки для часов, стальные пряжки для башмаков. Последние были предметом курьезной торговли, вызванной в свет требованиями моды: их посылали во Францию, чтобы затем ввезти обратно как «французский товар»⁶. После своей женитьбы на богатой наследнице, дочери «эсквайра»⁷, Мэтью Болтон мог вести жизнь сельского дворянина, но он любил промышленность, среди

¹ Февраль 1769 г. Цит. С. Тимменсом в «James Watt», p. 11—13. То же письмо содержит интересные указания на сотрудничество, которое Болтон предлагал Уатту: «Я полагаю, что для извлечения наибольшей возможной выгоды из вашего изобретения нужны деньги, очень тщательное выполнение и обширные коммерческие связи. Единственный способ обеспечить ему заслуженный успех—это не предоставлять осуществления его толпе механиков-эмпириков, которые по своему невежеству, недостаточной опытности и неимению надлежащего оборудования, дали бы, вероятно, только плохую работу... Мы могли бы набрать и обучить некоторое число отборных рабочих; мы предоставили бы им гораздо лучшие орудия труда, чем те, которые дают себе труда добыть, когда дело идет о постройке только одной машины: мы получили бы 20% экономии в исполнении и такую же разницу в качестве работы, какая может существовать между кузнецом и производителем научных инструментов».

² Письмо Болтона Уатту 29 марта 1773 г. *Smiles, Boulton and Watt*, p. 198.

³ *Ibidem*.

⁴ Это место, когда Болтон заарендовал часть его, представляло «пустынную стену, самое высокое место которой, обдуваемое ветрами, было занято жалкой хижинкой, жилищем сторожа». *Memoir of Matthew Boulton esq., late of Soho*, p. 5.

⁵ *Ibidem*, Clarke MSS (Бирмингемская библиотека), V, 65.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Smiles, ouvr. cité*, p. 170. Титул «эсквайр» сохранял еще свое значение в середине XVIII в.: им величали только «джентльменов», членов мелкого дворянства или старых буржуазных семей.

которой вырос, и хотел посвятить свое состояние созданию образцовой мануфактуры. Постройка этого большого предприятия, начатая в 1759 г. и законченная лишь в 1765 г., обошлась ему в 9 тыс. ф. ст.¹. Оно состояло из пяти корпусов и могло вмещать 600 рабочих. Устроенный на возвышении резервуар доставлял воду, необходимую для приведения в действие мощного двигательного колеса, которое, в свою очередь, «приводило в движение много машин разного рода»². Как известно, механическое оборудование было уже очень развито в металлообрабатывающей промышленности, хотя и не играло еще здесь той существеннейшей роли, которую приобрело впоследствии. Больтон хотел иметь у себя новейшие машины и занимался сам приспособлением их к специальным требованиям своей отрасли промышленности³. Цифра его оборотов достигала уже в 1763 г. 30 тыс. ф. ст.⁴

Изделия этой мануфактуры были весьма разнообразны. К классическим изделиям бирмингемской галантереи Больтон прибавил новые: декоративную бронзу, вазы, канделябры, треножники, массивные и накладные ювелирные изделия, имитации золота и черепахи⁵. В 1768 г. он задумал прибавить сюда фарфор, и Веджвуд, великий стаффордширский производитель керамических изделий, приготовился выдержать конкуренцию человека, которого сам называл «первым промышленником Англии»⁶. Больтон заслуживал этого титула не только по крупным размерам своего предприятия, но и по качеству своего производства. Он поставил себе задачей уничтожить дурную славу Бирмингема и не жалел усилий для ее достижения: он хотел употреблять только отборнейшие материалы и искуснейших рабочих и сам руководил работами в своих мастерских, обнаруживая в этом деле самую мелочную заботливость.

В коммерческом управлении предприятием ему помогал Фотергилль, его компаньон с 1762 г. Фотергилль имел связи с заграницей, знал вкусы различных покупателей, в случае надобности ездил за границу, чтобы добыть модели и заказы⁷. Благодаря его энергии сбыт фирмы расширился, она приобрела европейскую репутацию. В 1765 г. Больтону были сделаны очень выгодные предложения пере-

¹ Memoir of Matthew Boulton esq., late of Soho, p. 6; J. A. Langford, A century of Birmingham life, II, 147.

² Erasmus Darwin, The botanic garden (1768), p. 287.

³ Ibidem, «Механические изобретения превосходят там всякую другую мануфактуру своим обилием, своим разнообразием и своей простотой».

⁴ Memoir of Matthew Boulton, p. 5.

⁵ Списки их сохранились в Бирмингемской библиотеке (Timmins MSS), Journ. of the House of Commons, XXXIV, 191—193.

⁶ Письмо Веджвуда к Бентли Р. ст 27 ноября 1768 г.: «Если Этрурия не может сохранить свое положение и должна сдаться и пасть перед Сохо, не отдадим дешево победы противнику: мы сумеем мужественно защищаться и постараемся, даже потерпев поражение, раздлить лавры победителя. Что удваивает мое мужество—это необходимость бороться с первым промышленником Англии. Такая борьба мне по душе. Мне нравится этот человек и его предприимчивость». Mayer Coll. (Ливерпульский музей). Переписка.

Впрочем, Больтон отказался от своего плана и удовлетворился производством украшений из золоченой бронзы для ваз Веджвуда.

⁷ S. Smiles, Boulton and Watt, p. 172.

ехать в Швецию и обосноваться там¹. Но Болтон ничуть не думал покидать Англию. Положение, которое он занимал здесь, было уже весьма видным. Художественный элемент, занимавший тогда в его производстве приблизительно то же место, какое впоследствии занял в нем элемент научный, оказал ему драгоценные услуги. Аристократия покровительствовала ему. Горас Вальполь, лорд Шельборн, лорд Дартмут, герцог Нортумберлендский ссужали ему для копирования античные бронзы; лорд Каткорт рекомендовал его русской императрице². Нет ничего удивительного, если гордый заслуженным успехом и обладая умом, по природе честолюбивым и смелым, он стал строить широкие планы: «Я интересуюсь,—писал он,—всем, что может расширить или улучшить мои познания относительно механических искусств. Круг моих дел должен с каждым годом становиться большим. Я должен, следовательно, быть в курсе вкусов и мод, господствующих в различных частях Европы... Я хотел бы работать для всей Европы и производить все изделия, которые могут составлять предмет общего спроса: золото, серебро, медь, накладной металл, позолоту, симилор, сталь, платину, черепаху»³.

Отсюда видно, чем было уже предприятие в Сохо, когда Уатт вступил в него после банкротства Робекка. Никогда режим мануфактуры и режим фабрики не были так близки друг к другу, никогда переход от одного к другому не был столь незаметен, и никогда не было так трудно провести между ними границу (имеющую, впрочем, полное оправдание, когда дело идет только о классификации фактов в их общем и суммарном виде), не впадая при этом в тонкости и произвол. В распоряжение Уатта Болтон предоставил уже ресурсы и, можно сказать, почти мощь крупной промышленности.

Уатт тотчас же принялся за работу. В ноябре 1774 г. машина из *Kinneil House*'а, перевезенная в Бирмингем и отремонтированная при содействии искусных рабочих, подобранных Болтоном, могла, наконец, с грехом пополам, работать. Уатт извещал об этом своего отца в следующих выражениях: «Дело, которое привело меня сюда, оборачивается довольно недурно: построенная мною машина работает теперь и дает гораздо лучшие результаты, чем все другие машины, изобретенные до меня. Я рассчитываю, что это изобретение будет для меня очень прибыльным»⁴. Но до окончательного успеха надо было быть готовым к продолжительным усилиям и крупным затратам. Прошло уже пять лет, с тех пор как Уатт взял свой патент, срок которого истекал в 1783 г. Приходилось опасаться конкуренции однородных изобретений или более или менее прикрытых контрафакций. Уатт решил исходатайствовать у парламента продление своих прав. 23 февраля 1775 г. он обратился в палату общин с петицией⁵, которая благодаря его связям в ученом мире, а также, несомненно, благодаря аристократическим связям Болтона, была рассмотрена с величайшим вниманием. Комиссия, которой поручено было обследование, выслу-

¹ *Calendar of Home Office Papers, 1760—1765, № 1818, 1821, 1919.*

² *Smiles, ouvr. cité, p. 172—174.*

³ Письмо к путешественнику Вендлеру. Там же.

⁴ *Muirhead, Mechanical inventions of James Watt, II, 79.*

⁵ *Journ. of the House of Commons, XXXV, 142.*

шала показания Робека; последний отдал полную справедливость изобретению, практическое значение которого он первый оценил: «В сравнении с обыкновенной огневой машиной паровая машина выполнит вдвое большую работу при одинаковых издержках... Будет выгодно пользоваться ею везде, где нужна будет двигательная сила для каких бы то ни было целей»¹. В то же время он засвидетельствовал материальные жертвы, которых она потребовала и должна была еще потребовать, раньше чем начать давать барыши: сначала он, а затем Болтон истратили на научные опыты, постройки, пробы более 3 тыс. ф. ст.; общая сумма предвидевшихся расходов простиралась, по меньшей мере, до 10 тыс. ф. ст. Но что значила такая сумма в сравнении с выгодами, которые она должна принести Англии и всему миру? Парламент удовлетворил ходатайство и продлил патент на 25 лет², не без некоторой оппозиции, ибо Борк в момент голосования встал, чтобы протестовать во имя свободы против установления новой монополии.

Прошло еще несколько лет, в течение которых эту монополию всего менее можно было назвать прибыльной. Расходы по ней превзошли, и притом на много, исчисление Робека³. Продолжать обременительное производство паровых машин можно было только благодаря доходу от других производств, которых Болтон, вступая в компанию с Уаттом, все-таки не бросил. Маленькое практическое изобретение Уатта—копировальный пресс, принесло сумму, ока-

¹ *Ibidem*, p. 168. Болтон дал показание почти в тех же самых выражениях: «Это не только самая экономная из всех до сих пор изобретенных машин-двигателей, оставляя в стороне водяные и ветряные мельницы; она может быть приспособлена для бесконечного числа применений, абсолютно недоступных обыкновенной огневой машине».

² 15 Geo. III, c. 61. Вот мотивировка акта: «Принимая во внимание, что Его ... Величество король Георг III своим патентом, скрепленным большой печатью королевства, 5 января девятого года своего царствования дал и уступил Джемсу Уатту из города Глазго, купцу, и всем лицам, могущим представлять его, исключительное право производить и продавать известные машины, изобретенные им для уменьшения потребления пара и топлива в огневых машинах... (следует текст патента 1769 г.); принимая во внимание, что указанный Джемс Уатт затратил несколько лет и значительную часть своего состояния на производство изысканий относительно пара и паровых машин, обычно называемых огневыми машинами, с целью улучшения этих весьма полезных машин; что, благодаря этим изысканиям, были осуществлены очень важные усовершенствования, но что, в связи с неизбежными трудностями постройки столь важных машин и длительности необходимых опытов, он не мог закончить свое изобретение до конца 1774 г.; что для производства этих машин со всей желанной тщательностью и для возможности сбыта их по умеренным ценам потребуются, вероятно, израсходовать значительные суммы на организацию мастерских и снабжение их надлежащим оборудованием; и что, поскольку необходимо еще несколько лет, чтобы достаточно многочисленная часть публики могла вполне понять полезность этого изобретения и свой собственный интерес в использовании его, что ввиду этого срок, установленный указанным патентом, может полностью истечь раньше, чем названный Джемс Уатт извлек бы выгоду, соответствующую его труду и стоимости его изобретения, ...приказываем и т. д.».

³ Согласно заметке Timmins MSS, конструкции, оборудование и т. д. стоили будто бы около 47 тыс. ф. ст. Мы не могли проверить точность этой цифры с помощью Soho MSS, так как эта коллекция не выходит за пределы 1780 г. в отношении переписки и за пределы 1795 г. в отношении книг.

завшуюся весьма бесполезной¹. Фирма несколько раз переживала трудные, почти критические моменты: в 1778 и 1780 гг. Больтону пришлось искать вкладчиков, после того как он продал часть недвижимости, которая досталась ему от отца и жены. В 1782 г. Уатт был так обеспокоен возрастающей тяжестью обязательств по отношению к банкирам Лоу, Вер и Вильямс, что писал своему компаньону: если бы они согласились отказаться от всяких долговых претензий на мои будущие предприятия, то я почти готов отдать им все, что у меня есть теперь, и вручить свою судьбу в руки провидения. Я не в силах жить дольше в своем теперешнем тревожном состоянии...»². Не ранее 1786 и 1787 гг. фирма получила возможность освободиться от своих долгов и пожать плоды так дорого стоившей ей инициативы.

Между тем заказы не заставили себя слишком долго ждать. Первый поступил от Вилькинсона: машина, купленная им в 1775 г., была водоподъемным насосом, причем вода должна была приводить в действие воздуходувные меха на металлургическом заводе в Брозлее³. Спустя немного времени после этого в Блумфильдских каменноугольных копях, близ Бирмингема, был торжественно установлен паровой насос, вышедший также из мастерских Сохо: он откачивал воду втрое быстрее машины Ньюкомена при равных издержках⁴. В 1777 г. Уатт ездил в Корнваллис, где несмотря на некоторые колебания шахтовладельцев и некоторые разочарования вследствие неудовлетворительной установки на месте, он продал все-таки несколько больших насосов; насос в Чесвотерских копях, мощность и хорошая работа которого много содействовала преодолению местной рутины, был сооружен в 1778 г.⁵ В том же году завод в Сохо посетили братья Перье, просившие Уатта дать им машину для парижского водопровода. Она была поставлена в 1779 г. на берегу Сены, у конца Cours-la-Reine. Это—знаменитый паровой насос в Chaillot, замененный в следующем столетии более современными машинами, не переставшими работать в этом самом месте до самого недавнего времени⁶.

¹ См. Soho MSS, Коммерческая переписка, 1780—1785.

² S. Smiles, Boulton and Watt, p. 262, 263, 314.

³ L. Beck, Geschichte des Eisens, III, 1079.

⁴ Birmingham Gazette, 11 mars 1776.

⁵ Smiles, ouvr. cité, p. 242—248. См. описание другой машины, поставленной в Гуенгеме, близ Труро. «Огневая машина, приводящая в движение насос, чрезвычайно велика, и действие ее не передашь никакими словами. Большая труба в 65 дюймов в окружности. Этот насос двойного действия: он обычно делает 8 взмахов в минуту, но может делать и 12, хотя вода, которую он выкачивает, и находится на глубине в 720 футов; каждый взмах извлекает 100 галлонов, или 400 пинт воды, часть которой поступает в большой резервуар, доставляющий пар, а остальная образует поток, теряющийся у подошвы холмов». Tournée faite en 1788 dans la Grande-Bretagne par un Français parlant la langue anglaise, p. 53.

⁶ Чертежи машин, построенных для братьев Перье, находятся в Soho MSS. Договор, заключенный ими с Больтоном и Уаттом, помечен 12 февраля 1779 г. Машина должна была доставлять 57 600 бочек (по 18 гектолитров) воды в 24 часа. Взносы в пользу изобретателя за период времени с 1779 до 1793 г. доходили до суммы в 48 тыс. ф. ст. Examen et débat des comptes tant de l'ancienne que de la nouvelle administration des eaux de Paris, à partir de l'origine de cette entreprise, en 1778, jusqu'au 10 août 1793, par le citoyen G. D. David, liquidateur, ci-devant homme de loi, p. 22. Arch. Nat. 0¹1596²—Перье претендовали на то, что они сами построили свои машины: «Что касается изобретения, то господа Перье никогда

Приезжали в Сохо и немецкие инженеры, посланные Фридрихом Великим, но паровые машины были введены в Германии лишь несколькими годами позже—в 1785 г.¹

Условия, которые Больтон и Уатт предлагали покупателям, были вполне сходными: они требовали только покрытия расходов по постройке и установке каждой машины плюс одна треть экономии, полученной на топливе, по сравнению с атмосферической машиной равной мощности². Таким образом, они ждали своего вознаграждения только от установленного, испытанного превосходства паровой машины и от прибылей, получаемых благодаря ее употреблению. Но известно, что когда первое нерасположение к новому изобретению преодолено, то неизменно наблюдается столь же сильное нерасположение платить деньги за пользование им. В особенности владельцы корнваллийских рудников обнаружили выдающуюся злую волю и недобросовестность, когда дело дошло до взноса условленных платежей. В течение многих лет между ними и заводчиками Сохо шла непрекращающаяся война³. В 1780 г. по всему графству пошло движение—просить парламент об аннулировании патента. Уатт в резких выражениях жаловался на это: «Они обвиняют нас в том, что мы создаем монополию, но если это и есть монополия, то она во всяком случае сделала их рудники более производительными, чем они когда-либо были... Они говорят, что им неудобно платить взносы за право пользования машинами; но для того, кто хочет вытащить у меня из кармана кошелек, тоже неудобно, что я держу свой карман застегнутым... Нам ведь не предоставлено право принуждать кого бы то ни было к пользованию нашими машинами. Что же должен ответить парламент, когда эти люди придут к нему жаловаться на зло, которого они вполне вольны избежать?»⁴. Проектировавшееся ходатайство не было подано, но начались нескончаемые тяжбы; в 1799 г. Больтон и Уатт, выиграв дело, получили сразу более 30 тыс. ф. ст. не уплаченных им взносов⁵.

Им пришлось защищаться также против посягательств более или менее добросовестных конкурентов. Самым страшным среди последних был Джонатан Хорнблоуэр, в котором всего менее следует видеть заурядного контрафактора: он опередил Уатта в изучении

его себе не приписывали; другое дело—постройка: ни один англичанин не работал по монтажу машин в Chaillot. Эти машины—дело одних господ Перье... Господа Перье также одни только сделали все существующие во Франции машины этого рода». *Second plaidoyer des sieurs Périer frères contre les administrateurs des eaux*, p. 8. Arch. Nat., AA, 11. Возможно, действительно, что Уатт доставил только чертежи. Впрочем, Перье сознаются, что они начали с того, что выписали крупные металлические части с английских литейных заводов, «единственных в этом роде, какие только существуют в Европе». *Ibidem*, p. 8.

¹ *L. Beck, Geschichte des Eisens*, III, 541.

² *Boulton and Watt, Proposals to the adventurers*, p. 1 (Проспект 1800 г., Бирмингемская Free Reference Library, № 69 672).

³ Ее перипетии запечатлены в объемистой переписке Больтона и Уатта с их представителями в Корнваллисе, Мардоком, а потом Вильсоном (Soho MSS). Уатт сам прожил некоторое время в Корнваллисе, чтобы отстаивать там интересы фирмы.

⁴ Письмо Уатта Больтону от 31 октября 1780 г. *Smiles, ouvr. cité*, p. 281.

⁵ *Ibidem*, p. 420.

использования высоких давлений пара. Его машина, более сложная, чем машина Уатта, имела два цилиндра, которые наполнялись паром поочередно¹. Она имела достаточный успех, чтобы внушить Больтону и Уатту серьезные опасения. Они решились преследовать Хорнблоуэра судом; противник был признан виновным и разорился².

Другие трудности, притом не самые маленькие, представила внутренняя организация: надо было набрать, дисциплинировать, обучить значительное число рабочих. Эта задача лежала преимущественно на Больтоне, главным качеством которого было искусство управлять людьми. Ему превосходно помогали, впрочем, в этом деле заводские мастера, высколенные им самим и Уаттом. По крайней мере, один из них, Вильям Мердок, был человеком, который по своим заслугам далеко возвышался над занимаемым им скромным положением. Сын шотландского millwright (строителя мельниц), он выпросил себе, как особой милости, чтобы его приняли в рабочие на заводе в Сохо³, смысленный, трудолюбивый, изобретательный, он обратил на себя внимание хозяев, которые поручили ему руководство установкой машин, особенно в Корнваллисе. Он проявил там невероятную энергию, работая днем и ночью над установкой машин, над их осмотром и ремонтом, зорко оберегая при этом права своей фирмы и стойко воюя с коалицией враждебных интересов⁴. Между делом он искал и находил технические усовершенствования: Именно он подсказал Уатту идею «sun and planet motion». Он же, первый в Англии и один из первых в Европе, сумел применить пар как средство тяги: в 1784 г. он построил небольшую модель локомотива, которая шла со скоростью 8 миль в час⁵. Напомним еще, что вместе с французом Лебоном он разделяет честь открытия и утилизации свойств каменноугольного газа: с 1798 г. завод в Сохо освещался газом. И этот человек, который мог бы нажить состояние своими изобретениями, предпочел остаться в течение всей своей жизни на службе у Больтона и Уатта, пользуясь, впрочем, их полным доверием и выказывая, со своей стороны, абсолютную преданность им⁶. Его сотрудничество было драгоценно

¹ Патент от 13 июля 1781 г. № 1298. Изобретение согласно Хорнблоуэр, самостоятельное, датировано 1776 г. См. петицию в палату общин, Journ. of the House of Commons, XLVII, 417 и 478.—Описание этой машины имеется у *Thurston*, Growth of the steam-engine, p. 135 и сл.

² Это было несправедливо, по мнению инженера J. Bramah, написавшего в защиту потерпевшего «A letter to the right honourable Sir James Eyre, Lord Chief Justice of the Common Pleas, on the subject of the case Boulton and Watt versus Hornblower and Maberly (1797)».

³ *S. Timmins*, William Murdock, p. 2. Его приход в Сохо имел место в 1774 г., почти в одно время с появлением там Уатта.

⁴ Soho MSS, Коммерческая переписка за 1780 и следующие годы.

⁵ *S. Timmins*, William Murdock, p. 7 и сл. *Thurston*, Growth of the steam-engine, p. 153. Это изобретение упомянуто в одном из патентов Уатта (№ 1432 от 18 апреля 1784 г.).—Известно, что Cugnot построил свой паровой экипаж в 1769 г. (Сохраняется во Дворце искусств и ремесел.).

⁶ Он получал, скорее, жалованье мастера, чем инженера. До 1780 г. он зарабатывал всего 20 шилл. в неделю. В 1793 г. его посылают в Кадикс, чтобы поставить там машину, на следующих условиях: пугевые расходы за счет фирмы, 50 ф. ст. наградных и недельное жалованье в 1 гинею. Это обязательство было подписано 20 апреля 1793 г. *Timmins MSS*.

в трудные моменты, когда будущность паровой машины, как блестящи ни были надежды, которые можно было на нее возлагать, вырисовывалась еще очень смутно.

V

Больтон никогда не сомневался в конечном успехе предприятия, в отличие от Уатта, который всегда легко падал духом и был пессимистически настроен¹. В 1781 г. он мог, наконец, констатировать ясно намечающееся движение, которого он ждал целых десять лет: изобретение Уатта становилось предметом общего внимания, даже любопытства. «В Лондоне, Манчестере и Бирмингеме люди помешались на паровых машинах»².

В том же году Уатт взял свой второй патент—на превращение качательного движения балансира в вращательное. До этого паровая машина была только усовершенствованным огневым насосом. Именно в качестве такового ее употребляли в коях и рудниках или для водоснабжения. Благодаря изобретению вращательного движения она становится машиной-двигателем; отныне ее применения могут разнообразиться без конца; для нее открыто все поле промышленности. Первые применения были сделаны в самом Сохо, где употреблялись меха, прокатные вальцы и молоты, приводимые в действие силой пара. Почти тотчас же Вилькинсон заказал такие же машины для своего предприятия в Брадлее, а Уокер—для завода в Ротергеме; их примеру последовали все крупные железозаводчики Англии и Шотландии³. В это именно время металлургические заводы, уже снабженные машинами всякого рода, приобретают свой характерный внешний вид; именно тогда прилагается, так сказать, печать к всемогущему союзу пара и железа.

Паровая машина рано стала употребляться также для приведения в действие мельниц: мельниц для размалывания зерна, растирания солода для пивоваренных заводов⁴, размалывания кремня для керамической промышленности⁵, прессования сахарного тростника для сахарных заводов Вест-Индии⁶. Среди множества примеров, перечисление которых было бы слишком скучно, следует привести, по крайней мере, один—мукомольную мельницу Альбион (Albion Mills), построенную в Лондоне в 1786 г. Оборудование этого большого предприятия было организовано самим Уаттом, при содействии Джона Ренни, который впоследствии был строителем Ватерлооского моста.

¹ «Деятельный темперамент мистера Больтона и его уверенность в будущем служили противовесом свойственным мне робости и унынию». Заметки Уатта относительно Больтона у Смайльса в его «Boulton and Watt», p. 485.

² Письмо Больтона Уатту от 21 июня 1781 г. Ibidem, p. 293.

³ Boulton and Watt, p. 301 и 317. Soho MSS содержит много писем, которыми обменялись Больтон и Уатт с владельцами металлургических заводов—Вилькинсоном, Рейнольдсом, Уокером, Гомфрей и т. д.

⁴ Машина, доставленная Whitbread and Co (1785). Она работала до 1887 г. Timmins MSS.

⁵ Машина, доставленная Веджвуду в 1790 г. Soho MSS, коммерческая переписка, март-апрель 1790 г.

⁶ Письмо Джемса Уатта Фермин-де Тастету от 3 сентября 1794 г. Timmins MSS.

Оно состояло из 50 пар жерновов, приводимых в движение двумя машинами, в 50 л. с. каждая¹. Производство должно было доходить до 16 тыс. бушелей муки в неделю. Открытие этой мельницы было сенсационным событием в Лондоне. Притти осматривать ее стало модой, к великому неудовольствию Уатта². Мукомолы были встревожены этой неожиданной конкуренцией, но в 1791 г. пожар, вероятно, вследствие поджога, уничтожил дотла здания со всем их содержимым; убытки исчислялись в 10 тыс. ф. ст.³

В текстильной промышленности паровая машина играла сначала лишь вспомогательную роль при гидравлической машине. Около 1780 г. Ричард Аркрайт употреблял на своей фабрике в Манчестере насос Ньюкомена⁴. В 1782 г. прядильщики, обосновавшиеся в Бертоне-на-Тренте, просили у Уатта, чтобы он поставил им машину. Уатт отнесся к этому заказу довольно холодно. «Письмо этих господ,—писал он Больтону,—и человек, которого они прислали, не внушают мне особенно высокого представления об их деловых способностях. Если вы будете возвращаться через Манчестер⁵, то не собирайте, пожалуйста, заказов для бумагопрядилен; здесь говорят о постройке такого множества предприятий у речек Севера, что через короткое время в этой отрасли промышленности неминуемо наступит перепроизводство. Мы рискуем потерять свои труды»⁶. Уатт не представлял себе, что промышленный подъем, свидетелем которого он был, может продолжаться дальше предела, казавшегося ему близким; он не видел, что сам же больше, чем кто-либо, способствует тому, чтобы эта граница отодвинулась в неопределенную даль. Впрочем, скоро он переменил свое мнение и в 1784 г. признал, что «паровая машина бесспорно может быть употребляема на бумагопрядильных фабриках во всех тех случаях, когда легкость устройства фабрики в городе или в готовых уже зданиях может компенсировать расход на топливо и на платежи за право пользования изобретением»⁷. Опыт почти тотчас же подтвердил это мнение, высказанное еще в очень робкой форме.

Первой паровой прядильней была с 1785 г. фабрика Робинсонов в Папльвике⁸. Затем паровой силой стали пользоваться фабриканты

¹ Заметка Уатта, у Робисона в *Steam and steam-engine*, p. 137.

² «Дело ли герцогов, знатных господ и прекрасных дам приходить, как на парад, на мельницу?» Письмо Больтону от 17 апреля 1786 г. *Smiles, ouvr. cité*, p. 357.

³ *Ibidem*, p. 358—359.

⁴ *E. Baines, Hist. of the cotton manufacture*, p. 226. Машина Уатта некоторое время употреблялась таким же образом. См. свидетельство одного французского путешественника в 1784 г.: «В большинстве этих предприятий вода поднимается с помощью огневых насосов, усовершенствованных Уаттом и потребляющих на две трети угля меньше, чем другие». *M. rquis de Biencourt, Mémoire sur l'Angleterre, Affaires Etrangères, Mémoires et documents*, LXXIV, fol. 28.

⁵ Больтон был тогда в Ирландии.

⁶ Письмо Уатта Больтону (декабрь 1782 г.) *Smiles, ouvr. cité*, p. 327.

⁷ Письмо Уатта Мак-Грегору из Глазго от 30 октября 1784 г. *Williamson, Memorials of J. Watt*, p. 181. На каждую тысячу веретен требовалось 8—10 паро-лошадиных сил. Заметка от 17 ноября 1788 г. *Soho MSS*, коммерческая переписка.

⁸ Графство Ноттингем. *A. Ure, The cotton manufacture of Great Britain*, I, 274.

Уоррингтона и Ноттингема, выписавшие машины из Сохо; их примеру последовал в 1787 г. Роберт Пиль, в 1789 г.—Петер Дринквотер из Манчестера, в 1790 г.—Аркрайт¹. В Йоркшире и вообще в районах, где преобладала шерстяная промышленность, процесс проникновения паровой машины был более медленным и встретил живейшее противодействие. Не только рабочие, но и очень многие хозяева не скрывали своего враждебного отношения. Когда в 1793 г. Джон Бекли из Бадфорда, пожелал поставить в своей прядильне паровую машину, то он получил от своих соседей своего рода ультиматум, с угрозой, в случае если он осуществит свое намерение, возбудить против него иск об убытках за тот шум и дым, которые машина будет распространять кругом себя². Тем не менее, начиная с 1794 г., паровой двигатель вводится мало-помалу в шерстопрядильнях, куда машинное производство проникло не намного раньше его.

Таким образом, с конца XVIII в. машина Уатта начинает везде заменять гидравлический двигатель. Сведеншерна удивляется в 1802 г., встречая ее почти на каждом шагу во время своего путешествия по промышленным районам Англии: «Не будет преувеличением сказать, что эти машины встречаются в Англии так же часто и даже чаще, чем у нас водяные и ветряные мельницы»³. Иной раз несколько таких машин собрано на небольшом пространстве, где они применяются для самых разнообразных целей; в Сванси, например, «одни откачивают воду из копей, другие поднимают уголь на поверхность земли, третьи приводят в движение прокатные вальцы и жернова». В 1800 г. в Бирмингеме было 11 паровых машин⁴, в Лидсе—20, в Манчестере—32⁵.

¹ *E. Baines*, loc. cit. Аркрайт состоял в переписке с Больтоном и Уаттом, начиная с 1785 г. (Письмо Аркрайта Уатту от 30 января 1785 г. Soho MSS, коммерческая переписка).

² *J. James*, Hist. of Bradford, p. 282: «Предупреждаем Вас, что если Вы имеете в виду установить паровую машину для прядения хлопка или шерсти на территории у Гортонна, близ Бадфорда, именуемой Тюильрийским полем, то мы, нижеподписавшиеся, в случае неудобств для нас из-за упомянутой машины, потребуем через суд возмещения в размере, какой суд найдет возможным определить в нашу пользу» (23 января 1793 г.).

³ *Svedenstjerna*, Reise durch einen Theil Englands und Schottlands, p. 44.

⁴ Clarke MSS, III, 150.

⁵ *Gaskell*, Artizans and machinery, p. 35; *E. Baines*, Hist. of the cotton manufacture, p. 227. В своей книге «Capital and Steam Power, 1750—1800» (1923), гл. VIII, Дж. Лорд составил, на основании записей фирмы Больтон и Уатт в Сохо, ряд таблиц, иллюстрирующих стадии постепенного проникновения паровой машины в промышленность. Из 66 машин, поставленных между 1775 и 1785 гг., 22 употреблялись для медных рудников, 17—для металлургических заводов, 7—для водопроводов и винокуренных заводов, 5—для каменноугольных копей и только 2—для хлопчатобумажных фабрик. В следующее десятилетие паровая машина вводится в хлопчатобумажной промышленности, и из 144 построенных машин 47 были заказаны хлопчатобумажными фабриками; за ними следуют каменноугольные копи с 22 машинами. К 1800 г. в Великобритании и Ирландии паровых машин было, однако, всего только 321 с 5 210 л. с. По главным отраслям промышленности число паровых машин, поставленных за 1775—1800 гг., распределялось следующим образом:

	Машин	Лошадиных сил
Хлопчатобумажные фабрики	84	1 382
Шерстяные	9	180

Надо сказать, что Уатт и Больтон не были единственными творцами этой революции. Мердок, их преданный помощник; Хорнблоуэр, их несчастный конкурент; Картрайт, который после изобретения ткацкой и чесальной машины обратил свой изобретательный ум к другим проблемам¹; Адам Хислоп, который пробовал вернуться к принципу атмосферической машины и развить его дальше²; целая фаланга искателей, многие из которых остались неизвестными,— все они были их сотрудниками или соперниками. Но предприятие в Сохо, ограждаемое актом 1775 г., осталось единственным центром производства и продажи паровых машин. В его мастерских, занимавших более тысячи рабочих³, новая отрасль промышленности разрасталась среди традиционных отраслей промышленности Бирмингема, которые первоначально служили ей помощницами и которые она теперь, в свою очередь, преобразовывала. «Все отрасли металлообрабатывающей промышленности,—писал один посетитель,—представлены на этом заводе... Почти все работы производятся машинным путем: для операций, требующих известной силы, например, для расплющивания металлов, для их полировки и т. д., пользуются большими колесами, приводимыми в движение паровой машиной»⁴. Среди наиболее интересных применений силы пара на заводе Сохо следует упомянуть автоматическую чеканку монеты—предприятие, инициатива которого принадлежала Больтону и которым он особенно гордился. Его озлобление против фальшивомонетчиков, компрометировавших доброе имя Бирмингема, внушило ему желание достигнуть такого совершенства чеканки, которое исключало бы возможность подделки, облегчавшейся грубостью старых способов. Он устроил паровые чеканные прессы, где монеты, поддерживаемые стальным кольцом, получали отпечаток с непогрешимой точностью; каждый станок, под надзором одного рабочего, мог выбить от 50 до 120 монет в минуту⁵. Это изобретение имело большой успех: Больтон получил заказы от Ост-индской компании, от Франции в первые годы революции⁶, от России, где ему было разрешено в 1799 г. устроить

Каналы	18	261
Каменноугольные копи	30	380
Водопроводные сооружения	13	241
Медные рудники	22	440
Металлургические заводы	28	618
Пивоваренные заводы	17	147

(Примеч. переводчика)

¹ Патенты от 11 ноября 1797 г. (№ 2202) и 5 февраля 1801 г. (№ 2471).

² Патент от 7 июля 1790 г. (№ 1760). Машина Хислопа работала в Гуитенга-вене до 1878 г. Она находится в Victoria and Albert Museum, Machinery Division, № 57 (1464); см. Catalogue of the machinery, models, etc., I, 24.

³ G. Forster, Voyage philosophique et pittoresque en Angleterre et en France, p. 88; Faujas de St-Fond, Voyage en Angleterre, en Ecosse et aux îles Hébrides, I, 387.

⁴ Duc de Rutland, Journal of a tour to the northern parts of Great Britain, цит. в Local notes and queries Бирмингемской библиотеки за 1889—1893 гг. № 2438.

⁵ Патент от 8 июля 1790 г. (№ 1757).—Извещение о «монетной мельнице» в «Moniteur Universel», прил. к. номеру от 27 января 1791 г.

⁶ Так называемые «Monnerons», выпущенные банкирами Monneron в Париже с разрешения правительства, вышли из мастерских Сохо. См. E. Dewamin, Cent ans de numismatique française, рис. 7, 10 и 11.

монетный двор¹; наконец, от самого английского правительства, которому он за десять лет, с 1797 до 1806 г., поставил более 4 тыс. т биллона². К выгодам быстрого производства и почти полного устранения ручной работы присоединялась еще выгода точного и правильного выполнения. Это был образчик результатов, которых следовало ожидать во всех отраслях промышленности от употребления машин, приводимых отныне в движение могучей и послушной силой, которую человек может производить, увеличивать, перемещать и направлять по своему усмотрению.

VI

Этот существеннейший факт, победа паровой машины, открывает собою последний и самый решительный фазис промышленной революции. Освобождая крупную промышленность от пут, которые еще сковывали ее, пар сделал возможным ее неизмеримое и быстрое развитие. Действительно, в отличие от воды, пользование силою пара не подчинено абсолютным условиям местоположения и местных ресурсов. Паровую машину можно поставить везде, где существует возможность достать каменный уголь по подходящей цене. В Англии, где каменный уголь имеется в изобилии, где его применения были уже многочисленны в конце XVIII в., где нарочито для этого созданная сеть судоходных путей позволяла перевозить его повсюду с небольшими расходами, — в Англии вся страна становилась привилегированным краем, более всякого другого пригодным для роста промышленности. Отныне фабрики могут покинуть долины, в которых они уединенно выросли на берегу водных потоков; они приблизятся теперь к рынкам, где покупают свое сырье и продают свои изделия, приблизятся к населенным центрам, в которых набирают свой персонал; они соединятся, составят группы, образуют огромные и черные скопления, над которыми вечно стелются облака дыма от паровой машины.

Эта концентрация составляет, впрочем, только продолжение уже начавшегося раньше движения. Она не изменяет географического распределения отдельных отраслей промышленности в том виде, как оно определилось между 1760 и 1790 гг. под влиянием машинного производства в его первом периоде, периоде гидравлического двигателя. Факт замечательный, бросающий луч света на происхождение крупной промышленности в Англии: перемещение главных очагов хозяйственной деятельности в северные графства, образование новых текстильных и металлургических районов предшествуют по времени практическим применениям пара. Эти последние только ускорили ход явлений, продлив действие сил, которыми он был вызван. Нам возразят, пожалуй, что эта непрерывность, быть может, имела совершенно случайный характер: случайно оказалось, что в округах, где новые отрасли промышленности осели по совершенно другим мотивам, имелись залежи каменного угля. Это обстоятельство

¹ 39 Geo. III, с. 96.

² *Smiles, Boulton and Watt*, p. 399. Машины, доставленные Больтоном, работали в Лондонском монетном дворе до 1882 г. *Dict. of National Biography*, VI, 9, статья Boulton.

позволило им остаться здесь, когда близость копей стала для них более драгоценной, нежели близость рек, из которой они первоначально извлекали пользу. Но следует ли видеть в этом просторе совпадение? Каменный уголь уже до изобретения Уатта играл достаточную роль в промышленной жизни, чтобы создать для промышленников мотив—направляться по преимуществу в те районы, где он имелся в изобилии и стоил дешево. Думать, что они открыли его внезапно, словно зарытый клад, как раз в тех местах, в которых они только что основались,—это можно, только забывая длинную историю, которую он уже имел.

Пар не создал крупной промышленности. Но он дал ей ее мощь, он сделал подъем ее столь же непреодолимым, как непреодолимы силы, которыми он располагает сам. В особенности же он сообщил ей ее единство. До тех пор взаимная зависимость различных отраслей промышленности была гораздо менее тесной, чем в наши дни. Между их соответственными техническими приемами были только редкие точки соприкосновения. Прогресс их совершался обособленно и чисто специальными для каждой из них путями. Употребление общей им двигательной силы и, что особенно важно, силы искусственной, диктует отныне общие законы прогрессу всех отраслей промышленности. Последовательные усовершенствования паровой машины отразились одинаково на эксплуатации копей и рудников и на обработке металлов, на ткачестве и на транспорте. Промышленный мир стал как бы одной огромной фабрикой, где ускоренный ход двигателя, его замедление, его остановки вызывают изменения в деятельности рабочих и регулируют объем продукции.

Современники Джемса Уатта не увидели развития всех результатов великого факта, свидетелями которого они были. Но они имели уже возможность предугадать их. У них было смутное сознание, что начинается новая эра, исполненная возможностей, меры которой не может дать никакое сравнение с прошлым. В 1797 г. Эден писал: «Есть основание полагать, что в механике мы еще дети. Если принять в расчет число изобретений, сделанных за последние 50 лет, в целях сокращения промышленных операций; если подумать о том, что общепотребительные ныне, они 50 лет тому назад были совершенно неизвестны,—то не будет ничего странного в предположении, что еще через 50 лет будут сделаны еще другие изобретения, в сравнении с которыми паровая и прядильная машины, как они ни удивительны в наших глазах, покажутся изобретениями малозначащими и неважными»¹.

¹ F. M. Eden, State of the poor, I, 44.

часть третья

БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Если бы промышленная революция исчерпывалась только несколькими техническими усовершенствованиями, если бы ее последствия не выходили из сферы оборудования и товаров, то она, в конечном счете, была бы фактом небольшого значения и занимала бы лишь немного места в общей истории. Но через посредство вещей, этих конкретных выражений нужд, расчетов и деятельности человека, она оказала действие на самого человека. Она наложила свою печать на современное общество, сначала в Англии, а затем во всех цивилизованных странах; чтобы признать этот факт, нет необходимости принимать без оговорок гипотезу исторического материализма. Будем ли мы рассматривать общество извне и в его целом, как народонаселение, которое увеличивается и распределяется согласно известным законам, будем ли мы изучать его внутреннюю структуру, образование, функции и отношения классов, его составляющих, — везде мы находим следы этого великого движения, преобразовавшего строй производства и тем самым изменившего условия жизни для всего коллектива в целом.

I

Быстрый и непрерывный рост народонаселения не есть явление, отличающее специально нашу промышленную цивилизацию. Оно может иметь место и действительно происходит в совершенно различных обстановках: достаточно привести пример Китая, где мелкая земельная собственность и интенсивное земледелие прокармливают крупнейшее скопление людей, какое только существует на земном шаре. Можно было бы прибавить, что замечательное движение народонаселения, происходящее в течение последнего столетия в западно-европейских странах, нельзя приписывать только одной какой-нибудь причине: разве ему не благоприятствует все, что имеет тенденцию увеличивать общественное благосостояние и индивидуальную безопасность? Но важно отметить один факт, — что оно не предшествовало

режиму крупной промышленности. В наше время численно неподвижное население или население, медленно возрастающее, составляет предмет тревоги и скандала; полтора или двести лет назад удивление вызывал бы противоположный факт. В своих «Наблюдениях над состоянием Англии», написанных в 1696 г., Грегори Кинг предсказывал в следующих выражениях рост английского народонаселения в будущем: «По всей вероятности, оно в течение ближайших 600 лет, к 2300 г. нашей эры, удвоится: к этому времени Англия будет иметь 11 млн. жителей. Следующее удвоение произойдет, надо полагать, только после нового промежутка в 12 или 13 веков, т. е. к 3500 или 3600 году; королевство будет считать тогда 22 млн. душ,—если, конечно, мир будет существовать тогда»¹.

Грегори Кинг был оптимистом. В течение всего XVIII в. было весьма распространено мнение, что народонаселение Англии все уменьшается². Об этой убыли народонаселения говорили, как о бесспорном факте; такие государственные люди, как Шельборн и лорд Чатам (старший Питт), публично выражали свои опасения по этому поводу³. Это предполагаемое зло приписывалось самым разнообразным причинам: чрезмерному увеличению военных сил, войнам, эмиграции, слишком тяжелым налогам, вздорожанию пищевых средств, скупке ферм⁴. Однако, по мере того как рост национального богатства становился более очевидным, складывалась противоположная теория, утверждавшая а priori, что численность народонаселения увеличивается в связи с экономическим прогрессом. Любопытные споры по этому предмету велись между 1770 и 1780 гг.,—в тот самый момент, как со всех сторон проявлялась созидательная деятельность нарождавшейся крупной промышленности.

Возможность таких споров была обусловлена недостатком статистических данных, заслуживающих этого названия. Первая официальная перепись английского населения была произведена в 1801 г.⁵ До этого времени приходилось довольствоваться более или менее правдоподобными вычислениями. Источником цифр, на кото-

¹ *Gregory King, Natural and political observations and conclusions upon the state and condition of England*, p. 9. Население Англии и Уэльса составляло в 1901 г. 32 526 075 человек.

² «Вот уже несколько лет стало ходячим мнение, что народонаселение Англии быстро убывает. Эта убыль будто бы такова, что со времени революции мы потеряли более 1,5 млн. человек. Это мнение встречается не только в политических памфлетах, но и в неоднократных парламентских высказываниях». *Observations on the present state of the waste lands (1773)*, p. 5.

³ См. их речи о потерях, понесенных во время американской войны. *Parliamentary History XIX*, 599 и XXI, 1036.

⁴ *R. Price, Essay on the population of England*, p. 27 и сл.; *La richesse de l'Angleterre*, p. 84.

⁵ Проект переписи, представленный палате общин в 1753 г., встретил ожесточенную и неразумную оппозицию: «Я не верил,—воскликнул один из ораторов,—чтобы могла найтись группа людей,—да что я говорю,—хотя бы только одно существо, принадлежащее к роду человеческому, достаточно смелое и бесстыдное, чтобы выступить с предложением, которое вы только что выслушали». Говорили, что перепись откроет врагам Англии факт ее упадка, что за ней скрываются тиранические проекты воинской повинности, что она клонится «к полному ниспровержению последних остатков английской свободы». *Parliamentary History, XIV*, 1318—1322.

рых эти вычисления были основаны, являлись либо податные списки, содержавшие число очагов или домов, либо приходские списки, куда заносились крещения, браки и погребения. Вычисляли эмпирически среднее число жителей на один дом или высоту рождаемости и смертности и делали умножение. Так именно поступил Грегори Кинг: в книгах очажной подати он нашел под датой 25 марта 1690 г. цифру в 1 319 115 домов. Дома эти распределялись, по его мнению, на несколько категорий: он различал дома, расположенные в Лондоне, в лондонских предместьях, в других городах Англии и Уэльса, наконец—в местечках и деревнях. Каждой категории он приписывал известный коэффициент населенности, колебавшийся между 4 и 5^{1/2} душами на дом, и на этот коэффициент он помножал число домов, находящихся в соответственном районе. Сложив частные произведения, он получил в итоге общую сумму в 5 318 тыс. душ. Прибавив еще сюда действительный состав армии и флота и дополнительную цифру для компенсации вероятных пропусков в списках, он пришел к общему итогу в 5 500 тыс. жителей¹.

Читатель сразу заметит всю произвольность подобных вычислений. Самые цифры, служившие для них основанием, хотя и заимствованные из официальных документов, всего менее могли считаться надежными. В самом деле, даже те приходские списки, которые велись лучше других, могли дать лишь неполные сведения. Запись того, что мы называем теперь актами гражданского состояния, отнюдь не была тогда обязательной. Сверх того, она носила прежде всего вероисповедный характер. Англиканская церковь регистрировала в каждом приходе только крещения, браки и погребения своих членов: нонконформистами, весьма многочисленными во многих областях, часто даже более многочисленными, чем члены государственной церкви², она не интересовалась. Цифры, взятые из податных списков, также требуют осторожного обращения. Агенты фиска, которым поручалось их составление, становились на чисто практическую точку зрения: для них дома, не платившие очажного или оконного налога, не существовали; чаще всего они не давали себе даже труда сосчитать их. Подобного рода документы, взятые в том виде, в каком они имеются, и обрабатываемые без критики, должны были приводить людей, пользовавшихся ими, к заключениям, которые всего менее можно считать обоснованными.

Именно на эти документы опирались те, которые доказывали, что население Англии убывает. Главный аргумент этого доказательства, пространно развиваемый Ричардом Прайсом в его «Опыте о на-

¹ *G. Chalmers*, Estimate of the comparative strength of Great Britain (1804), p. 52, считает эту цифру слишком низкой. Но она почти совпадает с цифрами, которые дают более недавние гипотезы, основанные на изучении демографических законов и на положительных данных нескольких последовательных переписей. См. *J. Rickmann*, Abstract of the answers and returns to the Population Act 11 Geo. IV, предисл., p. XLV; *Porter*, Progress of the nation, p. 13 и 26, и *Statistical Journal*, XLIII, 462.

² Abstract of the answers and returns to the Population Act 11 Geo. IV, I, XXXII.

родонаселении Англии и Уэльса» (1780)¹, заключался в следующем. В царствование Вильгельма III в королевстве—не считая Шотландии и Ирландии—было около 1 300 тыс. домов. Между тем это число упало в 1759 г. до 986 482, в 1767 г.—до 980 692, в 1777 г.—до 952 734². Как было не заключить отсюда, что население Англии уменьшается? Судя по этим цифрам, оно должно было меньше чем за одно столетие убыть на 25%. Прайс забыл лишь об одной мелочи: цифры, на которых он строил свое сравнение, были добыты из неоднородных источников. Самые старые были взяты из списков очажной подати (heath-tax). Но эта подать была упразднена в 1696 г. и заменена подомовым налогом, исчисляемым сообразно числу окон. Новый налог подал повод к установлению новой статистики, цифры которой не сходятся с предшествующими данными. Отсюда своего рода резкое, и на первый взгляд необъяснимое, понижение уровня. Согласно спискам очажной подати, Лондон имел в 1690 г. 111 215 домов; по реестрам же налога на окна их было в 1708 г. всего 47 031³. Следует ли заключать отсюда, что в начале XVIII в. какая-то внезапная катастрофа разрушила половину Лондона незаметно для современников и истории? Уже одного этого доведения до абсурда (*reductio ad absurdum*) было бы достаточно для доказательства смехотворной непригодности метода исчисления, над которым Артур Юнг произнес окончательный приговор в своей «Политической арифметике»⁴.

Однако представляется мало вероятным, чтобы на тезис об обезлюдении Англии стали нападать в силу одних только соображений о применяемом методе, если бы явные признаки общего процветания не составили сильных презумпций в пользу противоположного взгляда. Как, в самом деле, поверить, что страна слабеет и становится безлюдной, когда видишь, что с каждым днем ее деятельность и богатство возрастают? «Посмотрите,—писал в 1770 г. г. Юнг («North of England», IV, 404—406, 416),—на судоходство, на дороги, на порты; наблюдайте дух предприимчивости, проявляющийся в наших отраслях промышленности. Куда бы вы ни обратили свои взоры, везде вы увидите только богатство... Я показал, что Англия обладает громадными доходами, вполне достаточными для всех ее нужд, что ее земледелие прогрессирует, ее промышленность процветает, ее торговля очень обширна,—одним словом, что это большая трудолюбивая страна. Я утверждаю теперь, что невозможно все это констатировать и тем самым не констатировать, что королевство очень населено. Сколько бы

¹ В 1773 г. Прайс отметил его в своих *Observations on reversionary payments*, II, 280 и сл.

² *R. Price, Essay on the population of England and Wales*, p. 14—18.

³ См. таблицу, дающую сравнение цифр для всех графств у Чолмерса в его *Estimate of the comparative strength of Great Britain*, p. 216.

⁴ «В конечном итоге мы приходим к тому заключению, что факты, при помощи которых думают доказать обезлюдение Англии, абсолютно вымышлены; что нагромождаемые на них догадки совершенно фантастичны и лишены всякого значения; наконец, что выводы, которые делаются из них, могут представлять собою только смесь путаницы и ошибок». *Arth. Young, Political Arithmetic*, I, 90. См. критические замечания В. Эден в *Letters to the Earl Carlisle* (1780), p. XXI—XXIX и *W. Howlett, An examination of D-r Price's essay on the population of England and Wales*, p. 43—62.

ни цитировались таблицы смертности, сколько бы ни искали доказательств убыли населения в списках домов и окон,—цветущее состояние нашего земледелия, наших мануфактур, нашей торговли, наше общее богатство—все они ясно доказывают противоположное»¹.

Все это было, без сомнения, только общим впечатлением: чтобы превратить его в доказанную истину, нужно было бы располагать такими средствами осведомления, какие в то время совершенно отсутствовали. И когда некоторые писатели, как Эден, Хоулетт, Уэльс², имели неосторожность применять сами тот метод, который они подвергли справедливой критике, то они приходили к столь же мало убедительным результатам, как их противники³. Другие авторы, за неимением фактических доказательств, опирались на абстрактные рассуждения—на манер экономистов, последователями которых они были,—и из того, что вначале было только мнением, создавали целую теорию.

Эта теория содержится в скрытом виде (*implicite*) в только что цитированных нами строках Юнга. В других местах той же книги он развивает и объясняет ее. Увеличение богатства и рост народонаселения представляют собой, по его мнению, два факта, неразрывно связанные между собою. Везде, где люди зарабатывают на жизнь, они быстро размножаются. «Труд вызывает к жизни население. На всем земном шаре нельзя найти примера ленивого народа, который был бы многочислен по отношению к площади его территории. Наоборот, страны трудолюбивые очень населены, и тем гуще, чем больше в них работают. Когда работы достаточно и она хорошо оплачивается, тогда семья не есть бремя, и браки заключаются ранние и многочисленные. Совершенно невозможно, чтобы в таких условиях население не возрастало...⁴ Легко констатировать факт, что благодаря труду люди повсюду растут, как грибы»⁵. Опасение, что предприятия растут слишком быстро и для них нехватит рабочих рук, совершенно беспочвенно: «Трудолюбивой нации никогда нет надобности опасаться недостатка рабочих рук, даже для исполнения самых обширных работ. Было бы бессмысленно, разумеется, утверждать, что эти работы могут быть выполнены где угодно, за заранее установленную твердую сумму или при помощи неизменной заработной платы; но везде, где есть работа, т. е. где можно заработать деньги, в рабочих руках никогда не бывает недостатка... Пусть найдут только необходимые деньги, а в людях недостатка не будет»⁶.

К тому же экономический прогресс был бы невозможен, если бы он не сопровождался, по меньшей мере, соответственным ростом народонаселения: если бы земледелие или промышленность могли

¹ A. Young, North of England, IV, 404—406, 416.

² Автор «An inquiry into the present state of population in England» (1781).

³ См. весьма справедливые замечания брошюры, озаглавленной «Uncertainty of the present population of the kingdom» (1781), p. 4: «Невозможно решить с какой-либо степенью точности, увеличилось ли наше население за последнее столетие или уменьшилось, равно ли оно сейчас 8 или 9 миллионам душ или только 4 или 5 миллионам».

⁴ A. Young, North of England, IV, 411.

⁵ Ibidem, I, 173.

⁶ Ibidem, I, 178.

располагать только числом рабочих, строго необходимым для их немедленных нужд, то можно было бы опасаться, что это число станет скоро недостаточным. «Народонаселение должно возрастать быстрее, чем количество работы, которое требуется выполнить; в противном случае предложение оказалось бы ниже спроса. Возьмем пример. Пятьсот человек заняты земледелием. Но вот в стране предпринимаются работы, которые, согласно среднему количеству труда, выполняемому поденщиком, должны занять 300 человек. Так как повышение заработной платы вызывает своего рода общий упадок усердия, то работы не могли бы продолжаться, если бы явилось только триста новых рабочих. Таким образом, для выполнения работы трехсот человек нужно, чтобы повышением заработной платы было, так сказать, создано население в 350 или 400 рабочих»¹. Читатель обратит внимание на эту формулу: народонаселение увеличивается быстрее, нежели количество работы, подлежащей выполнению. Следует ли видеть в ней только конечный вывод логической дедукции? Не находим ли мы в ней как бы предчувствие состояния вещей, которое пока еще едва только обозначалось, но которое дальновзоркие глаза уже различали? Этот избыток населения, рассматриваемый одновременно и как результат и как необходимое условие экономического развития, есть именно то, что Маркс назовет столетием позже «резервной армией крупной промышленности».

Споры о народонаселении Англии продолжали вестись дальше, когда в 1798 г. появилась пресловутая книга Мальтуса². В ней речь идет не об одной лишь Англии: принцип народонаселения, на установление которого претендует Мальтус, есть принцип общий, имеющий силу для всех времен и всех стран³. Следует отметить даже, что из фактов, которыми Мальтус подкрепляет свою теорию, лишь весьма немногие взяты в самой Англии: он хотел обозреть все народы, все состояния цивилизации, дабы показать, что закон его оправдывается—или как будто оправдывается—в самых различных случаях. Однако мы не можем забыть, что книга эта была написана в Англии, в последние годы XVIII в. Идеи рождаются не из одних только идей, и мысль Мальтуса сложилась в такой же мере под влиянием среды и обстоятельств, как под влиянием чтения Адама Смита, Кондорсэ или Годвина. В 1798 г. строй крупной промышленности уже сложился: промышленные центры начинают расти, появляется фабричный пролетариат. В то же время страна переживает один из серьезнейших кризисов: вследствие ряда неурожаев, действие которых усиливается влиянием морской войны, цены пищевых продуктов поднялись в 1795 и 1796 гг. до голодного уровня⁴. О росте нужды можно судить

¹ *Arthur Young, North of England, I, 177.*

² *Essay on the principle of population as it affects the future improvement of society, Londres, 1798.*

³ Об абстрактных корнях теории Мальтуса см. *Élie Halévy, l'Évolution de la doctrine utilitaire de 1785 à 1816, p. 136—156.*

⁴ Цена квартера пшеницы по официальным данным:

в 1791 г.	2	ф. ст.	15	ш.	6	п.
» 1792 »	2	»	»	19	»	7
» 1793 »	3	»	»	2	»	8
» 1794 »	3	»	»	0	»	9

по увеличению налога в пользу бедных: с 2¹/₂ млн. ф. ст. он за 8 лет поднимается почти до 4 млн. Реформа законодательства о призрении бедных, уже подвергшегося изменению в 1782 г.¹, становится очередным вопросом. Среди этого-то быстрого роста населения и этой массовой нужды Мальтус пишет свою книгу, где стремится доказать, что одна есть следствие другого. Страх обезлюдения Англии сменяется теперь страхом, что она будет перенаселена, что она будет обречена на пауперизм не столько вследствие дурного распределения богатства, сколько из-за чрезмерной многочисленности ее населения.

Проблема, которую Мальтус, как ему казалось, разрешил, остается открытой еще теперь. Истинный закон народонаселения, — разумеется, если столь сложными явлениями управляет только один закон, — неизвестен и может быть обнаружен лишь в результате терпеливых исследований, произведенных согласно методам положительной науки. Что касается исторического вопроса об увеличении народонаселения Англии в XVIII в., то он был решен переписью 1801 г. Англия и Уэльс имели в 1801 г. 8 873 тыс. жителей, а Соединенное королевство — 14 681 тыс. Если принять для начала XVIII в. довольно правдоподобное исчисление Грегори Кинга, то надо допустить, что за сто лет население возросло в Англии на 60%, а во всем королевстве оно почти удвоилось. Впрочем территорию Великобритании и Ирландии всего менее можно было считать перенаселенной: плотность населения, втрое меньшая, чем теперь, не доходила в среднем даже до 47 человек на 1 кв. км. Результаты переписи подтвердили впечатление, произведенное теорией Мальтуса. Уже не ставился вопрос об обезлюдении Англии, в которое многие верили, не зная хорошенько почему. Именно с этого момента равномерный рост народонаселения начинает рассматриваться как нормальный закон обществ, и его замедление или остановка — как признак болезненного состояния. Идея эта получила в наши дни прочность догмата, и нигде она не пользуется таким всеобщим и полным признанием, как в Англии. На ней основываются самые грандиозные надежды и мечты англо-саксонского империализма. Первый член империалистического символа веры, имеющего, как мы знаем, своих апостолов и фанатиков, гласит, что богатство и могущество империи будут расти вместе с ее населением, что Канада, Австралия, Южная Африка будут кормить некогда сотни миллионов жителей, целое новое человечество, говорящее на

» 1795 г.	4 ф. ст.	11 ш.	8 п.
» 1796 »	4 » »	10 »	4 »
» 1797 »	3 » »	9 »	9 »
» 1798 »	3 » »	9 »	9 »
» 1799 »	4 » »	5 »	1 »
» 1800 »	7 » »	2 »	10 »

Abstract of the answers and returns to the population Act 11 Geo. IV. I, 211. Цифры записей Итонской школы, опубликованные Туком в его «Hist. of Prices», II, 389, ниже приведенных цифр приблизительно на 10%.

¹ В законе, известном под именем Gilbert's Act. «Во время реставрации английским приходом давали оружие для защиты от бедняков; накануне революции им дают средство распределения помощи беднякам». W. Cunningham, Growth of English industry and commerce, II, 578

английском языке и живущее под сенью английского флага. Конечно, нет ничего невозможного в том, что движение народонаселения, начало которого видел XVIII в., будет продолжаться еще долго. Однако не следует забывать, что это факт недавнего времени, связанный с известными историческими условиями, которые не всегда существовали и которые вполне могут еще измениться или исчезнуть в будущем.

Что касается прошлого, то, повидимому, — особенно категорически на этот счет нельзя быть, дело идет скорее о догадке, нежели о фактах — народонаселение Англии возросло до 1750 г. чрезвычайно медленно. Мы приведем, не ручаясь за их правильность, цифры, предложенные Рикманом в его предисловии к таблицам переписи 1831 г.¹: в 1600 г. Англия и Уэльс имели 5 млн. жителей, около 1650 г. — $5\frac{1}{2}$ млн., в 1700 г. — 6 млн., в 1750 г. — $6\frac{1}{2}$ млн. Таким образом, за полтораста лет население возросло как будто едва на $1\frac{1}{2}$ млн. За следующие полвека, с 1750 до 1801 г., оно увеличилось на $2\frac{1}{2}$ млн. жителей: процент его прироста был вчетверо больше, чем в предшествующий период.

II

Одновременно с увеличением народонаселения перемещался его центр тяжести; уже одного направления этого движения почти достаточно, чтобы привести к отгадке его причин. Приведем на карте Англии (в собственном смысле) поперечную линию от устья Гумбера до устья Северна, почти вдоль юрского склона лондонского бассейна. Обе разделяемые ею области почти равны по площади². Одна, северо-западная, обнимает теперь почти все крупные центры английской промышленности: каменноугольные бассейны средней Англии, Йоркшира и Ланкашира, Нортумберленда и Доргема, скопления фабрик, теснящиеся вокруг Манчестера, Ливерпуля, Лидса, Шеффильда, Ньюкестля. Юго-восточная область представляет театр менее активной и менее концентрированной хозяйственной жизни. Вне Лондона, безмерный рост которого соответствует росту британской мировой империи, в ней мало больших городов. Она изобилует, напротив, старыми историческими городами, которые гордятся своими колледжами, замками и соборами, но остались маленькими и словно заснули, съезжившись за оградой своих вековых стен. Эта противоположность, о которой достаточно напомнить, выступает весьма ясно в статистике. Семнадцать северо-западных графств имели в 1901 г. 16 718 тыс. жителей, между тем в 24 юго-восточных графствах жителей было всего 14 254 тыс., из которых почти треть, — а именно 4 536 тыс. — приходилась на одно Лондонское графство³. Первая группа имела 21 город с населением не менее 100 тыс. каждый, причем в трех городах насе-

¹ Abstracts of the answers and returns to the population. Act 11 Geo. IV, предисл., I, XLV.

² 71 573 кв. км (юго-восточные графства) против 61 852 кв. км (северо-западные графства).

³ Лондонское графство было учреждено в 1888 г.

ление превышало 500 тыс. человек, а в 12 городах число жителей превышало 200 тыс.¹ Вторая группа содержала лишь восемь таких городов, причем в эту цифру входят уже Лондон и два его предместья—Вестгэм и Кройдон². Средняя плотность населения составляла на северо-западе 270 человек на 1 кв. км, на юго-востоке—только 199, а если выделить Лондонское графство, то всего 135.

Совершенно иная картина представлялась в XVIII в. Мы попытались изобразить на трех картах состояние народонаселения в 1700, 1750 и 1801 гг. Документы, приложенные к переписи 1801 г., позволяют нам сделать эту попытку, не вызывающую тех возражений, которые возбуждают лишены серьезного базиса исчисления XVII и XVIII вв.; метод предположений становится законным, когда он основывается на сравнениях с надежными и полными данными официальной переписи³. При рассмотрении первой из этих трех карт поражает прежде всего незначительная средняя плотность населения сравнительно с нынешней. Вне Лондона и его ближайших окрестностей ни одно графство не имеет 60 жителей на 1 кв. км. Что касается распределения, то оно чрезвычайно ясно: наиболее населенные графства группируются в почти непрерывную полосу от Бристольского канала до побережья Сэффолька. Эта узкая полоса содержала более трех пятых всего населения Англии. Северные графства были населены слабо; Ланкашир, Западный Йоркшир имели не более 30—40 жителей на 1 кв. км.

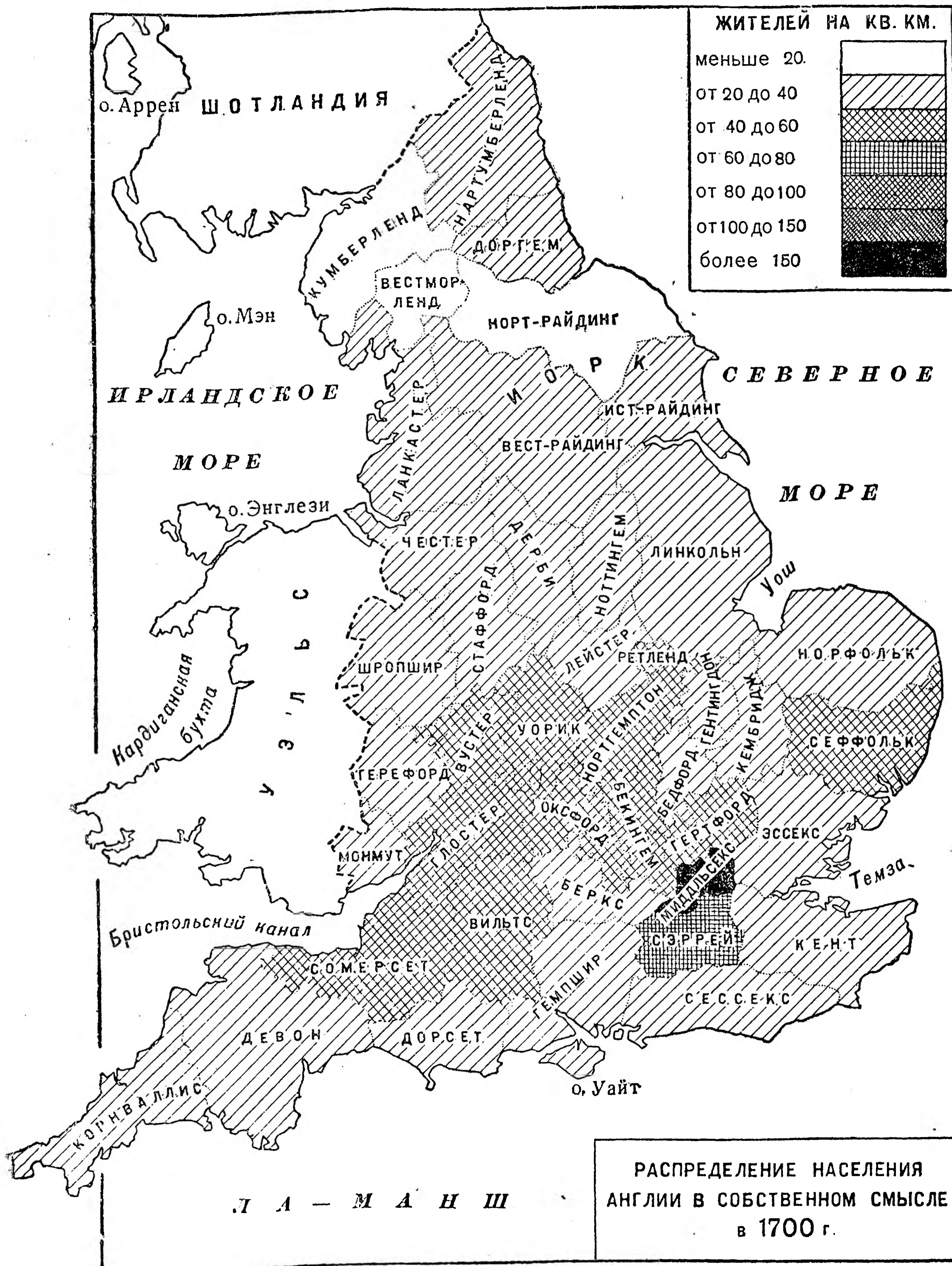
В 1750 г. начинает обозначаться движение к северу. Население как бы передвигается к Атлантическому океану, куда его привлекает развитие морской торговли, возрастающее богатство Ливерпуля и Бристоля. Наиболее населенная зона образует треугольник, широкое основание которого лежит на западе и тянется к северу до графства Доргем. Наконец, в 1801 г. вид карты полностью изменился. Лондонское скопление людских масс образует в обращенном к континенту углу Англии обособленное пятно, между тем как густо заштрихованная полоса, расширяясь к северу, тянется через центральные и западные графства к югу, оканчиваясь у подножья Кумберлендских гор и у подступов Уэльского массива. Если бы не Лондон, с его 900 тыс. жителей, то северо-западная группа уже в эту эпоху сравнялась бы с юго-восточной: население первой составляло 3 895 тыс. душ против 4 711 тыс. второй. Возьмем теперь карту, изображающую распределение населения Англии в 1901 г.: мы находим в ней, бесспорно, резче выраженные, но те же ясно распознаваемые характерные особенности. С 1801 до 1901 г. совершается одно и то же дви-

¹ Биркенхед—110 926 жителей, Бирмингем—522 182, Блекберн—127 527, Больтон—168 205, Бадфорд—279 809, Бристоль—328 842, Дерби—105 785, Гейтсхед—109 887, Галифакс—104 933, Гульль—240 618, Лидс—428 953, Лейстер—211 574, Ливерпуль—684 947, Манчестер—543 969, Ньюкестль—214 803, Ноттингем—239 753, Ольдгем—137 238, Престон—112 982, Салфорд—220 956, Шеффилд—380 717, Сандерленд—145 565 жителей.

² Брайтон—123 478 жителей, Кройдон—133 885, Норвич—111 728, Плимут—107 509, Портсмут—189 160, Саутгемптон 104 911, Вестгэм—267 308, Лондон—4 536 036 жителей.

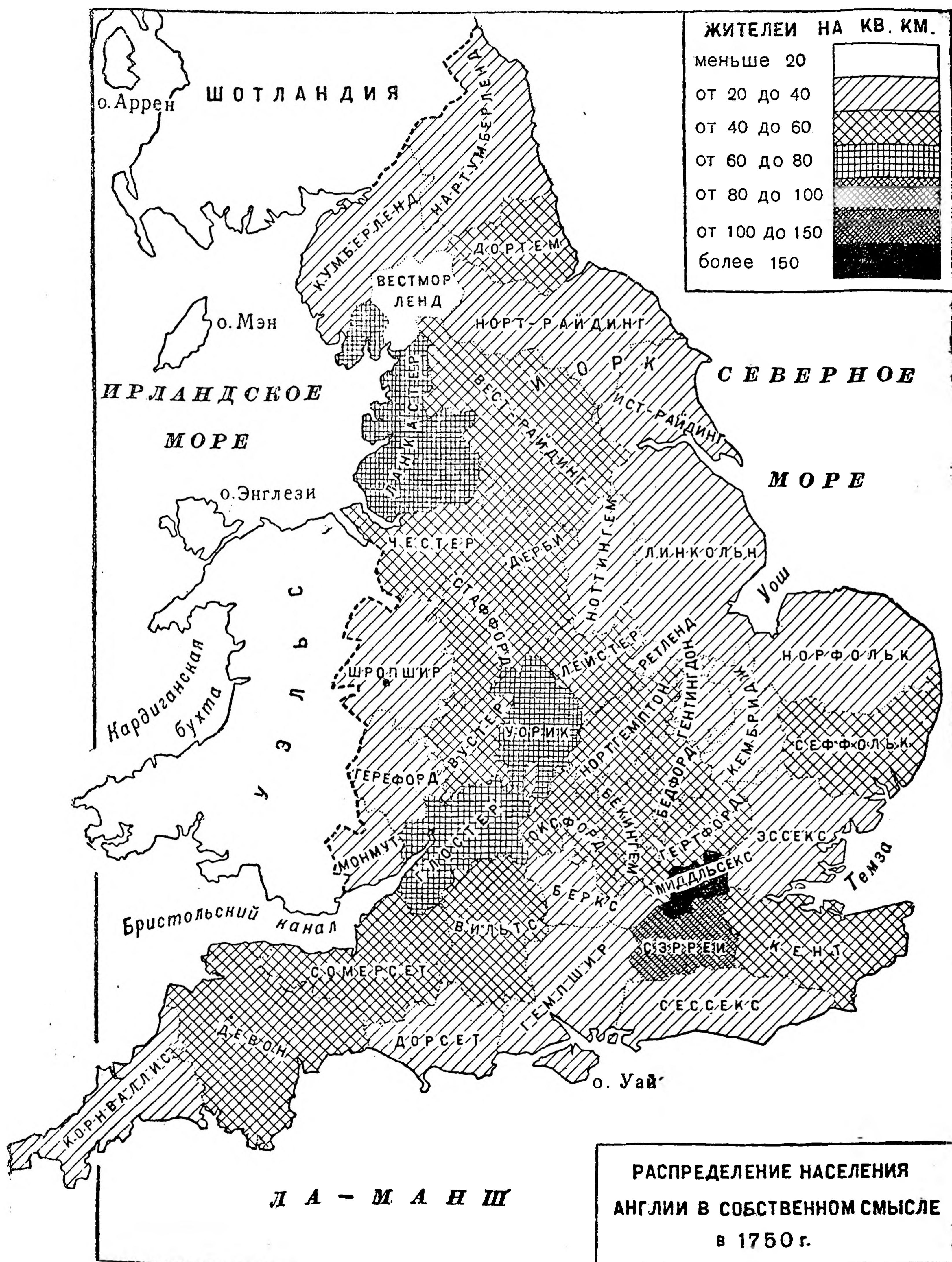
³ См. Abstracts of the answers and returns to the Population Act. 41 Geo. III, I, 11 и сл. (Observations on the results.)

жение, не меняющее своего направления; между тем в 1700 г. оно еще не начиналось.

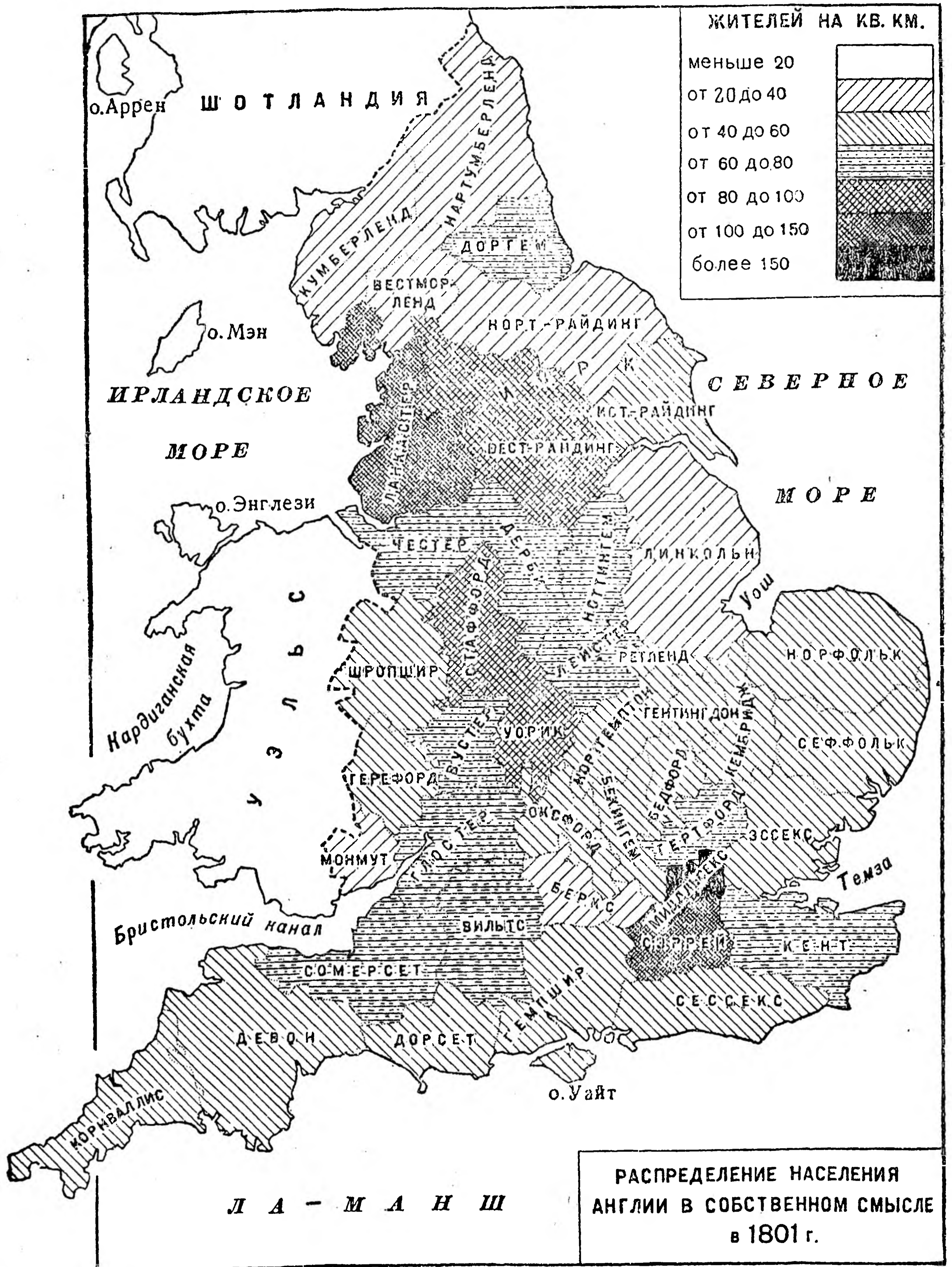
Что означает это перемещение населения на север и на запад? Чтобы понять его смысл, надо изучить его ближе и в деталях. Возьмем, например, одно из южных графств—Вилтшир. Это одна из типичных областей старой промышленности, с ее домашними ма-

стерскими, разбросанными по деревням, с ее маленькими городами, местожительством предпринимателей и торговцев. В 1700 г. Вилът-

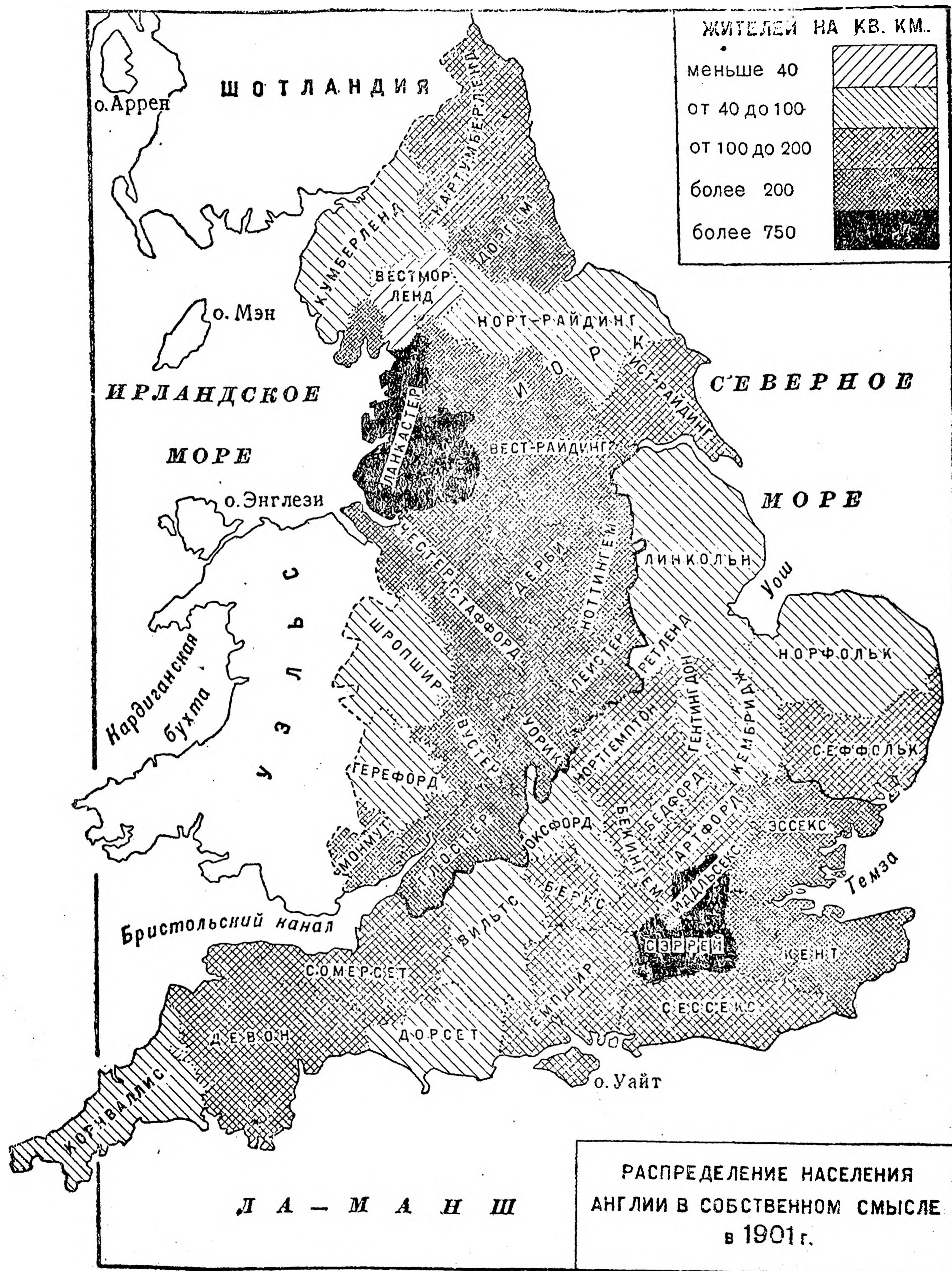
шир занимал по плотности населения третье место, после Миддль-секса и Сэррея: она составляла в нем более 50 жителей на 1 кв. км. В течение XVIII в. плотность населения возрастает, но очень медленно, она не поднимается выше 55—в 1750 г. и 62—в 1800 г. В чисто

земледельческих графствах, как Гентингдон или Линкольн, прогресс еще более медленный: за сто лет плотность населения поднимается лишь с 37 до 41 и с 25 до 30 жителей. Рассмотрим теперь районы, в

которых развиваются новые отрасли промышленности, где появляются машинное производство и крупные предприятия. Уорикшир и Стаффордшир, на границе которых находится металлургический и горный округ Бирмингема, считали вместе 214 тыс. жителей в

1700 г., 300 тыс.—в 1750 г., 462 тыс.—в 1801 г. Здесь население лишь немногим более чем удвоилось, но в Ланкашире оно возросло более чем в 4 раза; со 166 тыс. жителей—до 695 тыс. И—факт

многозначительный—три четверти этого огромного прироста приходятся на вторую половину века.

Действительно, именно тогда крупная промышленность породила в местностях, где развитие ее встретило наиболее благоприятные

условия, те мощные скопления людских масс, чудовищный рост которых продолжается еще на наших глазах. Вначале скопления эти были еще несколько разбросанными, как и самые отрасли промышленности, вокруг которых они образовались; окончательно установились и упрочились они лишь после введения паровой машины.— Первые фабрики, машины которых приводились в движение водяными колесами, были обычно расположены вне городов. Между тем они не могли устраиваться иначе, как вблизи от какого-нибудь города. Им нужен был не слишком отдаленный рынок для закупки материалов и продажи своих изделий ввиду довольно большой еще трудности сообщений и транспорта. Им нужны были рабочие руки не только для работы, выполнявшейся в их мастерских, но и для той раздаваемой на сторону работы, которая была необходимым дополнением первой. Как известно, в период, предшествовавший изобретению механического ткацкого станка и пока он не вошел еще во всеобщее употребление, хлопок и шерсть, спряденные на машине, приходилось ткать на ручных станках; деревенские ткачи были слишком разбросаны, чтобы справиться со всей этой работой. Вот почему центры крупной промышленности могли, даже до появления паровой машины, установиться в определенных местах и развиваться с быстротой, предвещавшей их будущую грандиозность.

III

Среди городов, название которых встречается на каждой странице настоящей книги и которым крупная промышленность обязана столько же, сколько они обязаны ей, города хлопчатобумажной промышленности представляют пример наиболее замечательного и раннего роста. В ряду их первое место занимает важнейший и прославленнейший из них всех, остающийся поныне классическим типом большого промышленного города: я разумею Манчестер.

Не надо думать, что город Манчестер—современного происхождения. Напротив, он очень старый город: это *Mancunium* римлян¹. Он господствовал над проходом между крутыми склонами Пеннинских гор и непроходимыми торфяными болотами, тянувшимися со стороны моря². Его положение на берегу реки Ирвелль, недалеко от ее слияния с Мерсеем, и среди амфитеатра холмов, окружающего южную часть Ланкашира, предопределяло его роль местного менового центра. Крутой скат водных потоков, спускающихся со всех сторон к естественному бассейну, в глубине которого лежит Манчестер, был одной из причин его промышленной карьеры. Тканье полотна и грубых шерстяных материй, называемых *cottons*, которые долго были

¹ См. *Itinerarium Antonini Augusti, Iter Britannicum; Monumenta Historica Britannica, I, XXII*. Рассуждения Джога Гуитекера в *Hist. of Manchester, I, 3* и сл. не прибавляют к этому тексту ничего убедительных разъяснений.

² В конце XVIII в. они покрывали еще большие пространства. См. описание, которое дает Aikin: «В засуху поверхность достаточно прочна, чтобы выдержать тяжесть человека, но при каждом его шаге земля дрожит на большом пространстве; лошадям же и скоту рискованно вступать на эту почву. В дождливое время эти болотистые земли образуют непроходимое препятствие». *J. Aikin, Description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 41*.

специальностью района, принесли Манчестеру к концу средних веков благосостояние, о котором свидетельствуют еще теперь один-два памятника, сохранившиеся среди нового города¹. В эпоху крупных суконщиков времен Возрождения слава его была выше его действительного значения²: о нем говорили как о значительном городе, между тем как, по правде сказать, это была лишь богатая деревня³.

В XVII в. появляется хлопчатобумажная промышленность. Манчестер именно тогда становится городом, но официально не признается и еще долго не будет признаваться таковым. Он не имеет городской думы и не посылает депутатов в палату общин⁴. Вот почему де Фоэ называет его еще в 1727 г. «одним из самых больших, если не самым большим селом Англии»⁵. Далеким, впрочем, от желания изобразить его как незначительный поселок, де Фоэ исчислял его население в 50 тыс. человек—цифра, смехотворно преувеличенная; на самом деле оно составляло максимум 9—10 тыс. человек⁶. Обстоятельством, которое могло вызвать иллюзию насчет численности его населения, была оживленная деятельность всей округи. Манчестер был рынком для промышленного района, раскинувшегося на 10—15 миль кругом. В нем выделывали шерстяные материи, грубые холсты, фетровые шляпы, в особенности же всякого рода и всяких сортов хлопчатобумажные ткани, миткали, бумажные бархаты, ситцы ярких цветов, которые вывозились ливерпульскими купцами в Африку и колонии⁷. После критического периода запретительных законов хлопчатобумажная промышленность развивается равномерно и без перерывов. Рост населения следует параллельной кривой. В 1753 г. две церкви Манчестера перестают быть достаточными для населения и возбуждается ходатайство о разрешении на постройку новой церкви⁸. В 1757 г. другое ходатайство свидетельствует о новых нуждах увеличивающегося населения: жители просят, чтобы их освободили от обязательства отдавать свое зерно для помола в School Mill, старую господскую мель-

¹ Здания Четемского госпиталя, содержащие прекрасную библиотеку, построены в XV в.; церковь, недавно обращенная в кафедральный собор, построена в первой части XIV в.

² «Манчестер—уже давно очень населенный город... В нем производят льняные и шерстяные ткани, и эта промышленность обогащает жителей и дает им возможность жить с удобствами. Их энергия, аккуратность и честность обуславливают частое посещение их купцами из Ирландии и разных других стран». 33 Henry VIII, с. 15, введение.

³ Этим выражением пользуется *W. Ashley* в *Histoire et doctrines économiques de l'Angleterre*, франц. перев., II, 68.

⁴ В парламенте Манчестер представлен лишь со времени избирательной реформы 1832 г.

⁵ *De Foë*, *Tour*, II, 69 и III, 209—211.

⁶ *Th. Percival*, *Observations on the state of population in Manchester and Salford*, p. I, указывает для 1717 г. цифру в 8 тыс. человек, основываясь на указаниях приходских списков (в сводке в *Abstracts of the answers and returns to the Population Act 41 Geo. III*, II, 149) и сравнивая с ними данные местной переписи 1773 г. (3 т. рукописи в Четемской библиотеке), приходим почти к тому же результату.

⁷ *J. Aikin*, *Descr. of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 158—161.

⁸ Петиция ректора и членов коллегии. *Journ. of the House of Commons*, XXXVI, 556.

ницу, давно уже ставшую недостаточной для нужд местного потребления; городская перепись, произведенная для подкрепления этого ходатайства, дает для Манчестера и Сальфорда цифру населения приблизительно в 20 тыс. душ¹. Площадь, занятая домами, была еще очень ограничена, если сравнить ее с огромной площадью, которую занимают теперь эти два города-близнеца. Несколько узких и мрачных улиц сгруппировались вокруг Cannon Street, где жили главные торговцы, и возле старой дороги в Честер; обе эти улицы сходились у единственного моста через р. Ирвелль. По другую сторону моста, внутри большой излучины, образуемой рекой, весь Сальфорд занимал не намного больше места, чем теперешний большой вокзал у Биржи. Королевская больница, постройка которой относится к 1753 г., была расположена за городом. Кругом тянулись везде поля, и в пересекающих их речках Ирке и Медлоке, ныне более загрязненных и черных, чем Бьевра в Париже, ловили еще тогда форелей².

Среди фактов, наиболее способствовавших росту города, следует отметить прорытие Ворслеевского канала, позволившего жителям Манчестера дешево запасаться отныне каменным углем, и проведение Мерсеевского канала, которое сделало более легкими и правильными торговые сношения с Ливерпулем. В последующие годы были приняты важные меры для улучшения улиц и освещения их, для организации помощи в случае пожаров³, — явные признаки заметного, хотя еще только начинающегося развития. Новая перепись, предпринятая в 1773 г. группой частных лиц, во главе которых стоял Джон Уитекер, первый историк Манчестера, измерила достигнутый прогресс. Результаты ее были следующие: Манчестер — 3 402 дома и 22 481 житель, Сальфорд — 866 домов и 4 765 жителей; в общем итоге — несколько больше 27 тыс. душ, следовательно, в среднем, 6—7 человек в одном доме⁴. Статистика эта особенно интересна в том отношении, что она была собрана как раз в тот момент, когда начала меняться техника текстильной промышленности. Употребление дженни распространялось уже в Ланкашире и в соседних графствах, но кромфордская фабрика Аркрайта была основана всего за каких-нибудь два года перед тем, и в Манчестере не было еще пока ни одной прядильни. Таким образом, если население этого города за 50 лет утроилось, то причиною, скажут, было здесь не машинное производство. Разумеется, но причиною были силы, подготовившие машинное производство и склонявшие уже всю экономическую эволюцию в том направлении, в котором ему предстояло вскоре стремительно двинуть ее. И когда машинное производство, наконец, появилось, то непосредственно предшествовавшее ему движение народонаселения пошло

¹ *J. Aikin*, *ouvr. cité*, p. 156; *Th. Henry*, *Observations on the bills of mortality for Manchester and Salford*, *Memoirs of the literary and philosophical Society of Manchester*, III, 159; *Th. Percival*, *Observations on the state of population in Manchester*, p. I.

² См. серию планов Манчестера в картографическом отделении Британского музея.

³ См. *Journ. of the House of Commons*, XXX, 159.

⁴ *Census of Manchester and Salford (1773)*, Четемская библиотека.

вперед показательно-ускоренным темпом: в 1790 г. Манчестер имеет 50 тыс. жителей, в 1801 г.—95 тыс., включая население предместий¹.

В то же время меняется внешний вид города. Крупные фабрики устраиваются в нем во все большем числе, особенно с того момента как паровая машина начинает заменять собою гидравлический двигатель. В 1786 г. над городскими домами возвышалась, по словам одного современника, только одна фабричная труба—прядильни Аркрайта². Пятнадцатью годами позже в Манчестере было уже около 50 пряделен, большинство которых имело паровые машины³. Кругом них, образуя словно пояс вокруг старого города, тянулись рабочие кварталы, построенные наспех и слишком тесные для скучившегося в нем населения. В их почернелых от копоти и сырых улочках господствовали эндемические лихорадки⁴. Напротив, центр, где были расположены магазины, стал красивее: в нем проложили широкие улицы, окаймленные с обеих сторон высокими каменными домами⁵. Наконец, совсем за городом, в направлении к юго-востоку, появились изящные виллы, окруженные садами: там жила новая аристократия, вновь народившийся очень богатый класс «хлопчатобумажных лордов» (*cotton lords*)⁶. Манчестер еще долго сохранял эти характерные черты, которые в XIX в. повторились во всех больших промышленных городах Англии. Современный прогресс в способах сообщения изменяет их лишь в том смысле, что все более резко подчеркивает их.

Определить, как образовалось население Манчестера, задача довольно трудная, по крайней мере для описываемой эпохи. Несомненно, что рост его был преимущественно результатом иммиграции. Многие рабочие пришли из соседних графств, привлеченные сравнительно высокой заработной платой в хлопчатобумажной промышленности⁷. Притягательная сила ее сказывалась на далеком расстоянии: не только в Манчестере, но и во всем Ланкашире появляется уже ирландский элемент⁸.

Историю Манчестера повторяет—в меньшем, разумеется, масштабе—большинство окружающих его городов. Ольдгем был около 1760 г. селом, имевшим от 300 до 400 жителей⁹. В нем ткали шерсть

¹ См. *Wheeler*, Manchester, p. 249. Официальная цифра—84 020 человек. Abstracts of the answers and returns to the population Act 41 Geo. III, I, 173.

² Report of the minutes of the evidence taken before the select committee on the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom (1816), p. 317.

³ *Svedenstjerna*, Reise, p. 188.

⁴ *Th. Henry*, ouvr. cité, p. 161—162 и *Aikin*, ouvr. cité., p. 192. См. гл. III. La révolution industrielle et la classe ouvrière, p. 433. В 1790 г. было решено построить новый дом призрения бедных. См. Journ. of the House of Commons, XLV, 194, 544.

⁵ *J. Aikin*, ouvr. cité, p. 182, 192, 373. До 1760 или 1770 г. почти все дома в городе были еще деревянные или глиняные.

⁶ *Ibidem*, p. 203.

⁷ Средняя заработная плата в сельском хозяйстве с 1789 до 1803 г.—10 шилл. в неделю, *Th. Rogers*, Six centuries of work and wages, p. 510. Средняя заработная плата в промышленности в Манчестере—16 шилл. в неделю. *F. M. Eden*, State of the poor, II, 367.

⁸ A second letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist (1800), p. 11.

⁹ *E. Butterworth*, Hist. of Oldham, p. 110—111.

и хлопок, пользуясь при этом недавно введенным в употребление самолетным челноком. Первые фабрики были основаны в нем между 1776 и 1778 гг.¹ В 1788 г. их было на территории прихода двадцать пять, и село превратилось в город, предместья которого образовала густо населенная сельская округа². В 1801 г. township содержал 12 тыс. жителей, а весь приход—20 тыс. Больтон состоял в 1753 г.—год рождения Самюэля Кромптона—из одной кривой и плохо вымощенной улицы, вдоль которой тянулись в два ряда деревенские хижины, окруженные садами. Ткачи из окружающих деревень приносили сюда для продажи свои куски материй «в мешках на одном плече, а на другой руке висела часто корзинка со свежим маслом»³. В 1773 г. население его превышало уже 5 тыс. жителей; в 1789 г. оно дошло до 12 тыс.⁴, в 1801 г.—до 17 тыс. То же самое происходит в Рочделе, в Бэри, Блэкберне, Престоне, Вигане, Стокпорте, Аштоне, Стэлибридже; во всех пунктах этой бедной местности благодаря приливу одной и той же жизненной силы вырастает за немногие годы густой ряд городов⁵.

Не следует забывать, что промышленность отнюдь не была сосредоточена вся в городах, а захватывала довольно большой район вокруг них. Рост населения в этих промышленных пригородах происходил часто еще энергичнее, чем в самих городах. Деревушка Тильдсли, к югу от Больтона, состояла в 1780 г. из двух ферм и 8—9 коттеджей; в 1795 г. в ней насчитывалось не менее 162 домов, одна церковь и 976 жителей, в том числе 325 ткачей. Все это—благодаря почину некоего Джонсона, построившего здесь шестиэтажную фабрику, состоявшую из прядильни и красильни и снабженную новейшим механическим оборудованием⁶. Когда видишь эти примеры, то получается такое впечатление, что благодаря промышленности люди, согласно энергичному выражению Юнга, действительно «вырастают из-под земли».

¹ Butterworth, p. 117. Из первых шести три были снабжены для приведения в движение их машин водяными колесами, а три остальные пользовались для этой цели лошадьми.

² Ibidem, p. 132, 148.

³ French, Life of Samuel Crompton, p. 9; de Foë в 1727 г. упоминал Больтон только как место происхождения одного дворянского титула. Tour, III, 217.

⁴ J. Aikin, ouvr. cité, p. 260.

⁵ См. E. Butterworth, Hist. of Ashton-under-Lyne, p. 81 и сл.; J. Aikin, Description of the country from thirty to forty miles round Manchester, p. 260 и сл.; F. M. Eden, State of the poor, II, 298. Вот население некоторых из них по переписи 1801 г.

	Город	Приход
Аштон	5 000	15 000
Рочдэль	7 000	29 000
Бэри	5 500	22 300
Блэкберн	10 000	14 300
Престон	11 000	33 000

⁶ В своей книге «Description of the country round Manchester» (1795), p. 299 Эйкин отмечает удачный выбор места для этой фабрики: «Здесь имеется в изобилии каменный уголь, прекрасные проточные воды, кругом живет несколько тысяч ткачей, а на расстоянии каких-нибудь 4 миль проходит Бриджватерский канал». Отсюда видны главные условия, которых искали в описываемое время основатели заводов.

В тех районах, где преобладала шерстяная индустрия, промышленная революция наступила позднее и совершалась медленнее; то же замечание относится к росту их населения и образованию в них больших городов. Лидс был в начале XVIII в. более значительным городом, чем Манчестер¹, но в 1775 г. население его составляло всего 17 тыс. человек², тогда как население Манчестера доходило до 30 тыс. или превышало эту цифру. Настоящее развитие его начинается только около 1780 г., когда в Йоркшире появляется дженни, и становится быстрым лишь с 1793 или 1794 г., когда открываются первые фабрики. Лишь тогда Лидс становится местопребыванием концентрированной промышленности, вместо того чтобы оставаться попрежнему как бы главным городом обширного округа, по которому было разбросано мелкое производство,—рынком, куда несколько тысяч ткачей являлись еженедельно, чтобы продать куски материи, сотканной их собственными руками. Но эта концентрация еще далеко не закончена. Рядом с немногочисленными еще пока фабриками продолжает существовать множество домашних мастерских. Из 53 тыс. жителей, которые приход имел в 1801 г., более 20 тыс. жили в коттеджах, за пределами города в тесном смысле слова.

Если от Лидса, где влияние машинного производства, хотя и слабое еще, все-таки ощущалось уже, мы перейдем к соседнему приходу Галифакса, то перед нами раскрывается совершенно противоположная картина. Здесь никакого глубокого изменения не произошло. Мелкое производство, мелкая собственность, работа на дому—все это сохранилось и существует почти нетронутым³. В зависимости от этого мы видим, что население, издавна довольно густое на всем пространстве этого большого прихода, растет лишь медленно: с 50 тыс. жителей в 1760 г.⁴ оно поднимается в 1801 г. едва до 63 тыс. Что касается самого города, то он развивается еще меньше: он сохраняет свои старинные каменные дома, тесно скучившиеся вокруг его готической церкви; он остается тем, чем не переставал быть в течение нескольких столетий, т. е. местом встречи для окрестных ткачей, которые собираются в его большом суконном рынке, выстроенном в 1779 г.⁵

1 Годы	Манчестер		Лидс	
	Крещения	Погребения	Крещения	Погребения
1700	259	195	290	274
1710	212	260	284	253
1720	298	298	305	186
1730	351	574	569	519
1740	402	622	573	582
1750	653	818	770	548

Abstracts of the answers and returns to the Population Act 41 Geo. III, II, 149 и 371.

² P. M. Eden, State of the poor, II, 847.

³ См. Report from the select committee on the woollen manufacture (1806), p. 9.

⁴ Journ. of the House of Commons, XXVIII, 133.

⁵ J. James, History of the worsted manufacture, p. 616. Соседний город Брайфорд,—ныне гораздо более значительный, чем Галифакс,—оставался до самого конца XVIII в. незначительным поселением. См. J. James, Hist. of Bradford, p. 185, Continuation to the history of Bradford, p. 189 и сл.

В промышленных центрах востока и юго-запада мы присутствуем не только при замедлении роста, но при настоящей остановке его. Норвич, недавно еще третий в королевстве город, после Лондона и Бристоля, опускается в 1801 г. до десятого места¹. Но он остается, по крайней мере, и всегда оставался с тех пор значительным городом. Иное мы видим в юго-западных графствах: здесь упадок полный и безнадежный. Времена их процветания миновали навсегда: конкуренция севера разоряет их. Тщетно производители Тивертон, Фрома, Эксетера пытаются бороться, вводят в своих мастерских механическое оборудование, пробуют даже акклиматизировать у себя хлопчатобумажную промышленность рядом с шерстяной². Города их, считавшиеся накануне промышленной революции среди самых богатых в королевстве, словно осуждены отныне на прозябание. В Тивертоне население падает с 9 тыс. жителей до 7 тыс.³ Фром, каким Эден описывает его в 1795 г., производит жалкое впечатление рядом с большими городами севера: отсутствие новых зданий, старые кривые улицы, грязные, немощеные, зарастающие травой⁴. Это картина упадка, за которым последуют скоро полная заброшенность и тишина—грустное запустение всех былых городов, из которых ушла жизнь.

IV

Города железа выросли не с такой быстротой, как города хлопка, но быстрее городов шерсти. Если они не извлекли пользы из возникновения и развития новой отрасли промышленности, подобно первым, то, по крайней мере, их старые промыслы преобразовались быстро и без затруднений. Правда, это преобразование совершилось вне городов и далеко от них. Большинство крупных металлургических заводов—Дерби в Кольбрукделе, Робека в Карроне, Вилькинсона в Берсгеме и Брэдлее, Гомфрея и Кроушэя в Уэльсе—все они были основаны в стороне от старых центров. И разве мы не видим, наоборот, что в таких городах, как Бирмингем и Шеффилд, вместе с множеством мелких специальностей, сохранились традиционные формы производства⁵. Бесспорно так, но, тем не менее, влияние крупной промышленности не замедлило проникнуть и сюда. Доставляя

¹ Abstracts of the answers and returns to the Population Act 11 Geo. IV, предисловие, р. XXIII.

² *Harding*, Hist. of Tiverton, I, 191. В 1793 г. большая хлопкопрядильня была устроена в Тивертоне, но дела ее владельца пошли плохо, и он должен был вскоре отказаться от своего начинания. См. *J. Billingsley*, A general view of the agriculture in the country of Somerset, р. 90 и 167.

³ *Eden*, State of the poor, II, 142. Даже теперь оно не превосходит 10 тыс. человек.

⁴ *Ibidem*, II, 644.

⁵ В 1780 г. в Бирмингеме было 6 производителей шил, 104—пуговиц, 23 отливщика медных вещей, 26 производителей пряжек, 8 ножевщиков, 9 производителей весов, 12 производителей подсвечников, 29 резчиков печатей, 15 производителей напилков, 21 оружейник, 9 производителей шарниров, 8 чугунолитейщиков, 14 слесарей, 46 производителей накладных вещей, 9 производителей колец, 12 производителей пил и режущих инструментов, 24 кузнеца, 40 производителей безделушек, 26 ювелиров, 17 производителей цепей. *S. Timmins*, D-r Priestley in Birmingham, р. 3.

мелким мастерским необходимое им сырье, они изменили если не способ, то, по крайней мере, размеры производства. Употребление кокса в доменных печах, пудлингование, гентсмановский способ производства стали—все они, если и не изменили тотчас технических привычек бирмингемских производителей мелких металлических изделий и шеффилдских ножевщиков, то чрезвычайно способствовали расцвету их предприятий и росту их городов.

Население Бирмингема было, повидимому, в течение всей первой половины XVIII в. многочисленнее населения Манчестера. В 1740 г. оно доходило, вероятно, до 25 тыс. жителей, в 1760 г.—до 30 тыс.¹ Но в то время как население Манчестера возросло с 1760 до 1800 г. вчетверо, население Бирмингема только удвоилось и составляло по переписи 1801 г. 73 тыс. человек. Город, застроенный самым неправильным образом,—он оставался, впрочем, таким до больших строительных работ, произведенных в течение последних тридцати лет,—был уже довольно велик: он занимал около одной квадратной мили, причем границами его были Вольвергемптонский, Вустерский и Уорикский каналы². Именно у пристаней этих каналов, по которым прибывали каменный уголь и руда, выросли новые кварталы; поблизости от четвертого канала, который шел к Тамворту и к Grand Trunk, возвышался несколько к северу от города большой завод Сохо. Несмотря на свою мало привлекательную внешность, на уродливость своих маленьких кирпичных домов, скучившихся как попало на неровной местности, Бирмингем уже в то время был одним из самых богатых городов королевства. Видимыми для всех свидетельствами его богатства были его два театра, его библиотека, основанная по общественной подписке³. Богатство это распределялось, впрочем, весьма неравномерно: из 8 тыс. домов, переписанных, в 1780 г. администраторами налога в пользу бедных, только 2 800 были обложены⁴.

Группировка населения вокруг Бирмингема представляла уже тогда свое характерное расположение. К северо-западу от города, в южном углу Стаффордшира, тянулся очень населенный округ, богатый залежами каменного угля, оглашавшийся в продолжение всего дня стуком молотов, а ночью освещенный отблеском огней в кузницах. Это так называемый «черный край» (Black Country) между Додлеем и Вольвергемптоном, уже тогда заслуживавший своего названия. Сведеншерна насчитал здесь в 1802 г. на небольшом пространстве около 40 доменных печей⁵. Напротив, во всех других

¹ См. *Hutton*, *Hist. of Birmingham*, p. 57—59 (тенденция преувеличивать цифры); *Clarke MSS*, III, 46; *Abstracts of the answers and returns to the Population Act 41 Geo. III*, II, 319 (цифры, извлеченные из приходских списков).

² План Бирмингема в 1795 г. у *W. Hutton*, *Hist. of Birmingham*, p. 80. План, составленный Шериффом (1805)—сравн. с планом, составленным Брайфордом в 1750 г. (Британский музей, Отдел карт. № 72 830 и 72 835).

³ *W. Hutton*, *ouvr. cité*, p. 165 и 196—200. О постройке новых церквей. См. *Journ. of the House of Commons*, XXXIII, 494 и LVIII, 365.

⁴ *Journ. of the House of Commons*, XXXVII, 576.

⁵ *E. Svedenstjerna*, *Reise*, p. 83. Много гвоздарных мастерских и мастерских для производства разного скобяного товара было еще рассеяно по деревням. См. *W. Pitt*, *A general view of the agriculture in the county of Stafford*, p. 160 и сл. (1794).

направлениях путешественник попадал из очень густо населенного промышленного центра прямо в степь, усеянную редкими деревнями, над которыми выспись вдали стройные колокольни Коventри и зубчатые стены Уорикского замка, отражающиеся в тихих водах Авона.

Шеффилд развивался медленнее Бирмингема. Произошло ли это потому, что его промышленность, распределенная, как в Бирмингеме, между большим числом мелких, специализировавшихся мастерских, застыла еще, сверх того, в своих устарелых традициях благодаря регламентации, на страже которой стоял цех ножевщиков Галламшира? Или же это было следствие его географического положения, не столь выгодного, как положение Бирмингема, так как оно менее центрально? Так или иначе, но Шеффилд был скоро опережен своим соперником: в 1760 г. его население равнялось приблизительно только 20 тыс. жителей, а в 1801 г.—45 тыс.¹ Но сколько городов с 45-тысячным населением имела Англия одним столетием раньше?

Чтобы произвести сравнение, нет даже надобности перенестись назад на целое столетие. До 1750 г. большим городом называли уже поселение, имевшее более 5 тыс. жителей. Описывая графство Девон, де-Фоэ мог сказать: «Это—край, полный больших городов»². Фактически масса населения жила в деревнях и местечках, имевших менее 300 очагов. А сколько среди этих «больших» городов—по понятиям, господствовавшим 150 или 200 лет назад,—сколько найдется таких, которые оправдали бы возлагавшиеся на них в свое время надежды? Напротив, города, рост которых ведет свое начало от промышленной революции, не переставали разрастаться. Судьба их была связана с судьбой крупной промышленности. Не только их местоположение, но и структура и физиономия их определились сразу. Последние годы XVIII в. видели их такими же, какими мы знаем их теперь: безобразными и черными, окутанными дымной атмосферой, простирающимися во все стороны, словно бесформенные щупальцы, свои плохо построенные предместья, но в то же время исполненными бьющей через край энергии, богатыми и богатеющими с каждым днем все больше, поддерживающими уже сношения со всей Европой, в которую они выбрасывали избыток своего беспрерывно возрастающего производства. В этих городах нового типа, в которых развивается новая городская жизнь, неизвестная старой Англии, образуются на протяжении одного или двух поколений новые люди, новые классы, можно сказать,—новый народ: с одной стороны, огромная, разношерстная толпа рабочего пролетариата, наполняющая промышленный муравейник своим дисциплинированным движением; с другой—над ним и управляя, в интересах получения себе прибыли, всем механизмом крупной промышленности, промышленная аристократия, могущественный класс капиталистов, основателей и владель-

¹ Предположительные цифры, данные Еденем в *State of the poor*, II, 869, слишком малы по отношению к точной цифре 1801 г. См. *Journ. of the House of Commons*, XXVIII, 497.

² *De Foë*, *Tour*, I, 81. См. ч. 1-я, гл. I, стр. 32.

цев фабрик. Охарактеризовав движение народонаселения, вызванное промышленной революцией, мы должны теперь перейти к описанию созданных ею социальных групп, потребности, стремления и конфликты которых наполняют собой историю современного мира.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Только по странному незнакомству с историей можно в промышленной революции отыскивать начало капитализма. Начало это отодвигается от нас все дальше в глубь времен, по мере того как мы изучаем его больше: быть может, оно так же старо, как торговля и монета или как различие между богатыми и бедными. Специфической чертой крупнопромышленного строя является применение капитала к производству товаров и самое образование капитала в ходе этого производства является существование класса капиталистов, который по существу есть класс промышленный.

I

Раньше капитал был либо результатом простого чистого накопления, либо плодом обмена на различных его ступенях. Он был либо земельным капиталом, либо финансовым, либо торговым. Если мы спросим, в чьих руках находилось богатство до конца XVIII в., то ответ приводит нас к трем отличным друг от друга группам людей. На первом месте стояли земельные собственники, владельцы светских или церковных земель; этот многочисленный класс пользовался преобладающим влиянием в стране, и экономическая мощь его, укрепленная вековыми привилегиями, была еще очень велика. Вслед за ним шел маленький отряд людей, орудовавших деньгами: менял, банкиров, откупщиков; благодаря своему богатству, своей энергичной деятельности, своим сношениям с правительствами, кредиторами которых они были, они занимали уже значительное место в обществе. Роль их, хотя еще очень специальная и проявлявшаяся лишь в ограниченной сфере, все больше теряла тот характер чего-то исключительного, который она имела раньше, во времена крупных банкиров Флоренции или Аугсбурга. Наконец, третью группу составляли купцы, которые в своих ближних или отдаленных, единоличных или компанейских предприятиях часто употребляли и накапливали большие капиталы. Самые богатые из них составляли в торговых городах настоящую аристократию. В одной из предшествующих глав мы показали, как они постепенно забирали в свои руки промышленность. Но, располагаясь, таким образом, по-хозяйски в области производства, они продолжали, однако, интересоваться больше всего обменом, как этого и следовало ожидать от купцов по профессии; функция их заключалась не в том, чтобы производить, а в том, чтобы покупать и перепродавать. Землевладельцы, обладатели денежных капиталов, торговцы—таковы три категории, в одну из ко-

торых вошли бы, за немногими исключениями, все примеры экономической деятельности, какие можно было бы привести в то время.

Следует, впрочем, допустить, что исключения были. Они связаны с той ранней формой крупной промышленности, которую мы, следуя Марксу, называли мануфактурой. Крупные суконщики XVI в.¹ или железозаводчики Сессекса² были чем-то большим, нежели торговцами и предпринимателями. Собственники оборудования и промышленных помещений, они в то же время организовывали работу и наблюдали за нею, подчиняли своих многочисленных рабочих общей дисциплине, коротко сказать, управляли производством. Но все это были отдельные случаи, которые были замечены и удержаны в памяти именно потому, что они были редки. Что и до крупной промышленности были отдельные лица, игравшие роль владельцев мануфактур,—это факт бесспорный; но чтобы существовал класс владельцев мануфактур—это вопрос иной. В английском языке не было даже термина для его обозначения: слово *manufacturer* обозначало безразлично и рабочего и фабриканта и приближалось чаще к первому смыслу, нежели ко второму³. Около 1720 г. «видный манчестерский промышленник» спускался в мастерскую в 6 час. утра, завтракал овсяной похлебкой вместе со своими учениками и брался за работу рядом с ними⁴. Вступив в дело без капитала, он зарабатывал себе средства к существованию изо дня в день, и если после нескольких лет труда он наживал немного денег, то откладывал их, не меняя из-за этого ни в чем своих привычек⁵. Он почти не выходил из своей мастерской или своей лавки и пил вино раз в год, в праздник рождества христового. Любимым его развлечением было—собраться вечером с несколькими лицами своего круга в таверне, где обычная трата сводилась к 4 пенсам на эль и 1/2 пенни на табак⁶. В Йоркшире, где промышленность была особенно раздроблена, различие между

¹ См. введение, стр. 9 и сл.

² См. ч. 2-я, гл. III, стр. 227.

³ *A. Toynbee, Lectures on the industrial revolution in England*, p. 53: «Промышленником был буквально человек, работавший собственными руками в собственном коттедже». *Ibidem, Industry and democracy*, p. 183.

⁴ *A complete history of the cotton trade*, p. 170; *J. Wheeler, Manchester, its political, social and commercial history*, p. 149.

⁵ У Эйкина (*Description of the country*, p. 181) мы читаем: «История манчестерской промышленности может быть разделена на четыре периода: первый, когда промышленники трудились не покладая рук, чтобы заработать на жизнь, и не успели еще скопить никакого капитала; второй—когда, начав богатеть, они так же упорно работали и так же просто жили, как прежде, и увеличивали свое маленькое состояние столько же бережливостью, сколько умеренными барышами; третий—когда появилась роскошь и производство получило толчок благодаря рассылке коммивояжеров для собирания заказов во все торговые города королевства; четвертый—когда коммерческие сношения со всей Европой придали этой недавно появившейся роскоши всю ее мощь». Интересно отметить, что различие между этими периодами образуют последовательные успехи не промышленной техники, а торговли с Англией и чужими странами. Промышленники, о которых говорит Эйкин, были главным образом коммерсантами.

⁶ *J. Aikin, Description of the country*, p. 190. В конце века крупный промышленник держит уже выездного лакея, имеет городской дом и дачу и ездит на морские купанья в Бат или Брайтон. См. *Lecky, Hist. of England in the XVIIIth century*, VI, 185.

хозяином и рабочим почти стиралось¹: тысячи мелких производителей, живших вокруг Лидса, Брадфорда, Галифакса, были одновременно тем и другим—хозяевами по своему независимому положению, рабочими по своему занятию и образу жизни. Как припомнит читатель, они были также землевладельцами и немножко земледельцами; они были связаны с фермерским классом, подобно тому как промышленники городов были связаны с классом торговцев. Таким образом, мы видим еще здесь соединенными и наполовину перемешанными социальные элементы, которые промышленная революция должна была скоро разделить и отчетливо противопоставить друг другу.

В конце XVIII в. это разделение представляет уже свершившийся факт, разумеется, не абсолютно, точно так как мелкие мастерские не исчезли сразу перед фабриками. Но крупные промышленные предприятия, рудники и копи, металлургические заводы, прядильни, ткацкие фабрики уже многочисленны; каждое из них, со своим дорогим оборудованием, своим персоналом, доходящим нередко до нескольких сот рабочих, представляет большой капитал. Расстояние между человеком, который владеет этим капиталом и эксплуатирует его, с одной стороны, и наемными рабочими, труд которых он дешево покупает,—с другой; между человеком, управляющим предприятием сверху, и его маленькими сотрудниками внизу, которым отведены узко специальные роли,—это расстояние громадно, если не непроходимо. Поставленный настолько выше своих рабочих, промышленник оказывается на равной ноге с другими капиталистами—с денежным капиталистом и торговцем. Он, впрочем, нуждается в них, нуждается в кредите, доставляемом ему одним, и в покупателях, которых обеспечивает ему другой; последнему он доставляет товары, первому—помещение для денег. Но он не смешивается ни с одним из них: он имеет свою особую функцию, заключающуюся в организации промышленного производства, свои особенные интересы, на службу которым он сумеет скоро поставить политическую власть. Творцы фабричной системы создали в то же время новый социальный класс, новый социальный вид.

II

Как образовался этот класс? Составные его элементы были, разумеется, весьма различного происхождения. Как к вновь открытой золотой россыпи, люди устремлялись к крупной промышленности со всех сторон. Пусть читатель представит себе состояние графства Ланкастер в годы, последовавшие за изобретением прядильных машин. Это были годы лихорадочной деятельности и беспредельных честолюбий. Развитие промышленности, совершавшееся с быстротою, которая казалась тогда прямо чудесной, происходило как бы скачками. После периода процветания, когда предприятия основывались и расширялись и когда большие состояния составлялись людьми в несколько лет, наступала катастрофа; затем остановившийся на минуту стремительный бег возобновлялся опять как ~~и~~ в чем.

¹ См. ч. 1-я, гл. I, стр. 32—33.

не бывало. Во время благоприятных периодов—одному из них положило начало аннулирование патента Аркрайта в 1785 г.—кто не попытал бы счастья? Все, располагавшие каким-нибудь капиталом, хотя бы самым скромным,—лавочники, извозопромышленники, трактирщики, становились прядильщиками¹. Некоторые добивались успеха и богатели, многие терпели неудачу и возвращались к своим старым профессиям или же увеличивали собою все более разраставшиеся кадры фабричного пролетариата.

Большинство этих импровизированных промышленников ничего не понимали в промышленности, от которой ждали своего обогащения. Во время обследования в 1803 г. хлопчатобумажной промышленности был поставлен следующий вопрос: «Достаточно ли сведущи вообще хозяева в технических вопросах, чтобы быть в состоянии решать споры относительно качества сырья?» Ответ гласил: «Нет, они не в состоянии судить об этих вопросах, и по той простой причине, что никогда ничего не знали о ткацком искусстве. Хозяин довольствуется тем, что приставляет к делу знающего ремесло человека; он вносит свой капитал, и раз он может продавать по рыночной цене, он смело идет вперед»². При таком понимании роль промышленника мало чем разнится от роли предпринимателя: она преимущественно коммерческая, и основное условие для успешного ее выполнения заключается в том, чтобы понимать толк в делах,—талант, которого не дает техническая компетентность.

Другой показательный факт: в этом первом поколении крупных английских фабрикантов мы, казалось, должны были бы найти в первом ряду людей, своими изобретениями создавших крупную промышленность. Ничуть не бывало. Одно имя, правда, приходит при этом на память: имя Аркрайта. Но мы уже знаем, какого взгляда следует держаться относительно его заслуг в качестве изобретателя. Ни Харгривсу, ни Кромптону, ни Картрайту даже, несмотря на его упорные усилия³, не удалось основать крупных промышленных предприятий. Дерби представляют пример семьи промышленников, богатству которой положило начало большое изобретение. Но этот пример почти единственный в свое время: надо ли напоминать о запоздалом и посредственном успехе Гентсмана, о банкротстве Корта? Джемс Уатт управлял, правда, заводом в Сохо и был не только гениальным изобретателем, но и одним из первых металлургов Англии. Но как много он обязан в этом отношении сотрудничеству своего компаньона Мэтью Больтона! Вывод из всего сказанного получается как будто тот, что преобразование средств производства, которым мы обязаны техникам, пошло на пользу больше всего дельцам. Промышленники XIX в. являлись бы в таком случае попросту приемни-

¹ См. *E. Butterworth, Hist. of Oldham*, p. 178.—Примеры: цирюльник Аркрайт, трактирщик Иетс, компаньон второго Пила. См. *W. Cooke-Taylor, Life and times of Sir Robert Peel*, I, 6.

² Minutes of the evidence taken before the committee to whom the several petitions presented to the House in this session, relating to the act of the 39th and 40th year of His present Majesty, for settling disputes between masters and workmen engaged in the cotton manufacture, was referred (1803), p. 6.

³ Относительно предприятий Картрайта см. *Memoir of Edmund Cartwright*, p. 115, 119, 133, etc.

ками «купцов-промышленников» (merchants-manufacturers) XVIII в. Оно было бы вполне логично. Разве купцы-промышленники, забирая в свои руки сырье и часть оборудования, низводят понемногу независимых мелких производителей до положения наемных рабочих, — разве они не подвинулись наполовину по дороге к фабричной системе? Представленная в таком виде, теория эта подкупает своей объяснительной ценностью¹, но было бы неосторожно принять ее без оговорок.

Рассмотрим шерстяную промышленность. Районами, где особенно отчетливо выступало господство торгового капитала, были восток и юго-запад: графства Норфольк, Девон, Вилтс, Сомерсет. Казалось бы, именно там должны были вырасти первые шерстопрядильные и шерстоткацкие фабрики. Напротив, на севере, где производство оставалось попрежнему распределенным между значительным числом мелких предприятий, мы должны были бы ожидать, что эволюция будет более медленной. Между тем на деле произошло как раз обратное: впервые крупная промышленность появилась именно в Йоркшире, рядом с живучей еще домашней промышленностью коттеджей. Независимо от общих причин, вызвавших перемещение промышленных центров с юга на север Англии, надо принять в расчет трудности, встречаемые переходом от известного экономического строя к строю, который является как будто его естественным продолжением. Между их логической последовательностью и действительной преемственностью остается место для всякого рода противодействий, вызываемых интересом и предрассудком. Привыкнув к приемам, практиковавшимся некоторыми из них из рода в род, предприниматели нелегко решались изменить их. Они пугались затрат на постройки и оборудование, с которыми было сопряжено устройство фабрики². Зачем налагать на себя такое тяжелое бремя, когда можно — так они думали, по крайней мере, — реализовать те же барыши с гораздо меньшими расходами и риском? От того положения, которое они занимали, до положения «вождей промышленности», расстояние не было велико, но они считали бесполезным переходить его. Им пришлось скоро испытать на себе последствия своей инертности.

Таким образом, класс промышленников, хотя и столь родствен- ный классу предпринимателей, вербовался не исключительно из их среды. Особенно в тех местностях, которые, подобно Ланкаширу и Йоркширу, перешли почти непосредственно от мелкой промышлен- ности к крупной, приходится искать для него другого происхождения.

Лучший метод для получения точного решения разбираемой про- блемы заключался бы в том, чтобы установить одну за другой родо- словные всех промышленников этой эпохи. Для некоторых, по край-

¹ См. по этому поводу весьма верные замечания Гельда в его *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 566: «Всякий предприниматель-капита- лист, находится ли он в курсе технических вопросов или нет, является во всяком случае коммерсантом. Именно торговля определяет предмет, место и способ производства».

² См. *Report from the select committee on the state of the woollen manufa- cture* (1806), p. 11.

ней мере, мы можем проделать такую работу. И тогда перед нами выступает один собирательный факт: большинство из них приходит из деревень; они происходят из того полуполуземледельческого, полупромышленного класса, который до тех пор составлял заметную часть, быть может, даже большинство населения Англии. И когда мы пытаемся подняться еще выше, то почти всегда доходим до крестьянского корня, до старой породы именов, — породы, исчезнувшей, но не угасшей.

Знаменитым примером является семья Пилей. Отец сэра Роберта Пилля, министра, был прядильщиком и фабрикантом набивных материй в Бэри (Ланкашир); он умер в 1830 г., оставив громадное состояние, нажитое исключительно в промышленности¹. Дед министра, родившийся в 1723 г.², был уже промышленником, одним из первых подражателей и конкурентов Аркрайта³. Раньше чем взяться за прядильное дело, он продавал шерстяные материи и набитые от руки миткали, которые сначала выделывал сам, в своем собственном доме⁴. В то же время он обрабатывал земли, принадлежащие его роду с XV в., ибо Пили в течение многих поколений были крестьянами-собственниками, зажиточными иоменами, «поставленными слишком высоко, чтобы исполнять функции констебля, если и недостаточно высоко, чтобы выполнять обязанности шерифа»⁵. Сначала земледельцы, а затем земледельцы и ткачи, они мало-помалу перешли в промышленность. Лишь около 1750 г. Роберт Пиль, первый из семьи, носивший это имя, покинул деревню и переселился в город.

Эта семья Пилей была особенно удачлива. Она подвигалась правильным шагом к богатству и могущественному социальному положению, не зная тех невзгод, которые оторвали от земли и вековых привычек наибольшую часть иоменри. Многим иоменам промышленная революция дала возможность подняться опять после трудного, критического периода. Вильям Радклифф, родившийся в 1761 г. в деревне Меллор, происходил из семьи землевладельцев, принадлежавшей некогда к числу самых богатых в приходе. Гражданская война 1642—1649 гг. положила начало ее разорению, которое было закончено огораживаниями и последовавшей за ними усиленной скупкой земель⁶. Чтобы заработать себе средства к существованию, Радклиффы сделали ткачами. Еще будучи совсем ребенком, Вильям

¹ Одно движимое имущество его было оценено для наследственной пошлины в 1 400 тыс. ф. ст., и эта пошлина была самой большой из когда-либо до того взимавшихся. См. *Gentleman's Magazine*, 1830, I, 557—558.—О жизни первого сэра Роберта Пилля см. *W. Cooke-Taylor, Life and times of Sir Robert Peel*, I, 6 и сл.; *Sir Lawrence Peel, A sketch of the life and character of Sir Robert Peel*, p. 33; *F. Espinasse, Lancashire worthies*, II, 84—87.

² *Espinasse, ouvr. cité*, II, 60. Он был, следовательно, современником Аркрайта, родившегося несколькими годами позже его, в 1732 г.

³ Он имел прядильни сначала в Altham, а затем в 1779 г. в Burton-sur-le-Trent. *J. Wheeler, Manchester*, p. 519; *Sir Lawrence Peel, ouvr. cité*, p. 20.

⁴ Один из их узоров изображал петрушку; благодаря этому Пиль получил прозвище Parsley Peel. *Espinasse, ouvr. cité*, II, 67.

⁵ *Sir Lawrence Peel, ouvr. cité*, p. 6.

⁶ *W. Radcliffe, Origin of the new system of manufacture, commonly called power-loom weaving*, p. 9.

научился чесанию и прядению в семейной мастерской, где его отец и братья ткали; его посадили за станок, как только его ноги стали достаточно длинными для этого¹. О своих первых шагах на поприще крупной промышленности он рассказывает сам²: «Я извлек пользу из технического прогресса, совершившегося в годы моего отрочества³: в момент своей женитьбы—мне было тогда 24 года, дело происходило в 1785 г.—я располагал некоторыми сбережениями и был знаком практически со всеми деталями фабрикации, с того момента... когда кипа хлопка поступает в склад, и до того момента, когда она превращается в кусок материи; я умел чесать хлопок, вручную и на машине, прясть на самопрядке и на дженни, наматывать катушки, набирать основу и шлихтовать ее, ткать на обыкновенном станке с помощью самолетного челнока. Я был поэтому в состоянии начать работать за свой счет и уже с 1789 г. стоял во главе хорошей фирмы, занимавшей много рабочих как для прядения, так и для ткачества⁴. В 1801 г. он раздавал работу больше чем тысяче ткачей⁵.

Надо ли приводить еще другие примеры? Джошуа Фильден жил еще в 1780 г. как крестьянин в своем родном селе Тодмордене (между Рочделем и Галифаксом)⁶. Он владел еще наследственным полем и обрабатывал его, но главную часть своего дохода извлекал от двух или трех станков, поставленных в его доме; чтобы продать сработанное сукно, он от времени до времени отправлялся на рынок в Галифакс. Между тем успехи хлопчатобумажной промышленности заставляли уже много говорить о себе во всей округе. Фильден купил несколько дженни и устроил в трех небольших коттеджах мастерские, весь рабочий персонал которых составляли одни его дети, числом девять. Еще не успело кончиться столетие, и этот зародыш прядильни превратился в 5-этажную фабрику⁷. Джедидья Стретт (Strutt), один из первых компаньонов Аркрайта, был сыном мелкого земледельца и, раньше чем основаться как производитель чулок в Дерби, занимался сельским хозяйством⁸. Давид Дэль был в детстве пастухом в Стюартоне, в гр. Эйршир⁹.

От прядильщиков перейдем к металлургам. Исаак Вилькинсон, отец Джона Вилькинсона, был земледельцем в так называемом Озерном крае, а затем поступил надсмотрщиком на соседний железодола-

¹ Ibidem и *B. Woodcroft*, Brief biographies of inventors, p. 31.

² *W. Radcliffe*, ouvr. cité, p. 10.

³ В оригинале: «in my teens», что означает «между 13 и 19 годами» (годы, цифра которых оканчивается слогом «teen»).

⁴ Там же. «После нескольких лет практики трудолюбивый и энергичный молодой человек мог отложить из своего заработка в качестве ткача достаточную сумму, чтобы основаться самостоятельно. Но из массы ткачей только немногие имели мужество предпринять такую попытку; я принадлежал к этим немногим».

⁵ *W. Radcliffe*, ouvr. cité, p. 16.

⁶ *Fortunes made in business*, I, 414—418.

⁷ Один из его сыновей, Джон Фильден, был членом парламента, принадлежал к руководителям филантропической кампании в пользу промышленного законодательства и был автором книги (1836), носящей характерное название: «The curse of the factory system» («Проклятие фабричной системы»).

⁸ *J. Felkin*, Hist. of the machine-wrought hosiery and lace manufacture, p. 89.

⁹ *R. Dale Owen*, Threading my way, p. 2. Дэль принадлежал, вероятно, скорее к семье коттеров, чем к семье именов.

тельный завод с жалованием в 12 шилл. в неделю¹. Ричард Кроушэй, тот самый, которого впоследствии называли «железным королем», также происходил из семьи земледельцев. Очевидно, доход от их ферм в Нормантоне, близ Лидса, был недостаточен для прокормления всех детей, потому что молодого Ричарда рано отослали в ученье к одному лондонскому торговцу скобяным товаром². Джон Дерби, предок кольбрукдельских железозаводчиков, был около 1670 г. фермером в одной деревне Вустершира³. Наконец, Больтоны происходили из графства Нортгемптон, местности преимущественно земледельческой. Видя, что доходы их все уменьшаются, они переехали сначала в Личфильд, а затем в Бирмингем, где занялись промышленным делом⁴.

В промышленных районах иоменри не имело надобности переселяться: оно преобразовалось на месте. Ольдгем был окружен до середины XVIII в. фермами, принадлежавшими семьям фригольдеров, которые сами обрабатывали их. 50 годами позже мы находим те же семьи во главе главных мануфактур города. Клегги и Уайтхеды, ставшие фабрикантами шляп; Ли, Бродбенты, Хильтоны, Тайлоры, ставшие прядильщиками; Бутсы и Джонсы, эксплуатирующие каменноугольные копи,—все они—иомены или дети иоменов⁵. Мы наблюдаем здесь непосредственно движение, о котором во многих других случаях можем лишь с большей или меньшей уверенностью догадываться.

Выше мы показали, как преобразования в земельном строе, раздел общинных угодий и скупка ферм изменили положение сельских классов. Мы пытались объяснить, как исчезло иоменри; теперь мы начинаем понимать, что с ним случилось: оно дало, так сказать, материалы для формирующегося общества. Когда вековое совмещение мелкого земледелия с мелкой промышленностью, на котором покоилось существование иоменри, оказалось в опасности, то это последнее инстинктивно двинулось в сторону, где представлялись наибольшие ресурсы. Промышленная революция открыла для не находившей себе приложения энергии новое поприще, и наиболее предприимчивые или удачливые иомены бросились к нему, как завоеватели.

Разбогатев, многие из них спешили вновь сделаться землевладельцами. Они скупали земли того самого дворянства, которое еще недавно смотрело на них сверху вниз, они устраивали себе дачи из его старых исторических усадеб или же строили себе напротив них барские хоромы, монументы своего недавно нажитого богатства и своей старой гордости⁶.

¹ A. Palmer, John Wilkinson and the old Bersham ironworks, p. 7.

² S. Smiles, Industrial Biography, p. 130.

³ Percy, Iron and steel, p. 887.

⁴ Dict. of National Biography, статья Boulton, VI, 8.

⁵ Hist. of Oldham, p. 33, 40, 42, 47, 53, 57, 61, 125, 130. Точно так же Веджвуды были одновременно земледельцами и горшечниками. См. Eliza Meteyard, Josiah Wedgwood, I, 180—185.

⁶ Роберт Пиль покупает в 1797 г. барское поместье (мэнор) Дрейтон, F. Espinasse, Lancashire worthies, II, 95. Аркрайт и его сыновья устраиваются в замке Виллерслей. «Смедли-Холл был недавно собственностью последнего в роде Четемов из Четема. Он принадлежит теперь Джеймсу Хильтону, эсквайру...

III

Подобного рода преобразование совершается не без труда: оно может осуществиться лишь путем очень жестокого отбора, который оставляет в живых только наиболее приспособленных. Чтобы преуспеть, все эти земледельцы, эти кузнецы, эти ткачи, эти деревенские цирюльники, образовавшие первое поколение английских крупных промышленников, должны были обладать в самой высокой степени известными качествами, подходящими к их новой задаче, — качествами, которые придают им всем известный отпечаток родственности. Они выделялись не изобретательскими талантами, а умели, прежде всего, эксплуатировать чужие изобретения. Не все они были так удачливы или дерзки, как Аркрайт, чтобы присвоить себе эти изобретения целиком и получить на них монополию. Но они неустанно работали над тем, чтобы в соответствии со своим интересом свести к нулю законные права изобретателей. Об этой склонности, бесспорно более естественной, нежели похвальной, свидетельствует поведение прядильщиков по отношению к Харгривсу и Кромптону¹, железозаводчиков — по отношению к Корту², свидетельствуют также бесчисленные процессы, которые пришлось вести Уатту и Больтону против лиц, применявших их машины³. Не надо, однако, преувеличивать некомпетентность промышленников в технических вопросах: она была далеко не всеобщим явлением. Некоторые из них были авторами если и не особенно крупных изобретений, то, бесспорно, практически ценных усовершенствований. Стретт ввел в вязальный станок специальный механизм (*ribbing-machine*) для фабрикация фасонных чулочных изделий⁴; Джон Вильсон из Энсворта придумал новые способы крашения и аппретирования хлопчатобумажных тканей⁵; Вильям Радклифф вместе с одним из своих рабочих, Томасом Джонсоном, изобрел шлихтовальную машину (*dressing-machine*)⁶. Самому Аркрайту нельзя отказать в заслуге, что он искусно скомбинировал найденное другими и достиг, таким образом, практических результатов, которых те не сумели получить.

Но в особенности специальный талант промышленника проявляется в организации предприятий. Прежде всего нужно было собрать необходимые капиталы: люди, не имевшие надобности просить их у вкладчиков, как, например, Мэтью Больтон или Робек, сыновья богатых уже промышленников, — такие люди составляли исключение. И найти денежных компаньонов было делом нелегким,

Ordsall Hall когда-то принадлежал одной из ветвей семейства Радклиффов. Этот замок, окруженный рвом, занят теперь мистером Р. Альсоп... Ancoats Hall, очень древнее здание из дерева и гипса и отдельными частями, перестроенными из камня и кирпича, является жилищем Вильяма Роулинсон, эсквайра, крупного манчестерского негодцианта». *Aikin, Description of the country, etc.*, p. 207, 208, 211.

¹ См. ч. 2-я, гл. I, стр. 177 и гл. II, стр. 193.

² См. ч. 2-я, гл. III, стр. 248—249.

³ См. ч. 2-я, гл. IV, стр. 281.

⁴ *J. Felkin, ouvr. cité, p. 91—93.*

⁵ См. *A complete history of the cotton trade, p. 71—73.*

⁶ *W. Radcliffe, ouvr. cité, p. 20—23.*

особенно вначале, когда машины и фабрики считались подозрительным новшеством с сомнительным будущим. Аркрайт был мастером по этой части: читатель припомнит товарищеские договоры, послужившие для него последовательными ступенями к достижению богатства. Впрочем, он все-таки давал лицам, снабжавшим его капиталами, нечто взамен, а именно—свои патенты, ценность которых обнаружилась вскоре с не допускающей сомнений ясностью. В более трудном положении находились те, которые не имели ни патента на изобретение, ни капитала. Они начинали дело мизерно, без всяких иных ресурсов, кроме своих крохотных сбережений. Так обосновался, например, в 1785 г. Радклифф при помощи денег, которые он отложил из своей заработной платы ткача¹; таким же образом Кеннеди, бывший первоначально учеником у одного манчестерского прядильщика, открыл в 1791 г. мастерскую, где работал сам, пользуясь только помощью двух рабочих². Эти более чем скромные первые шаги не были редкостью в текстильной промышленности. Они облегчались здесь чрезвычайно простым характером оборудования. В первом попавшемся помещении можно было поставить без больших расходов несколько мюлей или несколько дженни, приводимых в действие рукою. Более сложные машины, *water-frames* или механические станки, появлялись позже, как только реализованные барыши позволяли приобрести их. Вместе с ними появлялся гидравлический двигатель или паровая машина, появлялось тяжелое и мощное оборудование фабрики в собственном смысле этого слова. Таким образом, совершался в течение нескольких лет в одном и том же предприятии переход от строя мелкой промышленности к строю мануфактуры и от мануфактуры к крупной промышленности.

Когда вопрос о капитале и оборудовании удавалось благополучно решить, то вставал новый вопрос—о рабочих руках. Где набрать их и как управлять ими? Рабочие, привыкшие к работе у себя на дому, шли в общем крайне неохотно на работу по найму. Персонал фабрик состоял вначале из самых разношерстных элементов: из крестьян, вынужденных уйти из своей деревни вследствие расширения крупных земельных владений, из отставных солдат, из бедняков, получивших пособия от приходов, из отбросов всех классов и профессий³. Этот неопытный персонал, мало подготовленный к совместному труду, промышленник должен был обучить делу, вышколить, в особенности же—дисциплинировать: он должен был превратить его, так сказать, в человеческий механизм, который обладал бы столь же равномерным ходом, был бы столь же точен в своих движениях, так же отчетливо целеустремлен, как деревянный или металлический механизм, помощником которого он становился. На место непринужденности, господствовавшей в мелких мастерских, становится самое строгое, непреклонное правило: приход рабочих, их еда, уход—все это происходит в строго определенный час, по звону

¹ *W. Radcliffe, ouvr. cité, p. 10.*

² *S. Smiles, Industrial Biography, p. 321.*

³ *Schulze-Gävernitz, La grande industrie, p. 67.* На ситценабивные фабрики набиралась по дешевым ценам «стада ланкаширской деревенщины». *The calico-printer's assistant (1790), Q. 4.*

колокола¹. Внутри фабрики каждый имеет свое определенное место, свою тесно ограниченную, всегда одинаковую задачу; каждый должен работать равномерно и без остановок, под надзором мастера, который принуждает его к повиновению угрозой штрафа или увольнения, а иной раз даже при помощи средств более грубых². Эта дисциплина не была, правда, чем-то абсолютно новым: она давно существовала в небольшом числе мануфактур, где доведенное до крайности разделение труда имело своим необходимым дополнением сильное общее управление³. Но только машинное производство сообщило ей ее строгий характер и возвело ее в общее правило. Если английские крупные промышленники XVIII в. и не являются ее творцами, то во всяком случае они сумели организовать ее с замечательным умом и энергией. Здесь опять-таки надо привести, в первую голову, пример Аркрайта⁴. Порядок, который он сумел установить в своих прядильнях, был самым оригинальным его изобретением. Он был вездесущ, зорко смотрел за своими рабочими, требовал от них самой прилежной и аккуратной работы. Грубый по своим замашкам и языку, безжалостный к тем, которых он считал неспособными или нерадивыми, он не прибегал, однако, к ошибочной системе—надрывать силы своего рабочего персонала чрезмерным трудом: в его мастерских работали только 12 час. в день⁵, тогда как в предприятиях, основанных после его фабрик, среднее рабочее время доходило до 14 час. и превосходило эту цифру⁶.

Руководить фабрикой—это то же, что отправлять правительственные функции. Промышленник является, в самом строгом смысле слова, промышленным начальником. На заводе в Сохо Больтон

¹ В Манчестере колокола прядилен начинали звонить в 4½ часа утра. Minutes of the evidence taken before the select committee on the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom (1816), p. 127—128. Мануфактура Веджвуда была первым крупным промышленным заведением Стафффордшира, где часы работы возвещались колокольным звоном, и получила поэтому в округе название «The Bell-Works» (фабрики с колоколом). S. Smiles, Josiah Wedgwood, p. 44; E. Meteyard, The life of Josiah Wedgwood, I, 330; Llewellyn Jewitt, The Wedgwoods, I, 132.

² См. часть 3-я, гл. IV, стр. 357.

³ В так называемых королевских мануфактурах Франции. См. Germain Martin, La grande industrie en France sous le règne de Louis XIV, p. 14 (суконная мануфактура Вильнуветта в Лангедоке). Ibidem, в Аббевилле, у Ван-Робэ, занимавших 600 рабочих: «Весь их персонал управляется в большом порядке и с большой регулярностью. Он приступает к работе и оставляет ее по звуку барабана. Если какой-нибудь рабочий напьется или совершит какую-либо погрешность, его приводит в порядок помощник мастера того отделения, к которому он принадлежит; каждая специальность фактически подчинена надзору особого начальника, который дисциплинирует своих людей, добиваясь от них возможно лучшей работы в каждой части, чтобы способствовать совершенству целого». An essay on trade and commerce, p. 131 (1770).

⁴ Это одна из главных причин, по которым индивидуалистическая школа последующего поколения ратовала ему преувеличенные похвалы: «издание и проведение на практике кодекса промышленной дисциплины, приноровленного к требованиям крупного производства,—таков был геркулесовский подвиг, грандиозное дело Аркрайта». A. Ure, Philosophy of manufactures, p. 15.

⁵ Minutes of evidence... on the state of the children, etc., (1816). Показание А. Бьюкенена, p. 8.

⁶ Ibidem, p. 96—98.

добился от своих рабочих такой регулярности, что достаточно было, говорят, диссонанса в привычной гармонии колес и молотов, чтобы тотчас же дать ему знать о происшедшей остановке или несчастном случае¹. Босвелль, посетивший Больтона в 1776 г., был поражен его властным поведением; ему казалось, что он видит перед собою, употребляя его выразительные слова, «железного капитана среди своих войск». Когда посудный фабрикант Веджвуд захотел ввести в своих мастерских строго регулируемое разделение труда, то ему пришлось выдержать борьбу со злой волей и даже открытой враждебностью своих рабочих; тем не менее он добился своего и сломил всякое сопротивление². Превосходное качество его изделий, сделавшее его марку знаменитой во всем мире, было достигнуто только благодаря его неутомимой деятельности, его постоянному бдительному надзору за самыми маленькими своими сотрудниками. Он всюду бегал на своей деревянной ноге, собственноручно разбивал неудачные изделия и писал мелом на столе провинившегося рабочего: «Такие вещи не проходят у Джосии Веджвуда»³.

Наконец, перед промышленником встает вопрос, над которым его предшественникам, мелким производителям, не приходилось особенно ломать себе голову: мы разумеем вопрос о рынках. Он не может, подобно им, отправиться в соседний город и там продать свои изделия; чтобы доставить ему покупателей, потребление которых отвечало бы непрерывно возрастающей продукции, местный рынок с самого начала недостаточен, а национальный рынок едва достаточен. Если он не обладал уже раньше качествами коммерсанта, то он должен приобрести их теперь, он должен обнаружить умение завязать коммерческие связи во всей стране и даже за ее пределами. Мы имели случай ознакомиться с корреспонденцией одного крупного промышленного предприятия XVIII в., завода в Сохо: она свидетельствует о коммерческой деятельности, которая может выдержать сравнение с деятельностью современной первоклассной фирмы. Болтон и Уатт находились в деловых сношениях со всеми промышленниками своего времени; они продавали машины владельцам копей в Корнваллисе и железозаводчикам Уэльса, прядильщикам Манчестера, Дерби и Глазго и фабрикантам фарфора в Стаффордшире; они получали многочисленные заказы из Франции, Нидерландов, Германии, Испании и России. Правда, начиная с известного момента, им не было больше надобности употреблять большие усилия для привлечения покупателей; последние являлись сами и, не торгуясь, принимали их условия. Но вначале дело обстояло иначе: читатель припомнит войну, которую им пришлось вести в Корнваллисе, и услуги, оказанные им их агентом, верным и неутомимым Вильямом Мердоком⁴. Болтон и сам Уатт, легко падавший духом и потому довольно робкий в делах, бывали часто вынуждены не только брать на себя самое заключение договоров, но и следить лично за их выпол-

¹ *S. Smiles, Boulton and Watt, p. 482.*

² *E. Meteyard, Life of Josiah Wedgwood, I, 260*

³ *S. Smiles, J. Wedgwood, p. 145.*

⁴ См. ч. 2-я, гл. IV, стр. 281—283.

нением¹. Самая форма этих договоров, ставившая барьеры изобретателям в зависимости от экономики, достигаемой покупателем благодаря употреблению паровой машины, была очень ловко придумана; успех Больтона и Уатта был, таким образом, не только успехом технического изобретения, но и успехом коммерческой системы.

Одновременно капиталист, организатор труда на фабрике, наконец, коммерсант, и притом крупный коммерсант,—промышленник является новым, законченным типом дельца. Часто он ничего другого и не представляет. Роберт Оуэн лучше, чем кто-либо знавший этих, по его словам, «хлопковых лордов», судит о большинстве их довольно неблагоприятно: «Вне непосредственного круга их профессиональных занятий познания их были почти равны нулю, идеи их—ограничены»². Однако некоторые из них соединяли с практической ловкостью и энергией еще качества высшего порядка. Среди этой денежной аристократии они составляли как бы умственно избранную часть. Будем ли мы смотреть на них как на оригинальные и исключительные личности или как на самых выдающихся представителей своего класса, в том и другом случае они заслуживают более внимательного изучения.

IV

Наиболее интересные—это те, которых самое занятие своей профессией приобщило к научному или художественному движению своего времени. Проблемы техники, хотя и поставленные вначале в чисто конкретные рамки, приходят в конце рассматриваемого века в соприкосновение с теоретическими изысканиями науки. С другой стороны, известные продукты—например, изделия керамической промышленности—представляют не только предметы пользования: они имеют также эстетическую ценность или, по крайней мере, могут получить ее. Некоторые промышленники поняли это обстоятельство; в связи с этим расширилось и преобразовалось представление, которое они составили себе о своей собственной роли. Для них промышленность перестала быть только средством обогащения: она представляет дело, к которому они привязываются и в котором стремятся осуществить известное совершенство. Если они хотят усовершенствовать свое оборудование, улучшить свое производство, то делают это не с одной лишь целью одержать верх в борьбе с менее добросовестными или менее сведущими соперниками, а потому, что технический прогресс, связанный с прогрессом наук и искусств, представляется им целью, желательной самой по себе. И эти заботы—более высокого порядка, чем заботы подавляющего большинства их конкурентов,—придают своего рода благородство их характеру и жизни.

К описываемому типу промышленников принадлежит Мэтью Болтон. Раньше чем стать дельным сотрудником Джемса Уатта,

¹ Уатт провел несколько лет в Корнваллисе, Болтон совершал частые круговые поездки по промышленным округам. Отсюда переписка между обоими компаньонами.

² *R. Owen, The life of Robert Owen written by himself, p. 31 и 35.*

он обнаружил уже редкие качества, объясняющие его удачную карьеру. Когда он в 1765 г. взялся за производство художественной бронзы, то перед глазами его были шедевры французского декоративного искусства. Он поставил себе задачей сравняться с ними, хотя бы ему пришлось пойти для этого наперекор вкусам публики, привыкшей к более вульгарным изделиям¹. Он ничем не пренебрег для достижения своей цели: он выписал себе из Италии копии самых красивых античных моделей, посещал частные коллекции покровительствовавших ему знатных лиц². Он считал для себя вопросом гордости не пускать в продажу ни одной вещи, которая не была бы одобрена раньше самыми требовательными знатоками; читатель припомнит, что Веджвуд был одно время встревожен перспективой увидеть его своим конкурентом. Двадцать пять лет спустя он обнаружил ту же тщательность в своих работах по чеканке монеты при помощи изобретенного им самим способа: «Если бы м-р Больтон, — писал по этому поводу Джеймс Уатт, — ничего другого не сделал во всю свою жизнь, то уже по одной этой причине имя его заслуживало бы быть спасенным от забвения. А если мы примем во внимание разнообразие и важность работ, которыми он должен был одновременно руководить, и огромные затраты для достижения сомнительного еще результата, то мы не знаем, чему больше удивляться, изобретательному ли его таланту, его настойчивости или его широкому размаху. Он вел это предприятие скорее на манер государя, чем промышленника; стремление к славе имело на него всегда более сильное влияние, нежели стремление к наживе»³.

Больтон был человеком образованным. Он водил дружбу с некоторыми из самых видных умов своего времени: с д-ром Дарвином, врачом, ботаником и поэтом; с астрономом Вильямом Гершелем; с Пристлеем, передовые религиозные и политические взгляды которого он разделял; с сэром Джозефом Банксом, который был президентом Лондонского королевского общества; затем — с другими, менее известными лицами, как химик Смолл, типограф Баскервилль, Люк, ученый человек и библиотекарь королевы⁴. Больтон любил собирать их в своем доме, выстроенном рядом с его заводами в Сохо, «приюте дружбы в Гандсвортской степи», как он называл его в своей переписке с близкими людьми. Эти собрания стали периодическими: они происходили ежемесячно в полнолуние, что облегчало поездку степью, туда и обратно вечером; отсюда название Лунного общества (*Lunar Society*), которое присвоила себе в шутку эта маленькая группа друзей⁵. Иногда приезжал туда и Веджвуд из Берслема или

¹ По поводу пары своих комнатных часов, на которые не нашлось покупателя, он писал жене: «Я привез их назад из Лондона и пошлю их в страну, где здравый смысл еще не вышел из моды. Если бы я снабдил их колоколами, вызывающими жигу, с пляшущим в такт медведем, или если бы я поверх циферблата изобразил конскую скачку, то в покупателях не было бы, вероятно, недостатка». *Smiles, Boulton and Watt*, p. 174.

² См. ч. 2-я, гл. IV, стр. 277—278.

³ *Watt, Memoir of Mr. Boulton* у Смайльса, *ouvr. cité*, p. 399.

⁴ *Smiles, ouvr. cité*, p. 201; *S. Timmins, Matthew Boulton*, p. 4.

⁵ *Smiles, ouvr. cité*, p. 369—375.

Этрурии¹. Уатт был, разумеется, одним из самых аккуратных членов в те годы, когда он жил в Бирмингеме. Беседы, подготовляемые заранее, вращались почти всегда вокруг научных тем. Больтон оказывался достойным принимать в них участие рядом со своими гостями. Его завод был обширной лабораторией прикладной механики, где он работал как ученик Уатта и соревнуясь с ним. Именно по его чертежам была построена машина для чеканки монет. Он же первый возымел идею трубчатых паровых котлов², подхваченную позже французом Марком Сегэн. Он интересовался успехами химии и предпринимал в этой области оригинальные изыскания³. Он занимался также политической экономией и был выбран членом Петербургского вольного экономического общества⁴. Эти научные занятия не отвлекали его от его задачи промышленника; напротив, они давали ему подготовку для лучшего ее исполнения.

Его широкие взгляды и в то же время прямота характера обнаруживаются в его частной переписке. Любимым его правилом было оптимистическое изречение: «Honesty is the best policy» (честность — наилучшая политика). По поводу некоторых сделок, которые предстояло заключить, он писал своему компаньону: «Не назначайте сроков с чрезмерной строгостью. Дело, в котором покупателю диктуют слишком суровые условия, плохое дело. Я хочу, чтобы все наше поведение было отмечено терпением и добросовестностью; надо проникнуться твердой решимостью проявить себя справедливым к другим, как к самим себе»⁵. Либеральное воспитание, данное детям, он дополнял правилами возвышенной морали: «Помните, — писал он своему старшему сыну, — что я не желаю, чтобы вежливость развилась у вас за счет лойяльности, искренности и честности: это существенные черты благородного и мужественного характера. Дорожите больше всего вашей честью. Будьте честны, справедливы и благожелательны, даже когда это кажется трудным. Держитесь крепко этих принципов, я не устану повторять вам это, и храните их, как драгоценное сокровище»⁶. И Больтон не ограничивался советами, а подавал пример.

Он был непримиримым противником промышленных подделок, к которым слишком привыкли бирмингемские промышленники. Его борьба с фальшивомонетчиками достаточно известна. «Я сделаю все, что можно сделать, не унижаясь до роли доносчика, чтобы положить конец их мошенническим проделкам»⁷. В одном собрании промышленников, происходившем в 1795 г., он восстал против надувательства на качестве товаров. «Я не буду распространяться о неблагоразумии поступка самого по себе и о последствиях, которые он должен неизбежно иметь, а именно: о вреде, наносимом им нашей

¹ E. Meteyard, J. Wedgwood, II, 558. Расстояние было слишком велико (около 40 миль), чтобы он мог регулярно приезжать туда.

² S. Timmins; Matthew Boulton, p. 10.

³ «Химия с некоторого времени — мой конек». Письмо Джемсу Уатту от 3 июля 1782 г. Soho MSS.

⁴ Он был также членом Лондонского королевского общества и Эдинбургского.

⁵ Письмо Уатту, цит. без даты Смайльсом в его «Boulton and Watt», p. 271.

⁶ Ibidem, p. 341. (Письмо старшему сыну из Корнваллиса.)

⁷ Ibidem, p. 178.

промышленности, и пятне, которое налагается, таким образом, на доброе имя Бирмингема. Не будем забывать, что политика честности всегда—наилучшая политика и что добросовестность в делах должна непременно оказать самое благотворное влияние на торговлю города вообще и каждой из наших фирм в частности»¹. Сам он щепетильнейшим образом сообразовался с этим принципом. Он не разрешал себе употреблять репрессалии против тех, которые пытались сманить у него рабочих². Он не позволял себе также понижать цены ниже известного уровня, как бы ожесточенна ни была конкуренция. Понижать цены, это значило бы понизить качество изделия, а следовательно, и подорвать доверие³. Таким образом, он применял на практике утилитарную мораль раньше, чем Бентам облек ее в формулы.

Его щедрость была необычайна. Когда Пристлей пострадал в Бирмингеме от погрома, устроенного ненавистниками французской революции, то Больтон, который сам находился под подозрением в разрушительном образе мыслей, открыл в его пользу подписку, чтобы дать ему возможность жить и продолжать свои труды⁴. При основании бирмингемского диспансера в 1792 г. он согласился быть его казначеем, прибавив: «Если фонды его будут недостаточны для покрытия расходов, то я всегда к его услугам, чтобы покрыть дефицит»⁵. По отношению к рабочим поведение его было скорее поведением «человека с душой», читателя Ричардсона и Руссо, нежели последователя экономистов, в глазах которых труд—не более как товар. Властный и в то же время доброжелательный, он снискал себе любовь рабочих своими открытыми и простыми манерами, своим духом справедливости. Он подолгу держал их у себя на службе, принимая к себе часто сына после отца⁶. Зная их всех лично, он интересовался их судьбой; он учредил для них кассу взаимопомощи, в которую они делали взносы от 1/2 пенни до 4 пенсов в неделю, смотря по сумме своего заработка⁷.

Эта благожелательность филантропа не свободна от примеси гордых чувств: она напоминает отношение важного лорда к своим вассалам. Когда старший сын Больтона достигает совершеннолетия, то в Сохо устраивается большой праздник. В Гандсворте и Бирмингеме с утра звонят колокола. В час пополудни все рабочие завода образуют кортеж и дефилируют по цехам с музыкой во главе. Вече-

¹ Birmingham Gazette, 28 декабря 1795 г.

² Письмо Тейлору от 23 января 1769 г. *S. Smiles, loc. cit.*

³ *Ibidem*, p. 374—375.

⁴ Среди главных подписчиков значился Джон Вилькинсон, приславший 500 ф. ст. *A. Palmer, Wilkinson and the old Bersham ironworks*, p. 33. См. по этому вопросу небольшую работу С. Тимминса: *D-r Priestley in Birmingham*.

⁵ *W. Langford, A century of Birmingham life*, II, 143.

⁶ Договоры с правом возобновления заключались с ними обыкновенно на 4 или 5 лет. Например, в отношении рабочего Murdo, поступившего к Больтону и Уатту в 1793 г., мы нашли четыре таких договора (1793, 1796, 1799 и 1810 гг.). Очень много таких договоров сохранилось в архивах Сохо (Soho MSS).

⁷ Ученики, зарабатывавшие 2 1/2 шилл. в неделю, вносили 1/2 пенни; зарабатывавшие 5 шилл.—1 пенни и так далее—до рабочих, получавших 20 шилл. и больше, которые вносили 4 пенса. См. *Local notes and queries (Free Reference Library в Бирмингеме)*, 1885—1888, № 1917 и *Smiles, ouvr. cité*, p. 482.

ром они приглашены на банкет на 700 кувертов и пьют здесь за здоровье хозяев, сегодняшних и завтрашних¹. Совершенно таким же образом крупный лендлорд, окруженный своими арендаторами, празднует в своем родовом замке совершеннолетие (coming of age) того, который унаследует его имя и титул. Больтон обладал, впрочем, всеми необходимыми качествами для исполнения этой роли: достоинством, известной величием манер, которые столько же, сколько его щедрость, снискали ему прозвище «вельможного», princely Boulton². Высокого роста и красивый собой, с располагающим к себе лицом, одновременно умным и сердечным, он обладал счастливым и редким даром—столько же очаровывать, сколько импонировать³. Этот «вождь промышленности» производит действительно впечатление вождя. С материальным могуществом, которое дает обладание капиталом, он соединяет то, что везде и всегда создавало аристократию, престиж.

Друг наук и искусств, Больтон остается, однако, прежде всего промышленником. В Веджвуде мы имеем перед собой художника, иные скажут даже—великого художника⁴. Тонкие шедевры, которые носят его имя и которые смело могут быть сравниваемы с лучшими произведениями греческого керамического искусства, не составляют, правда, работы одного человека: украшающие их фигуры были нарисованы и выполнены целой фалангой живописцев, скульпторов и орнаменталистов, работавших для него и под его управлением⁵. Но даже те вещи, к которым он не прилагал сам рук, носят на себе тем не менее печать его личности. Именно он выбирал их форму, краску, орнаментацию, он придавал им их стиль сообразно классическому вкусу его времени. Наконец, именно он воздал их материал: эти фаянсы с блестящей и непортящейся глазурью, эти матовые, красные и черные глины, в особенности неглазурованные фарфоры, окрашенные в бледнозеленый, синий и фиолетовый цвета, на которых белые мотивы выступают рельефно, словно камеи,—уже они одни достаточно оправдывали бы своей красотой его славу художника⁶.

¹ Birmingham Gazette, 15 августа 1791 г.

² E. Mezeyard, Josiah Wedgwood, II, 27.

³ Портрет Больтона, кисти сэра В. Бичи, на заглавном листе книги Смайльса «Boulton and Watt». Несколько других портретов входят в коллекцию Тиминса, в Бирмингемской библиотеке.—Высокий, несколько скошенный назад лоб, напудренные волосы в буклях, ясные и выразительные, неглубоко сидящие глаза, довольно выдающийся вперед нос, твердый рот с четко обозначенными углами, полные, широкие щеки, жирный подбородок на обширном жабо.

⁴ Новалис сравнивает с его работами творения Гете: «Гете—практический поэт. Его книги подобны вазам английского фабриканта: все в них просто, изящно, удобно и солидно. Он сделал для немецкой литературы то, что Веджвуд сделал для английского искусства». Цитировано В. Е. Гладстоном в его «Wedgwood, an address delivered at Burslem», Staffordshire, 26 октября 1863 г., p. 5.

⁵ John Bacon, John Voyez, Coward, Stothard, Hackwood, Stringer, Burdett, Mrs. Wilcox, etc. См. E. Mezeyard, J. Wedgwood, I, 90—93 и неизданную переписку из коллекции Мейера. Скульптор Флакман был также одним из сотрудников Веджвуда. Ibidem, II, 322.

⁶ Вот список главных гончарных масс, применявшихся в мануфактуре «Этрурия» в 1776 г.: 1) *фаянс королевы*—цвета крем с блестящей глазурью; 2) *терракотта*—матовокрасная вроде некоторых японских горшечных изделий;

Он был всем обязан самому себе. Отданный девяти лет от роду в ремесленное ученичество¹ к своему старшему брату Томасу Веджвуду, он для пополнения своего образования воспользовался досугом, который давала ему болезнь². В тридцать лет он много читал, справлялся о выходящих в свет новых книгах; одним из первых он прочитал в Англии «Эмиля» Руссо³. Из книг он познакомился с античным искусством: «Собрание египетских, этрусских, греческих, римских и галльских древностей» графа Caylus, которое он рассматривал в 1767 г.⁴, навело его на мысль предпринять те имитации, из которых несколько времени спустя получились его оригинальнейшие произведения. Когда он в 1769 г. основал новую мануфактуру, недалеко от Берслема, то назвал ее Этрурией и на вазах, сделанных в день ее открытия, вырезал надпись: «Artes Etruriae renascuntur»⁵. Он вступил в переписку со многими научно образованными людьми и археологами, в частности с сэром Вильямом Гамильтоном, английским послом в Неаполе, коллекции которого славились в то время⁶. Письмо, написанное им Гамильтону по поводу прибытия в Лондон вазы Барберини, хранящейся теперь в зале драгоценностей Британского музея, свидетельствует о высоком образовании и очень тонком критическом чутье автора⁷.

3) базальт—черная, имитация этрусских vaz; 4) яшма—с медальонами, гирляндами и т. д., выступающими белым на фоне разных цветов: небесно-голубом, светлосинем, зеленом, розовато-лиловом; самое оригинальное творение Веджвуда, вызвавшее больше всего восхищения и подражания; 5) бамбук—темная с желобчатыми поверхностями; 6) матовый фарфор—белая твердая масса. Главные коллекции творений Веджвуда находятся в Ливерпульском музее (коллекция Мейера), в Corporation Art Gallery and Museum в Бирмингеме, в Институте Веджвуда в Берслеме, в Британском музее (галерея стекла и керамики), в Южно-кепсингтонском музее Виктории и Альберта и в Музее практической геологии.

¹ После смерти его отца, бывшего гончаром в Берслеме. *S. Smiles, Josiah Wedgwood*, p. 24; *E. Meteyard. ouvr. cité*, I, 219—222. По *Llewellyn Jewitt The Wedgwoods*, p. 89, он начал работать только в возрасте 11 лет. Во всяком случае его образование было очень элементарно. «Никто в Берслеме не учился ничему, кроме чтения и письма». *Shaw, History of the Staffordshire pott'rics*, p. 180.

² После перенесенной в 1742 г. натуральной оспы он всегда страдал болезнью ноги, которую ему пришлось, в конце концов, ампутировать в 1768 г.

³ Письмо Бентли его компаньону от 26 октября 1762 г.: «Если Вы читали «Эмиля» Руссо, я хотел бы знать Ваше мнение о нем. Теперь, когда он переведен, я бы охотно купил его, если Вы посоветуете». *Mayer Coll.*

⁴ *E. Meteyard, ouvr. cité*, I, 480. Около того же времени он видел тома гравюр, опубликованные сэром Вильямом Гамильтоном.

⁵ «Искусство Этрурии возрождается». Эти вазы (несколько из них находятся в вышеупомянутых коллекциях) имеют, кроме того, следующую надпись: «Июнь XIII, MDCCLXIX, из продукции первого дня в Этрурии в Стаффордшире, у Веджвуда и Бентли».

⁶ Много писем в коллекции Мейера. См. особенно письмо сэра В. Гамильтона Веджвуду с извещением об отправке копий с предметов искусства, находящихся в галерее великого герцога Тосканского (8 июня 1773 г.): «Так как ничто меня так не радует, как содействовать, в меру моих возможностей, прогрессу искусств в Великобритании, и так как ваша продукция уже поистине в высокой степени оправдала мои скромные усилия, я с удовольствием посылаю вам несколько рисунков с наиболее изящных vaz и из коллекции великого герцога Тосканского». Его же письмо об изучении античных моделей от 6 июля 1773 г.

⁷ Письмо сэру В. Гамильтону от 24 января 1786 г. Ваза Барберини известна теперь больше под названием «Портлендской». Веджвуд произвел очень красивые копии этой вазы под яшму (оригинал сделан из темного стекла).

Его занятия античным искусством находились в очень тесной связи с промышленной его деятельностью. То же самое надо сказать о его занятиях химией, в которых он подвинулся очень далеко. От реакций, происходящих в печах для обжигания гончарных изделий, от соединений, дающих различные гончарные массы и определяющих или изменяющих их окраску, он незаметно перешел к вопросам более общим. Он внес в это дело настоящую страсть: «Охотник за лисицами вряд ли находит в этом занятии большее удовольствие, чем я, когда я занимаюсь своими опытами»¹. Изыскания Веджвуда относительно измерения высоких температур и изобретение пирометра составляют его серьезнейшую научную заслугу². Он был выбран членом Королевского общества одновременно с Пристлеем, с которым давно был знаком и гений которого одним из первых признал³.

Обладая умом чрезвычайно восприимчивым, Веджвуд был в то же время в высокой степени независим в своих суждениях и в своих речах. Подобно Болтону и Вилькинсону, он исповедывал демократические убеждения. Война с американскими колониями возбудила его живейшее негодование против правительства: «Я хотел бы найти человека, способного ясно растолковать мне, какова может быть цель этой гнусной и бессмысленной войны, которую мы ведем со своими братьями и лучшими друзьями... Я счастлив, что Америка свободна. Отрадная мысль, что существует верное убежище для тех, которые предпочитают лучше бежать, нежели подчиниться железному ярму тирании,—наполняет мое сердце радостью»⁴. Французская революция сразу же завоевала его симпатии: «Мы слышим здесь заявления политических деятелей, что нет основания радоваться этой революции, ибо если французы станут таким же свободным народом, как мы, то они тотчас же усердно примутся развивать свою промышленность и в короткое время станут для нас гораздо более страшными соперниками, чем они могли бы быть при деспотическом правительстве. Что касается меня, то я был бы счастлив, если бы столь близкие соседи наши разделяли благодеяния, которыми мы пользуемся сами. Я поистине хотел бы быть свидетелем того, как английская свобода и безопасность распространяются по всему земному шару, и не особенно беспокоился бы о последствиях, которые могут получиться отсюда для нашей промышленности и торговли, ибо мне тягостна была бы мысль, что событие, столь счастливое для человечества вообще, может оказаться столь неприят-

¹ *S. Smiles*, Josiah Wedgwood, p. 90.

² Сообщения в Королевском обществе: «Пирометр, или инструмент для измерения тепла», «*Philosophical transactions*», LXXII, 305, 1782; «Опыт сравнения пирометра с ртутным термометром», *Ibid.* m, LXXIV, 358; «Дополнительные замечания на ту же тему», LXXVI, 390. В бумагах Веджвуда находим след многих других работ. О его *Commonplace Book* и *Memorandum Book*, сохранившихся в частных архивах, см. *S. Smiles*, *ouvr. cité*, p. 181—182. В Британском музее имеется девять томов извлечений из отчетов Королевской академии наук в Упсале, сделанных либо им самим, либо для него. *Add. MSS*, 28 309—28 318.

³ Письмо Веджвуда к Бентли о гальванопластике от 9 октября 1776 г. *Mayer Coll.*

⁴ Письмо к Бентли от 3 марта 1778 г. *Mayer Coll.*

ным для нас в частности¹. Вместе со своим компаньоном Томасом Бентли² он принял деятельное участие в антиневольническом движении. Член общества, имеющего целью уничтожение невольничества, он дал этому обществу печать, надпись которой стала обычной эмблемой последнего³.

Филантропия была тогда в моде. Но для многих промышленников она останавливалась у порога фабрики; весь запас их человеколюбия исчерпывался состраданием к неграм колоний, которое стоило им, впрочем, очень мало. Этот упрек неоднократно делали им реформаторы XIX в. Но Веджвуд не заслуживает его. Хотя иной раз ему и случалось бороться со своими рабочими⁴, но он вел себя по отношению к ним, как человек либеральный и просвещенный. Он учредил в Этрурии, как Болтон в Сохо, больничную кассу. Он открыл там библиотеку и щедро содействовал основанию общественных школ в округе⁵. Он не забывал, что работал когда-то сам своими руками и что в момент достижения совершеннолетия весь его капитал заключался в 20 ф. ст., завещанных ему отцом, посудным мастером в Берс-леме⁶.

В заботливости, которую он вносил в производство своих керамических изделий, щепетильность художника примешивалась к расчету коммерсанта. Против торопливой и неудовлетворительной работы он высказывался так же резко, как Болтон, с еще большим притом основанием: «Предмет обихода, если он низшего качества, всегда обходится дороже, чем лучший предмет той же категории; но вещь, служащая только для украшения, если она вульгарна и безвкусна, не только дорога, по какой бы цене ее ни продавали: она воплощает в себе верх бесполезного и смешного»⁷. Он не боялся конкуренции и даже призывал ее, если она могла принести пользу искусству и публике: «Мы не только не должны были бы бояться, что другие завладеют нашими моделями, а напротив, нам следовало бы гордиться этим, давать без счета образцы и идеи и достигнуть того,

¹ Письмо к Эдену от 5 июля 1789 г. Мы узнаем здесь принцип естественного тождества интересов, лежащий в основе политической экономии Ад. Смита и утилитарной философии Бентама. Известно, впрочем, что английский радикализм ведет свое начало от утилитарианства. См. *E. Halévy, La jeunesse de Bentham*, p. 159—160.

² Относительно Томаса Бентли—см. *E. Mezeyard, Life of Josiah Wedgwood*, I, 469—473, II, 15—16 и 415—416; *L. Jewitt, The Wedgwoods*, p. 195 и сл. Бентли был очень умным человеком. Долгое время сотрудничая в *Monthly Review* и будучи основателем Уорингтонской академии, он занимался главным образом коммерческими делами фирмы. Именно он управлял магазинами фирмы на *Greek-Street* в Лондоне.

³ Печать представляла закованного в кандалы негра, в умоляющей позе, с девизом: «Разве я не человек и брат?».

⁴ Особенно в 1772 г., когда он хотел сократить рабочее время и заработную плату после периода перепроизводства. Письмо Веджвуда Бентли от 8 сентября 1772 г., *Mayer Coll.*

⁵ См. *Shaw, History of the Staffordshire potteries*, p. 193—194.

⁶ *Llewellyn Jewitt, The Wedgwoods*, p. 90—91. (Завещание Т. Веджвуда от 26 июня 1739 г.) После своей смерти Джосия Веджвуд оставил наследникам большое недвижимое имущество и движимость, оценивавшуюся приблизительно в 240 тыс. ф. ст. *Ibidem*, p. 413—420.

⁷ *Catalogue 1774 г.* (конец).

чтобы все художники Европы стали подражать нам. Вот что было бы благородно и гораздо лучше согласовалось бы с моими чувствами, нежели тесная сеть интересов, в которую заключает нас меркантильный эгоизм»¹. Он никогда не хотел брать патента, за исключением одного случая, когда ему казалось, что он вновь нашел секрет живописи восковыми красками, забытый со времен античной древности².

Это бескорыстие, облегчавшееся для него сознанием своего подавляющего превосходства над большинством конкурентов, нисколько не мешало ему делать дела. Он выделял не только дорогие художественные вещи, но и ходовой товар, продававшийся массами. Он снабжал всю Европу столовой посудой: «Когда вы путешествуете от Парижа до Петербурга,—пишет Фожа де Сен-Фон,—от Амстердама до глубины Швеции, от Дюнкирхена до крайнего юга Франции, то во всех гостиницах вам подают на английском фаянсе; им снабжены Испания, Португалия, Италия. Корабли везут грузы его в Ост-Индию, на острова и континент Америки»³. Уже в 1763 г. берслемские мастерские отпускали за границу более 550 тыс. штук⁴. Готовя свои прекраснейшие художественные создания, Веджвуд думал в то же время о предметах промышленного потребления, долженствовавших открыть керамическому производству новые необозримые рынки. «Я должен ответить,—писал он в 1779 г. Томасу Бентли,—на хорошее письмо моего старого приятеля Поля Элерса: предлагаемое им дельце, если бы я решился когда-нибудь взяться за него, подняло бы меня на столько же высоко над всеми медальонами, камнями и прочими безделушками, как некоторые известные нам паровые машины подняли одного нашего друга над его часовыми цепочками и запонками для манжет... Речь идет не более, не менее как о производстве гончарных труб, сначала для Лондона, а затем для всего света»⁵. Он действительно начал делать трубы для дренажа и водоснабжения⁶, специальность, которой предстояло колоссально развиться и окончательно поставить керамику среди отраслей крупной промышленности Англии.

Процветание района, известного ныне под названием гончарного округа (pottery district), ведет свое начало от изобретений и начинаний Веджвуда. Когда последний родился там в 1730 г., этот край был отсталым и убогим. Глинистая почва, с трудом поддававшаяся обработке, едва прокармливала редкое население. Дорог было мало,

¹ Письмо Веджвуда к Бентли от 27 сентября 1769 г. Он не любил, однако, когда другие пытались выведать тайком его приемы производства. См. письмо Никольсону от 25 октября 1785 г. относительно иностранного шпионажа.

² «Патент на украшение глиняных и фарфоровых ваз по способу росписи восковыми красками разных цветов в подражание римским и этрусским гончарным изделиям» (№ 939).

³ *Faujas de St-Fond, Voyage en Angleterre, en Écosse et aux îles Hébrides*, I, 112.

⁴ Письмо Джосия Веджвуда Джону Веджвуду от 19 февраля 1765 г.: «Масса нашей продукции,—писал он в том же году,—уходит на иностранные рынки... главными являются континентальные страны и острова Сев. Америки». Письмо сэру В. Мередит от 2 марта 1765 г. Mayer Coll.

⁵ Веджвуд—Бентли, 20 октября 1779 г. Mayer Coll.

⁶ См. письмо Арт. Юнга от 6 ноября 1786 г. относительно употребления дренажных труб, доставленных Веджвудом. Mayer Coll.

и они были так плохи, что товары приходилось тащить туда на собственной спине. Городов совсем не было, имелось только несколько деревень с крытыми соломою домами; в Берследе жило каких-нибудь 50 гончаров, в Ганлее—7; в Стоке не было и десятка домов¹. Тем не менее местная промышленность сделала с середины XVII в. некоторые успехи: наведение глазури при помощи соли, введенное около 1690 г. немцами, братьями Элерс², затем применение смеси из обожженного кремнезема и пластической глины, впервые сделанное около 1720 г. Астберн³, открыли дорогу для усовершенствований. Рядом с тяжелой и грубой каменной посудой, с толстым фаянсом, украшенным детскими рисунками⁴, появляются уже изделия более тонкие, если не более художественные, появляются белые фарфоры, имитации мрамора, агата, черепахи, из которых делали крышки табакерок и ручки для ножей. Но организация производства оставалась еще очень примитивной: это была домашняя система во всей ее простоте. Самые большие мастерские занимали каких-нибудь полдюжины рабочих⁵; один придавал сосудам их форму, другой выделывал ручки и примазывал их на место, остальные занимались украшением, наведением глазури и обжиганием. Специализация их отнюдь не была, впрочем, постоянной: хороший рабочий должен был уметь делать все и ко всему прикладывать руку. Эти стаффордширские гончары представляли собой бедное и невежественное население, с грубыми нравами, находившее удовольствие в бое петухов и быков. Когда апостол методизма, Джон Веслей, явился к ним впервые для проповеди, то они стали швырять в него грязью⁶.

Развитие керамической промышленности, главным деятелем которой был Веджвуд, улучшение дорог, прорытие канала от Мерсея к Тренту изменили в немногие годы весь облик этого края. Вокруг фабрик, основанных Веджвудом и его конкурентами⁷, вырастали города, образуя мало-помалу обширное и разбросанное скопление людей⁸. Репутация, приобретенная стаффордширскими гончар-

¹ *Shaw*, Hist. of the Staffordshire potteries, p. 4 и сл.; *J. Ward*, The borough of Stoke-upon-Trent, p. 42; *E. Meteyard*, ouvr. cité, I, 106. До 1750 г. Берследе имел не более пяти лавок. В 1740 г. почту приносила одна старая женщина, приходившая каждое воскресенье из Newcastle-under-Lyme.

² Относительно Элерсов—см. *L. Jewitt*, The ceramic art of Great Britain, I, 100 и сл. Упомянутые выше коллекции содержат хорошие образцы из красной керамики, похожей на некоторые японские изделия.

³ См. производственную историю этого изобретения у *A. Anderson*, Chronological history of the origin of commerce, IV, 698—699.

⁴ См., например, образец из коллекции Beteman, воспроизведенный у *E. Meteyard*, ouvr. cité, I, 117.

⁵ *J. Ward*, The borough of Stoke-upon-Trent, p. 46; *Shaw*, ouvr. cité, p. 166; *S. Smiles*, Josiah Wedgwood, p. 173. Дед Веджвуда держал 6 рабочих, которым платил от 4 до 6 шилл. в неделю.

⁶ *John Wesley*, Journal, p. 465.

⁷ Между прочими Спод из Stoke-upon-Trent, который, по Эйкину, первым применил паровую машину для дробления кремня, входившего в состав английского фаянса. *J. Aikin*, Description of the country, etc., p. 522.

⁸ «Эта отрасль промышленности простирается в северной части Стаффордшира приблизительно на протяжении в 9 миль в длину, и это пространство покрыто ныне таким количеством фабрик и жилищ, что имеет вид одного большого разбросанного города». *Macpherson*, Annals of commerce, III, 383 (1805).

ными изделиями благодаря Веджвуду, имела своим последствием прилив богатства и рост общего благосостояния. Великий керамист имел право сказать, обращаясь к новому поколению: «Попросите своих родителей, чтобы они описали вам состояние нашего края в то время, когда они с ним впервые познакомились, и они скажут вам, что жители его в гораздо большей степени, чем теперь, несли на себе все клеймо бедности. Жилищами служили им настоящие лачуги; плохо возделываемые земли производили мало пищевых средств для людей и корма для скота. Эти плачевные условия и дурное состояние дорог изолировали наш край от остального мира и делали его довольно неудобным для нас самих. С этой картиной, за верность которой я ручаюсь, сравните нынешнее состояние края: рабочие зарабатывают почти вдвое больше прежнего, дома их большей частью новые и удобные, поля и дороги несут на себе явные следы самого удовлетворительного и быстрого прогресса. Эту счастливую перемену произвел труд, произвела промышленность»¹. Веджвуд восхвалял здесь, не говоря этого прямо, свое собственное творение, которое, в самом деле, могло внушить ему некоторую гордость—не меньше, чем его художественные успехи.

Такие люди, у которых практический талант не идет в ущерб более высоким интеллектуальным и нравственным качествам и столь плодотворная деятельность которых не имеет своей единственной целью интерес, делают честь классу, из которого они вышли. Но было бы опрометчиво судить по ним обо всем этом классе. Большинство крупных промышленников, живших в одно с ними время, не походили на них со стороны их лучших качеств. Они думали только о том, как бы разбогатеть. Люди, как и вещи, были в их руках только орудием для достижения этой единственной цели. О том, как они обращались с персоналом своих фабрик, мы дадим дальше назидательные подробности². Сознание своей силы делало их деспотами, черствыми и подчас жестокими. Свои аппетиты выскочек они удовлетворяли в грубых формах. Они пользовались репутацией людей, пьющих без меры и не щающих добродетели своих работниц³. Крайне тщеславные, они жили по-барски, с лакеями, экипажами, роскошными городскими особняками и сельскими усадьбами⁴. Но щедрость их не была пропорциональна роскоши, которую они выставляли напоказ. Из 2 500 ф. ст., собранных в Манчестере в первые годы XIX в. на учреждение воскресных школ, главные прядильные

¹ *J. Wedgwood, An address to the young inhabitants of the Pottery*, p. 21—22. Поводом для опубликования этой брошюры послужили беспорядки, вызванные в 1783 г. дороговизной хлеба и прекращенные только вмешательством военной силы. См. *Derby Mercury* от 20 марта 1783 г.

² См. гл. IV, стр. 352—360.

³ *Report on the state of the children, etc. (1816)*, p. 104 и сл.

⁴ См., например, что рассказывает Роберт Блинко об одном из своих старых хозяев—Эллисе Нидгеме: «Говорили, что он вышел из самого жалкого состояния и имел слабость стыдиться своего происхождения. Изобилием своего стола, великолепием празднеств, которые он часто устраивал, он, казалось, хотел прикрыть и спрятать свое низкое происхождение. Своим домом, парком, экипажами, своим образом жизни он затмевал окрестное дворянство». *J. Brown, Memoir of Robert Blincoe in The Lion*, I, 181.

фабриканты округа, в предприятиях которых было занято 23 тыс. человек, пожертвовали всего 90 ф. ст.¹. Они были всецело поглощены завоеванием богатства и если обладали качествами завоевателей—честолюбием, смелостью, неутомимой энергией, то отличались также эгоизмом людей этого типа.

V

Несмотря на свое недавнее образование, на неодинаковое свое происхождение и неравноценность своих составных элементов, класс промышленников рано пришел к самосознанию. Это классовое сознание, представляющее собой не что иное, как чувство общего интереса, может существовать только там, где оно имеет возможность найти себе внешнее выражение. В этом отношении Англия представляла более благоприятные условия, чем какая бы то ни было другая страна в мире. Ее свободный политический строй, в особенности же глубоко вошедшее в нравы право петиций открывали широкую свободу для коллективных требований. Английские подданные издавна приобрели привычку объединяться сообразно своим нуждам или мнениям для представления жалоб или пожеланий парламенту. Нет такой временной или постоянной группы, нет такой категории, создаваемой в обществе экономическим, политическим или религиозным интересом, которая не оставила бы каких-нибудь следов своего существования и своей деятельности в протоколах обеих палат. В силу совершенно естественного побуждения и согласно бесчисленным прецедентам, крупные промышленники также пришли к мысли выступить сообща с известными практическими домогательствами.

Фискальная политика Вильяма Питта нашла в них внимательных критиков. Едва придя к власти, он возвестил о своем намерении создать новые налоги, чтобы доходом от них улучшить финансовое положение, довольно серьезно расшатанное американской войной. В числе этих налогов должны были фигурировать налоги на сырье, в особенности на железо, медь и каменный уголь². Владельцы горных и металлургических предприятий тотчас же всполошились: не объединяясь в общество в тесном смысле этого слова, они столковались между собой относительно известных шагов перед первым министром и доведения до его сведения своих возражений. Рейнольдс из Кольбрукделя составил докладную записку, в которой указал на успехи, достигнутые металлургией железа благодаря употреблению каменного угля; неужели правительство хочет рисковать замедлением или приостановкой их?³ Болтон формулировал свое мнение

¹ Report, on the state of the children employed in the manufactories (1816), p. 337.

² В то же время, как на хлопчатобумажные ткани. См. ч. 2-я, гл. II, стр. 214.

³ Металлургия железа сделала за последние годы гигантские успехи. «Думали, и основательно думали, что изготовление чугуна с помощью каменного угля представит громадную выгоду для нашей страны. Сберегая дрова и заменяя их другим горючим, преобразовали отрасль промышленности, продукция которой всегда отставала от потребности в ней из-за недостатка дров... Производство гвоздей, ныне столь процветающее, было бы утрачено для Англии, если бы не

в выражениях, от которых не отказался бы Адам Смит: «Взимайте налоги с роскоши, с пороков и безоговорочно с земельной собственности, облагайте приобретенное богатство и траты, которые делаются из него, но не облагайте того, что служит для его создания. Одного надо остерегаться больше всего: не зарезать курицы, несущей золотые яйца»¹. Он добился аудиенции у Питта и без труда убедил его. Приверженец новой политической экономии, Питт видел в проектируемых налогах только бюджетный ресурс, к которому прибегал скрепя сердце². Промышленники выиграли свое дело³.

Почти тотчас же вслед за этим они, без основания или с некоторым основанием, были повергнуты в тревогу другим проектом—предположенным в 1785 г. англо-ирландским торговым договором, который должен был установить между обоими королевствами режим таможенной взаимности⁴. Благоприятно принятый в Ирландии⁵, он встретил в Англии живейшую оппозицию. В вопросе были заинтересованы все отрасли промышленности; началось общее движение против проекта, не замедлившее сорганизоваться. Во главе его стал Веджвуд. Он приехал в Бирмингем к Болтону и предложил ему образовать «комитет, в который все промышленные центры Англии и Шотландии послали бы делегатов и который заседал бы в Лондоне, пока там будет происходить обсуждение ирландского договора»⁶. Идея встретила живой отклик; большинство крупных промышленников прислали свое согласие. «Главная палата английских промышленников (The Great Chamber of the manufacturers of England)—таково было название, которое присвоил себе комитет,—собралась весной 1785 г. под председательством Веджвуда. Она тотчас же открыла кампанию против договора, который не успел еще получить окончательной санкции парламента. По всей стране ею были разосланы циркуляры и памфлеты, один из которых принадлежал перу Джемса

пришли к выделке их из железа, расплавляемого на каменноугольном огне. Теперь нам необходимо изыскать другой прием, который позволил бы получать полосовое железо с помощью каменноугольного огня, и с этой целью мы приступили к сооружениям в Доннингтон-Вуде, в Кетли, а также в других местах. Мы надеемся закончить их в этом году. Они обойдутся не менее чем в 20 тыс. ф. ст., которые будут потеряны для нас без всякой выгоды для кого бы то ни было, если будет введен налог на каменный уголь. Мы не просим таможенного покровительства для английского железа, несмотря на низкую цену иностранного металла. От самого своего несовершенного состояния в виде необработанного чугуна до самой утонченной своей формы в виде часовой пружины оно (английское железо) не внушало бы нам никаких опасений за себя, если бы ввоз его во все страны был свободным». —См. *Smiles, Industrial Biography*, p. 93.

¹ Письмо Болтона Дж. Вильсону от 16 декабря 1784 г. *Smiles, Lives of Boulton and Watt*, p. 343.

² По мнению В. Кевнингема, реакция Питта на «парламентский кольбертизм» была лишь возвратом к торийской традиции. *Growth of English industry and commerce*, II, 602.

³ См. *Parliamentary History*, XXIV, 1215.

⁴ Вопрос был поставлен в Англии в тронной речи от 20 января 1785 г. *Journ. of the House of Commons*, XL, 453.

⁵ Торговля с колониями была открыта для Ирландии уже раньше изданными актами 18 Geo. III, с. 55 и 20 Geo. III, с. 18.

⁶ Джосия Веджвуд—Мэтью Болтону, 21 февраля 1785 г. См. *E. Meteyard, Josiah Wedgwood*, II, 540.

Уатта¹. Она добилась допущения своего представителя на заседания Тайного совета и парламентской комиссии, на которую возложено было обследование по обсуждаемому вопросу. Веджвуд был заслушан и там и здесь. Веджвуд предпринял лично сверх того шаги перед лидерами правящей партии и оппозиции, совещался с Питтом и герцогом Портлендом, с Фоксом и Шериданом². Наконец, после ряда поправок, значительно изменивших его первоначальный текст, проект англо-ирландского договора был оставлен³.

Главная палата промышленников представляла в этом случае скорее коалицию известных интересов, нежели общее мнение. Действительно, по существу вопроса промышленники были всего менее единодушны. Одни опасались, что Ирландия выйдет из того состояния экономического рабства, в котором веками держала ее ревность Англии; другие хотели бы, напротив, чтобы таможенные рогатки, разделявшие еще обе страны, были совершенно удалены. Традиционная политика крайнего протекционизма имела еще многих сторонников, особенно в старых отраслях промышленности, привыкших к привилегиям и полагавших, что без них они не могут обойтись. Но лица, стоявшие во главе новых отраслей промышленности, начинали понимать, что их существенный интерес заключается в обеспечении себе дешевого сырья и широко открытых рынков для экспорта. Это расхождение во взглядах выступило наружу, когда в 1786 г. был заключен торговый договор с Францией. Палата промышленников разделилась. Веджвуд принадлежал к числу тех, которые одобрительно отнеслись к инициативе правительства⁴; к нему присоединились металлурги Бирмингема и прядильные фабриканты Манчестера и Дерби⁵. Термин «свободная торговля» был бы, в применении к описываемому времени, неточен и явился бы анахронизмом, но везде, где появлялось машинное крупное производство, тотчас же давала себя чувствовать необходимость ничем неограниченного торгового расширения; всякое мероприятие, способное облегчить его, не могло

¹ An answer to the Treasury paper on the iron trade of England and Ireland, 1785.

² Переписка, март-апрель 1785 г., Mayer Coll.

³ Parliamentary History, XXV, 311—375, 409—414, 575—778, 820—885, 934—982. Третье чтение билля было отложено на неопределенный срок после тронной речи 24 января 1786 г., констатировавшей неудачу переговоров с Ирландией. Ibidem, 985. См. чрезвычайно многочисленные петиции по этому поводу в томе XL Journ. of the House of Commons.

⁴ В память об этом событии он заказал Флакسمану аллегорический барельеф. Отметим, однако, что в очень длительных прениях, развернувшихся по поводу этого договора в обеих палатах, мы не находим ни одного намека на недавние преобразования некоторых отраслей промышленности. Parliamentary History, XXVI, 381—514 и 534—596.

⁵ Уатт писал ему: «Я с огорчением узнал, что в Палате промышленников есть два мнения по вопросу о договоре с Францией. Так как Ваше мнение совпадает, повидимому, с моим, я подумал, что мог бы несколько поддержать Вас, сказав Вам об этом. Могу также заверить Вас, что м-р Болтон, м-р Гарбеи, думаю, весь город Бирмингем—того же мнения. Во всяком случае, я присутствовал вчера на собрании, где была сотня видных граждан, коммерсантов и промышленников города: там пили за успех договора и за вечный мир между Францией и Великобританией и тотст этот был трижды единодушно приветствуем». Письмо Уатта Веджвуду, от 26 февраля 1787 г., Soho MSS.

же привлекать на свою сторону наиболее умных промышленников¹. Их отрасли промышленности нуждались всего больше во внешних рынках, и если иностранные державы требовали таможенной взаимности, то техническое превосходство этих отраслей промышленности достаточно гарантировало их против конкуренции. Таким образом, уже с описываемого момента обнаружилась тенденция, которая должна была скоро столкнуть друг с другом класс промышленников, враждебно относившийся к старой системе протекционизма, и землевладельческий класс, заинтересованный в ее сохранении. Одобрение, встреченное договором 1786 г. среди представителей крупной промышленности, задолго возвестило о поддержке, которую преемники их полувеком позже оказали пропаганде манчестерской школы².

Но если промышленники не всегда были согласны друг с другом относительно того, какая политика наиболее благоприятна для общих интересов промышленности, то они умели легко столкнуться между собой, когда на карту были поставлены их классовые интересы. По отношению к своим рабочим они уже в то время обнаруживали тесную и многознаменательную солидарность. Мы видим, например, в 1782 г., что комитет фабрикантов хлопчатобумажных тканей требует и добивается у парламента издания жестокого закона против рабочих, которые во время забастовки разбивали бы ткацкие станки или уничтожали товары³. Этот закон, как и насилия, для подавления которых его издали, был классовым оружием. В 1799 г. ткачи города Больтона жаловались, что некоторые из них не могут больше найти занятия в округе, так как имена их внесены в «черную книгу», которую хозяева передают друг другу⁴. Эта «черная книга» была создана согласно прямому соглашению, к которому примкнуло около 60 фирм. По уверению фабрикантов, целью ее было затруднить слишком частую утайку сырых материалов мастерами, работавшими у себя на дому⁵. Читатель обратит внимание на то, что этот типичный пример коалиции хозяев вполне совпадает по времени с законом,

¹ Вот петиция прядильщиков и фабрикантов хлопчатобумажных тканей во время кризиса перепроизводства 1788—1789 гг.: «Поскольку цены значительно снижены, а качество товаров превосходно, было бы достаточно добиться для английских коленкоров и муслинов свободного доступа на иностранные рынки: это повело бы к росту потребления, что влило бы новые силы в промышленность». *Journ. of the House of Commons*, XLIV, 544.

² В цитированном выше «Address, etc.», р. 10 Веджвуд объявляет себя сторонником беспошлинного ввоза хлеба.

³ Циркуляр Палаты промышленников от 10 декабря 1782 г. Owen MSS. (Центр. своб. библиотека в Манчестере), LXXX, 3. Список членов палаты в 1782 г., *ibidem*, р. 4. Мы имеем в виду закон 1782 г., 22 Geo. III, с. 40, который отнес умышленное повреждение машин рабочими к тяжким преступлениям, наказуемым смертной казнью, «without benefit of clergy» (т. е. без возможности смягчения наказания).

⁴ Обследование условий хлопчаткачей (1800), *Journ. of the House of Commons*, LV, 492; Report from the committee to whom the petitions of masters and journey-men weavers were referred (1800): *Ibidem*, р. 15.

⁵ Против этого рода злоупотреблений было издано несколько законов, особенно в 1740 г. (13 Geo. II, с. 8) и 1759 г. (22 Geo. II, с. 27). Последний установил следующие наказания: за впервые совершенное преступление—публичное наказание плетью и 14 дней тюрьмы; в случае рецидива—тюрьма от 2 до 3 месяцев. Укрыватели наказывались плетью и штрафом от 20 до 40 ф. ст.

запретившим по требованию хозяев рабочие коалиции под страхом штрафа и тюрьмы¹.

В одном пункте проявилось полное единодушие крупных промышленников, сталкивавшееся с не менее единодушным противоположным чувством рабочих: промышленники относились враждебно к старым законам о регламентации труда, в частности—к законам об ученичестве. Лишенные права объединяться, чтобы собственными силами поддерживать свои требования, рабочие думали найти в этих почти не применявшихся более законах средство обороны против экономического угнетения. Но промышленники, от одного конца королевства до другого, тотчас же потребовали отмены этих законов и не преминули добиться ее. Нам придется еще подробнее остановиться на этом конфликте, исход которого, согласный с желаниями хозяев, открыл собой в Великобритании эру государственного невмешательства в экономическую жизнь.

Интерес промышленников был, естественно, противоположен всякой регламентации, какого бы свойства она ни была: касалась ли она людей или вещей, техники или организации труда. Они хотели остаться одни хозяевами производства, без ограничения и без контроля. В этом пункте их заинтересованные взгляды совпадали с идеями их времени. В тот самый момент, как совершалась промышленная революция, учение о предоставлении предпринимателям свободы действий (*laissez-faire*) переходило из книг в область практики. Не экономист, а государственный деятель, сам Вильям Питт, обращается в 1796 г. к парламенту со следующими словами: «Примите во внимание случаи, когда вмешательство государственной власти стеснило развитие промышленности и когда наилучшие намерения дали самые пагубные результаты... Торговля, промышленность, обмен всегда найдут сами свой уровень; искусственные меры могут только расстраивать их, ибо нарушая их естественный ход, они не дают осуществиться его благотворным результатам»². Этим же языком будет говорить класс промышленников в следующем столетии, когда он сам станет у власти.

VI

По мере развития крупной промышленности этот класс, вчера лишь родившийся, но богатый, трудолюбивый и честолюбивый, играет все более и более существенную роль в экономической жизни страны. Но каково было его признанное место в английском обществе—этом обществе, которое даже в наши дни сохраняет почти в неприкосновенности свою старую иерархию и связанные с ней предрассудки? Эти новые люди, которых богатство, властное положение и многочисленность подчиненных лиц имели тенденцию сравнивать с поземельной аристократией, понимали ли они сами, какой ранг принадлежит им в мире, преобразованном промышленной революцией? Судя по некоторым признакам, можно было бы подумать, что в глазах

¹ См. гл. IV, стр. 388.

² Речь в палате общин 12 февраля 1796 г. *The speeches of the right honorable William Pitt* (изд. 1816 г.), II, 368.

гордых аристократов сверху и снобов снизу этот класс выскочек не имел большого веса. В списке знаменитых людей Англии XVIII в., составленном в 1803 г., мы тщетно стали бы искать имени хотя бы одного какого-нибудь промышленника или изобретателя¹. Как раз в это время сыну и преемнику Веджвуда, назначенному шерифом Дорсетшира, пришлось испытать едва скрываемое пренебрежение дворянчиков графства: ведь, в конце концов, это был не более как посудный мастер². Однако иностранцы, приезжавшие из страны, где крупная промышленность еще отсутствовала, и поэтому способные легче уловить ее характерные особенности, замечали видное положение, занимаемое в Англии некоторыми, по крайней мере, из главных промышленников. «У нас человек, достаточно богатый, чтобы поставить и вести подобную мануфактуру,—писал один француз после посещения им в 1788 г. одной шотландской фабрики набивных материй³,—не захотел бы заниматься профессией, которую считал бы ниже своего богатства: он поспешил бы сделаться советником парламента или рекетмейстером и поступил бы правильно, ибо человеку естественно гнаться за почетом, связанным с должностями, различные заслуги не дают этого почета. Но в Англии гг. Больтон из Бирмингема, Веджвуд из Этрурии, Стерлинг из Корделя и все промышленники этого калибра пользуются весом и уважением, которые в глазах нации равняют их с самыми знаменитыми в стране людьми⁴.

Это влияние основано прежде всего на местном могуществе. Мы не будем повторять избитого сравнения промышленников с феодалами, но они имеют с последними ту общую черту, что известные местности, известные округа принадлежат им. Не только на их фабриках, где они командуют в качестве хозяев, но и в деревне или городе, в которые их предприятия вливают новую жизнь, как и в провинции, для которой их промышленность становится необходимым источником заработков, все население приходит к тому, чтобы видеть в них своих естественных вождей. Прядильщики в графствах Ланкастер и Дерби, металлурги в Бирмингеме, на Северне и в Южном Уэльсе, посудные фабриканты в Стаффордшире—все они по своему действительному влиянию следуют непосредственно за крупными землевладельцами, которых возвышает над ними престиж их титулов. Если идет, например, речь об осуществлении каких-нибудь крупных общественных работ, из которых должен извлечь пользу целый район, то они заинтересованы в этом деле больше, чем кто-либо, и охотно берут на себя его инициативу. Так, мы видим, что после примера, поданного герцогом Бриджватерским, они способствуют в значительной степени созданию судоходной сети Англии. В комитетах, которые берут на себя задачу изготовления проектов, исходатайствования у государственной власти необходимых разрешений, наконец, организации работ и эксплуатации, мы видим промышленников, заседающих рядом

¹ Gentleman's Magazine, LXXIII, p. 161—170.

² E. Meteyard, A group of Englishmen, p. 187.

³ Фабрика Стерлинга в Корделе, близ Дембартона в Шотландии.

⁴ Tournée faite dans la Grande-Bretagne en 1788 par un français parlant la langue anglaise, p. 158.

с высокопоставленными лицами из местной аристократии¹; тем и другим помогают многочисленные и преданные приверженцы, которым не приходит в голову ставить им в упрёк, что те работают главным образом для самих себя.

Вне района, где протекает деятельность промышленника и где придаваемое ему значение измеряется теми услугами, которыми население считает себя обязанным ему, он не встречает, разумеется, того же внимания: с ним обращаются только сообразно с его личными достоинствами. Но разве не знаменателен для эпохи уже тот факт, что вельможа говорит с простым промышленником—хотя бы это и был человек заслуженный—не так, как с поставщиком. Правда, уже с начала XVIII в. философы Франции и Англии наперебой старались реабилитировать художества и ремесла и даже ручной труд². Возможно поэтому, что внимание, оказывавшееся основателям крупной промышленности, объяснялось больше этой модой, нежели правильным сознанием места, которое им предстояло занять в современном обществе.

В качестве художника или, по крайней мере, производителя предметов роскоши, пользовавшихся усиленным спросом со стороны любителей, Веджвуд занимает среди промышленников особое место. Покровительствуя ему, сельское дворянство и знать следовали традиции всей аристократии. Но они больше чем покровительствовали ему: Гоуэры, Каткарты, Тальботы поддерживали с ним отношения, запечатленные дружеской вежливостью³. Больтон, которого, в отличие от Веджвуда, приходится считать гораздо больше промышленником, нежели художником, был уже с 1767 г., т. е. до своего вступления в компанию с Уаттом, неоднократно принимаем королем Георгом III и королевой Шарлоттой, которые каждый раз подолгу беседовали с ним, оказывая ему щедрое внимание и расточая

¹ Лорд Стенфорд, лорд Грей, лорд Говер, герцог Бриджватерский входят в состав комитета Большого соединительного канала вместе с Веджвудом, Гарбеттом, Бентли, Больтоном и др. См. *E. Meteyard, The life of Josiah Wedgwood, I, 410; S. Smiles, Lives of engineers, I, 433* и *Lives of Boulton and Watt, p. 179*. Веджвуд в следующих выражениях рассказывает о визите к герцогу Бриджватерскому в 1766 г.: «Я отправился к его светлости герцогу Бриджватерскому, чтобы представить ему планы относительно внутреннего судоходства. Со мною был Спарроу. Мы были приняты как нельзя более любезно. Мы пробыли около 8 часов в обществе его светлости и получили всяческие заверения, что можем рассчитывать на его содействие нашему предприятию. Его светлость заказал мне столовый сервиз цвета крем, самый полный, какой я только смогу сделать. Он показал нам римскую урну, насчитывающую по крайней мере 15 веков существования, сделанную из красной глины и найденную в Гастльфильде, около Манчестера. Когда его светлость отпустил нас, мы имели честь и удовольствие сесть в его гондолу и проехать до Манчестера по его каналу—прогулка приблизительно в 9 миль по прелестной долине». Письмо Джону Веджвуду от 6 июля 1766 г., Mayer Coll.

² В Англии, как и во Франции, среди аристократической молодежи было в моде изучать какое-нибудь ремесло. Лорд Чатам говорил о своем зяте, лорде Стенгопе, что он мог бы зарабатывать себе средства к жизни как кузнец или строитель мельниц. *Smiles, Lives of the engineers, p. 142*.

³ Когда он в мае 1768 г. ампутировал себе ногу, то сэр Вильям Мередит, сэр Джордж Сэвилль, лорд Бесборо, лорд Каткарт, герцог Бедфордский, герцог Мальборо и др. посылали ежедневно в его лондонский дом справляться о его здоровье. *E. Meteyard, The life of Josiah Wedgwood, II, 42*.

всякие комплименты¹. Когда в 1776 г. Англию посетила Екатерина II, она в течение нескольких дней пользовалась гостеприимством промышленника из Сохо². В 1786 г. он был в самых лестных выражениях приглашен французским послом совершить поездку в Париж вместе со своим компаньоном³; они поехали туда на счет французского правительства и встретили там прием, подобающий именитым гостям⁴.

Этот почет, оказываемый выдающимся личностям, падал отраженным светом и на представляемый ими класс. Он освящал, так сказать, фактическое положение, которое давала промышленникам власть капитала. Но и этого должно было быть недостаточно для них. Их интерес, столько же, сколько их гордость, побуждал их направить свое честолюбие к более высоким целям: они жаждали уже политического могущества. Жизнь первого сэра Роберта Пила может служить иллюстрацией этого двойного завоевания—богатства и власти⁵.

Свою карьеру он начал довольно скромно в 1772 г. как компаньон своего дяди Гаурта, владельца ситценабивной фабрики в Бэри. Зорко следя за всеми новинками моды, развивая в управлении своим

¹ «Никогда человек не получал столько комплиментов, как получил я. Королева показала мне своего последнего ребенка. Он—красавчик. Я нашел ее похорошевшей, и она говорит теперь по-английски, как английская дама. Она талантливо рисует, большая музыкантша и владеет иголкой лучше мистрис Бетти. Сверх того, она, не шутя, очень умная и обходительная женщина и большая покровительница национальной промышленности. Она дала мне специальное доказательство этого: после того как она и король беседовали со мной около 3 часов и удалились, королева тотчас же прислала за мной, приказала провести меня в свой будуар, показала мне свой камин и спросила, сколько нужно ваз для украшения его». Письмо Больтона жене (1767), цит. Смайльсом в *Lives of Boulton and Watt*, p. 175. Георг III, пока был в здравом уме, живо интересовался коммерческими и промышленными вопросами: «Король в курсе дел, знает главных промышленников, купцов и артистов; он, видимо, принимает близко к сердцу успех наших отраслей промышленности и понимает всю важность их». Th. Bentley, письмо Бордману из Ливерпуля, 15 декабря 1770 г., Mayer Coll.

² *Smiles*, *ouv. cité*, p. 215.

³ Пригласительное письмо было прислано французским посольством в Лондоне и было составлено в следующих выражениях: «Господа, по приказу моего Двора я имею честь поставить Вас в известность, что, если Ваши дела могут позволить Вам проехать в Париж, Двор возьмет на себя расходы по Вашему путешествию, и заверить Вас, что сверх того Вы получите со стороны правительства прием, какого Вы, господа, могли бы только пожелать и какого только должны ожидать лица, обладающие Вашими заслугами и Вашей известностью.—С тем большим удовольствием выполняю я, господа, в отношении Вас этот приказ моего Двора, что он предоставляет мне особое преимущество повторно выразить Вам чувства уважения и преданности, с которыми я имею честь и т. д. ... Barthélemy. Письмо Уатта Больтону от 3 октября 1786 г., Soho MSS.

⁴ «Когда я вспоминаю состояние опьянения, в котором нас держали во время нашего пребывания в Париже, столь лестные проявления вежливости и внимания и незаслуженные похвалы, объектом которых мы были, не забывая и доброго вина, которое мы пили, то я боюсь, не погрешили ли мы множеством невежливостей». Письмо Уатта аббату де Калонн от 17 февраля 1787 г., Soho MSS.

⁵ В отношении дальнейшего см. *W. Cooke-Taylor, Life and times of Sir Robert Peel*, I, 6 и сл. *Sir Lawrence Peel, A sketch of the life and character of Sir Robert Peel*, p. 33—42; *F. Espinasse, Lancashire worthies*, II, 82—125; *J. Wheeler, Manchester*, p. 520 и сл.

предприятием невероятную энергию¹, он в течение немногих лет разбогател. Уже в 1780 г. он занимал работами, отчасти в своих мастерских, отчасти у рабочих на дому, почти все население Бэри. В 1788 г. он построил фабрику на купленной им земле в Тамворте (в Стаффордшире) и там же в 1790 г. заставил выбрать себя в парламент. Большой поклонник Вильяма Питта, в котором видел в особенности просвещенного покровителя промышленности, этого «истинного источника национального величия»², он страстно поддерживал министерство в самые тяжелые моменты войны против Франции. Когда в 1797 г., в самую острую минуту финансового кризиса, Питт обратился к частным лицам с призывом увеличить чрезвычайными пожертвованиями государственные ресурсы, Пиль прислал ему 10 тыс. ф. ст. Сверх того, он снарядил на свой счет восемь рот волонтеров, так называемых *Bury Loyal Volunteers*, приняв над ними командование с чином подполковника. В награду за это он был пожалован наследственным титулом баронета с девизом «*Industria*»³.

В палате общин роль его не была особенно значительна, за исключением одного памятного случая, когда он предложил и провел в 1802 г. закон, регулирующий труд учеников в прядильных фабриках, это введение ко всему рабочему законодательству Англии. Он не мог посвящать много времени политике: главной его заботой, основной целью, которую он себе поставил, было создание незыблемого фундамента для богатства своего дома. Сам он отказался от своих наиболее высоких честолюбивых стремлений и перенес их на сына, которого, по собственным словам, с самого детства посвятил на службу отечеству⁴. Как только сын окончил университет, он нашел ему «гнилое местечко» в Ирландии. Вскоре после этого он доставил ему пост помощника статс-секретаря в министерстве Спенсера Персиваля. Он был еще затем свидетелем последовательных этапов этой большой карьеры, видел еще, как сын стал в 1812 г. секретарем по делам Ирландии, в 1820 г. — министром внутренних дел, в 1828 г. — лидером правительственного большинства в палате

¹ «Это был человек, одаренный неутомимой энергией, неизмеримо деятельный. Он вставал ночью, когда могла испортиться погода, чтобы осмотреть поля, на которых были разостланы отбеливаемые ткани. Еженедельно он вместе со своим рисовальщиком моделей проводил целую ночь напролет в приеме и рассматривании образцов, прибывших в полночь с лондонским дилижансом. *Sir Lawrence Peel, Life and character of Sir R. Peel, p. 34.*

² См. его речь от 7 мая 1802 г. в палате общин, *Parliamentary Register*, нов. сер., XVIII, 248—249: «Я имею честь принадлежать к коммерческому миру и имел случай обсуждать с покойным канцлером казначейства очень важные и трудные дела. Я могу поэтому лично засвидетельствовать, что никогда ни один министр не понимал так хорошо экономического интереса страны. Он знал, что истинным источником ее величия является ее промышленность, и именно поэтому он не скупился на поощрения этой промышленности».

³ Аркрайт получил только личное, не передаваемое по наследству звание рыцаря.

⁴ «Каждое воскресенье, по приходе из церкви, он хотел, чтобы ребенок, стоя на столе, повторял проповедь, которую он только что выслушал. Он думал, что не может слишком рано требовать от ребенка этих серьезных упражнений памяти и речи, с таким успехом помогающих формированию великих ораторов». *F. Guizot, Sir Robert Peel, p. 7.*

общин¹. Он хотел еще дожить до того, чтобы увидеть сына премьером²; только одна эта мечта старшего Пила не осуществилась при его жизни.

Одного поколения было достаточно, чтобы семья промышленников поднялась до первых рядов в государстве. Однако выступление на политическую сцену промышленников как класса относится к более позднему времени. Пили, эти новые люди, поспешили примкнуть к партии традиции, к партии старого дворянства, смешаться с которыми они считали для себя честью; они примкнули к социально-охранительной партии, укрепленной своей энергичной и, в конце концов, победоносной борьбой против французской революции³. Их торизм, впоследствии приблизившийся своей широтой к либерализму, на первых порах был подчеркнуто узким и нетерпимым. Они отнюдь не были расположены к тому, чтобы дверь открылась слишком широко для тех, кто шел вслед за ними. Билль об избирательной реформе 1832 г., это Великая Хартия английской буржуазии, политически освятившая промышленную революцию,—этот билль встретил противника в лице сэра Роберта Пила, сына промышленника из Бэри.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Нам остается показать, каковы были первые действия промышленной революции на условия труда и судьбу рабочего класса. Для этой цели недостаточно противопоставить картине промышленной аристократии картину фабричного пролетариата. В самом деле, внимание наше должно быть направлено не на одну только фабрику, но и на то, что происходит рядом с нею и кругом нее. Масса ручных рабочих, хотя и оставалась еще долго вне крупной промышленности, испытала на себе тем не менее уже с самого начала ее всемогущее влияние.

I

На первых порах это влияние было предметом страха. Известно, какие чувства недоверия и злобы вызвало среди рабочих появление машинного производства. Их борьба против машин и вообще против всех технических нововведений представляет наиболее известный эпизод всей этой истории. Она не составляет, впрочем, факта, наблюдаемого только в известную эпоху или в известной стране: надо ли напоминать о столь часто приводившихся примерах разрушения паровой лодки Папина лодочниками Фульды или Жакардова станка

¹ Это звание присваивается главному из членов правительства, входящих в состав палаты общин. Будучи лидером большинства, он определяет порядок дня и направляет работу заседания. Функция «спикера» заключается только в наблюдении за надлежащим порядком ведения прений.

² Он умер в 1830 г., а сын его впервые стал первым министром в 1834 г.

³ Сэр Роберт Пил приветствовал первые шаги французской революции, но он испугался, когда она вступила в свой период вооруженной пропаганды.

лионскими ткачами? Даже в наши дни, несмотря на новые привычки, созданные длинным рядом изобретений и усовершенствований, преобразование промышленного оборудования встречает еще со стороны рабочих известное противодействие, которое не должно удивлять нас¹. Сколько раз их поведение было осуждаемо во имя прогресса и здоровой политической экономии! Сколько раз оно вызывало вопли о невежестве и варварстве! А между тем оно как нельзя более естественно: так как все достояние рабочего заключается в его рабочей силе и профессиональной ловкости, то все, что имеет тенденцию обесценивать ту или другую, лишает его части его собственности. Главная выгода машины и ее оправдание (*raison d'être*) состоит в достигаемой благодаря ей экономии рабочих рук; но в этой экономии рабочий с полным правом может видеть экономию, сделанную за его счет. Классический ответ на это популярное возражение заключается в том, что, понижая цены, машина дает, мол, толчок большему потреблению; увеличение спроса ускоряет развитие промышленности, и, в конечном итоге, человеческий труд не только не устраняется, а напротив, находит в расширенных и более многочисленных мастерских более широкое приложение, чем когда-либо раньше. Но это рассуждение, правильность которого подтвердил потом долгий опыт, превосходило уровень понимания рабочих, когда они впервые столкнулись с машинами. Их единственная мысль была та, что им предстоит борьба с сокрушительной конкуренцией, что многие из них лишатся занятия, что во всяком случае их заработная плата упадет. И эти страхи не всегда были такими пустыми, какими их легко могут считать, когда вместо ближайших последствий машинного производства рассматривают весь ряд его результатов по истечении столетия с лишним. Если своим, соединенным с насилиями противодействием рабочие ставили помехи прогрессу и шли против общего интереса, без всякой выгоды для самих себя, то следует ли в этом винить исключительно их неразумие и грубость? Не падает ли вина скорее на социальный строй, при котором увеличение производства может сопровождаться, хотя бы и в течение короткого времени, увеличением нужды среди производителей; на строй, при котором изобретения, долженствующие облегчить тягость человеческого труда, на самом деле делают для трудящихся жизнь более трудной?

Рабочие не понимали еще тогда истинной причины своих страданий. Одно лишь они видели: машины угрожали отнять у них средства к существованию. Отсюда они сделали вывод, что надо разрушить машины. Мы не будем возвращаться здесь опять к отмеченному раньше факту непопулярности изобретателей и к преследованиям, жертвой которых они были. Некоторые из них были сами недалеко от того, чтобы разделять мнение или, если угодно, предрассудок рабочих.

¹ Противники английских тред-юнионов предъявляют им преувеличенное на наш взгляд обвинение, что они делают почти невозможным технические усовершенствования. См. *The crisis in British industry*, статьи в *Times* от 21 ноября 1901 г. и 16 января 1902 г. О тактике, которой действительно следуют в этом случае тред-юнионы, см. книгу *S. et B. Webb, Industrial Democracy*, ч. 3-я, гл. VIII (*New processes and machinery*), а также *P. Mantoux et Maurice Alfassa, La Crise du Trade-Unionisme*, p. 127, 134, 142, 150, 163.

Лауренс Эрншоу, построив десятью годами раньше Харгривса бумагопрядильную машину, тотчас же разбил ее: он не хотел, говорил он, лишить бедняков их хлеба¹. Но такое бескорыстие, в основе которого лежал притом неправильный взгляд на дело, представляло собой факт редкий, если не единственный. Насилия против изобретателей причинили в общем больше вреда их личностям, нежели их идеям. Механическое оборудование отвечало реальным и настоятельным экономическим потребностям; оно открывало сверх того перед лицами, располагавшими необходимыми капиталами для основания предприятия, несравненные шансы прибыли и даже богатства. После тщетных нападений на изобретателей, рабочие встретились лицом к лицу с классом промышленников, заинтересованным в поддержании и расширении машинного производства. Их инстинктивный порыв остался тот же: двинуться на фабрики и разбить машины.

Уничтожение орудий труда было обычным эпизодом бурных забастовок задолго до появления машинного производства. Но когда вязальщики чулок, бунтуя против фабрикантов, разбивали вязальные станки, то это делалось не с целью запретить их употребление. Озлобление рабочих было направлено не против самих станков, а против тех, которые владели ими: они разрушали станки, как собственность алчных капиталистов, взимавших с них несправедливый побор в виде *frame-rent*. Кроме того рабочие громили одинаково орудия труда и товары—обстоятельство, ясно показывающее их намерения. Ткачи неоднократно бывали приговариваемы судами к наказаниям за то, что они рвали на части или сжигали материи либо в мастерской, где они работали, либо насильно врываясь в чужие дома². Совершенно иной характер носили бунты против машин, начиная со второй половины XVIII в.

Первый закон, изданный специально для подавления их, относится к 1769 г. Несколько времени перед тем механическая лесопилка близ Лаймгоуза, построенная по образцу лесопилок, существовавших в Голландии, была взята приступом и разрушена толпой³. Под впечатлением этого инцидента, разыгравшегося у самых ворот Лондона, и был вотирован упомянутый закон. Почти в то же время рабочие Блэкберна разбили вдребезги дженни Джемса Харгривса и вынудили последнего бежать в Ноттингем. Умышленное разрушение здания, в котором помещаются машины, одним лицом или «незаконным и мятежным» скопищем было квалифицировано как *felony*; виновные в этом деянии подлежали каре, установленной для поджигателей, т. е. смертной казни⁴.

Эта драконовская мера не помешала возобновлению беспорядков, становившихся все более частыми и серьезными, по мере того как

¹ *S. Smiles, Lives of the engineers, I, 390.* См. аналогичную историю Т. Бенфорда из Кеттеринга в *Gentleman's Magazine, LXI, 587 (1791).*

² В этом последнем случае законы 12 Geo. I, с. 33 и 22 Geo. II, с. 37 грозили виновным смертной казнью.

³ См. петицию Ч. Дингли и отчет комитета, уполномоченного расследованием в *Journ. of the House of Commons, XXXII, 160, 194, 388.*

⁴ 9 Geo. III, с. 29.

распространялось употребление машин. В 1779 г. движение это приняло в области особенно быстрого развития машинного производства, т. е. в графстве Ланкастер, тревожные размеры. Веджвуд, как раз в этот момент находившийся в районе, где вспыхнули беспорядки, оставил нам в своей переписке рассказ, имеющий ценность показаний очевидца: «По пути сюда (в Больтон), после того как мы проехали Чоубент, мы встретили на дороге толпу в несколько сот человек. Я думаю, что их было не менее пятисот. На наш вопрос одному из них, по какому случаю они собрались в таком большом числе, они ответили нам, что только что разбили несколько машин и собираются сделать то же во всей округе. Таким образом, здесь предупреждены, что на завтра надо ждать их посещения; окрестные рабочие собрали уже все оружие, какое только могли достать, и заняты отливкой пуль и приготовлением запасов пороха, чтобы завтра утром начать атаку. Известие это принес только что сэр Ричард Клейтон¹; он находится сейчас в городе, чтобы столкнуться с жителями относительно средств, необходимых для их обороны. Мне кажется, что они решили послать немедленно в Ливерпуль и просить о присылке части расквартированных там войск»². Веджвуд встретил только авангард мятежников. «В тот же день, после полудня, они напали на большую фабрику, расположенную близ Чорлея и устроенную по системе Аркрайта, который является одним из ее владельцев. Расположение здания не позволяло им подойти к нему иначе, как через узкий проход; благодаря этому директор фабрики имел возможность при помощи соседей отразить нападение и спасти на этот раз фабрику. Двое из нападавших были убиты на месте, один утонул, несколько человек ранено. Толпа не имела огнестрельного оружия и не ожидала такого горячего приема. Люди эти были выведены из себя и поклялись отомстить. Они провели все воскресенье и утро понедельника в собирании ружей и боевых припасов... Углекопы герцога Бриджватерского присоединились тогда к ним, затем еще другие рабочие, так что число их дошло, говорят, до 8 тыс. Эти 8 тыс. человек двинулись с барабанным боем и развернутыми знаменами на фабрику, от которой их отогнали в субботу. Они нашли там сэра Ричарда Клейтона во главе стражи из 50 инвалидов. Что могла поделать кучка людей против этих тысяч иступленных? Они, т. е. инвалиды, вынуждены были отступить и играть роль зрителей, в то время как толпа разбивала вдребезги оборудование, ценность которого исчисляется в 10 тыс. ф. ст.³ Так прошел понедельник; во вторник утром, раньше чем покинуть Больтон, мы слышали их барабанный бой приблизительно в двух милях от города. Их нескрываемое намерение заключается в том, чтобы захватить город, затем Манчестер и Стокпорт, двинуться оттуда на Кромфорд и разрушить машины не только в перечисленных местах, но и во всей Англии»⁴. В Кромфорде Аркрайт приготовился уже

¹ Один из мировых судей графства.

² Письмо Т. Бентли от 3 октября 1779 г., Mayer Coll.

³ См. петицию, адресованную Р. Аркрайтом в парламент, Journ. of the House of Commons, XXVII, 926. Убытки показаны там не в 10 тыс ф. ст., а только в 4 400 ф. ст.

⁴ Письмо Т. Бентли от 9 октября 1779 г. Mayer Coll.

к обороне¹. Такие же беспорядки произошли одновременно в нескольких пунктах; фабрика набивных тканей сэра Роберта Пяля в Олтгеме была взята приступом, машины разбиты и брошены в реку².

Беспорядки были подавлены быстро и энергично; посланные из Ливерпуля войска без труда рассеяли бунтовщиков. Некоторые были схвачены, преданы суду и приговорены к повешению³. Но большинство осталось безнаказанными. Общественное мнение относилось к ним снисходительно, чтобы не сказать сочувственно; средний класс по духу ли рутинны или из опасения, что понижение заработной платы будет компенсироваться соответственным увеличением уплачиваемого им налога в пользу бедных⁴, обнаруживал почти такую же враждебность к машинам, как сам рабочий класс. Когда в деревне Меллор священник намекнул во время проповеди на недавние беспорядки и, в видах назидания прихожан, укоризненно отозвался о них, то один старый помен поднялся с места и сказал злополучному проповеднику: «Вы лучше поступили бы, господин пастор, если бы следовали своему тексту, а не путались в эти мирские дела»⁵. Напротив, мировые судьи графства на своей четвертой сессии в Престоне вотировали резолюцию, определенно высказывавшуюся против популярного предрассудка: «Изобретение машин, — гласит резолюция, — было благодеянием для всего края; уничтожить их в одном графстве значило бы просто вызвать перенесение их в другое, а если бы они были запрещены во всей Великобритании, то это ускорило бы лишь введение их в других странах к великому ущербу британской промышленности»⁶.

За беспорядками 1779 г. действительно последовали шаги, имевшие целью добиться законодательным путем запрещения прядильных машин. Прецеденты в этом направлении имелись. Так, закон 1552 г. запретил применение механического выщипывания узелков из сукна (*gig mill*)⁷; королевская прокламация 1623 г. помешала введению машины для производства игловок⁸. Эти меры, гармонизировавшие с властным духом старого промышленного законодательства, имели своей целью не столько защиту труда, сколько обеспечение добротности изделий, ибо предполагалось, что она подвергается опасности, если в традиционные приемы производства будут внесены какие бы то ни было изменения. В петиции, поданной палате общин в 1780 г.,

¹ «Все дженгльмены округа решили оказать м-ру Аркрайту вооруженную помощь в защите его фабрик, оказавших столько услуг стране. Из Дерби и соседних городов привезены были 1 500 ружей и пистолетов, артиллерийская батарея, порох и снаряды... Пять или шесть тысяч человек углекопов и т. д. могут быть когда угодно набраны менее чем в час времени». Письмо, опубликованное в *Manchester Mercury* от 12 октября 1779 г.

² *A complete history of the cotton trade*, p. 80—81.

³ *Manchester Mercury* от 26 октября 1779 г.

⁴ *J. Kennedy*, *On the rise and progress of the cotton manufacture*, *Mem. of the literary and philosophical Society of Manchester*, II ser., III, 121.

⁵ *W. Radcliffe*, *Origin of the new system of manufacture*, p. 55.

⁶ *Alfred*, *Hist. of the factory movement*, I, 11.

⁷ 5—6 *Edw. VI*, c. 22.

⁸ См. Кеннингем, *Growth of English industry and commerce*, II, 295.

бумагопрядильщики ссылались именно на этот устарелый аргумент¹. Но он не произвел большого впечатления. Больше основание имели их жалобы на безработицу и понижение заработной платы², но они могут объясняться общим угнетенным состоянием дел вследствие войны с американскими колониями³. Комиссия, которой поручено было рассмотреть петицию, отвергла ее, опираясь на те же соображения, какие были высказаны судьями Ланкашира⁴.

Одновременно в Манчестере появилась брошюра, принадлежавшая перу одного из этих судей, Дорнинга Расботама, но подписанная псевдонимом «друг рабочих»⁵. Он пытался разъяснить рабочим истинный характер кризиса, от которого они страдали, и изображал его как нечто по существу преходящее. «Всякий промышленный прогресс, вызываемый машинами, влечет за собою на первых порах неприятные последствия для отдельных лиц... Лет десять тому назад, когда впервые появились дженни, люди пожилые, дети и вообще все, кому трудно было научиться обращению с новым оборудованием, страдали в течение некоторого времени». Разве изобретение книгопечатания не имело своим первым последствием разорение промысла переписчиков? «Каков смысл этих смут, этих мятежных движений, свидетелями которых мы недавно были? Каков смысл этих петиций в парламент, требующих запрещения или обложения машин? Было бы столь же разумно потребовать, чтобы нам отрубили руки или перерезали горло»⁶.

Быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности и соответственное увеличение ее рабочего персонала значительно способствовали распространению этих новых идей. Враждебное отношение к машинам, существовавшее среди рабочих этой отрасли промышленности, не преминуло уступить место диаметрально противоположному чувству⁷. Дольше оно держалось в шерстяной промышленности, преобразование которой совершалось более туго. Насилия вроде тех, театром которых был Ланкашир, неоднократно имели также место в Вест-Райдинге и в юго-западном районе. В 1796 г. пришлось рас-

¹ «Работа, выполняемая при помощи машин, настолько ниже ручной работы, что доброе имя нашей промышленности компрометируется ею и рискует исчезнуть» Journ. of the House of Commons, XXXVII, 804—805. См. петицию рабочих-суконщиков против gig-mill. Ibidem, XLI, 599.

² В 1764 г. прядильщица зарабатывала от 10 до 15 пенс. в день, в 1780 г. — от 3 до 5 пенс. Заработная плата мужчин упала за тот же промежуток времени с 17 до 10 пенс. См. Journ. of the House of Commons, XXXVII, 926.

³ В 1774 г. обороты внешней торговли (вывоз и ввоз) превышали 33 млн. ф.ст., в 1779 г. они опустились до 25 млн. A. Anderson, Chronological history and deduction of the origin of commerce, IV, 694.

⁴ Journ. of the House of Commons, XXXVII, 926.

⁵ Thoughts on the use of machines in the cotton manufacture, addressed to the working people in that manufacture and to the poor in general, by a friend of the poor, Manchester, 1780. Относительно приписывания этой брошюры Д. Расботаму см. W. Radcliffe, ouvr. cité, p. 55.

⁶ Thoughts on the use of machines, p. 9, 11 и 20.

⁷ «Ныне, несомненно, вспыхнули бы бунты, если бы попытались уничтожить их». F. Wendeborn, A view of England at the end of the XVIIIth century (1791), II, 235.

ставить военный гарнизон в некоторых прядильнях Йоркшира; введение механической ворсовальной машины в 1802 г. вызвало серьезные беспорядки в графствах Вилтс и Сомерсет¹. Эти беспорядки, за которыми неизменно следовали кровавые репрессии, часто повторялись в критические годы борьбы с Наполеоном, особенно после объявления континентальной блокады. Знаменитые страницы романа Шарлотты Бронте «Shirley», где описано нападение толпы на прядильную фабрику, сохраняют память об этих бурных годах². Однако по мере того как мы подвигаемся дальше в этом периоде, где перекрещивается и смешивается столько событий, факты становятся настолько сложными, что для правильного истолкования их потребовалось бы специальное и более глубокое изучение вопроса. Движение луддитов, которое в 1811 и 1812 гг. повергло в панику промышленные округа центра и заставило серьезно всполошиться министерство лорда Ливерпуля, всего менее можно считать бунтом против машинного производства: в то время как на севере Англии стригали сукна нападали на машины, в которых видели причину понижения их заработной платы, вязальщики чулок в центральных графствах³, разбивая станки, употребляли просто свой обычный способ борьбы с промышленниками⁴. Те и другие страдали прежде всего от исключительного положения, созданного затянувшейся войной с Францией, от препятствий, поставленных свободному расширению британской торговли континентальной блокадой, строгое применение которой начинается с 1810 г., от недостатка продовольственных средств, вызванного трудностью их подвоза, и от обусловленного этим вздорожания жизненных припасов. Эти местные бунты, чуть не вошедшие в связь друг с другом и не развившиеся в своего рода рабочую жаке-рию, не принадлежат исключительно истории крупной промышленности⁵.

¹ Report from the committee on the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 3 и сл. *Laurent Dechesne*, *Évolution de l'industrie de la laine en Angleterre*, p. 144.

² *Currer Bell* [*Charlotte Brontë*], *Shirley*, 1, гл. II и VIII и 2, гл. II.—См. *L. Cazamian*, *Le roman social en Angleterre*, p. 419 и сл.

³ Именно к ним относятся в особенности прозвище луддитов, происшедшее от фамилии некоего Неда Лудлема, прозванного «Король Лудд». См. *Cooke-Taylor*, *The modern factory system*, p. 155.

⁴ К этому заключению приходит Кеннингем в своем сочинении «*Growth of English industry and commerce*», II, 663: «Документы показывают, что луддиты были выразителями озлобления рабочих против тех владельцев станков, которые из-за своего богатства или жестокосердия являлись предметом народной ненависти; ни из чего не видно, чтобы действия их были каким бы то ни было образом связаны с тогдашним техническим прогрессом. Напротив, беспорядки, вспыхнувшие в Йоркшире, были направлены против машин, недавно введенных в промышленности. Толпа действовала в Вест-Райдинге не наобум: она сосредоточила свою враждебность почти исключительно на промышленных заведениях, где функционировали механические ворсовальные и стригальные машины». См. *Report from the committee of secrecy on the disturbances in the Northern counties* (1812) и *Annual Register*, 1812, *Chronicle*, p. 39, 51, 114.

⁵ Байрон усмотрел в них революционное движение и написал для бунтовщиков центральных графств свою суровую «*Song for the Luddites*» (декабрь 1816 г.):

Одновременно с возобновлением бунтов против машин были приняты опять ходатайства перед парламентом, в бесплодности которых успели уже раньше убедиться рабочие хлопчатобумажной промышленности. В 1794 г. чесальщики шерсти подавали петицию против употребления шерсточесальной машины Картрайта. Искусно составленное прошение встретило сначала довольно благоприятный прием, но предприниматели тотчас же выдвинули неотразимый аргумент высшего интереса промышленности, тождественного с интересом всей страны. Естественно, что фабриканты вышли и на этот раз победителями¹. Несколько месяцев спустя, как раз во время вильтширских

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛУДДИТОВ

I

Как за морем кровью свободу свою
Ребята купили дешевой ценой,
Так будем и мы: или сгинем в бою,
Иль к вольному все перейдем мы житью,
А всех королей, кроме Лудда, — долой!

II

Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
Мечи на челнок променяем мы вновь,
Мы саван набросим на мертвый наш страх,
На деспота труп, распростертый во прах,
И саван окрасит сраженного кровь.

III

Пусть кровь та, как сердце злодея, черна,
Затем, что из грязных текла она жил,
Она, как роса, нам нужна:
Ведь древо свободы вспоит нам она,
Которое Лудд насадил!

(Перевод Н. Холодковского)

Miscellaneous Poems, Works, p. 667

(изд. «Chandos Classics»).

¹ Петиции, представленные той и другой стороной, содержат отчетливейшее изложение обоих противоположных тезисов: «Петиционеры, — пишут чесальщики, — всегда считались полезными членами общества, зарабатывающими себе средства к жизни трудом, не прибегая к благотворительной помощи приходов в большей мере, чем это делает всякая другая, столь же многочисленная категория рабочих. Но изобретение и употребление машины для чесания шерсти, имеющее своим следствием самое тревожное сокращение спроса на рабочие руки, внушает им серьезное и вполне обоснованное опасение, что они вместе со своими семьями лягут тяжелым бременем на государство. Они констатируют, что одна машина, под присмотром одного взрослого работника и обслуживаемая 4 или 5 детьми, выполняет столько же работы, сколько 30 человек, работающих руками по старому способу. Доводы, приводимые в пользу машин, употребляемых в других отраслях промышленности, например хлопчатобумажной, шелковой, полотняной и т. д., неприменимы к шерстяной промышленности, ибо те могут доставать сырье почти в неограниченном количестве, что позволяет им развиваться и занимать такое же или большее число лиц (чем то, которое они занимали до изобретения машин). Между тем шерстяная промышленность располагает только определенным количеством сырья, едва достаточным для доставления занятий ее рабочим, даже при неизменности старых технических приемов. Введение

беспорядков, в парламент поступили многочисленные жалобы против употребления механической стригальной машины, в особенности же против применения *gig mill*. Была ли эта последняя тождественна с машиной, запрещенной законом 1552 г.? Вероятно, что общего между ними было только название¹. Это не помешало, однако, рабочим настоятельно требовать, чтобы давно переставший применяться

указанной машины почти немедленно лишит средств к существованию массу рабочих. Все дела будут захвачены несколькими богатыми и могущественными предпринимателями, и после короткого периода борьбы добавочная прибыль, обусловливаемая устранением ручного труда, перейдет в карманы иностранных потребителей. Машины, об употреблении которых скорбят петиционеры, быстро размножаются во всем королевстве, и рабочие жестоко чувствуют уже их действие: многие из них сидят без работы и хлеба. Они с душевной болью и глубочайшим страхом видят, как приближается время нужды, когда 50 тыс. человек со своими семьями, лишенные всяких средств к существованию, жертвы выгодного для отдельных лиц захвата, будут доведены до необходимости обратиться к благотворительной помощи приходов». *Journ. of the House of Commons*, XLIX, 21.—А вот главные места из контрпетиции фабрикантов: «Всякий подданный королевства имеет несомненное, издавна признанное мудростью парламента общее право заниматься своим ремеслом или профессией так, как это ему кажется наиболее выгодным, лишь бы этим не нарушался закон и не был причиняем ущерб праву других лиц. Столь же бесспорно, что каждый является наилучшим судьей своего интереса и что от свободного и верно направленного преследования индивидуального интереса получалась и всегда будет получаться в результате наибольшая выгода для нации. Благодаря покровительству законов, гарантирующих петиционерам и другим лицам обладание известными патентами, публика извлекла пользу из весьма ценного изобретения: механического чесания... Благодаря этому усовершенствованному способу фабрикации были уже реализованы значительные преимущества; но это еще немного в сравнении с результатами, которые есть надежда получить... Согласно умеренному исчислению, стоимость чесания для низших сортов шерсти понизилась с 2½—3 пенс. за фунт до 1 пенни, а когда той же операции будут подвергнуты тонкие сорта, то расход, составляющий теперь 6 пенс. с фунта и более, несомненно, понизится до 1 или 1½ пенни с фунта... Если петиционеры вынуждены будут отказаться от употребления машин, то они будут поставлены в разорительную необходимость расходовать на производство пряжи (*worsted*) на 1 500 или 2 тыс. ф. ст. в год больше, чем им обошлось бы производство той же пряжи механическими способами. Напротив, если, благодаря отсутствию всякого запретительного закона, машинное чесание с течением времени совершенно заменит ручное, то в результате для всей национальной промышленности получится экономия более чем в 1 млн. ф. ст. без преувеличения; это расход, который промышленность принуждена будет нести, если механическое чесание подвергнется запрету... Превосходство политики, заключающейся в предоставлении отраслей промышленности их естественному развитию, было разительнейшим образом доказано примером хлопчатобумажной промышленности, где введение прядильных машин угрожало интересам гораздо большего числа рабочих. Благодаря последовавшему отсюда прогрессу рабочие нашли занятие, а хлопчатобумажная промышленность достигла небывалой степени совершенства и развития. Шерстяная промышленность, несомненно, достигнет такого же процветания, если ей не помешают в этом законы, воспрепятствующие употреблению машин». См. *Journ. of the House of Commons*, XLIX, 545—546.—Мы выбрали эти две петиции из очень большого числа однородных петиций, представленных парламенту. См. *Journ. of the House of Commons*, XLIX, 104, 135, 152, 158, 201, 249, 280, 307, 322, 331, 395—396 и т. д.

¹ Старая *gig mill* выполняла операцию выщипывания из сукна узелков, оставшихся в утке. Между тем *gig mill*, употреблявшаяся около 1802 г., была механической ворсовальной машиной, нагонявшей на сотканную материю своего рода пушок (ворс). См. *Journ. of the House of Commons*, LXVIII, 885.

закон 1552 г. был снова введен в действие¹. Получив отпор в первый раз, они вновь пошли в атаку во время большого парламентского обследования относительно шерстяной промышленности, протоколы которого были опубликованы потом вместе с драгоценным докладом 1806 г. Но комиссия высказалась против удовлетворения их ходатайства. «Достоверными свидетельствами установлено и некоторыми из самих петиционеров признано, что опасения, аналогичные тем, которые теперь вызывает употребление ворсовальной машины, распространились также в тот момент, когда к различным операциям текстильной промышленности, некогда выполнявшимся от руки, впервые стали применяться некоторые машины, ныне употребляемые всеми и с общепризнанной притом выгодой. Эти страхи по прошествии некоторого времени рассеялись, и пользование машинами постепенно утвердилось, не изменив, повидимому, к худшему положения рабочих и не сократив их числа»².

Достаточно ли считался этот оптимизм со страданиями трудящихся людей, вытесняемых машинами? Несмотря на свой временный характер, страдания эти не были оттого менее жестоки. Но противодействие, которое рабочие пытались оказать успехам машинного производства, не было пригодным лекарством против зла. Проявлялось ли оно инстинктивно или обдуманно, прибегало ли к мирным или к насильственным средствам, в том и другом случае оно, конечно, не имело никаких шансов на успех: оно шло против силы вещей. Единственным его результатом бывало иной раз, что промышленники бывали вынуждены заняться рабочими, доведенными до отчаяния безработицей, и приискивать им занятие³ из страха, чтобы не возобновились беспорядки, угрожающие их имуществу и жизни.

II

К жалобам против машины примешивалась ненависть к фабрике. Антипатия, которую она внушала, вполне понятна. Для рабочего, привыкшего работать у себя дома или в небольшой мастерской, фабричная дисциплина была несносна. У себя он мог, несмотря на продолжительный рабочий день, к которому его вынуждала низкая плата,

¹ В Лидсе, Геддерсфильде, Галифаксе образовались комитеты для организации петиционирования. Другие цехи прислали им денег для этой цели, между прочим—угольщики, каменщики, веревочники. См. Report from the committee on the woollen clothiers' petition (1803) и Report on the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 241, 355. Желания промышленников выражены в брошюре J. Anstie, Observations on the necessity of introducing improved machinery into the woollen manufacture (1803).

² Report on the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 58: ~~the machinery was not generally used in the woollen manufacture~~

³ См. резолюции собрания фабрикантов, происходившего 16 августа 1802 г. в Бате. Решив сначала защищать механическое оборудование против всех нападений, фабриканты берут на себя одновременно обязательство «подыскать прилично вознаграждаемый труд для тех своих рабочих, которые лишатся занятия из-за введения машин». См. Report from the committee on the woollen clothiers' petitions (1803), p. 42.

приниматься за работу и бросать ее когда угодно¹, а не в определенные часы; он мог распределять ее по своему усмотрению, уходить и приходить, останавливаться на минуту, чтобы отдохнуть, и даже, если ему было угодно, оставлять работу на целые дни². У мастера-ремесленника свобода работника, хотя и будучи менее широкой, все еще была довольно значительна. Его отношения к хозяину, от которого он не чувствовал себя отделенным целой пропастью, сохраняли характер личных отношений человека к человеку. Он не был подчинен непреклонному правилу, не был вовлечен, подобно колесу, в незнающее жалости движение бездушного механизма. Поступить на фабрику—значило как бы попасть в казарму или тюрьму. Поэтому промышленники первого поколения испытывали часто серьезные затруднения при наборе своего рабочего персонала³. Эти затруднения были бы еще значительнее, если бы предприниматели не имели в своем распоряжении того движущегося населения, которое захваты крупных земельных собственников выбрасывали из земледелия в промышленность и из деревень в города. Именно в этом классе, оторванном от своих привычных занятий и вынужденном принять единственный вид труда, какой ему предлагался,—именно в нем следует искать происхождения фабричного пролетариата.

В текстильной промышленности промышленники нашли другое решение для затруднявшей их проблемы. Оно заключалось в массовом наборе женщин и особенно детей⁴. Труд в механических прядильнях можно было выучиться легко, он требовал лишь очень небольшой мускульной силы. Для некоторых операций малый рост детей и тонкость их пальцев делали их наилучшими подручными при машинах⁵. Их предпочитали еще по другим соображениям, более решающего свойства. Слабость детей была гарантией их

¹ «Когда человек слабого здоровья работал у себя дома, то он мог располагать своим временем. На фабрику надо приходить во-время: в 5½ час. утра колокол звонит первый раз, в 6 час.—второй». *Report on the state of the woollen manufacture (1806)*, p. 111.

² Он и делал это, как только зарабатывал немного денег. На этот счет сходятся между собой все показания, благоприятны ли они или враждебны для рабочих. См. ч. 1-я, гл. I, стр. 42. Между 1790 и 1800 гг. прядильщики, работавшие дома при помощи дженни или мюля, «проводили часто 2—3 дня в неделю в шатании и пьянстве, а дети, помогавшие им в работе, ходили за ними по кабакам, пока они не почувствуют желания взяться опять за работу. Но раз взявшись за нее, они работали часто день и ночь». *Second report from the Central Board of N. M.'s commissioners...on the employment of children in factories (1833)*, p. 36.

³ Когда Давид Дэль основался в 1784 г. в Нью-Ланарке, то не мог сначала найти рабочих среди окрестного населения. *R. Owen, Life written by himself*, p. 58.

⁴ По вопросу о детском труде на фабриках см. *Minutes of evidence taken before the select committee on the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom (1816)*; *Report from the select committee on the bill to regulate the labour of children in mills and factories (1832)*; *John Fielden, The curse of the factory system (1836)*; *Alfred [S. Kydd], History of the factory movement (1857)*; *O. Weyer, Die englische Fabrikinspektion (1888)*; *R. W. Cooke-Taylor, The factory system and the factory acts (1894)*; *B. L. Hutchins и A. Harrison, History of factory legislation (1903)*.

⁵ Например, вязальщиками, на которых лежала обязанность связывать оборвавшиеся нити, были всегда дети.

послушания: их без труда можно было привести к состоянию покорного повиновения, к которому люди уже сложившиеся не так легко дают себя привести. Обходились они очень дешево: либо им давали минимальную плату, колебавшуюся между одной третьей и шестой долей того, что получали взрослые рабочие¹, либо вместо всякой платы довольствовались тем, что давали им харчи и помещение. Наконец, они были связаны договорами об ученичестве, которые удерживали их на фабрике по меньшей мере в течение семи лет, а большею частью—до достижения ими совершеннолетия. Прядильные фабриканты имели поэтому очевидный интерес применять у себя в возможно более широких размерах детский труд и соответственно сокращать число взрослых рабочих. Первые фабрики Ланкашира были полны детьми. Сэр Роберт Пиль имел в своих мастерских более тысячи детей одновременно².

Большинство этих несчастных детей были призреваемыми детьми и поставлялись,—мы могли бы сказать, продавались,—приходами, на которых лежало попечение о них. Промышленникам, особенно в первый период машинного производства, когда фабрики устраивались вне городов и часто далеко от них, было бы очень трудно найти в своем непосредственном соседстве необходимые им рабочие руки. Со своей стороны приходы были как нельзя более рады тому, что есть возможность отделаться от призреваемых ими детей³. Между фабрикантами-прядильщиками и администраторами местного налога в пользу бедных происходил форменный торг, выгодный для обеих сторон, если не для детей, которых третировали при этом как товар⁴. Пятьдесят, восемьдесят, сто детей уступались оптом и нагружались, как скот, в адрес фабрики, где им предстояло быть запертыми в течение многих лет. Были такие приходы, которые для увеличения выгоды заключаемой сделки выговаривали, что контрагент обязан принять к себе одного идиота на 20 здоровых детей⁵. Эти «приходские

¹ На одной ситценабивной фабрике взрослый рабочий зарабатывал в 1803 г. 25 шилл. в неделю, а ученик—от 3½ до 7 шилл. *Minutes of evidence taken before the select committee to whom the petition of the journeymen callico printers was referred (1804), p. 17.*

² См. показание Роберта Пила перед комиссией 1816 г. *Report from the select committee on the state of the children employed in the manufactories, p. 132.*

³ Порядок этот не был чем-либо новым: приходы всегда старались отдавать призреваемых ими детей на места, не столько в интересах детей, сколько для облегчения своего бюджета. Закон 1697 г. (8 и 9 Will. III, с. 30) обязывал мастеров-хозяев по указанию мировых судей принимать этих детей в ученичество, под угрозой штрафа в 10 ф. ст. в случае отказа. См. обследование 1767 г., *Journ. of the House of Commons, XXXI, 248—249.*

⁴ Для проформы спрашивали их согласия, но легко представить себе, какую ценность оно имело и к каким обманам приводила эта формальность: «Их серьезно, самым положительным и торжественным образом уверяли, что как только они придут на фабрику, их сделают господами и дамами, что они будут кушать ростбиф и плум-пудинг, что им позволят кататься верхом на лошадях своих хозяев, что у них будут серебряные часы и всегда полные карманы. И сочинителями этих позорных рассказов были не служанки рабочего дома или другие низшие служащие, а сами должностные лица прихода». *J. Brown, Memoir of Robert Blincoe, в The Lion, I, 125.*

⁵ *Report, 1816 г., p. 39.*

ученики» являлись на первых порах единственными детьми, занимаемыми на фабриках; рабочие с полным основанием отказывались посылать туда своих детей¹. К несчастью, их сопротивление длилось недолго; под гнетом нужды они покорились тому, что первоначально так страшило их.

Единственное смягчающее вину обстоятельство, какое можно привести в пользу отвратительных актов, о которых мы должны вкратце напомнить здесь, заключается в том, что принудительный труд детей не был новым злом. В домашней мастерской эксплуатация детей практиковалась, как вещь вполне естественная. У бирмингемских мастеров, выделывавших мелкие металлические изделия, ученичество начиналось уже с семилетнего возраста²; у ткачей севера и юго-запада Англии дети начинали работать с пяти лет, даже в четыре года,—как только их находили способными к вниманию и послушанию³. Современники не только не возмущались этим явлением, а, напротив, восторгались им. Яррантон рекомендовал устройство «промышленных школ» по образцу тех, которые он видел в Германии, где двести девочек под ферилой учительницы пряли без передышки, обязанные сохранять абсолютное молчание и получая удары, если они не пряли достаточно хорошо или достаточно быстро. «В Германии,—прибавлял он,—человек, имеющий наибольшее число детей, наилучше живет, тогда как у нас, чем больше детей он имеет, тем он беднее; там дети приносят отцу богатство, здесь они доводят его до нищеты»⁴. При посещении Галифакса де-Фоэ изумлялся, что 4-летние дети зарабатывают себе средства к жизни, как взрослые люди⁵. Фраза Вильяма Питта относительно детского труда, которую Мишле со свойственной ему горячностью чувства и языка, ставит Питту в упрек, как преступление,—эта фраза была лишь банальным выражением общепринятого мнения⁶.

¹ «Рабочие долго считали позором для отца отдавать ребенка на фабрику: кто покорно решался на этот шаг, становился притчей во языцех». *Alfred, Hist. of the factory movement*, I, 16. Report 1816 г., p. 8.

² *Journ. of the House of Commons*, XXVIII, 496.

³ *De Foë, Tour*, II, 20, III, 101.

⁴ *A. Yarranton, England's improvement on sea and land*, I, 45—47.

⁵ «Нет, так сказать, никого старше 4 лет, кто не был бы в состоянии зарабатывать себе трудом на жизнь». *De Foë, Tour*, III, 101.

⁶ См. *Michelet, Le Peuple*, p. 90—91. «Когда в разгаре великого единоборства между Англией и Францией английские промышленники пришли сказать Питту, что высокая плата рабочим лишает их возможности платить налоги, то он произнес страшное слово: «В таком случае берите детей». Это слово ложится тяжелым проклятием на Англию». Беда лишь в том, что оно никогда не было сказано Питтом. Вот место в речи Питта, на которое, повидимому, намекает Мишле: «Опыт уже показал, что может дать труд детей и выгоду, которую можно найти в раннем употреблении их на работу, с которой они могут справиться. Развитие промышленных школ должно также дать существенные материальные результаты. Если бы кто-нибудь взял на себя труд подсчитать всю стоимость того, что зарабатывают уже сейчас дети, воспитанные по этому способу, он был бы изумлен, увидев, от какого бремени освобождает страну их труд, достаточный для их содержания, и какое добавление к национальному богатству создают их трудолюбивые усилия и образующиеся у них при этом привычки». *W. Pitt. Speeches*, II, 371. (Обсуждение билля об общественной благотворительности, 12 февраля 1796 г.)

Скажут, быть может, что в старой промышленности ребенок был всегда учеником в точном значении этого слова, т. е. что он учился ремеслу, тогда как на фабрике он исполнял только функции черно-рабочего. Но настоящее ученичество могло начаться не раньше чем ребенок достигнет возраста, при котором он в состоянии извлечь из него пользу: в течение нескольких лет ребенок не мог играть рядом с рабочим иной роли, кроме роли дарового или очень плохо вознаграждаемого подручного. Быть может, скажут также, что раньше он жил в условиях не столь неблагоприятных для его физического развития? Но мы знаем, какого мнения надо держаться относительно домашней мастерской с точки зрения гигиены. Или скажут, что с ним мягко обращались, что он не работал сверх сил? Но сами родители, подстегиваемые нуждой, выказывали себя подчас самыми требовательными, если не самыми бессердечными хозяевами¹.

С этими оговорками надо признать, что участь «приходских учеников» в первых механических прядильнях была особенно горестной. В полной зависимости от хозяев, которые держали их взаперти в изолированных зданиях, вдали от всякого свидетеля, который мог бы тронуться их страданиями, они были жертвами бесчеловечного рабства. Их рабочий день не имел другой границы, кроме полного истощения сил: он длился 14—16 и до 18 час.², и надсмотрщики-мастера, жалованье которых увеличивалось или уменьшалось в зависимости от выработки каждой мастерской³, не позволяли им замедлять работу ни на одну секунду. Из сорока минут, которые давались в большинстве фабрик на главную или единственную трапезу, двадцать минут уходило на чистку машин⁴. Чтобы не останавливать функционирования оборудования, работа часто шла непрерывно, днем и ночью. В этом случае составлялись из детей партии, сменявшие друг друга: «постели никогда не остывали»⁵. Несчастные случаи были очень часты, осо-

¹ По словам одного старого рабочего, начавшего работать около 1770 г., «малышей ставили на работу, едва они научились ходить, и родители их были самыми безжалостными хозяевами». Другой заявляет, что «не согласился бы вновь прожить свою жизнь, если бы ему поставили условием вторично пройти через жалкое рабство, которое он пережил в детстве». *W. Cooke-Taylor, Notes of the manufacturing district of Lancashire*, p. 141.

² Report, 1816 г., p. 89, 146, 252. В Манчестере средняя продолжительность рабочего дня равнялась 14 час. (22 примера цит., p. 96—97). Давид Дэль, филантроп, заставлял своих учеников работать 13 часов в день. *Ibidem*, p. 27 и *Life of Robert Owen, written by himself*, p. 116.

³ *John Fielding, The curse of the factory system*, p. 10.

⁴ Report, 1816 г., p. 97; *J. Brown, Memoir of Robert Blincoe in The Lion*, I, 183.

⁵ Report, 1816 г., p. 115. Нам не удалось найти точных данных о системе работ, применявшейся в английских прядильнях в конце XVIII в. Судя по средней продолжительности рабочего дня, можно думать, что партии сменялись на одну треть так, что каждая работала 16 часов в день с отдыхом в 8 часов. Впрочем, на некоторых прядильнях ученики работали только 12 часов, например, на фабриках в Пэйсли, посещенных в 1786 г. сыновьями герцога де-ля Рошфуко-Лианкур. «Они работают 12 часов подряд, без перерывов, необходимых для еды и отдыха. Но после этих 12 часов их сменяют другие, так что работа прекращается только на воскресные дни... Я спросил: не отражается ли эта работа на их здоровье?—и получил отрицательный ответ». *La Rochefoucauld Liancourt, Voyage aux montagnes*, II, письмо от 9 мая 1786 г.

бенно в конце чрезмерно длинных рабочих дней, когда изнемогшие дети наполовину засыпали, не оставляя работы; оторванных пальцев, раздробленных колесами конечностей никто не считал!

Дисциплина была свирепой, если можно назвать дисциплиной проявление невыразимой грубости и часто утонченной жестокости, которая тешилась вволю над беззащитными существами. Невозможно без содрогания и ужаса читать знаменитый рассказ о страданиях, вынесенных фабричным учеником Робертом Блинко¹. В Лоудгеме, близ Ноттингема, куда его послали с партией детей обоого пола, человек в восемьдесят, — там еще довольствовались одной плеткой; правда, ее пускали в ход с утра до ночи, не только для наказания учеников при самой малой провинности, но и для того, чтобы подстегивать их к работе, чтобы поддерживать их в бодрствующем состоянии, когда усталость клонила их ко сну². Но на фабрике в Литтоне порядки уже были другие: здесь хозяин, некий Эллайс Нидгем, бил детей кулаками, ногами, хлестал их кнутом; одна из его милых шуток заключалась в защипывании их ушей между ногтями с такой силой, чтобы насквозь проткнуть ушную раковину³. Еще хуже были мастера-надсмотрщики. Один из них, Роберт Вудвард, изобретал остроумные пытки. Он придумал подвешивать Блинко за кисти рук над находящейся в действии машиной, которая своим движением взад и вперед заставляла мальчика поджимать все время ноги; придумал принуждать его работать зимою почти голым, с тяжелыми гирями на плечах; придумал подпиливать ему зубы. Несчастный получил столько ударов, что вся голова его была покрыта ранами; чтобы вылечить его, пришлось прежде всего вырвать ему волосы при помощи смазанной смолою шапочки⁴. Если жертвы этих жестокостей пытались бежать, то им надевали на ноги кандалы. Многие думали о самоубийстве: одна молодая девушка, которая, пользуясь моментом более слабого надзора, побежала топиться, получила таким путем свободу: ее уволили «из опасения, чтобы пример не оказался заразительным»⁵.

Разумеется, не на всех фабриках существовали такие порядки, но последние не были так редки, как давал бы право предполагать их невероятный ужас⁶, и они повторялись, пока не был установлен

¹ Роберт Блинко был открыт в 1822 г. Дж. Броуном, производившим в промышленных центрах обследование о моральных и общественных результатах фабричной системы. Рассказ о его печальном детстве был помещен в 1828 г. в *The Lion*, радикальном журнале, редактируемом Р. Карлайлом, а в 1832 г. — в *The Poor Man's Advocate*.

² *The Lion*, I, 125.

³ *Ibidem*, I, 191—192.

⁴ *Ibidem*, 189—190.

⁵ *Ibidem*, p. 219.

⁶ Вильям Геттон оставил нам рассказ о своих страданиях на фабрике, основанной братьями Ломб в Дерби: «Именно в этом любопытном, но страшном заведении я провел семь лет моего ученичества, которые всегда считал самыми несчастными в моей жизни... Как невысоки ни были машины, я все-таки был слишком мал ростом, чтобы доставать до них: чтобы помочь беде, сделали пару высоких деревянных башмаков, которые мне подвязывали к ногам, и я волочил их на себе, пока не подрос как следует. — Но мое пленение и труд были ничто в сравнении с невыносимой грубостью обращения, следы которого я храню на себе поныне». *W. Hutton, History of Derby*, p. 160.

очень строгий контроль¹. Даже не будь дурного обращения, то один уже чрезмерный труд, недостаточный сон и самый характер работ, возлагаемых на детей в период их роста, были бы достаточны, чтобы разрушить их здоровье и искалечить их тело. Прибавьте к этому плохую и недостаточную пищу: черный хлеб, овсяную похлебку и прогорклое сало². На Litton Mill ученики дрались с откармливаемыми на фабричном дворе свиньями, оспаривая у них содержимое их корыт³.

Фабричные помещения были по общему правилу нездоровые: их строители заботились столь же мало о гигиене, как об эстетике. Потолки были низки для того, чтобы терялось как можно меньше места, окна были узки и почти всегда закрыты⁴. В бумагопрядильнях тончайшая хлопковая пыль плавала облаком в воздухе и проникала в легкие, вызывая с течением времени серьезнейшие заболевания их⁵. В льнопрядильнях, где практиковалось так называемое мокрое прядение, водяная пыль насыщала атмосферу и пропитывала платье рабочих⁶. Скученность в спертом воздухе, который в ночные часы еще больше портила копоть от свечей, порождала заразительную горячку, похожую на тюремный тиф. Первые случаи этой «фабричной горячки» были отмечены в 1784 г. в окрестностях Манчестера⁷; в течение короткого времени она распространилась в большинстве промышленных центров, унося множество жертв. Наконец, смешение полов в мастерской и в спальне открывало простор для опасной порчи нравов, особенно когда дело шло о детях⁸; эта распущенность поощрялась, к несчастью, недостойным поведе-

¹ Мировые судьи имели право расторгать договоры об ученичестве за дурное обращение с учениками. Закон 32 Geo. III, с. 57 (1792) обязывал в этих случаях хозяина оставлять ученику платье, которое он ему дал, и заплатить его семье или приходу вознаграждение до 10 ф. ст. Закон следующего года (33 Geo. III, с. 55) предоставил, сверх того, судье налагать на виновного хозяина штраф по своему усмотрению. Но все эти предписания остались мертвой буквой или почти так. См. *The Lion*, I, 225. Обследование 1832 г. показало стойкость зла, которое они должны были устранить. См. *Alfred*, *Hist. of the factory movement*, I, 279, 284—286, 305, etc.

² *The Lion*, I, 149, 184; *Statement of a clergyman*, у *Alfred*, *ouvr. cité*, I, 25.

³ *Ibidem*, I, 214—215. В 1801 г. следствие, начатое против владельца шелкопрядильни в Ватфорде в Гертфордшире, установило, что он давал своим ученикам буквально умирать с голоду. Из страха уголовного преследования фабрикант лишил себя жизни. *Gentleman's Magazine*, LXXI, 1157.

⁴ A short essay written for the service of the proprietors of cotton mills and the persons employed therein (1784), p. 9; *Sir Benjamin Dobson*, *Humidity in cotton spinning*, p. 8.

⁵ *Ibidem*, *Gaskell*, *Manufacturing population of England*, p. 260.

⁶ First report from the Central Board of H. M.'s commissioners on the employment of children in factories (1833), p. 328.

⁷ «В одной прядильне близ Манчестера объявилась заразная болезнь и погубила много народу. Это была злокачественная горячка, перебрасывавшаяся на целые семьи. Она свирепствовала над людьми всех возрастов, но больше всего от нее страдали взрослые». A short essay written for the service of the proprietors of cotton mills and of the persons employed therein, p. 4—5. Блинко видел, как из 160 учеников около 40 заболели одновременно: смертность была так велика, что «мистер Нидгем счел благоразумным распределить погребения по нескольким кладбищам». *The Lion*, I, 185.

⁸ Этот вопрос долго изучался П. Гаскеллем в его *Manufacturing population of England*, p. 64 и сл. См. *Report*, 1816 г., p. 104.

нием некоторых хозяев и мастеров-надсмотрщиков, которые пользовались ею, чтобы дать волю своим изменным инстинктам¹. Своей смесью развращенности и страдания, варварства и отверженности фабрика являла собою для пуританского сознания точную копию ада².

Среди детей, выдержавших испытание этих ужасных лет ученичества, многие сохраняли, однако, навсегда его клеймо: искривленные позвоночники, конечности, изуродованные рахитом или искалеченные вследствие несчастных случаев при машинах. «Бескровное и дряблкое лицо, ненормально малый рост, вздутый живот»³—дети, имевшие такой вид, были как бы заранее намеченными жертвами для заразных болезней, которые в дальнейшей жизни должны были слишком часто угрожать им. Не лучше было их умственное и нравственное состояние: из фабрики они выходили невежественными и развращенными. Они не только не получали во время своего жалкого рабства никакого общего образования, но, несмотря на формальные условия договора об ученичестве, не приобретали даже профессиональной выучки, необходимой для снискания средств к существованию. Вне той машинальной работы, в которой их держали прикованными в течение долгих и жестоких лет, они ничего не знали⁴. Вследствие этого они осуждены были остаться навсегда чернорабочими, прикрепленными к фабрике, как крепостной к земле.

Было бы, конечно, неправильно судить на основании изображенного положения учеников на прядильных фабриках о положении всего рабочего персонала крупной промышленности. Но если гнет, которому подвергались взрослые, не имел того же характера возмущающей душу жестокости, то все же он и им делал жизнь очень горькой. Рабочий день был для них чрезмерно продолжителен, мастерские были тесны и нездоровы, надзор—тираническим. Хозяйский произвол, не имея возможности употреблять насилие, пускал против них в ход недобросовестность. Одно из злоупотреблений, на которое рабочим приходилось особенно часто жаловаться, состояло в следующем: для удлинения рабочего дня, каждая минута которого представляла для промышленника долю его ежедневной прибыли, у рабочих буквально крали часть времени, назначенного для их отдыха. Во время завтрака фабричные часы как бы чудом передви-

¹ «Грубая непристойность, царящая в некоторых хлопкопрядильнях, превосходит самую низкую проституцию. Хозяева знают об этом, но было бы опасно углубляться в этот вопрос... Все, кто знакомы с прядильнями, знают, что директора, мастера-надсмотрщики, вообще лица, начальствующие в мастерских, слишком часто фигурировали среди ответственных зачинщиков этих скандалов». *F. Place, Additional MSS* (Британский музей), 27 827, p. 192.

² Одна ланкаширская прядильня получила в 1787 г. прозвище «врат адовых» (Hell's Gate). В одной статье *Gentleman's Magazine* за 1802 г. говорится: «Машинное производство не может рассматриваться иначе, как зло без примеси добра, как зло одновременно моральное, медицинское, религиозное, политическое: на больших фабриках развращенность, доведенная до своего апогея смещением полов и возрастов, достигает такой степени злокачественности, равной которой мы тщетно стали бы искать где-либо вне ада». *Gentleman's Magazine, LXXII, 57.*

³ *P. Gaskell, Manufacturing population*, p. 195. См. показания перед комиссией обследования 1832 г.

⁴ *The Lion, I, 181—182.*

гались сразу вперед, так что приходилось браться опять за работу на 5 или 10 минут раньше, чем действительно наступал предписанный час¹. Иногда прием был проще и менее лицемерный: трапеза и уход с фабрики происходили, когда хозяину заблагорассудится; рабочим запрещалось приносить с собою часы².

Здесь перед нами раскрывается истинная причина зол, приписываемых применению машин: мы разумеем неограниченную и бесконтрольную власть капиталиста. В этот героический период крупных предприятий она впрочем открыто признается и утверждается с наивной грубостью. Хозяин—у себя дома, он делает, что ему угодно, и считает, что ему не нужно никакого другого оправдания. Он должен давать своим рабочим известную плату: раз она уплачена, они ни на что больше не вправе жаловаться. Такова, в двух словах, теория «вождя промышленности» относительно его прав и обязанностей. Один фабрикант-прядильщик, которого спросили в парламентской комиссии о детском труде (1816 г.), делает ли он что-нибудь для своих больных учеников, ответил: «Когда мы принимаем детей в свои мастерские, то делаем это с согласия их родителей. Мы берем на себя обязательство платить известное вознаграждение за известный труд. Раз этот труд не выполняется, ребенок переходит на попечение родителей. Следовательно, у ученика нет никакой гарантии, что в случае болезни ему придут на помощь?—Если хозяин заботится о нем, то с его стороны это только акт чистого великодушия». Действительно, чистого великодушия, на которое всего благоразумнее не рассчитывать. Тот же фабрикант, спрошенный о причинах, побуждающих его останавливать машины на ночь, объяснил, что это делается с целью дать воде накопиться в резервуаре, за отсутствием достаточного притока воды в соседней реке. «Ну, а если бы река давала больше воды, вы продолжали бы, значит, работы ночью?—Да, пока дела шли бы достаточно хорошо.—Следовательно, кроме недостатка воды или заминки в делах, нет никаких причин, которые помешали бы вам работать круглые сутки?—Я не знаю никакого закона, на основании которого мне могли бы помешать в этом»³. Что можно возразить на это, пока не изменен закон?

¹ «Говорили, что минутная стрелка часто падала, дойдя до высшей точки циферблата в час завтрака. Этого не случалось в какой-либо другой момент дня. Я сам видел, как она падала приблизительно на 5 минут: в действительности был только полдень, а она падала до 5 минут первого... Я не могу сказать, как это делалось, но все мы думали, что это имело целью сократить время нашей еды. Мы догадались о том, что происходит, и однажды человек двенадцать из нас заглянули в окно как раз в желанный момент. Конечно, все произошло так, как сказано». First report from the Central Board of N. M.'s commissioners... on the employment of children in factories (1833), p. 9.

² «Я был тогда на фабрике г. Бред... Там работали летом, пока было светло, и я не мог бы сказать, в котором часу кончали работу. Никто, кроме хозяина и его сына, не имел часов, и мы не знали времени. У одного рабочего были часы: ему дал их, я думаю, один друг его. Хозяин забрал у него эти часы и хранил их у себя, так как он сказал товарищам, который час». *Alfred, The factory movement*, I, 283.

³ Report, 1816 г., p. 115 (показание Вильяма Сиджвика). Закон 1802 г. (42 Geo. III, с. 73) запретил ночную работу для учеников, но фабриканты обходили это предписание, набирая юных рабочих без договора об ученичестве. *Ibidem*, p. 137.

III

Один ученик Адама Смита определял в 1797 г. положение ручного рабочего в следующих выражениях: «Человек, который в обмен за вещественные и осязательные продукты земли может предложить только свой труд, собственность невещественную, и который может удовлетворять свои повседневные потребности только путем ежедневного же труда, осужден самой природой на почти абсолютную зависимость от лица, дающего ему занятие»¹. Так оно было тогда, когда промышленная революция еще не начиналась. Мы видели в прежних главах, что ткачи юго-западных графств или лондонские портные и вязальщики чулок в Ноттингеме зависели всецело от милости фабрикантов, раздававших им работу на дом. Точно так же участь земледельческих рабочих была в руках фермеров и землевладельцев, от которых они зависели вдвойне: и как рабочие, живущие своей ежедневной платой, и как коттеджеры, только благодаря снисхождению поселившиеся на чужой земле. Противоположность между трудом и капиталом—мы не устанем повторять это—предшествует на много столетий промышленной революции. Но до тех пор она никогда еще не выступала с такой резкостью. С одной стороны—промышленник, владелец фабрик и машин, располагающий силой куда более грозной, чем все его предшественники: он имеет свои капиталы, быстро увеличивающиеся благодаря накоплению человеческого труда, он имеет собственное механическое оборудование, которое служит ему, словно армия рабов, и против которого всякая борьба была бы тщетна и могла бы кончиться только поражением. С другой стороны—рабочий, который чувствует себя перед этим подавляющим могуществом более слабым, чем когда-либо. Если и раньше он чаще всего не имел возможности спорить против платы, которую ему предлагали, то, по крайней мере, между ним и хозяином была видимость торга, обсуждаемого индивидуально, если и не свободно. При режиме крупной промышленности индивидуальный рабочий договор является только средством для окончательного порабощения индивидуума: потерянная в массе единица или, если угодно, солдат, зачисляемый в армию, он волей или неволей должен подчиниться общим условиям.

Каковы были эти условия? В какой мере отличались они от условий, которые ставились рабочему до появления крупной промышленности или вне фабрики? Каково было их отраженное действие на заработную плату в мелкой промышленности, где было занято еще столь многочисленное население? Все это—вопросы существеннейшей важности, на которые хотелось бы иметь возможность дать точные и полные ответы. К несчастью, статистические документы не только для изучаемого нами периода, но и для всех вообще периодов, пред-

¹ *Eden, State of the poor, I, 476.* Уже с этого времени начинают считать доказанной истиной, что положение рабочего есть результат своего рода экономического рока: «Аргументы филантропов никогда не будут обладать достаточной силой, чтобы подвинуть массу предпринимателей к увеличению заработной платы своих рабочих, ибо требования рабочего, как и уступки хозяина, регулируются совокупностью неодолимых обстоятельств, которых ни тот, ни другой не могут по своему желанию изменить». *Ibidem, p. 494.*

шествующих большим обследованием и регулярным переписям XIX в., отличаются такой же неполнотой, которая делает пользование ими трудным и обманчивым. Последний том «Истории земледелия и цен» Торольда Роджерса¹—сочинения, которому можно, вдобавок, сделать более чем одно критическое замечание²,—не содержит никаких указаний насчет промышленных заработных плат³. Цифры, записанные на местах достойными доверия наблюдателями, вроде Артура Юнга или корреспондентов Board of Agriculture; цифры, собранные в 1790—1797 гг. Эденом для его монументальной компиляции «О положении бедных классов»⁴; цифры, разбросанные в очень большом числе в парламентских документах; наконец, цифры, которые мы находим непосредственно в торговых книгах нескольких старых фирм, избежавших чудом участи ненужного бумажного хлама,—все они представляют очевидные гарантии точности. Но для нашей цели всего этого недостаточно. Как только мы пробуем сгруппировать их, тотчас же обнаруживаются огромные пробелы: целые районы, целые эпохи остаются в тени. Заключение, основанное на этих неполных данных, должно внушать нам тем большее недоверие, что мы знаем, насколько заработные платы и цены варьируют от одного района к другому⁵: самые достоверные цифры становятся самыми приблизительными, как только из них пытаются вывести средние и общие статистические цифры. Между тем именно этим грубым приближением мы вынуждены удовольствоваться, не обманываясь, однако, насчет ценности и памятуя, что истина его всегда только частичная и местная.

Недостаточность документов увеличивает трудность их истолкования, которая была бы очень велика, даже если бы они были более обильны и надежны. Если мы хотим знать не номинальную только заработную плату, не сумму денег, заплаченную за данное время

¹ *James E. Thorold Rogers, A hist. of agriculture and prices in England (1259—1793), vol. VII (1703—1793)*, в двух частях, опубликованные после смерти автора благодаря заботам мистера Артура Роджерса в 1902 г.

² Мы указали вкратце несколько из этих критических замечаний в сообщении Обществу современной истории. См. *Bulletin de la Société d'Histoire Moderne*, p. 98—99.

³ Кроме заработных плат земледельческих рабочих, его таблицы цен труда (стр. 493—528) дают только заработные платы строительных рабочих. Таблицы, составленные с помощью «Путешествий» Юнга, посвящены исключительно заработным платам земледельческих рабочих. Правда, книга Т. Роджерса озаглавлена «История земледелия и цен», но найти там списки заработных плат промышленных рабочих казалось бы не менее естественным, чем ежедневный курс акций Индийской компании (см. p. 803—883).

⁴ Об использованных им документах см. *State of the poor*, предисловие, p. I—IV.

⁵ А. Юнг счел возможным составить общую таблицу заработной платы земледельческих рабочих, доказывающую уменьшение ее по мере удаления от Лондона. *North of England*, IV, 293—296. Но таблица, составленная А. Боулем, в его сочинении «*Wages in the United Kingdom in the XIXth century*» (1900) показывает, что существовало несколько центров высокой платы, особенно на востоке (Норфольк, Сэффольк) и в центральных графствах (Уорик, Лейстер, Ноттингем). Крайние цифры составляли:

в 1770 г.	9 шилл.	(Сэррей и Ноттингем)	и 6 шилл.	(Йорк)
» 1793	» 10	» (Сэррей)	и 7	» (Кумберленд)
» 1795	» 11	» (Кент)	и 7	» (Корнваллис)

или данный труд, а плату реальную, с представляемой ею покупательной силой, то мы сталкиваемся с трудной и сложной задачей, решение которой можно было бы получить только путем сопоставления многообразных данных. Следовало бы знать прежде всего, какова общая сумма заработка за месяц, за сезон, за целый год и в какой мере она уменьшается вследствие добровольной или вынужденной безработицы: рабочий может быть хорошо вознагражден и все-таки мало зарабатывать, если он не каждый день имеет работу. Следовало бы знать, не имеет ли он каких-нибудь подспорных источников дохода, кроме своего ремесла: в таком именно положении был сельскохозяйственный рабочий, потому ли, что, имея сравнительный достаток, он обрабатывал клочок земли или посылал молочную корову на общественный выгон, или потому, что, впав в нужду, он получал пособие от прихода. Надо было бы знать, какую соответственно долю муж, жена и дети вносят каждый в годовой приходный бюджет семьи. Предположив, что эта часть задачи решена удовлетворительно, нам осталась бы еще другая, не менее трудная. Надо было бы установить, рядом со списком доходов рабочего хозяйства, список различных статей расхода. Достаточно ли знать для этого цены жизненных припасов и квартир? Но если мы не знаем, какие жизненные припасы действительно потребляются и каково относительное место, занимаемое ими среди потребностей и привычек потребителя¹, то эта таблица цен немного даст нам. Коротко говоря, чтобы иметь возможность притти к определенному выводу, мы должны были бы располагать массой элементов осведомления, которых почти никогда не имеем, за исключением современного периода. В действительности нам удастся только уловить внешние и грубые соотношения между явлениями: мы можем установить, например, различие номинальной заработной платы от одного ремесла к другому, ее колебания в течение известного времени и пропорциональные или непропорциональные им колебания цен на тот или другой род жизненных припасов. Бывает иной раз, что явления эти обнаруживают в своем ходе достаточно отчетливое направление, чтобы из него можно было сделать непосредственное заключение: например, когда сильное повышение цен не сопровождается увеличением заработной платы или наоборот. Но чаще всего истолкование их бывает трудно и отличается некоторой произвольностью, какие бы усилия мы ни прилагали, чтобы избежать ее. Оно было бы совершенно невозможно, не будь у нас документов описательного характера, быть может, менее точных, но дающих более верное представление о действительности, чем неполные статистические данные.

Попробуем выделить существенные факты. Один из фактов наиболее очевидных, как до, так и после появления крупной промышлен-

¹ Г. Кеннингем замечает, что в средние века рабочие могли доставать бесплатно известные предметы повседневного потребления, которые теперь им пришлось бы покупать (например, дрова для отопления); что они совершенно не знали других предметов, ставших теперь почти необходимыми английскому рабочему населению (например, чаю, табаку). См. его «Growth of English industry and commerce», II, 937—942. В особенности надо принимать в расчет все более важное место, занимаемое в питании мясом, и роль спиртных напитков.

ности, это—более высокий уровень промышленной заработной платы по сравнению с платой земледельческой. В 1770 г. сельскохозяйственный рабочий получал зимою от 5 до 6 шилл. в неделю, а летом—от 7 до 9 шилл.; в период жатвы он мог зарабатывать до 12 шилл., но понятно, только в течение очень ограниченного времени и лишь в некоторых округах¹. В это самое время ткач бумажных изделий зарабатывал в Манчестере от 7 до 10 шилл. в неделю², ткач сукна в Лидсе—около 8 шилл.³, ткач дрогета в Брэнтри, в графстве Эссекс—9 шилл.⁴, ткач одеял в Уитнее или ковров в Уильтоне—11 шилл. и больше⁵. Чесальщики шерсти, которые благодаря своей немногочисленности, своей технической ловкости и, несомненно, благодаря тому, что они уже рано были организованы, занимали привилегированное положение среди рабочих текстильной промышленности, легко зарабатывали 13 шилл. в неделю; эта плата была почти одна и та же во всей Англии вследствие кочевых привычек чесальщиков, которые в поисках работы переходили из города в город и везде оказывали друг другу поддержку⁶. Кузнецы Роттергема зарабатывали 13 шилл., шеффилдские ножевщики 13½ шилл.⁷, углекопы Ньюкестля—15 шилл.⁸, гончары Стаффордшира—от 8 до 12 шилл., смотря по специальности⁹. Среди наиболее плохо оплачиваемых рабочих необходимо упомянуть работающих на станках трикотажников, которые жестоко эксплуатировались фабрикантами: в 1778 г. лейстерским трикотажникам удавалось зарабатывать по 5½ шилл. в неделю, только работая по 15 час в день; ноттингемские—жаловались, что за вычетом из их сдельной платы всех расходов по мастерской, записываемых на их счет, им остается едва 4½ шилл. за целую неделю труда¹⁰. Но даже в этом крайнем случае, где положение ухудшалось вследствие временного кризиса¹¹, номинальная плата была только немногим ниже той, которую большинство земледельческих рабочих получали нормально в течение двух третей года.

¹ Например, в окрестностях Лондона и в восточных графствах, где возделывались хлебные злаки. *A. Young, Southern counties*, p. 62 и *North of England*, I, 171; III, 345. Денежная плата слегка уменьшалась, когда по местному обычаю рабочему полагалась мера легкого пива (small beer); она сокращалась наполовину для батраков фермы, имевших право на харчи и помещение (board).

² *A. Young, North of England*, III, 190.

³ *Ibidem*, I, 137.

⁴ *Ibidem, Southern counties*, p. 65.

⁵ *Ibidem*, p. 270.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Ibidem, North of England*, I, 115, 123.

⁸ *Ibidem*, IV, 322 и *Br nd, Hist. of Newcastle*, II, 681.

⁹ *A. Young, North of England*, III, 255 и *L. Jewitt, The ceramic art of Great Britain*, II, 167—168.

¹⁰ Они выделяли в неделю 12 пар кальсон, по 7 пенс. за пару, следовательно, получали 7 шилл. валовой платы. Но из этих 7 шилл. надо было вычесть 9 пенс. на аренду вязального станка, 3 пенса—на наем мастерской, 4 пенса—на иголки, 2 пенса—рабочему, подготовлявшему работу, 5 пенс.—на отопление и освещение в рабочие часы, 7 пенс.—за шитье, всего 2½ шилл. расходов. Петиция вязальщиков чулок. *Journ. of the House of Commons*, XXXVI, 740.

¹¹ В следующем году средняя плата поднялась с 4½ до 6—7 шилл. *Ibidem*, XXXVII, 371—372.

В конце XVIII в. эта разница не только сохранилась, но еще чувствительно выросла. В эти 25 или 30 лет, бывшие свидетелями столь крупных перемен в экономической и социальной области, заработная плата сельских батраков поднялась в заметных размерах: 7—8 шилл. зимою, 8—10 шилл. в летние месяцы стали обычной платой¹. Но промышленные заработные платы возросли еще быстрее. В 1795 г. рабочие, занимаемые в бумагопрядильнях Манчестера, Больтона, Бэри, Карлайля, зарабатывали, несмотря на частые безработные дни, в среднем 16 шилл. в неделю²: специалисты, например ситцепечатники, зарабатывали 25 шилл.³ Металлисты в Бирмингеме, Вольвергемптоне, Шеффилде зарабатывали от 15 до 20 шилл.; эту цифру Болтон и Уатт давали своим рабочим⁴. Эти высокие ставки объясняются цветущим состоянием текстильных и металлообрабатывающих отраслей промышленности, быстрым развитием, сопровождавшим преобразование их оборудования и технических приемов. Вполне понятно, что они оказывали притягательное действие на сельские массы, которые и без того отрывал от земли ряд других причин.

Из только что приведенных нами цифр не следует поспешно заключать, что появление крупной промышленности имело своим следствием общее повышение заработной платы. Как мы увидим скоро, повышение это было больше видимым, чем реальным, и в большинстве отраслей промышленности за ним последовало тем более катастрофическое падение платы, чем более велик был прилив рабочих рук в хорошие годы. Так начались тяжелые невзгоды английских ткачей. Выгодное положение, в котором они оказались тотчас после изобретения прядильных машин, когда во всей Англии не было достаточного количества ткацких станков для превращения в материю всей пряжи, производимой дженни и ватерными машинами⁵,—это положение длилось недолго. 1792 год отмечает для бумаготкачей

¹ *F. M. Eden, State of the poor*, II, 11, 17, 24, 45, 136, 275, 280, 379, 395, 424, 589, 712. Цифры, приведенные Эденом, относятся к 1795 и 1796 гг. Для предшествующих годов см. *Agricultural Surveys*, появившуюся в 1794 г. (Board of Agriculture).

² *Ibid m*, II, 60, 294, 360. «Они редко работают в понедельник, и многие из них не работают два или три дня в неделю. Следует, впрочем, признать, что в настоящее время невозможно найти равномерную и непрерывную работу для всех желающих ее». *Ibidem*, II, 357.

³ *Minutes of evidence taken before the committee to whom the petition of several journeymen callico-printers... was referred* (1804), p. 17.

⁴ *Eden, ouvr. cité*, II, 655, 739, 873. Рабочие Больтона и Уатта нанимались по письменным договорам на 4—5 лет. Среди бумаг завода в Сохо сохранилось много таких договоров. Плата повышалась каждый год, начиная с первого года, согласно заранее установленной прогрессии. Джозеф Хьюз, кузнец и монтер, нанятый 27 июля 1795 г., должен был получать по 16 шилл. в неделю в течение первого года, 17 шилл. в течение второго года и т. д.—до 20 шилл. В 1800 г. он возобновил свой договор сроком на 4 года на условии неизменной заработной платы, доведенной до 21 шилл. в неделю.—В договорах, подписанных между 1780 и 1790 гг., заработная плата, значительно более низкая, изменяется в пределах 11—15 шилл. Такого же рода документы находятся в бумагах Веджвуда из Ливерпуля (*Wedgwood MSS*).

⁵ Между 1780 и 1790 гг. цена ткацкого станка возросла втрое. См. *Journ. of the House of Commons*, LVIII, 884—885.

Кульминационную точку этого эфемерного благоденствия. Рабочие, ткавшие миткали и бумазеи, зарабатывали тогда от 15 до 20 шилл. в неделю, ткачи бархата и тонких муслинов—от 25 до 30 шилл.¹ Но в следующем году кризис хлопчатобумажной промышленности немедленно отразился на их плате. В Больтоне фабриканты с целью ограничить ужасающие размеры безработицы установили по общему согласию максимум работы для работающих на дому: этот максимум соответствовал недельному заработку в 10 шилл.² С тех пор идет непрерывное понижение. Тканье куска бархата, за которое в 1792 г. платили 4 ф. ст., стало приносить рабочему в 1794 г. только 2 ф. ст. 15 шилл., в 1796 г.—2 ф. ст., в 1800 г.—1 ф. ст. 16 шилл. В то же время длина кусков увеличивалась: вместо 40 надо было соткать 50 ярдов, хороший работник, работая по 14 часов в день, с великим трудом успевал заработать от 5 до 6 шилл. в неделю³.

Как объяснить это падение платы? Кризис 1793 г. был, очевидно, только случайной его причиной. О конкуренции машины ручному труду в эту эпоху и в этой отрасли промышленности не могло быть речи: употребление механического ткацкого станка было еще так мало распространено, что в своих жалобах парламенту рабочие ни словом не упоминают о нем. Обесценение рабочих рук было вызвано исключительно их чрезмерным обилием. Недостаточное вначале число ткачей возросло больше, чем следовало; среди вновь пришедших было много крестьян, привыкших довольствоваться более низкой платой и готовых безропотно подчиниться требованиям промышленников⁴. Привлеченные к промышленности высокой заработной платой предшествующего периода, они резко ускорили понижающее движение, вызванное конкуренцией и вскоре усиленное применением машин.

В шерстяной промышленности, которая во всех отношениях отстала от хлопчатобумажной, те же причины вызвали те же действия, только более медленно. Здесь не было такого повышения заработной платы, которое можно было бы сравнить с повышением, сопровождавшим подъем хлопчатобумажной промышленности, за исключением нескольких привилегированных округов и по причинам чисто местного характера. Тогда как в Лидсе недельный заработок ткача доходил в 1796 г. до 18 шилл.⁵, а в некоторых местностях Вильтшира—до одной гинеи⁶, он во всех других местах не на много превышал 11 или 12 шилл.⁷ Соответственно с этим и понижение было ме-

¹ Report upon the petitions of masters and journeymen weavers (1800), p. 11—13.—Обследование, в Journ. of the House of Commons, LV, 487 и 493 (показания Джемса Холкрофта, ткача в Больтоне, и Даниэля Херста, ткача в Олдгеме).

² Report from the committee... on the petitions of several cotton manufacturers and journeymen cotton weavers (1808), p. 21.

³ Journ. of the House of Commons, loc. cit. To the nobility, gentry and people of Great Britain, памфлет ткачей. Place MSS, Британский музей, Additio-nal, MSS, 27 828, p. 199.

⁴ Это очень хорошо показывает Gaskell, Artizans and machinery, p. 34.

⁵ Eden, State of the poor, II, 847.

⁶ В Чиппенгеме и Бадфорд на Эвоне. Report from the committee on the state of the woollen manufacture in England (1806), p. 438; Eden, I, 782.

⁷ Eden, II, 753 (Кендаль—от 8 до 12 шилл.), 810 (Бадфорд—от 7 до 11 шилл.), 820 (Галифакс—от 7 до 11 шилл.).

нее резким, даже во время революционных и наполеоновских войн. Но одного статистика не говорит: это—что безработица, давно уже ставшая постоянным явлением в таких центрах, как Норвич, где промышленность перестала развиваться и откуда как бы тихо уходила жизнь,— что безработица становилась общим злом. Наиболее искусные рабочие благодаря системе сдельной оплаты труда, еще зарабатывали себе на жизнь, но в ущерб массе посредственных рабочих, которые не находили больше работы. Промышленники пользовались этим положением. «В Йоркшире,—заявил один свидетель перед комиссией 1806 г.,—они поставили себе за правило иметь всегда под рукою больше людей, чем они могут дать работы, в пропорции 33 процентов, так что в течение части года мы принуждены сидеть сложа руки»¹. Таким образом, уже с первых годов XIX в. слышится печальная жалоба ткачей. Их недовольство проявлялось уже глухой агитацией и частыми обращениями к государственной власти². Однако они еще далеко не дошли до того ужасающего нищенского положения, которое тридцать лет спустя сделало из них классический пример ремесленников, ставших жертвами промышленной революции.

На положение ткачей машинное производство оказывало пока еще только отраженное влияние. Другие категории работников ощущали его действие непосредственно. В числе их были чесальщики шерсти, так долго составлявшие среди рабочих текстильных промыслов гордую и привилегированную аристократию³. Изобретение Картрайта положило конец их претензиям, понизив признанную ценность их профессиональной ловкости. Их заработная плата, еще недавно превосходившая на 50 или 60 процентов плату ткачей, опустилась почти до того же уровня⁴. Употребление механической чесальной машины стало всеобщим лишь гораздо позднее⁵, но уже одна угроза прибегнуть к ней была в руках хозяев достаточным средством, чтобы остановить требования рабочих и сломить их сопротивление. Изобретение стригальной машины имело те же последствия для стригалей сукна—другой избранной категории рабочих: участие, принятое ими в кровавых бунтах 1811—1812 гг., свидетельствует об охватившей их тревоге и гневе, когда они увидели, что им грозит опасность опуститься до положения чернорабочих—помощников и рабов машины.

Как всегда, наиболее низкой заработной платой была плата женщин и детей. Именно по этой причине их и предпочитали на фабриках мужчинам. Дети приходов чаще всего не получали никакой денежной

¹ Report on the woollen manufacture (1806), p. 111.

² За 8 лет их петициями были вызваны 4 обследования: обследование 1800 г., которое привело к установлению системы третейского разбирательства споров между рабочими и предпринимателями; обследование 1802 г. по поводу применения *gig mill* в юго-западных областях; обследование 1806 г.—о положении шерстяной промышленности и 1808 г.—по поводу проекта минимума заработной платы.

³ Они заставляли называть их «джентльменами-чесальщиками» и отказывались в кабаке пить вместе с другими рабочими. *Webb, Hist. of Trade Unionism*, p. 38.

⁴ 13 шилл. в неделю в 1770 г. *A. Young, Southern counties*, p. 270., от 9 до 10 шилл. в 1795 г. *Eden, State of the poor*, II, 385, 810, 820.

⁵ После большой стачки 1825 г. См. *Webb, Hist. of Trade Unionism*, p. 100.

платы: фабриканты довольствовались тем, что давали им помещение и харчи—какие, это мы знаем. Что касается тех учеников, которые не жили на фабрике, то им поневоле приходилось платить; в бумагопрядильнях, где они исполняли функции *doffers piecers*¹, они получали, в зависимости от возраста, от 1 до 4 шилл. в неделю². Прядильщицы при дженни или мюле зарабатывали не на много больше: недельная плата в 5 шилл. была, повидимому, максимумом³. Как малы ни кажутся нам эти ставки, однако, несомненно, что они были по крайней мере равны ставкам предшествующего периода⁴. Никогда на труд женщин и детей не был предъявляем такой спрос. Но именно это беспрерывно расширяющееся применение менее квалифицированного и дешевого труда составляло для взрослых рабочих настоящую опасность. Эту опасность, вызванную успехами машинного производства, и устранило потом то же машинное производство: по мере того как механическое оборудование развивалось, обращение с ним становилось более трудным. Вскоре пришлось отказаться от наполнения мастерских учениками. В данном случае, как и вообще во всех больших преобразованиях, трудным и исполненным страданий для отдельных лиц был в особенности переходный период. Но он затянулся на многие годы, столь же болезненный, сколько плодотворный, и, несмотря на свои бесспорные благодеяния, заслужил инстинктивные проклятия масс.

IV

Фактором, необычайно обострившим зло, были критические обстоятельства, которые Англия переживала с 1793 до 1815 г. Увеличение номинальной заработной платы, констатированное нами в большинстве отраслей промышленности, далеко отставало от роста цен, вызванного войной. Великобритания уже получала из-за границы часть пищевых средств, потребляемых ее населением, в особенности зерновые хлеба, ввоз которых значительно возрос с 1770 г.⁵ Отныне малейшего нарушения правильного хода морской торговли было достаточно, чтобы над населением Англии нависла опасность нехватки в хлебе. Первые две трети XVIII в. были периодом сравнительного изобилия и дешевой жизни⁶.

¹ *Doffer* смотрит за кардной машиной и собирает хлопок по выходе его из машины; *piecer* связывает нити, оборвавшиеся во время операции прядения.

² Прядильня Вирксворта близ Дерби, 1797 г., *Eden, State of the poor*, II, 130.

³ Прядильщицы шерсти зарабатывали в Кендале 4 шилл., в Лейстере—от 2 до 4 шилл., в Ньюарке (Ноттингемшир) от 1 ш. 6 п. до 5 шилл.; около Нортгемптона—3 шилл. *Ibidem*, 385, 563, 753 и *J. Donaldson, General view of the agriculture in the county of Northampton (1794)*, p. 12.

⁴ В окрестностях Манчестера прядильщицы зарабатывали в 1770 г. от 2 до 5 шилл. в неделю. *A. Young, North of England*, III, 192.

⁵ См. ч. 1, гл. III, стр. 137. Этот ввоз сильно колебался по годам, в зависимости от хорошего или плохого урожая. В 1781 г. он составлял 160 тыс. кварталов, в 1785 г.—только 94 тыс., в 1790 г.—216 тыс., в 1793 г.—482 тыс. *General report on enclosures*, p. 355.

⁶ См. *Thorold Rogers, Six centuries of works and wages*, p. 484 и сл. Крайними цифрами были (в записях Итонской школы) 53 ш. 4 п. (в 1757 г.) и 22 ш. 1 п. (в 1744 г.) за квартал пшеницы.

Именно в это время не только среди буржуазии, но и в народной массе появился впервые комфорт—новое слово и новая вещь—вместе с кожаными башмаками и белым хлебом. 1765—1775 гг. отмечают собой период остановки в прогрессе общего благосостояния. В истрадавшейся от ряда неурожаев стране раздавались везде жалобы на дороговизну жизненных припасов¹: цена пшеницы, которая с 1710 г. редко превосходила 45 шилл. за кварталер и несколько раз опускалась ниже 25 шилл., достигла летом 1773 г. на лондонском рынке 66 шилл.² Во многих местах произошли беспорядки: толпа вламывалась в мельницы, магазины, рынки и грабила их³. Вскоре цены упали, но до уровня предшествующего периода они никогда уже больше не возвращались. Достаточно было урожаю оказаться ниже среднего, чтобы вызвать уже местные недохватки в хлебе. Пример этого можно наблюдать в 1783 г.: именно по поводу такого хлебного бунта, вспыхнувшего в Стаффордшире⁴, Веджвуд написал свою «Речь к молодым обывателям гончарного округа». Положение трудовых классов было уже в силу этих обстоятельств довольно шаткое, а тут в 1793 г. началась великая англо-французская война.

В течение первых двух лет этой войны внешние события не оказали заметного влияния на продовольственные товары. Пшеница, стоившая в 1792 г. 47 шилл. за кварталер, поднялась в 1793 г. только до 50 шилл. и в 1794 г.—до 54 шилл. Но в 1795 и 1796 гг. недороды вызвали совершенно небывалый подъем цен: средняя цена перевалила за 80 шилл., а в августе 1795 г. она дошла до 108 шилл⁵. За этим опасным кризисом последовало затишье: исключительно богатые урожаи в еще

¹ Записи Итонской школы, опубликованные. Туком, *Hist. of prices*, II, 387—389. *Eden, State of the poor*, III, LXXV—LXXVIII и *Abstract of the answers and returns to the Population Act*, 11 Geo. IV, I, LII, дают несколько отличающиеся цифры. Ср. с таблицами *Th. Rogers, Hist. of agriculture and prices*, VII, 4—229.

² См. многочисленные петиции в *Journ. of the House of Commons*, t. XXX. Среди брошюр на эту тему укажем: *An inquiry into the causes of the high price of provisions* (William Vaughan?), 1767 и *An inquiry into the connection between the present prices of provisions and the size of farms, by a Farmer* (J. Arbuthnot), 1773. См. *A. Young, Political Arithmetic*, I, 42.

³ В Бате и в Мамсбери бунтовщики завладевают мешками зерна и продают их по 5 шилл. за бушель; в Оксфорде мука, взятая с мельницы, раздается на улицах; в Лейстере пытаются выломать ворота тюрьмы; близ Киддерминстера происходит стычка, в которой 8 человек убитых. *Annual Register*, 1766, p. 140. То же в Бирмингеме: в течение нескольких часов город находится в руках народа, который декретирует максимум цен на все жизненные припасы. *Clarke, Hist. of Birmingham*, III, 60—61.

⁴ Суда, нагруженные мукой и сыром, были захвачены на Большом соединительном канале; посланная для восстановления порядка рота уэльских стрелков встретила сопротивление и пустила в ход свое оружие. Дело закончилось несколькими приговорами, причем один был осужден на смертную казнь. *Derby Mercury*, 20 марта 1783 г. Ни Thorold Rogers (VII, 183), ни записи Итонской школы не дают возможности установить для 1783 г. общего вздорожания. *Th. Rogers* дает для зимы 1782 г. цифры в 53—58 шилл., но мы находим цифру в 57 шилл. уже в августе 1782 г. и 55 ш. 6 п. в мае 1781 г. (p. 176 и 179).

⁵ *Tooke, Hist. of Prices*, II, 182. Причины естественные и искусственные так перепутываются здесь, что трудно различить их соответствующие результаты. Наиболее обоснованная гипотеза приписывает колебания цен от одного года к другому различию сезонов, а их общий повышенный уровень—недостаточному ввозу в продолжение всего военного периода.

большой степени, чем меры, принятые для поощрения хлебного ввоза¹, вернули опять изобилие. Квартер пшеницы стоил в 1797 г. 62 шилл., в 1798 г. — 54 шилл.; был момент, когда цена опустилась даже ниже 50 шилл. Но во время суровой зимы 1798—1799 гг. цены снова пошли в гору, притом сильнее, чем когда-либо: цена поднялась до 75 ш. 8 п. в 1799 г., до 127 шилл. в 1800 г. и до 128¹/₂ шилл. в 1801 г.² Это были буквально голодные цены: 4-фунтовая коврига хлеба продавалась по 1 ш. 10 п., следовательно по 5¹/₂ пенс. за фунт. Заваливаемый бесчисленными петициями, парламент производил обследование за обследованием³ и всячески старался придумать какие-нибудь средства устранить зло. Чтобы сохранить для целей питания весь наличный запас зерна, были закрыты винокуренные и крахмальные заводы⁴; частных лиц просили свести свое потребление хлеба к самому необходимому минимуму; предложено было поощрять при помощи премий разведение картофеля⁵. С той же целью был вотирован закон 1801 г., долженствовавший ускорить и удешевить обязательную процедуру при огораживаниях: надеялись благодаря успехам земледелия избежать возврата недородов. Положить конец этому бедствию могло, однако, только одно мероприятие — заключение мира, которого громко требовала масса английского народа. На другой же день после заключения прелиминарного мирного договора в Лондоне, весть о котором была принята с громкими ликованиями, цена пшеницы упала до 72, а затем до 66 шилл.⁶ Но улучшение, которое принес с собою мир, было временным, как и сам этот мир. К тому же оно было весьма относительно: цены, казавшиеся в 1802 г. умеренными и возвращение которых рассматривалось как благодеяние, были те самые цены, которые тридцатью годами раньше вызвали хлебные бунты.

Повышение цен, легшее невыносимой тяжестью на беднейшую часть населения, коснулось не только зерновых хлебов, но и других предметов первой необходимости. Между 1770 и 1775 гг. говядина стоила от 3 до 4 пенс. фунт, сыр — 3¹/₂ пенс., пиро — 8 пенс. галлон, картофель — от 1 шилл. до 1 ш. 4 п. мера⁷; между 1795 и 1800 гг. фунт говядины стоил, в зависимости от района, 5, 6 и 8 пенс., фунт сыра —

¹ В 1796 г. было выдано ввозных премий на сумму 573.418 ф. ст. 4 ш. 9 п. Report from the select committee appointed to consider of the most effectual means of facilitating the enclosure and improvement of the waste, uninclosed and unproductive lands (1800), p. 224.

² То же, *ouvr. cité*, I, 188 и II, 387 и сл.

³ Комиссия, уполномоченная исследовать вопрос о дороговизне продовольствия, представила 6 докладов в 1800 г. и 7 — в 1801 г. С ними следует ознакомиться. См. также прения в палате общин (12 и 26 ноября 1800 г.) и в палате лордов (14 ноября и 15 декабря 1800 г. Parl. History, XXXV, 786—832 и 837—854).

⁴ 41 Geo. III, c. 3.

⁵ Премии должны были раздаваться коттерам мировыми судьями. Reports from the committee appointed to consider the present high price of provisions, p. 132.

⁶ Gentleman's Magazine, t. LXXI и LXXII, 1801—1802 (месячные таблицы цен на лондонском рынке).

⁷ Английская мера (bushel) равна 8 галлонам, или 36,35 литрам. См. A. Young, Southern counties, p. 48, 62, 65, 152, 154, 157, 171, 187, 193, 253; East of England, IV, 311—326; North of England, I, 171, 313; II, 255; III, 12, 25, 134, 255, 278, 349; IV, 275 и сл. Ср. с цифрами Th. Rogers, VII, 291 и 557—558.

от 7 до 8 пенс., галлон пива—от 10 до 12 пенс., мера картофеля—от 2 до 3 шилл.,—и это в начале плохих годов, когда пшеница продавалась еще только по 80 шилл. за квартал¹. Но пытаться построить при помощи этих приблизительных данных общую кривую цен было бы, по нашему мнению, рискованным предприятием, из которого можно было бы выпутаться только за счет научной честности; тем более рисковало бы оказаться одной лишь мистификацией математическое сравнение движения цен и движения заработной платы. Приходится обратиться к прямым свидетельствам, к конкретным описаниям, которые наглядно рисуют нам положение английского рабочего в конце XVIII в.

Артур Юнг, посетив Францию накануне революции, имел возможность нарисовать картину народной нищеты и страданий, выгодно оттенявшую положение народа в его собственной стране. На каждой странице его книги прорывается гордое сознание завидного превосходства, которым Англия обладала тогда по сравнению с Францией и всеми нациями континента. Бесспорно, разница была велика, но преувеличивать ее все-таки не следовало. В английских сельских местностях поденщик имел жилище и одевался лучше, чем во Франции, он не так часто недоедал, но его обычный стол всего менее можно было назвать роскошным. В южных графствах он часто принужден был питаться круглый год одним хлебом и сыром. На севере он прибавлял к этому ячневую и овсяную кашу, политую сывороткой². Картофель, несмотря на то, что разведение его распространилось в Англии гораздо раньше, чем во Франции³, занимал

¹ *Eden, State of the poor*, II, 11, 17, 24, 29, 74, 130, 275, 357, 379, 385, 565, 753, 782, 810, 812, etc. *Th. Rogers*, VII, 351 и 591. Если взять за меру для сравнения еще более ранний момент, то разница будет еще заметнее. Вот цены жизненных припасов в Ноттингеме в 1742 и 1796—1806 гг., согласно документам, изученным супругами Вебб:

	1742 г.			1796—1806 гг.				
	ш.	3	п.	ш.	2	п.		
Хлеб в 4 ф.	0	ш.	3	п.	1	ш.	2	п.
Сыр 1 »	0	»	2	»	0	»	8	»
Масло 1 »	0	»	3 ¹ / ₂	»	1	»	3	»
Соль 1 »	0	»	1	»	0	»	4 ¹ / ₂	»
Баранина 1 ф.	0	»	3	»	0	»	9	»
Говядина 1 »	0	»	1 ¹ / ₂	»	0	»	7	»
Телятина 1 »	0	»	1 ¹ / ₂	»	0	»	8	»
Свинина 1 »	0	»	2	»	0	»	8	»
Соленое сало 1 ф.	0	»	3 ¹ / ₂	»	1	»	0	»
Откормленный гусь 1 ф.	1	»	2	»	5	»	6	»
Пара уток	1	»	2	»	5	»	6	»
Пара цыплят	0	»	8	»	4	»	6	»
Мыло 1 ф.	0	»	3 ¹ / ₂	»	0	»	10	»
Свечи 1 »	0	»	4	»	0	»	10	»
Ячмень 1 бушель	1	»	0	»	4	»	4	»
Овес »	0	»	8	»	3	»	1 ¹ / ₂	»
Солод »	1	»	6	»	8	»	6	»

² *Eden, State of the poor*, I, 496 и II, 812; *Annals of agriculture*, VII, 50.

³ Около 1770 г. картофель занимал уже в Ланкашире такое важное место, что «земледелец возлагал часто большие надежды на хороший урожай картофеля, нежели на урожай пшеницы или всякого другого зернового хлеба». *Enfield, Hist. of Liverpool*, p. 5. *Th. Rogers* цитирует цены на картофель в 1734 г., *Hist. of agriculture and prices*, VII, 555.

еще в народном питании весьма неодинаковое место, очень большое в одних местах и почти равное нулю—в других¹. Напротив, мы с удивлением констатируем успехи, сделанные в XVIII в. потреблением чая², ставшего обычным напитком всех тех, для кого пиво было слишком дорого; самые бедные предпочитали пить его без сахара, чем совсем обходиться без него. Но мясо появлялось у них на столе лишь изредка³, и судьи Гемпшира выражали, повидимому, пожелание, весьма далекое от осуществления, когда требовали в 1795 г., чтобы земледельческому рабочему была дана возможность кушать мясо, по крайней мере, три раза в неделю⁴.

В этом отношении городской рабочий был поставлен в несколько лучшие условия. Для него мясо перестало быть роскошью⁵. И он мог бы, несомненно, покупать его чаще, если бы сумел сократить свое потребление пива и джина. Однако не следует забывать, что алкоголизм, опустошительные действия которого Англия испытывала уже с давних пор, является столько же результатом, сколько причиной нужды: существование так называемых *straw-houses*, где можно было бы напиться допьяна за несколько пенсов и где кабатчик предоставлял даровую постель из свежей соломы посетителям, которые не в состоянии добраться домой сами⁶, не может быть рассматриваемо как признак благосостояния трудящихся классов. В голодные годы незаметно было, чтобы пьянство уменьшалось пропорционально росту общественной нужды: рабочие продолжали пить джин, в то время как дома у них не было для питания детей ничего, кроме хлеба и гнилого картофеля⁷.

¹ См. бюджеты семей в 1795—1796 гг., приводимые в книге Эдена: для четырех семейств земледельцев в Бедфордшире расход на картофель колеблется между 3 пенс. и 1 ш. 3 п. в неделю. *Eden*, II, 767, 770 и III, СССХХХІХ и сл.

² В той же книге Эдена мы находим указание, что в бюджете одного кендальского ткача (Ланкашир) за 1795 г. расход на чай и сахар превышает вдвое расход на пиво и составляет почти половину расхода на хлеб и муку. *Eden*, II, 767.

³ «Пища бедных: хлеб и сыр, с молоком или водою, немного легкого пива; мяса—никогда, кроме воскресенья» (Бреконшир, Уэльс, 1787). *Annals of Agriculture*, VII, 50.

⁴ «Мясо и пиво составляют безусловно необходимый элемент питания чернорабочего, если хотят, чтобы он мог давать работу, удовлетворительную для него самого, для тех, у кого он работает, и для всего общества в целом. Он должен был бы кушать мясо ежедневно или, по меньшей мере, три раза в неделю. Именно недостаточному потреблению мяса и пива следует приписать различные пагубные привычки, между прочим—употребление спиртных напитков». *Annals of Agriculture*, XXV, 365 и сл.

⁵ *Eden*, *ouv. cité*, II, 60 (рабочие хлопчатобумажной промышленности в Карлайле), 753 (шерстоткачи в Кендале), 873 (рабочие железодобывающей промышленности в Шеффилде).

⁶ Первые попытки задержать распространение этого зла относятся к 1736 г., когда появилась знаменитая брошюра: «*Distilled liquor the bane of the nation*» (водка—проклятие нации). Петиция мировых судей графства Миддлсекс вызвала вмешательство парламента: спиртные напитки были обложены очень высоким акцизом, и торговцев обязали выбирать патент («лицензию»). В течение некоторого времени продажа джина была даже совершенно воспрещена, но это запрещение, которое трудно было провести на практике, подало повод к беспорядкам в Лондоне и нескольких других городах. *Place MSS*, Британский музей, *Additional MSS*, 27 825, p. 186.

⁷ См. *Th. Carter*, *Memoirs of a working man*, p. 43: «Мой отец зарабатывал только 10 ш. 6 п. в неделю, и моя мать со своей небольшой школой добавляла

Промышленная революция не была причиной этих страданий, которые промышленная Англия 1800 г. испытывала менее жестоко, чем сельская Франция 1789 г. Но она, несомненно, усилила их, поскольку употребление машин повело к устранению или к сокращению рабочих рук. Более непосредственны и губительны были ее действия в другой области—в области жилищных условий. Стремительный рост промышленных центров имел своим прямым результатом перенаселенность с ее худшими последствиями. Манчестер уже до 1800 г. имеет свои рабочие кварталы с тесными и грязными улицами, с ветхими домами, комнаты которых не могут вместить всего скучившегося в них истощенного и хилого населения. Многие живут в подвалах, без воздуха и света: «В некоторых частях города,—читаем мы в одном врачебном отчете 1793 г.,—эти подвальные помещения настолько сырые, что их следует считать абсолютно непригодными для жилья... Я был свидетелем, как не одна семья тружеников была унесена смертью из-за того, что в течение некоторого времени оставалась в этих подвалах, где вода течет со стен... В особенности бедняки страдают от недостаточной вентиляции. Обычным последствием этого является лихорадка, и я не раз наблюдал случаи чахотки, не имевшие другой причины». Столь же вредны для здоровья меблированные комнаты низшего сорта, где ночуют вновь прибывающие: «Ужасающее зрелище, представляемое этими домами, не поддается описанию: жилец, прибывший накануне из своей деревни, спит часто в постели, еще зараженной паразитами, которых оставил в ней его предшественник, или на которой всего несколькими часами раньше лежал труп человека, умершего от тифа»¹. Картина, которую филантропы и реформаторы полувеком позже представили глазам ужаснувшейся публики, еще более мрачна.² По мере того как промышленные города росли, зло стало более распространенным, если не более серьезным; его характер и его причины остались те же.

Но как убого ни помещался английский рабочий, как плохо он ни питался, все-таки ему не удавалось сократить свои расходы пропорционально повышению цен. Чаще всего они превосходили его ресурсы. В эпохи кризисов бюджет сколько-нибудь многочисленной рабочей семьи всегда сводился с дефицитом³. Чтобы покрыть этот дефи-

к этому 2 или 3 шилл. С весьма малыми ресурсами помимо этого очень недостаточного дохода они должны были удовлетворять потребности свои и своих детей в ту пору, когда четырехфунтовый хлеб продавался по непомерной цене в 1 ш. 10 п. Мы должны были поэтому довольствоваться более чем скудной пищей... Картофель был также очень дорог, и к тому же плохого качества из-за сырого прошлого лета (1799). Четверть пека картофеля, стоимостью в 4 пенса, политого небольшим количеством растопленного сала, с крохотным куском хлеба составляли обед семьи» (1 пек = 9,0869 л).

¹ Цит. Эйкином в *A description of the country from thirty to forty miles round Manchester*, p. 193.

² См. *J. P. Kay*, *The moral and physical condition of the working classes* (1832); *P. Gaskell*, *The manufacturing population of England...* (1833), переизд. в 1836 г. под заглавием: «*Artizans and machinery*»; *E. Buret*, *La misère des classes laborieuses en France et en Angleterre* (1840); *W. Cooke-Taylor*, *Notes of a tour in the manufacturing districts of Lancashire* (1842); *F. Engels*, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England* (1844).

³ *Eden*, *State of the poor*, II, 767—770 и III, CCCXXXIX.

цит, она вынуждена была обращаться к общественной благотворительности; всякий очерк положения трудящихся классов в Англии был бы неполон, если бы в нем не было отведено особое место рабочему дому и законодательству о бедных.

V

Закон о бедных, образующий одну из наиболее своеобразных глав английского законодательства¹, ведет свое начало от царствования Елизаветы². Его первоначальной целью, как и целью мероприятий, продолжением и завершением которых он является, было не только облегчение нужды, но в такой же, повидимому, степени—уничтожение нищенства и бродяжничества. Он запечатлен одновременно чувством христианской любви и ярим социальным предрассудком. Представление, что милостыня есть дело богоугодное и искупающее грехи, вело к щедрому и неразборчивому благотворению, но оно не исключало недоверия и опасливого отношения к тем, кому помощь оказывалась. Отсюда чередование слабости и строгости в применении этого закона: чаще всего брала верх строгость. Задача заключалась в искоренении опасного класса профессиональных нищих, получившего ужасающее развитие в середине XVI в.³ Обязательство труда, налагаемое на всех, пользующихся общественной помощью, за исключением лиц, абсолютно нетрудоспособных вследствие своих немощей, подкреплялось суровыми карами: при первом осуждении за леность угрожало наказание плетью или отсылка в исправительный дом; в случае рецидива—плети и клеймение раскаленным железом⁴. Позже рабочий дом, в который запирали пауперов, походил больше на тюрьму, чем на богадельню; рассчитывали на внушаемый им ужас, чтобы отпугнуть тех, кто не опустился до последней ступени нищеты.

Одной из причин, наиболее способствовавших тому, что этот благотворительный институт получил характер почти бесчеловечной жестокости, был строго местный базис его организации. Каждый приход хотел помогать только своим бедным, не желая знать новых пришельцев, в которых видел незваных гостей; несомненно, сверх того,

¹ Эшли показал в своем «Введении в английскую экономическую историю и теорию» что эта оригинальность далеко не безусловна. Аналогичные институты существовали в Нидерландах, Франции и Германии, но их эволюция была там, начиная с XVII в., совершенно иной.

² Законодательство о бедных не было создано в один прием. Уже при Генрихе VIII закон 1536 г. (27 Henry VIII, с. 25) вменил приходам в обязанность помогать бедным. Закон 1572 г. (14 Eliz., с. 5) создал налог в пользу бедных и предписал мировым судьям назначать надзирателей (overseers), обязанных организовать дело приходского призрения. Законы 1576 и 1597 гг. (18 Eliz., с. 3 и 39 Eliz., с. 3) обобщили институт рабочих домов, введенный первоначально в Лондоне. Закон 1601 г. (43 Eliz., с. 2) собрал и дополнил прежние предписания: это и есть «закон о бедных» в тесном смысле слова, который, несмотря на ряд последовательных переделок, существовал до наших дней. См. *G. Nicholls, Hist. of the English poor law, I, 160* и сл. и *Leonard, The early history of English poor relief, p. 36* и сл.

³ О бродяжничестве в XVI в. см. *Ashley, ouvr. cité, p. 386—395*.

⁴ Это—наказание, которому подвергались бродяги, осужденные впервые; при третьем осуждении они приговаривались к повешению (14 Eliz., с. 5).

что некоторые приходы старались избавиться от обязательных для них расходов по призрению бедных и свалить это бремя на другие, более богатые или менее скупые приходы¹. Для устранения этого зла и был издан в 1662 г. закон об оседлости (Act of settlement)². Всякое лицо, прибывшее в чужой приход, могло быть в течение 40 дней отправлено обратно туда, где оно имело законную оседлость; приказ о высылке (removal) постановлялся двумя мировыми судьями по представлению администраторов местного налога в пользу бедных. И для оправдания такого решения не было надобности, чтобы затрагиваемое им лицо находилось в состоянии нужды, требующем немедленной благотворительной помощи и делающем его пребывание обременительным для прихода, где оно поселилось: достаточно было, чтобы такое положение считалось вероятным в будущем³.

Закон этот охранял интересы приходов, но какой ценой! Весь рабочий класс оказался лишенным одной из самых существенных свобод—свободы передвижения. Если какой-нибудь поденщик хотел покинуть свою деревню, где нельзя было найти занятия, то он подвергался опасности тотчас по прибытии в другую местность быть изгнанным из нее как лицо, «могущее лечь бременем» на приход⁴. Таким образом, у него отнимали единственный его шанс заработать себе средства к жизни, и из страха, что ему придется давать пособие, его осуждали на безнадежную нищету, в которой его единственным ресурсом становилась общественная или частная благотворительность. Бесспорно, закон не всегда применялся на практике, но он часто применялся и в некоторых случаях—с невероятной грубостью: «Прие-

¹ См. *Eden, State of the poor*, I, 144.

² В вводной части (мотивировка) закона 1662 г. (14 Charles II, с. 12) говорится: «Вследствие пробелов закона, бедные, которым никто не препятствует переходить из одного прихода в другой, стараются основаться в наиболее богатых приходах, где они находят наиболее обширные общинные земли, чтобы возводить на них свои коттеджи, и самые большие леса, чтобы сжигать и истреблять их; пожрав все, они отправляются затем в другой приход и, в конце концов, становятся бродягами. Это обескураживает приходы, которые не решаются учреждать фонды для вспомоществований из опасения, как бы они не были поглощены чужаками».

³ Торольд Роджерс (*Six centuries of work and wages*, p. 434) сравнивает положение, в которое ставил крестьянина закон об оседлости, с крепостным состоянием и показывает, как крупные землевладельцы пользовались им, чтобы дешево набирать рабочие руки среди рабочих, приписанных к соседним с их владениями приходам: «Этот закон не только прикреплял к земле ее держателя, но и позволял богатым земельным собственникам обкрадывать своих соседей и преждевременно изнашивать силы и здоровье рабочих. Все это происходило в то самое время, как патриоты и важные персоны болтали о свободе и правительственном произволе и когда прекрасные господа и дамы разговаривали о правах человека, о Руссо и французской революции, а Борк и Шеридан обрушивались на деспотизм Уоррена Гастингса. Но у дверей собственного дома, в Биконсфильде, Борк должен был видеть ежедневно крепостных, пользовавшихся меньшей свободой, нежели племя Рохилла, страдания которого он описал с таким патетическим красноречием».

⁴ В обоснование своей законной оседлости он должен был представить удостоверение, подписанное церковным старостой и надзирателями своего прихода и заверенное подписями двух мировых судей. Тогда ему позволяли обосноваться на новом месте, но приходская администрация сохраняла право выслать его, если бы он стал «действительно могущим лечь бременем» (8—9 William III, с. 30).

хав в город в последнее воскресенье, я был свидетелем сцены, заставляющей содрогнуться чувство человечности: какого-то несчастного, находившегося уже в состоянии агонии, втискивали в тележку, чтобы увезти его, из страха, как бы приходу не пришлось нести большие расходы по его погребению. Другим ежедневно встречающимся примером является высылка женщины накануне родов, чтобы избежать рождения ребенка в приходе, — невзирая на опасность, которой подвергаются в этом случае две жизни»¹.

Речь, содержащая этот возмущенный протест, относится к 1773 г. Почти одновременно с нею Адам Смит энергично обрушился на систему, которая с его точки зрения казалась верхом нелепости². Но прошло еще целых двадцать лет, пока ее решились реформировать. Для этого потребовался непреодолимый натиск промышленной революции. Свободное передвижение рабочих рук было жизненной необходимостью для крупной промышленности. Последняя имела возможность развиваться только благодаря многочисленным нарушениям закона об оседлости, благодаря движению населения в города, носившему слишком массовый характер и слишком могучему, чтобы его можно было остановить индивидуальными мерами. И по мере того как промышленность развивалась, она все нетерпеливее переносила путы, мешавшие ее прогрессу. То, чего не могли достигнуть соображения чистой гуманности, было даровано по мотивам полезности, опиравшимся на учение *laissez-faire*. «Закон об оседлости, — заявил Вильям Питт палате общин, — мешает рабочему отправиться на тот рынок, где он мог бы продать свой труд на наиболее выгодных условиях, а капиталисту он мешает принять на службу компетентного человека, способного обеспечить ему наиболее высокое вознаграждение за произведенные им авансы»³. Закон 1795 г. отнял у местных властей право предупредительной высылки: только лица без всяких средств к существованию, действительно легшие бременем на общественное призрение, подлежали высылке в их родные места; в случае болезни или немощности они имели право на отсрочку⁴. Таким образом, вместе с устранением невыносимого гнета, которому подвергался рабочий класс, прекратилась и стесненность, тяготившая над предприятиями. Отныне подвижность труда была полная, разумеется, в той мере, в какой человек — предмет

¹ Parl. History, XVII, 844 (речь сэра В. Мередита в палате общин). Те же прения возобновились в 1775 г. Ibidem, XVIII, 541—546.

² Адам Смит, Богатство народов, кн. I, гл. X. Артур Юнг называл ее «самой фальшивой системой, самой зловредной, самой губительной из когда-либо выдуманных варварством». Political Arithmetic I, 93.

³ W. Pitt, Speeches, II, 369 (речь 12 февраля 1796 г.).

⁴ 35 Geo. III, с. 101: «Принимая во внимание, что большое число бедняков, могущих работать и лежащих бременем на свой приход или свой городской округ исключительно потому, что не могут найти себе в нем работу, могли бы в любом другом месте, где для них была бы работа, удовлетворять потребности свои и своей семьи, не лежа бременем ни на какой приход или городской округ; что названные лица большей частью вынуждены проживать в своем приходе и не могут получить разрешения на жизнь в другом месте под тем предлогом, что они, вероятно, лягут бременем на тот приход или городской округ, куда они направлялись в поисках работы, хотя их работа могла бы во многих случаях быть очень полезной этому приходу или городскому округу, etc.».

менее инертный, нежели капитал и товары,—повинуется действию притягивающих и отталкивающих его экономических сил.

Другая реформа, относящаяся к этому же времени, имела менее счастливые результаты, несмотря на добрые намерения, которыми она была продиктована. Мы разумеем раздачу денежных пособий (allowances), которые должны были восполнять недостаточность заработной платы. Практика эта не была, правда, новостью, но раньше закон не только не поощрял ее, а в течение долгого времени ставил себе задачей бороться с нею. В 1723 г. зашли в этом направлении так далеко, что местным властям было предписано построить работные дома и отказывать во всякой поддержке тем нуждающимся, которые не захотят поступать туда¹. Однако, несмотря на этот закон, приходы продолжали раздавать в известных случаях пособия на дому. Они избавлялись таким путем от необходимости брать на себя полностью содержание тех семейств, которые, не будучи лишены абсолютно всяких средств к существованию, не имели их в то же время в количестве, достаточном для прожитка. Но это было только актом снисхождения и, в глазах многих, злоупотреблением, поощрением лени и беспорядка². Вторая половина XVIII в. характеризуется значительным смягчением сурового отношения к бедным: в этом факте нетрудно распознать действие великого сентиментального течения, оказавшего столь глубокое влияние на европейскую мысль. На нищету перестали смотреть только как на обычное следствие непредусмотрительности и порока, и общественное мнение волновалось при мысли о столь многих незаслуженных страданиях³. Этот новый дух нашел себе выражение в законе 1782 г., известном под названием акта Гильберта⁴: улучшив управление общественным

¹ 9 Geo. I, с. 7.

² «Комиссия считает, что нынешний обычай давать из приходских средств деньги работоспособным лицам, чтобы помешать им добиваться полного содержания их и их семей за счет приходов, противоречит духу и цели законов об общественном призрении, дает в руки приходских чиновников опасную власть и, наконец, составляет плохое употребление общественных денег и большое поощрение лени и невоздержанности». Отчет комиссии, уполномоченной изучить различные поправки к закону о бедных, Journ. of the House of Commons, XXVIII, 599.

³ Фильдинг писал в 1753 г.: «Страдания бедных менее известны, чем их дурные поступки, и это уменьшает наше сострадание к ним. Попрошайничать и воровать они идут к богатым, но умирать от голода и холода они остаются дома». См. его две небольшие работы: An inquiry into the causes of the late increase of robbers (1751) и A proposal for making an effectual provision for the poor (1753). Несколькою годами позже Масси писал: «Многих доводит до этого жалкого состояния безработица, болезнь или другой несчастный случай; отвращение, внушаемое этим несчастным необходимостью побираться, доказывается тем, что нередко находят утонувшими или умершими от голода бедного мужчину или женщину, исхудалых от лишений. Возможно, что некоторые становятся нищими добровольно, по лености или пьянству, но эти самоубийства, эти умершие от истощения люди дают печальное доказательство того, что общей причиной нищенства является только нужда». J. Massie, A plan for the establishment of charity houses (1758), p. 50.

⁴ 22 Geo. III, с. 83. Он был делом Т. Гильберта, члена палаты общин. Его главной целью было дать приходам возможность объединяться в союзы для взимания и использования налога в пользу бедных. Эти союзы, снабженные правами юридических лиц, имели чиновников в лице «хранителей» и «смотрителей»,

призрением, он в то же время ввел в него менее узкие и более мягкие правила. Закон разрешил приходам помогать нуждающимся трудоспособным лицам, не заставляя их поступать в работный дом, который оставлялся только для детей и для людей престарелых и немощных. Таким образом, государство признало как будто не только право на труд, но и право на существование¹.

Эти предписания не были введены единовременно во всей Англии: закон Гильберта допускал в действительности принцип местного выбора, и приходы вольны были подчиниться ему или держаться прежнего порядка. Обстоятельства взяли на себя труд завершить начатое движение. Недород вызвал в конце столетия ужасающий рост пауперизма. Что было делать для смягчения его зол и опасностей? Этот вопрос встал перед беркширскими судьями, собравшимися в мае 1795 г. в таверне «Пеликан» в деревне Спингемленд, близ Ньюбери в Беркшире. Общее бедственное положение, вызванное вздорожанием жизненных припасов, усугублялось в юго-западной Англии кризисом шерстяной промышленности, — кризисом, в котором видели тогда временное явление, но который в действительности отмечал собою начало безнадежного упадка, безвозвратно лишившего деревенское население одного из его привычных источников заработка. Собрание, созванное для рассмотрения положения и изыскания средств помочь ему, пришло к тому заключению, что «положение бедного класса требует большей помощи, нежели ему вообще оказывалось до сих пор». Чтобы быть справедливой, помощь эта должна была изменяться в зависимости от цен на жизненные припасы. Была составлена таблица, где был вычислен минимум дохода, необходимого для прожитка, при той или иной цене хлеба: «Когда коврига, весом в 8 фунт. 11 унций, приготовленная из муки второго сорта, будет стоит 1 шилл., то всякий трудоспособный рабочий должен для удовлетворения своих потребностей иметь 3 шилл. в неделю, зарабатывает ли он их собственным трудом, трудом своей семьи или же получает пособие от прихода; сверх того, для прокормления жены и каждого из членов семьи он должен иметь по 1 ш. 6 п. на душу. Когда коврига того же веса будет стоить 1 ш. 6 п., он должен будет иметь 4 шилл. в неделю для себя самого и по 1 ш. 10 п. для каждого из членов семьи. И так далее, прибавляя по 3 пенс. на человека и по 1 пенни на каждого члена его семьи всякий раз, когда цена хлеба поднимается на 1 пенни»². Таково было знаменитое решение, получившее название «Спингемлендского акта»: действительно оно имело силу закона сначала в графстве, а вскоре после того и во всем королевстве.

По мысли его инициаторов Спингемлендский акт был только временной мерой. Вероятно, что он был внушен больше всего страхом

назначаемых мировыми судьями. Приходам воспрещалось сдавать в аренду предприятия по общественному призрению, разве только они брали на себя осуществление самого сурового контроля над управлением этих предприятий. G. Nicholls, Hist. of the English poor law, II, 83—88.

¹ См. *Elie H. Lévy*, L'Évolution de la doctrine utilitaire de 1789 à 1815, p. 98.

² Reading Mercury от 11 мая 1795 г. Полная таблица воспроизведена у Эдена в его State of the poor, I, 577. Аналогичные таблицы, с несколько иными цифрами, были составлены и в других графствах.

народного восстания: зрелище французской революции заставляло призадуматься английское поместное дворянство. Так или иначе, — но выставленный принцип был чрезвычайно смел. Всякий человек, — заявляли беркширские судьи, — имеет право на минимум средств к существованию; если он может заработать своим трудом только часть его, то остальное должно дать ему общество¹. Принцип этот, который скрыто содержится уже в законе 1782 г., выражен здесь формально. И почти тотчас же он получает законодательную санкцию: закон 1723 г. отменяется, и раздача пособий на дому разрешается во всех приходах². Эта реформа общественного призрения должна была отразиться самым чувствительным образом — если не самым благотворным — на положении рабочего класса.

Нет ничего удивительного в том, что она была популярна. Кризис, который переживала тогда Англия, стер, так сказать, линию разграничения между бедностью и прямой нуждой. Нужда была велика не только среди крестьян, жертв огораживаний и упадка мелкой сельской промышленности, но и среди работающих в мастерских и фабриках. Обращения за пособием были чрезвычайно многочисленны. Это можно видеть по быстрому возрастанию налога в пользу бедных: с 2 млн. ф. ст. в 1785 г. он поднимается в 1801 г. до 4 млн., а в 1812 г. — до 6½ млн.³ Для многих семейств, старавшихся до тех пор жить на собственные средства, денежное пособие прихода стало нормальным и сверх того необходимым ресурсом. «В былые времена, — писал Артур Юнг, — в народе существовало непреодолимое отвращение прибегать к приходской помощи. Можно было наблюдать, как люди бьются изо всех сил, чтобы прокормить большие семьи, никогда не обращаясь за пособием к приходу. Этот дух совершенно исчез...»⁴. Первый и плачевный результат великодушной, на первый взгляд, политики: английские рабочие превращаются в нищих и испытывают на себе деградирующее влияние милостыни. «Между получающими пособие и приходом идет постоянная борьба, так как один старается получить как можно больше и работать возможно меньше, а другой решается платить только тогда, когда его вынуждает к этому постановление мирового судьи. Происходящий отсюда вред неисчислимы: всякая мысль о труде и бережливости подрывается в корне, когда бедняк знает, что если он не прокормит себя сам, то прокормить его должен будет приход, и когда он, с другой стороны, не имеет отдаленнейшей надежды достигнуть когда-либо самостоятельности, как бы трудолюбив и экономен он ни был». Таким образом, помощь, оказываемая нужде, становилась премией для непредусмотрительности и лени⁵. Несомненно, что, несмотря на коренной недостаток

¹ В данном случае дело шло о замене денежным пособием заработной платы рабочих в домашней промышленности.

² 36 Geo. III, с. 23. Питт одно время подумывал о проведении через парламент Спингемлендского акта. О его билле 1797 г. и критику его Бентамом см. *E. Halévy, ouvr. cité, p. 101 и 152.*

³ *Eden, State of the poor, I, 363—372; G. Nicholls, Hist. of the English poor law, II, 133.*

⁴ *Annals of Agriculture, XXXVI, 504.*

⁵ Случалось также, что деньги, предназначенные для бедных, но раздаваемые без разбора, шли в карман какого-нибудь обеспеченного работой и продув-

системы или, быть может, именно благодаря ему, намеченная цель была достигнута. Немедленное облегчение, принесенное народным страданиям, устранило боязнь восстания. Англии удалось сравнительно спокойно пережить критические годы наполеоновской войны. В то же время благодаря новому закону о бедных исчезли некоторые препятствия, замедлявшие раньше ход великого экономического движения, которое продолжало идти своим чередом среди всех европейских революций и войн. Раздаваемые приходами пособия почти совершенно устранили в некоторых районах оппозицию против применения машин: они компенсировали отчасти потерю подсобных заработков, которые давала до тех пор населению промышленность, и в то же время имели над последними то преимущество, что не стоили никаких усилий. В деревнях можно было видеть, как прядильщицы сами разбивали свои самопрялки¹.

В действительности система функционировала за счет тех, кому она якобы помогла. Когда имущие классы жаловались на все более возрастающее бремя налога в пользу бедных, то они забывали, что платят, таким образом, своего рода премию страхования от революции; в свою очередь, рабочий класс, довольствуясь предлагаемой ему скромной пенсией, не замечал, что она отнималась от суммы его законного заработка. Ибо неизбежным последствием приходских денежных пособий (allowances) было удержание заработной платы на самом низком уровне и даже падение ее ниже элементарнейших потребностей лица, получающего эту плату². Фермер или промышленник рассчитывал на приход, который должен был пополнить разницу между тем, что они платили своим рабочим, и суммой, необходимой последним для прожитка. Чего ради стали бы они брать на себя расход, который можно было так легко переложить на всю массу налогоплательщиков? Со своей стороны лица, получающие пособие от приходов, довольствовались более низкой заработной платой, и эти дешевые рабочие руки делали невыносимую конкуренцию труду, не получающему пособий³. Таким образом, получался следующий парадоксаль-

ного крестьянина. «В моей родной деревне в Гемпшире, — пишет Т. Роджерс, — я очень хорошо помню пример двух поденщиков, которые сумели использовать систему помощи на дому, чтобы подняться до положения мелких землевладельцев... Они получали свое пособие от прихода и жили на свою заработную плату, к которой присоединялся доход от дополнительной работы. Один из них занимался в деревне резкой свиней, что давало ему работу от дня св. Михаила до дня Благовещения. Он получал 1 шилл. за каждую зарезанную им свинью и пороха, которыми его семья питалась в течение половины года... Выдаваемое им пособие, очень заботливо откладываемое и хранимое, я думаю, в большом секрете, — было, в конце концов, употреблено на покупку земли. Один купил 40 акров посредственной земли, давшей ему возможность независимой и удобной жизни; другой — только 20 акров, но извлек из них еще большую выгоду, так как они принадлежали к лучшим землям всей деревни». *Six centuries of work and wages*, p. 502—503.

¹ *Annals of agriculture*, XXV, 635.

² Полный перечень обвинений по адресу этой системы можно найти в *Report from His Majesty's commissioners for inquiring into the administration and practical operation of the poor laws* (1834).

³ «Против мануфактуры, где работают получающие пособие пауперы, не может, разумеется, бороться мануфактура, где дают нормальную заработную плату. Таким образом, может случиться, что какой-нибудь маклесфильдский

ный результат: так называемый налог в пользу бедных представлял экономию для хозяина и урон для того трудолюбивого рабочего, который ничего не просил у общественной благотворительности. Из благотворительного закона безжалостная игра интересов сделала жестокий закон.

Наиболее пагубное действие этот порядок оказал на сельское население¹. Он закончил то, что было начато огораживаниями: нищета и праздность порвали последние узы, привязывавшие земледельца к земле, и толкнули его, деморализованного и равнодушного, к полной потере своей самостоятельности, в ряды городского пролетариата. Промышленное население было, повидимому, не так глубоко затронуто язвой эндемического пауперизма: от этой участи его предохранили до известной степени развитие промышленности и сравнительно высокий уровень заработной платы. Но все же оно всегда было подвержено опасности безработицы, которая тотчас же вызвала обращение за помощью к приходу, с худшими последствиями такого шага. Эта благотворительная помощь распространяла, следовательно, свое влияние на весь рабочий класс и везде производила одни и те же результаты, создавая больше нужды, чем она облегчала, тяготая над английским народом, как орудие унижения и рабства. Именно этой ценой было куплено спокойствие имущих классов в критическую эпоху, была куплена внешняя слава Англии, победы Нельсона и Веллингтона. И на деньги для бедняков, вымогаемые наполовину у общества, наполовину у самих же бедняков, вырастали большие состояния промышленного капитализма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И LAISSEZ-FAIRE

Закон о бедных в том виде, в каком он функционировал, был лекарством, часто худшим, нежели самый недуг, против которого он был направлен. Но если бы он был даже лучше понят или лучше применялся на практике, то и тогда он оставался бы только паллиативом. Промышленная революция поставила проблему, которую не в состоянии разрешить самая изобретательная благотворительность, а именно: как улучшить положение этого множества тружеников, которые получают столь малую долю из богатств, создаваемых их усилиями? Вопрос этот не существовал для ремесленника, который, прослужив некоторое время у мастера, рассчитывал стать, в свою очередь, мастером; но для рабочего, который вовлечен в большое предприятие и не имеет даже одного шанса на тысячу стать когда-нибудь его упра-

промышленник оказывается разоренным вследствие дурного применения закона о призрении бедных в графстве Эссекс». (Из официального доклада комиссаров для исследования практического действия законов о бедных, 1834, р. 43.)

¹ Большая часть фактов, приведенных в докладе 1834 г., относится к сельским приходам.

влияющим¹, этот вопрос приобретает существеннейшее значение. Речь идет о его будущности и будущности его семьи, о единственном будущем, на которое он может надеяться. Его требования не содержат еще в себе пока ничего революционного². Он не подвергает сомнению установленный порядок: мысль о своем полном освобождении путем социального переворота еще не пришла ему в голову. Он требует лишь одного—увеличения его заработной платы; чаще всего он ограничивается тем, что борется против ее уменьшения. Он хотел бы еще гарантий против безработицы, вызываемой употреблением машин или чрезмерным количеством учеников, хотел бы менее суровой дисциплины или меньшего произвола в мастерской. Во всех этих отношениях его интерес противоположен интересу хозяина, которому желательно платить возможно меньше, понизить издержки производства путем употребления механического оборудования и дешевых рук, властвовать бесконтрольно на фабрике и вокруг фабрики. Из этой неизбежной оппозиции получается борьба классов; для поддержания ее рабочие силы начинают организовываться, и скоро они принимают достаточно грозный вид, чтобы правительство всполошилось и решило прибегнуть к исключительным мерам против них.

I

В одной из предшествующих глав³ мы указали на существенное различие между временными рабочими коалициями, которые образуются при тех или иных обстоятельствах для устранения той или другой частной обиды и исчезают после успеха или неудачи сделанной попытки, и коалициями постоянными, готовыми защищать во всех случаях интересы входящих в них рабочих. Первые, похожие на те спонтанные возмущения, из которых они возникают и чаще всего раздавливаемые вместе с ними, не составляют специальной особенности известной эпохи или известного экономического строя. Напротив, вторые имеют совершенно определенное происхождение: они появляются в тот момент, когда завершается разобщение между производи-

¹ В 1804 г. в своей петиции парламенту указывают на это ситцепечатники, протестующие против закона, воспрепятствовавшего коалиции рабочих. «В намерения законодателя не могло входить нанесение ущерба человеку. единственным желанием которого является заработать своим трудом на жизнь: ведь в этом—все, на что может надеяться рабочий-ситцепечатник, так как природа его промышленности и требуемые ею капиталы лишают его всякой надежды подняться когда-либо до положения хозяина». Report on the petition presented by the journeymen callico-printers (1804), p. 7.

² Шульце-Геверниц в его «Крупной промышленности» пишет, напротив, что «Англия в первом десятилетии этого века обладала рабочей революционно-социалистической партией, превосходившей своей силой и опасностью все последующие аналогичные движения на континенте». На чем покоится это утверждение—неизвестно. Вспыхивавшие то здесь, то там бунты, из коих самыми серьезными были бунты луддитов, не направлялись осознанной себя революционной мыслью. А что касается коммунистических теорий, выдвинутых одиночками, вроде Томаса Спенса, то они, повидимому, не пользовались ни малейшим влиянием на народные воззрения.

³ См. ч. 1-я, гл. I, стр. 47.

телем и средствами производства¹; они представляют постоянный отныне антагонизм капитала и труда, некогда единых и почти смешивавшихся друг с другом. Самые старые коалиции опередили на целые полвека начало современной крупной промышленности; они совпадают по времени с той постепенной эволюцией в направлении к капиталистической организации, которая непосредственно предшествовала веку машин и фабрик. Однако только крупная промышленность сообщила движению весь его размах и окончательное направление. Она сгруппировала рабочих, она объединила их общими страданиями. В то же время она сделала для них соглашение и взаимопомощь необходимостью: могуществу капитала наемные рабочие могут противопоставить только силу своей численности.

Первые рабочие союзы образовались в шерстяной промышленности между 1700 и 1780 гг.: это были союзы чесальщиков, ткачей, чулочников². Такие же союзы возникли вскоре и в хлопчатобумажной промышленности. Когда в 1787 г. Глазговские фабриканты кисеи захотели воспользоваться обилием рабочих рук, чтобы сообща понизить расценок сдельных работ, то они встретили организованное сопротивление. Рабочие отказались *en masse* работать за плату ниже известного минимума. Фирмы, не согласившиеся платить этот минимум, были подвергнуты бойкоту. Конфликт кончился актами насилия и уличной стрельбой, но методичность, с которой он был первоначально начат и поддерживался, доказывает, повидимому, что существовал рабочий союз, который отдавал своим членам пароль и налагал на них дисциплину³. Аналогичный конфликт, вспыхнувший в 1792 г. между фабрикантами Больтона и Бэри и бумаготкачами, разрешился заключением договора, настоящего коллективного договора: хозяева обязались не менять номеров пряжи, употребляемых для каждого сорта изделий, иначе как увеличивая одновременно плату пропорционально большей тонине ткани; в свою очередь рабочие отказывались от вознаграждения в $1\frac{1}{2}$ пенни с шиллинга, которые они получали за ложившиеся на них дополнительные обязанности. Это соглашение соблюдалось той и другой стороной в течение шести лет, «до того момента, как начавшие увеличиваться в числе промышленники стали изловчаться друг перед другом, как бы найти лучший способ уменьшить свои издержки производства»⁴.

Эти организации, первоначально имевшие все местный характер, не замедлили расшириться и объединиться. В 1799 г. существовало Общество бумаготкачей, деятельность которого распространялась на

¹ См. *Sidney et Beatrice Webb, Hist. of Trade Unionism, p. 25.*

² Следует указать также на организацию рабочих-позументчиков, которые в 1753 г. образовали союз, в центральный исполнительный комитет которого каждая мастерская посылала одного делегата. Сохраняемая в манчестерской Free Reference Library брошюра содержит устав этого общества: «The worsted small-ware-weaver's apology together with all their articles, which either concern their society or trade; to which is added a farewell discourse made by their first chairman, all faithfully collected together (Manchester, 1756)». Автор подписался псевдонимом Timothy Shuttle.

³ *D. Bremner, The industries of Scotland, p. 283.*

⁴ Report from the select committee on the handloom-weavers' petitions, (1835), p. 448.

весь Ланкашир и, быть может, за его пределы. Главной задачей оно поставило себе—довести жалобы рабочих до сведения властей. Не только не стараясь скрывать свое существование, оно смело обращалось, напротив, с призывом к общественному мнению. Благодаря Вильяму Радклиффу¹ мы располагаем текстом воззвания, выпущенного его главным комитетом, который заседал 23 мая 1799 г. в Болтоне. Воззвание начинается с изложения той линии поведения, которой общество намерено следовать: «Так как существующие законы, которые должны были бы защищать ткачей-рабочих против угнетения, попираются ногами за отсутствием единения между заинтересованными лицами, то последние решили оказать друг другу поддержку в отстаивании своих прав, согласно справедливости и закону. Они решили обратиться к законодателям, чтобы добиться от них тех мероприятий, какие они в своей мудрости сочтут подходящими, когда им будет представлена картина действительного состояния хлопчатобумажной промышленности...». Следуют протесты против подозрений и страхов, вызываемых одной мыслью о большой рабочей коалиции: «Вы, являющиеся нашими врагами... вы, действительно, в страхе от того, что мы получим доступ к правительству и скажем ему правду? Не по этой ли причине прибегаете вы к жалкой уловке, состоящей в том, чтобы клеймить нас названием якобинцев и распускать слух о заговорах и бунтах? Мы презираем ваши клеветы и смотрим на вас с презрением, которого вы заслуживаете...² Мы с отвращением относимся к беспорядкам и противозаконным проискам и твердо привязаны к нашему королю и нашей стране, процветание которой всегда будет самым дорогим для нашего сердца предметом. Чего можно опасаться от нашего союза? Мы не думаем нападать на церковь или государство, мы строго ограничиваемся тем, что занимаемся своими корпоративными обидами, которые желаем предложить на рассмотрение правительства. Только оно призвано судить, заслуживает ли наше дело его вмешательства или нет». Содержание жалоб ткачей нам уже известно: они жалуются не только на понижение заработной платы, но и на возрастающие требования фабрикантов, которые несколько раз увеличивали длину кусков³. Хотя и ставя себе главной задачей довести дело рабочих до парламента, общество искало, однако, также

¹ Origin of the new system of manufacture, p. 73—76.

² Следует отметить, что к ткачам обращались также с упреками в антипатриотизме и тайном соглашении с иноземными революционерами. «Как несправедливо клеветают на нас, заявляя, что наши объединения стремятся принести в жертву независимость нашей страны! Верно обратное. Если когда-нибудь прозвучит труба, если когда-нибудь раздастся клич: «К оружию! Англия в опасности!», то мы знаем, каков наш долг и наш интерес,—долг и интерес каждого англичанина». Ibidem.

³ «Предположим, что человек женился в 1792 г., когда получал 22 шилл. за 44 ярда сукна. Проследим за ним из года в год, и мы увидим, как возрастает его семья, как расдут цены на все предметы жизненной необходимости, тогда как заработная плата его непрерывно понижается. Посмотрим на него в 1799 г. Мы найдем его в окружении, быть может, пяти или шести малых детей, в то время как от него требуют вместо 44 ярдов сукна 60 ярдов и дают ему за них не больше 1 шилл. Удивляйтесь после этого росту налога в пользу бедных!» Ibidem. Последнее обращение имело в виду плательщиков налога в пользу бедных и в особенности землевладельцев.

почвы для соглашения с хозяевами. «Если бы они хотели снизить до свидания, то наш комитет послал бы к ним депутацию. Мы не считаем себя в оппозиции с ними. Напротив, мы разделяем их взгляды относительно некоторых вредных приемов¹, создающих помехи для равномерного прогресса промышленности». Благодаря этому примирительному тону и заявленному намерению подчиниться решению парламента общество бумаготкачей имело возможность благополучно пережить вотирование закона против рабочих коалиций, который был опубликован в самый год его основания.

Движение, пример которого подали рабочие юго-запада, долго не перебрасывалось на один из самых важных центров шерстяной промышленности—на западный Йоркшир. Но по мере того как промышленность эта преобразуется,—а преобразование это начинается именно в Йоркшире,—мы наблюдаем образование объединений, куда вместе с рабочими входят мелкие производители, встревоженные успехами машинного производства². Такова была так называемая «Community», или «Institution» рабочих шерстяной промышленности, основанная около 1796 г.³ и скоро покрывшая своими разветвлениями весь север Англии: «Я думаю,—показал один свидетель перед парламентской комиссией 1806 г.,—что во всем городе Галифаксе и его окрестностях трудно было бы найти двух ткачей, которые оставались бы вне этого объединения⁴». Общая касса, питаемая регулярными взносами, доставляла необходимые средства, чтобы в случае нужды обращаться к парламенту, предоставлять свидетелей, платить адвокатам. «Institution» располагала еще другими способами воздействия, менее дорогими и более энергичными. Она была достаточно могущественна, чтобы заставить рабочих покинуть те мастерские, которые она подвергла бойкоту⁵: рабочие, отказывавшиеся подчиниться или выступавшие из союза, после того как состояли раньше его членами, рисковали подвергнуться грубым репрессалиям. Их обзывали змеями (snakes)⁶, им угрожали, наносили побои, часто осаждали в их собственных домах. Промышленники жили в страхе перед этой тайной организацией, о которой говорили, что она подстрекает к бунтам против машин и посылает страховым от огня обществам предупреждения не страховать фабрик⁷.

Около того же времени образуются первые коалиции рабочих железоделательной промышленности. Шеффилдская промышленность, с ее многочисленными специальностями, которые и теперь еще

¹ Речь шла в особенности о вывозе пряжи, против которого восставали также многие фабриканты. В. Радклифф был одним из руководителей этой кампании; вот почему он и цитировал воззвание ткачей, в которых видел союзников.

² *Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 441; *Webb, Hist. of Trade Unionism*, p. 30 и 60.

³ Она полностью сорганизовалась лишь в 1803 г. См. *Held, ouvr. cité.*, p. 442.

⁴ *Report and minutes of evidence from the committee on the state of the woollen manufacture in England (1806)*, p. 231 и 353.

⁵ *Ibidem*, p. 181.

⁶ *Ibidem*. Впоследствии эта кличка была заменена названием blacklegs («черноногие»), которому соответствуют французские слова: «ренегаты» (изменники), «черные бараны», «желтые» и т. д.

⁷ *Ibidem*, p. 36.

придают ей совершенно особый характер раздробленности, долго оставалась распределенной между сотнями самостоятельных мастерских, под устарелым контролем цеха ножевщиков Галламшира. Но к концу столетия старые правила, покровительствовавшие мелкой промышленности, применяются менее строго или совершенно исчезают¹, открывая возможность свободного развития для капиталистических предприятий. Тотчас же рабочие объединяются, чтобы оказать сопротивление чрезмерным требованиям своих новых хозяев. В 1787 г. рабочие-ножевщики бойкотируют некоего Ваткинсона за то, что он хотел заставить их сдавать ему по 13 ножей за номинальную дюжину². В 1790 г. фабриканты обвиняют точильщиков ножниц, что те составляют нелегальные союзы с целью поднять цены на рабочие руки³. Вследствие этого пять рабочих привлекаются к суду и осуждаются за участие в «заговоре» — преступление, предусмотренное уголовным законодательством задолго до того, как кому-нибудь приходило в голову принимать специальные меры против рабочих коалиций.

Те же факты повторяются в самых разнообразных отраслях промышленности и районах. Рабочие-писчебумажники графства Кент были в 1795 г. прочно организованы. Они имели стачечную кассу, которая несколько раз дала им возможность выдержать с успехом борьбу против своих хозяев⁴. Они отказывались работать вместе с рабочими, не входившими в их общество, и покидали скопом мастерскую, если не добивались их увольнения⁵. Мельничные плотники употребляли ту же тактику, тем более достигавшую цели, что они были квалифицированными рабочими, долго учившимися своему трудному ремеслу, и их невозможно было быстро заменить. Даже земледельческие рабочие, и те, за отсутствием коалиций в точном смысле слова, устраивали митинги с целью потребовать у парламента регулирования их заработной платы: порядок дня одного из этих собраний, происходившего в церкви одной деревни в Норфольке, предлагал не более не менее как объединить в целях коллективного ходатайства перед парламентом всех земледельческих рабочих графства; рабочие других графств приглашались последовать этому примеру⁶.

¹ В частности, это относится к предписаниям, ограничивавшим число учеников в каждой мастерской.

² *J. Hunter, Hallamshire*, p. 220. Эта история наделала много шума в Шеффилде. По адресу непопулярного фабриканта распевали песенку: «Хотя бы тринадцатый нож послужил для того, чтобы разрезать его большую тушу и обнажить его органы; пусть люди увидят их: его сердце, черное, как адская бездна, его сердце прожорливого волка, грызущего кости и пьющего кровь».

³ *Sheffield Iris*, 7 августа и 9 сентября 1790 г. См. *Webb, Hist. of Trade Unionism*, p. 33.

⁴ В Дувре происходили забастовки в 1789, 1794 и 1795 гг. См. петицию бумажных фабрикантов, *Journ. of the House of Commons*, LI, 589.

⁵ *Ibidem*, p. 595. (Обследование в связи с петицией фабрикантов.)

⁶ *Annals of Agriculture*, XXV, 504. Вот сокращенный текст принятых решений (5 ноября 1795 г.): 1) «Поденщик должен быть оплачиваем, а обычный способ, состоящий в том, чтобы—в облегчение его нужды—продавать ему по пониженной цене муку... является не только оскорблением, не приличествующим его жалкому положению, но и иллюзорным средством помощи... 2) заработная плата должна изменяться в соответствии с ценою пшеницы (прилагается таблица)... 3) немедленно будет приготовлена петиция в парламент с просьбой уста-

Агитация, как будто распространявшаяся таким образом постепенно среди всего рабочего класса, не могла не встревожить правительства. Она угрожала не только интересам хозяев: при наличных обстоятельствах она принимала характер серьезной политической и социальной опасности. В эту эпоху, когда умы объаты были страхом перед революцией, похожей на французскую, когда страх этот сбивал с толку государственных людей, всякая народная ассоциация, какова бы ни была ее признанная цель, естественно, возбуждала подозрение. Та самая мысль, которая побудила принять в качестве средств для успокоения масс систему пособий на дому, продиктовала также закон 1799 г. против коалиций¹. Закон этот, впрочем, только обновил и дополнил целое законодательство, существовавшее раньше. Не говоря о старых статутах, направленных против «заговоров» торговцев и ремесленников, — статутах, карательные статьи которых могли быть применены и фактически были неоднократно применяемы к рабочим коалициям², — ряд более недавних и столь же суровых мер прямо имел в виду эти коалиции. «С самого начала XVIII в., — пишет Сидней Вебб, — парламент не переставал вотировать законы, запрещающие вступать в коалиции рабочим той или иной отрасли промышленности»³. Для примера мы приведем законы, касавшиеся специально рабочих-портных (1720)⁴, ткачей и чесальщиков шерсти (1725)⁵, шляпников (1777)⁶, писчебумажников (1796)⁷. Однако все они, и со стороны принципа и в отношении сферы действия, отличались от закона 1799 г. тем, что почти всегда сопровождали официальную регламентацию труда, к которой служили лишь дополнением. Этот пункт был хорошо освещен Веббом. «Признавалось, что парламент

новить заработную плату в согласии с только что выработанным планом... 4) каждый присоединившийся должен уплатить казначею взнос в 1 шилл. на покрытие расходов... 5) как только секретарь собрания ознакомится с мнением всех или большинства поденщиков этого графства, он созовет генеральное собрание в городе, расположенном в центре графства... 6) два-три смежных прихода смогут выделить делегатом одного поденщика, снабдив его требующимися инструкциями; он будет получать 2 ш. 6 п. в день за затрату своего времени и столько же на свои расходы... 7) Адам Мур, секретарь собрания, опубликует эти решения с именами фермеров и поденщиков, принявших и подписавших их в норвичской и лондонской газетах; есть надежда, что проект петиции в парламент будет одобрен и принят не только поденщиками этого графства, но и поденщиками всех графств королевства». Не следует, впрочем, смешивать эту организацию, образованную исключительно в целях призыва к государственной власти, с тред-юнионом.

¹ Почти одновременно был вотирован закон против дискуссионных обществ (так называемых *debating societies*). 39 Geo. III, с. 79.

² Мы упомянули выше решение ланкаширских мировых судей в 1725 г. Оно основывалось на законе 1549 г. (2—3 Edward VI, с. 15), озаглавленном «Bill of conspiracies of victuallers and craftsmen» и предназначенном в принципе препятствовать искусственному повышению цен товаров. Вебб приводит гораздо более недавний случай осуждения (в 1818 г.) на два года тюрьмы прядильщиков хлопка на основании закона 1305 г. *Hist. of Trade Unionism*, p. 60.

³ *Ibidem*, p. 61.

⁴ 7 Geo. I, st. 1, с. 13. См. *F. W. Galton*, *Select documents illustrating the history of Trade Unionism*, I, *The tailoring trade*, p. 16.

⁵ 12 Geo. I, с. 34.

⁶ 17 Geo. III, с. 55.

⁷ 36 Geo. III, с. 111.

и суды призваны регулировать условия труда; раз так, то нельзя было дозволить ни отдельным лицам, ни коалициям вмешиваться в конфликты, для которых был установлен законный способ разрешения». Вступая в сообщество с целью изменить условия труда, определенные законом или согласно закону, рабочие совершали мятежный акт. Но в 1799 г. вопрос стоял совершенно иначе. Политика вмешательства в экономические отношения все более теряла свой кредит; в большинстве отраслей промышленности господствовали уже начала *laissez-faire*; власть цехов и гильдий не существовала более, а государство отказывалось пустить в ход свой авторитет. Мысль, что трудовой договор должен быть исключительно результатом соглашения между заинтересованными сторонами,—эта мысль была близка к признанию и к провозглашению в качестве догмата. Запретить рабочим объединяться в тот самый момент, как у них отнимали всякую надежду на покровительство закона, это значило выдать их головою предпринимателям.

Закон был проведен в парламенте с поспешностью, выдававшей озабоченность его авторов¹. В палате общин не было даже прений. В палате лордов петиция, представленная от имени ситцепечатников Лондона, явилась одиноким и безуспешным протестом². Закон прошел без всяких поправок³. Он воспрещал рабочим всех промыслов взаимные соглашения, имеющие целью добиться повышения заработной платы или уменьшения продолжительности рабочего дня, заставить хозяев принимать на службу известных рабочих и не принимать других, устанавливать или навязывать какое бы то ни было правило—все это под страхом наказания минимум в 3 месяца тюрьмы или 2 месяца принудительных работ (*hard labour*). Та же кара угрожала всякому, кто попытается воздействовать на рабочих, чтобы не дать им поступить в известные мастерские или же откажется работать вместе с ними, равно как тем, которые будут присутствовать на недозволенных собраниях и принимать или вносить деньги на их организацию⁴. Ко всем этим преступлениям, прямо предусмотренным в законе, надо прибавить еще все те, которые в уме зложелательных судей охватывались расплывчатым и страшным термином «коалиция»: «Отныне,—

¹ Он был внесен 17 июня 1795 г. и уже 12 июля опубликован.

² A full and accurate report of the proceedings of the petitioners against the combination laws, by one of the petitioners, Londres, 1800.

³ 39 Geo. III, с. 81. Вот введение в него: «Принимая во внимание, что большое число рабочих и поденщиков в разных частях этого королевства пыталось с помощью незаконных собраний и коалиций добиться повышения заработной платы и преследовать осуществление других незаконных целей и принимая во внимание, что существующие законы против этих недозволенных действий были признаны недостаточными для того, чтобы положить им конец, стало необходимым принять более энергичные меры, чтобы предупредить образование упомянутых коалиций, обрушивая на виновных быструю и примерную кару». Аналогичный закон был издан для Ирландии в 1803 г. (43 Geo. III, с. 86).

⁴ Позже эти кары были сочтены недостаточными. Тогда против рабочих пустили в ход закон 1797 г. (17 Geo. III, с. 123), имевший в виду, собственно, мятежные заговоры (он был вотирован во время мятежа во флоте). На основании этого закона был вынесен в 1834 г., через 10 лет после отмены закона 1797 г., знаменитый приговор, осудивший на ссылку в каторжную колонию шесть дорчестерских поденщиков.

писали ливерпульские рабочие в своей петиции парламенту, — ни один рабочий не может иметь с другим рабочим малейшей беседы о профессиональном вопросе, не подвергаясь опасности судебного преследования»¹. Пристрастный характер закона окончательно завершал содержащееся в нем постановление, что обвиняемые предаются не суду присяжных, а мировому суду; мировые же судьи выбирались всегда из среды предпринимателей и землевладельцев и, следовательно, были заинтересованы сами в тех делах, которые отдавались на их решение². Рабочие чрезвычайно взволновались, когда увидели, какой удар наносится их зарождающимся организациям³. Но жалобы их не были услышаны. Единственной серьезной поправкой к закону было добавление в 1800 г. нескольких статей, указывавших случаи, когда мировые судьи должны вмешаться в конфликт — по жалобе ли рабочего или предпринимателя⁴.

Последовавшая четверть века оставила по себе в истории тред-юнионизма память, как эра гонений: то была полуполюгендарная эпоха тайных принятий в члены союза и ночных собраний, протоколы которых для грядущей безопасности зарывались в местах, известных одним только посвященным⁵. Действительно, обвинительные приговоры были часты и суровы: «Законы против коалиций, — писал Френсис Плэс, — считались абсолютно необходимыми, чтобы поставить преграду пагубным претензиям рабочих, которые, если бы не навели в этом отношении доброго порядка, совершенно разорили бы британскую торговлю, промышленность и земледелие... Власть этой ложной идеи была так велика, что когда людей преследовали судом за то, что они пытались объединиться в целях урегулирования высоты их заработной платы или продолжительности их труда, то, как бы суров ни был выносимый приговор и как бы безжалостно он ни приводился в исполнение, никто не проявлял ни малейшего чувства сострадания к этим несчастным. Всякое соображение о справедливости исчезало: их защита редко выслушивалась судьей, а если и выслушивалась, то всегда нетерпеливо и с оскорбительными замечаниями... Если бы была возможность дать точный отчет о допросах и судебных прениях в четвертных сессиях и перед судом Королевской скамьи с их чудовищной пристрастностью, их грубой бранью и ужасными приговорами, выносимыми и действительно приводимыми в исполнение, то никто не захотел бы поверить ему; но факты удостоверены стоящими вне спора свидетельствами...»⁶. Тем не менее полностью помешать

¹ Петиция поденщиков, рабочих и ремесленников Ливерпуля, Journ. of the House of Commons, LV, 646.

² «По этому закону петиционеры лишены своего права быть судимыми судом присяжных в соответствии с обычаем своей страны; их направляют к мировому судье, который чаще всего участвует в делах и назначение которого судьей во всяком случае зависит от хозяев». Ibidem.

³ См. многочисленные петиции, представленные в 1800 г. в палату общин, Ibidem, 648, 665, 672, 706, 712, etc.

⁴ 39—40 Geo. III, с. 106.

⁵ Webb, Hist. of Trade Unionism, p. 56 и сл. и Webb MSS, General History, II, Laws relating to Trade Unions.

⁶ Francis Place, On combination laws, у Вебба, *ouvr. cité*, p. 65. В одном отчете 1804 г. мы уже находим критику этого несправедливого порядка: «Муд-

деятельности коалиций, не только временных, но даже постоянных, явившихся началом тред-юнионов, или совершенно уничтожить их оказалось невозможным. Гонение, очень несистематичное, не задело многих из них. Чтобы привести в движение судебный аппарат, требовалась чья-нибудь жалоба, которая часто отсутствовала. Некоторые коалиции находились даже в открытых и мирных сношениях с предпринимателями¹. Другие могли, если бы кто-либо стал угрожать им, призвать в свою защиту покровительство закона: они ограничивались, по крайней мере в принципе, использованием права подачи петиций в парламент и обращения за защитой к судам²,— права, принадлежавшего всякому английскому подданному. Третьи, наконец, вынужденные к большей маскировке, принимали безобидный вид обществ взаимопомощи³. Таким именно образом продолжали существовать и развиваться ассоциации бумагопрядильщиков, старейшие из которых, ольдгемская и стокпортская, основанные в 1792 г., с самого начала носили характер «благотворительных клубов», выдававших пособия в случае безработицы или болезни⁴. Свою дей-

рость и человечность парламента отказались бы санкционировать закон против коалиций, если бы им показалось возможным, что этот закон действует исключительно на пользу сильным против слабых, имея тенденцию обеспечить безнаказанность угнетателей и дать несправедливое преимущество хозяевам, могущим создавать коалиции без боязни быть обнаруженными... Невозможно, чтобы законодатель хотел вредить человеку, единственное желание которого—жить своим трудом». Report on the petition presented by the journeymen callico-printers (1804), p. 7.

¹ См. примеры, приведенные Веббом, p. 66 и сл.

² К этой категории следует причислить большое Общество хлопкоткачей, о котором мы говорили выше.

³ Эти общества, поощряемые законом 1793 г. (33 Geo III, c. 54) и уже весьма многочисленные, чаще всего возникали среди людей одной и той же профессии. См. *Eden, State of the poor*, I, 600 и сл.

⁴ *Webb MSS, Textiles, III, Oldham Spinners* и Fifth Report from the select committee on artizans and machinery, p. 410. Мы не знаем, почему Вебб относит основание Стокпортского общества к 1786 г. (*Hist. of Trade Unionism*, p. 35). Некоторые из этих обществ должны были, по крайней мере вначале, замкнуться в рамках своих функций взаимопомощи. См. устав Дружеского общества хлопкопрядильщиков Манчестера (1795 г.), ст. 25: «Если одно или несколько лиц, принадлежащих к названному обществу, нападут на хозяина или на надсмотрщика или оскорбят одного из них или преднамеренно повредят что-либо в их домах, зданиях или имениях, под каким бы то ни было предлогом, или образуют коалицию, чтобы вопреки закону поднять свою заработную плату, или примут участие в беспорядках, способных нарушить общественное спокойствие, или не подчинятся увещанию или какому-либо приказу судей графства... это лицо или эти лица будут исключены из членов общества и потеряют всякое право на преимущества, единственное назначение которых—поощрять трезвость, труд и доброе поведение». Articles, rules and regulations made and to be observed by and between the members of the Friendly associated cotton-spinners, p. 15.—Подозрения, объектом которых вскоре стали общества взаимопомощи, отчетливо сформулированы в *Observations on the cotton-weavers' act* (1804), p. 15—16: «Не могу не отметить несчастные последствия развития в промышленных округах обществ взаимопомощи после того поощрения, которое дал им закон мистера Розе. Обстоятельства показывают, как наилучшие намерения могут быть отклонены от их цели. Вместо того чтобы увеличивать благосостояние своих членов или улучшать их поведение, эти общества стали очагами недовольства и интриг... Под прикрытием названий, которыми они маскируются, и номинальных регламентов, которые они выставляют напоказ, рабочие объединяются по цехам

ствительную силу они показали во время большой стачки 1810 г. в Манчестере, в которой приняли участие тысячи рабочих; раздаваемые забастовщикам суммы доходили тогда до 1 500 ф. ст. в неделю¹.

Ланкаширские бумагопрядильщики были рабочими крупной промышленности. Как таковые, они встречали особые трудности для организации—трудности, встречаемые еще в настоящее время поденщиками и чернорабочими. В большинстве случаев новички в своем промысле, без взаимной сплоченности, без общей традиции, лишены возможности импонировать своим техническим умением и оказывать сопротивление губительной конкуренции женщин и детей, они находились в наихудших условиях, чтобы выдержать борьбу с капиталистическими предпринимателями: «Их эфемерные коалиции, их частые забастовки были не более как отчаянными попытками поддержать свою заработную плату на такой высоте, которая позволяла бы им прожить в обрез; внезапные вспышки, отмеченные разрушением машин и всякого рода насилиями, чередовались с периодом униженной покорности и слепой взаимной конкуренции...»². Тем не менее они начали ковать оружие для будущей борьбы.

II

Одною из целей, которую с наибольшим упорством преследовали рабочие, объединявшиеся в коалиции, одним из средств, которое они считали наиболее пригодным для улучшения своего положения, было сохранение или расширение старых регламентов³. Тем более понятно, что когда им запретили объединяться для защиты своих коллективных интересов, то они апеллировали к реальной или призрачной защите, которую эти регламенты давали им против экономического угнетения.

Регламенты были двоякого происхождения. Одни имели государственный характер и вытекали из закона о ремесленниках (*Statute of Artificers*) 1563 г.—настоящего кодекса труда, где были резюмированы предписания муниципалитетов и гильдий, и вместе с которым сохранилась до самого порога нашей эпохи экономическая система

и поддерживают соглашения со своими товарищами. Их взносы часто были достаточно значительны, чтобы удовлетворить потребности известного числа их, начинавших по сигналу забастовку против своих хозяев. Если хозяин оказывался упрямым и отказывался пойти на уступки, его рабочие возвращались на работу, и стачку начинала другая партия рабочих. И так они действовали до тех пор, пока не добивались своего. Эти интриги в течение нескольких последних лет тянулись почти непрерывно. Редко когда в одной или другой отрасли промышленности не происходит такой интриги, и они почти всегда удаются. Однако так трудно доказать это, что, несмотря на частые жалобы, обвинительных приговоров очень немного».

¹ *Webb MSS, Textiles, I.*

² *Webb, Hist. of Trade Unionism, p. 78.*

³ По Brentano, большинство рабочих ассоциаций в XVIII в. были основаны с единственной целью «поддержать существующую регламентацию промышленности, основанную на законе и обычае». Когда государство перестало поддерживать порядок, они заменили его. *L. Brentano, Gilds and Trade Unions, p. CLXXVII.*

средних веков¹. Другие были регламентами корпораций, относившимися только к известным городам и ремеслам, где они имели обязательную силу. Те и другие составляли одно целое с предписаниями, касавшимися промышленной техники, и с одновременно благотворительным и тираническим институтом общественного призрения бедных. Все вместе они составляли характерный памятник многовекового законодательства. В середине XVIII в. этот памятник, хотя и обветшавший и с проломами во многих местах, продолжал еще стоять; вследствие натиска новых интересов, еще больше чем вследствие натиска новых идей, он рухнул вскоре со всех сторон, и рабочие тщетно пытались поднять его развалины.

Пунктами, на которые направлялись главные их усилия, были правила об ученичестве и о законодательном установлении заработной платы². По закону 1563 г. никто не вправе был заниматься ремеслом в Англии, если не проделал 7-летнего ученичества, согласно надлежащим образом составленному договору (*indenture*), определявшему взаимные права и обязанности мастера и ученика³. Сверх того, число учеников было ограничено или, по крайней мере, между ним и числом взрослых рабочих должно было соблюдаться известное соот-

¹ Прекрасные страницы о Statute of Artificers (5 Eliz., с. 4) находим у *W. Cunningham, Growth of English industry and commerce*, II, 27—43.

² Не станем возвращаться к попыткам возродить запретительные законы XVI в. против машин. См. выше, стр. 347.

³ 5 Eliz., с. 4, art. 31. В качестве примера приводим текст договора об ученичестве Дж. Веджвуда (читатель обратит внимание, что в данном случае он заключен не на 7-летний, а на 5-летний срок): «Настоящий договор, заключенный 11 ноября 1744 г. (на 17-м году царствования и т. д.) между Джосией Веджвудом, сыном Мэри Веджвуд, с одной стороны, и Томасом Веджвудом, с другой, удостоверяет, что названный Джосия Веджвуд, по своей доброй воле и согласию, с одобрения и по совету своей матери, вступает как ученик на службу к Томасу Веджвуду, у которого он будет жить и работать постоянно, от вышеписанного числа и до полного истечения 5-летнего срока. В продолжение указываемого срока названный ученик должен будет слушаться своего хозяина и верно служить ему, беречь его секреты, ревностно исполнять при всех обстоятельствах его законные приказания; он будет воздерживаться от совершения всякого поступка, который мог бы повредить его хозяину, и не допустит такого поступка со стороны других лиц, но немедленно предупредит об этом своего хозяина, поскольку это будет в его силах; он не будет расхищать или портить товары, принадлежащие его хозяину; он не будет играть в карты, в кости и другие недозволенные игры; он не будет посещать трактиры и кабаки; он не будет прелюбодействовать; он не вступит в брак. Он не бросит в какой бы то ни было момент службу у своего хозяина и не будет отлучаться без его разрешения; во всем он будет вести себя по отношению к хозяину и членам его семьи как добрый и верный ученик. В свою очередь, названный хозяин будет обучать своего ученика искусству делать и украшать посуду, которым он в настоящее время занимается, и всему, что относится к этому делу; он даст своему ученику возможно лучшее школьное образование, либо сам, либо поручив это другому; он должен будет также обеспечить его в течение указанного срока пищей и напитками, бельем, помещением, всякого рода одеждой, из шерсти и полотна, и всем необходимым здоровому и больному человеку,—так, как это приличествует ремесленному ученику. Чтобы гарантировать точное выполнение всех этих условий, принятых обеими сторонами, нижеподписавшиеся взаимно связывают себя настоящим актом, во имя чего и обмениваются своими подписями и печатями вышеуказанного числа и года». Опубликовано *E. Meteyard, Life of Josiah Wedgwood*, I, 222—223.

ношение¹. Эти предписания гармонировали с традициями ремесленников, гордых своим профессиональным искусством и устроившихся в своих ремеслах, как в собственных владениях. Желая воздвигнуть вокруг них ограду, они старались пойти еще дальше требований закона. Ножевщики Галламшира не разрешали мастеру иметь больше одного ученика зараз, разве если второй ученик был его сыном². Учеников, родители которых не принадлежали к промыслу, почти везде заставляли платить вступительные взносы, подчас довольно высокие³. Дело шло не столько об обеспечении хороших кадров для данного ремесла, сколько о том, чтобы гарантировать его членам своего рода наследственную монополию.

Ясно, какой интерес могли иметь хозяева в упразднении этих правил, как только они сами переставали принадлежать к ремесленному классу. Если бы правила применялись во всей своей строгости, то они чрезвычайно задержали бы подъем промышленности, и мы действительно видим, что они постоянно нарушаются. Жалобы по этому поводу начинают раздаваться уже очень рано: в 1716 г. ткачи Кольчестера изобличают проделки производителей, принимающих слишком много учеников, в 1728 г. глостерские ткачи протестуют против набора рабочих, не прошедших законного ученического стажа⁴. Иногда хозяева, чтобы раз навсегда положить конец всяким жалобам, решали просить у парламента о формальной отмене стеснявших их предписаний: так поступили, в частности, шляпники, красильщики, набойщики ситцев. Эти последние сами признавались, что среди персонала их мастерских прошедшие ученичество составляют едва одну десятую, и вот как они объяснили причину этого факта: «Наше ремесло не требует, чтобы все занимаемые в нем рабочие готовились к нему с детства: для дела достаточны простые подручные»⁵. Применение должно было сообщить вскоре этому аргументу особую силу.

Довольно интересно наблюдать позицию, занятую парламентом ввиду этих противоположных ходатайств. Он ничуть не думал отказываться от своего права контроля над промышленностью: доказательством может служить закон 1768 г. о заработной плате и продолжительности рабочего дня рабочих портняжного промысла⁶, затем — Спиталфильдский акт 1773 г.⁷ Парламент не находился еще под влиянием новых экономических учений, члены его не читали еще Адама Смита, и по понятной причине⁸. В 1753 г., за 23 года до появления

¹ 5 Eliz., с. 4, art. 33. «Производители сукон, валяльщики, стригальщики тканей, ткачи, портные, сапожники будут иметь по крайней мере 1 рабочего на 3 учеников». Предел этот, впрочем, очень широк.

² Хартия галламширских ножовщиков, 21 James I, с. 31.

³ От 5 до 20 ф. ст., по данным Вебба в Hist. of Trade Unionism, p. 75, note 1.

⁴ Journ. of the House of Commons, XVIII, 171 и XXI, 153. См. также петиции 1742 г., XXIV, 117 и 124.

⁵ Ibidem, XXXVI, 194. Встречная петиция рабочих, p. 283. Хозяева выиграли дело благодаря законам 17 Geo. III, с. 33 и 17 Geo. III, с. 55 (1777).

⁶ 8 Geo. III, с. 17. Этот закон возобновлял и исправлял постановления закона 1721 г. (7 Geo. I, st. 1, с. 13). См. текст у F. W. Galton, The tailoring trade, p. XLIII, 16—22, 60—63.

⁷ 13 Geo. III, с. 68. См. ч. 1-я, гл. I, стр. 53—54.

⁸ См. критику традиционного ученичества в Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, p. 55 (изд. Mac Culloch).

в свет «Опыта о природе и причинах богатства народов», парламент отменил устав Общества чулочно-вязальщиков, «как противный разуму и посягающий на свободу английских подданных»¹. Тенденция к политике невмешательства проявилась постепенно и в частных случаях, раньше чем выступить при ярком свете дня и оправдать себя общей теорией. Она гармонировала не только с интересом хозяев, но и со столь же очевидным интересом растущей промышленности.

Промышленная революция должна была нанести вскоре решительный удар правилам об ученичестве и в то же время создать для рабочих новые мотивы, чтобы крепко держаться за них. Усовершенствование оборудования и прогресс разделения труда делали все более ненужным продолжительное профессиональное обучение. Между тем число учеников в текстильных промыслах, в особенности же в хлопчатобумажной промышленности, не переставало возрастать. Прядильни были полны ими. У ситцепечатников они часто были так же многочисленны, как рабочие, а иногда их было даже гораздо больше. Около 1800 г. приводили пример некоторых мастерских, где на 2 рабочих приходилось до 55 и 60 учеников². Заслуживали ли они действительно своего названия учеников? На самом деле это были подростки, возраст которых служил предлогом для того, чтобы платить им возможно меньше и подчинять их грубой дисциплине. Часто их нанимали без договоров, или же хозяин, хотя и считая их прикрепленными, оставлял за собою, однако, право в любой момент рассчитать их. Иногда, наоборот, он оставлял их у себя на 8 или 10 лет вместо 7³. В продолжение всего этого времени они зарабатывали от 3½ до 7 шилл. в неделю, тогда как плата взрослых рабочих составляла 25 шилл. и больше. Последние, естественно, склонны были видеть в этом одну из причин, быть может, даже главную причину своей частой безработицы: это множество учеников вытесняло их из мастерской⁴. Что касается самих учеников, то их положение, когда они достигали совершеннолетия, было в высшей степени критическим: они, в свою очередь, оказывались безработными, если не соглашались продолжить на 5 или 7 лет свое обязательство на тех условиях, которые хозяин заблагорассудит предписать им⁵.

Не без основания поэтому рабочие ситценабивных предприятий стали волноваться в 1803 и 1804 гг., чтобы добиться закона, который реорганизовал бы в их промышленности систему ученичества и ограничил бы число учеников. Им удалось вызвать парламентское обследование и они истратили более тысячи фунтов стерлингов, собранных

¹ Journ. of the House of Commons, XXVI, 593, 764, 779, 788. См. *J. Felkin*, *Hist. of the machine-wrought hosiery and lace manufacture*, p. 80 и сл. и *A. Held*, *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*, p. 486—488.

² Report from the committee to whom the petition of several journeymen callico-printers, etc., was referred (1804), p. 3.

³ Ibidem, p. 4.

⁴ «Петиционеры вст уже несколько лет вынуждены сильно страдать от безработицы, вызванной не застоєм в делах их отрасли промышленности, но чрезмерным избытком рабочих рук». Петиция ситцепечатников, Journ. of the House of Commons, LVIII, 180.

⁵ См. речь лорда Кинг в палате лордов 27 мая 1805 г., *Parliamentary Debates*, V, 118 и речь П. Мура в палате общин 30 мая. Ibidem, 147—148.

по одному пенни во всей Великобритании, чтобы доставить в комиссию по обследованию своих свидетелей¹. Шеридан поднял свой красноречивый голос в защиту «этих бедных людей, взявших на себя такие жертвы, чтобы искать покровительства закона», и против их угнетателей, «группы чудовищно богатых людей, богатство которых извлекается из их труда»². После долгих проволочек был внесен билль, принятие которого удовлетворило бы рабочих. Однако, несмотря на новое и энергичное заступничество Шеридана³, билль не пошел дальше второго чтения. Палата общин присоединилась к мнению сэра Роберта Пиля, являвшегося как бы естественным представителем промышленников; она полагала, что служит, таким образом, делу промышленного прогресса против невежества и рутины.

Столь же мало удачи имели ткачи шерстяных материй, когда они попытались не то что добиться издания новых правил в желательном им духе, но просто соблюдения закона 1563 г. об ученичестве. Они начали с того, что возбудили судебное преследование против «нелегальных» ткачей и их хозяев. Суконщики парировали удар, потребовав полной отмены устарелого закона, который «создает препятствия для более широкого набора рабочих, затрудняет, таким образом, увеличение их числа и поддержание той субординации, от которой зависит самое существование промышленности»⁴. Некоторые фабриканты были выслушаны палатой: они единогласно заявили, что со времени изобретения самолетного челнока можно научиться ткацкому делу в один год и даже в несколько месяцев; что, сверх того, рабочие, прошедшие 7-летнее ученичество, составляют незначительное меньшинство. «Я очень затруднился бы сказать вам,—заявил один брадфордский фабрикант,—ткнут ли они лучше других, ибо я никогда не видел ни одного такого ткача»⁵. Эти объяснения побудили парламент приостановить действие «Статута о ремесленниках»⁶—мера, возобновлявшаяся из года в год, пока он не был окончательно отменен⁷.

Между тем движение, несмотря на испытанную неудачу, охватывало все рабочее население; там, где сохранилась мелкая промышленность, к нему присоединились, из ненависти к капиталистическим предприятиям, даже хозяева. Когда в 1813 и 1814 гг. была сделана последняя попытка в пользу старой системы ученичества, то петиции, поступившие из всех районов и от всех ремесленных цехов, со-

¹ См. Minutes of the evidence taken before the committee to whom the petition of several journeymen callico-printers... was referred (1804).

² Заседание 27 июня 1804 г., Parl. Debates, II, 858—859.

³ Заседание 23 апреля 1807 г., Parl. Debates, IX, 535—538.

⁴ Петиция промышленников Галифакса. Journ. of the House of Commons, LVIII, 380.

⁵ Ibidem, p. 392. John Lees из Галифакса утверждал, что «законные» ткачи не имеют недостатка в работе и что, напротив, имеется недостаток в рабочих руках: «За недостатком рабочих, большое число женщин употребляются на тканье и сортировке шерсти». См. показание сэра Роберта Пиля перед комиссией по обследованию 1806 г., Report from the committee on the state of the woollen manufacture, p. 440.

⁶ Законом 43 Geo. III, с. 136.

⁷ Для шерстяной промышленности—в 1809 г. (49 Geo. III, с. 109).

брали около 300 тыс. подписей¹. Большая парламентская комиссия, в которую вошли Геекиссон и Каннинг, не решалась высказаться, настолько представленные факты поколебали ее предвзятое мнение. Ее председатель, м-р Роз, заявил, что он переубежден и присоединяется к тезису рабочих. Но на этот раз интерес промышленников нашел опору в идее экономической свободы, возведенной мало-помалу на высоту догмата. В 1814 г. предписания закона 1563 г., касающиеся ученичества, были отменены во имя «здоровых принципов коммерции», которых царствование Елизаветы, «хотя и славное», еще не знало².

III

Годом раньше исчезла другая статья того же закона, уполномочивавшая мировых судей определять ставки заработной платы³. Среди многообразных компетенций этих судей, бывших по преимуществу проводниками системы вмешательства, указанное полномочие не было наименее интересным, и сверх того в литературе оно хорошо изучено⁴. Надо ли признать вместе с Кеннингемом, что в начале XIX в. оно фактически перестало существовать и представляло только «юридический паритет»⁵. Совершенно верно, что установление заработной платы (*assessment of wages*) путем прямого применения закона Елизаветы давно прекратилось⁶. Но более поздние статуты, оставшиеся в силе в тех промыслах, для которых они были специально изданы, поддерживали традицию вмешательства. Миддлсекские мировые судьи и муниципальные власти Лондона продолжали устанавливать заработную плату ткачей шелка на основании Спиталфильд-

¹ Parl. Debates, XXVII, 574.

² См. прения в палате общин, Parl. Debates, XXVII, 503 и сл. и акт об отмене, 54 Geo. III, с. 96.

³ 5 Eliz., с. 4, art. 15. Впервые это полномочие было предоставлено им в 1389 г. (13 Rich. II, с. 8): «Так как невозможно знать заранее цену зерна и других жизненных припасов, то мировые судьи должны будут в Михайлов день и на пасхе объявлять, в зависимости от высоты цен на жизненные припасы, сколько должен получать в день каменщик, плотник и всякий другой рабочий или поденщик, во время жатвы и в другие времена года, с харчами и напитками или без них». Таким образом, закон, вместо того чтобы прямо и навсегда установить высоту заработной платы, как это пытались делать раньше наперекор экономической необходимости, учредил власть, обязанную регулировать ставки через правильные промежутки времени и в зависимости от обстоятельств. Напомним, что мировые судьи устанавливали также цену хлеба. См. *A. Held*, *ouvr. cité*, и *S. и B. Webb*, *The assize of bread*, *Economic Review*, XIV, 196 и сл. (1904).

⁴ См. о происхождении его статьи мисс Мак-Артур, *The Boker longyng to a justice of the peace and the assessment of wages* (*English Historical Review*, IX, 1894), *A fifteenth century assessment of wages* (*Ibidem*, XIII, 1898), *The regulation of wages in the XVIth century* (*Ibidem*, XVI, 1900). Для позднейшего периода—см. *W. Cunningham*, *A Shrewsbury assessment of wages* (*Economic Journal*, IV, 1894), *W. A. S. Hewins*, *English trade and finance, chiefly in the XVIIth century* и *The regulation of wages by the justices of the peace* (*Economic Journal*, VIII, 1898).

⁵ *W. Cunningham*, *Growth of English industry and commerce*, II, 43. Адам Смит в 1776 г. уже констатировал, что оно вышло из употребления (*Wealth of Nations*, p. 65).

⁶ Одним из последних известных примеров является *assessment* мировых судей Шропшира в 1782 г. См. *Economic Journal*, IV, 516.

ского акта, подтвержденного в 1792 г.¹ Плата лондонских и вестминстерских портных определялась одними лишь муниципальными властями—простая разница формы, не менявшая принципа. Принимая свою знаменитую резолюцию, спингамлендские судьи спешат первым делом заявить, что они ничуть не думают возродить регламентацию заработной платы. В этом отношении они выказали себя верными интересам своего класса и идеям своего времени. Но что такое, в сущности, составленная ими таблица, как не базис для регламентации обходным путем? Вместо того чтобы устанавливать заработную плату, определяли прожиточный минимум, который необходимо гарантировать поденщикам, и переносили на приходы то обязательство, которого не хотели возлагать на хозяев. Разве это не значило вдохновляться тем самым принципом, который хотели устранить?

При бедственном положении, переживаемом тогда народными массами, принцип этот нашел опять многочисленных сторонников. Что они создавали себе иллюзии насчет его благодеяний в прошлом, это весьма вероятно, ибо не подлежит сомнению, что в былые времена им пользовались чаще против рабочих, чем в их пользу². Те, которые требовали законодательного установления заработной платы, понимали под этим определение минимума, гарантируемого законом и изменяющегося вместе с ценами жизненных припасов. Идея получила особенное распространение в сельских округах, жестоко страдавших от кризиса, который переживала тогда страна³. Как мы видели выше, она послужила основанием для зачатков организации среди земледельческих рабочих⁴. По этому поводу Артур Юнг открыл в своих «Annals of Agriculture» анкету; как и следовало ожидать, его корреспонденты, бывшие либо землевладельцами, либо фермерами, отнеслись в общем враждебно к мере, которую они считали направленной против их свободы⁵. Вопрос был поставлен перед парламентом, но билль, внесенный в 1796 г. Самюэлем Уитбрэдом и поддержанный Фоксом, встретил живейшую оппозицию. Сам автор как бы извинялся в таком прегрешении против здоровой доктрины, оправдать которое

¹ 32 Geo. III, с. 44. Этот закон распространял установленный в 1773 г. способ определения заработной платы на шелкоткацкую промышленность.

² «Я утверждаю, что с 1563 до 1824 г. существовал постоянный заговор, придуманный законом и проводимый теми, кому его успех должен был пойти на пользу,—заговор, имевший целью украсть у английского рабочего часть его заработной платы, прикрепить его к земле, отнять у него самую надежду на лучшее будущее и заставить его опуститься до положения безнадежного пауп ра. Английский закон и те, кто был уполномочен применять его, ставили себе задачей свести рабочего на самый жалкий паек и подавить силою всякое выражение или всякий организованный акт недовольства...». *Thorold Rogers, Six centuries of work and wages*, p. 398. Здесь заключается, быть может, некоторое преувеличение. Более недавние работы показали, что решения мировых судей не всегда были неблагоприятны для рабочих. См. *Leon rd. The relief of the poor by the State regulation of wages* в «English Hist. Review», XIII (1898).

³ *David Davies, The case of the labourer in husbandry (1795)*, p. 105—106.

⁴ См. выше, стр. 386—387.

⁵ См. *Annals of Agriculture*, t. XXV.

могут-де только исключительные обстоятельства¹. Тщетно Фокс требовал, чтобы бедным дали возможность зарабатывать себе средства к жизни, не прибегая к общественной благотворительности. Питт высказался от имени правительства против билля, который и был отвергнут. Несколько лет спустя Уитбрэд возобновил свою попытку, но со столь же малым успехом². Ко всем соображениям, которые могли иметься у имущих классов, чтобы воспротивиться искусственному поднятию заработной платы, прибавлялся еще страх, как бы это не усилило косвенно дороговизну и против действительного недуга не было пущено, таким образом, в ход призрачное средство³.

Но это еще не был конец. Благодаря курьезной превратности судьбы, системе, брошенной и осужденной во имя учения, приобретавшего с каждым днем все более абсолютное признание, — этой системе предстояло вскоре получить новое и важное применение. Ткачи хлопчатобумажных изделий, у которых шла непрерывная распря с фабрикантами из-за заработной платы, не перестававшей падать с 1792 г., и которым мешал в их попытках сопротивления закон о коалициях, обратились в 1800 г. к парламенту с просьбой притти им на помощь. Они просили установления какого-нибудь скорого и дешевого третейского суда для разбирательства споров, ежеминутно возникавших между рабочими и хозяевами, «и для установления от времени до времени и сообразно обстоятельствам цены рабочих рук»⁴. Некоторые предприниматели, желая положить конец вечным пререканиям, поддерживали это ходатайство; быть может, это обстоятельство и побудило палату рассмотреть его, невзирая на прецеденты.

В действительности ходатайство преследовало две отличные друг от друга цели, которые рабочие имели, однако, интерес смешивать: с одной стороны, улаживание индивидуальных споров по поводу выполнения рабочего договора, с другой — более решительный способ вмешательства, который мог бы изменить самые статьи этого договора. Свидетельские показания, представленные бумаготкачами в подтверждение своей петиции, выяснили злоупотребления, от которых они страдали. «Часто бывает следующее: хозяин дает вам соткать известное количество материи, допустим, 5 или 6 кусков; он условливается с вами о цене, когда вы уносите работу. Эту цену он, может быть, уплатит вам за первый кусок, но за другие он заставит вас согласить-

¹ «Я знаю не хуже всякого другого, насколько желательно воздерживаться в таком деле от всякого законодательного вмешательства: цена труда, как и всякого другого товара, должна была бы быть предоставлена собственным естественным колебаниям». *Parl. History*, p., XXXII, 703.

² *Ibidem*, XXXIV, 1426—1436. Изданный незадолго перед тем закон против коалиций дал Уитбрэду весьма приемлемый аргумент в пользу установления минимума заработной платы.

³ Указывали также, что обязательный минимум заработной платы может иметь своим последствием лишение работы посредственных рабочих. См. петицию судей Чешира, *Journ. of the House of Commons*, LI, 383.

⁴ Петиция хлопкоткачей графств Честер, Йорк, Ланкастер и Дерби. *Journ. of the House of Commons*, LV, 202 (5 марта 1800). Эта петиция и другие, составленные в тех же выражениях, собрали более 23 тыс. подписей. *Webb MSS*, Textiles, IV, 1.

ся на бóльшую или меньшую сбавку»¹. Рабочие всегда имели право обратиться в подобных случаях к мировому судье, и для этого не было нужды в особом законе². Но они жаловались на некомпетентность судей в очень специальных часто вопросах, подлежащих их рассмотрению, на волокиту, с которой была сопряжена апелляция в четвертные сессии³, — волокиту, которая часто истощала терпение и ресурсы бедных жалобщиков. В особенности они хотели бы, чтобы трибунал, компетенции которого они будут подлежать, не ограничивался рассмотрением жалоб отдельных рабочих, а мог также высказываться об их коллективных требованиях; чтобы он был облечен властью требовать не только уплаты следуемого рабочим вознаграждения, но и увеличения недостаточной оплаты; чтобы он был, одним словом, облечен полномочиями, которые закон предоставил мировым судьям, но которых последние не хотели осуществлять.

Момент для представления таких ходатайств был выбран как будто неудачно — билль Уитбрэда был незадолго перед этим вторично отвергнут. Питт, все более и более переходивший на сторону учения экономистов, был принципиальным противником всякого государственного вмешательства. Но он понял, что надо все-таки что-нибудь сделать для удовлетворения жалоб, вполне обоснованных и поступавших не от одних только рабочих. Закон о третейском разбирательстве 1800 г. отмечает тот крайний предел, дальше которого он не хотел идти⁴. Отныне всякий спор, касающийся заработной платы, вознаграждения за добавочные расходы рабочего, сдачи или качества товаров; должен был отдаваться на рассмотрение двух третейских судей, указываемых каждою из спорящих сторон. Если арбитры не могли столкнуться, чтобы в течение трех дней вынести решение, то их должен был рассудить мировой судья, который ни в коем случае не мог, однако, быть промышленником или лицом, заинтересованным в промышленности. Третейское разбирательство было обязательно:

¹ Обследование в связи с петицией хлопкоткачей. Journ. of the House of Commons, LV, 487. См. также р. 489 и 493 (вычет на расходы по оборудованию. произвольное увеличение длины кусков, etc.).

² Закон 1747 г. (28 Geo. II, с. 19) уполномочивал мировых судей издавать приказы об уплате причитающегося рабочему вознаграждения до суммы в 10 ф. ст. и налагать для этой цели арест на имущество хозяина. Это кажется очень справедливым, однако, тот же закон содержит менее либеральные предписания. Так, рабочий или ученик, обвиняемый хозяином в дурном поведении или непослушании (miscarriage, ill-behaviour), мог быть присужден судьей к месяцу принудительных работ. Напротив, если он имел основание жаловаться на дурное обращение со стороны хозяина или отказ в харчах, то судья мог только расторгнуть его обязательство, не налагая никакого наказания на хозяина.

³ Journ. of the House of Commons, LV, 488 и 492 и Report on the cotton weavers' petition, p. 9 и сл.

⁴ См. по этому вопросу показание промышленника Р. Нидгема из Больтона: «В 1800 г. мы просили у парламента регламентации заработной платы по образцу Спиталфильдского акта. Мистер Питт, бывший тогда канцлером казначейства, поручил нашему поверенному посетить нас в Ланкашире и сказать, что если мы пожелаем отказаться от регламентации, он проведет для нас закон, который так же хорошо или даже лучше будет отвечать нашим желаниям. На собрании делегатов мы единодушно решили принять предложение мистера Питта, и он дал нам закон об арбитраже. 39—40 Geo. III, с. 90». Fifth report from the select committee on artizans and machinery (1824), p. 544.

если одна сторона отказывалась указать арбитра, то она подлежала штрафу в 10 ф. ст., который шел в пользу противной стороны. Если судить по внешности, то эти предписания могли вызвать мысль о самых недавних и самых смелых законодательных опытах. Слова «третейский суд» способствуют такой иллюзии. Но не следует обманываться на этот счет: третейское разбирательство, установленное законом 1800 г., мало походит на арбитраж, функционирующий теперь в Австралии и Новой Зеландии, а похож скорее на тот, который в более узкой сфере и с более скромной компетенцией осуществляют французские *conseils des prud'hommes* (промышленные суды). И это не было началом нового законодательства, а частичным и временным возобновлением системы, которая перестала фактически применяться и воскрешения которой было твердо решено не допускать.

Хотя этот закон не дал полного удовлетворения требованиям бумаготкачей, тем не менее они оказали ему хороший прием, как минимуму гарантий против экономического угнетения. О популярности его можно судить по усилиям, сделанным рабочими Пэйсли и Глазго, чтобы добиться издания аналогичного закона специально для Шотландии¹; желание это было удовлетворено в 1803 г.² Значительное число споров, отданных на третейское рассмотрение, получило быстрое разрешение, с незначительными при этом издержками³. Большинство решений было вынесено в пользу рабочих, жертв всяких непростительных надувательств и злоупотреблений властью⁴. Меньшие основания быть довольными имели фабриканты: закон, ограничивавший их всемогущество, стал им скоро ненавистен, и они не останавливались в выборе средств, чтобы избавиться от него. То они придумывали разные уловки, чтобы помешать его функционированию: обязанные указать арбитра, они тянули это дело, умышленно назначая лицо, от которого следовало ожидать отказа или которое жило на расстоянии 300 миль от места спора⁵; то они брали на себя задачу исправить сами действие произнесенных против них решений, отнимая у рабочих на следующий день все, что вынуждены были дать им днем раньше⁶. И так как при всем том они не имели возможности совершенно

¹ Как известно, Шотландия и Англия, хотя и имеют со времени акта об унии 1707 г. один парламент, продолжают, однако, управляться разными законами. См. петиции шотландских рабочих в *Journ. of the House of Commons*, LVII, 174, LVIII, 216. Петиции хозяев, просивших прямо противоположного, — *Ibidem*, LVIII, 236, 278.

² Текст представляет некоторые отличия от текста английского закона. Арбитры назначались не сторонами, а судьей, принимавшим жалобу. 43 Geo. III, с. 151.

³ Издержки не превышали 1 шилл. на одно дело. *Minutes of evidence on the cotton weavers' petition* (1803), p. 11.

⁴ *Ibidem*, p. 3 и 91.

⁵ *Parliamentary Debates*, I, 1081.

⁶ «Знаете ли вы случай, когда бы после передачи спора на третейское разбирательство в согласии с законом и после решения спора в пользу рабочего хозяин выразил намерение вознаградить себя за счет заработной платы за будущую работу?—Да, я могу привести один пример этого... Мистер Джошуа Крук из Больтона хотел уменьшить заработную плату одного рабочего, вопреки соглашению, на 3 шилл. на каждых 25 ярдах; ткач не согласился на эту сбавку и потребовал третейского разбирательства. Арбитры не могли притти к соглашению. Дело было передано тогда на рассмотрение мирового судьи—полковника Флет-

уклониться от действия закона об арбитраже, то они повели кампанию за его отмену¹.

Умонастроение их весьма точно отражается в памфлете, вышедшем в 1804 г. в Манчестере под заглавием «Observations on the cotton weavers' Act». Все аргументы, на которые опирается в настоящее время оппозиция против законодательства об охране труда, предвосхищены здесь и защищаются с необычайной страстностью. Вот, прежде всего, хорошо знакомые нам фразы о коноводах, которые поддерживают, мол, среди рабочих искусственную агитацию: «Все дело было подготовлено с самого начала кучкой недовольных, людьми сомнительной репутации, которые созывали митинги, составляли порядки дня, устраивали тайные денежные сборы... Поведение их вдохновлялось принципами, весьма сходными с принципами якобинства. Что касается массы ткачей, то они оставались бы счастливыми и довольными, как они были раньше, не будь махинаций некоторых зачинщиков беспорядков»². А вот классическая теория свободы договоров: «Дозволять кому бы то ни было становиться между хозяином и рабочим при заключении ими договора,—это мало отвечает, конечно, общепризнанным идеям. Если они приходят к соглашению относительно цены, то рабочий становится на работу; если нет, то он так же волен искать другого хозяина, как хозяин—нанять другого рабочего. Или же, если он полагает, что может заработать больше другим родом труда, то ему достаточно переменить для этого занятие»³. Автор ни словом не заикается о том случае, когда хозяин не считает нужным выполнять взятые на себя обязательства. Но еще более недопустимым, чем самый принцип третейского суда, кажется ему признание за рабочими права назначать одного из своих в качестве арбитра. «Этим самым,—говорит он,—хозяин оказывается в зависимости и под контролем слуги⁴. Ничто не может претить в большей степени чувствам хозяина и ничто не противоречит в такой мере духу старых законов нашей страны, как учреждение подобного рода судов, состав которых вербуется из самых продувных представителей породы ткачей,—людей, умеющих, как успел уже показать опыт, устраиваться комфортабельно при помощи своего нового ремесла. Нельзя ожидать, чтобы люди солидные и почтенные соглашались заседать в качестве арбитров со стороны хозяев, раз они вынуждены при этом встречаться

вчера. Хозяин сказал полковнику Флетчеру, что он по-своему оплачивает своих рабочих, что он дает им что-нибудь или не дает ничего, как ему заблагорассудится, и что, если его заставят уплатить, он настолько же урежет заработную плату завтра». Minutes of evidence on the cotton weavers' petition, p. 23.

¹ См. петиции промышленников Манчестера, Больтона, Престона, Стокпорта в Journ. of the House of Commons, LVIII, 275—276, 316, 351.

² Observations on the cotton weavers' Act, p. 9—10.

³ Ibidem, p. 21. Более солидный аргумент заключался в том, чтобы показать, как регламентация может своими результатами обратиться против самих рабочих. В шелковой промышленности, где заработная плата была урегулирована, у хозяев не было иного способа сократить свои издержки, когда дела шли плохо, как уволить часть своего рабочего персонала. «Таким образом, хозяин выходит из затруднительного положения, а рабочий теряет свой хлеб».

⁴ Термины master (хозяин) и servant (слуга) были вычеркнуты и заменены в законе словами employer (предприниматель) и workman (рабочий) только в 1875 г. (38—39 Victoria, c. 90).

на равную ногу с этими пройдохами»¹. Обвинительная речь имеет, по крайней мере, заслугу откровенности.

При таком враждебном отношении к закону о третейском решении споров—отношении, разделявшемся самими судьями, обязанными наблюдать за его исполнением², закон осужден был стать мертвой буквой. Поправки, внесенные в него в 1804 г. и имевшие целью устранить возможность его систематического нарушения³, остались безрезультатными. Предложение декретировать минимум заработной платы было встречено как ересь⁴. Уставшие бороться и доведенные до крайности дороговизной жизненных припасов и частыми кризисами в их промышленности, ткачи стали апеллировать к закону 1563 г. Но им не поздоровилось от этого, так как парламент только и ждал случая, чтобы отменить его. Тщетно больтонские ткачи умоляли в своей петиции палату не лишать их этого последнего средства защиты: «Внесение билля об отмене указанного закона повергло петиционеров в величайшее уныние. У них не осталось больше никакой надежды: раз законы, изданные раньше в их защиту, становятся недействительными, ничто не защищает больше их единственного имущества, которым является их труд»⁵. Мера, которой они так боялись, была принята, не встретив ничьей оппозиции, кроме их собственной⁶. Так сошел со сцены один из характернейших институтов старого социального законодательства Англии. В Шотландии упразднение его подало повод к памятной борьбе. Ткачи добились здесь, после продолжительных и дорого стоивших им ходатайств, установления расценки сдельных работ, одобренного Эдинбургским высшим гражданским судом (Court of sessions). Но мировые судьи объявили, что этот

¹ Автор задает себе вопрос, что произойдет, если такой порядок распространится на другие профессии: «Насколько мне известно, никто еще не показал, на чем основаны особые претензии хлопкоткачей и почему плотники, кожевники, кузнецы и даже поденщики не имеют таких же прав на защиту с помощью закона. Почему тот, кто тклет кусок бумазеи или коленкора, должен пользоваться привилегией, которой не имеют те, кто прядет для них уток, белит, красит, набивает или изготавливает из них одежду? Почему ткач имеет большее право, нежели рабочий, делающий стулья или горшки, и почему отказывать нашим лакеям и поварам в праве обращаться к арбитрам, чтобы те устанавливали размеры их жалованья и условия их службы?»

² Очень часто мировые судьи по просьбе хозяев соглашались решать сами споры, которые по закону должны были отдаваться предварительно на рассмотрение арбитров. *Ibidem*, p. 8.

³ 44 Geo. III, c. 87. Вместо двух арбитров, выбираемых соответственно сторонами, их должно было быть впредь четыре (двое хозяев и двое рабочих), официально назначаемых мировыми судьями. Таким путем препятствовали умышленному назначению таких арбитров, которые не могли или не хотели заседать. Против этой поправки горячо восставали промышленники. См. *Parl. Debates*, I, 1172—1173 и II, 943.

⁴ См. *Reports from the committee on the cotton weavers' petitions, 1808 et 1809* и *Parl. Debates*, XI, 426 и сл.

⁵ Петиция ткачей Больтона, *Journ. of the House of Commons*, LXVIII, 229. Ср. выражения второго манифеста хлопкоткачей в 1799 г.: «Богатые рассчитывают на правительство, которое должно обеспечить им спокойное пользование их собственностью. Бедные имеют право на такую же защиту их собственности, каковой является справедливая плата за их труд». *W. Radcliffe, Origin of the new system of manufacture*, p. 77.

⁶ 53 Geo. III, c. 40 (1813).

расценок не обязателен, и хозяева отказались применять его. Выведенные из терпения, все рабочие текстильной промышленности забастовали: тысячи людей прекратили одновременно работу. Но стачка принадлежала к числу тех случаев, когда государственная власть не видела для себя ничего зазорного во вмешательстве в отношения между рабочими и хозяевами. Вместе с арестом и осуждением вождей сопротивление сразу же рухнуло¹. Это была последняя попытка возродить регулирование заработной платы.

Политика *laissez-faire* торжествовала. В судах, как и в законодательных собраниях, она не встречала больше противников. Вначале чисто эмпирическая и исполненная непоследовательности, она опиралась отныне на абсолютные формулы экономистов, в которых находила свое теоретическое оправдание, подобно тому как она находила свой *raison d'être* и свою практическую силу в интересах класса капиталистов. Теория и интерес, в союзе друг с другом, были неодолимы. Если же они приходили в столкновение между собой, то надо ли спрашивать, кто из них одерживал верх? Закон о коалициях выдает нам истинный смысл принципа экономической свободы, как его понимали тогда правящие классы. Вместе с тем начиналась уже, однако, работа другого двигателя, чем интерес, других принципов, чем принципы политической экономии, и в то время как старое здание средневековой регламентации рушилось, они закладывали начало нового рабочего законодательства.

IV

Развитие гуманитарных идей относится к актам совершенно иного порядка, чем те, которые мы подвергли изучению в настоящей книге. Но великие движения, направляющие материальную, моральную и умственную жизнь какой-нибудь эпохи, как бы различны они ни были по своей природе и своему происхождению, всегда смешиваются до некоторой степени или, по крайней мере, задевают друг друга, сталкиваются и в точках соприкосновения воздействуют друг на друга. Достаточно сопоставить некоторые даты, чтобы напомнить, среди каких событий и в какой атмосфере жили основатели современной крупной промышленности. В то время как Харгривс и Хайс изобретали прядильные машины, а Уатт овладевал колоссальной силой, скрытой в паре, Жан-Жак Руссо гостил в Вуттон-Холле у Дэвида Юма. Между тем моментом, когда Аркрайт основался как прядильный фабрикант в Ноттингеме, и моментом, когда он умер богатым и титулованным человеком, оставив своим наследникам княжеское состояние, разразились одна за другой американская и французская революции. Несколькими месяцами раньше него угас много проработавший на своем долгом веку апостол методистской церкви Джон Веслей, мощная проповедь которого также произвела великую бесшумную революцию.

¹ Second report from the committee on artizans and machinery (1824), p. 59. История этого конфликта была в общих чертах изложена Веббом в *Hist. of Trade Unionism*, p. 52.

Дух реформы, пробужденный в Англии философскими спорами и религиозной пропагандой, находит себе выражение одновременно в писаниях и в действиях. В области теории его смелость не имеет границ: Пэн выступает поборником эгалитарной демократии. Годвин и Спенс доходят до коммунизма и анархизма. На практике дух этот суживает свои честолюбивые стремления и приноравливает их к консервативным тенденциям английского общества: этический и сентиментальный, прежде всего, он сливается с филантропией. Человеколюбивые усилия Говарда смягчить участь заключенных в тюрьмах, страстные филиппики Борка против тирании и вымогательства Уоррена Гастингса, парламентские предложения Вильберфорса об уничтожении работорговли относятся к тем самым годам, когда в центральных и северных графствах появляются первые фабрики. В то же время основываются филантропические общества, вроде Общества борьбы с преступностью, Общества улучшения участи бедных классов, занимавшихся, правда, больше воспитанием, нежели благотворительностью. Влияние их идей уже проникает в законодательство. Оно способствует внесению большей гуманности в практику общественного призрения бедных путем отмены ненавистного *закона об оседлости*. С полной очевидностью оно сказывается в принятии закона 1788 г. о защите маленьких трубочистов от опасностей их ремесла и грубого обращения хозяев¹: дело, как бы созданное для того, чтобы тронуть «чувствительные сердца», которые во второй половине XVIII в. давали полную волю своим излипаниям в Англии, как и во Франции.

Что избранная часть промышленников испытала на себе это влияние, — это не подлежит сомнению. Среди них были люди с восприимчивым умом и возвышенным характером. Некоторые, как Больтон, Веджвуд, Вилькинсон, исповедывали в области политики и религии самые либеральные мнения; многие принадлежали к диссидентским сектам, особенно к секте квакеров, пуританское воспитание которых наложило на них свою неизгладимую печать. Разумеется, они принадлежали к своему классу и к своей эпохе: они не знали того, что было красноречиво названо в наши дни социальным угрызением совести, они ни минуты не сомневались в своем праве на богатство и властвование. Но среди мира грубых и черствых выскочек они составляли исключение сознанием своей обязанности оказывать благодеяния людям вообще и своим рабочим в частности. Иногда они даже возвышались до представления об особом, лежащем на них долге, исполнение которого давало удовлетворение столько же их гордости, сколько совести, — долге господина по отношению к своим слугам или сеньора к своим вассалам. Мы видели, как Больтон в Сохо и Веджвуд в Этрурии основывают кассы вспомоществования для больных рабочих, открывают диспансеры и школы². Ричард Рейнольдс, который во время недорода 1795 г. посылает бедным Лондона крупное пожертвование в 20 тыс. ф. ст., заботится в Кольбрукделе о благосостоянии своих многочисленных служащих и рабочих и сам руко-

¹ 28 Geo. III, с. 48. Закон этот остался, впрочем, только на бумаге, как это доказали несколько позднейших обследований.

² См. предшествующую главу, стр. 326—330.

водит «рабочими прогулками»¹. Ясно, что это только разрозненные и не имеющие большого значения факты, свидетельствующие скорее о доброй воле людей, совершивших их, нежели об их взглядах на способы улучшения участи трудящихся классов. Но они послужили отправной точкой для более систематических усилий: социализм Роберта Оуэна ведет свое начало от филантропии Давида Дэля.

Давид Дэль был нонконформистом, членом строгой секты индепендентов, притом членом весьма ревностным, произносившим каждое воскресенье проповеди в храме своей общины в Глазго². В то же время это был энергичный, толковый делец, сумевший основать и привести в цветущее состояние одно из крупнейших промышленных предприятий во всей Великобритании; его религия и практический ум нисколько не входили в столкновение друг с другом, и благотворительность находилась у него часто в союзе с интересом. Когда в 1784 г. он устроил у водопадов р. Клайд прядильню при содействии Аркрайта, настолько пораженного выгодами местоположения, что он предсказывал Нью-Ланарку будущность шотландского Манчестера³, — то главная трудность заключалась в приискании рабочих. Вся окрестная местность была слабо населена, и крестьяне, еще больше, чем в Англии, не поддававшиеся фабричной дисциплине, упорно отказывались идти на фабрику⁴. Чтобы привлечь их, Дэль возымел мысль создать рядом со своей прядильней образцовую деревню, дома которой, построенные по правильному плану, должны были сдаваться в наем по очень дешевой цене. Расчет удался: довольно большое число семейств, в особенности из бедных горных районов Шотландии, поселились в Нью-Ланарке. Вместе с тем Давид Дэль, следуя примеру других промышленников, обратился к приходам Эдинбурга и Глазго с предложением отдать ему в ученичество на фабрику несколько сот призреваемых детей. В 1792 г. деревня имела 2 тыс. жителей⁵. Выгоды, которыми они пользовались, делали честь щедрости владельца еще больше, чем его ловкости дельца. Они не только имели дешевое помещение, но по молчаливому уговору им было обеспечено постоянное занятие, и когда один из фабричных корпусов сгорел, то занятые в нем 250 рабочих продолжали получать свою обычную плату, пока продолжалась их вынужденная безработица⁶. Еще больше заслужи-

¹ S. Smiles, *Industrial biography*, p. 98.

² R. Dale Owen, *Threading my way*, p. 15.

³ F. Espinasse, *Lancashire worthies*, I, 450. Компания Аркрайта и Дэля окончилась после процесса 1785 г.

⁴ Нужно было собрать новое население, чтобы доставить рабочих нарождающемуся производству. Это не было легкой задачей: «все те из шотландских крестьян, кто мог прясть или ткать, с равным отвращением относились к мысли о ежедневной работе с раннего утра и до поздней ночи в стенах фабрики». Rob. Owen, *Second essay on the formation of character*, éd. de 1857, p. 276. «Оставалось только два способа добыть необходимые рабочие руки: один состоял в том, чтобы просить детей у различных благотворительных учреждений страны, а другой — в том, чтобы побудить семьи обосноваться вокруг фабрики». The life of Robert Owen, written by himself, p. 58.

⁵ Annual Register, 1792 (*Chronicle*, p. 27); R. Dale Owen, *ouvr. cité*, p. 12—13; D. Bremner, *The industries of Scotland*, p. 281.

⁶ Роберт Оуэн поступил точно так же во время американского эмбарго 1806 г. R. Dale Owen, *ouvr. cité*, p. 15.

вал похвалы порядок, примененный к ученикам, которых так отвратительно надрывали работой на других фабриках. Дэль абсолютно запретил своим мастерам оставлять детей в мастерских позже 7 часов вечера; он очень забстился об их пище и одежде, помещал их в просторных и опрятно содержимых спальнях, доставлял им отдых на открытом воздухе в соседнем поле. Десяти школьным учителям поручено было обучать их; разумеется, закон божий занимал в их преподавании большое место. Нью-Ланаркская фабрика, не будучи еще знаменитой, стала вскоре известной лицам, интересовавшимся вопросами воспитания и призрения. Ее посещали, и Давид Дэль получал выражения восторга, быть может и преувеличенного, но оправдывавшегося новизной его почина и великодушием его намерений¹.

К несчастью, он не жил сам в Нью-Ланарке: поглощенный управлением своими многочисленными предприятиями, он довольствовался тем, что наезжал туда из Глазго три-четыре раза в год². Этого было недостаточно для действительного надзора и верного суждения о результатах. В 1797 г. Роберт Оуэн, поставленный во главе фабрики в качестве директора, присмотрелся к делу ближе и остался чрезвычайно недоволен тем, что он увидел. Оказалось, что хотя с детьми обращаются гораздо более гуманно, нежели на всех других фабриках, однако их принуждают к чрезмерному труду: начиная уже с 6-летнего возраста, они работали по 11½ и 12 часов в день и это отражалось, конечно, губительно на их физическом и умственном развитии³. Что касается взрослых рабочих, которые вербовались среди наиболее неустойчивых, наименее «респектабельных» элементов сельского класса, то их нравственность оставляла желать многого: «Большинство, — говорит Оуэн, — были ленивы, нечестны, привыкли к колжи и воровству⁴. Поставив себе задачей исправить их, Оуэн хочет сначала только продолжать дело Дэля, преемником которого он становится вскоре: и в глазах современников и в собственных глазах он пока еще — только человеколюбивый промышленник. Когда он реорганизуе́т школы Нью-Ланарка, когда он распространяет на

¹ Показание одного посетителя в 1804 г.: «Пятьсот детей кормятся, одеваются и обучаются за счет этого почтенного филантропа. Другие живут со своими родителями в чистых и удобных жилищах и получают заработную плату за свой труд. Здоровье и довольство на лицах этих детей показывают, что собственник фабрик в Ланарке не позабыл среди коммерческого процветания долга милосердия... Меры, принятые для охраны их морального и физического здоровья, представляют разительнейший контраст с мерами, характеризующими большинство наших крупных фабрик, этих истинных очагов болезней и развращенности. Фактом, который надо было бы увековечить золотыми буквами в честь основателя Нью-Ланарка, является то обстоятельство, что на три почти тысячи детей, занятых на этой фабрике, в течение двенадцати лет умерло только четырнадцать человек и ни один не заслужил судебного осуждения». *Gentleman's Magazine*, LXXIV, 493—494.

² *Report of the state of the children employed in the manufactories of the United Kingdom (1816)*, p. 25, показание Роберта Оуэна.

³ *Ibidem*, p. 20.

⁴ «*The life of Robert Owen, written by himself*», p. 58. Существует некоторая разница в тоне между этой страницей, написанной Оуэном в последние годы своей жизни, и его показанием в 1816 г. Возможно, что он сгустил краски так, чтобы выпуклее выступила его личная роль; и притом сделал это добросовестно, ибо пришел к тому, что считал себя истинным основателем Нью-Ланарка.

весь свой персонал школьную систему отметок за поведение и работу или когда он покупает оптом предметы первой необходимости, чтобы перепродавать их рабочим по себестоимости¹, то он делает все это не в силу какой-нибудь новой доктрины: он применяет только в социальной области те нравственные уроки, которые вынес, подобно Дэлю, из своего религиозного воспитания. Но в течение его филантропических опытов в уме его складывается мысль, которая станет скоро краеугольным камнем всей его системы: мы разумеем теорию образования человеческого характера. По этой теории люди ответственны за свои пороки или преступления не в большей степени, чем за свое невежество или свою бедность; они являются продуктом социальной среды, и чтобы сделать их более добродетельными и более счастливыми, надо изменить именно среду². Здесь нетрудно узнать мысль революционного XVIII в., мысль Руссо. Мы подходим к решительному моменту, когда теория должна вступить в союз с практикой и воплотиться в ней. Когда впоследствии Оуэн набрасывает план лучшего общества, то он вдохновляется делом, в котором уже сотрудничал раньше и которое мало-помалу стало его собственным делом. Промышленные и земледельческие общины, долженствующие служить кадрами возрожденного человечества, это—идеальные Нью-Ланарки; оригиналом для них послужил первоначально действительный Нью-Ланарк, который принято обыкновенно считать их несовершенной копией.

V

То самое чувство, которое внушало индивидуальные усилия, вроде начинаний Давида Дэля и Роберта Оуэна, нанесло также первый удар бесчеловечному софизму *laissez-faire*. Положение учеников в бумагопрядильнях составило уже в 1784 г. предмет врачебного доклада судьям графства Ланкастер; ознакомившись с ним, последние решили не разрешать больше приходам отправлять детей на фабрики, где производятся ночные работы³. Но это решение осталось, повидимому, безрезультатным или было скоро забыто, и промышленники, с каждым днем становившиеся все более многочисленными, все более богатыми и влиятельными, находили попрежнему сколько угодно учеников и продолжали обращаться с ними, как им было угодно. 25 января 1796 г. один манчестерский врач, д-р Персиваль, составил новый, весьма энергично формулированный доклад от имени манчестерского санитарного бюро, учрежденного незадолго перед тем для рассмотрения вопросов, касающихся санитарного состояния города. Его заключения часто цитировались и вполне заслуживают этого, как предисловие ко всему фабричному законодательству. Они гласят буквально следующее:

¹ The life of Robert Owen, p. 80—84.

² См. два диалога, служащих введением к жизни Оуэна, особенно p. IV, V и XII. Эта идея отчетливо выражена уже в 1816 г. в его «Observations on the effects of the manufacturing system»: «Жители страны формируются великими причинами, направляющими ее общую жизнь. Причины, образующие характер низших классов Великобритании, находятся в тесной связи с развитием торговли и промышленности». The life of Robert Owen, приложение H, p. 39.

³ См. Hutchins et Harrison, Hist. of factory legislation, p. 8.

«1. Установлено, что дети и другие лица, занимаемые работами в больших бумагопрядильнях, особенно подвержены заразным горячкам и что когда вспыхивает одна из этих болезней, то она быстро распространяется не только среди лиц, тесно скученных в одних и тех же помещениях, но и в семьях, к которым они принадлежат, как и во всей округе. 2. Большие фабрики вообще оказывают губительное влияние на здоровье работающих в них лиц, даже когда там нет никакой эпидемии. Причины: вынужденное пребывание в тесном помещении; расслабляющее действие горячего или нечистого воздуха; недостаток физического упражнения—того упражнения, которое природа предписывает в детстве и отрочестве, как существенное условие для укрепления организма и надлежащей подготовки человека к исполнению работ и выполнению обязанностей зрелого возраста. 3. Ночной труд и чрезмерно продолжительный рабочий день детей, подрывая силы и разрушая жизненную энергию подрастающего поколения, имеют не только тенденцию уменьшить сумму жизни и деятельности, на которую рассчитывает будущее, но они слишком часто благоприятствуют также лени, расточительности и порокам родителей, которые, вопреки естественному порядку, живут эксплуатацией своих детей. 4. Занимаемые на фабриках дети лишены по общему правилу всякой возможности учиться и получать нравственное и религиозное воспитание. 5. Превосходные правила, принятые на некоторых бумагопрядильнях, показывают, что большинство этих зол в значительной мере устранимо. Таким образом, на основании опыта и уверенные в сдействии либеральных людей, управляющих этими прядильнями, мы предлагаем, чтобы, в случае если сочтено будет невозможным достигнуть цели другими средствами, перед парламентом было возбуждено ходатайство об издании законов, которые установили бы на всех этих фабриках разумный и человеческий режим»¹.

Именно этот последний параграф придает цитированному документу его историческое значение. В самом деле, он содержит недвусмысленный призыв к вмешательству государства. Усилия частной благотворительности признаются бессильными перед злоупотреблениями, сопровождающими развитие крупной промышленности. Выдвигается требование, чтобы государство сделало обязательным для всех то, что составляет еще пока не более как благотворительность со стороны некоторых. Манчестерское санитарное бюро удовлетворялось выражением мнения или пожелания: оставалось перейти к действиям. Эту задачу взял на себя промышленник. Обходя свои собственные мастерские, сэр Роберт Пиль был поражен болезненным и хилым видом учеников; он был взволнован нездоровыми условиями, в которых они жили, их невежеством и порочными наклонностями².

¹ Report, 1816 г., р. 139—140.

² «Фирма, в которой я участвую, занимала в данный момент около тысячи призреваемых приходами детей. Другие мои занятия не позволяли мне часто посещать фабрики; но каждый раз как я попадал туда, меня поражал болезненный вид, общий всем этим детям, и замедленное или неполное физическое развитие большинства из них. Часы труда регулировались интересом мастера-надсмотрщика: так как его жалованье изменялось в соответствии с размерами исполненной работы, он часто соблазнялся продлить труд этих бедных детей за пределы предписанного времени, давая им какую-нибудь мелочь, чтобы помешать им

Зная, что на других фабриках положение еще хуже, он понял, что для борьбы со злом необходима мера общего характера. В качестве члена парламента он мог добиваться ее принятия, предложив ее сам палате общин. Он и сделал это в заседании 6 апреля 1802 г.

Уже 13 марта¹ другой депутат обратил внимание палаты на скандальные сделки между промышленниками и приходами. Дети, раз они были сданы своими хозяевами, словно столько-то голов скота, исчезали из обращения; часто невозможно было узнать, где они находятся. Легко понять, сколько преступных злоупотреблений могло совершаться безнаказанно, благодаря этой системе нарочитого мрака. Предложение, требовавшее, чтобы администраторы налога в пользу бедных были обязаны вести список имен и местонахождения детей, отдаваемых в учение, было единогласно одобрено. Таким образом, почва была подготовлена для предложения Пилля, который был к тому же влиятельным членом большинства в палате общин и авторитетным представителем крупной промышленности. Во всякой другой стране, кроме Англии, показалось бы удивительным, что столь важный принципиальный вопрос—вопрос о праве государства на надзор за частными предприятиями—возбудил столь короткие дебаты. Правда, вопрос принципа ступался перед частным вопросом, о котором шла здесь речь, и господствующим у всех мотивом был мотив гуманности, вне всяких соображений юридического порядка.

Внося свой законопроект, Пиль настаивал в особенности на нравственной деградации юношества, занимаемого работами на фабриках: «Нетрудно сообразить, что если в каком-нибудь месте большое число лиц обоего пола живет скученно и вперемежку, то туда должны проникнуть распущенность, а вслед за нею и болезни». Устранить это смешение обоего полов было первой задачей закона; второй его задачей было—уничтожить последствия такого смешения при помощи воспитания, «ибо отсутствие обучения,—сказал Пиль,—породило много безнравственности»²,—аргумент, который должен был тронуть даже наименее чувствительных людей, так как он обращался к *sanctus*—специфическому британскому лицемерию, которое относится к жестокому поступку менее строго, чем к поступку неприличному. Лорд Бельграв, взявший слово, чтобы поддержать предложение, расширил дебаты, обрушившись на все злоупотребления фабричной системы: «грубое обращение, жертвами которого являются эти дети, их страдания, их лишения представляют нечто чудовищное». Закон должен был распространить свою защиту не на одних только учеников и не на учеников одной только отрасли промышленности. «Он должен был бы обеспечить им необходимый отдых, как и опрятность и образова-

жаловаться. После того как я увидел, как управляются мои собственные фабрики, я узнал, что те же самые приемы господствуют и в других частях королевства, где применяется то же самое оборудование. Дети переутомлялись, и администрация мало занималась вопросами чистоты и проветривания мастерских. Тогда-то с помощью доктора Персиваля и нескольких выдающихся врачей, обосновавшихся в Манчестере, я подготовил мой проект закона...». Ibidem, p. 132, показание сэра Роберта Пилля.

¹ См. Parl. Register, нов. сер., XVII, 199 (предложение Вильбегема Бутля).

² Он заявляет далее, что хочет сделать фабрики «корректными и моральными». Ibidem, p. 447

ние. Погоня за богатством происходит в этой стране с такой страстностью, перед которой все ступшевывается; она приводит к эксцессам, способным навлечь на страну мщение небес»¹. Этот голос аристократа, поднимающийся против преступлений промышленного капитализма, как бы возвещает за одно поколение вперед о великодушном движении, возглавляемом благородной фигурой лорда Шефтсбери. В прениях принял также участие Вильберфорс, потребовавший, чтобы в самом заглавии закона содержалось указание, что предписания его распространяются на все фабрики и мануфактуры². Пиль, восхваляемый со всех сторон за «свою гуманность и преданность общественному делу»³, был героем заседания, и билль, пройдя без затруднений во втором и третьем чтении, а затем в палате лордов, получил королевскую санкцию 22 июня 1802 г.⁴

Закон содержал, прежде всего, санитарные предписания. Стены и потолок мастерских предписывалось белить известкой два раза в году. Каждая мастерская должна была иметь достаточно большие окна и в достаточно большом количестве, чтобы обеспечивалось надлежащее ее проветривание. Каждый ученик должен был получить два полных костюма, обновляемых, по меньшей мере, по одному в год. Для детей обоих полов должны были устраиваться отдельные спальни с достаточным числом кроватей, так чтобы никогда не класть более двоих детей на одну кровать. Затем следовали предписания относительно продолжительности рабочего дня, который ни в коем случае не должен был превышать 12 часов, не включая в это число времени для трапез. Работа не должна была никогда затягиваться позже 9 часов вечера и начинаться ранее 6 часов утра. Обучение было признано обязательным в течение первых четырех лет ученичества: все ученики должны были учиться чтению, письму и счету, причем время, посвящаемое ежедневно урокам, должно было вычитываться из разрешенных часов труда. Уроки закона божия, также обязательные, должны были даваться по воскресеньям, и детей предписывалось водить на богослужение либо в самой фабрике, либо вне ее. Для надзора за применением закона мировые судьи графства должны были назначать ежегодно двух ревизоров, выбранных—один из среды местных судей, а другой—из священников государственной церкви. Эти ревизоры имели право входа в фабрики в любой час и могли спешно вызвать врача, если они констатировали наличие заразной болезни в предприятии. Они обязаны были представлять отчеты четвертным сессиям мировых судей. Затем следовал перечень наказаний: всякое нарушение закона каралось штрафом от 2 до 5 ф. ст., отказ впустить инспекторов и всякое вообще препятствование им в исполнении их миссии—штрафом от 5 до 10 ф. ст. Текст закона надлежало вывесить во всех промышленных предприятиях, на которые он распространялся, дабы все заинтересованные лица имели воз-

¹ Parl. Register, нов. сер., XVII, p. 448.

² Окончательное название закона гласило: «Акт об охране здоровья и нравственности учеников и других лиц, занятых на хлопчатобумажных и других фабриках и предприятиях» (42 Geo. III, с. 73).

³ См. Morning Chronicle от 7 апреля 1802 г.

⁴ Parl. Register, нов. сер., XVIII, 63, 183, 457, 591.

возможность ознакомиться с ним и, в случае надобности, потребовать его применения.

Изложенный закон, принятие которого прошло почти незамеченным¹, заслуживает всяческого внимания истории. Он положил основание институту, сыгравшему в Англии значительную роль в течение XIX в. и заимствованному также всеми цивилизованными странами: мы разумеем фабричную инспекцию. Он установил начало обязательности в вопросах, касающихся гигиены мастерских, обучения учеников, ограничения числа рабочих часов. Ограничив, хотя бы и в самой небольшой степени, произвол промышленника, он отметил собою первый шаг по пути, двумя крайними пунктами которого являются абсолютное невмешательство и государственный социализм.

Но практическое его действие, надо признать, было почти равно нулю. Во-первых, он применялся только к большим фабрикам, в частности—к прядильням. Маленькие и средние мастерские, где с учениками обращались часто не на много лучше², ускользали от всякого контроля. Даже там, где контроль существовал, хозяева,—заявив сначала протест против посягательства, совершаемого якобы на их свободу и на интересы промышленности³, сумели скоро сделать его призрачным. Формулировка закона отличалась туманностью, установленные им кары были недостаточны. Самый простой способ для его обхода заключался в том, что юных рабочих набирали, не подписывая договора об ученичестве: в этом случае они, не будучи по букве закона учениками, переставали пользоваться его покровительством, и можно было безнаказанно заставить их работать день и ночь⁴. Этот прием стал почти всеобщим, когда паровые машины заменили собою гидравлические двигатели; имея отныне возможность устраивать свои фабрики вблизи больших городов, промышленники не имели больше надобности для приискания рабочих рук вступать в сделки с приходами⁵. Закон предусматривал назначение инспекторов, но последние не слишком торопились выполнять свои обязанности, а главное боялись поссориться с хозяевами, которые часто были их соседями и друзьями. По прошествии нескольких лет в некоторых округах не давали себе даже больше труда назначать их. Наконец, обязательное вывешивание закона в мастерских никогда не соблюдалось: ученик Роберт Блинко, о страданиях которого мы рассказали выше, впервые прочел текст закона лишь через 11 или 12 лет после его опубликования⁶. Злоупотребления, которые закон устранил бы лишь в слабой степени, даже если бы он тщательно применялся, про-

¹ Parliamentary History Кобетта даже не упоминает о нем.

² A. Held, Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands, p. 420.

³ Петиция прядильщиков Манчестера, Стокпорта, Престона, Больтона, Глазго, 11 февраля 1803 г. Journ. of the House of Commons, LVIII, 149. Петиция прядильщиков Лидса, Ibidem, p. 161.

⁴ Dr. Lettsom, Remarks on cotton mills, Gentleman's Magazine, LXXIV, 492 и сл. (1804). В Холивелле (графство Флинт) одна прядильня вмещала около 700 детей, работавших партиями без всякого перерыва с полночи на понедельник до полночи на воскресенье.

⁵ Report, 1816 г., p. 137. См. ibidem, p. 183, 282, 317, 321. В 1815 г. на некоторых заводах Стокпорта работали еще по 18 часов (p. 89, показание Роберта Оуэна). Часы труда увеличивались с 1802 г. (показание N. Gould, p. 96—97).

⁶ Memoir of Robert Blincoe в The Lion, I, 156.

должались еще много лет, и обследование 1816 г., обнаружившее всю серьезность их, не повлекло за собою никаких решительных мероприятий¹. Для того чтобы с ними решились, наконец, начать борьбу, понадобилось настоящее возмущение общественного мнения, вызванное энергичным и страстным вмешательством некоторых благородных людей, вроде Ричарда Остлера и Майкеля Садлера.

По мысли людей, вотировавших закон 1802 г., он не должен был составить прецедента. Они смотрели на него как на исключительную меру, оправдываемую соображениями чисто сентиментального свойства. Даже инициатор его, сэр Роберт Пиль, был и оставался всю свою жизнь одним из убежденнейших приверженцев *laissez-faire*. И до и после 1802 г. он боролся всеми силами против сохранения или восстановления старых правил об ученичестве, вообще—против всех мероприятий, налагающих какое бы то ни было стеснение на промышленность². Он заботливо постарался, впрочем, ограничить очень узкими пределами сферу действия своего закона так, чтобы отметить его исключительный характер. «Я очень хорошо припоминаю,—говорил он позже,—что в момент его обсуждения мне пришлось приложить большие усилия, чтобы не дать пострадать промышленникам так же, как ученикам. Многие лица настоятельнейшим образом просили меня установить для рабочего дня гораздо более низкий предел, чем тот, который я считал уместным. Меня просили распространить действие закона на самые мелкие коттеджи Англии—мера, которая на мой взгляд была бы настолько неразумна, что я был проникнут решимостью совершенно бросить руководство этим делом, если оно не будет предоставлено мне одному»³. Но хотел этого Пиль или нет,—он установил все-таки принцип, из которого предстояло развиться потом всему современному рабочему законодательству. Тенденция, которой он уступил, хотя и пытаюсь бороться с нею, должна была вскоре развернуться одновременно с противоположной тенденцией. Та и другая почерпали свою силу в промышленной революции, ибо, в то время как последняя своими экономическими последствиями ускоряла крушение старой регламентации, она своими социальными последствиями создавала необходимость или долг ввести новую регламентацию.

¹ Закон 1819 г. (59 Geo. III, с. 66) ограничился запрещением труда детей моложе 9 лет и распространил на всех несовершеннолетних рабочих льготы (теоретическую) закона о 12-часовом рабочем дне.

² См. его участие в прениях (в 1808 г.) по поводу петиции ситцепечатников против Шеридана, поддерживавшего ходатайства рабочих. *Parl. Debates*, IX, 538 и сл. См. также его показание в 1806 г. в комиссии по обследованию состояния шерстяной промышленности: «Что касается ученичества, я слишком расположен верить в здравый смысл выступающих перед вами свидетелей, чтобы думать, что они желают наложить путы на промышленность. Я достаточно симпатизирую всем в ней занятым, чтобы быть в числе первых, требующих поправок к законам, если бы верил, что закон или какие-либо из действующих законов имеют тенденцию покровительствовать небольшому числу индивидов во вред народной массе; ибо необходимо, чтобы низшие классы не были лишены ни одного шанса на улучшение их доли. Зато, если бы нашлись люди, достаточно не знающие собственных интересов, чтобы хотеть наложить на свою промышленность стеснительные ограничения, я бы воспротивился их желаниям, рискуя даже потерять их дружбу, и помешал бы им причинить самим себе зло». *Report from the committee on the state of the woollen manufacture (1806)*, p. 441.

³ *Alfred*, *Hist. of the factory movement*, I, 31.

В годы, до которых нас довело наше исследование, т. е. в начале XIX в., промышленная революция еще далеко не закончена. Область машинного производства ограничена еще известными отраслями промышленности и в самих этих отраслях—только известными специальностями или известными округами. Рядом с такими металлургическими заводами, как заводы Сохо или Кольбрукделя, существуют и долго еще будут существовать небольшие мастерские производителей мелких металлических изделий в Бирмингеме и ножевщиков в Шеффилде. Рядом с бумагопрядильнями Ланкашира и шерстопрядильнями Вест-Райдинга тысячи ткачей продолжают еще работать дома на своих старых ручных станках. Царство пара, которому предстоит довести действия всех предшествующих изобретений до их высшего могущества, еще едва только начинается. И, однако, современная крупная промышленность уже существует: она образовалась в своих существенных элементах, и можно уже выделить характерные черты только что совершившегося преобразования.

С технической точки зрения промышленная революция состоит в изобретении и применении на практике приемов, позволяющих постоянно ускорять и увеличивать производство: приемов механических, как в отраслях текстильной промышленности; приемов химических, как в отраслях металлургической промышленности; при их помощи подготавливается материал или определяется форма товаров, и обильное разнообразие их лишь несовершенно выражается термином «машинное производство». Эти приемы, по крайней мере вначале, не были результатом приложения теоретических научных открытий. Первые изобретатели всего менее были учеными; факт этот как будто достаточно твердо установлен; это были профессионалы, которые, будучи поставлены лицом к лицу с какой-нибудь практической задачей, употребляли для ее разрешения свой природный ум и глубокое знание привычек и потребностей промышленности. Таковы были: Хайс, Кромптон, Харгривс, Додлей, Дерби, Корт. Иногда это были также искатели, работавшие в силу инстинкта или из любознательности, без научного и профессионального образования; примерами их могут служить Уайатт, Картрайт. Подталкиваемые какой-нибудь непосредственной необходимостью и работая над вполне конкретными данными, они брались за дело без установленного метода и достигали цели лишь путем нащупываний. В их лице представлена экономическая потребность, оказывающая на людей свое глухое и могучее действие, преодолевающая препятствия и создающая для себя самой орудия. Наука вмешивается позже; начавшемуся уже движению она приносит содействие огромных сил, находящихся в ее распоряжении. Одним и тем же ударом она объединяет частные успехи разных отраслей промышленности и сообщает им общее направление и общую скорость. Наиболее поразительным образом эта роль науки выступает на примере Уатта и паровой машины. Мы имеем здесь дело с двумя сходящимися потоками, берущими начало из разных источников; если промышленная революция своим конечным размахом и силою обязана их слиянию, то все же она не от него произошла и еще раньше него дала свои первые результаты.

С экономической точки зрения промышленная революция характеризуется концентрацией капиталов и образованием крупных предприятий, функционирование которых, вместо того чтобы быть фактом исключительным, имеет тенденцию стать нормальной формой промышленности. Эта концентрация, не без некоторого основания рассматриваемая часто как следствие технических изобретений, до известной степени предшествует им. Она представляет по существу явление коммерческого порядка. Она соответствует постепенному распространению власти торгового класса на область промышленности. Она не только сопровождается расширением торговли и кредита: расширение это предшествует также ей. Необходимыми условиями ее существования являются внутренняя безопасность, развитие путей сообщения и развитие мореходства. Исторически промежуточным звеном между мастером-ремесленником былого времени и нынешним крупным промышленником является «купец-промышленник», первоначально занимающий место, так сказать, на границе промышленности и занятый исключительно связыванием производителей с рынками, которые стали слишком обширными или слишком отдаленными. Затем, так как капитал, которым он располагает, и нужда производителя в его заказах делают его хозяином производства, то он постепенно забирает в свои руки сырье, мастерские, оборудование и низводит самостоятельных производителей до положения наемных рабочих. Концентрация, совершающаяся, таким образом, в руках капиталистов, остающихся больше коммерсантами, нежели промышленниками, составляет факт существеннейшей важности. Мануфактура с ее многочисленным рабочим персоналом, с господствующим в ее мастерских очень развитым разделением труда, с ее тысячами черт сходства с современной фабрикой, быть может, больше бросается в глаза, но на самом деле она занимала в эволюции промышленности гораздо меньшее место. Это этап на пути, проделанном промышленностью, но этап, скоро пройденный, причем время остановки было едва заметно. Люди, изучавшие эту эволюцию как экономисты, поняли и определили ее как простой прогресс, стадии которого следуют друг за другом подобно элементам геометрической кривой. Глазам историка она представляется по-иному сложной: она походит на большую реку, которая не течет все время с одной и той же быстротой, но то замедляет свое течение, то стремительно мчится вперед, суживаясь в одних местах, широко разливаясь в других, делясь иной раз на многочисленные, расходящиеся в разные стороны рукава, образуя подчас такие извилины, что получается впечатление, будто она возвращается вспять. Чтобы описать такую реку, недостаточно составить список пунктов, через которые она прошла: нужно следовать за нею в ее движении, неравномерном, извилистом, и, тем не менее, непрерывном, как непрерывен уклон, увлекающий ее к конечному ее пункту.

С точки зрения социальной промышленная революция имела столь обширные и глубокие последствия, что было бы самонадеянностью пытаться обнять их одной короткой формулой. Если она и не изменила юридической формы общества, как это делали политические революции, то она обновила его в самом его существе. Она породила общественные классы, развитие и антагонизм которых наполняют

собою историю нашего времени. Было бы нетрудно, опираясь на некоторые из приведенных нами же фактов, пытаться доказать, что здесь совсем не было революции, что эти социальные классы существовали уже раньше, что борьба их началась уже давно и не изменила своего характера. Действительно, мы все время старались показать непрерывность явлений даже среди самых быстрых перемен. Мы не нашли ни одного явления, которое возникло бы внезапно, как бы чудом, ни одного явления, которое не подготовлялось бы задолго, которое не было бы задолго возведено и намечено в общих чертах. Поверхностное рассмотрение оставляет эти зачатки в тени или извлекает оттуда лишь для того, чтобы смешать их с тем, что за ними последовало. Мы хотели избежать этой двойной ошибки. Мы знаем, что существовали машины до машинного производства, мануфактуры—раньше заводов, коалиции и стачки—раньше пришествия промышленного капитализма и образования фабричного пролетариата. Но в столь медленно приходящей в движение массе социального организма действие какого-нибудь нового элемента не ощущается с самого момента его появления. Мы должны считаться не с одним лишь присутствием его, а с местом, которое он занимает по отношению к окружающим фактам, с его историческим, так сказать, объемом. Промышленная революция именно и есть расширение сжатых раньше сил, внезапное распускание и пышный рост зародышей, остававшихся до тех пор в скрытом или дремлющем состоянии.

С начала XIX в. рост крупной промышленности виден уже всем. Она оказывает уже решительное влияние на распределение народонаселения, как и на его материальную жизнь. Именно ею объясняется процветание и важное значение, сразу приобретенные областями, которые еще недавно причислялись к самым бедным областям Великобритании, как Ланкашир, южный Уэльс и некоторые низменные части Шотландии. Именно она, явившись после перестройки и захватов земельной собственности, ускоряет отлив сельских классов в промышленные мастерские. В момент переписи 1811 г. в четырех графствах: Миддлсекс, Уорик, Йорк и Ланкашир, 60—70% населения заняты уже в торговле и промышленности, а в графствах Честер, Лейстер, Ноттингем и Стаффорд—по меньшей мере 50%¹. В новых центрах, театре напряженной деятельности, в контрасте между крайним богатством и крайней бедностью, вырисовываются элементы социальной проблемы в том виде, в каком они и теперь еще стоят перед нами. Близок день, когда Роберт Оуэн первый сформулирует их в своем «Письме к промышленникам Англии» и в «Замечаниях о последствиях фабричной системы». И он будет говорить не для одной только Англии, а для всех народов Запада. Ибо пока на родине крупной промышленности развитие ее продолжает подвигаться дальше, она начинает уже свое успешное продвижение по всему миру. Она появляется на континенте: ее история перестает быть английской, чтобы стать европейской, а затем всемирной.

¹ Указания переписи 1801 г. на занятия и профессии жителей очень неопределенны и мало надежны. См. Abstracts of the answers and returns to the Population Act. 41 Geo. III, I, 497.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ДОКУМЕНТЫ

A. ДОКУМЕНТЫ И ТРУДЫ В РУКОПИСЯХ

- Census of the townships of Manchester and Salford* (1773).—Recensement entrepris en 1773 par un groupe de particuliers. 3 vol., à la Bibliothèque du Chetham Hospital, Manchester.
- Collection des patentes et spécifications*, au Patent Office, Londres.
- Collection Mayer*.—Correspondance et papiers de Josiah Wedgwood et de son associé Thomas Bentley: copies de lettres (10 vol.), contrats, factures, etc. (73 cartons et 22 portefeuilles).—Conservés au Musée de Liverpool (Liverpool Free Public Library and Museum) avec la collection céramique de Mr. Mayer.
- Place MSS*.—Manuscrits de Francis Place, riches en renseignements sur l'histoire sociale et l'histoire des moeurs à la fin du XVIIIe et au commencement du XIXe siècle.—British Museum, Additional MSS, 2789—777859.
- Soho MSS*.—Papiers d'affaires de Boulton et Watt (à partir de 1780). Correspondance commerciale (58 vol. de copies, 7 à 8000 lettres originales), registres de commandes, inventaires, contrats d'apprentissage, etc.—À l'établissement de Messrs. Tangye (Cornwall Works), Birmingham.
- Wyatt MSS*.—Papiers de l'inventeur John Wyatt (années 1730 et suiv.), 2 vol.—Bibliothèque de Birmingham (Central Free Library), n° 93189.
- Marquis de Biencourt. *Mémoire sur l'état agricole, industriel et commercial de l'Angleterre* (1784).—Archives des Affaires Etrangères, Mémoires et documents, Angleterre, LXXIV, fol. 24 et suiv.
- Considérations sur les manufactures de mousseline de callico (sic) dans la Grande-Bretagne*.—Ibid., fol. 182 et suiv.
- F. et A. de la Rochefoucauld-Liancourt. *Voyage en Suffolk et Norfolk* (1784) et *Voyage aux Montagnes* (1786), 4 vol.—Manuscrits communiqués par M. Ferdinand-Dreyfus.
- L. W. Clarke. *History of Birmingham*.—Travaux manuscrits et copies de documents relatifs à l'histoire de la ville de Birmingham. 6 vol., à la Bibliothèque de Birmingham (Central Free Library), n° 122040.
- Owen MSS*.—Notes et documents relatifs à l'histoire du Lancashire, 80 vol. Les renseignements utiles pour l'histoire économique sont rares et disséminés. Voir particulièrement le tome LXXX.—Bibliothèque de Manchester (Free Reference Library).
- Timmins MSS*.—Notes et documents relatifs à l'histoire de la ville et des industries de Birmingham, recueillis par Mr. Samuel Timmins.—Bibliothèque de Birmingham (Free Central Library), n° 33693.
- Webb MSS*.—Collection de notes et de documents recueillis par Mr. et Mrs. Sidney Webb, pour la préparation de leurs travaux d'histoire économique. Cette collection précieuse est déposée à la British Library of Political Science, London School of Economics.

1. Б. ПЕЧАТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И КОМПИЛЯЦИИ

- Abstracts of the answers and returns to the Population Act 41 Geo. III*, 2 vol. Londres, 1802.

- Abstracts of the answers and returns to the Population Act II Geo. IV*, 3 vol. Londres, 1833 (voir la préface, par J. Rickman, étude critique sur les recensements précédents et les évaluations antérieures au XIXe siècle).
- Th. Rogers. *A history of prices and agriculture in England*, vol. VII (1703—1793). Oxford, 1902 (publication posthume).
- Th. Tooke, *A history of prices and of the state of circulation from 1793 to 1837*, 2 vol. Londres, 1838.—Contient les tables des prix du blé d'après les archives d'Eton College.

2. ТЕХНИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ (ПАТЕНТЫ, ОПИСАНИЯ МАШИН, ПРОЦЕССЫ ПО ПОВОДУ ПАТЕНТОВ)

- Abridgments of specifications relating to the manufactures of iron and steel* (vol. I). Publié par le Patent Office, Londres, 1883 (2e éd.).
- Abridgments of specifications relating to pottery*. Londres, 1863.
- Id.* » » » *to spinning*. Londres, 1866.
- Id.* » » » *to weaving*. Londres, 1861.
- Id.* » » » *to bleaching, dyeing and printing callico and other textile fabrics* (vol. 1). Londres, 1859.
- Bennett Woodroft. *Subject-matter index of patents of invention from March 2, 1617, to October 1, 1852*, 2 vol. Londres, 1854.
- Id.* *Chronological index of patents of invention*, 2 vol. Londres, 1860.
- Catalogue of the machinery, models, etc., in the Machinery and Inventions Division of the South Kensington Museum, with descriptive and historical notes* (vol. I, industries textiles; vol. II, machine à vapeur). Londres, 1897.
- Richard Arkwright versus Peter Nightingale* (Court of Common Pleas, Febr. 17, 1785). Londres, 1785.
- The trial of a cause instituted by R. P. Arden esq., His Majesty's Attorney-General, by writ of Scire facias, to repeal a patent granted, on the 16th of December 1775, to Mr. Richard Arkwright* (Court of King's Bench, June 25, 1785). Londres, 1785.

3. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОТОКОЛЫ И ПРЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

- Calendars of Home Office Papers in the reign of King George III (1760—1775)*. 4 vol. Collection du Maître des Rôles, Londres, 1873—1899.
- Journals of the House of Commons*. Procès-verbaux des séances, pétitions, rapports des commissions, comptes et documents soumis à la Chambre des Communes. Source de premier ordre pour l'histoire économique. Tomes XX à LXX (1714—1815).
- Journals of the House of Lords*. Procès-verbaux de la Chambre des Lords et documents annexes. Tomes XX à XLIX (1714—1815).
- General index to the Journals of the House of Commons*, en quatre parties: 1re partie, tomes I à XVII (1547—1713), publiée en 1852; 2e partie, tomes XVIII à XXXIV (1714—1773), publiée en 1778; 3e partie, tomes XXXV à LV (1774—1800), publiée en 1803; 4e partie, tomes LVI à LXXV (1801—1820), publiée en 1825. Les volumes relatifs au XVIIIe siècle ne peuvent être recommandés sans réserves.
- General index to the Journals of the House of Lords*, en quatre parties: 1re partie, tomes I à X (1509—1649), publiée en 1836; 2e partie, tomes XI à XIX (1660—1714), publiée en 1834; 3e partie, tomes XX à XXXV (1714—1779), publiée en 1817; 4e partie, tomes XXXVI à LIII, publiée en 1832.
- Parliamentary Register* (1743—1802), 88 vol. Londres, 1775—1803. Recueil des débats des deux Chambres, d'après les journaux et périodiques contemporains. Contient des comptes-rendus de débats qui manquent dans le recueil suivant.
- Parliamentary History of England from the Norman conquest to the year 1803* (éd. Cobbett), 36 vol. Londres, 1806.
- Parliamentary Debates* (éd. Hansard), 1re série (1803—1812), 22 vol. Londres, 1804—1813.
- Reports of the Committees of the House of Commons from 1715 to 1801*, 16 vol. Londres, 1803.

- General index to the reports from the Committees of the House of Commons (1715—1801). Londres, 1803.*
- General index to the reports from Select Committees of the House of Commons from 1801 to 1852. Londres, 1852.*
- Report from the Committee to whom the petition of the cotton spinners in and adjoining to the county of Lancaster... was referred. Londres, 1780.*
- Report from the Committee to whom the petitions from the woolcombers, complaining of certain machines constructed for the combing of wool, were referred, 1794.*
- Report from the Select Committee appointed to take into consideration the means of promoting the cultivation and improvement of the waste, uninclosed, and unproductive lands of the kingdom, 1795.*
- Second report from the Committee, etc., 1797.*
- Report from the Select Committee appointed to consider of the most effectual means of facilitating under the authority of Parliament the inclosure and improvement of the waste, uninclosed and unproductive lands, 1800 (rapport préparatoire du General Inclosure Act).*
- Reports from the Committee appointed to consider of the present high price of provisions (six rapports), 1800.*
- Report from the Committee to whom the petitions of several master and journey-men weavers... were referred, 1800.*
- Report on the improvement of the port of London, 1801.*
- Reports from the Select Committee appointed to consider of the standing orders relating to bills of inclosure, so far as regards the setting out or the altering of public roads, 1801.*
- Reports from the Committee appointed to consider of the present high price of provisions (sept rapports), 1801.*
- Report from the Select Committee on the petitions of persons concerned in the woollen trade and manufactures in the counties of Somerset, Wilts and Gloucester, 1803.*
- Report from the Select Committee on the petition of merchants and manufacturers concerned in the woollen manufacture in the county of York and town of Halifax, 1803.*
- Report from the Select Committee on the petitions of the manufacturers of woollen cloth in the county of York, 1803.*
- Minutes of the evidence taken before the Committee to whom the several petitions presented to the House in this session relating to the Act of the 39th and 40th year of His present Majesty «for settling disputes between masters and workmen engaged in the cotton manufacture» was referred, 1803.*
- Minutes of the evidence taken before the Select Committee to whom the petitions of the journeymen callico-printers and others working in that trade, etc... was referred, 1804.*
- Report from the Committee to whom it was referred to examine into the matter of the minutes of evidence respecting the callico-printers, 1806.*
- Report from the Select Committee appointed to consider the state of the woollen manufacture in England, 1806.—Très important: présente un tableau complet de l'état de l'industrie de la laine au point de vue économique et social, dans les premières années du XIXe siècle.*
- Report from the Select Committee to whom the petition of Edmund Cartwright, clerk, D. D., respecting a machine for weaving, was referred, 1808.*
- Report from the Select Committee to whom the petition of Richard Ainsworth of Bolton, manufacturer, and also the petition of several journeymen cotton-weavers, resident in England, were severally referred, 1808.*
- Report from the Select Committee to whom the petition of several journeymen cotton-weavers resident in England, and also the petition of the cotton manufacturers and operative cotton-weavers in Scotland, were severally referred, 1809.*
- Report from the Committee of Secrecy on the disturbances in the Northern counties, 1812.*
- Report from the Committee to whom the several petitions presented to this House, respecting the apprentice laws of the kingdom, were referred, 1813.*
- Report of the minutes of evidence taken before the Select Committee appointed to inquire into the state of the children employed in the manufactories of the*

- United Kingdom, 1816.*—Document essentiel pour l'histoire de la législation de fabrique ainsi que les trois suivants.
- Reports from the Select Committee on artisans and machinery, 1824.*
- Report from the Select Committee to whom the bill to regulate the labour of children in mills and factories of the United Kingdom was referred, 1832.*
- Report from the Central Board of His Majesty's Commissioners appointed to inquire into the employment of children in factories, 1833.*
- Report from the Select Committee appointed to inquire into the present state of agriculture, 1833.*
- Report from the Central Board of His Majesty's Commissioners appointed to inquire into the administration and practical operation of the poor-laws, 1834.*
- Report from the Select Committee on hand-loom weavers' petitions, 1835.*
- Reports of Commissioners and Assistant-Commissioners on the condition of the hand-loom weavers, 1839—1841.*
- Statutes at large from Magna Charta to the 41 Geo. III (éd. Runnington), 14 vol. Londres, 1786—1801.*—Recueil des lois d'Angleterre.
- Statutes at large of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, from 41 Geo. III (1801), to 25 Victoria (1862) (éd. Tomlins, Raithby et Simons), 26 vol. Londres, 1862.*—Recueil des lois du Royaume-Uni: la publication en a été continuée d'année en année jusqu'à l'époque actuelle.

4. ИЗБРАННЫЕ ТЕКСТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

- F. W. Galton. *Select documents illustrating the history of Trade Unionism. I: The tailoring trade.* Londres, 1896.
- B. Rand. *Selections illustrating economic history since the Seven Years' War.* Londres, 1903.

II. СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ

А. ОПИСАНИЯ

- J. Aikin. *A description of the country from thirty to forty miles round Manchester.* Londres, 1795.—Important.
- J. Aston. *A picture of Manchester.* Manchester, 1804.
- J. Campbell. *A political survey of Britain, being a series of reflections on the situation, lands, inhabitants, revenues, colonies and commerce of this island, 4 vol. Londres, 1774.*
- J. Chamberlayne. *Magnae Britanniae Notitia, or the present state of Great Britain.* Londres, 1708. Nombreuses éditions de 1708 à 1750.
- D. de Foë. *A tour through the whole island of Great Britain, divided into circuits or journeys, 3 vol. Londres, 1724—1727.*—Ouvrage classique, qui abonde en renseignements de toute nature sur l'état de l'Angleterre entre 1720 et 1730.
- Id.*, édition remaniée par S. Richardson, 4 vol. Londres, 1742.
- The Manchester guide, or a useful pocket companion, containing a brief historical account of the towns of Manchester and Salford.* Manchester, 1804.
- W. Marshall. *Rural economy of Yorkshire, 2 vol. Londres, 1788.*
- J. Mawe. *The mineralogy of Derbyshire, with a description of the most interesting mines in the North of England, in Scotland, and in Wales.* Londres, 1801.
- New and accurate description of the present great roads and the principal cross roads of Great Britain (avec une carte des routes), Londres, 1756.*
- R. Pilkington. *A view of the present state of Derbyshire, 2 vol. Derby, 1789.*
- W. Marshall. *Review and complete abstract of the reports of the Board of Agriculture from the Northern departments of England.* Londres, 1808.
- Id. from the Western departments.* Londres, 1810.
- Id. from the Eastern departments.* » 1812.
- Id. from the Midland departments.* » 1815.
- Id. from the Southern departments.* » 1817.

Б. ПУТЕШЕСТВИЯ

- B. Faujas de Saint-Fond. *Voyage en Angleterre, en Ecosse et aux îles Hébrides, 2 vol. Paris, 1797.*

- G. Forster. *Voyage philosophique et pittoresque en Angleterre et en France, fait en 1790 par George Forster, un des compagnons de Cook*. Paris, an IV (1796).
- P. Nemnich. *Beschreibung einer im Sommer des Jahres 1799 von Hamburg nach und durch England geschehenen Reise*. Tübingue, 1800.
- Erik T. Svedenstjerna. *Resa igenom en del af England och Skottland, aren 1802 och 1803*. Stockholm, 1804.
- Id. *Reise durch einen Theil von England und Schottland in den Jahren 1802 und 1803, besonders in berg- und hüttenmännischer, technologischer und mineralogischer Absicht*. Marbourg et Cassel, 1811. Traduction de l'ouvrage précédent.
- Tournée faite en 1788 dans la Grande-Bretagne par un Français parlant la langue anglaise*. Paris, 1790.
- F. A. Wendeborn. *Beiträge zur Kenntniss von Grossbritannien*. 2 vol. Lemgo, 1780.
- Id. *A view of England towards the close of the XVIIIth century*. 2 vol. Londres, 1791. Traduit de l'allemand par l'auteur.
- Arthur Young. *A six weeks' tour through the Southern counties of England and Wales*. Londres, 1768.
- Id. *A six months' tour through the North of England*. 4 vol. Londres, 1770.
- Id. *The farmer's tour through the East of England*, 4 vol. Londres, 1771.
- Id. *A tour in Ireland, with general observations on the present state of that kingdom*. 2 vol. Londres, 1780.
- Id. *Travels in France, Italy and Spain, during the years 1787, 1788 and 1789*. 2 vol. Londres, 1790—1791.

B. МЕМУАРЫ И ТРАКТАТЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА.

- J. Beckmann. *Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*. 5 vol. Leipzig, 1782—1800.—Contient peu de chose sur les inventions de l'industrie textile et de l'industrie métallurgique à la fin du XVIIIe siècle. A consulter cependant.
- R. Bonnard. *Mémoire sur les procédés employés en Angleterre pour le traitement du fer par le moyen de la houille*. Journal des Mines, XVII, 245—296 (nivôse an XIII). Paris, 1805.
- The callico-printers' assistant*. Londres, 1790.
- J. T. Desaguliers. *A course of mechanical and experimental philosophy*. 2 vol. Londres, 1729—1744.
- B. Huntsman. *Historique de l'invention de l'acier fondu en 1750*. Paris, 1888.
- J. Harris. *Lexicon technicum, or an universal English dictionary of all the arts and sciences*. 2 vol. Londres, 1704—1710.
- G. Jarvis. *Voyages métallurgiques, ou recherches et observations sur les mines et forges de fer, la fabrication de l'acier, etc.*, 3 vol. Lyon, 1774.
- J. Robison. *The articles Steam and Steam-Engine, written for the Encyclopaedia Britannica* (avec des notes de James Watt sur ses principales inventions). Edimbourg, 1818.
- E. Swedenborg. *Regnum subterraneum sive minerale: de ferro*. Tome III des Oeuvres de Swedenborg. Dresde et Leipzig, 1734.
- St. Switzer. *An introduction to a general system of hydrostaticks and hydraulicks, philosophical and practical*, 2 vol. Londres, 1729.—Contient des descriptions, avec planches, des machines de Savery et de Newcomen.
- A treatise upon coal mines*. Londres, 1769.
- Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers*, 28 vol. Paris, 1762—1772. Consulter les volumes de planches, articles *Draperie, Forges, Laines, Mines, Soie, etc.*
- Encyclopédie méthodique par une société de gens de lettres*, 301 vol. Paris, 1782—1832. Voir les volumes intitulés *Manufactures*, par Roland de la Platière 1785.
- Encyclopaedia Britannica*, Edimbourg, 1re éd., 1788, et 4e éd., 1805. Voir dans la 4e édition les articles *Cotton, Iron, Steam, etc.*
- Annals of Agriculture and other useful arts* (organe du Board of Agriculture), 40 vol. Bury St. Edmunds, 1790—1804.
- Philosophical Transactions of the Royal Society*. Londres, 1665 et suiv.—Nombreux mémoires sur la mécanique et les machines.
- Memoirs of the Literary and Philosophical Society of Manchester*, 1re série, 5 vol. Warrington, 1785—1802; 2e série, Manchester, 1805 et suiv.

Transactions of the Society for the encouragement of Arts, Manufactures and Commerce, 1re série, Londres, 1761 et suiv.; 2e série, 1783 et suiv.

Г. ЖУРНАЛЫ И ПЕРИОДИКА

Annual Register (1732 et suiv.).
Birmingham Gazette (1741 et suiv.).
Derby Mercury (1754 et suiv.).
Gentleman's magazine (1731 et suiv.).
Historical Register (1714—1738).
Leeds Mercury. 1re série, 1718—1755. 2e série, 1767 et suiv.
Manchester Gazette. 1730—1760.
Manchester Mercury. 1762—1830.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТОГО ВРЕМЕНИ

(книги и брошюры)

А. СМЕШАННЫЕ ВОПРОСЫ, ТОРГОВЛЯ, ВНУТРЕННЕЕ СУДОХОДСТВО

- A. Yarranton. *England's improvement on sea and land*. Londres, 1re partie, 1677, 2e partie, 1681.
Considerations upon the East India trade [par Sir Dudley North?]. Londres, 1701.
A short essay upon trade in general, by a lover of his country. Londres, 1740.
Considerations on taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufactures. Londres, 1764.
R. Bentley. *A view of the advantages of inland navigation, with a plan of the navigable canal intended for a communication between the ports of Liverpool and Hull*. Newcastle-under-Lyme, 1766.
R. Whitworth. *The advantages of inland navigation*. Londres, 1766.
H. Homer. *An inquiry into the means of preserving and improving the public roads of this kingdom*. Oxford, 1767.
La richesse de l'Angleterre. Vienne, 1773.
The history of inland navigations, particularly those of the duke of Bridgewater. Londres, 1776.
Adam Smith. *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. 2 vol. Londres, 1776.—Nous citons d'après l'édition Mac Culloch, Edimbourg, 1870.
Arth. Young. *Political arithmetic, containing observations on the present state of Great Britain and the principles of her policy in the encouragement of agriculture*. Londres, 1re partie, 1774, 2e partie, 1779.
James Anderson. *Observations on the means of promoting a spirit of national industry*. Edimbourg, 1777.
The outlines of a plan for establishing a united company of British manufacturers. Londres, 1798.
W. Tatham. *The political economy of inland navigation, irrigation and drainage*. Londres, 1799.
Publicola. *Reflections on the general utility of inland navigation to the commercial and landed interests*. Londres, 1800.
G. Chalmers. *An estimate of the comparative strength of Great Britain during the present and four preceding reigns*. Londres, 1804

Б. ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ОГОРАЖИВАНИЯ, ЦЕНА ПРОДУКТОВ

- E. Laurence. *The duty of a steward to his lord*. Londres, 1727.
Jethro Tull. *The new horse-houghing husbandry, or an essay on the principles of tillage and vegetation*. Londres, 1731.
J. Cowper. *An essay proving that enclosing commons and common field lands is contrary to the interest of the nation*. Londres, 1732.
A method humbly proposed to the consideration of the honourable the members of both Houses of Parliament, by an English woollen manufacturer. Londres, 1744.

- H. Homer. *An essay upon the nature and method of ascertaining the specific shares of proprietors upon the inclosures of common fields.* Oxford, 1767.
- S. Addington. *An inquiry into the reasons for and against enclosing the open fields.* Coventry, 1767.
- N. Forster. *Inquiry into the causes of the present high price of provisions.* Londres, 1767.
- Arthur Young. *The farmer's letters to the people of England.* Londres, 1767.
- The advantages and disadvantages of inclosing waste lands and open fields, impartially stated and considered, by a country gentleman.* Londres, 1772.
- An inquiry into the connection between the present price of provisions and the size of farms, with remarks on population, as affected thereby, by a farmer [J. Arbuthnot].* Londres, 1773.
- Arthur Young. *Observations on the present state of the waste lands of Great Britain.* Londres, 1773.
- An inquiry into the advantages and disadvantages resulting from bills of enclosure.* Londres, 1780.
- Observations on a pamphlet entitled «an inquiry into the advantages, etc.».* Londres, 1781.
- A political inquiry into the consequences of inclosing waste lands and the causes of the present high price of butcher's meat, being the sentiment of a society of farmers in... shire.* Londres, 1785.
- J. Howlett. *Inquiry into the influence of enclosures upon the population of England.* Londres, 1786.
- Cursory remarks on inclosures, showing the pernicious and destructive consequences of inclosing common fields, by a country farmer.* Londres, 1786.
- Th. Stone. *Suggestions for rendering the inclosure of common fields and waste lands a source of population and riches.* Londres, 1787.
- J. Howlett. *Enclosures a cause of improved agriculture, of plenty and cheapness of provisions, of population, and of both private and national wealth.* Londres, 1787.
- David Davies. *The case of the labourers in husbandry.* Londres, 1795.
- Th. Wright. *A short address to the public on the monopoly of small farms.* Londres, 1795.
- Sir G. O. Paul. *Observations on the general enclosure bill.* Londres, 1800.
- A. Young. *An inquiry into the propriety of applying wastes to the maintenance and support of the poor.* Londres, 1802.
- Id. *On the size of farms.* Paru dans les *Georgical Essays*, publ. par A. Hunter, tome IV, essai XXVII. York, 1803.
- General report on inclosures, drawn up by order of the Board of Agriculture.* Londres, 1808.—Publié sous la direction de Sir John Sinclair. Très important: impartial dans l'exposé des faits, quoique nettement favorable aux enclosures.

B. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ И ПАУПЕРИЗМ

- Gregory King. *Natural and political observations upon the state and condition of England (1696).* Publ. par G. Chalmers, *Estimate of the comparative strength of Great Britain.* Londres, 1804.
- D. de Foë. *Giving alms no charity, and employing the poor a grievance to the nation.* Londres, 1704.
- H. Fielding. *An inquiry into the causes of the late increase of robbers.* Londres, 1751.
- Id. *A proposal for making an effectual provision for the poor.* Londres, 1753.
- Reasons for the late increase of the poor rates, or a comparative view of the prices of labour and provisions.* Londres, 1777.
- W. Eden. *Four letters to the Earl of Carlisle (the third edition, to which is added a fifth letter on population, on certain revenue laws, etc.).* Londres, 1780.
- R. Price. *Essay on the population of England from the Revolution to the present time.* Londres, 1780.
- J. Howlett. *An examination of Dr Price's essay on the population of England and Wales and the doctrine of the increased population of this kingdom, established by facts.* Maidstone, 1781.
- W. Wales. *Inquiry into the state of population of England and Wales.* Londres, 1781.

- Uncertainty of the present population of this kingdom.* Londres, 1781.
- Th. Gilbert. *Considerations on the bills for the better relief and employment of the poor.* Londres, 1787.
- J. Howlett. *The insufficiency of the causes to which the increase of the poor and of the poor rates have been commonly ascribed.* Londres, 1788.
- Th. Percival. *Observations on the state of population in Manchester, 1775—1789.* Manchester, 1789.
- A letter to Sir T. C. Bunbury, bart, on the poor-rates, by a gentleman of Suffolk.* Londres, 1795.
- R. Malthus. *An essay on the principle of population as it affects the future improvement of society.* Londres, 1798.
- Id. *An investigation into the causes of the present high price of provisions.* Londres, 1800.
- Sir Frederick Morton Eden. *An estimate of the number of inhabitants in Great Britain and Ireland.* Londres, 1800.

Г. ОТРАСЛИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

- L. Roberts. *The treasure of traffike, or a discourse on forraigne trade.* Londres, 1641.
- J. Haynes. *A view of the present state of the clothing trade in England, its decay and remedies.* Londres, 1706.
- Id. *Provision for the poor, or a view of the decayed state of the woollen manufacture.* Londres, 1715.
- A brief state of the printed callicoës, woollen and silk manufactures* [par D. de Foë?]. Londres, 1719.
- Brief answer to a brief state of the printed callicoës, woollen and silk manufactures* [par W. Asgill]. Londres, 1719.
- The just complaints of the poor weavers truly represented.* Londres, 1719.
- A brief state of the question between printed and painted callicoës, and the woollen and silk manufactures.* Londres, 1719.
- The weaver's pretences examined.* Londres, 1719.
- The weaver's true case.* Londres, 1720.
- The case of the journeymen callico-printers.* Londres, 1720.
- Observations on wool and the woollen manufacture, by a manufacturer of Northamptonshire.* Londres, 1739.
- An essay on riots* [sur les émeutes des tisserands du Wiltshire]. Londres, 1739.
- Remarks on the essay on the weavers' riots.* Londres, 1739.
- The case between the clothiers and the weavers.* Londres, 1739.
- John Smith. *Chronicon rusticum-commerciale, or memoirs of wool, woollen manufacture and trade, particularly in England.* 2 vol., Londres, 1747.—Contient des analyses et des textes de brochures rares, relatives à l'industrie de la laine.
- Timothy Shuttle. *The worsted small-ware weavers' apology, together with all their articles, which either concern their society or trade.* Manchester, 1756.—Exemplaire unique à la Bibl. de Manchester (Free Reference Library), n° 28266.
- J. Dyer. *The Fleece, a poem in four books.* Londres, 1757.
- The petition and memorial of the manufacturers and printers of silks, callicoës, linens, fustians and stuffs, in and near Manchester in the county of Lancaster.* Manchester, 1778.
- R. March. *A treatise on silk, wool, worsted, cotton.* Londres, 1779.
- Thoughts on the use of machines in the cotton manufacture, addressed to the working people in that manufacture and to the poor in general, by a friend of the poor.* Manchester, 1780.—Attribué par W. Radcliffe à Dorning Rasbotham, un des juges de paix du comté.
- Sir John Dalrymple. *The question considered, whether wool should be allowed to be exported when the price is low at home on paying a duty to the public.* Londres, 1781.
- Considerations upon the present state of the wool trade, by a gentleman resident on his estate in Lincolnshire.* Londres, 1781.
- [G. Chalmers] *The propriety of allowing a qualified exportation of wool discussed historically.* Londres, 1782.
- N. Forster. *Answer to Sir John Dalrymple's pamphlet upon the exportation of wool.* Colchester, 1782.

- The contrast, or a comparison between our woollen, linen, cotton and silk manufactures.* Londres, 1782.
- Plain reasons addressed to the people of Great Britain against the intended petition to Parliament for leave to export wool.* Leeds, 1782.
- A letter to the landed gentlemen and graziers of Lincolnshire, by a friend and neighbour.* Cambridge, 1782.
- A short view of the proceedings of the several committees and meetings held in consequence of the intended petition to Parliament from the country of Lincoln for a limited exportation of wool.* Londres, 1782.
- The case of Richard Arkwright and C^o, in relation to Mr. Arkwright's invention of an engine for spinning cotton, etc. into yarn; stating his reasons for applying to Parliament for an Act to secure his right in such invention, or for such other relief as to the Legislature shall seem meet.* Londres, 1782.
- A short essay written for the service of the proprietors of cotton mills and the persons employed in them.* Manchester, 1784.
- John Wright. *An address to the members of both Houses of Parliament on the late tax laid on fustian and other cotton goods.* Warrington, 1785.
- Manufactures improper subjects of taxation.* Londres, 1785.
- Patrick Colquhoun. *The case of the cotton-printers of Great Britain.* Londres, 1785.
- A report of the receipts and disbursements of the committee of the fustian trade.* Manchester, 1786.
- A letter showing the necessity to amend the laws concerning the woollen manufacture.* Ipswich, 1787.
- The humble petition of the poor spinners of the town and county of Leicester.* Leicester, 1787.
- An important crisis in the callico and muslin manufacture of Great Britain explained.* Londres, 1788.—Intéressant et très rare: ne se trouve pas au British Museum. Un exemplaire est conservé à la Free Reference Library de Manchester, n° 3622.
- The question of wool truly stated.* Londres, 1788.
- Patrick Colquhoun. *An account of facts relating to the rise and progress of the cotton manufacture in Great Britain.* Londres, 1789.
- Wool encouraged without exportation, or practical observations on wool and the woollen manufacture, by a Wiltshire clothier.* Londres, 1791.
- W. Edenson. *A letter to the spinners and manufacturers of cotton wool upon the present situation of the market.* Londres, 1792.
- H. Dundas. *The cotton manufacture of this country.* Londres, 1793.
- Articles, rules, orders and regulations made and to be observed by and between the friendly associated cotton-spinners within the township of Manchester in the county of Lancaster and in other townships and places of the neighbourhood thereof.* Manchester, 1795.
- A letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist.* Manchester, 1800.
- A second letter to the inhabitants of Manchester on the exportation of cotton twist, by Mercator.* Manchester, 1800.
- Observations founded upon facts on the propriety or impropriety of exporting cotton twist for the purpose of being manufactured into cloth by foreigners.* Londres, 1803.
- A view of the cotton manufactories in France.* Manchester, 1803.
- J. Anstie. *Observations on the necessity of introducing improved machinery into the woollen manufacture of the counties of Wilts, Gloucester and Somerset.* Londres, 1803.
- Observations on the cotton-weavers' Act.* Manchester, 1804.
- R. Owen. *Observations on the effects of the manufacturing system, with hints for the improvement of those parts of it which are most injurious to health and morals.* Londres, 1815.

Д. МЕТАЛЛУРГИЯ И КЕРАМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- S. Sturtevant. *Metallica, or the treatise of metallica, briefly comprehending the doctrine of diverse new metallicall inventions.* Londres, 1612.
- J. Rovenzon. *A treatise of metallica, but not that which was published by Mr. Simon Sturtevant upon his patent.* Londres, 1613.

- Dud Dudley. *Metallum Martis, or iron made with pit-coale, sea-coale, etc., and with the same fire to melt and fine imperfect mettals, and refine perfect mettals.* Londres, 1665.
- Ch. Povey. *A discovery of indirect practices in the coal trade.* Londres, 1700.
- Th. Savery. *The miner's friend, or an engine to raise water by fire described, and the manner of fixing it in the mines.* Londres, 1707.
- The present state of Mr. Wood's mine partnership.* Londres, 1729.
- To all lovers of art and ingenuity.* Londres, 1729.—Prospectus de l'entreprise de Wood.
- A letter from a merchant at Whitehaven to his friend in London.* Londres, 1730.
- A letter from a merchant at Whitehaven to an iron master in the South of England.* Londres, 1730.
- An account of Mr. Wood's iron made with pulverized ore and pit-coal.* Londres, 1731.
- Beware of bubbles.* Londres, 1731.
- Postlethwayte. *Considerations on the making of iron with pit or peat-coal fire.* Londres, 1747.
- The state of the trade and manufactory of iron considered.* Londres, 1750.
- J. Wedgwood. *An address to the young inhabitants of the Pottery.* Newcastle-under-Lyme, 1783.
- Id. *An address to the workmen in the Pottery, on the subject of entering into the service of foreign manufacturers.* Newcastle-under-Lyme, 1783.
- Address and proposals from Sir John Dalrymple bart, on the subject of the coal, tar and iron branches of trade.* Edimbourg, 1784.
- J. Watt. *An answer to the treasury paper on the iron trade of England and Ireland.* Londres, 1785.
- J. Bramah. *A letter to the right honorable Sir James Eyre, Lord Chief Justice of the Common Pleas, on the case Boulton and Watt versus Hornblower and Maberly.* Londres, 1797.
- Boulton and Watt. *Proposals to the adventurers.* Birmingham, 1800.—Prospectus adressé aux propriétaires de mines.

IV. МОНОГРАФИИ И ДЕТАЛЬНЫЕ ТРУДЫ

A. ИСТОРИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОМЫСЛОВ

- A. Andréadès. *Essai sur la fondation et l'histoire de la Banque d'Angleterre.* Paris, 1901.
- M. Archer. *A sketch of the history of the coal trade of Northumberland and Durham.* Londres, 1897.
- Ed. Baines. *History of the cotton manufacture in Great Britain.* Londres, 1835.—Bonne monographie: l'auteur a pu recourir au témoignage direct des contemporains pour un grand nombre de faits.
- A. Barlow. *History and principles of weaving by hand and by power.* Londres, 1878.
- L. Beck. *Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung.* 4 vol. Brunswick, 1894—1898.—Très substantiel et sérieux, malgré des références vagues.
- J. Bischoff. *Comprehensive history of the woollen and worsted manufactures.* 2 vol. Londres, 1842.—Compilation assez médiocre; nombreuses citations de la littérature économique du XVIIIe siècle: utile au point de vue bibliographique.
- S. von Boch. *Geschichte der Töpferarbeiter von Staffordshire im XIX. Jahrhundert.* Stuttgart, 1899. Collection des Münchener volkswirtschaftliche Studien, vol. XXXI.
- R. Boyd. *History of the coal trade.* Londres, 1892.
- J. Burnley. *History of wool and wool-combing.* Londres, 1889.—Travail médiocre.
- A complete history of the cotton trade, including also the silk, callico and hat manufactures, by a person concerned in trade.* Manchester, 1823.—A la valeur d'un témoignage contemporain.
- Cotton-spinning machines and their inventors.* Quarterly Review, tome CVII, janvier 1860.—Recherches originales et discussions intéressantes.

- L. Dechesne. *L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre*. Paris, 1900.—Etude un peu rapide, mais utile.
- Sir Benjamin Dobson. *Humidity in cotton-spinning*. Manchester, 1901.—Etude d'un caractère purement technique.
- W. Fairbairn. *Iron, its history, properties and processes of manufacture*. Edimbourg, 1859.—Partie historique intéressante.
- Id. *Treatise on mills and millwork*. Londres, 1863.—Renseignements sur les *millwrights* et l'installation des premières usines à outillage mécanique.
- W. Felkin. *History of the machine-wrought hosiery and lace manufactures*. Londres, 1867.—Monographie mal composée, mais solide et complète.
- J. Francis. *History of the Bank of England, its times and traditions*, 2 vol. Londres, 1843.—Surtout anecdotique.
- R. L. Galloway. *The steam-engine and its inventors*. Londres, 1881.
- Id. *History of coal-mining in Great Britain*. Londres, 1882.
- R. Guest. *A compendious history of the cotton manufacture, with a disproof of the claim of Sir Richard Arkwright to the invention of its ingenious machinery*. Manchester, 1823.—Très intéressant et assez concluant.
- Id. *The British cotton manufacture*. Manchester, 1828.—Discussions à l'appui de la thèse soutenue dans l'ouvrage précédent.
- G. Henson. *The civil, political and mechanical history of the framework-knitters in Europe and America*. Londres, 1831.—A servi à W. Felkin.
- W. Hirst. *History of the woollen trade during the last sixty years*. Leeds, 1844.
- J. James. *History of the worsted manufacture in England from the earliest times*. Londres, 1857.
- Llewellyn Jewitt. *The ceramic art of Great Britain from prehistoric times down to the present day*, 2 vol. Londres, 1878.—Important surtout pour l'étude des styles et des marques.
- H. Joyce. *History of the Post Office to 1836*. Londres, 1893.
- J. Kennedy. *On the rise and progress of the cotton trade*. Memoirs of the Literary and Philosophical Society of Manchester, 2e série, vol. III. Manchester, 1817.
- J. Lister. *Coal mining in Halifax*. Old Yorkshire, 2e série. Londres, 1885.
- F. Lohmann. *Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV. bis zum XVIII. Jahrhundert*. Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen herausgegeben von G. Schmoller, fascicule XVIII. Leipzig, 1900. Étude sérieuse et documentée.
- M. A. Lower. *The ancient iron industry of Sussex*, dans le volume intitulé *Contributions to literature, historical, antiquarian, and metrical*. Londres, 1854.—Anecdotique.
- W. I. Mac Adam. *Notes on the ancient iron industry of Scotland*. Londres, 1887.—Intéressant pour l'histoire locale.
- D. Mushet. *Papers on iron and steel*. Londres, 1840.—Ouvrage d'un technicien: deux ou trois articles présentent un certain intérêt au point de vue historique.
- G. Nicholls. *Iron making in the olden times*. Londres, 1866.—Sur les mines et les forges de la Forêt de Dean.
- J. Percy. *Metallurgy of iron and steel*. Londres, 1864.—Notes historiques dans la dernière partie.
- R. E. Prothero. *The pioneers and progress of English farming*. Londres, 1888.—Exposé succinct, mais très clair, du mouvement agronomique au XVIIIe siècle.
- W. Radcliffe. *Origin of the new system of manufacture, commonly called powerloom weaving*. Stockport, 1823.—Mélange d'histoire et de polémique.
- Ed. Rigby. *Holkham, its agriculture*. Norwich, 1817.
- Rise, progress, present state and prospects of the British cotton manufacture* [par J. R. Mac Culloch?], Edinburgh Review, tome XLVI. Edimbourg, 1828.—Examen de la *Compendious history*, de R. Guest (voir plus haut).
- Th. Rogers. *The first nine years of the Bank of England*. Londres, 1887.
- H. Scrivenor. *A comprehensive history of the iron trade from the earliest records to the present period*. Londres, 1841, 2e éd. (remaniée), 1854.—Documenté: tableaux statistiques intéressants.
- S. Sholl. *A short historical account of the silk manufacture in England*. Londres, 1811.—Histoire des coalitions ouvrières dans l'industrie de la soie.
- R. H. Thurston. *History of the growth of the steam-engine*. Londres, 1878.
- A. Warden. *The linen trade*. Londres, 1864.

B. ИСТОРИЯ МЕСТНОСТЕЙ

- W. Abram. *History of Blackburn, town and parish*. Blackburn, 1877.
- W. A. Axon. *Annals of Manchester*. Manchester, 1880.
- E. Baines. *History of the county palatine and duchy of Manchester*, tome II. Londres, 1836.—Complète l'ouvrage du même auteur intitulé *History of the cotton manufacture*.
- Th. Baines. *History of the commerce and town of Liverpool, and of the rise of manufacturing industry in the adjoining counties*. Londres et Liverpool, 1852.
- Th. Baines. *Yorkshire, past and present*, 2 vol. Londres, 1877.—Collection de notices locales.
- Th. Baines et W. Fairbairn. *Lancashire and Cheshire, past and present*, 2 vol. Londres, 1869.
- J. Brand. *The history and antiquities of the town and county of Newcastle-upon-Tyne, including an account of the coal trade in that place*. 3 vol. Londres, 1789.—Important pour l'histoire des mines de houille.
- D. Bremner. *The industries of Scotland, their rise, progress, and present condition*. Edimbourg, 1869.
- A. Brown. *History of Glasgow and of Paisley, Greenock and Port-Glasgow*, 2 vol. Glasgow, 1795.
- E. Butterworth. *An historical account of the towns of Ashton-under-Lyne, Stalybridge, and Dukinfield*. Ashton, 1842.
- Id. *Historical sketches of Oldham*. Oldham, 1856.—Renseignements précieux sur les familles manufacturières de la région.
- J. Clegg. *Annals of Bolton*. Bolton, 1888.
- M. Dunsford. *Historical memoirs of the town and parish of Tiverton*. Londres, 1790.—Important pour l'histoire du travail et des grèves des tisserands dans le Devonshire.
- W. Enfield. *An essay towards the history of Liverpool* (sic). Warrington, 1773.
- Lt Col. Harding. *The history of Tiverton in the county of Devon*. 2 vol. Londres, 1845.
- Ch. Hardwick. *History of the borough of Preston and its environs*. Preston 1857.
- R. Hollinsworth. *Mancuniensis* (écrit au début du XVIIe siècle). Manchester, 1839.
- J. Hunter. *Hallamshire. The history and topography of the parish of Sheffield*. Londres, 1869.—Contient des documents intéressants sur l'industrie du fer.
- W. Hutton. *History of Birmingham*. Birmingham, 1795.—Récit traditionnel, sans valeur historique pour toute la période antérieure au XVIIIe siècle. Témoignage d'un contemporain dans la dernière partie.
- Id. *History of Derby from the remote ages of antiquity to the year 1791*. Derby et Londres, 1791.—Peu de chose sur l'histoire économique.
- J. James. *The history and topography of Bradford in the county of York*. Londres et Bradford, 1841.
- Id. *Continuation and additions to the history of Bradford and its parish*. Bradford, 1866.—Renseignements abondants sur l'histoire de l'industrie des laines peignées.
- J. A. Langford. *A century of Birmingham life*, 2 vol. Birmingham, 1863.—Dépouillement des anciens journaux de Birmingham, d'un intérêt surtout anecdotique.
- Local notes and queries*, 9 vol. Birmingham, 1867—1896.—Recueil des textes relatifs à l'histoire de Birmingham; à la bibliothèque de cette ville (Birmingham Central Free Library).
- G. Mac Gregor. *History of Glasgow*. Glasgow, 1881.
- J. Mayhall. *The annals of Yorkshire from the earliest period to the present time*, 3 vol. Londres, 1874.
- J. Ogden. *Manchester a hundred years ago*. Manchester, 1887.
- S. Shaw. *History of the Staffordshire Potteries, and the rise and progress of the manufacture of pottery and porcelain*. Hanley, 1829.—Fondé en partie sur des témoignages oraux.
- W. A. Shaw. *Manchester old and new*, 3 vol. Londres, 1896.
- S. Timmins. *The resources, products and industrial history of Birmingham and the Midland hardware district*. Londres, 1866.—Partie historique très réduite.

- J. Ward. *The borough of Stoke-upon-Trent*. Londres, 1843.
 R. Welford. *History of Newcastle*. 3 vol. Londres, 1884—1887.
 J. Wheeler. *Manchester; its political, social and commercial history, ancient and modern*. Londres, 1836.—Assez bien fait, surtout pour la période contemporaine de l'auteur.
 D. Whittle. *History of Preston*, 2 vol. Preston, 1821—1837.
Victoria History of the counties of England, en 160 vol.—En cours de publication.

B. БИОГРАФИИ

- G. Barnett Smith. *Leaders of modern industry*. Londres, 1894.—Ouvrage de vulgarisation: rien d'original.
 J. Brown. *Memoir of Robert Blincoe*. Publié dans *The Lion*, tome Ier. Londres, 1828.—Histoire d'un apprenti dans l'industrie du coton, à la fin du XVIIIe siècle.
 Th. Carter. *Memoirs of a working man*. Londres, 1848.
 W. Cooke-Taylor. *Life and times of Sir Robert Peel*, 3 vol. Londres, 1847.
 F. Espinasse. *Lancashire worthies*, 2 vol. Londres, 1874—1877.—Compilation peu originale.
Fortunes made in business, a series of original sketches, biographical and anecdotic, from the recent history of industry and commerce, by various writers, 2 vol. Londres, 1884.—Peu de chose sur le XVIIIe siècle: renseignements intéressants, tirés d'archives privées.
 J. French. *The life and times of Samuel Crompton*. Londres et Manchester, 1859.—Contient en appendice: R. Cole, *Some account of Lewis Paul, and his invention of the machine for spinning cotton-wool by rollers*.—Fondé sur des documents d'archives privées.
 R. Jardine. *An account of John Roebuck, M. D., F. R. S. Edinburgh*. Transactions of the Royal Society of Edinburgh, tome IV, 1796.
 L. Jewitt. *The Wedgwoods, being a life of Josiah Wedgwood with notices of his works, memoirs of the Wedgwood and other families, and a history of the early potteries of Staffordshire*. Londres, 1865.—Contient des documents intéressants; méthode médiocre.
 J. Kennedy. *A brief memoir of Samuel Crompton, with a description of his machine called the mule*. Memoirs of the Literary and Philosophical Society of Manchester. 2e série, tome V. Manchester, 1831.
Memoir of Matthew Boulton esq., late of Soho, Handsworth, Staffordshire. Birmingham, 1809.
Memoir of Edmund Cartwright, D. D. Londres, 1825.—Témoignage contemporain.
 J. Metcalfe. *The life of John Metcalfe, commonly called blind Jack of Knaresborough*. York, 1795.
 E. Meteyard. *The life of Josiah Wedgwood, from his private correspondence and family papers*, 2 vol. Londres, 1866.—Important: sources excellentes.
 Id. *A group of Englishmen, being records of the younger Wedgwoods and their friends*. Londres, 1871.—Fait suite à l'ouvrage précédent.
 J. Muirhead. *The origin and progress of the mechanical inventions of James Watt*, 3 vol. Glasgow, 1854.
 R. Owen. *The life of Robert Owen, written by himself, with selections of his writings and correspondence*. Londres et Philadelphie, 1857.—Autobiographie, utile surtout pour l'histoire des idées d'Owen, mais qui nous renseigne aussi sur la révolution industrielle, dont il a été le premier à signaler la répercussion sur l'ordre social.
 R. Dale Owen, *Threading my way*. Londres, 1874.—Quelques pages intéressantes sur David Dale et la fondation de New-Lanark.
 A. N. Palmer. *John Wilkinson and the old Bersham ironworks. Extrait des Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*. Londres, 1899.
 Sir Lawrence Peel. *A sketch of the life and character of Sir Robert Peel*. Londres, 1860.—L'auteur a fait usage de papiers de famille.
The Peel family, its rise and fortune, articles publiés dans le *Manchester Examiner and Times*, en octobre et novembre 1850.
 S. Smiles. *The lives of the engineers*, 3 vol. Londres, 1861.—La forme est celle d'un ouvrage de vulgarisation, mais le fond est solide et la documentation très sérieuse.

- Id. *Industrial Biography: iron workers and tool-makers*. Londres, 1863.
- Id. *Lives of Boulton and Watt*. Londres, 1865.—Bonne biographie, dépouillement soigneux et nombreuses citations de la correspondance échangée entre les deux associés et des papiers des deux familles.
- Id. *Josiah Wedgwood, his personal history*. Londres, 1894.
- S. Timmins. *Matthew Boulton* (extrait des Transactions of the Archaeological Section of the Birmingham and Midland Institute). Birmingham, 1872.—Courte notice, mais qui porte la trace de recherches originales ainsi que les suivantes.
- Id. *James Watt*. Birmingham, 1872.
- Id. *William Murdoch*. Birmingham, 1894.
- Th. Webster. *The case of Henry Cort and his inventions in the manufacture of iron*. Série d'articles parus dans le Mechanics' Magazine, nouv. série, vol. I et II. Londres, 1859.
- G. Williamson. *Memorials of the lineage, early life, education and development of the genius of James Watt*. Greenock, 1856.—Intéressant surtout en ce qui concerne la vie privée et la famille de Watt.
- B. Woodcroft. *Brief biographies of inventors of machines for the manufacture of textile fabrics*. Londres, 1863.—Recueil de courtes notices, assez bien faites, mais sans valeur originale, sauf sur quelques points.
- John Wyatt, master carpenter and inventor (1700—1766) compiled from original manuscripts*. Londres, 1805.—Les documents dont l'auteur a fait usage sont les Wyatt MSS, mentionnés plus haut.
- Ch. Wyatt. *On the origin of spinning cotton by machinery*. Communication publiée dans le Repertory of Arts, Manufactures and Agriculture, 2e série, vol. XXXII. Londres, 1818.

Г. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

- Alfred [S. Kydd] *History of the factory movement from the year 1802 to the enactment of the ten hours bill in 1847*. Londres, 1857.—Dépouillement consciencieux des enquêtes parlementaires sur le travail dans les fabriques.
- P. Ashrott. *The English poor-law system, past and present*. Londres, 1902.
- A. L. Bowley. *Wages in the United Kingdom in the XIXth century*. Londres, 1900.—Question de méthode bien traitée.
- L. Brentano. *On the history and development of Gilds and the origin of Trade-Unions*. Londres, 1871.—Thèse contestable.
- Id. *Die Arbeitergilden der Gegenwart*, 2 vol. Leipzig, 1872.
- A. Busching. *Die Entwicklung der handelspolitischen Beziehungen zwischen England und seinen Kolonien bis zum Jahre 1860*. Stuttgart et Berlin, 1902. Collection des Münchener wirtschaftliche Studien, tome XLVIII.
- E. F. Gay. *The inquisitions of depopulation in 1517 and the Domesday of Inclosures*. Transactions of the Royal Historical Society, nouv. série, vol. XIV. Londres, 1900.—Examen critique du *Domesday of Inclosures* de I. S. Leadam.
- Id. *Zur Geschichte der Einhegungen in England*. Staats- und social-wissenschaftliche Forschungen. Leipzig, 1903.
- C. G. Harper. *The great North road, the old mail road to Scotland*, 2 vol. Londres 1900.
- W. A. S. Hewins. *English trade and finance, chiefly in the XVIIth century*. Londres, 1892.—Études documentées: bonne méthode critique.
- Id. *The regulation of wages by the justices of the peace*. Economic Journal, vol. VIII. Londres, 1898.
- W. Hulme. *On the history of patent law in the XVIIth and XVIIIth centuries*. Law Quarterly Review, vol. XVIII. Londres, 1902.
- B. L. Hutchins et A. Harrison. *The history of factory legislation*. Londres, 1903.—Bonne monographie.
- Ed. Jenks. *Modern land law*. Oxford, 1899.
- I. S. Leadam. *The Domesday of Inclosures*, 2 vol. Londres, 1897. Publication de la Royal Historical Society.
- E. M. Leonard. *The early history of the English poor relief*. Londres, 1900.
- E. Nasse. *Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des XV^{ten} Jahrhunderts in England*. Bonn, 1869.

- r George Nicholls. *History of the English poor law, in connection with the state of the country and the condition of the people*, 3 vol. Londres, 1898.—Médiocre, mais utile comme répertoire des faits et des textes.
- J. Phillips. *A general history of inland navigation, foreign and domestic*. Londres, 1792. Appendices publiés en 1793 et 1794.—Donne exactement l'état des voies navigables à la date de la publication.
- J. Priestley. *Historical account of the navigable rivers, canals and railways, throughout Great Britain*. Londres, 1831.—Donne la liste des travaux par ordre alphabétique, avec référence aux actes du Parlement les autorisant.
- J. Rae. *Why have the yeomanry perished?* Contemporary Review, vol. II, Londres, 1883.
- La Rochefoucauld-Liancourt. *Notes sur la législation anglaise des chemins*. Paris, 1801.
- F. Seebohm. *The English village community*. Londres, 1888.—Etude intéressante, en partie conjecturale.
- C. Wagner. *Ueber die wirtschaftliche Lage der Binnenschiffahrtsunternehmen in Grossbritannien und Irland*. Archiv für Eisenbahnwesen, Berlin, 1901 et 1902.—Quelques indications historiques.
- C. Walford. *Fairs, past and present*. Londres, 1883.
- S. et B. Webb. *History of Trade Unionism*, 2e éd. Londres, 1902.
- Id. *The assize of bread*. Economic Review, vol. XIV. Londres, 1904.
- L. B. Wells. *A sketch of the history of the canal and river navigations of England and Wales* (av. carte). Memoirs and Proceedings of the Manchester Literary Society, nouv. série, vol. VIII. Manchester, 1894.
- O. Weyer. *Die englische Fabrikinspektion, ein Beitrag zur Geschichte der Fabrikgesetzgebung*. Tubingue, 1888.

V. ТРУДЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- A. Anderson. *An historical and chronological deduction of the origin of commerce*. 2 vol. Londres, 1764, 2e éd., 4 vol. 1789.—Vieille compilation, encore utile pour le XVIIIe siècle.
- W. J. Ashley. *Introduction to English economic history and theory*, vol. II (la fin du moyen âge et la Renaissance). Londres, 1893.—Excellent.
- Id. *Histoire et doctrines économiques de l'Angleterre*, traduction française par P. Bondonio et S. Bouyssi. Paris, 1900.
- C. Beard. *The industrial revolution*, 2e éd.—Londres, 1902. Petit livre de vulgarisation, clair et succinct.
- G. Bry. *Histoire industrielle et économique de l'Angleterre depuis les origines jusqu'à nos jours*. Paris, 1900.—Ouvrage de seconde main, très élémentaire.
- R. W. Cooke Taylor. *Introduction to a history of the factory system*. Londres, 1886.—Sans appareil critique, et un peu superficiel mais clair et intéressant.
- Id. *The modern factory system*. Londres, 1891.
- Id. *Factory system and factory acts*. Londres, 1894.
- W. Cunningham. *Western civilisation in some of its economic aspects*, vol. II (*Modern Times*). Londres, 1900.—Vues générales sur l'évolution économique.
- Id. *The growth of English industry and commerce*, 2e partie (*Modern Times*), 3e édition. Cambridge, 1903.—Manuel de l'histoire économique de l'Angleterre: indispensable pour se mettre au courant.
- W. Cunningham et E. A. Mac Arthur. *Outlines of English industrial history*. Cambridge, 1895.
- Sir F. M. Eden. *The state of the poor, or a history of the labouring classes in England from the conquest to the present period*, 3 vol. Londres, 1797.—Documenté pour la seconde moitié du XVIIIe siècle.
- P. Gaskell. *The manufacturing population of England, its moral, social and physical conditions, and the changes which have arisen from the use of steam machinery*. Londres, 1833.—Souvent vague et déclamatoire.
- Id. *Artizans and machinery*. Londres, 1836. 2e édition, remaniée, de l'ouvrage précédent.
- H. de B. Gibbins. *Industrial history of England*. Londres, 1890.
- Id. *Industry in England, its historical outlines*. Londres, 1896.—Exposé rapide, sans discussions critiques.

- A. Held. *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*. Leipzig, 1881.—Fait avec soin, surtout d'après les documents parlementaires.
- J. A. Hobson. *The evolution of modern capitalism (a study of machine production)*. Londres, 1894.—Plus de théorie que d'histoire: tendance à abstraire et à classer.
- G. Howell. *The conflicts of capital and labour*, 2e éd. Londres, 1890.—Presque entièrement consacré à l'histoire des Trade-Unions au XIXe siècle.
- Leone Lewi. *The history of British commerce and of the economic progress of the British nation (1763—1878)*, 2e éd. Londres, 1880.—Superficiel.
- D. Macpherson. *Annals of commerce, manufactures, fisheries and navigation*, 4 vol. Londres, 1805.—Fait suite à l'*History of commerce* d'Anderson, Montre surtout le mouvement du commerce extérieur jusqu'en 1801.
- K. Marx. *Das Kapital, Kritik der politischen Oekonomie*, 1er vol. 3e éd. Hambourg, 1883.—Nombreux passages relatifs à l'histoire économique de l'Angleterre (voir notamment ch. VIII, XI, XII, XIII, XIX, XXIII). Connaissance approfondie de la littérature économique et des documents parlementaires.
- R. Porter. *The progress of the nation in its various social and economic relations*. Londres, 1851.—Surtout statistique.
- Thorold Rogers. *Six centuries of work and wages*. Oxford, 1884.
- Id. *Histoire du travail et des salaires depuis la fin du XIIIe siècle*. Trad. française. par E. Castelot. Paris, 1897.—Appuyé sur les documents de l'*History of agriculture and prices*.
- G. Schmoller. *Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung*. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, année 1893. Leipzig, 1893.—Essai de synthèse, important surtout pour l'histoire de la banque.
- G. von Schulze-Gaevernitz. *Der Grossbetrieb, ein wissenschaftlicher und sozialer Fortschritt*. Leipzig, 1892.—Etude sur l'industrie du coton.
- Id. *La grande industrie*, trad. française par Guérault. Paris, 1896.
- A. Toynbee. *Lectures on the industrial revolution in England*. Londres, 1884.—Fragments posthumes.
- H. D. Traill. *Social England*, 6 vol. Londres, 1893—1896; 2e édition illustrée, en cours de publication.—Histoire sociale de l'Angleterre depuis les origines. Oeuvre collective: bons chapitres sur l'agriculture et l'industrie au XVIIIe siècle, par T. Warner et R. E. Prothero.
- A. Ure. *The cotton manufacture of Great Britain systematically investigated*. 2 vol. Londres, 1836.—Le premier volume contient une longue étude historique, fondée en partie sur des témoignages oraux (l'auteur a connu James Watt).
- T. Warner. *Landmarks in English industrial history*. Londres, 1899.

VI. БИБЛИОГРАФИЯ

А. ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Dans W. Cunningham. *Growth of English industry and commerce*, vol. II, 2e partie. Londres, 1903.
- » A. Held. *Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*. Leipzig, 1881.
- » S. et B. Webb. *History of Trade Unionism*, 2e éd. Londres, 1902.

Б. СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

- Catalogue of the parliamentary reports and a breviat of their contents (1696—1837)*. Londres, 1837.
- H. Vernon Jones. *Catalogue of parliamentary papers (1801—1900), with a few of earlier dates*. Londres, 1904.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- F. M. Eden. Bibliographie des brochures relatives à la loi des pauvres, dans *The state of the poor*, tome III. Londres, 1797.
- J. R. Mac Culloch. *Literature of political economy*. Londres, 1845.—Bibliographie critique.

J. Massie. *An alphabetical index of the names of authors of commercial books and pamphlets*. 1764.—Manuscrit, au British Museum, *Lansdowne MSS*, 1049. Fait avec soin.

Halkett et Laing. *Dictionary of anonymous and pseudonymous literature*, 4 vol. Edimbourg, 1832—1838.

3. ИСТОРИЯ МЕСТНОСТЕЙ

J. Parker Anderson. *The book of British topography, a classified alphabetical catalogue of the topographical works in the Library of the British Museum relating to Great Britain and Ireland*. Londres, 1881.

C. Gross. *A classified list of books relating to British municipal history*. Harvard University, 1891.

4. ИСТОРИЯ ПРОМЫСЛОВ

Bibliographie relative aux tailleurs et à l'industrie du vêtement, dans F. W. Galton, *The tailoring trade*. Londres, 1896.

5. БИОГРАФИИ

Excellentes biographies à la suite des articles du *Dictionary of National Biography*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	1
I. Современная крупная промышленность: ее характерные особенности в настоящее время, ее экономические и социальные последствия	1
II. Необходимость определения и его трудность.—Крупная промышленность в XVII в.; ее отличие от современной крупной промышленности	4
III. Промышленный капитализм до крупной промышленности.—Английские суконщики в эпоху Возрождения. Меры, принятые для защиты мелких производителей	8
IV. Понятие мануфактуры: концентрация рабочих рук и разделение труда.—Различие между мануфактурой и крупной промышленностью: применение машин.—Почему этим термином нельзя заменить термин «крупная промышленность»	11
V. Соотносительное развитие обмена и разделения труда; прогресс техники—не столько его следствие, сколько причина. Промышленная революция—не случайный факт. Границы предлагаемого исследования	16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАКТЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Глава первая.</i> —Старая промышленность и ее эволюция	20
I. Шерстяная индустрия, как тип старой промышленности. Ее древний характер, ее важное значение и привилегированное положение. Обилие касающихся ее документов.	20
II. Разбросанность этой промышленности: по всей Англии, согласно Тоур Даниэля де Фозэ (1724—1727); внутри одного района: примеры Норфолька, Девоншира и Йоркшира; в одной местности: приход Галифакса	22
III. Ее неодинаковая организация, в зависимости от степени концентрации. Домашняя система в Вест-Райдинге: самостоятельность мастера-ремесленника, соединение мелкой промышленности с мелкой земельной собственностью.	29
IV. Роль торгового капитала; постепенное захватывание им области промышленности.—Купцы-промышленники юго-западной Англии—владельцы сырья, а затем и оборудования. Работа у себя на дому, соединяемая часто с земледелием.—Развитие капиталистических предприятий в производстве изделий из гребенной шерсти.—Незначительное число мануфактур: промышленник—главным образом коммерсант	34
V. Положение промышленных классов.—Мастер-ремесленник; его относительный достаток.—Рабочие: уровень их заработной платы падает по мере исчезновения их независимости. Различие условий выражает последовательные этапы экономической эволюции	40

VI.	Конфликты между капиталом и трудом. Разобщение производителей и орудий производства разделяет и противопоставляет друг другу промышленные классы.—Постоянные коалиции шерсточесальщиков и ткачей юго-запада. Происхождение тред-юнионизма.—Примеры из других отраслей промышленности: рабочие—портные, трикотажники, ткачи шелка, углекопы Ньюкестля	46
VII.	Консервативные тенденции.—Экономическое законодательство; его двойная задача: регламентация и защита.—Обязательные правила фабрикации—помеха для технического прогресса.—Привилегии шерстяной промышленности; законы против ирландской конкуренции; распря между фабрикантами и скотоводами по поводу вывоза сырой шерсти за границу.—Монополия и дух рутины	54
VIII.	Медленное преобразование старой промышленности: его причины—скорее экономического порядка, чем технического.—Преобладание коммерческого фактора в связи с развитием сделок	60
<i>Глава вторая.—Торговый подъем</i>		64
I.	Взаимозависимость обмена и производства. Торговый подъем часто предшествует промышленному прогрессу и вызывает его	62
II.	Беглый взгляд на историю британской торговли.—Расширение мореходства при Елизавете.—Навигационный акт 1651 г.—Участие торговой буржуазии в революции 1688 г.—Основание Английского банка и окончательное учреждение Ост-Индской компании.—Колониальные завоевания и меркантилизм	63
III.	Успехи внешней торговли.—Движение торгового флота, ввоз и вывоз с 1700 до 1800 г.—Подстегивающее влияние экспорта на различные отрасли промышленности	70
IV.	Пример этого влияния: рост Ливерпульского порта начался ранее промышленного развития Ланкашира и содействовал ему, если не вызвал его	75
V.	Организация внутренней торговли.—Ярмарки и специальные рынки, как центры распределения продукции.—Посредники, странствующие торговцы, коробейники, городские лавочники	79
VI.	Пути сообщения: дурное состояние дорог.—Первые попытки их улучшения. система шлагбаумов.—Строители дорог Джон Меткаф.—Несмотря на недостаточность выполненных работ, сообщения становятся более легкими и более регулярными. Дороговизна корреспонденции и транспорта продолжает ставить препятствие деловым сношениям	82
VII.	Создание внутренней судоходной сети задерживается развитием каботажного. Проекты Эндрью Яррантона (1677).—Первые работы, связанные с эксплуатацией каменноугольных залежей. Герцог Бриджватерский прорывает Ворслеевский канал (1759). Джемс Бриндли и его творение.—В несколько лет сеть закончена: каналостроительная горячка 1793 г.—Инициаторы предприятий—крупные землевладельцы и промышленники. Веджвуд и Grand Trunk Canal. Немедленное отраженное действие на местную промышленность	90
VIII.	Последствия торгового подъема. Разделение труда варьирует вместе с размерами рынка: «Considerations upon the East India Trade» (1701) предвидят наступление машинного производства.—Обогащение торгового класса; его общественное положение	101
<i>Глава третья.—Преобразование земельной собственности</i>		105
I.	Исчезновение крестьянства (иоменри) его причины—факт более ранний, чем появление крупной промышленности	105
II.	Акты об огораживаниях в XVIII в.—Открытое поле (open field); деление земли на parcelлы. Неясность его происхождения	109
III.	Open field system.—Индивидуальная собственность и совместная обработка	113

IV. Нераздельные земли. Права жителей на эту коллективную собственность: их различные формы; неравное распределение их.— Обычай распространяет, однако, выгоды пользования ими на не-собственников. Коттеры, устраивающиеся по снисхождению на общинных землях	115
V. Огораживания; передел открытых полей и раздел общинных угодий. Их история в XVI в.	118
VI. Реформа земледелия.—Состояние полей до 1730 г.—Теории и опыты: Метро Тулль.—Роль аристократии лорд Тоуншенд. Первое поколение крупных фермеров. Кок из Хокгема, Бэквелль; систематическое животноводство.—Артур Юнг и Board of Agriculture	121
VII. Система открытых полей препятствует мелиорации. Отсюда огораживания XVIII в. Их юридическая процедура; как огораживания идут исключительно на пользу крупным землевладельцам	129
VIII. Результаты аграрного движения. Скупка общинных угодий. Исчезновение мелких земельных владений, скупаемых лицами, выигравшими от огораживаний.—Упадок культуры хлебов, расширение пастбищ.—Враги и сторонники огораживаний: их аргументы.—Страдания сельского населения	134
IX. Начало исхода в города.—Иомены, продавшие свои земли; безработные батраки, готовые покинуть деревню. Прилив живых сил в промышленность. Соотношение аграрного движения и промышленной революции.	145

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕЛИКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ И КРУПНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

<i>Глава первая.</i> —Первые шаги применения машин в текстильной промышленности.	150
I. Различие между машиной и инструментом, между употреблением машин и господством машин в производстве.—Вязальная машина, машины для сучения шелка.—Действие этих изобретений; капиталистические предприятия; фабрика братьев Ломб (1718).—Прообраз крупной промышленности; почему она не получает дальнейшего развития	150
II. Хлопчатобумажная промышленность в Англии: ее происхождение.— Запрещения, изданные в 1700 и 1719 гг. против ввоза набивных бумажных тканей из Индии, идут ей на пользу, несмотря на ревнивое отношение шерстяной промышленности.—Ланкашир—благоприятная почва для роста хлопчатобумажной промышленности	158
III. Хлопчатобумажная промышленность до машинного производства. Чисто эмпирический и практический характер первых изобретений.— Самолетный челнок Джона Кэя (1733). Ускоряя процесс тканья, он нарушает равновесие между дополняющими друг друга операциями хлопчатобумажной промышленности и ставит проблему механического прядения.	164
IV. Первая прядильная машина.—Джон Уайатт; его изобретение (1733). Вступление его в компанию с Льюисом Паулем. Патент 1738 г.— Промышленные предприятия Уайатта и Пауля; их малый успех	168
V. Харгревс изобретает дженни (1765).—Его неудачи. Пользование его машиною распространяется, однако, очень быстро в северной Англии.—Переходная ступень от мелкой промышленности к крупной	174
<i>Глава вторая.</i> —Прядильни	178
I. Аркрайт. Первые шаги его карьеры; темное происхождение его изобретений. Ватерная машина (1768) и первый патент.—Аркрайт обосновывается в Ноттингеме (1771)	178

II.	Успех Аркрайта. Кромфордская прядильня: автоматическое оборудование, приводимое в движение водяными колесами.—Освобождение хлопчатобумажной промышленности от запретов, неправильно обращенных против нее.—Второй патент (1775). Предприятия Аркрайта умножаются. Его конкуренты. Процесс о контрафакции дело переносится в 1785 г. в Суд Королевской Скамьи	181
III.	Процесс 1785 г. Показания Томаса Хайса и Джона Кэя: Хайс—настоящий изобретатель ватерной машины.—Другие плагиаты, в которых обвиняют Аркрайта. Аннулирование его патентов.—Его карьера не страдает от этого: он возводится в дворянство (1787) и умирает миллионером (1792).—Действительное значение его роли: его достоинства организатора и дельца	186
IV.	Мюль Самюэля Кромптона (1779). Как фабриканты завладевают изобретением и лишают изобретателя прибыли от него.—Последовательные усовершенствования мюля; его употребление в начале XIX века. Производство муслина в Больтоне, Пэйсли и Глазго	191
V.	Применение прядильных машин снова нарушает равновесие между прядильным и ткацким делом. Механический ткацкий станок Картрайта (1785).—Неудачные предприятия последнего. Успех изобретения задерживается низкой заработной платой.—Второстепенные изобретения: машинная набойка, химические способы беления и крашения.—Полное преобразование промышленности	195
VI.	Фазисы этого преобразования.—1. Период дженни; работа на дому.—2. Период ватерной машины. Прядильни: их расположение на берегах рек, вне городов.—Сосредоточение промышленности близ Пеннинских гор.—Крупные предприятия: их ярко выраженный единоличный характер.—3. Промежуточные фазисы: временное сочетание фабричной и домашней системы	202
VII.	Материальные результаты.—Рост производства. Периодические кризисы следует ли приписывать их исключительно перепроизводству?—Кризис 1793 г. Кризис объясняется не причинами, имеющими отношение специально к хлопчатобумажной промышленности, а всей совокупностью экономических условий	207
VIII.	Экономическая свобода.—Неверно, будто хлопчатобумажная промышленность выросла без всякого официального покровительства: частые призывы к государственному вмешательству.—Нерешительность фискальной политики: дело о fustiantax (1784).—Освобождение хлопчатобумажной промышленности от правил фабрики и правил об ученичестве; свобода производства	211
IX.	Применение машин в шерстяной промышленности.—Концентрация этой промышленности: она совершается к ущербу восточных и юго-западных графств.—Введение машин в Йоркшире. Суконщики становятся фабрикантами.—Тревога среди мелких промышленников; домашняя система исчезает, однако лишь весьма медленно.—Промышленность worsted: изобретение гребнечесальной машины (1790). Бадфордские прядильни.—Отсталость от хлопчатобумажной промышленности.	217
<i>Глава третья—Железо и каменный уголь</i>		225
I.	Эволюция металлургической промышленности, совершающаяся параллельно с эволюцией промышленности текстильной.—Железоделательная промышленность в начале XVIII века. Незначительность производства. Упадок старых центров: Сэссекс, Дин Форест.—Железообрабатывающие промыслы их относительное процветание: ножевое производство Шеффилда и производство мелких металлических изделий в Бирмингеме.—Организация предприятий: горные компании, горнозаводчики, мелкие промышленники.—Специализировавшиеся мастерские; значительное разделение труда: прозябание промышленности за недостатком сырья	226
II.	Вопрос о горючем материале.—Выплавка на древесном угле: обезлесение вызывает прекращение деятельности доменных печей.—Каменный уголь: препятствия для его употребления. Изыскания	

	и попытки Стюртеванта, Додлея, Вуда.—Семья Дерби: второму Аврааму Дерби удается обработать руду на коксовом огне (1735).— Существенное значение этого изобретения	235
III.	Передел чугуна в ковкое железо. Корт изобретает пудлингование.— Литая сталь, изобретение Гентсмана.—Механическое оборудование железной промышленности: молоты, воздуходувные аппараты, станки для обработки металлов	245
IV.	Большие металлургические заводы.—Заводы Дерби в Кольбрук- деле, Вилькинсона в Бергеме, Брэдлее и Брозлее.—Заводы Уэльса: Кроушей, «железный король». Карронские заводы, основанные Робеком.—Сталелитейные заводы Самюэля Уокера в Ротергеме.— Единоличный характер предприятий, как и в текстильной про- мышленности	253
V.	Железоделательная промышленность Англии в конце XVIII века. Описания Сведеншерны и Фожя де Сен-Фон.—Будущность метал- лургии: пророчество Вилькинсона. Первый железный мост (1779): первое речное судно из железа (1787): тесная связь между разви- тием металлургии и развитием производства машин	258
<i>Глава четвертая.</i> —Паровая машина		263
I.	Движущие силы и машины. Гидравлические машины.—Огневые насосы Сэвери (1698) и Ньюкомена (1705), употреблявшиеся для откачивания воды в шахтах и для водоснабжения, а затем как вспо- могательные аппараты при гидравлических машинах	263
II.	Джеймс Уатт. В его лице на сцену промышленной революции появля- ется наука.—Молодость Уатта. Его умозрительный гений.— Происхождение изобретения: критика машины Ньюкомена. изобре- тение конденсатора использование упругости пара вместо атмосфер- ного давления.—Патент 1769 г. Дополнительные изобретения: вращательное движение	269
III.	Промышленное применение изобретения.—Вступление в товари- щество с Робеком: оно позволяет Уатту продолжать свои изыска- ния.—Банкротство Робека (1773); его права приобретает Метью Больтон	273
IV.	Мануфактура в Сохо; деятельность и замыслы Больтона.— Прибытие Уатта; окончание паровой машины. Продление патента.—Первые заказы: для железоделательных заводов Вилькинсона (1775), для Корнвалийских рудников (1777), для парижского водоснабжения (1778).—Затруднения коммерческого характера; должники и кон- куренты; затруднения промышленного свойства: сотрудники Уатта. Вильям Мердок	276
V.	Применения паровой машины: в металлургических мастерских; на мельницах: Albion Mills (1786); в прядильнях.— Пар на заводе в Сохо; его многочисленные применения; автоматическая чеканка монеты.	283
VI.	Изобретение паровой машины завершает промышленную концентра- цию.—Паровая машина делает более тесной взаимную зависимость различных отраслей промышленности и объединяет их эволюцию.	287

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Глава первая.</i> —Крупная промышленность и народонаселение.		289
I.	Рост народонаселения Англии; его медленность до промышлен- ной революции. Предвидения Грегори Кинга (1696). Боязнь обезлю- дения. Споры по этому поводу: «Опыт о народонаселении Англии» Ричарда Прайса (1780). Теория Юнга, по которой рост народона- селения находится в необходимой связи с экономическим прогрес- сом.—Книга Мальтуса (1798); перенаселение, как причина ни- щеты.—Перепись 1801 г.	289

II.	Перемещение народонаселения.—Его нынешнее распределение; сравнение с распределением его в 1700, 1750 и 1801 гг. Движение на север и запад	296
III.	Большие промышленные города.—Центры текстильной промышленности. Манчестер; его рост в течение первой половины XVIII столетия; местная перепись 1773 г. Между 1773 и 1801 г. население Манчестера утроивается. Новые кварталы.—Прядильные города вокруг Манчестера.—Более медленное развитие шерстяных городов: Лидс, Галифакс, Упадок южных городов	302
IV.	Центры металлургической промышленности.—Бирмингем и «Черный край» (Black country). Шеффилд.—Внешний вид промышленных городов.	308
<i>Глава вторая.—Промышленный капитализм</i>		311
I.	Класс крупных промышленников.—Преграда между хозяином и рабочим, воздвигаемая устройством крупных предприятий	311
II.	Образование этого класса. Его различное происхождение.—Изобретатели: их коммерческая неспособность. Торговцы и предприниматели; они не решаются брать на себя техническое управление промышленностью.—Первое поколение крупных промышленников вербовалось частью среди сельского населения. Примеры Пилей, Радклиффов, Фильденов, Вилькинсонов, Дерби, Больтонов и т. д.—Кадры нового общества, рожденного промышленной революцией, дало крестьянство (иоменри), выгнанное из деревень вследствие захватов крупного землевладения	313
III.	Качества, требовавшиеся от промышленников.—Вопрос о капиталах: организация труда; фабричная дисциплина.—Вопрос о рынках сбыта; коммерческая корреспонденция большого промышленного предприятия (завод в Сохо).	319
IV.	Избранная часть промышленников.—Метью Болтон; его умственная культура его связи: его профессиональная добросовестность; его филантропические стремления; его манеры большого барина.—Веджвуд; художественная ценность его творения; его научные работы; его демократические и гуманитарные взгляды.—Развитие керамической промышленности и процветание гончарного округа благодаря его трудам.—Веджвуд и Болтон—люди исключительные; умственная узость и грубый эгоизм класса, к которому они принадлежали	323
V.	Сознание общности интересов.—Соглашения между крупными промышленниками и коллективные шаги против пошлин на металлы (1784), против англо-ирландского торгового договора (1785). Генеральная палата промышленников расхождение во взглядах на договор с Францией (1786).—Сплоченность хозяев против рабочих: оппозиция против требуемого последними сохранения старой регламентации. Инстинктивная тенденция к свободе действий (laissez-faire).	334
VI.	Общественное положение промышленников.—Их могущество на местах; участие, принимаемое ими в руководстве крупными общественными работами. Связи с дворянской аристократией. Друзья и покровители Веджвуда.—Прием Болтона Георгом III: визит Екатерины II в Сохо; вызов вместе с Уаттом к французскому двору.—Дорога к политической власти: два сэра Роберта Пиля, отец и сын.	338
<i>Глава третья.—Промышленная революция и рабочий класс</i>		343
I.	Враждебное отношение рабочих к машинам.—Беспорядки в графстве Ланкастер в 1779 г. Волнения в Йоркшире (1796), на юго-западе (1802) движение луддитов (1811—1812).—Ходатайства перед парламентом о воспрещении машин: петиции бумагопрядильщиков и чесальщиков шерсти.—Отказ парламента обсуждать эти петиции	343
II.	Фабричный персонал. Нерасположение рабочих поступать на фабрики. Привлечение женщин и детей.—Детский труд в период,	

	предшествовавший крупной промышленности. Приходские ученики в прядильнях; их страдания; Роберт Блинко.—Антигигиеничное состояние мастерских; фабричный тиф.—Бесконтрольная власть промышленников.	352
III.	Материальные условия существования рабочих: их доход.—Недостаточность статистических данных и трудность их истолкования: не более как приблизительная ценность наших заключений.—Заработная плата в 1770 и 1795 гг.: общее повышение платы, возрастающая разница между земледельческой и промышленной заработной платой; притягательное действие, оказываемое промышленностью.—За этим повышением платы следует непрерывное падение ее вследствие избытка рабочих рук: пример ткачей. Низкая заработная плата женщин и детей	361
IV.	Материальные условия существования рабочих: их расходы.—Повышение цен вследствие войны; скудость продовольственных припасов между 1795 и 1802 гг.—Пища крестьян и рабочих.—Жилища: бедные кварталы промышленных городов.—Хронический дефицит рабочих бюджетов	368
V.	Общественное призрение.—Законодательство о бедных Елизаветы; чередование мягкого и сурового применения его. Влияние филантропических идей в конце XVIII века.—Закон об оседлости и принудительном жительстве; злоупотребления, для которых он открывал простор. Его отмена (1795).—Выдача денежных пособий: акт Гильберга (1782).—Исключительные меры, мотивированные общим бедственным положением и страхом народного восстания: Спингамлендский акт (1795). Обеспечение минимального дохода при помощи приходских доплат.—Падение заработной платы и рост пауперизма, как следствия этой системы	374
<i>Глава четвертая.</i> —Государственное вмешательство и <i>laissez-faire</i>		381
I.	Социальный вопрос, поставленный разобщением капитала и труда.—Рабочие коалиции. Союзы рабочих текстильной промышленности в Глазго, в Ланкашире. Общая их деятельность. Общество ткачей бумажных изделий (1799). Союз рабочих шерстяной промышленности (1796).—Коалиции рабочих-нож вщиков в Шеффилде, писчебумажников в Кенте. Движение среди земледельческих рабочих.—Опасения имущих классов. Закон против коалиций 1799 г.—Героический период истории тред-юнионов; как они выживают, несмотря на гонение	382
II.	Призыв ко вмешательству государства.—Рабочие требуют сохранения старого промышленного законодательства.—Правила об ученичестве; они устарели и фактически перестали применяться. Жалобы ситцепечатников по поводу числа учеников, ткачей—по поводу срока ученичества.—Хозяева требуют и добиваются отмены правил (1803—1814)	391
III.	Законодательное установление заработной платы.—Полномочия мировых судей согласно закону 1563 г.; особый порядок в некоторых отраслях промышленности.—Идея гарантируемого законом минимума заработной платы.—Отклонение билля Уитбрэда палатой общин (1796).—Третейское разбирательство споров в хлопчатобумажной промышленности (1800). Бурные протесты промышленников, которым удается парализовать действие закона. Торжество доктрины свободы действий (<i>laissez-faire</i>)	396
IV.	Гуманитарное движение.—Его происхождение лежит всецело вне экономического движения: сентиментальные и моральные влияния.—Промышленники-филантропы. Давид Дэль основывает деревню Нью-Ланарк (1784) его старания улучшить положение рабочих и учеников.—Роберт Оуэн реформирует и продолжает дело начатое Дэлем; его социализм имеет своим первоначальным источником хозяйскую филантропию	403

V. Первый акт фабричного законодательства.—Детский труд в прядильнях. Доклад д-ра Персиваля (1796).—Сэр Роберт Пиль добивается принятия парламентом закона 1802 г. о защите здоровья и нравственности фабричных учеников.—Предписания этого закона; их незначительное действие на практике.—Историческое значение их: закон 1802 г., рассматриваемый самим Пилем, крупным промышленником и приверженцем принципа *laissez-faire*; как мера исключительного характера и лишенная широкого значения, возвещает собою, однако, политику государственного вмешательства XIX века. 407

Библиография 416

Редактор *Т. Каневская*. Пом. редактора *С. Михаленко*.
Технический редактор *Л. Кошутина*. Корректоры:
А. Ильина, З. Имшенецкая

Сдано в набор 22/VII 1937 г. Подп. в печать 15/XI 1937 г.
Формат издания 60×92/16. Объем книги 28 печ. л.
36,71 учетно-авт. л. Заказ № 1171. Тираж 10 000 экз.
Уполномоченный Главлита Б-30 317. Серия монографии.
Огиз № 1965. Цена книги без переплета 7 р. 35 к.
Цена переплета 1 р. 25 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпруд-
ный пер., д. 9.